РОМАНОВЫ

ДИНАСТИЯ В РОМАНАХ

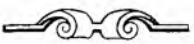
НИКОЛАЙ II

НИКОЛАЙ I

1868–1918

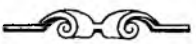
И.Сургучев

ДЕТСТВО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II



Д. Вонляр-Лярский

ГРЕХ У ДВЕРИ (Петербург)



П. Жданов

НИКОЛАЙ РОМАНОВ - ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ

Москва
АРМАДА
1995

ББК 84 (2Рос=Рус)1
Н 63

Составитель
И. В. Новиков

Редакция и комментарии
В. В. Васильева

Оформление серии
В. И. Харламова

Н $\frac{4702010101\text{-}47}{9С3(03)\text{-}95}$ **Без объявл.**

ISBN 5-7632-0020-9

© Состав, художественное оформление, комментарии, АРМАДА, 1995

НИКОЛАЙ II — ныне благополучно царствующий император и самодержец всероссийский, старший сын императора Александра III и государыни императрицы Марии Федоровны, родился 6 мая 1868 г. в Царском Селе.

Воспитание и образование его величества велось под личным руководством его августейших родителей, а в 1877 г. ближайшее заведование учебными его занятиями было поручено ген.-адъютанту Г. Г. Даниловичу. Учебные занятия были распределены на двенадцать лет, причем первые восемь лет были посвящены предметам гимназического курса, с заменой классических языков элементарными основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии; кроме того, прибавлено преподавание английского языка и расширено, по сравнению с гимназическим курсом, изучение политической истории, русской литературы, французского и немецкого языков.

Последние четыре года в общем плане учебных занятий наследника цесаревича были предназначены для курса высших наук, но сложность программы привела к необходимости продолжения занятий еще на один год.

Курс высших наук направлен был к достижению двух целей: изучению с достаточною подробностью военного дела и основательному ознакомлению с главнейшими началами юридических и экономических наук, необходимыми для государственного деятеля.

Преподавателями наследника цесаревича по второму отделу высшего курса были: И. Л. Янышев (по каноническому праву в связи с историей церкви, главнейшим отделам богословия и истории религий), Н. Х. Бунге (по статистике, политической экономии и финансовому праву), К. П. Победоносцев (по энциклопедии законоведения, государственному, гражданскому и уголовному праву), М. Н. Капустин (по международному праву), Е. Е. Замысловский (по политической истории); сверх того Н. Н. Бекетов преподавал химию. Преподавателями по

отделу военных наук состояли: Н. Н. Обручев (по военной статистике), М. И. Драгомиров (по боевой подготовке войск), Г. А. Леер (по стратегии и военной истории), Н. А. Демьяненко (по артиллерии), П. Л. Лобко (по военной администрации), О. Э. Штубендорф (по геодезии и топографии), Н. К. Гудима-Левкович (по тактике), Ц. А. Кюи (по фортификации), А. К. Пузыревский (по истории военного искусства).

Для усвоения строевой службы и ознакомления с войсковым бытом наследник цесаревич провел два лагерных сбора в рядах лейб-гвардии Преображенского полка, исполняя обязанности сперва субалтерн-офицера, а потом ротного командира, после чего два летних сезона посвятил кавалерийской службе в рядах лейб-гвардейского гусарского его величества полка в качестве взводного офицера и эскадронного командира; наконец, один лагерный сбор состоял в рядах артиллерии и до самого восшествия на престол командовал, в чине полковника, первым батальоном лейб-гвардейского Преображенского полка.

Для практического ознакомления с вопросами гражданского управления наследник цесаревич с 6 мая 1889 г. участвовал в занятиях Государственного совета и комитета министров. Наконец, в план образовательной программы входило и ознакомление на месте с различными областями России, для чего наследник цесаревич сопровождал своего августейшего родителя в многочисленных поездках его по России.

В октябре 1890 г. наследник цесаревич предпринял путешествие на Дальний Восток, направившись через Вену, Триест, Грецию и Египет в Индию, Китай и Японию и практически ознакомившись на пути с трудностями военно-морского дела. В Китае августейший путешественник совершил экскурсию по реке Янь-Цзы до Хань-Коу, где сосредоточены русские чайные фактории. В Японии наследник цесаревич посетил г. Отсу, где 23 апреля 1891 г. некий фанатик Санзо Цуда, находившийся в числе полицейских, совершил покушение на жизнь его высочества, нанеся ему удар саблей в голову; злоумышленник собирался повторить удар, но был сбит с ног греческим королевичем Георгом. К счастью, рана оказалась неопасною.

Обратный путь наследник цесаревич совершил сухим путем, прорезав всю Сибирь и положив начало осуществлению великого предприятия, долженствующего органически связать ее с европейской частью империи. Во Владивостоке его высочество присутствовал при открытии работ Сибирской железной дороги и собственноручно свез на полотно ее тачку земли. При его высочестве состоялись во Владивостоке закладка дока и памятника адмиралу Невельскому, а в Хабаровске — открытие памятника Муравьеву-Амурскому.

Посещение Сибири наследником цесаревичем император Александр III ознаменовал изданием именного указа от 17 апреля 1891 г., смягчившего и сократившего наказания, отбываемые в Сибири.

В начале августа того же года наследник цесаревич благополучно закончил свое путешествие, продолжавшееся более 9 месяцев (с 23 октября 1890 г. по 4 августа 1891 г.), на протяжении почти 35 000 верст. В конце того же года наследник цесаревич призван был к председательствованию в особом комитете по доставлению помощи населению губерний, пострадавших от неурожая; комитет этот действовал до 5 марта 1893 г., собрав пожертвования свыше 13 миллионов рублей. В 1892 г. наследник цесаревич назначен был председателем комитета Сибирской железной дороги, председательство в котором оставил за собою и по восшествии своем на престол.

В апреле 1894 г. наследник цесаревич был помолвлен с принцессою Алисою Гессенскою (род. 25 мая 1872 г.), дочерью великого герцога Гессенского, внучкою английской королевы Виктории и сестрою ныне царствующего великого герцога Гессен-Дармштадтского, Эрнеста-Людвига. Высоконареченная невеста, принявшая, по присоединении к православной церкви (21 октября 1894 г.), имя Александры Федоровны, прибыла в Россию за полторы недели до кончины императора Александра III (ум. 20 октября 1894 г.). Манифест о восшествии на престол государя императора Николая Александровича (20 октября 1894 г.), выражая беспредельность сыновней его скорби о невознаградимой утрате, вместе с тем возвестил, что отныне он, проникшись заветами усопшего родителя своего, приемлет «священный обет пред Лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устроение счастья всех Его верноподданных».

Соответствующая циркулярная нота разослана была представителям России при иностранных дворах 28 октября 1894 г. В ноте этой было заявлено, что его величество, одушевленный «твердою решимостью всецело принять на Себя высокую задачу, которую предначертал Себе незабвенный возлюбленный Его Родитель Император Александр III, посвятить все Свои заботы развитию внутреннего благосостояния России и ни в чем не уклониться от вполне миролюбивой, твердой и прямодушной политики, столь мощно содействовавшей всеобщему успокоению, причем Россия будет по-прежнему усматривать в уважении права и законного порядка наилучший залог безопасности государств».

Разрешив открыть по всей России подписку на сооружение памятника императору Александру III в Москве, государь император указом от 13 апреля 1895 г. учредил в Санкт-Петербурге «Русский музей императора Александра III», в котором предполагается сосредоточить

выдающиеся произведения русской живописи и ваяния и этнографические и исторические коллекции; между последними видное место будет отведено всему касающемуся жизни и трудов в Бозе почившего государя, которому принадлежит и идея национального музея. Указом 25 февраля 1896 г. установлена «в память незабвенного Царя-Миротворца» серебряная медаль, для ношения на груди, на Александровской ленте, священнослужителями и классными чинами всех ведомств, состоявшими на действительной службе в минувшее царствование.

14 ноября 1894 г. состоялось бракосочетание государя императора с великою княжною Александрою Федоровною, ознаменованное милостивым манифестом. 17 января 1895 г. состоялся высочайший прием депутаций от дворянства, земств, городов и казачьих войск, прибывших в Санкт-Петербург для принесения поздравлений по случаю бракосочетания их величеств. Выразив уверенность в искренности верноподданнических чувств, заявляемых представителями всех сословий, государь император обратился к ним со следующими словами: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что Я, посвящая все Свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный Родитель».

14 мая 1896 г. состоялось священное коронование государя императора и государыни императрицы Александры Федоровны. Этот высокоторжественный день ознаменован всемилостивейшим манифестом и многими другими милостями, особенно военному ведомству, в видах воспособления которому повелено было, между прочим, отпускать ежегодно 120 000 рублей эмеритальной кассе военно-сухопутного ведомства, впредь до утверждения нового ее устава; 3 миллиона рублей было даровано на улучшение приварочного довольствия нижних чинов.

Оба милостивых манифеста государя императора Николая Александровича, сверх обычных в подобного рода актах облегчения податных недоимок и смягчения наказаний за преступления, даровали еще особые льготы, вызванные «современным неблагоприятным положением земледелия, дающего средства к существованию большей части населения Империи». Манифестом 14 ноября 1894 г. понижены проценты для заемщиков крестьянского банка до четырех с половиной процентов, а для заемщиков дворянского банка — до четырех процентов; сверх того, заемщикам особого отдела дворянского банка дарованы льготы, которые потребуют восполнения из государственных средств в размере 848 000 рублей в год в течение 48 лет или единовременно — 18 с половиной миллионов, а в пользу крестьянского

банка повелено отчислять ежегодно некоторую часть поступающих с крестьян выкупных платежей, пока собственный капитал банка не достигнет 50 миллионов рублей. Милостивым манифестом 14 мая уменьшен наполовину, в течение 10 лет, начиная с 1896 г., государственный поземельный налог (и аналогичные сборы в губерниях Царства Польского), что составит за все это время более 85 миллионов рублей. К коронационным торжествам государь император повелел призвать в Москву сословных и других представителей Российской империи. К собранным в Москве волостным старшинам государь император изволил обратиться со следующими словами: «...Заботы о благе вашем так же близки Моему сердцу, как они были близки Деду Моему и незабвенному дорогому Родителю. Помните слова, сказанные Им здесь волостным старшинам при венчании Его на царство[1]. Я хочу, чтобы эти слова всегда служили Вам твердым руководством...» Вслед за тем государь император изволил сказать, обращаясь к представителям дворянства: «...Не сомневаюсь в том, что дворянство всегда будет, как оно и было, опорою Престола, и искренно ценю полезное и бескорыстное участие дворянства в местных делах. Мне известно трудное время, переживаемое поместным дворянством. Будьте спокойны. Я не забуду его нужд в Моих заботах о преуспеянии Нашего дорогого отечества».

Вскоре после коронации их величества, посетив всероссийскую художественную промышленную выставку в Нижнем Новгороде, предприняли (август 1896 г.) поездку по Европе. После посещения австрийской императорской четы в Вене и возвращения на короткое время в Россию, для присутсвования при освящении в Киеве собора Св. Владимира, произошло свидание с германским императором в Бреславле, которое носило преимущественно военный характер. Англию государь и государыня посетили как частные лица, прогостив некоторое время у родственницы своей, королевы Виктории, в ее шотландском уединении. Затем последовало пребывание во Франции (так называемая «русская неделя», с 5 по 10 октября нового стиля). Единственное крупное республиканское государство Европы, прежде одинокое среди монархических великих держав, впервые принимало у себя могущественного венценосца. Посещение государем и государынею Франции, обращенное в одинаковой степени к ее флоту (в Шербурге), к ее армии (в Шалоне) и ко всей нации (в Париже и Версале), закрепило узы франко-русской дружбы и обеспечило за Францией

[1] Император Александр III сказал волостным старшинам: «...следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобном. Эти слухи распускаются Нашими врагами. Всякая собственность, точно так же, как и ваша, должна быть неприкосновенна».

равноправность с главнейшими монархическими державами в Европе, без ущерба для ее учреждений.

Первые два с половиной года царствования государя императора Николая Александровича ознаменовались в области иностранной политики событиями первостепенной важности. Разгром Японией Китая и предварительные условия мира, которые вынужден был принять Китай в апреле 1895 г., грозили утверждением Японии на материке Азии и приобретением ею преобладающего положения относительно Кореи и Китая, что нарушило бы интересы других держав, имеющих политические и торговые связи с Китаем.

Чтобы предупредить эти нежелательные последствия и обеспечить мир на восточной окраине Азии, Россия, поддержанная Германией и Францией, побудила Японию отказаться от присоединения к своим владениям полуострова Лао-Тонга, приняв на себя вместе с тем устройство и гарантию китайского займа в 16 млн. фунтов стерлингов, заключенного для уплаты Японии военной контрибуции. Упрочившееся благодаря этому влияние России в Китае содействовало тому, что китайское правительство 27 августа 1896 г. предоставило вновь учрежденному русско-китайскому банку концессию на постройку и эксплуатацию Китайской Восточной железной дороги, которая, пересекая Маньчжурию, должна связать по кратчайшему направлению Забайкальскую дорогу с Южно-Уссурийскою и, включенная в Сибирскую магистраль, сократить длину последней на 514 верст. Китайская Восточная железная дорога, состоя в главном ведении нашего министерства финансов, гарантирована русским правительством.

Не пострадали и отношения России к Японии. В видах лучшего упрочения последних Россией в 1896 г. заключена с Японией конвенция, определяющая права обеих сторон в Корее. С Японией 27 мая 1895 г. заключен также договор о торговле и мореплавании, вступающий, впрочем, в силу не ранее как через четыре года со дня его подписания.

В 1895 г. впервые прибыло в Россию посольство из Абиссинии, а вслед за тем наш Красный Крест снарядил туда экспедицию для оказания помощи пострадавшим в войне с итальянцами. В 1896 г. возобновились дружественные отношения России к болгарам: принц Фердинанд, по поводу своего решения присоединить своего наследника, двухлетнего принца Бориса, к православной церкви, обратился к государю императору с письмом, на которое получил благосклонный ответ. Официальные дипломатические сношения России с Болгарией восстановлены; принц Фердинанд утвержден великими державами в звании болгарского князя и генерал-губернатора Восточной Румелии. Наконец, в восточном вопросе, обострившемся за последние два-три года вследствие избиений армян, восстания на Крите и высадки на

острове греческих войск, объявивших о присоединении его к Греции, Россия играет выдающуюся роль, положив в основу своей политики принцип целости Оттоманской империи.

Разразившаяся в Индии в конце 1896 г. эпидемия чумы побудила наше правительство своевременно принять на азиатской границе обширные предохранительные меры против заноса заразы. Для общего руководительства этим делом образована, в феврале 1897 г., под председательством принца Александра Петровича Ольденбургского специальная комиссия, снабженная широкими полномочиями.

В области внутренней политики первые годы царствования государя императора Николая Александровича также ознаменованы несколькими важными мероприятиями. Долго стоявший на очереди вопрос о всеобщей народной переписи был наконец разрешен законом 5 июня 1895 г., а сама перепись произведена 28 января 1897 г. Министерство финансов приступило к осуществлению выработанного еще в 1887 г. проекта денежной реформы, направленного к восстановлению металлического обращения. В этих видах законами 8 мая и 6 ноября 1895 г. дозволено было заключение сделок на золото и допущен взнос золотой монеты во все правительственные кассы, причем установлен курс этой монеты в соотношении: 1 рубль золотом равняется 1 рублю 50 копейкам кредита.

В 1896 г. заключен 3-процентный внешний заем на 100 миллионов рублей нарицательных, выручка которого, увеличенная из свободной наличности государственного казначейства до 100 миллионов рублей действительных, предназначена на погашение части беспроцентного долга государственного казначейства государственному банку по выпуску кредитных билетов. В силу закона 3 января 1897 г. золотая монета будет чеканиться впредь тех же веса и пробы, как и до сих пор, но будет иметь надпись «15 рублей» (вместо 10 рублей) на империалах и «7 рублей 50 копеек» (вместо 5 рублей на полуимпериалах), для обмена их на кредитные рубль за рубль. Для завершения денежной реформы остается лишь ввести обязательный размен кредитных билетов на золотую монету.

Законом 15 мая 1895 г. размер казенной пошлины с застрахования имуществ понижен на одну треть, а пошлины со страхований капиталов и доходов отменены совершенно, что облегчило плательщиков более чем на 2 миллиона рублей в год. Весьма значительно понижены пошлины новым пробирным уставом 11 марта 1896 года, существенно изменившим организацию пробирного дела в России, и новым уставом о привилегиях на изобретения, видоизменившим прежние условия эксплуатации изобретений к выгоде самих изобретателей и развития промышленной техники.

По закону 1 июня 1895 г. земские учреждения 34 земских губерний и земские сборы 14 губерний, в которых не введены земские учреждения, освобождены от возмещения казне расходов на содержание мировых, административно-судебных и по крестьянским делам учреждений и губернских статистических комитетов, с обращением освободившихся сумм (в общем — более 8,3 миллиона рублей в год) на образование особого по каждой губернии специального капитала, расходуемого на улучшение дорожной части.

Законом 13 мая 1896 г. установлены значительные облегчения по взиманию с крестьян выкупных платежей, которые могут быть пересрочены на новые сроки — с понижением текущего процента до 4 вместо 5 и 4,17 процента, а частью даже отсрочены без начисления. Новым уставом крестьянского банка, высочайше утвержденным 27 ноября 1895 г., расширяется и территория действий банка, и круг лиц, могущих пользоваться его услугами (кроме крестьян сюда отнесены и мещане, постоянно проживающие в селениях и занимающиеся земледелием), и круг операций, им совершаемых (кроме ссуд на покупку земель банку предоставлено выдавать ссуды и под залог земли, уже приобретенной крестьянами, для погашения лежащих на ней долгов, а равно покупать земли за собственный счет, для перепродажи их крестьянам).

Мерою, благоприятною для крестьянского землепользования, является и закон 16 июня 1895 г., распространяющий на товарищества из местных крестьян льготы по арендованию казенных земель, установленные в 1884 г. для сельских обществ. Закон 23 мая 1896 г. о поземельном устройстве сельского населения Сибири, распространяющийся пока лишь на губернии Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую, должен привести к установлению границ существующего в Сибири крестьянского землепользования и этим самым способствовать выяснению участков, могущих быть отведенными для переселенцев.

В видах урегулирования переселенческого движения образовано, 2 декабря 1896 г., в составе министерства внутренних дел особое временное переселенческое управление. Закон 10 апреля 1895 г. отменил пошлины с безмездного перехода сельской земельной собственности от одного супруга к другому и к родственникам по прямой линии и установил льготное для некоторых случаев исчисление крепостных пошлин; уменьшение вследствие этого закона ежегодного дохода казны определяется приблизительно в 3 миллиона рублей в год.

Стремление помочь землевладельцам выразилось во временных правилах 6 мая 1896 г., которыми сделан у нас первый опыт организации мелиорационного кредита. К ограждению интересов рабочих направлены закон 20 февраля 1895 г. о найме на золотые и плати-

новые промыслы и закон 6 мая 1896 г., распространяющий еще на 8 губерний действие положений фабричного законодательства. Указом 17 июля 1896 г. отменен 1/4 процент судоходный сбор с ценности грузов и товаров, отправляемых по водным путям; взимание этого сбора, доставлявшего казне около 800 тысяч рублей в год, стесняло свободное развитие товарного движения по внутренним водным сообщениям.

Важными актами экономического законодательства являются также: дальнейшее и притом весьма широкое распространение казенной винной монополии, в связи с чем отменено в 1896 г. пропинационное право в юго-западных губерниях и Царства Польского; правительственная нормировка свеклосахарного производства, в силу закона 20 ноября 1895 г.; возложение с 1 января 1897 г. на казначейства тех городов, где нет учреждений государственного банка, производства простейших банковских операций; положение 1 июня 1895 г. об учреждениях мелкого кредита, расширившее круг их деятельности и вызвавшее издание в 1896 г. образцовых уставов ссудо-сберегательных и кредитных товариществ; ряд мероприятий по образованию профессиональному (положение о коммерческих училищах 15 апреля 1896 г., учреждение инженерного училища министерства путей сообщения в Москве, технологического института в Томске и ряда низших технических и ремесленных школ). В области образования выдаются также учреждение в 1895 г. женского медицинского института в Санкт-Петербурге и ассигнование свыше 3 миллионов рублей в год на церковно-приходские школы и школы грамоты.

В сфере общего законодательства обращает на себя внимание состоявшееся по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел высочайшее повеление от 7 декабря 1895 г., которым полномочия, предоставляемые администрации положением об усиленной охране, распространены и на лиц порочного поведения, опасных для общественного спокойствия.

В области судебной крупными мероприятиями являются: присоединение в декабре 1895 г. тюремного ведомства к составу министерства юстиции; закон 29 января 1896 г. об учреждении окружного суда для Архангельской губернии, до тех пор имевшей лишь мировые судебные установления; закон 13 мая 1896 г. о введении судебных уставов в Сибири. В 1896 г. высочайше утвержденным мнением Государственного совета поставлен на очередь вопрос о распространении положения о земских учреждениях на неземские губернии. Близятся к концу: издание нового уголовного уложения, пересмотр положения о крестьянах, пересмотр судебных уставов императора Александра II. Недоведение до конца последней работы не останавливает разработки вопроса о расширении района деятельности суда присяжных, для чего

в 1896—1897 гг. учреждены местные комиссии в губерниях Астраханской, Олонецкой и Оренбургской; введение суда присяжных в западных губерниях Сибири признано также только вопросом времени.

Одним из первых актов государя императора Николая Александровича был именной указ от 13 января 1895 г., которым повелено ежегодно отпускать из государственного казначейства 50 000 рублей для оказания помощи нуждающимся ученым, писателям и публицистам, а равно их вдовам и сиротам. Заведование этим делом возложено на постоянную комиссию при Академии наук. Пробел в системе нашей общественной благотворительности восполнен высочайше утвержденным 1 сентября 1895 г. положением о попечительстве над домами трудолюбия и работными домами, поставленном под августейшее покровительство государыни императрицы Александры Федоровны.

Энциклопедический словарь.
Изд. Брокгауза и Ефрона,
т. 21. СПб., 1897.

И.Сургучев

ДЕТСТВО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

ПОВЕСТЬ

A tous les coeurs bien nes que la patrie est chere!
Voltaire «Tancrede», acte III[1].

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Дело обстояло так: в 1939 году я проводил лето в Жуан-ле-Пэн. Лето было необыкновенно веселое и шумное. Пир жизни шел горой. И однажды, как мане-факел-перес, прозвучал из радио хриплый голос Даладье: «Вив ля Франс». Франция объявила войну Германии. И в течение двух суток вся Французская Ривьера опустела: веселый народ устремился под родные крыши. «Замолкли серенады, и ставни заперты». Осталась одна природа — и тут я понял, до чего она, со своей красой вечной, равнодушна ко всему человеческому. Синее море плещется тихо, небо сияет безоблачным шелком — и тишина, тишина... Сосновый дух пинеды стал как будто сильнее, в воде как будто прибавилось соли и в солнце стало меньше жестокости. Я с наслаждением прогуливался по набережной и вдруг однажды слышу жалобный кошачий крик. И вижу: на ступеньках заколоченной виллы сидят кошка с котенком и плачут от голода. Я пошел в мясную, купил нарезанный мелко бифштекс и бросил голодающим. Тотчас же из-за кустов выскочил еще один котенок, и начался суп-попюлэр. И после этого я начал приносить им еду каждый день. Они знали час и ждали. Однажды ко мне подошла какая-то пожилая женщина, явно английского типа, и утвердительно сказала:

[1] Всем сердцам, которым дорога родина! *(Вольтер «Танкред», акт III).*

— Вы — русский.

— Почему вы думаете, мадам? — спросил я.

— Потому что только англичане и русские кормят несчастных зверьков.

Начался обычный разговор только что познакомившихся людей, и вдруг она спросила:

— А вы знаете полковника Олленгрэна?

Я ответил, что не имею удовольствия.

— А он ваш соотечественник: не желаете ли познакомиться?

— Очень охотно, мадам.

И на другой день она пришла с высоким, сухим, первоклассной офицерской выправки, улыбающимся стариком.

Присели на заборчик, закурили, и начался учтивый петербургский салонный разговор — из тех разговоров, которые включают в себя все знаки препинания, кроме восклицательного.

И, прощаясь, Олленгрэн вдруг сказал, вздохнув:

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны,
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы...

И по берегу Средиземного латинского моря вдруг пронеслась великая северная тень, сих пор неравнодушная к «человеческому».

Коты приносят удачу: началось интересное знакомство, и в результате — вот эта книга.

Спустя долгое время я понял, почему Олленгрэн вдруг, и так выразительно, процитировал Пушкина: это был музыкальный ключ к человеку.

И. С.

ДОМИК В КОЛОМНЕ

(По устному рассказу полковника В. К. Олленгрэна)[1]

Отец мой, капитан Константин Петрович, умер от скоротечной чахотки в 1872 году, оставив после себя молодую вдову с четырьмя детьми, сто рублей годовой пенсии

[1] Комендант города Севастополя в 1902—1916 гг.; бакинский градоначальник в 1916—1917 гг. *(Прим. автора.)*

собственный маленький домик в Коломне, по Псковской улице, № 28. Матери моей, Александре Петровне, было в то время около тридцати восьми лет, старшему брату Петру — двенадцать и мне, «Вениаминчику» — около пяти.

Не имея в день на пять душ даже полных тридцати копеек, мы начали влачить существование в полном смысле голодное и холодное, хотя и в «собственном» доме. Мать по утрам куда-то и с какими-то узелками бегала — не то в ломбард, не то на толкучку, и тем «люди были живы».

Я лично, по молодости лет, тягот жизненных не ощущал и в полной свободе, предоставленной нам обстоятельствами и далекой, совершенно в те времена провинциальной и патриархальной Коломной, наслаждался улицей, возней в пыли или снегу, боями, закадычной дружбой с соседскими мальчуганами, голубятней и бесконечной беготней взапуски. К семи годам из меня выработался тот тип уличного мальчишки, которых в Париже зовут «гамэн».

Когда узелки материнские кончились, надо было что-то предпринимать. Начальницей Коломенской женской гимназии была в ту пору Н. А. Нейдгардт, подруга матери по Екатерининскому институту, который, кстати сказать, мать окончила «с шифром».

Госпожа Нейдгардт приняла свою бывшую товарку ласково, вошла в ее положение и предоставила ей должность классной дамы в четвертом классе вверенной ей гимназии, с жалованьем в тридцать рублей в месяц. Вместе с восемью рублями пенсии уже можно было не только существовать, но и нанять прислугу.

Взяли какую-то Аннушку, тихую, монашеского склада девицу, с которой мать прожила почти до конца своей жизни. Аннушка была не только кухаркой за повара, как печатали в газетных объявлениях, но и полноправным членом семьи. Под конец своей жизни она ушла в иоаннитки. Вспоминаю ее с благодарностью. Она давала нам полную волю, и мы, детвора, а в особенности я, когда мать уходила в гимназию, целыми днями «гойкали» по Коломне.

Бабки, свинчатки, лапта, чужие сады и огороды — все манило и радовало нас. К концу 1875 года мне уже было около восьми,— помню себя с длинными льняными волосами: мои родоначальники были шведы. И хотя Швеция — страна северная, славящаяся спокойным, чинным и пат-

риархальным характером своих граждан, но во мне, благодаря, вероятно, смешению кровей, было много совершенно не северного петушиного задора. И в то интересное время, о котором я собираюсь рассказать, моей главной заботой было — добиться звания «первого силача» на Псковской улице. Звание же это, как известно в мальчишеских кругах всего земного шара, вырабатывается в неустанных боях и подвигах, близких к воинским. И потому синяки и фонари были, к ужасу моей матери, постоянными знаками моих отличий. Одно время мне даже казалось, что у меня сломано то знаменитое ребро, которое у мальчишек считается девятым: от женской половины нашего дома я это, разумеется, скрывал, но перед братьями по-старосолдатски охал, врал, что дух не проходит через горло, кряхтел, и для исцеления они натирали меня бобковой мазью: первое, что было отыскано в чулане. От синяков мы лечились кубебой, запасы которой охранялись, как золотые слитки.

Так шло до несчастной (с нашей детской точки зрения) весны 1875 года.

В один из каких-то северно-прекрасных майских дней выпускаемые классы женских гимназий ведомства императрицы Марии должны были представляться в Зимнем дворце своей покровительнице и попечительнице императрице Марии Александровне. В Коломенской гимназии оказался выпускным как раз тот класс, который «вела» моя мать. Вместе с начальницей на приеме в Зимнем дворце должна была присутствовать и «ведущая» классная дама.

Как сейчас помню мою мать в то майское торжественное утро, в каком-то необычайном и совершенно мне неизвестном синем платье (было «для случая» позаимствовано у г-жи Нейдгардт), с завитыми волосами, с институтским шифром на плече,— мать казалась мне красавицей нездешних стран. Она очень волновалась и все натягивала перчатки, чтобы на пальцах не было пустых концов. Уходя из дому, долго молилась, чтобы Бог пронес страшный смотр. Мы знали, что мать поехала в какой-то странный зимний дворец (почему зимний, когда снега нет), в котором какая-то страшная государыня будет смотреть на мать, а мать будет трепетать, как птичка... И поэтому, когда Аннушка

понеслась в церковь ставить свечу, мы увязались за ней и долго стучали лбами о каменный пол...

Незадолго до возвращения матери наш дом наполнился ее сослуживцами по гимназии, и не успела мать вернуться, как ее со всех сторон засыпали вопросами:

— Что? Как? Была ли милостива государыня? И какое платье было на государыне? И что она сказала? И как горели ее бриллианты? И целовала ли мать ее ручку? И правда ли, что говорят, будто у нее желтый цвет лица и круги под глазами?

Мать, не успевшая снять платье, рассказывала, сияла от счастья... Из кухни пахло пирогом с мясом и куропатками, накрыли длинной скатертью два стола, все сели за стол и пили белое елисеевское вино, вспрыскивая первый материнский «выпуск».

— Вдруг около меня появилась какая-то маленькая дамочка, очень хорошенькая, с сияющими, как звезды, глазами. Ну прямо звезды! Смотрит на меня, на мой шифр и спрашивает по-русски, с акцентом. «Какой это у вас шифр?» Я сказала, что екатерининский. «А как фамилия?» Отвечаю: «Олленгрэн».— «Но это ведь шведская фамилия?» — «Да, мой муж шведского происхождения». Вынула записную книжечку и золотым карандашиком что-то отметила. И потом только, от других, узнала, что это — великая княгиня, наследница цесаревна, Мария Феодоровна! Но какая хорошенькая! И какая простенькая! Прямо влюбилась в нее с первого взгляда!

Выпили за здоровье наследницы.

Пирог быстро съели, вино до последней капли выпили, потом все разошлись, и мать часа полтора утюжила синее платье и потом, вместе с Аннушкой, понесла его к Нейдгардтихе, как говорила Аннушка.

Мы слизали со всех блюдец последний сок от мороженого и, счастливые, пахнущие густым молоком, начали лето и оглянуться не успели, как зима прикатила в глаза.

И снова — учебный год! И снова, с раннего утра, мамочка — в гимназии! И снова — свобода, но уже осенняя: со множеством соседских яблок, подсолнухов, рябины и медовых сот.

Однажды, после занятий, возвращается сама не своя, лица нет, и рассказывает Аннушке.

— Ничего понять не могу. Сегодня приезжает в гимназию принц Ольденбургский, вызывает меня в кабинет начальницы и производит допрос. Кто вы, что вы, откуда, почему... Так напугал, что со страху забыла свою девичью фамилию. И только потом вспомнила, говорю: «Оконишникова, дочь адмирала, Георгиевского кавалера»... И спрашиваю: «Зачем все это, ваше высочество?» Он разводит руками, записывает и говорит: «Ничего, дорогая, не знаю. Получил бумагу от Министерства двора, должен выполнить».

Принц Ольденбургский носил в то время чин, довольно неуклюже выражаемый: «Главноуправляющий женскими гимназиями ведомства императрицы Марии и Царскосельской».

Принц уехал, все мало-помалу успокоилось, и вдруг, спустя ровно полтора месяца, у крыльца нашего домика в Коломне останавливается придворная карета. Придворный лакей в пелерине с орлами слезает с козел и спрашивает Александру Петровну Олленгрэн.

Было воскресенье, мать оставалась дома.

— Это я Олленгрэн,— ответила она.

И важным тоном, каким говорят слуги в старинных мелодрамах, лакей сказал:

— Вам письмо. Из Аничкова дворца.

И подал большой глянцевитый твердый пакет.

— Ответ можете дать словесный,— добавил строго лакей, поджал губы и, сделав бесстрастное лицо, стал осматривать потолок.

Мать не знала, что ей делать с конвертом: разорвать? Страшно: стоит штемпель: «Аничков дворец». Почтительно разрезать? Нет поблизости ни ножниц, ни ножа... А нужно спешить: лакей — с орлами, его не вот-то задерживать можно... Вскрыла шпилькой.

На твердой, слоновой бумаге какая-то неизвестная дама, по имени М. П. Флотова, писала матери, чтобы она немедленно в присланной карете приехала по очень важному делу в Аничков дворец. Если не может приехать сегодня, то за ней будет прислана карета в будущее воскресенье, ровно в двенадцать с половиной часов дня.

У матери затряслись руки, губы, и она еле могла выговорить:

— Буду в следующее воскресенье, в двенадцать с половиной часов дня.

Лакей почтительно выслушал, был секунд пять в каком-то ожидании, потом крякнул и ответил:

— Слушаюсь.

Поклонился, вышел и, с замечательной легкостью вскочив на козлы, актерским уверенным жестом поправил завернувшуюся пелерину с орлами. Лошади тронули, и пустая блестящая карета, такой никогда не видывали в Коломне, покачиваясь на длинных рессорах, блистая железными, до серебра натертыми шинами, двинулась в обратный молчаливый путь. Мы проводили ее теми глазами, какие бывают на картинах у людей, созерцающих крылатую фортуну, катящую на одном колесе...

Переполох в Коломне был невероятный. Шли разговоры о тюрьме, о наследстве и почему-то о севастопольской войне.

Почему мать не поехала во дворец сразу? Потому что не было приличного платья.

Прижав к груди таинственное дворцовое письмо, она понеслась к своему доброму гению, к начальнице Коломенской гимназии, Н. А. Нейдгардт. Та проявила желание пойти на самые щедрые жертвы и сказала, что весь ее гардероб к услугам матери. Было выбрано добротное, строгое и достойное платье, была вызвана портниха, которая что-то ушила, что-то пришила, где-то сделала новые стежки, присадила пуговицы, проутюжила через полотенце... Мать лишилась сна, аппетита, плакала по ночам и каждую ночь во сне видела длинные волосы.

И в следующее воскресенье, ровно в двенадцать часов, та же карета остановилась у нашего подъезда и тот же лакей с орлами вошел в дом и почтительно доложил матери:

— Экипаж ждет-с.

И мать, делая торопливые кресты, поехала, бледная как смерть.

ИЗ 1001 НОЧИ

В бытность и службу мою в Петербурге мне часто приходилось бывать в балете, и при разъезде из театра я очень любил наблюдать, особенно у молодежи, ту восторженную лучистость глаз, которая всегда бывает после таких

волшебных вещей, как «Лебединое озеро», «Жизель», или после опер «Кармен», «Демон». В провинции это бывало после пьес чеховских. Вот с таким восторженным взглядом вернулась домой моя мать после первого посещения Аничкова дворца.

Ее привезли обратно в той же придворной карете, в какой она уехала. Тот же гордый и величественный лакей почтительно отворил ей дверцу и почтительно же поддержал ее за локоть. И теперь уже мать не растерялась и успела что-то сунуть ему в руку. Ощутив шелест бумаги, величие склонилось перед скромностью, и мы, дети, корректно наблюдавшие эту сцену со стороны, поняли, что не нужно бежать и тормошить мать, а нужно выждать, пока она не взойдет на крыльцо и не войдет в дом,— и вообще нужно держать себя скромнехонько, пока волшебный и таинственный экипаж не скроется из глаз.

Когда мы проникли в дом, то увидели следующую картину: мать в своем великолепном, с чужого плеча, платье сидела на стуле и как-то беззвучно повторяла:

— Сказка, сказка, Аннушка, скажи, ради Бога, сплю я или нет?

— Да не спите, барыня, а в полном параде. Сейчас пирожок кушать будем.

Увидев нас, мать беззвучно заплакала и сказала:

— Услышал Бог. Услышал Бог папочкину молитву. Хороший человек был ваш папочка. Бог правду видит, да не скоро скажет.

Потом все в том же великолепном платье, которое у меня и до сих пор не выходит из головы, она стала перед образами на колени, собрала нас вокруг себя справа и слева, обвила всех руками, как цыплят, особенно тесно прижала к себе меня, самого малого, и все читала молитвы, совсем не похожие на те, что я знал. Слезы ручьем текли из ее глаз, хотелось их вытереть, и не было платочка, и первый раз в жизни я пожалел о том, какой я грязный и непослушный мальчишка: всегда вытираю нос рукавом, а платочки, которые подсовывает Аннушка, презрительно забрасываю в чулан: в карманах места мало, и когда вынимаешь платок, то вместе с ним вываливаются свинчатки, если засунешь в карман живого воробья, воробью не хва-

нет от платка воздуха и он начинает икать,— и вообще я всегда был против лишних вещей в хозяйстве.

Что же случилось?

Мать на этот счет хранила упорное молчанье.

И вот вечером к нам собрались гости: пришла сама Нейдгардтиха (не потребовавшая на этот раз немедленного возвращения платья), пришли еще какие-то кислые и худые женщины с лорнетами (классные дамы, товарки матери по службе), пришел кладбищенский протопоп, специалист по панихидам, пришел сам господин Александров, наш сосед, владелец каретного заведения и несметный богач (появление придворной кареты его лишило сна). Все это расселось, торжественное, чинное и отменно благородное, вокруг чайного стола (за добавочной посудой опять бегали к Нейдгардтихе), и тайная приветливо-улыбающаяся зависть была разлита в глубине всех глаз, как в последней картине «Ревизора».

Оказалось, что мать привезли в Аничков дворец, привели в какой-то вестибюль, в котором было четыре двери, и потом бравый солдат поднял ее на лифте в четвертый этаж. Лифт поднимался на веревке, и эту веревку, с почтительно-равнодушным лицом, тянул солдат. На площадке четвертого этажа стоял в ожидательной позе старый лакей в белых чулках и с золотым аксельбантом: это был лакей М. П. Флотовой, по фамилии Березин. Березин почтительно поклонился матери и не сказал, а доложил, что ее «ждут-с ее превосходительство Марья Петровна Флотова». Мать помянула царя Давида и всю кротость его, а лакей правой ручкой приоткрыл половинку двери и, словно боясь прикоснуться к матери, пропустил ее впереди себя, провел по каким-то незначительным комнатам и наконец ввел в гостиную, казавшуюся небольшой от множества мебели, фотографий и цветов. И всюду ощущалось тяжеловатое амбре, как в восточных лавках, торгующих духами.

Не успела мать дух перевести, как, шурша бесчисленными юбками, с пышным тюрнюром позади (тюрнюры были только что присланы из Парижа и имели огромный успех), вошла немолодая, но как-то не по-русски свежая женщина, кожа у нее была цвета полированной слоновой кости.

— Вы госпожа Олленгрэн? Шведка? — спросила она приветливо и, сквозь особую, вырабатывающуюся у при-

дворных беззаботно-ласковую улыбку, внимательно и деловито, с немедленной записью в мозгу, осмотрела материнское лицо, задержавшись на глазах, и оттуда перешла на руки, к пальцам — точнее сказать, к ногтям.— Вас на весеннем приеме в Зимнем дворце заметила великая княгиня Мария Феодоровна, супруга наследника цесаревича. Она предлагает вам заняться воспитанием и первоначальным образованием двух своих сыновей, великих князей Николая и Георгия. Они еще неграмотны. Николаю — семь лет, Георгию — пять. Великая княжна Ксения вас не коснется. Ей три года, она с англичанкой.

Мать потом вспоминала: ее от этого предложения как обухом по голове ударило и в лицо «ветрами подуло».

— Как? — воскликнула она.— Мне заниматься воспитанием великих князей?

— Да,— подтвердила госпожа Флотова,— именно на вас пал выбор великой княгини-матери.

— Но я не подготовлена к такой великой задаче! — говорила мать.— У меня нет ни знаний, ни сил.

— К великой задаче подготовка начнется позже, лет с десяти,— спокойно возражала госпожа Флотова,— а пока что детей нужно выучить начальной русской грамоте, начальным молитвам. Они уже знают «Богородицу» и «Отче наш», хотя в «Отче» еще путаются. Одним словом, нужна начальная учительница и воспитательница, и, повторяю, высокий выбор пал на вас. Все справки о вас наведены, референции получены блестящие, и я не советую вам долго размышлять. Вам будет предоставлена квартира на детской половине, на готовом столе — едят здесь хорошо,— отопление, освещение и две тысячи рублей годового жалованья.

Как ни заманчивы были эти обещания, мать решительно отказалась, ссылаясь на страх, великую ответственность и на неподготовленность.

— Тогда,— сказала Флотова,— посидите здесь, а я пойду доложить.

Минут через пять она вернулась в сопровождении милой и простой дамы, которая разговаривала с ней на весеннем приеме в Зимнем дворце. Это была великая княгиня, цесаревна Мария Феодоровна. Мать сделала глубокий уставной реверанс, которому их обучали в институте, и поцеловала руку.

— Вы что же? Не хотите заняться с моими мальчиками? Уверяю вас, что они — не шалуны, они очень, очень послушные, вам не будет слишком трудно,— говорила с акцентом великая княгиня, и мать, потом десятки раз рассказывая об этом, неизменно добавляла: «И из ее глаз лился особый сладкий свет, какого я никогда не видела у других людей».

— Но, ваше императорское высочество,— взмолилась мать,— ведь это же не обыкновенные дети, а царственные: к ним нужен особый подход, особая сноровка!..

— Какая такая «особая» сноровка? — вдруг раздался сзади басистый мужской голос.

Мать инстинктивно обернулась и увидела офицера огромного роста, который вошел в комнату незаметно и стоял сзади.

Мать окончательно растерялась, начала бесконечно приседать, а офицер продолжал басить:

— Сноровка в том, чтобы выучить азбуке и таблице умножения, не особенно сложна. В старину у нас этим делом занимались старые солдаты, а вы окончили институт, да еще с шифром.

— Да, но ведь это же — наследник престола,— лепетала мать.

— Простите, наследник престола — я, а вам дают двух мальчуганов, которым рано еще думать о престоле, которых нужно не выпускать из рук и не давать повадки. Имейте в виду, что ни я, ни великая княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны шалить в меру, играть, учиться, хорошо молиться Богу и ни о каких престолах не думать. Вы меня понимаете?

— Понимаю, ваше высочество,— пролепетала мать.

— Ну а раз понимаете, то что же вы, мать четверых детей, не сможете справиться с такой простой задачей?

— В этом и есть главное препятствие, ваше высочество, что у меня — четверо детей. Большой хвост.

— Большой хвост? — переспросил будущий Александр Третий и рассмеялся.— Правильно, хвост большой. У меня вон трое, и то хвост, не вот-то учительницу найдешь. Ну мы вам подрежем ваш хвост, будет легче. Присядем. Рассказывайте про ваш хвост.

Мать начала свой рассказ.

— Ну, тут долго слушать нечего, все ясно,— сказал Александр Александрович,— дети ваши в таком возрасте, что их пора уже учить. Правда?

— Правда,— пролепетала мать,— но у меня нет решительно никаких средств.

— Это уже моя забота,— перебил Александр Александрович,— вот что мы сделаем: Петра и Константина — в Корпус, Елизавету — в Павловский институт.

— Но у меня нет средств! — воскликнула мать.

— Это уж моя забота, а не ваша,— ответил Александр Александрович,— от вас требуется только ваше согласие.

Мать в слезах упала на колени.

— Ваше высочество! — воскликнула она.— Но у меня есть еще маленький Владимир.

— Сколько ему? — спросил наследник.

— Восьмой год.

— Как раз ровесник Ники. Пусть он воспитывается вместе с моими детьми,— сказал наследник,— и вам не разлучаться, и моим будет веселей. Все лишний мальчишка.

— Но у него характер, ваше высочество.

— Какой характер?

— Драчлив, ваше высочество.

— Пустяки, милая. Это — до первой сдачи. Мои тоже не ангелы небесные. Их двое. Соединенными силами они живо приведут вашего богатыря в христианскую веру. Не из сахара сделаны.

— Но... — попыталась вмешаться Мария Феодоровна.

Наследник сделал решающий жест.

— Переговоры окончены,— сказал он,— завтра же вашими старшими детьми займутся кому следует, а вы времени не теряйте и переезжайте к нам.

— Но у меня еще Аннушка.

— Что еще за Аннушка?

— Прислуга моя многолетняя.

— На что вам прислуга? У вас будет специальный лакей.

— Ваше высочество, но я к ней привыкла.

— Отлично, если привыкли, но имейте в виду, что за Аннушку я платить не намерен. Это дело мне и так влетит в копейку. Вы меня понимаете?

— Ваше высочество, это уж мой расход.

— Ах, если это ваш расход, то я ничего не имею. Итак, сударыня. Да бросьте вы эти коленопреклонения. Учите хо-

рошенько мальчуганов, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста. Но доказчику — первый кнут. Это — самое мое первое требование. Вы меня поняли?

— Поняла, ваше императорское высочество.

— Ну а теперь до свидания — надеюсь, до скорого. Промедление смерти безвозвратной подобно. Кто это сказал?

— Ваш прадед, ваше высочество.

— Правильно, браво,— ответил наследник и, пропустив впереди себя цесаревну, вышел из комнаты.

АНИЧКОВ ДВОРЕЦ

Положите около кота миллион долларов — он и не взглянет на них: разве что понюхает. Так было и со мной, когда мне сказали, что я буду воспитываться вместе с великими князьями. Кроме огорчений и душевных мук, это мне ничего не принесло. Что такое были для меня великие князья? «Князья» — это лица довольно неказистого, но в общем занятного вида: они ходили по Коломне с полосатыми мешками за спиной и кричали:

— Халат, халат, халат...

Это, пожалуй, даже интересно — воспитываться с такими князьями, если они моего возраста, но... они — великие. Великие! Что такое великие? Это значит огромные. Недавно Аннушка читала нам сказку о герое, которого звали: «не мал человек, под потолок ростом». Что, если мои будущие князья — тоже не мал человек, под потолок ростом? Что я буду делать? Какие перспективы ждут меня? На своей Псковской улице я, худо-бедно, прохожу уже в третьи силачи. Это стоит трудов, хлопот, превеликой боли в девятом ребре, но ничего не поделаешь. всякая карьера требует определенных усилий. Но ведь если я попадаю в общество «великих» князей, не мал человек, под потолок ростом, то ведь тут и к бабке ходить не нужно: это ежедневная обеспеченная мука. А что, если эти князья из по-

роды Гулливеров? Я недавно видел книжку с картинками: стоит огромный верзила в треугольной шляпе и держит на ладони маленького человечка с стрекозиными ножками и презрительно смотрит на него. Дунет, и где твоя душа? Я не спал ночами, плакал, укрывался с головой от видений и молил Бога, чтобы он отдалил тот час, когда нужно будет навсегда, навеки покинуть эту милую, славную, уютную, родную, то густо пыльную, то обильно снежную Псковскую улицу. И та карета, которая подкатывала к нашему дому два воскресенья подряд с таким замечательным лакеем, уже казалась не чудесной, а злой каретой, наказаньем Божиим, посланным мне за великие грехи.

Дома шел полный разгром, Аннушка сбилась с ног, стирала, гладила, пришивала какие-то пуговицы, мамочка приходила со службы взволнованная, ничего не ела, а приносила какие-то книжки, очень толстые, в переплетах, быстрыми глазами читала страницу за страницей, нервно, со щелком перелистывала, что-то записывала в тетрадь и все говорила, ни к кому не обращаясь:

— Господи! А вдруг осрамлюсь? А вдруг опозорюсь? Ведь великая наука нужна, наука!

Потом все было брошено, и она уехала с братьями в Псков, определять их в Военную гимназию, мы с Аннушкой провожали их и на вокзале перед поездом горько плакали. Петра приняли, а у Константина оказалась грыжа, его снова привезли в Петербург, он приехал убитый и растерянный, и опять была суетня. Его в конце концов определили в Петербургскую первую классическую гимназию на полный пансион и сейчас же остригли. Сестру Елизавету поместили в Павловский институт, что на Знаменской улице.

Что делалось в доме, что делалось — и все это из-за каких-то «великих» князей, будущих моих мучителей и истребителей. Горька была моя судьба. Но что делать? Плакать? Мужское достоинство не позволяло. Что скажет Псковская улица? Сопротивляться? Все равно — свяжут и свезут, да еще, пожалуй, в княжеский полосатый мешок засунут, как кота: иди разговаривай из мешка. Бежать из дому в Америку? И эта мысль начала серьезно занимать меня, но пока я накапливал хлеб на дорогу, деньги (уже было «зажато» семь копеек), подъехала карета — не та, не

придворная, а обыкновенная, черная, свадебная, с окошечком позади, меня взяли за руку, помолились Богу, посидели на стульях, всплакнули, вздохнули, почему-то поцеловались с Нейдгардтихой, потом залезли на скользкое сиденье с пуговочками, качнулись, тронулись, лошади дружно цокнули — и тут я понял, что значит, когда говорят: пропала твоя головушка.

— Боже мой, Боже мой, Аннушка, в какие места едем,— говорила мать, и я ясно видел, что ее тоже трясло от страха.

Вообще от всех этих новостей, от разлук с братьями и сестрой, от срочного изучения педагогики (после узнал) она похудела, стала молоденькая и худенькая, бедная моя, милая, ласковая мамочка. Как тепло и хорошо было с ней в этой карете, и ехать бы да ехать далеко, далеко, хоть на край света, хоть Америку — только не этот противный, враждебный, таинственный дворец. Мне казалось, что, как въеду в этот дворец, так сейчас же меня пришпилят столбу и выпорют до двадцатого пота. Спасибо, что кубебу мазь тайным образом прихватил с собой облегчения.

И долго, долго так тянулись мы через весь Петербург, мимо каких-то высоченных домов, которых никогда раньше не видал. При другой обстановке они показались мне страшно интересными, а теперь я понял только одно: много булочных с золотыми кренделями. Потом все стало гуще и гуще: какие-то невиданные народы, кучера кричат, наш тоже начал орать и оглядываться, порядку никакого, мимо стекла то и дело — лошадиные морды, цапнет нос, а потом иди доказывай. Прижался я мамочке и одно молил: «Пронеси, Господи». Учила в свое время Аннушка «Живому в помощи» — не учился, дурак, теперь бы — находка. «На аспида и василису,— шептал дрожащими губами, вспоминая Аннушкины уроки — на лева и змею»,— забыл дальше. Про лошадей в молитвах ничего не было — может, что и было, но к концу, а до конца никогда не доходил, старая телятина,— выругал себя я, по примеру коломенского водовоза.

— А вот и дворец! — затрепетав, сказала мамочка.

Я сунулся глазами в окно и увидел много красного.

Прошло много лет с тех пор, но и теперь, когда при мне говорят слово «дворец», в моих глазах вырастает всегда какая-то большая красная путаница.

Карета остановилась, подошел какой-то солдат, что-то спросил, ему что-то ответили, карета опять тронулась, и потом, через много времени, я понял, что мы приехали с Фонтанки.

Вылезли из кареты, и первое, что я увидал, был огромный дом с выступами: конечно, только в таком доме могут жить не мал человеки, под потолок ростом. Пока что около нас суетились обыкновенные люди, с обыкновенными руками и головами, но одетые, как в цирке. Больше всех волновался старик, похожий на генерала, все время шлепавший губами, весь в медалях и трясущихся крестах: потом я узнал, что это был знаменитый пристав Хоменко, единственный статский советник среди полицейского офицерства, любимец Марии Феодоровны. Он целый день стоял на посту у Аничкова дворца. Когда приезжала Мария Феодоровна, он снимал фуражку и кланялся, касаясь фуражкой земли. Нередко был приглашаем к великокняжескому столу и оставил после смерти состояние около трех миллионов.

Люди из цирка понесли наши чемоданы, мы вялыми ногами пошли за ними и очутились в подъезде, в котором было четыре двери. Эти двери, как я потом узнал, вели на двор, на ту часть дворца, которая называлась «детской половиной», в сад и на кухню.

Вслед за носильщиком мы втроем: я, мамочка и Аннушка — пошли на детскую половину. Детская половина была расположена в бельэтаже. Чувство, которое у меня тогда было, потом всегда повторялось по приезде в гостиницу: куда-то тебя поселят? Все трое, мы явно робели: мамочка и Аннушка крестились мелкими крестиками, а я боязливо оглядывался по углам: а вдруг выйдет, а вдруг шагнет и сразу приступит? Настроение было ужасное, воображение работало, представлялись всякие картины, какие-то звуки казались трескаиьем разрываемых человечьих костей, я все ближе и ближе прижимался к мамочкиной юбке, и уж если кто-нибудь будет нас есть, пусть начинает с Аннушки: она все хочет быть Христовой невестой и пострадать за веру.

В коридоре было много дверей и печных заслонок, поражала удивительная чистота — такая чистота, что все мы

старались ступать неслышно, стараясь только чуть прикасаться к паркету. Наконец в какую-то дверь входим, и я сейчас же ищу: есть ли в двери ключ?

Квартира наша состояла из трех поместительных комнат: гостиная, столовая и спальня. Из столовой шла винтообразная лестница в Аннушкины две маленькие комнатки. Мебель была хорошая, повести рукой — скользкая (полущелковая). Освещение комнат у нас, как, впрочем, и во всем дворце, было масляное. Лампы были необычайно занятные и затейливые, с каким-то механизмом, похожим на часовой. Масло наливалось душистое, и в комнатах всегда стояло то, может быть, «амбре», о котором с таким восхищением говорит в «Ревизоре» Анна Андреевна. Каждое утро приходил к нам ламповщик и, как говорили, «заправлял» лампы, причем все это делал с необыкновенной отчетливостью и проворством. Я всегда завидовал его «химическим движениям» и любил украдкой притрагиваться к его замшевым тряпкам и круглым щеткам, которыми он протирал стекла. И вообще и сам ламповщик был очень интересен, быстр в движениях. Ендова, в которой он носил масло, была какая-то аппетитная, глянцевая. Была совершенно восхитительна легкая и приятная струя масла, прозрачного, упругого, лоснистого: так бы и смотрел на нее, наслаждаясь, целыми днями. Этот ламповщик прямо сводил меня с ума, и я, по его примеру, называл Аннушку «деревней». Мне кажется, что из-за этого ламповщика Аннушка потом и ушла в «иоаннитки». Ламповщик, занимаясь делом, всегда чуть слышно напевал: «Глядя на луч пурпурного заката» — или что-то в этом роде. Я это говорю потому, что эту страсть к наливанию ламп я передал потом Ники, будущему императору, и когда приходил час игр, то первое, что мы изображали, был ламповщик и все его манипуляции — причем в этом отношении все рекорды наблюдательности и подражательности проявлял маленький Жоржик — будущий Георгий Александрович. Молчаливый, робкий, он чем-то напоминал приятного зверька, пожалуй, обезьянку, с необычайной запоминаемостью и точностью воспроизведения. Он изображал всех: и папу, и маму, и Диди (так они называли мою мать), и Аннушку. Все эти штуки он проделывал в «игральной» комнате и только в своей компании, причем обязательно за вознаграждение: чтобы его, напри-

мер, два раза пронесли с припрыжкой на спине вдоль стен (это называлось «ездить на закорках») или что он будет кучером, а мы — ленивыми лошадьми, которых кучер подгоняет кнутом: при каждом кнуте мы обязаны были вздрагивать, трепетать кожей и переходить в галоп. Или требовал, чтобы мы орали, как ослы на заре, и чтобы на этот рев прибежала испуганная Диди. Этот маленький актер понимал, что истинное искусство должно оплачиваться материальными благами и только в этих условиях оно не является пустым занятием.

Ники, как я потом понял, был существом очень наблюдательным и зорким, и когда Жоржик представлял, как Березин открывает дверь или как М. П. Флотова держит голову набочок, разговаривая с maman, Ники упивался точностью сходства. И, чтобы получить это наслаждение, он шел на самые несерьезные требования Жоржа. Жорж однажды похвалился, что он может показать, как маме кланяется Хоменко, но условие: мы должны съесть по пол-ложки песку. Я отказался, но Ники, с заранее смеющимися глазами, съел и к вечеру был болен, и пришлось вызвать Чукувера. В «игральной» комнате всегда была горка песку.

Чукувер жил в том же коридоре, что и мы. Это был не то лекарь, не то фельдшер. Его дело было оказывать первую помощь до прибытия врача. Если мне не изменяет память, всегда приезжал Бертенсон, но до прибытия врача строго запрещалось принимать какие бы то ни было лекарства.

Этому Чукуверу, между прочим, завидовал весь дворец. Чукувер был единственный человек, который, по общему мнению, ничего не делал. Жизнь его, впрочем, окончилась печально: его раздавило насмерть в гармонии поезда при крушении на станции Борки, в 1888 году.

Впрочем, я отклонился несколько в сторону.

Против нашей квартиры, в том же коридоре, были запасные комнаты, которые потом приспособили под квартиру генерал-адъютанта Г. Г. Даниловича, который был назначен к обучению Ники, когда ему исполнилось десять лет и когда миссия моей матери была окончена. Ники терпеть не мог этого наставника, чрезвычайно сухого «человека в футляре», и когда с течением времени генерал Данилович скончался, то император Николай послал ему венок, но сам на похороны не приехал.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Первая ночь, проведенная мной во дворце, была уныла и тревожна. Больше всего мне понравились комнаты Аннушки и винтовая замысловатая лестница, похожая на штопор. Я убеждал мать поменяться: пусть Аннушка живет внизу, а мы будем жить вверху. Тайная мысль была такова: войдет не мал человек, под потолок ростом, найдет первую Аннушку, убьет ее, уморится и оставит нас в покое — по винтовой лестнице подниматься ему будет нелегко, узко, подумает-подумает, да и скажет: «А черт с ними, в другой раз!», а там может все случиться, авось забудет. Но мамочка, выслушав мои предложения, назвала меня дурачком и уложила спать рядом с собой. Разумеется, я ни словом не обмолвился о тех тайных причинах, которые так беспокоили меня. Постель была невероятно удобная, чуткая к движениям, я быстро успокоился под теплым маминым бочком, укачался, и трех минут не прошло, как уже был свет, пахло кофеем и сдобной булкой. А потом явилась какая-то портниха и начала мерить меня ремешком и спорить с мамой о длине штанов, рукавов и о том, сколько оставить в запас. Речь шла о матросском костюмчике. Возможно, что меня хотели посадить на корабль, это было бы чудесно, но при всех расспросах толку у женщин добиться было невозможно.

Когда пришло время, мамочка, изнемогая от усталости, беспрестанно крестясь, сказала:

— Ну а теперь пойдем.

— Куда?

— Знакомиться с великими князьями. Помни, что нужно быть хорошим мальчиком, вежливым, достойным. Помни, что не каждому выпадает такая честь. Перед Марьей Петровной шаркни ножкой, вот я кладу тебе в карман носовой платочек, ничего не смей рукавом делать... Покажи, как ты шаркнешь ножкой.

Я хочу шаркнуть ножкой, а в ногах — пуды. Прямо старик какой-то, тридцатилетний, отживший жизнь. Ничто мне не мило, хочется, как девчонке, реветь, бухнуться на пол, барабанить ногами, пусть идут, готов на любую порку, любой березой, но только без ненужных знакомств. Я до сих пор был доволен своей жизнью, никаких дворцов мне не нужно, пустите меня на Псковскую улицу: там ни винто-

вых лестниц, ни этих смешных чертей из цирка. И не понимаю, чего это дурила Аннушка сияет, как самовар, трет мне руки твердым духовитым мылом, ковыряет под ногтями, как будто черные ногти кому-то помешать могут.

И вот берет меня мамочка под руку и ведет. Так, вероятно, Авраам вел Исаака. С той разницей, что Исаак не знал, куда его ведут, а Владимир Константинович господин Олленгрэн отлично знает, куда и зачем его ведут. С невероятной жестокостью мать рассовала своих детей кого куда, а младшего сама ведет на жестокое испытание. И тут впервые у меня пошатнулась вера в человека. Перочинный нож на всякий случай я с собой прихватил и всю дорогу ощупывал его в кармане. Жизнь свою решил дешево не отдавать.

Вижу, в отдалении стоит один из циркачей и ждет. Подходим — кланяется нам. Думаю: «мягко стелет». Я пословицу эту хорошо, по Псковской улице, знал. Сам не раз людей заманивал и потом «топил баню». Опыт есть.

Циркач ведет, отворяет двери, входим в комнату и видим: стоит сероватая старуха и с ней два мальчика в матросских рубашечках.

— Как тебя зовут?

— Владимир Константинович.

— Фу, какой важный.

Мама конфузится, толкает меня в бок и подсказывает: «Володя».

Я решил не сдавать позиций и стою на своем:

— Владимир Константинович.

Расчет простой: Владимира Константиновича не так-то скоро возьмешь в работу, как какого-то Володю.

Стою на своем и в третий раз повторяю:

— Владимир Константинович.

Серая старуха идет на уступки и отвечает не особенно по-русски, а с каким-то присвистом, как у немки-булочницы:

— Ну хорошо,— говорит,— Владимир Константинович, а вот это — Николай Александрович, а это — Георгий Александрович, великие князья, с ними учиться и жить будешь.

Я сию же минуту закатил серой старухе персидский глаз и сказал:

— Это великие князья? Ха-ха, смеялася Жанетта!

Серая старуха затряслась животом и сунула нас всех троих в соседнюю комнату, и в голове мелькнула мысль, что сейчас оно и начнется.

Огляделся: комната волшебная. Ничего подобного сроду не видывал. Во-первых, идет по полу железная дорога, маленькая, но настоящая, с рельсами, с сторожевыми будками, с тремя классами вагонов, стоят полки солдат с киверами, с касками, казаки в шапках, а вот лошади с гривами, верблюды с горбами, а вот Петрушка, вот медведь, вот Иван-дурак в клетчатых брюках, а вот барабан, ружья в козлах, труба с кисточкой, гора песку.

Глаза разбежались.

Спрашиваю:

— Чье это?

Старшенький матросик отвечает спокойно:

— Наше.

— Не врешь?

— Не вру.

— Пустить железную дорогу умеешь?

— Умею.

— А ну, пусти.

Матросик завел ключиком, паровоз побежал, из будки вышла сторожиха, замотала флагом, на платформе появился пузатый начальник, зазвонил звонок, и тут я впервые понял, что во дворце могут делаться чудеса.

У меня мороз по коже пошел, а мальчики в матросках стоят и не удивляются.

— Вы — великие князья? — спросил я старшенького.

— Да,— ответил тот.

Я расхохотался.

— Какие же вы великие, когда вы — маленькие?

— Нет, мы — великие князья,— серьезно, с верой в правоту, настаивал старшенький.

Второй молчал, смотрел на меня во все глаза и сопел.

— Хорошо,— сказал я, становясь наизготовку,— если вы — великие князья, тогда, хочешь, вы оба на левую руку.

— Мы не понимаем,— сказал старшенький.

— Чего ж не понимать? — сказал я.— Вот видишь, правую руку я завязываю поясом, а левую на вас обоих.

— Ты хочешь драться?

— Разумеется.

— Но мы на тебя не сердиты.

— Тогда я — первый силач здесь.

— Хорошо,— сказал примирительно старшенький,— а когда я рассержусь, мы попробуем.

Он меня потряс, этот мальчуган, чистенький, хорошенький, с блестящими глазками: на первый взгляд — девчонка. Смотрит прямо, улыбается, испуга не обнаруживает. Опыт Псковской улицы мне показал, что вот такие девчонки-мальчики оказываются в бою иногда серьезными бойцами, и я с первой минуты намотал это себе на ус.

И вдруг отворяется дверь, и в комнату — шасть! — не мал человек, под потолок ростом, и всем существом я понял, что мне была расставлена ловкая западня с этими якобы великими князьями и заколдованной комнатой.

Вот пришел настоящий великий князь и сейчас начнет: держись, Владимир Константинович!

Маленький подбежал к не мал человеку и сказал, прижимаясь к нему:

— Он нас бить хочет.

— За что? Вы уже поссорились?

Не мал человек обратился ко мне, и я поспешил с ответом:

— Нет, мы не ссорились.

Старшенький стал на мою сторону и добился истины.

— Нет, нет,— сказал он два раза «нет»: так обыкновенно говорят два раза девочки.— Нет, нет, мы не ссорились, но он говорит, что он — первый силач здесь, а когда я рассержусь, тогда мы подеремся и узнаем. Я, если не рассержусь, драться не могу.

— И правильно,— сказал не мал человек,— зачем же даром тратить силу? Даром только дураки дерутся. А ты чего на них сердишься?

— А чего они говорят, что они великие князья? Они — маленькие мальчишки и больше ничего.

— А я — великий князь, как, по-твоему?

— Вы-то? — ответил я с уважением, глядя на него в гору.— Хо-хо!

Я увидел, что не мал человек радостно засмеялся, и у меня гора свалилась с плеч: я почувствовал, что мы с ним подружимся, надо только хорошо начать дело. Он был огромен, светел, если щелкнет по лбу, кость — на мелкие части, и зла в глазах нет, он был приятен, стоит за добрые дела и всегда даст пощаду.

В маленьком сердце есть собачье чутье, я не ошибался, возымел сразу большое доверие и от счастья начал хохотать, хватаясь за живот, и рассмешил не мал человека до слез.

— Он нечестный,— сказал старшенький, указывая на меня,— он завязывает правую руку и хочет с нами обоими драться одной левой.

— Что? Что? — спросил не мал человек, не поняв сразу.

— Я на это не согласен,— тараторил старшенький,— драться, так обеими.

— Молодец, Никенька, молодец, правильно, бой должен быть равным, без скидок. Нет, брат,— обратился он ко мне,— ты свои шуточки с левыми руками забудь, здесь люди честные и на скидки не пойдут. Драка так драка. Зуб за зуб, кость за кость. Других условий мы не терпим. Фирма честная. Молодец, Ники! Хвалю. Но твою храбрость тоже хвалю,— сказал он мне,— вырастешь — офицером тебя сделаем. Хочешь быть офицером?

— Генералом хочу.

— Хо-хо,— одобрительно сказал не мал человек,— смотри, порох нужен на генерала.

— Порох есть,— ответил я, ободрившись и чувствуя к не мал человеку огромное доверие.

Он опять раскрыл рот и начал смеяться так, что в комнату вошли удивленные женщины.

— Ты доволен, Александр? — спросила какая-то новенькая, которой я еще не видел, и, продолжая смеяться, не мал человек ответил ей что-то не по-русски.

Всем сделалось необыкновенно весело, я увидел, что мама радуется, а серая старуха сияет всем ртом и причмокивает. Я опять-таки верхним чутьем почувствовал, что от этой серой старухи может поступать большая конфета: она была насквозь конфетная.

Дело пошло как будто ничего.

ЗАГАДКА

Странное дело: с тех пор прошло уже шестьдесят пять лет. Много утекло воды, и если бы государь Николай Второй был жив, то он был бы такой старый, как я. Всю жизнь он был милостив и благосклонен ко мне, выручал

меня в тягчайших обстоятельствах моей жизни. Мать моя после окончания своей воспитательной работы была назначена начальницей Василеостровской женской гимназии и имела свободный, почти семейный доступ к государю. Надо только было позвонить к обер-гофмаршалу, и государь принимал ее по первой просьбе, и если ей нужно было подождать, то ждала она не в приемной, а у него в кабинете, около его письменного стола. Он обыкновенно говорил:

— Милая Диденька, посидите, пожалуйста, а мне нужно прочитать вот эти еще бумаги. Может, хотите покурить?

Он знал, что мать терпеть не могла табаку и всегда притворно сердилась на эти приглашения. Она уходила к окну, отворяла раму и садилась там, развернув газету, а государь опять шутил:

— Вы там не очень-то на воздусях, а то протянет сквознячок, схватите насморк, чихать будете. А это как-то не подходит к вашей должности. Несолидно.

— А вы, Никенька, не отвлекайтесь, читайте скорее ваши бумаги, а то мне некогда.

— В самом деле? Работы много?

— Я думаю, что много.

— Ну, ну, я сейчас. Ах, как они мне надоели, эти бумаги!

— А чего это перо ваше так скрипит?

— Просто паршивое перо. Некому досмотреть.

— Следующий раз принесу хороших перьев.

— А что вы думаете, Диденька? Буду очень благодарен.

Опять начиналось шуршание бумаг.

— Страшно медленно пишу. Это ваша вина, Диди. Это вы мне почерк ставили.

— Медленно, да четко,— огрызалась мать,— никто не скажет — как курица лапой.

— А вот когда Витте читает мои письмена, то всегда криво улыбается, и мне кажется, что он думает: «бабий почерк».

— И ничуть! — вспыхивала мать.— И ничуть! Я давала ваш почерк графологам.

— Ну? И что?

— Все в один голос сказали: ясная, трезвая голова, всегда логическая. Скрытная.

— Скрытная?

— Да.

Молчание.

— Да в нашем ремесле иначе нельзя,— следует не сразу ответ.— Ну вот, готово. Перекочевывайте сюда, Диди. В чем дело? Опять прошения? Опять по мою душу? Много? Все многосемейные? Правоучение?

Он сам берет из материнских рук ридикюль и начинает доставать оттуда вчетверо сложенные бумаги.

Мать начинает жаловаться на табачный дым.

— Да разве это дым, Диди? Это же ладан,— говорит, шутя, государь.

— Стыдно называть ладаном эту гадость! Ладан — священная вещь.

— Ну-ну, не буду. Сколько там душ?

— Да вот у этой пять.

— Пять? Ну дадим ей пять тысяч.

— Много, ваше величество. Куда столько?

— Какая вы жадюга, Диди! Что ж, царь не может дать бедной женщине пяти тысяч?

— А я говорю — много.

— А я в порядке высочайшего повеления приказываю вам всеподданнейше молчать.

Мать в притворном испуге зажимала рот, а государь говорил:

— Ага! Когда-то я вас боялся, а теперь вы дрожите от раскатов моего голоса. Времена меняются, Диди? А?

Начальница гимназии, по закону, не имела права освобождать учениц от платы. Она должна была представлять их прошения в Опекунский совет ведомства императрицы Марии со своим заключением, и только из Опекунского совета получалось распоряжение: освободить от платы или нет. Мама моя никогда этого не делала. Она эти прошения сохраняла у себя и при поездке к царю брала их с собой. Царь самолично брал у моей мамы ридикюль, вынимал оттуда все прошения и на каждом из них писал сумму, какую она находила нужным дать той или другой семье. Затем подсчитывал общую сумму денег, и на этом работа его кончалась. У матери было такое впечатление, что ему нравилось отвлечься от больших деловых забот и заняться такими пустяками. В конце беседы он, всегда шепотом, просил никому ни слова не говорить о его помощи.

Мне доподлинно было известно, что за все двадцать два года деятельности моей мамы как начальницы гимназии ни одно прошение об освобождении от платы не было

представлено в Опекунский совет. Это порождало удивление этого ведомства, куда ежегодно от всех женских гимназий поступало огромное число таких ходатайств. Но мама моя, памятуя приказ царя, никогда и никому не говорила, что это дает он.

Я об этом упоминаю для того, чтобы осветить отношения его, бесконечно милостивые, к своей старой учительнице. Это были чувства того, быть может, порядка, какие у Пушкина, например, были по отношению к Арине Родионовне. Так же милостив он был и по отношению ко мне. Так, по его протекции я был переведен из полка на службу в Главный штаб: ему хотелось, чтобы я был поближе к матери. Он выручил меня из большой беды, когда я попал под военно-окружной суд после побега Фельдмана из севастопольской крепостной гауптвахты. Он принимал меня в частных аудиенциях. Вплоть до восшествия на престол я каждое шестое декабря приезжал к нему на именины. Он крестил моих детей, часто выручал, особенно в дни болезни, деньгами, но никогда, ни одним словом, не обмолвился о детских днях, прожитых вместе. А как-никак, прожито было вместе три года.

И я часто и подолгу ломал себе голову: в чем дело? Ничто так не сближает людей, как детство. И ничто так не приятно вспомнить в зрелые годы, как детские, вместе прожитые дни. Мне иногда казалось, что виною тут разница положений: он — царь, великий и самодержавный, я — далекий и маленький его слуга. Правда, вся моя кровь и жизнь в его распоряжении — стоит только сказать слово,— но все-таки разница остается разницей. Иногда казалось, что ему просто некогда думать об этом, голова занята не тысячью, а миллионом вещей: где тут вспомнить о детских пустяках? Но вот приезжала мать из дворца и говорила так просто и так мило:

— Ну, наморочила Ники голову так, что он, кажется, будет аспирин принимать. Все торгуется, все хочет побольше дать. Не знает того, что людей баловать нельзя. Просишь пятьсот, а он смеется и пять тысяч пишет. «Ну что вам, Диди, лишнего нолика жалко? Ведь нужно, может быть, людям». Да ведь мало ли что нужно? На всех не напасешься. А он: «Царь должен на всех напастись». Прямо стыдно ходить: обираю его как липку. А он еще полдюжины мадеры обещался прислать. Какая-то, говорит, необык-

новенная мадера: сам только по праздникам пьет. По-моему, это он политику ведет: хочет, чтобы я Алешеньку учила. Намеки такие делает, что, мол, отца грамоте учила, ну и сына тоже. А я: «Нет, говорю, здоровье не то, печенка никудышная». Смеется: «В Карлсбад, говорит, пошлю вас, Диди, в починку отдам свою старуху милую». Ну прямо вот брошусь на колени и разревусь: «Бери все, здоровье, последние годы, последний отдых, последние силы...»

И по старческим щекам текут мелкие матовые слезы.

И тут меня разбирала не то досада, не то ревность: почему он со мной никогда так не говорит? Ведь я же его товарищ, старый кунак. Разве у нас нечего вспомнить? Разве не залезали на деревья в Аничковом саду и не плевали на прохожих? Разве не дразнили Чукувера? Не играли в снежки? Не боролись на снегу? Не лепили баб?

В чем дело?

И вот однажды был такой случай.

В 1916 году царь приехал в Севастополь, чтобы благословить войска, отправлявшиеся на фронт, и пробыл с нами целых пять дней. Жил он в своем поезде, стоявшем на Царской ветке. В конце пятого дня он должен был уехать в Петроград. Вечером, часов в восемь, прибыли высшие должностные лица, чтобы откланяться. До отхода поезда оставалось часа четыре, и, чтобы не задерживать людей, государь после беседы встал и, улыбаясь, сказал:

— Ну, господа, а теперь считайте, что государь уехал.

Попрощался, и все мы вышли из вагона.

Я один остался на путях, полагая своей обязанностью, как коменданта, быть при поезде до самого его отхода.

Было темно, потом вызвездило. Глаз привык к темноте, вижу, как кот. Хожу, разгуливаю вдоль поезда, стараюсь не шуметь. Вспыхнул в вагоне свет у письменного стола. Значит, сел за работу. По занавеске порою шевелится тень. Из города подвезли провизию на завтрашний день, потом лед. Поездная прислуга, не стесняясь, галдит.

— Тише! Государь работает! — говорю.

Смотрят на меня с удивлением, как на провинциала.

— Государь к нам привычен,— говорят.

Разместили провизию, надели кепки, залились в город погулять до отхода, и какой-то нахал шепчет мне на ухо фамильярно:

— У вас здесь публика пикантная, господин комендант.

Думаю: попадись ты мне в городе, я бы показал тебе пикантность, а тут, у царского поезда, не хочется делать тарарама.

Завихрились и исчезли.

Час прошел, другой, слышны из города часы, вот соборные, вот крепостные — все по колоколам знаю. Посмотрел в портсигар: две папиросы, надо экономию наводить. Воздух осенний, море начинает йодом пахнуть, по путям мыкаются паровозишки, маневры, посвистывают. А лампа в окне все горит, все голову наклоненную вижу да порою дым от папироски.

Вдруг шорох по песку. Кто-то идет прямо на меня.

— Кто?

— Это вы, Олленгрэн?

Оторопел.

— Я, ваше императорское величество.

— Почему не уехали?

— Счел долгом остаться до отхода поезда, ваше императорское величество.

— И что зря себя мучаете? И так тут со мной намаялись. Пять круглых дней.

— За счастье почитаю, ваше императорское величество.

— Нет ли у вас папиросы: у меня вышли, а прислугу будить не хочется.

Раскрываю портсигар. Царь шарит рукой.

— Да у вас всего две.

— Рад стараться, ваше императорское величество.

— Не возьму. Неэтично.

И отдать себе отчета не могу, как у меня вырвалось:

— По старому приятельству можно, ваше императорское величество.

Царь засмеялся и сказал:

— Ну, разве что по старому приятельству.

Мы закурили в темноте, и тут последовал разговор, потрясший меня до основания.

ПРОЩАЛЬНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

— Вы помните воздушный шарик? — спросил меня император.

— Не помню, ваше императорское величество,— ответил я, слегка растерявшись.

— Ну как же так? Помните, вы уже окончили ваше пребывание с нами во дворце и были уже кадетом? И вот, кажется, в прощальное воскресенье приехали к вашей маме, которая еще не ушла от нас. Ей, кажется, хотели поручить покойного Георгия.

— Да, да, ваше императорское величество. Но мама уже не имела сил.

— Да неужели вы не помните?

— Чего именно, ваше императорское величество?

— Ну вот этого маленького шарика, который вы принесли с Марсова поля? Красненький такой шарик? Чтобы он не лопнул, вы попросили Аннушку... Вы, может быть, и Аннушку забыли?

— О нет, ваше императорское величество. Аннушку я отлично помню.

— Ну вот,— продолжал государь, попыхивая папироской,— вы попросили Аннушку привесить этот шарик на кухне к окну, на воздух. Потому что эти шарики в комнатном воздухе долго жить не могут.

Словно молния разорвалась вдруг в моей голове. С отчетливостью, будто это случилось вчера, я вспомнил все. И по какой-то неожиданно налетевшей на меня оторопи продолжал все отрицать и стоял на своем:

— Ничего не могу припомнить, ваше императорское величество.

Царь был редко умный, проницательный и наблюдательный человек. Вероятно, он разгадал мою драму. Вероятно, он отлично понял мое смущение и, как на редкость воспитанный человек, не давал мне этого понять. Я же, чувствуя, как краска заливает лицо, благодарил Бога за темноту ночи, за отсутствие луны, за слабое мерцанье звезд. Государь, вероятно, так же чувствовал краску моего лица, как я. Даже в темноте я чувствовал его снисходительную улыбку.

— Волчью яму тоже не помните? — спрашивал государь.

— Какую волчью яму, ваше императорское величество?

— Какую я и покойный Жоржик вырыли в катке?

Господи. Ну как же не помнить? Отлично помню. Все, как живое, встало перед глазами. Даже шишку на лбу почувствовал — все помню, ничего не забыл, но кривлю душой и отвечаю:

— Не помню, ваше императорское величество.

— Я, впрочем, понимаю, что вы все могли забыть. Столько лет. И каких лет! Я же не забыл, не мог забыть потому...

В темноте я чувствовал, как государь беззвучно смеется.

— За это дело мне отец такую трепку дал! Что и до сих пор забыть не могу. Это была трепка первая и последняя. Но, конечно, совершенно заслуженная. Вполне сознаю. Трепка полезная. Ах, Олленгрэн, Олленгрэн, какое это было счастливое время! Ни дум, ни забот. А теперь...

Государь помолчал, затянулся последним остатком папиросы, догорающей до мундштука, и печально сказал, показав рукой в сторону Севастополя:

— Один вот этот город. Сколько горя он мне принес!

...Маленьким кадетиком я явился к своей матери в отпуск на последние дни Масленицы. Мама жила еще во дворце, ожидая назначения на службу. Ее служба при великом князе была уже окончена, и дальнейшее его образование перешло в руки генерала Даниловича.

Даже вот в этом зное французского юга я, как сейчас, чувствую блеск и морозную костяную жгучесть петербургского февральского полдня. Русский мороз мне почему-то всегда казался сделанным из кости. Невский был полон движения, веселого и тоже морозного. Странное дело: мороз, как и вино, веселит людей. На морозе хочется смеяться и совсем нельзя злиться. Все застывающие на морозе люди кончаются с примиренной улыбкой на лице. Когда человек замерзает, в ушах у него звенит, как от гашиша. А тут, в Петербурге, дым из труб идет к небу ровной нежной линией, ни ветерка, ни вздоха, по скрипу полозьев можно определить, сколько градусов, потому что скрип имеет свою музыкальную, то повышающуюся, то понижающуся тональность. След полозьев имеет то голубоватый, то синий, то фиолетовый оттенок, и это все от количества градусов. Дыханье лошади, то просто парное, то густое и не скоро тающее, и цвет сосулек — это все зависит от количества градусов, и наблюдательному человеку не нужно никаких термометров. И у глаза, как и у уха, есть свой абсолютный слух. И все это, зимнее, сияюще-белое, поет свою северную песню, и неудивительно, что здесь, на юге, нам этого не хватает, как обедни; слабеет без мороза здо-

ровье; глаз не полируется зимним светом; легкие не прочищаются морозным воздухом. Там, именно там, чувствуешь себя на настоящей земле, ибо, конечно, на небе будет всякое блаженство, но не будет русского мороза.

Маленький, только что испеченный кадетик, в шинели, сшитой на рост, закутанный в желтый душистый башлычок, из которого торчит только красный нос, подхожу я к воротам Аничкова дворца с Невского проспекта. И сейчас же со всех ног летит ко мне старый пристав Хоменко. Он тоже в башлыке, но без кисточки, глаза красные и в негорестных слезах, борода в инее: вылитый елочный дед.

— Ты куда, кадетишка, прешь, болван? — кричит Хоменко, стараясь выпучить смерзшиеся глаза.

— К маме,— отвечаю я.

— К какой маме, болван? Здесь — царский дворец.

— Моя мама живет в царском дворце.

— Кто ты такой есть? — грозно спрашивает Хоменко.

Мне в душе нравится, что Хоменко меня не узнает. Конечно, где ж старику узнать? Я уже большой, форменный, я уже мажу керосином место для усов, скоро могу отпустить бороду подлиннее, чем у самого Хоменко.

— Я,— говорю,— Володя Олленгрэн.

И тут Хоменко «разувает» глаза.

— Володька! — кричит он на весь проспект,— да это ты, чертенок?

— Я,— отвечаю морозным звучным басом.

— Не узнать тебя, богатым будешь.

— Побогаче вас,— говорю,— буду.

— Ну уж, конечно, где же нам? (После смерти Хоменко оставил несколько миллионов). Ну уж иди, иди на этот раз. Но помни, что твой подъезд с Фонтанки, слышишь?

— Слышу,— отвечаю я и важно вхожу в самые царские ворота.

Иду по двору, гляжу — из гимнастического зала, в одном сюртуке, бежит отец Ники, великий князь Александр, и тоже кричит:

— Ты куда, кадет?

— К маме.

Но он по голосу сразу узнает меня и тоже, как Хоменко, удивляется:

— Это ты, Володька?

И мне снова радостно: все меня знают, цари, пристава, кругом — родной добрый дом. Великий князь тоже, как все люди, замерз и на всех парах летит к подъезду, там поджидает меня и трогает за нос и говорит:

— Пропал твой нос, отвалиться должен, мажь скорее гусиным салом.

А у самого пар изо рта, глаза совсем посинели и тоже слегка плачут. У меня вырастает громадное к нему уважение: без пальто по морозу бегает — вот это настоящий великий князь, ничего не боится.

Напился я у мамаши шоколаду, оттер нос, горечь разлуки скоро прошла, и стало даже скучновато. Мамаше нездоровится, печень, горячая бутылка, порошки с бумажными, замечательно красивыми ленточками от аптеки, в квартире — не теплота, а самая настоящая сушь. Аннушка вздыхает о Боге и все поет «Святые Троицы», все те же лампы с механизмом, те же кресла — Господи! Какая скука во дворце! Только в Корпусе я узнал, что такое настоящая человеческая жизнь. В моем классном столе, например, сидит и блаженствует настоящий живой воробей Мишка, подобранный мной в саду, костеневший от холода. Теперь Мишка освоился, ест хлеб и дышит через дырочку, которую я провертел в парте перочинным ножом. С таким приятелем умирать не надо, даже уроков учить не хочется.

Скука часам к двум меня разобрала окончательная, и я начал просить маму, чтобы она отпустила меня на балаганы. Об этих балаганах в корпусе говорили много и с большим оживлением. Не быть на балаганах — это все равно что быть у папы и не видеть Рима: так заявил один старый кадет, наш приятель.

Начал приставать, мама смилостивилась, отпустила и дала абаз: так у нас в корпусе по-татарски называли двугривенный. Мама настаивала, чтобы со мной, провожатая, пошла Аннушка, но я наотрез отказался и начал стращать маму тем, что из корпуса выгонят, если увидят, что бравый кадет не может развернуться без дамской помощи.

Когда я вышел на двор, снова закутанный в башлык, я услышал, что кто-то мне вслед стучит из верхнего окна по стеклу. Поднимаю голову: Ники. Вижу, он делает такое движение рукой, которое обозначает: рад тебя видеть. У нас, как у глухонемых, была выработана особая азбука жестами. Я тоже взмахнул руками так, что означало, что

тоже страшно рад тебя видеть, и даже поплясал маленький танец. Ники с нетерпением забарабанил в стекло и начал жестами говорить: немедленно иди ко мне. Потом сделал дымное движение над головой и потянулся — это означало: подыхаю от скуки. Я постучал себе в грудь и опять поплясал — это означало, что мне адски весело. Ники вопросительно прошел двумя пальцами по стеклу: куда держишь путь? Я показал немедленно деда с длинной бородой, козу на ленте, курносого клоуна, намазанные щеки — это значило, что иду в комедию, на балаганы, и Ники сделал удивленное лицо: ничего не понял. Бедный! Он не знал, что такое комедия и что такое балаганы. Я сделал несколько шагов вперед, потом назад, потом показал пальцем на язык и лоб — это значило: пойду и, когда вернусь, все расскажу по порядку. Ники погладил себя по волосам — это означало, что он плачет и ему горько оставаться дома. Я приложил к глазам конец башлыка и, рыдая, вздрагивая плечами, пошел со двора, как апостол Петр после отречения.

В те времена, в дворцовой атмосфере, я уже начал отдавать себе отчет в том, что такое я и что такое он. Я понимал, что между мною и им — неизмеримая разница, но благоговения у меня к нему никакого не было. Я понимал, что перед ним расстилаются все блага мира, кроме одного: кроме свободы. Я вот, маленький и никому, кроме мамы, не нужный кадет, пойду сейчас по Невскому, с таким удовольствием буду отдавать честь офицерам и втайне жду, чтобы побольше было генералов: так приятно чувствовать себя служилым человеком, у которого есть уже серьезные государственные обязанности и которого за нарушение оных запрут часика на два в холодную. Так приятно вытянуться в струнку перед генералом и о поручике подумать: «ерунда», просто шлепок к козырьку и никаких фронтов.

Выхожу из ворот и сам думаю: «Бедный Никенька, сидит, как мой воробей в парте, никуда не пускают, почему? Ну кто тронет нас, кому мы нужны?»

Снова вижу Хоменко, подхожу к нему, становлюсь во фронт, держу руку у козырька и спрашиваю:

— Ваше превосходительство, разрешите узнать, как пройти на балаганы?

Хоменко тоже откозыривает мне и со всей вежливостью показывает рукой:

— Вот пойдете все прямо, господин кадет на палочку надет, и потом свернете вправо, и лучше всего, если спросите у городового. А от мамаши разрешение имеете?

— Так точно, имею.

— С Богом по морозцу.

И я не иду, я стрелой лечу, пропуская даже генералов,— так влечет меня на крылатых, морозом подкованных ногах чудесная жизнь.

БАЛАГАНЫ

Император Александр Третий был очень остроумный человек. Многие из его резолюций сделались классическими. Известен случай, когда в каком-то волостном правлении какой-то мужик наплевал на его портрет. Дела об оскорблении величества разбирались в окружных судах, и приговор обязательно доводился до сведения государя. Так было и в данном случае. Мужика-оскорбителя приговорили на шесть месяцев тюрьмы и довели об этом до сведения императора. Александр Третий гомерически расхохотался, а когда он расхохатывался, то это было слышно на весь дворец

— Как! — кричал государь.— Он наплевал на мой портрет, и я же за это буду еще кормить его шесть месяцев? Вы с ума сошли, господа. Пошлите его к чертовой матери и скажите, что и я, в свою очередь, плевать на него хотел. И делу конец. Вот еще невидаль!

Арестовали по какому-то политическому делу писательницу Цебрикову и сообщили об этом государю. И государь на бумаге изволил начертать следующую резолюцию:

«Отпустите старую дуру!»

Весь Петербург, включая сюда и ультрареволюционный, хохотал до слез. Карьера г-жи Цебриковой была в корень уничтожена, с горя Цебрикова уехала в Ставрополь-Кавказский и года два не могла прийти в себя от «оскорбления», вызывая улыбки у всех, кто знал эту историю.

Это был на редкость веселый и простой человек: он с нами, детьми, играл в снежки, учил нас пилить дрова, помогал делать снежных баб, но за шалости крепко дирывал за уши. Однажды мы с Ники забрались в Аничковом саду

на деревья и плевали на проходящих по Невскому проспекту. Обоим от будущего Александра Третьего был дер, отеческий и справедливый.

Я отвлекся в сторону вот по какому поводу. До сих пор понять не могу, почему в царствование именно этого Государя, который сам так любил и посмеяться, и пошутить и, самое главное, понимал и ценил шутку,— почему именно в его царствование были воспрещены так называемые масленичные балаганы? И вообще не могу понять, почему, например, и в Париже отошли в область преданий и карнавал, и жирный вторник? И Петербург и Париж очень много потеряли в своем художественном облике от этих запретов.

Боже мой, как я, маленький кадетик, веселился тогда на этом гулянии! «С пылу, с жару, пятак за пару», «с гусачком» — я прежде всего отведал действительно обжигавших пирожков. Никакие блюда царской кухни не могли ублажить моего вкуса, как эти собственноручно купленные пирожки около малафеевского балагана!

Дед, кривлявшийся на параде, кричал мне:

— Кадет, не доедай до конца, оставь балалаешнику кусочек! Не дай душе протянуть ноги от голода. Потешь деда-весельчака-а! Дай дыхнуть!

И вытирал катившиеся фальшивые слюни.

И какие-то купцы в необъятных енотах, и купчихи в бархатных бурнусах, и полотеры (полотера сразу видно по усам), и мальчишки в бараньих тулупчиках, и девки в очаровательных кокетливых платочках (самый прелестный головной женский убор: недаром его так теперь оценили щеголихи на здешнем Лазурном берегу) — все в один голос кричали мне:

— Кадет, оставь дедушке, потешь старого!

Я оставил недокусанным полпирожка и протянул его деду. Дед был высоко, на верхнем помосте, и какой-то полотер выхватил у меня из руки пирог, полез по столбу с флагом и победоносно вручил его деду.

— Спасибо, внучек, пожалел деда, не оставил. Заходи на представление, гостем будешь, потешу душеньку. Эх, купец, чего смотришь? Последуй примеру, отвали на полуштоф, будет весь обед готов.

Дед говорил в рифму, подплясывал, прыгал от мороза, помахивал платочком, подмигивал девкам и все время тренькал на балалайке.

В самом балагане было волшебство: ломались на трапециях, глотали дым, пропускали шпаги в живот и представляли прекрасную магометанку, умирающую на гробе своего мужа. Магометанка была действительно на заглядение, умирала с холодным лицом, но долго. Зато купчихи плакали и быстро вытирали слезы, чтобы не замерзли. Купцы крепились и нюхали табак, не чихая. Когда привели пойманного разбойника, полотеры кричали с стоячих мест:

— Бей его по скуле, сукинова сына!

И я смотрел на полотеров с тайной благодарностью.

Посреди балагана горела огромная печь, весело потрескивали березовые дрова, дымок был ароматен, и тепло шло от него живительное, не хотелось уходить, сидел бы до вечера. Потом магометанка танцевала с бубном и била им по коленке.

А когда я вышел из балагана, то воздух уже посинел, сгустился, на горизонте обозначился молоденький месяц в прозрачных пеленках, горели костры, пришлось выпить сбитня и требовать, чтобы продавец наливал стакан до краев.

Полотеры, улегшись брюхом на санки, слетали с гор, и усы у них от лета превращались в снежных мышей. На верху гор с победоносным клекотом трепетали флаги. Шум стоял, как на ярмарке, играли органы и какие-то флейтисты, ходившие цугом. И вдруг показалось видение, погубившее меня: это был бородатый мужик в белом фартуке, продавец воздушных шариков.

На тоненькой веревке он держал гроздь цветных шаров, покачивавшихся в воздухе. Это было так волшебно красиво, что у меня захолонуло дыхание. Они были такой нежной прозрачности и чистоты, что обладание одним из них казалось недоступным достижением. Каждый из них должен был стоить самое меньшее сто рублей. Тем более что мужик смотрел на меня и на народ с убийственным презрением. Он был прав, творец и обладатель шаров. Будь я на его месте, я бы не продал никому ни одного шара. Как можно расстаться с таким чудом? Эти шары были прелестным дополнением к углубленному голубому небу, к молоденькому ребенку-месяцу: казалось, они именно для

него, для месяца, и были принесены сюда. И потом, им, голеньким, так, вероятно, холодно на таком морозе, когда от всех, даже от башлыка, валит пар. Все исчезло для меня, даже шум, даже музыка. Я ослеп и оглох. Если бы презрительный мужик сказал мне: «Кадет, сними сапоги, я дам тебе за них шар»,— я бы не задумался ни на одну минуту. Так меня поразили эти, в первый раз увиденные воздушные шары. Впечатление было так велико и так запечатлелось в душе, что я и теперь, через шестьдесят лет, смотрю на эти шары с волнительным умилением. Тогда же я ходил за мужиком, след в след, как ученик ходит за пророком.

И вдруг к мужику подходит купец. От купца идет пар, как из бани. Купец грубым голосом спрашивает:

— Борода, почем шары?

Мой мужик отвечает хрипло:

— Пара семь копеек, один — пятак.

До сих пор я слышу ярославское «я» в слове «пятак».

Купец отходит и недовольно говорит:

— Цену знаешь, прохвост!

А меня обдало жаром. Как? Не сто рублей, а пятак, простой пятак? Где же мои пятаки? Лезу в один карман, в другой — пропали, исчезли мои пятаки. Боже мой, где же пятаки? Неужели я все прожил без остатка, дурак, осел, неразумная скотина? Я был так закутан, что искать, пробиваться в карманы было нелегким делом. От меня валил пар, как от купца, нос не держал слезоточивости, и какой-то проходящий сказал:

— Сопли растеряешь, кадет.

Но я так далек был от всяческих оскорблений!

Меня прошиб пот, как после малины, я готов был сбросить башлык, казавшийся пеклом, горчичником. Я поочередно вынимал из кармана драгоценный билет в балаган, свинчатку, подзорную трубу с красным стеклом, янтарный мундштук, корм для воробья, бенгальские спички, конфету, о которой я давно забыл,— все, все! Пятак оказался в правом кармане шинели — там, где ему и быть надлежало: просто от волнения я не мог его как следует нащупать. Все свои поиски я производил, ни на минуту не оставляя следов моего мужика.

Поддернув носом, я зашел к нему с лица и, вероятно, побледнев, протягивая толстый пятак с широким николаевским вензелем, повелительно сказал:

— Давай шар!

Мужик ответил:

— Какой тебе?

Опять задача. Мужик смотрит презрительно.

— Красный! Нет, синенький! Нет, вот тот!

— Лиловый, что ли?

— Нет, красный.

— Ты как девчонка, кадет,— говорит мужик сердито, отцепляя шар.— Сам не знаешь, что твоя душа требовает.

И красный шар очутился в моей руке. Я не чувствовал ни оскорблений, ни мороза, впившегося в мою руку. Шар был невесом, от спускающейся темноты он тоже потемнел, стал рубиновым, как на мамином кольце, но плывет за мной вслед, как воздушная собачка, хочет вырваться из пальцев, но шалишь, брат, теперь я тебя не отпущу, теперь ты мой, навеки.

И первый раз в жизни я тогда понял, что такое счастье, полное человеческое счастье. Я хотел узнать у мужика его адрес, чтобы, когда буду генералом, осыпать его деньгами и заставить работать только для меня и моих детей. Мужик жил бы в теплой бане, и Аннушка носила бы ему обед, а я приходил бы за шарами. Шары были бы всюду, трепетали по воздуху, очаровательно шуршали бы в руках и ласкали взор.

Не замечая окончательно сгущавшейся темноты, ни огней Невского проспекта, ни медленно крутившегося с неба крепко замороженного снега, ни скользкости панели, ни генералов, ни простых офицеров, ни всей этой презренной земной жизни, я машинально шел вперед и очнулся только лишь тогда, когда увидел четырех чугунных коней. Ага! Значит, сворачивать направо.

Направо был дворец с въевшимся в стены снегом. Прибавилось холоду от Фонтанки. Мелькали красноватые лампочки в живорыбных садках. Лошади напирали слева, справа, я слышал их басистое и парное дыхание и шелест полозьев, и была одна только мысль: «Как бы голодная лошадь не съела шар».

Я сам бы съел его с удовольствием: такой он был вкусный и располагающий.

Наконец, прицепившись к солидному господину в глубоких калошах, я перешел дорогу и, не помня никаких препятствий, проник к родной матери.

Шар не поразил ни маму, ни Аннушку: тем хуже для них.

Но меня он не то что поссорил, но как-то разлучил с императором Николаем Вторым на всю жизнь, и он в Севастополе мне об этом напомнил.

ССОРА

Подошел вечер, глаза слипались, надо было спать. А глаза не переставали смотреть на этот волшебный, не от мира сего шарик. Зная, что со сном не вот-то поборешься, чувствуя линии ослабевающих, как после гимнастики, мускулов (особенно сдавали ноги), я решил, что если со злом сна и земного забвения бороться немыслимо, то шара своего, во всяком случае, из рук ни за какие деньги не выпущу. Я сплю, пусть и он спит. Накручу нитку на палец, улягусь на спину, и так вместе проведем ночь. Но Аннушка, пришедшая делать постель, заявила:

— Ночи не выдержит ваш шар. Лопнет.

— Как лопнет? — воскликнул я.

— Очень просто, как лопаются шары. Его нужно на холодный воздух. Тогда он продышит еще день.

Завязался спор, в котором я атаковал Аннушку, как своего злейшего врага, но увы! Пришла мамочка и со свойственным ей авторитетом заявила, что Аннушка права и что шар нужно выставить на вольный воздух. Шар, как все прекрасное, недолговечен. Надо спасти его — и дрожащими руками я передал шар Аннушке, чтобы она выставила его в кухне за окно и прицепила бы попрочнее. Аннушка равнодушно, как обыкновенную вещь, схватила его своими заскорузлыми пальцами и вынесла из комнаты. Мне хотелось плакать, кричать, бежать вслед, но я был бос, раздет и боялся маминого скандала.

Вздохнув, я завалился на подушки и сразу увидел какую-то зеленую прямую линию, которая шла через весь Петербург. Потом дед чавкал мой пирожок, потом я подержал черного кота за хвост, потом кто-то шумно вздохнул около меня, и я, как топор, начал спускаться на дно: вода

была теплая и приятная, и мне было приятно знать, что я теперь не кадет. Потом бухали молотом какие-то часы, и я съежился от ужаса, думая, что вот зазвонит на вставанье корпусной визгливый колокольчик. Но колокольчик не зазвонил, а раздался голос все той же Аннушки:

— Пора вставанкили, а ваш шарик уже по саду гуляет.

— Что ты наворачиваешь? — сердито сказал я.— Мой шарик привязан к окну.

— Был, да сплыл.

Во мне все оборвалось.

— Как так? Что ты несешь?

— Да вот уж и так. Никенька прислал солдата и взял шарик.

— Как так взял? Кто же его дал?

— А я дала. Пусть побегает.

— Стерва! Ты отдала мой шар?

— А что ж он его, съест, что ли? Побегает и принесет.

Я понял, что миру наступил конец.

— Он царенок, Никенька-то,— заметила Аннушка.

Меня трясла лихорадка. Я не помнил, как сами собой натягивались мои штаны и левый сапог влезал на правую ногу. Руки тряслись, пальцы не попадали в петли. Мысль была одна: спасать шар, спасать какой бы то ни было ценой, пока не поздно.

Как сумасшедший, выбежал я в сад: без шинели. Ничего не замечал: ни адского холода, ни снега, валившегося мне за ворот, ни скользкости пути. Была одна сумасшедшая мысль: где Ники? Что с шаром? Чувствовал одно: Ники мой злейший враг. Все остальное: старая дружба, дворец, то ощущение разницы, которое у меня начинало уже образовываться («правда, что ты учился с великими князьями»),— все вылетело из головы...

И вдруг оно где-то между деревьев мелькнуло, цветное пятно. Как стрела, пущенная из лука, я бросился туда. Ники, завидев меня, со смехом бросился наутек. О, этот прелестный, шаловливый, почти девчоночий смех! У нас в Корпусе был один кадет с таким же смехом, и всегда при нем я вспоминал Ники. Но сейчас это был смех злейшего врага. Я двинулся со всей поспешностью за ним, чтобы отнять свой шар. Но Ники (он был слегка косолапенький), как зайчонок, юлил по всему саду с чертячьей ловкостью.

Вот-вот уже схватил его за шиворот — ан нет: он уже метнулся вокруг дерева и увильнул.

— Отдай шар! — кричал я.— Не твой шар!

— Теперь мой, не возьмешь,— отвечал Ники, и прелестное цветное пятно туманило у меня перед глазами.

— Ты не смеешь трогать мой шар!

— Мне его Аннушка дала. Знать тебя не знаю.

Долетев до катка, Ники с шиком прокатился на подошвах, я тем же аллюром за ним, но в волнении не выдержал равновесия и брякнулся на четвереньки. И опять рассыпался в воздухе девчоночий смех: Ники был уже далеко и кричал:

— Не можешь на подошвах прокатиться, медведь. Ни за что меня не словишь.

Опять новая заноза в самолюбие. И опять новый завод, новая пружина в теле... Опять понеслись по саду. Закрутились вокруг дерева: я — направо, он — налево, поди ухвати. Вижу перед собой только веселые, бесконечно смеющиеся глаза, бархатные и лучистые. Досада меня разбирает все больше и больше: решил лечь костьми, но отнять шар, ни с чем в саду не сливающийся, но придающий красоту каждой точке, около которой он появляется. Дерево кажется другим деревом, каток — другим катком, и сам Ники кажется мне другим — неизвестным мне мальчиком. И тень очаровательного цвета иногда скользит у него по лицу и делает его еще прелестнее и нежнее.

На Ники напал хохотун, серебром этого звонкого смеха полон весь зимний, с крепким, как сахар, снегом сад. С удовольствием, как выздоровление, я чувствовал, что моя первоначальная злость переходит в доброе и благожелательное чувство: так приятно, в крепких сапогах и чувствуя усиленное тепло в теле, бегать, скользить, ловчиться с растопыренными руками, звонко рычать и смехом отвечать на смех. И вдруг случилось долгожданное. Ники поднял руки в знак сдачи.

— Отдаю шар,— сказал он и с поднятыми руками, как парламентер, шел навстречу.

С сердца сваливался камень. Сейчас мое сокровище будет всецело принадлежать мне. Я уже протянул жадные руки. Ники поднес шар к самому моему носу и вдруг выпустил нитку из рук, и шар мгновенно вознесся к самой вершине сада.

— Лови свой шар! — крикнул Ники со смехом и опять пустился бежать. Но тут силы мои утроились, к ногам приросли воздушные крылья, я сделал какой-то невероятный скачок, настиг, повалил его, смеющегося до хохота и совершенно от этого бессильного, и начал ему насыпать по первое число. От хохота, от смешных слез его у меня все больше поднималось сердце и все большею силой наливалась рука. Я лупил его по чем попадя, но, очевидно, теплый тулупчик поглощал мою силу и только щекотал бока Ники.

— Ты смотри, кровь пойдет, узнают, обоим влетит,— сказал наконец Ники, и я отпустил его и сам, как нюня, заплакал по шару. Мы оба начали смотреть в небо, забегали в места, с которых повиднее,— увы! ничего не было видно. Шар улетел. На меня сваливалось горе, тяжелая тоска, при которой жизнь теряет всякий интерес и начинается апатия.

Показался Данилович в длинном сюртуке и вызвал Ники. Ники сказал потихоньку: «холера» — и послушно, наклоняясь вперед, побежал. Я со своим горем остался один в мире. Конечно, шары есть, но во-первых, кто пустит на балаганы еще раз, а во-вторых, где найдешь нужные средства?

Дома рассказал все маме. Мама посмеялась и сказала, что завтра у меня будет два шара. Это меня успокоило, и, чтобы победить мучительность ожидания, я раненько залег спать и, проснувшись поутру, увидел, что к кровати привязаны два шара: красный и зеленый. И опять комната, которую я так хорошо знал, показалась мне новой, интересной и жизнь — радостной и полной. Я был счастлив и чувствовал в сердце прилив доброты. Меня мучили сомнения: уж не слишком ли я вчера ополчился на старого друга Ники?

В комнату вошла Аннушка и объявила мне:

— На кухню прислан солдат и говорит, что Никенька ждет тебя на катке. И Жоржик тоже.

Дворцовая прислуга, надо сказать, всю великокняжескую семью звала запросто: «цари». «Цари пошли ко всенощной. Цари фрыштикают». А маленьких великих князей, как в помещичьей семье, звали просто по именам и всегда ласково: «Никенька, Жорженька». Конечно, за глаза. Прислуга, как я теперь понимаю, любила семью не только за

страх, но и за совесть. И вообще комплект прислуги был удивительный, служивший «у царей» из рода в род. Старики были ворчуны, вроде чеховского Фирса, которые не стесняясь говорили «царям» домашние истины прямо в глаза...

Оставив шары под надежным прикрытием, я быстро сбежал в сад. Там на катке уже суетились разрумянившиеся Ники и Жоржик Было весело, светло, уютно. Каток я знал как свои пять пальцев. Он был большой, с разветвлениями, с особыми заездами, походил на серебристый паркетный пол.

В самый разгар катанья Ники вдруг сказал:

— А вот по той дорожке ты не проскочишь.

— Почему это так? — гордо, с обидчивостью спросил я.

— А потому! — уклончиво и с загадочной улыбкой ответил Ники.

Это задело меня за живое.

— Ты хоть и кадет (этому званию он завидовал искренно), а не проедешь,— сказал еще раз Ники.

— Что за чушь? Почему это не проеду? — опять гордо ответил я, прицеливаясь глазом на «необыкновенную» дорожку.

— А вот не проедешь.

Я, ничтоже сумняшеся, стал наизготовку, прищурил глаз, разбежался и... ахнул в яму. И с испугу, от неожиданности заорал, конечно.

Как на грех, в это время проходил на пилку дров отец Ники, великий князь Александр, будущий Александр Третий. Услышав мой крик, он поспешил к катку, вытянул меня из ямы, стряхнул снег с моей шинели, вытер мне лицо, как сейчас помню, необыкновенно душистым и нежным платком.

Лицо его было сплошное удивление.

— Что это? Откуда яма? Кто допустил?!

Теперь догадываюсь, что у него промелькнула мысль: не было ли здесь покушения на детей?

Но Ники снова схватил хохотун, и он, приседая, чистосердечно объяснил отцу все: как я вчера поколотил его за шар и как он мне сегодня отомстил.

Великий князь строго все выслушал и необыкновенно суровым голосом сказал:

— Как? Он тебя поколотил, а ты ответил западней? Ты — не мой сын. Ты — не Романов. Расскажу дедушке. Пусть он рассудит.

— Но я драться не мог,— оправдывался Ники,— у меня был хохотун.

— Этого я слушать не хочу. И нечего на хохотуна сваливать. На бой ты должен отвечать боем, а не волчьими ямами. Фуй. Не мой сын.

— Я — твой сын! Я хочу быть твоим сыном! — заревел вдруг Ники.

— Если бы ты был мой сын,— ответил великий князь,— то давно бы уже попросил у Володи прощения.

Ники подошел ко мне, угрюмо протянул руку и сказал:

— Прости, что я тебя не лупил. В другой раз буду лупить.

Вечером от имени Ники мне принесли шаров пятнадцать, целую гроздь. Счастью моему не было конца, но история, вероятно, имела свое продолжение, которого я так, до встречи в Севастополе, и не знал.

И только теперь, через множество лет, стоя со мной на царской севастопольской ветке, император Николай Второй намекнул мне, шутя, об этом...

Выслушав признание императора, я, что называется, внутренно заерзал. Многое в моей жизни непонятное стало вдруг освещаться. «Он никогда мне этого не простил»,— думал я.

Вдруг император сказал:

— У вас утомленный вид. Надо бы полечиться, отдохнуть...

Я ответил, что собираюсь, уже отпуск — в кармане и через неделю еду на кавказские группы.

Государь протянул руку и как-то просто, по-солдатски, сказал:

— Счастливо!

И поднялся в вагон, легко спружинив руками. И вдруг с площадки повернулся и сказал мне в темноту:

— Да! Если будешь в Тифлисе, передай от меня поклон князю Орлову.

И скрылся. А я чуть не грохнулся на тырс от этого дружеского, прежнего, детского, забытого «ты».

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ

В рассказе о случае с воздушным шариком я отклонился в сторону и теперь начну по порядку излагать историю нашей совместной жизни с великим князем Николаем Александровичем и совместном учении.

Теперь, по исходе лет, мне кажется, что его отец, будущий император Александр Третий (которого я считаю государем гениальным), понимал, что детей своих не нужно особенно отдалять от земли и делать из них небожителей. Он понимал, что небожительство придет само собой, в свое время, а пока суд да дело, нужно, чтобы они потоптались в обыкновенной земной жизни. Тепличные растения — непрочны. И потому на меня, на обыкновенного шалуна и забияку, он смотрел благосклонным глазом и прощал мне многие штуки. Я был представитель той простой, обыкновенной жизни, которую ведут миллионы его подданных, и, очевидно, по его плану нужно было, чтобы к этой обыкновенной жизни причастился будущий хозяин жизни, а пока что — его маленький сын.

Я же, по совести сказать, не отдавал себе отчета в том великом счастье, которое мне выпало на долю. Больше: я просто тяготился той невероятно скучной и монотонной жизнью, которую мне пришлось вести в золоченых стенах великолепного дворца. Ну что толку из того, что к утреннему завтраку нам подавался чай, кофе и шоколад с горами масла и яиц, и все это — на каких-то особенных чудесных блюдах? Ты мне дай краюху хлеба, которую я заверну в карман и потом на Псковской улице буду по кусочкам щипать и отправлять в рот. Тогда я почувствую этот очаровательный святой запах в меру зажаренной корки и дам себе счастье, как у Гомера, насладиться пищей. А то вот мы встали, все трое, кто хватил то, кто — другое, все спешат, глотают не жуя, несмотря на все запреты и замечания, и у всех — одна только мысль: поскорее в сад, на вольный воздух, поноситься друг за другом в погоне, устроить борьбу и, по возможности, чехарду, которую Ники обожал. Другое, что он обожал, это — следить за полетом птиц. Через многие десятки лет я и теперь не могу забыть его совершенно очаровательного личика, задумчивого и как-то мрачно-тревожного, когда он поднимал кверху свои нежные, невинные и какие-то святые глаза и смотрел, как

ласточки или какие-нибудь другие птицы вычерчивают в небе свой полет. Я это так любил, что иногда обращался с просьбой:

— Ники, посмотри на птиц!

И тогда он, конечно, не смотрел, а в смущенье делался обыкновенным мальчишкой и старался сделать мне салазки.

Он очень любил изображение Божией Матери, эту нежность руки, объявшей Младенца, и всегда завидовал брату, что его зовут Георгием, потому что у него такой красивый святой, убивающий змея и спасающий царскую дочь.

— Вот так и я бы спас нашу Ксеньюшку, если бы на нее напал змей,— говаривал часто маленький великий князь,— а то что же мой святой, старик и притом сердитый?

Он раз даже позондировал у моей мамы почву, нельзя ли ему перестать быть Николаем и быть Георгием.

— Ну что ж? — говорил он в ответ на возражения мамы.— Мы будем два Георгия: один большой, другой — маленький.

Он отлично понимал, что я — счастливее его, потому что моя мама — всегда со мной, а его мама видит его только два раза в день, утром да вечером, в постели.

Он обожал свою мать. Впрочем, обожал ее и я. Да и не знаю, кто ее не обожал? Вот это было божество в полном значении этого слова. Я, дурак, мальчишка, лишался слова в ее присутствии. Я разевал рот и, застыв, смотрел на нее в божественном восторге. Она часто снилась мне, всегда с черным веером, каких потом я никогда не видел. Иногда и теперь я вижу этот прекрасный, раз в году повторяющийся сон, все тот же страусовый веер,— и тогда я счастлив целую неделю, забывая и старость, и чужбину, и дикую неуютную жизнь.

Как это бывало?

Обыкновенно часов в одиннадцать утра, среди занятий, раздавался с четвертого этажа звонок. Все радостно вздрагивали. Все знали, что это звонит мамочка. Тут Ники гордо взглядывал на меня: «его мамочка». Мгновенно все мы летели на лифт и сами старались ухватить веревку. Достигнув четвертого этажа, в котором жила августейшая чета, мы через Блюдный зал знакомой дорогой летели кто скорей в «ее» будуар. Сейчас же начинались поцелуи и расспросы:

— Ну как спали? Что во сне видели? Боженьку видели?

Начинались обстоятельные, вперебивку, доклады, при которых всегда, с скрытно-радостным лицом, присутствовал и отец.

Дети рвались к матери, грелись у ее теплоты, не хотели оторваться, но увы! Официальное время шло, и родителям нужно было уезжать к деду, в Зимний дворец, где они и проведут потом целый день, до поздней ночи. Я потом слышал, что наследник потому так упорно ездил в Зимний на целый день, что боялся, что отец, Александр Второй, даст конституцию. Мы этого тогда не знали, но знали, что перед расставаньем нас ждет огромное удовольствие. И это удовольствие наступало: великая княгиня всех по очереди катала нас вокруг комнаты на шлейфе своего платья. Это была постоянная дань за расставанье. И, покатавшись, обласканные на целый день, мы снова спускались на свою половину к мрачным книгам и тетрадям.

Детская половина состояла из приемной, гостиной, столовой, игральной и так называемой опочивальни, в которой стояли три кровати. Была еще комната мисс Брент, англичанки, которая занималась воспитанием великой княжны Ксении, которая к нам, мужчинам, никогда никакого отношения не имела. В игральной комнате был песок, качели, кольца, всяческие игрушки. Кровати в спальне были особенные, с мудростью, без подушек (что на первых порах меня убивало), были невероятной упругости матрацы с валиками в головах. Был умывальник с проточной водой. Ванны не было, и купались дети у матери, в четвертом этаже. Я — у себя дома.

Занятия сперва захватили великого князя. Мир тетрадок, которые ему казались сокровищами, которые жалко пачкать чернилами, сначала мир очаровательных и таких, в сущности, простых книг, как «Родное слово», с картинками, от которых нельзя оторваться. В особенности занимала его картинка «Вместе тесно, а врозь скучно» и серый воздушный шар. Совершенно очаровало его стихотворение «Румяной зарею». Не знаю, то ли уютный ритм этих строф, то ли самые картины утра, выраженные в стихе, но он, по неграмотности, сам еще не мог читать и все просил маму, чтобы она читала, и, когда она читала, он благоговейно шевелил губенками, повторяя слова. И опять его больше всего завораживала фраза: «гусей караваны несутся к лугам». Я, признаться, не понимал этого, но чувствовал, что это — интересно, как-то возвышенно, что это — какой-то

другой склад, мне недоступный, и вот по этой линии я инстинктивно чувствовал его какое-то превосходство надо мной. Мне было смешно, когда он думал, что эта книга — только одна на свете и только у него, что у других не может быть таких прекрасных книг, а я знал, что таких книг хоть завались и стоят они по двадцать пять копеек, а он не верил и совсем не знал, что такое двадцать пять копеек. Я ему иногда показывал деньги и говорил, что вот на этот медный кружок можно купить великолепную свинчатку, и он не понимал, что такое *купить,* а променять свинчатку на скучный медный кружок считал безумием.

Он только тогда согласился писать в тетрадке, когда мама показала их целую гору в запасе. У него было необыкновенное уважение к бумаге: писал он палочки страшно старательно, пыхтя и сопя, а иногда и потея, и всегда подкладывал под ладонь промокательную бумагу. Часто бегал мыть руки, хотя тут, пожалуй, была предлогом волшебно лившаяся из стены вода. Его писанье было девически чисто, и тетради эти мать потом благоговейно хранила. Не знаю теперь, где они, кому достались и кто их бережет.

Ученье начиналось ровно в девять. Уроки были по пятьдесят минут, десять минут — перемена. Вне урока рисовали огромного папу и маленькую маму с зонтиком. Иногда на уроках бывал великий князь Георгий: этот только смотрел, слушал, вздыхал и норовил, как бы поскорей выбрать такой промежуток, чтобы поскорей стрельнуть из комнаты в сад. И мы смотрели ему вслед с искренней завистью. По стенам бегают зайчики, в саду простор, улица аппетитно шумит: улица — недоступный, запретный, какой-то особенный, удивительный, для счастливых, свободных людей мир.

Что же, признаться, скучно было во дворце жить. Великим князьям было все равно: они в этом родились, свободы не знали и жили, как будто так и быть должно. Но я был птицей вольной, я знал, что такое свет Божий, что такое наслажденье дружбы, отваги, вольной игры, в которой каждый волен изобретать свои вариации, комбинации... Я знал, что такое сирень за забором или манящее яблоко. Я знал, что такое марафет, купленный по дорогой цене, за копейку, я знал восхитительное свойство денег, приближающих к вам очаровательные вещи, я знал запах дикой бузины и как из нее делать пушки, а из сочной арбузной

корки — звонкие заряжалки. Я знал, как в сирени искать счастье, я знал мечтательность и загадочность счастья, а они? Они все имели уже при рождении.

Меня потрясло рождение великого князя Михаила. Однажды нам таинственно объявили, что родился братец. Там, наверху, в четвертом этаже родился братец. Что за братец? Какой братец? Мы знали только то, что наверх нас давно уже не пускали, и катанье на шлейфе кончилось, и маму никак нельзя видеть. Начиналась полная заброшенность. Великие князья приуныли, осиротели, и Ники часто спрашивал:

— Мамочка больна?

Ему отвечали, что нет, не больна, но ее нельзя сейчас видеть, ей некогда, дедушка задерживает, уезжает рано и приезжает поздно. Дети как-то осунулись, потускнели, стали плохо есть, плохо спать. Жоржик плакал по ночам, и Ники, подбежав к кровати голыми ножками, трогательно успокаивал его, утешал и говорил:

— Гусей караваны несутся к лугам...

Ложился с ним в кроватку и вместе засыпал. Вообще Ники не мог съесть конфетки, не поделившись...

И вдруг:

— Братец! Новый братец! На кого похож? Когда же мы его увидим?

— А вот погодите, придет срок.

Началось ожиданье. Дворец притих, Аннушка ходила неузнаваемая, не глядя на людей, зажигала у своих образов красные страстные свечи.

И вдруг как-то нас всех позвали в неурочную минуту из сада, после завтрака или по окончании обеда. Была какая-то взволнованность и особое тревожное внимание к великим князьям. Как-то особенно тщательно осматривали их костюмчики, их причесочки, заново прошлись гребешком по проборчикам, заставили экстренно вымыть руки, вычистили ногти и потом как-то скомандовали:

— Ну а теперь к маме, смотреть нового братца.

Взяли и меня.

И вот мы вошли в спальню цесаревны. С подушки на нас смотрело милое, знакомое, улыбающееся, отстрадавшее лицо, счастливое. Ничего общего с той, что уезжала к дедушке, такой одетой и причесанной, не было. Лежала обыкновенная, как все, мама, которой вовсе не надо каж-

дый день ездить во дворец. А около нее стояла колыбелька, и в колыбельке лежал толстенький ребенок, спавший. Все в нем было новое: и кожа на лице, и ручки, и маленькие пальчики, и какие-то особенные неуловимые волосики. И все было в смешных морщинках.

Но самое главное — около него на особом столике, вровень с колыбелью, лежала какая-то толстая тяжелая цепь.

Я спросил, что это за цепь.

И мне ответили:

— Это — Андрей Первозванный.

ДРУЖБА

Когда начались занятия моей матери с великим князем Николаем Александровичем и когда мы только что переехали на жительство в Аничков дворец, мама моя больше всего боялась (и теперь я считаю это совершенно естественным), как сложатся мои отношения с детьми, но все же российскими великими князьями самой, так сказать, большой ветви. В далеком, но все-таки несомненном будущем великий князь Николай Александрович — сначала — наследник престола, а затем, если Бог соизволит, и император всея Руси, царь Польский и великий князь Финляндский. Конечно, теперешний наследник престола великий князь Александр Александрович — богатырь и рассчитан минимум на сто лет жизни (в моем тогдашнем воображении «не мал человек, под потолок ростом»), но все под Богом ходим, и надо брать вещи так, как они суть. И поэтому мать ночей не спала и мне не давала, все уча меня: как надо быть почтительным к царским мальчикам, как быть сугубо осторожным в обращении с ними и, в особенности, как нужно их титуловать.

— Обязательно называй вашим высочеством и никак не Ники или Жоржик, а Николай Александрович и Георгий Александрович, и обязательно на «вы». Это — дети царские, считай счастьем, это папочка умолил... и так далее, и так далее...

И я чувствовал, как у меня к сердцу подступает, что называется, неизбывная тоска. Это мне, человеку с Псковской улицы, ходить с накрахмаленной душой, быть вечно на страже собственных слов, следить за каждым своим

движением и жестом! И потом: какие они великие князья? Такие же мальчишки, как и я, только у богатого отца — вот и все. У них отец есть, а у меня, бедного, нет: вот и вся разница. Я — сирота, они нет. В этом их счастье. Так почему же мне думать о каких-то высочествах, когда они так же, как и я, ходят, бегают, разговаривают, едят, спят и так же, как и я, врут маме насчет больного живота, когда урока не выучил, или что палец болит, когда писать не хочется? И, как говорят французы, я ходил со смертью в душе. Мне было скучно и тоскливо, и в саду я старался отделяться от них. Пусть я играю здесь, а их высочества — там. Так проще и для языка — удобнее. И не нужно о чем-то думать, к чему-то приспособляться.

И вот однажды в зимний день я что-то делал в саду и вижу. прямо на меня, в одном сюртуке, идет действительно великий и благоговейно уважаемый, без всяких предварительных наставлений, князь Александр Александрович, подходит ко мне и спрашивает.

— Володя! А где же Ники?

Я ответил.

— Его высочество за горой чистит снег.

Великий князь, подумав немного, сказал.

— Слушай, Володя. Для тебя великий князь здесь — только я один. А Ники и Жоржик — твои друзья, и ты должен звать их Ники и Жоржик. Понял?

— А мне мама велела...

— Правильно. Маму слушаться необходимо, но это я тебе разрешаю и сам с мамой поговорю. Понял?

— Понял, ваше высочество. А то очень скучно.

— То-то и дело, что скучно. Ну беги к мальчикам и играйте вместе.

Лед рухнул. С плеч скатилась гора.

Я на крыльях радости полетел к Ники, теперь моему дорогому другу и товарищу, которого тоже злило, что я называю его неуклюжим и плохо вращающимся во рту титулом Иногда с досады он тоже и меня называл вашим высочеством, и тогда я боялся матери: услышит, и будет скандал в очках, как говаривал наш ламповщик. Этот ламповщик был большим нашим общим другом, вроде Аннушки, и мы испытывали по отношению к нему самое полное доверие. Когда он, бывало, зайдет в игральную комнату заправлять лампы — мы сейчас же к нему:

— Сидор, расскажи про войну...

И он, нарочно подольше возясь с лампами, рассказывал, и особенно наше воображение поразил переход русских войск через Дунай. Как это: переход через Дунай? И потом в саду мы изображали это так: маленький Жоржик был Дунаем, ложился на землю, а мы с Ники через него «переходили», причем Дунай, чтобы сделать трудности, шпынял нас ногой в зад. И мы тогда, чем больше было трудностей, тем больше гордились и надевали медали, которые Ники уже тогда мне «жаловал», отлично понимая эту свою привилегию. Жорж не менее отлично понимал неблагодарность роли переходимого Дуная и за это выхлопатывал себе немалые привилегии, например: он был постоянным продавцом мороженого, ему принадлежала в частном порядке знаменитая столовая ложка, выбитая из пивной бутылки и о которой я в прошлый раз уже говорил.

Иногда Ники, ложась спать, когда горел только маленький ночничок, изображал низким басом:

— Сах-харно мрожено, мр-р-ожено.

И тогда Жоржик вскакивал и лупил его кулачком по одеялу и требовал:

— Не смей кричать. Это я кричу.

Тогда, закрывшись в одеяло с головой, начинал я:

— Сы-ыхарно мырожено.

Жоржик подлетал ко мне и кричал:

— Замолчи. Это я кричу.

И ожесточенно барабанил по мне.

Мы с Ники закатывались со смеху, но Жорж входил в азарт, отстаивал права собственности, кричал, что никогда больше не будет Дунаем, не даст ложки даже понюхать и мы насидимся без мороженого. А когда и это не действовало, начинал всерьез грозить:

— Диди скажу-у... Папе скажу-у...

— Докладчику — первый кнут,— говорил Ники.

— Пусть кнут, а я скажу.

— Ну замолчи, Володя,— начинал уступать Ники,— я тебе жалую медаль.

— Какую? — спрашивал я.

— В ладонь,— отвечал Ники.

И тогда я, уже от полной души, говорил:

— Рад стараться, ваше императорское высочество.

Тогда же Жорж смирялся, лез к Ники на кровать и начинал вести с ним переговоры о медали. Начиналась торговля.

— Сколько раз Дунаем будешь? — деловито осведомлялся Ники.

— Два раза буду.

— Мало два раза. Сто раз,— требовал Ники.

— Двести раз буду.

— Нет, сто.

— Сто много. Буду двести.

— Двести мало, требую сто.

— Сто — тогда две медали.

— Ну хорошо. Две так две. Ты маленький.

— Я маленький. Мне надо две.

— Маленькие по две не носят. Где это ты видел?

— Я видел.

— Врешь.

— Ей-богу, не вру. Видел.

— Божиться грех, дурачок.

— Значит, жалуешь две?

— Две. Иди спать.

Жоржик счастливо вздыхал и шел к себе.

Ники вдруг что-то вспоминал, приподнимался и угрожающе говорил Жоржу:

— Но только чтобы животом вверх лежать!

Жорж вздыхал и отвечал:

— Животом там животом. За живот третью медаль потребую. Не дашь — папе скажу.

И, как по команде, все сразу засыпали, удовлетворенные, что жгучие вопросы жизни благополучно разрешены...

Время от времени во дворец приводили каких-то высокорожденных мальчиков «для принятия участия в играх их высочеств», как это на суконном языке именовалось. Мальчики эти были не чета нам, псковским, необыкновенно воспитаны, выдрессированы, отлично понимали оказанную им честь и всем от усердия шаркали ножками, даже проходящим лакеям. У них уже было твердое и дальнозоркое представление о важности двора, и соображения карьерности, и настороженное внимание ко всему, и то подмечание глаз, которое обыкновенно характеризует людей себе на уме. С переляку они и меня иногда именовали высочеством, понимая, что кашу маслом не испортишь, а я, в порыве великодушия, отводил их в сторону и тихонько, на

ушко, жаловал им медали. Они шаркали ножкой и как-то по-особенному, головкой вниз, кланялись. Все почти, как на подбор, они были рыжие, и это в наших глазах их делало несимпатичными. В припадке ревности я даже выучил великих князей песенке, которую распевали у нас на Псковской улице:

Рыжий красного спросил:
Чем ты бороду красил?
Я не краской,
Не замазкой —
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал.

Определенного мотива этой песенке у нас не было, мы всегда пели его импровизацией, и Жоржик, надув шею, всегда брал самого низкого баса, подражая своему кумиру в церковном хоре. И вообще у него необыкновенно были развиты подражательные способности, и он не раз морил нас со смеху.

Эти посещения рыжих мальчишек навели меня на мысль о необходимости подписать договор дружбы. Мысль была принята с большим воодушевлением. Дело было сделано так. Из новой тетради вырвали лист бумаги, и я, в подражание крови маминым красным чернилами написал, как мог: «Дружба на веки вечные, до гроба». Потом, памятуя, как после смерти отца мать подписывала через марку какие-то бумаги (это ослепило раз и навсегда мое воображение), я и теперь решил исполнить эту формальность. Путем долгих переговоров с Аннушкой я упросил ее купить в мелочной лавочке три марки, и Аннушка за девять копеек привезла мне три какие-то красненькие марки. Мы столбиком наклеили эти марки на договоре дружбы и потом расписались. Первым поставил свою подпись Ники и вывел ее через марку каракулями, несгибающимися линиями. Я подписался с росчерком «Володя», а Жоржику, как малограмотному, предложили поставить крест. И он поставил его с необычайной твердостью и правильностью. У него была крепкая и уверенная рука. Он без линейки проводил совершенно и безукоризненно правильную линию — признак художественного дарования. Он рисовал чрезвычайно верно всякие предметы, особенно лошадей и собак. Детям нужна тайна, и с необыкновенными и изобретательными предосторожностями в какой-то жестяной

коробочке мы зарыли договор дружбы под деревом в Аничковом саду. Потом забыли, и этот договор, быть может, и до сих пор в целости лежит на своем месте. Если не изменился пейзаж сада, я, пожалуй, и теперь бы его отыскал.

Рыжих мы не любили. Рыжие нанесли нам тяжкое оскорбление: когда Жоржик предложил им сахарного мороженого из мокрого песку, рыжие поголовно все шаркнули ножкой и отказались. Тогда мы им спели песенку про бороду; рыжие вежливо слушали и криво улыбались — фу, какие противные! Их карьера в Аничковом дворце была кончена. Когда провозглашалась угроза:

— Завтра будут мальчики,— то великие князья с редким искусством начинали дуэт: «Не надо рыжих...» А Жоржик невпопад *обмолвился*:

— К челту рыжих! — что произвело колоссальное смущение, и мама нюхала спирт.

Как чудесно и таинственно было сознавать, что неподалеку, рукой подать, в садовой земле зарыты такие сокровища, как договор дружбы и стеклянная ложка! У нас было особенное многозначительное, в присутствии других, переглядывание, понятное только нам. Были особые, вроде масонских, знаки пальцами — как то: если я поднял большой палец мякотью к Ники, то это значило: «Дай списать задачу». Если я его поднял ногтем к нему, то это значило: «Надо произвести шум для отвлечения внимания». Мы так разработали эту систему, что иногда вели целые молчаливые беседы, как глухонемые. И это было таинственно, и прекрасно, и дружески связывающе.

ПАСХА В АНИЧКОВОМ ДВОРЦЕ

В годах: 1876-м, 1877-м, 1878-м и 1879-м — все предметы, начиная с грамоты, преподавала одна моя мать по программе для поступления в средние учебные заведения. Когда эта программа была выполнена и для дальнейших занятий был намечен генерал Данилович, была приглашена особая комиссия, которая произвела экзамен великому князю. Экзамен прошел блестяще (о нем я расскажу подробнее [illegible] у воспитателя генерала Даниловича. Ге-

нералу же Даниловичу было предложено пригласить преподавателей по своему усмотрению,— тогда были приглашены гг. Коробкин (математика), Докучаев (русский язык), протопресвитер Бажанов (закон Божий), и забыл фамилию преподавателя географии и истории. Много позднее были приглашены преподаватели: по французскому языку — мсье Дюпперэ и немец Лякоста.

По окончании своей трудной и ответственной работы мама получила от августейших родителей большую бриллиантовую брошь с вензелями: «АМ» и датою: «1876—1879». Это было дано при уходе матери из дворца, и это была брошь самая роскошная, но и ранее, после каждого учебного года, родители также дарили маме броши бриллиантовые, но более скромные и обязательно со своими вензелями. Где-то они теперь, эти царские броши, которые когда-то хранились как семейные реликвии?

Теперь нужно вспомнить и рассказать, как Аничков дворец встречал Святую Пасху.

Страстная неделя была неделей постной — постной относительно, конечно. К столу продолжали подаваться масло, молоко и яйца, но мяса с четверга уже не полагалось. В Страстную пятницу с Императорского фарфорового завода привозилась груда фарфоровых прелестных яиц различных размеров. Эти яйца предназначались для христосования со всеми служащими во дворце. Большие яйца, очень дорогие, вероятно, получали лица, близкие к августейшей семье. Меньшие размеры полагались персоналу, обслуживавшему дворец. Начиная с Великого четверга церковные службы происходили, как и везде, то есть вечером — двенадцать Евангелий, которых мы, дети, не достаивали, родители слушали их до конца. На увод детей из церкви разрешение у родителей всегда испрашивала мать, и мы, признаться, бывали рады, когда она отправлялась за занавеску. (Царская семья была отделена от остальных молящихся особой бархатной занавесью у правого клироса. В церковь же был свободный доступ для всякого служащего при дворце). В пятницу был вынос Плащаницы, на котором мы обязательно присутствовали. Чин выноса, торжественный и скорбный, поражал воображение Ники, он на весь день делался скорбным и подавленным и все просил маму рассказывать, как злые первосвященники замучили доброго Спасителя. Глазенки его наливались слезами, и он часто гова-

ривал, сжимая кулаки: «Эх, не было меня тогда там, я бы показал им!» И ночью, оставшись одни в опочивальне, мы втроем разрабатывали планы спасения Христа. Особенно Ники ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас.

Помню, я уже задремал, когда к моей постельке подошел Ники и, плача, скорбно сказал:

— Мне жалко, жалко Боженьку. За что они Его так больно?

Подскочил и Жоржик, и тоже с вопросом:

— Правда, за что?

И до сих пор я не могу забыть его больших возбужденных глаз.

Время до воскресения дети переживали необычайно остро. Все время они приставали к маме с вопросами:

— Боженька уже живой, Диди? Ну скажите, Диди, что он уже живой. Он уже ворочается в своей могилке?

— Нет, нет. Он еще мертвый, Боженька.

И Ники начинал капризно тянуть:

— Диди... Не хочу, чтобы мертвый. Хочу, чтобы живой...

— А вот подожди. Батюшка отвалит крышку гроба, запоет: «Христос воскрес» — тогда и воскреснет Боженька...

— И расточатся врази Его? — тщательно выговаривал Ники непонятные, но твердо заученные слова.

— И расточатся врази Его,— подтверждала мать.

— Я хочу, чтобы батюшка сейчас сказал: «Христос воскрес»... Вы думаете, хорошо Ему там, во гробе? Хочу, чтобы батюшка сейчас сказал...— тянул капризно Ники, надувая губы.

— А этого нельзя. Батюшка тебя не послушается.

— А если папа скажет? Он — великий князь.

— И великого князя не послушает.

Ники задумывался и, сделав глубокую паузу, робко спрашивал:

— А дедушку послушается?

— Во-первых, дедушка этого не прикажет.

— А если я его попрошу?

— И тебя дедушка не послушается.

— Но ведь я же его любимый внук? Он сам говорил.

— Нет, я — его любимый внук,— вдруг, надувшись, басом говорил Жоржик.— Он мне тоже говорил.

Ники моментально смирялся: он никогда и ни в чем не противоречил Жоржику. И только много спустя говорил в задумчивости:

— Приедет дедушка, спросим.

На самом же деле любимицей императора Александра Второго была маленькая Ксения. Приезжая во дворец, император не спускал ее с колен, тетешкал и называл «моя красноносенькая красавица».

Несмотря на все недостатки воспитания, слишком оторванного от земли,— теперь, с горы времен, мне это видно,— несмотря на оторванность от живой жизни, дети оставались детьми и ничто детское им не было чуждо. Привозились самые занятные, самые драгоценные игрушки, сделанные в России и за границей, но все это занимало их внимание только какой-то первый момент. Иное дело выстроить из песку домик для дедушки или из снегу — крепость для защиты России,— это было свое, это было драгоценно. Каждый день летом подавалось мороженое, сделанное по драгоценным рецептам. Это имело успех, но что это было в сравнении с тем мороженым, которое мы сами делали из песку с водой? Продавцом этого мороженого был всегда, к нашей глубокой зависти, Жоржик. У него была какая-то ложка, сделанная из битой бутылки, и эта ложка, сделанная нами самими, хранилась под заветным деревом в саду, и была произнесена страшная клятва, чтобы никому, даже дедушке, не выдавать ее местопребывания.

И потому, когда я сказал, что иду сейчас в мамину квартиру, где Аннушка красит яйца, то впечатление было такое, будто гром ударил среди ясного неба!

Что такое: красить яйца? Как это так: красить яйца? Разве можно красить яйца? И в сравнении с этим любопытством чего стоили все писанки, изготовленные на Императорском заводе?

Вырваться из царских комнат не так-то легко, и тут нужен был весь опыт приснопамятной Псковской улицы, чтобы выбраться в эту сложную и трудноодолимую экспедицию. Нужно было главным образом преодолеть бдительность мамы. На наше счастье ее, через посланца, вызвала к себе М. П. Флотова в четвертый этаж. И не успела еще отскрипеть веревка лифта, как мы, всей компанией, пробрались в заветный коридор, встретив на пути одного

только Чукувера, который нес к себе какие-то пакеты и не обратил на нас ни малейшего внимания.

Аннушка делала какую-то особенно прочную краску из лукового настоя, который разводила в глиняной миске. Вся мамина квартира пропахла луком, так что Ники даже осведомился:

— Чего это так в глаза стреляет?

Но когда он увидел, как обыкновенное белое яйцо, опущенное в миску, делается сначала бурым, а потом — красным,— удивлению его не было границ. Аннушка, добрая девка, снизошла к нашим мольбам, засучила нам троим рукава, завесила грудь каждому какими-то старыми фартуками и научила искусству краски. И когда изумленный Ники увидел, как опущенное им в миску яичко выкрасилось, он покраснел от радости и изумления и воскликнул:

— Это я подарю мамочке!

Мать вернулась от Марьи Петровны, хватилась нас, безумно испугалась. Кинулись в сад — нас нет. В кухню — нас нет. Подняли всю дворню на ноги, поднялся шум, суматоха, и тут всех выручил Чукувер. Нас нашли, но в каком виде! И тут оба великих князя оказали бурное сопротивление: ни за что не хотели уходить из кухни Аннушки — Жоржик даже брыкался. Разумеется, мне, как заводиле, влетело больше всех. Влетело и Аннушке, а Аннушка огрызалась.

— Ну что ж, что царята? Дети как есть дети. Всякому лестно.

Забрав в руки плоды своего искусства, мы под стражей, с невероятно вымазанными руками, следовали на свою половину. Мать принимала валериановые капли, услужливо поднесенные целителем Чукувером. А для нас весь мир исчез. Важно было донести целыми и не раздавить яички, предназначенные то маме, то папе, то дедушке.

Начали мыть нам руки, принесли песку, но краска так и не отмылась до самой Фоминой.

Во время христосования отец Ники вдруг потянул носом и спросил:

— Что-то ты, брат, луком пахнешь, а?

И тут заметил его неоттертые руки.

— А ну ты, Жорж? Ты, Володя?

Понюхали всех. От всех несло луком.

— В чем дело?

Мать со слезами объяснила происшествие. Александр Александрович расхохотался на весь дворец.

— Так вы малярами стали? Молодцы! А где же ваша работа?

Мы бросились в опочивальню и принесли свои узелки.

— Вот это папе, это маме, это — дедушке.

Александр Александрович развел руками.

— Вот это — молодцы, это — молодцы! Хвалю. Лучше всякого завода. Кто научил?

— Аннушка.

— Шаль Аннушке! И пятьдесят рублей денег. А вам по двугривенному. Сколько лет живу на свете — не знал, что из лука можно гнать краску!

И через несколько минут после его ухода нам принесли по новенькому двугривенному.

СЕМЬЯ

Однажды ламповщик, прихода которого мы с тайной в душе поджидали, прошел в свое обычное время со своими обычными машинами в игральную комнату. Хотя мамы с нами не было и в особой таинственности нужды тоже не было, все-таки мы с Ники показали друг другу пальцы в том их сочетании, которое значило: «нужно идти к ламповщику».

Распевая искусственную песенку: та-ра-ра-ра и почему-то глядя в потолок, заложив руки за спину, я как ни в чем не бывало вдоль стен пробираюсь в игральную. И так же запев песню без определенного мотива, собственного сочинения, следом за мной последовал Ники. Жоржа было брать опасно: по неопытности или по озорству разболтает — и тогда прощай, сладчайшая тайна, которая красит жизнь! Но от наблюдательного взора Жоржа трудно было уйти. Он сначала сделал вид, будто ничего не понимает в наших демаршах и ни на что будто бы не обратил ни малейшего внимания, но, выждав время, нагрянул по нашим следам и застал нас на месте преступления.

Ламповщик, тоже таинственно оглядываясь, подальше от окна, достал из-за пазухи какую-то бумагу, сладковато и непонятно пахнувшую и свернутую трубкой, и таинственно же развернул ее. Бумага не поддавалась и завертыва-

лась углами. Ламповщик начал ее свертывать с противоположной стороны, и при этой манипуляции мелькнуло что-то нарисованное. Жоржик, уследив нарисованное, пришел немедленно в большое волнение.

— Калтинка! — с восторгом прошептал он.

— Не калтинка, а картинка,— сердито поправил его Ники, недовольный, что Жорж появился в игральной.

— Калтинка! — продолжал стоять на своем Жоржик.

Это оказался лубок довольно большого размера, изображавший в медальонах героев русско-турецкой войны. Ламповщик, водя по лоснистой поверхности лубка твердым ногтем, представил шепотом нам всех героев-генералов, и нам почему-то особенно запомнились Радецкий и Гурко (Жоржик, вызывая наше патриотическое возмущение, говорил: «турка»). Тут же были портреты и турецких полководцев в фесках, и особенно был интересен Осман-паша. Жоржик раскрыл ротик и прошептал:

— Я хочу такую.

— Что «такую»? — сердито спросил Ники.

— Такую... Шапочку...

— Э,— сказал ламповщик,— кто в Бога верует, тому нельзя.

Посередине, в отличном от других большом медальоне, был нарисован дедушка с синими усами, и это привело великих князей в состояние необыкновенной гордости.

— У всех усы черные или белые, а у дедушки синие.

— Нет,— медленно вращая языком, говорил Жоржик,— у дедушки не синие...

— Как не синие? — сердился взволнованный Ники.— А это что? Конечно, синие.

— Нет, у дедушки серо-буро-малиновые,— ответил Жоржик.

И я до сих пор не могу понять, откуда и как, какими путями в затворническую головенку маленького Жоржика могла залететь эта простонародная насмешливая фраза? Где он ее подслушал и как? Повторяю еще раз, что по остроте наблюдательности великие князья шли далеко впереди меня.

— У меня тоже будут усы синие,— сказал Ники и от носа протянул рукой до уха, показывая величину будущих усов.

Ламповщик, все с непрекращающейся таинственностью, оставил нам картину с генералами, и мы с трепещущим сердцем поняли, что наших сокровищ прибавилось.

Но как и куда спрятать ее от посторонних взоров? Я предложил проект: зарыть ее в саду вместе с договором, но Ники не согласился и сказал:

— Ну как же в саду? А если ночью посмотреть захочется?

И с редкой для ребенка изобретательностью (это я теперь понимаю) предложил вовсе не прятать ее, а положить небрежно среди игрушек, как самую обыкновенную вещь.

— Мама заметит! — говорил я испуганно.

— А я тебе говорю: не заметит,— отвечал Ники и оказался прав. На картинку никто и никогда не обратил внимания.

И вот однажды приехал в Аничков дворец навестить своих внуков дедушка, император Александр Второй. Боже! Какой это был дедушка и какое счастье было иметь такого дедушку!

Во-первых, от него очаровательно пахло, как от цветка. Он был веселый и не надутый. В его глаза хотелось бесконечно смотреть. В этих глазах сидела такая улыбка, за которую можно было жизнь отдать. И как он умел играть, этот милый дедушка, и какой мастер был на самые забавные выдумки! Он играл в прятки и залезал под кровать. Он становился на четвереньки и был конем, а Жоржик — ездоком, и конь кричал:

— Держись тверже, опрокину!

Потом садился на стул, как-то отодвигал в сторону лампу, начинал по-особенному двигать пальцами, и по стенке начинал бегать то заяц, то горбатый монах. Мы смотрели разинув глаза и не дышали. Дедушка начинал учить нас складывать пальцы, но у нас не выходило, он вытирал с лица пот и говорил:

— Ну потом как-нибудь, в другой раз... Когда подрастете.

Он был счастлив с детьми, этот дедушка, как-то по-особенному и по-смешному умел щекотать нас за ушами и подкидывал маленькую Ксению чуть не под потолок, и она, падая ему в руки, как-то вкусно всхлипывала, смеялась и кричала:

— Еще, еще!

Император в изнеможении бросался в кресла и, как после танцев, широко обмахивался платком, а потом опять набирался сил и искал свои перчатки. Как сейчас вижу эти ослепительно белые, просторные перчатки. Император заводил два пальца в перчатку, и перчатка начинала тоненьким голосом разговаривать:

— А отчего у Жоржика вихор на затылке? А отчего у Ксеньюшки носик красненький?

И вдруг подходит к нему Жоржик, втирается меж колен и спрашивает:

— А отчего, дедушка, у тебя сегодня синих усов нет? Ты их дома оставил?

Дедушка вдруг опешил и спросил:

— Какие синие усы? Что ты, брат, выдумал?

— Ты сегодня другие усики надел? — приставал Жоржик.— Тебе синие надоели? Если надоели, подари мне. Мне очень нравятся синие усы. Я буду на тебя похож.

Император несколько мгновений с изумлением смотрел на внука.

— Ничего не понимаю, брат. Что ты тут несешь?

— *Я тебя спрашиваю, где твои синие усы?* — продолжал нараспев Жоржик, крутя то пуговицу, то аксельбант.

— Но, друг мой, у меня никогда синих усов не бывало,— говорил император.

— Нет, бывало,— упорствовал Жоржик.— Я видел.

— Где ты видел?

— Я видел.

— Выдумал, братец. Во сне видел?

— Нет, не во сне. На картинке.

Мы с Ники обомлели и показали друг другу пальцы в самой замысловатой позиции, что означало: пропали.

— На какой картинке?

— На очень хорошей картинке. Хочешь, покажу?

— Ну пожалуйста, мой друг, очень любопытно.

Жоржик, не взглянув на нас, медленно проследовал в игральную комнату. Ники снова шевельнул пальцами, скрючил средний, вышло: пропали!

А из игральной уже показался Жоржик с заветной картиной. Все притихли, насторожились. Я взглянул на маму и увидел, что она — краше в гроб кладут.

Жоржик медленно и неуклюже разворачивал картинку. Император ему помог, вытягивая ее углом.

Развернули, и торжествующий Жоржик сказал, показывая пальчиком:

— Видишь? Синие.

Император внимательно посмотрел и серьезно ответил:

— Ты прав. Синие. Господа! Саша! Взгляни. Усы действительно небесного цвета.

— Ха-ха-ха! А что же это вообще такое?

— Это — генералы,— храбро выступил Ники.— Всех знаем. Можете спросить.

— Ну, вот это кто?

И Ники рапортовал:

— Это его императорское высочество, великий князь, наследник цесаревич Александр Александрович.

— Наш папа,— вступил Жоржик.

— А это? — экзаменовал удивленный император.

— Это Осман-паша. Дедушка! Купи мне, пожалуйста, такую шапочку. Мне очень хочется.

— Нельзя! — ответил строго Ники.— Вера не позволяет.

— Правильно. На двенадцать баллов.— Император, еще более удивленный, повернувшись к удивленному сыну, сказал:— Но они у тебя совершенно замечательные!..

Я торжествующе посмотрел на маму и с немалым удивлением увидел, что она как-то странно ловит ртом воздух. Бедная мамочка! Ей эти наши штуки стоили страшной болезни печени, которая и свела ее совершенно преждевременно в могилу.

— Но это же замечательно!

И поняв, что наши дела имеют успех, мы наперегонки стали рассказывать про ламповщика. И император умиленно сказал:

— Пари держу, что это папин солдат.

И тут, забыв нас, взрослые заговорили очень оживленно, и дедушка, размахивая своим легким как пух платком, начал взволнованно держать речь:

— Лучшими учителями детей, самыми талантливыми, были всегда папины солдаты, да-с! Не мудрствовали, никакой такой специальной педагогики, учили по букварю, а как учили! Молодец солдат! Передайте ему мое спасибо! Один такой солдат лично мне со слезами на глазах говорил

однажды: где поднят русский флаг, там он никогда уже не опускается. А Ломоносов?

Мама не знала, что ей делать и за что зацепиться. Мы вдруг выбыли из центра внимания, и Жоржик подцепил дедушкины перчатки, от которых так восхитительно пахло, как от цветка. Жоржик подошел к дедушке и сказал:

— Дедушка, подари мне эти перчатки.

Дедушка не расслышал вопроса, машинально подтянул Жоржика к себе и усадил на колени. Жоржик с гордостью посмотрел на нас и весь ушел в созерцание перчаток.

И вот теперь, через такую уйму времени, я, как в двух шагах, вижу эту восхитительную сцену: великого Императора Российского и маленького хорошенького мальчика, уютно устроившегося у него на коленях. Император не обращает на него никакого внимания, продолжает живой и, видимо, интересный разговор, а Жоржик тянется к его лицу и волосок за волоском перебирает сильно поседевшие усы. И когда императору больно, то он отдергивает Жоржикову руку, тот выждет время и опять за свое.

Какая семья! И отчего у меня нет такого дедушки? И вообще, почему я такой неудачный? Нет ни дедушки, ни отца — одна мама. Я подхожу к ней, хочу приласкаться и слышу, как она дрожит мелкой лихорадкой.

ВОРОВЕЙ

Вспоминаю теперь — это был очень интересный и памятный момент моей жизни, когда я впервые и вдруг почувствовал свое превосходство и, так сказать, взрослость над царскими детьми.

Я рассказывал, как перед светлым праздником мы всей компанией красили яйца в комнате Аннушки, как эти яйца в торжественный момент были, после христосования, поднесены августейшим родителям, как те пришли в восторг от трогательной детской инициативы и как за это дело Аннушке была пожалована шаль с каймой расписной, с пятьюдесятью рублями, а нам — по новенькому двугривенному.

Эти двугривенные серьезно и надолго поразили воображение маленьких великих князей.

— Что это такое? — надув от усердия губы, спрашивал Георгий.— Колесико?

Я разразился презрительным смехом. Боже! Не знать таких вещей и волшебный двугривенный (потом в Корпусе его называли по-татарски «абазом») считать колесиком! Ха-ха-ха!

— А вот орлик,— продолжал Георгий, водя пальчиком,— а вот что-то написано по русскому языку...

— «Двадцать копеек» написано, вот что! — с необычайной гордостью сказал я.

— А что такое «двадцать копеек»? — продолжал любознательный Георгий.

— Это восемь пирожков,— объяснил я.

— Восемь пирожков? — теперь, в свою очередь, спросил Ники, тоже призадумавшийся над хорошенькой и сверкающей монеткой.— Как это восемь пирожков?

— Ну да, за нее дадут восемь пирожков или двадцать маковок, четыре карандаша черных или три карандаша красно-синих. За нее дадут шесть тетрадок и еще две копейки сдачи.

— Ты еще скажешь, и промокашку дадут? — спросил Ники, смотревший на промокательную бумагу как на вещь волшебную.

Он очень любил нарочно писать густо, с нажимом, и потом сейчас же сразу промокнуть и смотреть, как все это волшебно впитывалось и отпечатывалось на рыхлой розовой бумаге и все шиворот-навыворот. (Между прочим, промокательная бумага тогда считалась большой редкостью, в быту больше пользовались песочком). А потом через зеркало рассматривать, как все и сразу стало на место.

— И промокашку,— подтвердил я.

— Ну, уж это ты врешь,— сказал Ники.— Спросим Диди.

— Спрашивай.

— Давай спорить!

— Давай. На что?

— Под стол лезть.

— Идет.

— Нет,— переключился Ники.— Ты отдашь мне своего воробья.

Я был уверен в результатах спора, но рискнуть воробьем даже и в этом случае не решился. А вдруг, чем черт не шутит?

— На воробья спора нет,— твердо сказал я.

— Ага! — восторжествовал Ники.— Значит, врешь.

— Значит, врешь,— автоматически отозвался, как всегда, Жоржик.

Этого воробья я в холодный день как-то подобрал в Аничковом саду. По всей вероятности, он выпал из гнезда, беспомощно лежал на траве и, закрыв глазки, показывая белую пленку, тяжело дышал. Я тихонько взял его на ладонь и, зная правила птичьей медицины, стал на него дышать. Потом сделал ладони горсточкой, и воробьенку стало теплее и стало похоже на гнездо.

Ники и Жоржик стояли около меня, затаив дух. Я казался им великим человеком.

— Он, может, кушать хочет? — спросил потом Ники.

— Сначала отогреть,— сурово сказал я.

— Отоглеть,— машинально и автоматически повторил Жоржик.

— А потом крутое яйцо,— диктовал я линию поведения.

— Яичко,— повторил Жоржик.

Воробей лежал без движения.

— Он, может, мертвенький? — робко спросил Ники.

— Ничуть. Смотри на живот,— сурово говорил я,— видишь, как ходит туда-сюда животик?

— Вижу,— сказал вместо Ники Жоржик, поднявшийся на цыпочки.

— Надо на кухню,— вдруг сообразил я и помчался на кухню. Великие князья — неотступно за мною.

И вот, первый раз в жизни, мы очутились в волшебном дворце огня и вкусного масляного тепла.

Кстати. Раз уже зашло дело о кухне, постараюсь рассказать, как в Аничковом дворце было поставлено дело питания. Разумеется, все эти подробности в описываемый период наших детских лет меня не интересовали и их я узнал уже много лет спустя, офицером, из рассказов матери, которая до конца жизни не переставала интересоваться дворцом и его внутренней жизнью.

На служебных квартирах никаких кухонь не полагалось: служебный персонал дворца должен был столоваться из

дворцовой же кухни на особых основаниях. Дома разрешалось только варить утренний кофе и мыть грязную посуду

Великокняжеская кухня была организована по ресторанному образцу. Во главе кухни стоял повар, француз, который там же имел квартиру. Кухня была у него на откупу, так сказать. Обеды отпускались по трем разрядам: первый разряд стоил семь рублей за обед и ужин, второй — пять рублей и третий — три рубля. Для прислуги такса была свободная. Каждый день, как в первоклассном ресторане, составлялось большое и сложное меню, написанное фиолетовыми чернилами, за которым часов в одиннадцать утра являлся сверху камер-лакей и нес его на показ к великой княгине Марии Феодоровне. Если великокняжеская чета завтракала у себя во дворце, то меню тут же определялось и заказ с обратным камер-лакеем спускался в кухню для своевременного исполнения. Но великокняжеская чета очень редко кушала у себя во дворце: каждый день в одиннадцать часов утра она отправлялась в Зимний дворец и там проводила весь день у императора-отца. Говорили, что император требовал постоянного присутствия во дворце сына и наследника для того, чтобы тот был в курсе государственных дел; другие говорили, что сам Александр Александрович боялся, что отец даст конституцию, и для того, чтобы это предотвратить, ежедневно с утра до ночи присутствовал в Зимнем дворце. Одним словом, они сами ели у себя, в Аничковом, очень редко, и благами великокняжеской кухни пользовались обыкновенные смертные и в особом восхищении не были. Откупщик повар очень часто злоупотреблял своим положением безнаказанности (не пойдешь же жаловаться великому князю на кухню?) и ставил продукт не всегда доброкачественный. Разумеется, он отлично знал, что и кому. Так, М. П. Флотовой подавалась пища из котла, так сказать, великокняжеского, и тут жаловаться было, пожалуй, не на что: и количество и качество было на одинаковой высоте — поди не угоди Марье Петровне, которая все время при великой княгине, скажет словечко между прочим, и пойдет писать губерния. А так служащий, обыкновенный, не приближенный — тот и потерпит, и деньги безропотно заплатит. Но в знак протеста многие, если представлялась возможность, шмыгали есть

в ближайшие трактиры, где и свобода полная была, и почтение, и за целковый — кум королю.

Когда мы с воробьем влетели в кухню, то были все единодушно потрясены. Мне с первого абцуга показалось, что мы попали в церковь: высоченные потолки, люстры и масса духовенства в белом. Какие-то огромные чаши золотистого оттенка, серебряные ножи и, как на картинах Иорданса, туши огромных серебряных рыб (осетры), горы овощей и кровавого, почти дымящегося черкасского мяса. Что-то шипит, что-то булькает, куда-то торопится, перегоняет друг друга, пахнет ароматным русским маслом (такого нет нигде в мире), слышится артистически-музыкальный стук ножей, рубящих мясо, и первый раз слышу — какая-то командующая речь, не то русская, не то нерусская, не то полурусская: это с французским акцентом истерически и пренебрежительно командовал главный повар, он же — акционер.

— Дай графинюшку вина! — повелительно кричал он, в неопределенном направлении протягивая красную, южноволосистую руку,— и ему с царским почтением поваренок протягивал бутылку с французской надписью, и повар, как Санчо Панса, минуты две смотрел в потолок. Жара была невообразимая, нас никто не заметил, мы стояли в отдалении, разинув рот, удивляясь необычному и невиданному зрелищу, и, вероятно, от насыщенного масляного тепла мой воробей, находившийся в руке, начал шевелиться и приходить в память. Еще немного спустя он спрятал белесоватые веки и открыл слезливо-желтенькие глазки. Великие князья подняли радостный шум, и тут наше инкогнито было впервые открыто. В секунду весь состав кухни окружил нас самым почтительнейшим образом. Француз пришел в восхищение самое полное и начал благодарить великих князей за милостивое посещение.

Тогда я выступил вперед и важно заявил.

— Нам нужно крутое яйцо для питания птицы.

И сейчас же по кухне раздался миллион эх, если только так можно сказать: «Им нужно крутое яйцо... Да, крутое яйцо... Одно крутое яйцо... Для их птицы... Для великокняжеской птицы... Скорее, скорее кипяток, скорее, скорее яйцо, самое лучшее яйцо!» И тут до моего сознания в первый раз донеслась вся прелесть пребывания в великих

князьях. Да, вот они, эти два маленьких мальчика, хозяйствуют здесь: все — для них, и все — через них, все — добро зело. Все люди, красные, в страшных накрахмаленных колпаках, вытянулись, на лицах написан восторг, и казалось, что все не знают, куда броситься. Ники, под самые глаза, в бархатном футляре, поднесли меловито вымытое яйцо на показ и одобрение, и потом сам француз благоговейно опустил его в кастрюльку с кипятком. Ни один воробей, с самого сотворения мира, не имел пищи, приготовленной с таким умопомрачительным почетом.

— Дайте ваты! — сказал я. И откуда бы на кухне могла быть вата? Но вата, большой и пушистый кусок, появилась немедленно и тоже не просто, а на каком-то серебряном подносе, как ключи от завоеванного города. И, несмотря на весь этот почет, моя трезвая, санчопансовская голова тревожилась только об одном: как бы из всего этого приключения не получилось крупных неприятностей с головомойкой, так как я не мог не понимать, что визиты на кухню никак не могли входить в программу нашей жизни. «У нас же — не как у людей»,— размышлял я и рассчитывал только на то, что спасенный воробей из благодарности должен умолить Бога. Я отлично помнил слова Аннушки, однажды сказавшей:

— Если хочешь молитвы к Богу, то ни поп, ни чиновник не поможет. Проси зверя, чтоб помолился. Зверю у Бога отказу нет.

И я мысленно обратился с этой просьбой к воробью. Воробей, закутанный в вату, смотрел на пролетавших мух неодобрительно, и каковы его думы — сказать было трудно.

Мои думы о молитве были переданы по наитию Ники, и Ники вдруг сказал:

— Надо помолиться за воробушка: пусть его Боженька не берет — мало у Него воробьев?

И мы, вообще любившие играть в церковную службу, внимательно за ней следившие, спрятавшись за широкое дерево, отслужили молебен за здравие воробья, и воробей остался в живых. Мы поместили его на Аннушкиных антресолях и имели за ним отцовское попечение. Воробей вскорости не только пришел в себя, но и избаловался, потерял скромность, шумел, клевался, и на семейном совете мы решили даровать ему свободу и открыли окно. Воробей

выскочил на подоконник, понюхал осенний петербургский воздух, неодобрительно покрутил носом и важно вошел обратно в комнату. Воробей был не из дураков и отлично знал, что, глядя на зиму, лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Мы только что были на крестинах новорожденного великого князя Михаила Александровича и видели, как это дело делается. Решено было воробья обратить в христианскую веру. Надев скатерти на плечи, мы обмакнули его в стакане с подогретой водой и назвали воробья Иоанном. Иоанн после этого долго фыркал и был в раздражении. Я был протопресвитером, Ники — протодиаконом, Жоржик — крестным отцом, а Аннушка, дико и неуместно хохотавшая,— кумою.

ЦЕРКОВЬ ДВОРЦА. ПРИЕЗД НЯНЬ

Наша детская дворцовая жизнь текла невероятно однообразно. Я не помню ни одного хотя бы раза, когда нас, детей, взяли бы, например, в театр. Единственным нашим развлечением было посещение богослужений и летом переезд в Гатчину, на дачное житье.

Богослужения в домовой церкви Аничкова дворца совершались, как и везде: накануне праздника — всенощная, на другой день — обедня. Службы совершал, если не изменяет мне память, протопресвитер Бажанов в сослужении протодиакона. Пел уменьшенный состав Императорской певческой капеллы. Всенощная начиналась в шесть часов вечера, а обедня — в десять утра. О том, будет ли присутствовать на богослужении августейшая семья, протопресвитеру сообщалось устно через гофкурьера, и служба не должна была начинаться раньше, чем семья войдет в церковь. Семья входила, делала почтительный поклон священнослужителям, и только тогда раздавался бархатный бас протодиакона:

— Восстаните, Господи, благослови.

Со стороны никто в церковь не допускался, но все богослужения разрешалось посещать служащим дворца и их семействам.

Всенощные бдения под воскресные дни посещались хозяевами дворца сравнительно редко, но все службы под праздники двунадесятые выстаивались обязательно.

Дети одни, без родителей, в церковь не ходили по следующей причине: по придворным правилам, царская семья во время богослужения молилась на правом клиросе за особой бархатной занавесью, которая скрывала их от постороннего глаза. Одних же детей, без надзора, оставлять не полагалось. Вход же за занавеску посторонним лицам, даже моей матери как воспитательнице, не разрешался. Тогда все маленькие сидели дома и очень огорчались: пение хора доносилось издалека, а пел хор воистину по-ангельски. Потом: в каждой службе есть начало театральное, с выходами, каждением, миропомазанием, с речитативами возгласов и ектений, с освящением елея и пяти хлебов и, особенно, с раздачей северных пахучих и нежно-пушистых верб: это радовало детский взор, удовлетворяло наблюдательность и пробуждало художественные и эстетические восприятия. И потом, все это было так далеко от повседневной обычной жизни, от суеты дворца: церковные слова звучали торжественно часто непонятно, и загадочно, и заклинательно — все это было в полном смысле добро зело.

В Ники было что-то от ученика духовного училища: он любил зажигать и расставлять свечи перед иконами и тщательно следил за их сгоранием· тогда он выходил из-за занавески, тушил огонек — и огарок, чтобы не дымил, опрокидывал в отверстие подсвечника,— делал это истово, по-ктиторски, и уголком блестящего глаза посматривал на невидимого отца. Заветным его желанием было облачиться в золотой стихарик, стоять около священника посередине церкви и во время елепомазания держать священный стаканчик.

Ники недурно знал чин служб, был музыкален и умел тактично и корректно подтягивать хору. У него была музыкальная память, и в спальной очень часто мы повторяли и «Хвалите» с басовыми раскатами, и аллилуйя, и особенно — «ангельские силы на гробе твоем». Если я начинал врать в своей вторе, Ники с регентской суровостью, не покидая тона, всегда сурово говорил:

— Не туда едешь!

Память у него была острая, и, надев скатерть вместо ризы, он читал наизусть многие прошения из ектений и, напружинив голос до диаконского оттенка, любил гудеть:

— О благочестивейшем, самодержавнейшем великом государе нашем... О супруге его..

А я должен был, и обязательно в тон, заканчивать:

— Господи, помилуй...

И так как протодиакон, обладатель превосходного бархатного баса, происходивший, очевидно, из какой-то северной карельской губернии, произносил «Александр», то и Ники говорил «Алёксандр».

По окончании службы вся семья, в очереди старшинства, подходила к солее для лобызания креста, и все почтительно целовали руку протопресвитера, а протопресвитер отвечал целованием рук как у родителей, так и у детей.

Я всегда бывал в церкви, но стоял среди публики, недалеко от мамы.

По окончании обедни протодиакон выносил из алтаря большой серебряный поднос с просфорами и с уставным русским поклоном подходил к бархатной занавеске. Очевидно, по наследству от русских нянек великие князья просфорки называли «просвирки». Были они необычайно вкусно выпечены, башенками, с круглыми головками, на которых был выдавлен восьмиугольный крест с копьем и тут же были ямочки от вынутых частиц Александр-отец отламывал от головки твердо-мягкий кусочек и, съедая его на ходу, остальную просфорку отдавал какому-нибудь мальчику из публики. Я старался всегда подвернуться ему под руку и, если просфорка доставалась мне, был целый день счастлив и горд и как-то особенно чувствовал праздник.

Ники зорко следил за процедурой раздачи и, если видел, что я получил просфору от его отца, отдавал свою гофкурьеру Березину, которого почему-то очень любил. Великая княжна Ксения отдавала свою англичанке, при ней состоявшей.

Раздача просфор была раз навсегда установленной церемонией, за которой все прихожане строго следили.

Большую радость и удовольствие доставлял нам приезд во дворец четырех нянек-кормилиц, пестовавших и самого отца, и его детей.

Я теперь отдаю себе отчет, что, при невероятной смеси кровей в царской семье, эти мамки были, так сказать, драгоценным резервуаром русской крови, которая в виде молока вливалась в жилы романовского дома и без которой сидеть на русском престоле было бы очень трудно. Все Романовы, у которых были русские мамки, говорили по-русски с налетом простонародным. Так говорил и Александр Третий. Если он не следил за собой, то в его интонациях, как я понял впоследствии, было что-то от варламовской раскатистости. И я сам не раз слышал его: «чивой-то».

Выбирались мамки из истовых крестьянских семей и по окончании своей миссии отправлялись обратно в свои деревни, но имели право приезда во дворец, во-первых, в день ангела своего питомца, а во-вторых, к празднику Пасхи и на елку, в день Рождества.

Во дворце хранились для них парчовые сарафаны и нарядные кокошники, и было в этом что-то от русских опер, от «Снегурочки». Сначала их вели к родителям, а потом к нам, детям. И тут начинались восклицания, поцелуи, слезы, критика: «как ты вырос, а носище-то, ногти плохо чистишь» и т. д. Александр Третий твердо знал, что его мамка любит мамуровую пастилу, и специально заказывал ее на фабрике Блигкена и Робинсона. На Рождестве мамки обязаны были разыскивать свои подарки. И так как мамка Александра была старенькая и дряхленькая, то под дерево лез сам Александр с сигарой и раз чуть не устроил пожара. Эта нянька всегда старалась говорить на «вы», но скоро съезжала на «ты». У нее с ним были свои «секреты», и для них они усаживались на красный диван, разговаривали шепотом и иногда явно переругивались. Подслушиватели уверяли, что она его упрекала за усердие к вину, а он парировал: «Не твое дело». А она спрашивала: «А чье же?» В конце концов старуха, сжав губы, решительно и властно вставала, уходила в дальние комнаты и возвращалась оттуда со стаканом воды в руках. На дне стакана лежал уголек.

Александр начинал махать руками и кричать [illegible]

— Скорей давай мохнатое полотенце, а то она мне новый сюртук испортит.

— Новый сошьешь,— сердито отвечала мамка и, набрав в рот воды, брызгала ему в лицо и, пробормотав какую-то таинственную молитву, говорила: — Теперь тебя ничто не возьмет: ни пуля, ни кинжал, ни злой глаз.

Однажды, косясь на государыню, он вдруг громко спросил:

— А не можешь ли ты чивой-то сделать, чтобы я свою жену в карты обыгрывал?

Старуха ему просто и ясно ответила:

— Молчи, путаник.

А в другой раз, перецеловав его лицо, руки, плечи, обняв его по-матерински за шею, она вдруг залилась горючими слезами.

— Что с тобой, мамонька? — встревожился Александр.— Чивой-то ты? Кто-нибудь обидел?

Старуха отрицательно покачала головой.

— В чем же дело?

— Вспомнила, родненький, вспомнила. Одну глупость вспомнила.

— Да что вспомнила-то? — озабоченно спрашивал Александр.

— Уж и силен же ты был, батюшка, ох и силен!

— Да что я, дрался, что ль, с тобой?

— И дрался, что греха таить. А самое главное — кусался. И зубенков еще не было, а так, деснушками, как ахнешь, бывало, за сосок, аж в глаза ночь набежит.

Александр ахнул от смеха и расцеловал свою старуху, гордую и счастливую.

— Зато уж и выкормила, уж и выходила, богатырек ты мой любимый, болезный...

Эта мамка пользовалась во дворце всеобщим уважением, и не было ничего такого, чего не сделал бы для нее Александр. Говорили, что в Ливадии, на смертном одре, вспомнил он о ней и сказал:

— Эх, если бы жива была старая! Вспрыснула бы с уголька, и все как рукой бы сняло. А то профессора, аптека...

...Всех этих нянек поставляла ко двору деревня, находившаяся около Ропши. Каждой кормилице полагалось:

постройка избы в деревне, отличное жалованье и единовременное пособие по окончании службы. Работа была обременительная, и за все время пребывания во дворце мамка не имела права ни ездить домой, ни выходить в город.

Приезд этих нянек, повторяю, доставлял нам большое удовольствие, ибо как-то нарушал тот однообразный устав, которым была ограничена наша маленькая жизнь.

МОЕ «ВЛИЯНИЕ»

Да, конечно: дворец есть дворец, и каждое утро почтительнейший, ловчайший, с ухватками фокусника лакей сервировал нам какао, горку твердо-ледяного сливочного, фигурно вылепленного масла и горку таких булочек, что плакать хотелось. Все это бесшумное и торжественное великолепие сначала ослепляло, но потом стало привычным и скоро приелось. Одно только и было интересно, что необыкновенно чистые, до прозрачности вымытые ногти лакея. А все остальное: ну да, булочки; ну да, масло; ну да, салфеточки; но сиди за столом по команде; не болтай ногами; не разложи локтей, как хочется; не зевни; таскайся целый день в воскресном костюме; береги глянец сапог; будь начеку к осмотрам, к внезапным ревизиям, на которых ты играешь роль отставного козы барабанщика; вперед не забегай, в середке не мешай и сзади не отставай; потом в сад на пятнадцать минут, а в саду через стенку слышно, как шумит Невский проспект, а с ним — целый мир. Про петербургский климат много писали плохого, но когда там весна или начало осени, то рая не нужно. И вот чувствуешь, кожей ощущаешь, что простой веселый воробей попал в компанию экзотических птиц.

И разве это — счастье?

Счастье в том, чтобы зажать в ладонь, еще не выспавшуюся, мамин двугривенный и, в одних трусиках, пулей лететь в мелочную лавочку купца Воробьева, спуститься по сбитым ступенькам в полутемное подвальное помещение, вдохнуть очаровательный, только в России известный запах квашеной капусты, маринованной, в бочонке, сельди и толстой сахарной бумаги; купить осьмушку затвердевшего масла, бутылку новодеревенского молока и трехко-

печную марку для городского письма — и все это донести с шиком, с разгоном, не пролить, не разбить, не потерять и потом воссесть за стол, ощутить беспокойный аппетит, уплетать, вспоминать тающий сон, мысленно разрабатывать программу дня — и потом свобода, пыльная дорога, сады, сирень, воздух — по копейке штука и горизонтом пахнет.

У воробья была своя жизнь, и особенно у воробья коломенского, который живет в одноэтажном деревянном доме.

Но Александр Третий (я это понял потом) был человек умный, не набитый придворной спесью. Я потом уже узнал, что он просил, например, своего брата Алексея «сделать Ники мужчиной». И, вводя в свою семью меня, он умышленно выбирал мальчишку с воли, чтобы приблизить к этой воле птиц экзотических, ибо, собираясь царствовать, собираясь управлять людьми, нужно уметь ходить по земле, нужно позволять ветрам дуть на себя, нужно иметь представление о каких-то вещах, которых в клетку не заманишь. На больших высотах дышат так, а внизу — иначе.

И вот однажды в саду, во время дружеской болтовни, Ники расспросил меня про Коломну: что такое Коломна? Где она находится и подчиняются ли дедушке тамошние люди?

Я рассказал все честно и откровенно.

— А что ты делал в Коломне? — спросил Ники.

Несмотря на дружбу, на одинаковый возраст, на склонность к шалостям, я своим детским инстинктом чувствовал снисходительное к себе отношение, как к бедному родственнику, которого пока что терпят, а потом прогонят и скоро забудут. Потом уже, в зрелые годы, я осознал свою аничковскую жизнь и понял, что тайна династий заключается в том, что они несут в себе особенную, я сказал бы — козлиную — кровь. Пример: если вы возьмете самого лучшего, самого великолепного барана и поставите его во главе бараньего же стада, то рано или поздно он заведет стадо в пропасть. Козлишко же, самый плохонький, самый шелудивенький, приведет и выведет баранов на правильную дорогу. На земле много ученых, но никому в голову не приходило изучить загадку династий, козлиного водительства, ибо таковая загадка несомненно существует. И еще

другое ибо: стада человеческие, увы, имеют много общего со стадами бараньими. Я имею право сказать это, ибо едал хлеб из семидесяти печей.

И когда Ники, этот козленок, поправляя меня в пении, повелевал мне не ошибаться, он смотрел на меня такими глазами, которых я нигде не видал, и я чувствовал некоторую робость, совершенно тогда необъяснимую, как будто огонек прикасался к моей крови. И теперь этот Ники спрашивает меня же о вещах, которые я прекрасно знаю и которых он не знает. Это был клад, с которым можно было взять реванш. Я почувствовал вдохновение и ответил:

— В Коломне я был представляльщиком.

Райский птенец был озадачен, что и требовалось доказать.

— Что такое «представляльщиком»? — спросил он.

На цирковых афишах часто пишут: «Чтобы верить, надо видеть». Эта фраза всегда ласкала мое воображение, и на этот раз я имел удовольствие ее повторить.

— Чтобы верить, надо видеть.

— Ну где же это я увижу? — сказал жалобно Ники.— Не в саду же этом?

— В саду этом ты ничего не увидишь,— ответил я.

— Ну покажи, Володя, покажи.

И тут я почувствовал, что бездомный бедный воробей имеет свои преимущества.

— Я показал бы, да ты всем расскажешь.

— Никому не скажу, Володя.

— Побожись.

У нас в Коломне был такой статут: когда вам говорили: «побожись», вы должны были гордо и презрительно ответить: «к моей ж... приложись». Но кому в голову могло прийти требовать исполнения этих статутов в дворцовой обстановке, и я ограничился только гордой и загадочной улыбкой.

— Я буду побожись,— сказал печально Ники, явно не знавший слова «божиться».

— Скажи: убей меня Бог, что не скажу.

— Убей меня Бог, что не скажу.

— Ни отцу, ни матери, ни тинь тилили, ни за веревочку.

— Ни отцу, ни матери,— и тут Ники запнулся: дальнейших хитросплетений, как я, впрочем, и ожидал, он

выговорить не мог. И я гордо усмехнулся такой беспомощности.

— Ладно,— сказал я, идя на уступки.— Но помни: если обманешь, то Бог с корнем вырвет ноги. Понял?

— Понял, понял,— лепетал Ники, едва ли что-нибудь понимая.

Теперь, на склоне лет, я, вспоминая дворцовую жизнь, начинаю понимать, какой это ужас, когда ребенку вбивают в голову четыре языка, четыре синтаксиса, четыре этимологии. Какая это путаница, какая непросветная темень!

— Ну вот,— сказал я,— теперь смотри.

Я пошел за толстое дерево, сломил небольшую ветку и, опираясь на нее, как на трость, вышел, пьяно качаясь. Сделал снисходительный жест почтеннейшей публике, помахал на себя ладонью, как веером, и баском спел:

Шик, блеск, иммер элеган
И пустой карман,
Ах, простите, господа,
Я сегодня пьян...

Дело в том, что в Коломну время от времени приезжал какой-то полотняный балаган, который мы звали *комедией* и куда на стоячие места нас пускали за три копейки. Я воровски экономил на маминых покупках эти три копейки, пробирался в стоячие места, садился верхом на острый забор и, не замечая страданий от этой позиции, жадно, запоем впивался в «парфорсное» представление: Бог с младых ногтей моих благословил меня любовью к театру. Я всех знал: и шпагоглотальщика Вольдемара, и артистку шаха персидского трапезистку Мари, и трех ученых собак, клоуна Шпильку и куплетиста Этьена. Теперь я думаю, что в этом Этьене были какие-то проблески таланта. Я бредил им, я видел его во сне, я следил за ним, когда он в свободные минуты выходил из балагана и неизменно направлялся в трактирное заведение. Перед стойкой он делал молчаливый жест, и там уже знали, что нужно. У Этьена слезились глаза, и они казались мне самыми прекрасными в мире. У Этьена была грязная шелковая двубортная жилетка, и она казалась мне с королевского плеча. Когда он пел: «Если барин при цепочке, эфто значит без часов» — он вынимал из жилетного карманчика цепочку, и на ней

действительно часов не оказывалось, и это имело дикий успех, ибо в этом было презрение к барину.

Если барин при калошах,
Эфто значит без сапог...

В кабаке, за три копейки, Этьену давали маленький, зеленого толстого стекла стаканчик, и Этьен, как-то особенно вкусно, брал его на ладонь, долго и молча вдыхал аромат сивухи, всячески отдалял момент наслаждения и вдруг вскрикивал: «Запаливай!»

В дворцовом саду этим волшебным Этьеном был я, маленький Володя, но моя почтеннейшая публика в лице Ники понятия не имела, что такое шик, блеск и в особенности иммер элеган (впрочем, последнего я и сам не знал). Ники не понимал символизма «пустой карман» и что такое «пьян».

— Но у меня тоже пустой карман,— недоуменно говорил Ники, выворачивая свой карманчик.

— Да,— учительствовал я.— Карман пустой, но, если ты попросишь своего папу, он тебе может двадцать копеек дать.

— А что такое двадцать копеек? — продолжал вопрошать Ники.

— Фунт карамели можно купить,— выходил я из себя.

— А что такое «пьян»?

Я прошелся по лужайке, покачиваясь.

— Вот что такое «пьян»,— объяснял я.

Ники тоже прошелся покачиваясь.

— И я пьян? — спросил он.

— Конечно, пьян, но ведь все это понарошке.

— Как это понарошке?

— Так, понарошке. А чтоб было всамделишнее, нужно водку пить.

— Какую водку?

— Так, горькая вода есть такая.

— А зачем же пить горькую воду?

— Чтобы запаливать.

— А ты пил?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мама выдерет.

— А-а...— с почтением протянул Ники, потому что он знал, что такое «выдерет».

Дружеская беседа затянулась. Перешли на самую соблазнительную вещь: табак.

— А ты пробовал курить? — спросил Ники.

Я почувствовал ошибку в слове «пробовать», но смолчал и ответил:

— Пробовал.

— Ну и что же?

— Да ничего.

— Мне страшно покурить хочется,— сказал Ники.

— А вот сопри у отца папирос и покурим.

Весь дворец знал, что турецкий султан прислал Александру несколько картонок папирос, но все они были заперты под замок. Пришлось посушить на солнце лопух и тонко нарезать его ниточками. Потом догадались набрать окурков в пепельнице, крошили их в газетную бумагу, сворачивали, но выходило плохо: один конец толстый, другой — тонкий. Но это уже было опасно. Нюхали друг друга изо рта, не пахнет ли табаком? И потом, по коломенскому рецепту, жевали сухой чай. Это отбивало запах. Но если император Николай Второй был исправным курильщиком, то в этом были и мои семена.

Шалун он был большой и обаятельный, но на расправу — жидок. Я был влюблен в него, что называется, по-институтски: не было ничего, в чем бы я мог отказать ему. И когда Александр ловил нас в преступлениях, я всегда умолял его:

— Ники — не виноват.

— Ты не виноват? — спросил однажды Александр.

— Я не виноват,— ответил Ники, прямо глядя в глаза.

— Ах, ты не виноват? — рассердился Александр.— Так вот это тебе лично, а это — за Володю.

— Почему за Володю? — со слезами спрашивал Ники, почесывая ниже спины.

— Потому что Володя за других не прячется. Володя — мальчик, а ты — девчонка.

— Я не девчонка,— заревел Ники.— Я мальчик.

— Ну, ну, не реви,— ответил отец и в утешение дал нам по новенькому четвертаку.

Вспоминаю, как иногда, выезжая, например, в театр, родители заходили к нам прощаться. В те времена была мода

на длинные шлейфы, и Мария Феодоровна обязана была покатать нас всех на шлейфе и всегда начинала с меня. Я теперь понимаю, какая это была огромная деликатность — и как все вообще было невероятно деликатно в этой очаровательной и простой семье.

И потому я горько плакал, когда прочитал, что Николай Второй записал в своем предсмертном дневнике: «Кругом — трусость и измена».

Но... этого нужно было ожидать.

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы...

Д. Вонляр-Лярский

ГРЕХ У ДВЕРИ
(Петербург)

РОМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

покойного великого князя Александра Михайловича к американскому изданию

Уверенно предлагаю эту русскую книгу иностранному читателю. Не будучи литературным критиком, не берусь судить о вложенном в нее чистом художестве. Но если исторический роман — зеркало жизни, повернутое назад, то в данном случае задача выполнена. Отражение безусловно правдиво. Принадлежа сам к поколению, переживавшему трагический эпилог императорской России, я могу свидетельствовать о точности автора в освещении недавнего скорбного прошлого.

Затронутые события еще не отошли как будто в историческую даль. Некоторые из тогдашних деятелей живы посейчас; о других, умерших, так свежа память. Тем не менее это прошлое — история. Нас отделяет от него пропасть; отнестись к нему с беспристрастием историка — не только право, но и долг бытописателя. Лицемерие или малодушие некоторых из оставшихся очевидцев не могут быть ему помехой. Потомкам надо знать, что было. Автор не заслуживает упрека, хотя бы правда его и казалась иной раз беспощадной.

Читая лекции в Соединенных Штатах, я часто наблюдал, как настораживается аудитория при всяком упоминании о России последнего царствования. Мои американские друзья неоднократно спрашивали, что бы я посоветовал им прочесть для лучшего уразумения нашей отечественной катастрофы. Каждый раз я не

знал, что ответить: подходящей книги не было. Существовала, конечно, целая литература, но все написанное мало способствовало правильному представлению о действительности. Былое нередко изображалось в таком райском свете, что иностранец мог только руками развести: почему все рухнуло? Еще чаще этот рухнувший мир обливался принципиальной грязью из чувства гражданской ненависти. Никому не удавалась правдивая картина среды, воспитавшей людей, которые сыграли решающую роль в роковой развязке. В ушедшей России правящий круг был отдельным, замкнутым миром. Те, кто хорошо его знал, не владели пером, а писателям по ремеслу он был так труднодоступен, что истина бессознательно загромождалась бутафорскими вымыслами.

Настоящая книга — счастливое исключение. Ее автор — близкий мне человек: с ним связывает меня много воспоминаний. Та жизнь, тот быт, о котором он пишет, знакомы ему до мелочей, и потому-то в его писательском зеркале отразились подлинные, живые образы.

Но для меня самое значительное — другое. Иностранный читатель найдет в этой повести не только, как жило наше поколение, но и все, что оно пережило и в чем его грех. Задумается он также над бедою, все неотступнее грозящей современному человечеству. Не суждено ли, в самом деле, переболеть, по примеру нашему, той же страшной болезнью и другим народам? Кто знает, в ближайшем будущем не рухнут ли, как мы, в нужде и горе, целые отломы человеческой культуры? Горькая русская доля — зловещий знак. Предостерегающий урок не должен пройти даром. Перед человечеством единственно спасительный путь — нравственное совершенствование. В этой надежде я почерпнул последние свои силы. И верю: люди опомнятся.

ОТ АВТОРА

«Грех у двери» — только первая из трех частей связного целого под общим заглавием «Каинов дым» (Петербург — Петроград — Ленинград). Эпиграфом взяты слова из книги Бытия (IV, 5): *...На Каина же и на дар его не призрел.*

Трилогия задумана как исторический роман, хотя затронутое прошлое едва успело превратиться в страницу истории. Время действия — то катастрофическое десятилетие, которое решило участь нашего поколения. Взяты три роковые ступени: 1907 год, когда завязывался сложный узел последующих бедственных событий; дни великой войны и, наконец,— восторжествовавший большевизм. Петербург — «Грех у двери», Петроград — «На крови», Ленинград — «Всемеро..».

«Грех у двери» был первоначально отпечатан только в ограниченном количестве нумерованных экземпляров. Отдельная часть неразрывного по основному замыслу и фабуле целого вряд ли могла, казалось, привлечь внимание широкого круга русских читателей. Интерес к книге превзошел, однако, предположения: спрос на нее не прекращается.

Приносишь ли ты доброе или
недоброе, грех лежит у двери.
Быт, IV, 7.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Репенин неторопливо курил; добрая сигара прочищает мысли.

Он сидел, раскинувшись в поместительном ушастом кресле, сработанном когда-то для прадеда-подагрика крепостным столяром-краснодеревщиком. Взгляд рассеянно скользил по знакомым героям Илиады на расписном фризе кабинета. Стеснявший шею воротник вицмундира был расстегнут...

Загубить вечер в тишине и одиночестве противоречило его обыкновению. Репенин с пажеской скамьи не привык быть домоседом. Первый счастливый, но короткий брак промелькнул для него когда-то как сон. Вдовство и холостые дни естественно сливались в одну непрерывную ленту привольной бессемейной жизни. Двадцать лет конной гвардии, охот- и яхт-клуба наложили свой отпечаток. Его недавняя вторая женитьба слишком запоздала, чтобы искоренить привившиеся замашки холостяка.

Очередной четверговый полковой обед утомил Репенина. В офицерском собрании мерная беседа старших офицеров и порывистый, шумный корнетский загул вызывали в нем все время ощущение раздвоенности Старшие обсуждали различные служебные вопросы, которые казались Репенину серьезными и нужными. Корнеты пили, смеялись, подпаивали гостей и выкрикивали нелепое, но тра-

диционное: «Кто виноват?» В ответ гремела неизбежная «Паулина».

Пример молодежи заражал Репенина: назойливо тянуло приобщиться к буйным перебоям пьяного беспредметного веселья. Но вскоре после обеда командир полка неожиданно отвел его в сторону и показал бумагу. Главный штаб срочно запрашивал конную гвардию: намерен ли полковник граф Репенин занять очередную вакансию на командование освободившимся армейским полком? Ответ требовался неотложно.

— Не поздравляю, стоянка пакостная. Пойди-ка лучше завтра сам и переговори,— посоветовал командир.

Стало не до гулянья под трубачей. Репенин доиграл начатую партию на бильярде и вернулся домой.

Здесь, у себя, среди привычных домашних любимых предметов, он не знал никакой раздвоенности. Ему уже не приходилось слушать ничьих разноречивых голосов. А в нем самом все голоса звучали строго в унисон, особенно когда дело касалось службы. Репенин по рождению принадлежал к тому особому избранному кругу, где каждому положено с течением времени достичь без труда одной из высших государственных должностей. Но гордился он всегда другим: пращур при возведении за Семилетнюю войну в графское достоинство украсил герб девизом: «Quia meritur» — «Только по заслугам».

Сама по себе мысль получить скорее полк его прельщала. Командовать отдельной частью — важный шаг в карьере военного. Но до настоящего времени для Репенина понятия «полк» и «служба» отождествлялись с конной гвардией. Синие с желтым флюгера над рядами вороных коней, рыцарские обычаи сплоченной конногвардейской семьи, полковой Благовещенский собор... Все это стало близким и родным, и сам он в собственных глазах тоже как-то естественно сливался с конной гвардией. Трудно было даже представить себя на улице в иной фуражке, чем белой, конногвардейской. Надеть другую, темную или цветную, казалось смешным, нелепым, точно усы сбрить или отрастить поповские кудри...

В данную минуту вопрос еще не стоял ребром. У гвардии недаром привилегии. Можно отказаться, повременить и устроиться, вероятно, лучше. Но все равно: подступало время, когда придется покинуть родной полк навсегда.

Репенин по природе не был склонен к умозрительным сложностям. Свои ближайшие служебные поступки он не обсуждал заранее, а непосредственно ощущал и видел. Строевая жизнь целиком, до мелочей, давно укладывалась для него в ряд знакомых, ярко отчетливых образов, и эти образы наполняли его чувством устойчивости и смысла жизни.

Вообще на людях Репенин казался себе лучше и нужнее, чем наедине с собой. В полку среди мундирного сукна, приказов, коней и сыромятной кожи он чувствовал себя неутомимо деятельным и полезным. В обществе, всюду, тоже бывало легко и просто: не покидала уверенная непринужденность природного барина, сохранившего дедовские поместья, традиции, смычки гончих и расписные потолки своего родового особняка.

Зато в одиночестве Репенин подчас не находил себя. Внутри становилось пусто. В душе, предоставленной самой себе, оказывались только беспомощные обрывки неясных намерений и желаний с какими-то прослойками обязанностей, принципов и ленивой благожелательности к ближнему.

Бывали иногда и часы провалов, без всяких дум и чувств. Он начинал тогда испытывать тяжесть своего тела и лет, вдруг остро ощущал почему-то свои руки, ноги. И смущенно сердился на это...

Сейчас, в одиночестве, Репенин чувствовал себя как раз таким, каким себя не любил. После плотного обеда и вина одолевала сонливая вялость. Ни желаний, ни мыслей. И тело казалось грузным, бессмысленным, точно чужим...

Упавшая на руку горка тепловатого пепла заставила нехотя пошевельнуться. Рядом, на столике, лежал большой прокуренный мундштук из пенки, изображавший гарцующего витязя. Репенин привычным движением, не глядя, нащупал его, вставил в отверстие на голове всадника остаток сигары и продолжал курить...

В соседней проходной послышались шаги. Дежуривший там старый камердинер закашлялся спросонья. Сиповатый его тенорок проскрипел угодливо:

— Пожалуйте, давно изволят быть дома.

— Неужели? Как это мило! — раздалось затем звонкое сопрано.

Репенин мгновенно преобразился. Вспомнилось разом, что он любим, счастлив и что жизнь вообще прекрасна.

Жена, Софи... Его восторгала ее молодость, хрупкая, породистая красота, доверчивая покорность малейшему высказанному им желанию. А главное — он ощущал к ней ту бесконечную благодарность, какую всякий сорокалетний мужчина испытывает к влюбленной в него молоденькой красавице.

Софи провела вечер в гостях. Она вернулась веселая, нарядная, вся в чем-то светлом и воздушном.

— Сережа, подумай...— бросилась она к мужу и оживленно, жизнерадостно, но сбивчиво, с очаровательным, чисто женским неумением отличать важное от неважного, принялась его забрасывать свежими светскими новостями. Она говорила с обычным, не совсем русским произношением, свойственным большинству петербургской знати.

Репенин не старался особенно вникать в рассказ жены. На душе было хорошо и весело уже просто потому, что он ее видит, слышит и ощущает ее присутствие.

— Могу себе представить, как тебе сегодня было трудно вырваться ко мне пораньше,— проговорила Софи с обожанием во взгляде.

Репенин, презиравший всякое лицемерие, замялся, не зная, что ответить.

Софи его опередила:

— Ты хотел, Сережа, доставить мне маленькую радость. А вот у меня тоже есть чем тебя порадовать.

Репенин влюбленно улыбнулся.

Софи деловито уселась на подлокотник его кресла.

— Тетя Ольга звана была сегодня завтракать в Аничков,— проговорила она, замедляя слова, как это делает ребенок, желающий усилить впечатление от своего рассказа.— И представь себе, Мария Федоровна сказала ей: пусть Репенин не торопится с карьерой, скоро он получит прямо кавалергардов.

— А мне как раз сегодня предложен армейский полк,— сказал Репенин.

— Где?

— На самой границе, неподалеку от Вержболова.

— В таком захолустье! Хорошо, что вдовствующая государыня в память твоего покойного отца сама подумала о нас.

Репенин неодобрительно повел усами:

— Отличие по службе только в память заслуг отца... В сорок лет не особенно, пожалуй, лестно.

— Сережа, в тебе прямо... как это говорится... приниженность паче гордости! Кому же командовать тогда кавалергардами? — Она пожала плечами.— Без таких командиров, как графы Репенины, чем станут все эти блестящие полки?

Репенин удивленно взглянул на жену. Красивая молодая женщина представлялась ему чем-то прелестно беззаботным и хрупким, вроде бабочки. И вдруг такое существо высказывает трезвое как будто суждение...

— Молодчина, ей-богу, молодчина!

И совсем по-товарищески он расцеловал Софи, не зная, как выразить иначе охватившее его чувство.

Софи встала.

— Как у тебя здесь накурено, дышать нечем... Пойдем лучше ко мне.

Она взяла мужа за руки и потянула из кресла.

Репенин, подымаясь, стряхнул с вицмундира пепел и, обняв Софи, беспрекословно дал себя увести.

За дверью ожидали камердинер и выездной Софи с ее меховой накидкой. Репенин незаметно отвел руку, обнимавшую жену, и с деланной небрежностью засунул в боковой карман рейтуз. По старой холостой привычке он машинально повторил тот жест, который проделывал при случайной даме в кабинете ресторана, когда входил лакей. Поймав себя на этом, молодожен в замешательстве махнул прислуге: не провожать.

Они пошли наверх по величественной лестнице с базальтовыми колоннами. Софи стала оживленно рассказывать, как днем каталась с восьмилетней Бесси, дочерью Репенина от первого брака.

— Это прямо упоительный ребенок, Сережа. Ведет себя без англичанки, точно взрослая. А глазки, светлые, правдивые, как у тебя, так и сверкают: все ей хочется знать. Обещай, Сережа,— порывисто прижалась она к мужу,— что скоро и у меня будет свой ребеночек с твоими глазами...

Как большинство мужчин в подобных случаях, Репенин почувствовал себя неловко. Он отделался шутливым восклицанием:

— Дорогая, да ты сама еще совсем дитя!

Но в глубине его сознания сразу зашевелилось, что так нехорошо: надо было иначе откликнуться. Стало и досадно на себя, и совестно: «Якоже бо жена от мужа, сице и муж женою»,— сказано в Писании...

Софи ничего не ответила. Только ноздри дрогнули. Оба смолкли.

Несколько шагов они шли в раздумье. Репенин остановился: «А что, если ей не суждено вообще иметь детей? Бывает же...»

Он машинально привлек к себе жену и бережно поцеловал.

Они стояли на главной площадке лестницы. Впереди была видна вся парадная анфилада приемных и гостиных.

Репенин показал на них рукой:

— Послушай, Софи. В доме не только детские пеленки... Раз мне командовать кавалергардами, первая забота графини Репениной — принимать у себя и веселить царей.

— Всю молодость в золотой клетке! — с оттенком горечи сказала Софи и вздохнула.

— Это вопрос чести, мне кажется! — вырвалось у Репенина.

Он опять почувствовал, что следует высказаться полней. Ему хотелось напомнить жене царские милости, которыми осыпаны были восемь поколений его предков; хотелось пояснить, что все жалованные поместья, алмазы и тысячи ревизских душ — неоплатная фамильная задолженность перед престолом. Но трудно было сразу подыскать слова, чтобы все это выразить. Он только подтвердил:

— Да, дело чести и совести.

— Я понимаю: не по холопству, а noblesse oblige[1],— уронила Софи с бессознательно надменной иронией княжны, ведущей род от Рюрика.

С неожиданным задором она звонко рассмеялась:

— Бедный приниженный гордец! Не завидую графине Репениной, сшитой по твоей мерке.

К ним навстречу вышла горничная.

— Раздень меня скорей,— сказала ей Софи.— Я прямо валюсь от усталости.

---

[1] Дворянское достоинство обязывает (*фр.*).

Репенин озадаченно поглядел ей вслед: какой во всякой женской голове сквозняк!

Сознание своего мужского превосходства его удовлетворило. Он потянулся, зевнул и благодушно прошел к себе в уборную.

На следующее утро Репенин велел подать ордена, каску, свистнул собаку и пешком отправился на Дворцовую площадь, в Главный штаб.

Ждать приема не пришлось. У самого подъезда он столкнулся с седеющим молодцеватым генералом, тем именно штабным начальством, которого касалось его дело.

Стремительно шагавший генерал восторженно уставился на премированного бульдога, сопровождавшего конногвардейца.

— Не кобель, а загляденье!

Он присел на корточки перед собакой.

— Рожа ты каторжная! А челюсти-то какие; вцепится — не оторвать небось.

И генерал одобрительно заржал оглушительным протяжным смехом.

Бульдог сперва отнесся к шумливому незнакомцу подозрительно, покосился даже, не рвануть ли зубами красную подкладку генеральского пальто. Разобравшись, что это добряк и все идет по-хорошему, собака примирительно засопела и сочно лизнула генерала в бороду.

— Брысь!..— еще громче заржал обрадованный генерал.— Ты пса постереги,— приказал он швейцару,— а то смотри: в толчее как раз махнет на двор душить голубей. Вы ко мне? — осведомился он у Репенина и, подхватив его фамильярно под руку, повлек через боковую дверь прямо в служебный кабинет.

— Сугубо рад вас видеть, граф,— приветливо сказал генерал, усаживаясь.— Ваш приход сегодня обозначает, видимо, похвальную готовность по старинке от службы не отказываться?

— Свыше желают, чтобы я повременил. Мне милостиво обещано вскоре лестное строевое назначение здесь, в Петербурге,— без обиняков заявил Репенин.

Генерал задумчиво почесал карандашом свою плешь и насупился.

— Раз так, прекословить, конечно, не приходится. Очень жаль. Для пользы службы я, признаться, радовался, что очередь сегодня на этот полк выпадает именно вам.

— Следующий по старшинству — академик,— сдержанно заметил Репенин.

— Случай, видите ли, совсем особенный,— с ноткой досады возразил генерал и поспешил пояснить: шефом этого полка был не кто иной, как германский император Вильгельм II, а полк недавно переименовали из драгунского в гусарский. Новому командиру предстояло выехать с полковой депутацией в Германию для традиционного поднесения монарху мундира нового образца.

— Для этого достаточно, мне кажется, знать немного по-немецки,— заметил Репенин.

— Ошибаетесь! Главное — представительство. У императора слабость к показной стороне. Когда он присылает немцев в Петербург, вспомните — какой подбор! Молодец к молодцу, и все фюрсты, рейхсграфы или потомки тевтонских меченосцев. Не следует и нам перед ними лицом в грязь!

— Разве это в военном отношении так важно?

— Важней, чем полагаете! — с живостью воскликнул генерал и вскочил.— Послушайте, граф, я с вами начистоту, без утайки.

Противоположную стену кабинета заполняла двухсаженная стратегическая карта империи. Генерал окинул ее профессиональным взглядом и по привычке поискал вокруг себя указку.

— Взгляните на эту громадину,— сказал он, вооружившись канцелярской метелкой из перьев.— Несмотря на японскую войну, принято думать: мы не страна, а целая часть света; шапками, мол, закидаем. На деле же давно наша военная мощь куда как условна.

Генерал метелкой заводил по карте и принялся очерчивать конногвардейцу тревожные недочеты отечественной обороны. Он сыпал фактами и цифрами с вразумительной ясностью и все больше увлекался. Экспромтом получалась блестящая лекция, точно с кафедры в академии. Но сейчас генерал подчеркивал как раз все то, что годами тщательно сглаживалось и замалчивалось перед обычной офицерской аудиторией.

— Десять с лишком тысяч верст сухопутной границы без естественных оборонительных преград,— врезывалось в голову Репенина.— Острый недостаток путей сообщения... Устарелые или недоделанные крепости... Отсталая промышленность... Если Россия продолжает еще благополучно разрешать свои великодержавные задачи, то только по инерции, до первого серьезного удара.

Конногвардеец мрачно уставился на карту. Точка зрения генерала являлась для него новой и неожиданной. Он всегда полагал, что все иначе и лучше. Но здравый смысл подсказывал: этот знает, о чем толкует; вероятно, все именно так и есть...

— Прав, значит, был покойный государь,— проговорил он сквозь усы.— Нельзя нам воевать.

— Сами понимаете!

Генерал отшвырнул метелку и порывисто зашагал по комнате.

— А как, по-вашему, Германия? — решился спросить Репенин.

Генерал ответил, что, конечно, немцам наше истинное положение давно известно. Но пока ведут они себя все-таки с оглядкой. Берлину продолжает импонировать призрак: необозримая Россия и ее славное боевое прошлое. Этим козырем нельзя пренебрегать. Германский император — неврастеник, он впечатлителен. Необходимо временами невзначай освежать ему память.

Генерал добавил с досадой:

— А вот сегодня случай упускается такой, что положительно грешно.

Он круто остановился перед конногвардейцем:

— Сознаете ли вы, граф Репенин, что имя ваше говорит всякому немецкому военному? Ваш пращур, фельдмаршал... Ведь это: разгром под Кунерсдорфом, занятие русскими Берлина, Фридрих Великий, загнанный и помышлявший о самоубийстве!

Репенин нахмурился. Вспомнилось вчерашнее «noblesse oblige» и надменная нотка в голосе Софи.

— Какие славные страницы в русском прошлом,— взмахнул руками генерал и зашагал опять.— Люди прежде были у нас другие. Что, впрочем, говорить: ими создалась российская великодержавность, а наше поколение — ее рас-

тратчики.— Генерал понизил голос: — Свыше тоже, бывало, распущенность не поощрялась.

В нем заговорил пламенный любитель военной истории. Он пошарил в толстом портфеле на столе и отвел на аршин от дальнозорких глаз найденный листок.

— Вот, например, приказ Петра Великого...— Он прочел: — «Доблестному войску — наше царское спасибо. Генерал же аншефа князя Луховского списать в солдаты, понеже полки дрались явственно, а шведам порухи паки не нанесли». Что вы скажете? — восторженно воскликнул генерал. Но вдруг вспомнил: — Позвольте, ведь, кажется, графиня урождена?..

— Княжна Луховская...

Ясный немигающий взгляд Репенина застыл на мгновение. Он повел усами и протянул руку за каской.

— Я и не подумал...— запнулся генерал.— Вы, граф, молодожен. Здесь, в столице, великосветская жизнь, родня и развлечения. Графиня привыкла. Ей, вероятно, не захочется...

— Не жене решать,— отрезал Репенин, вставая.

— Разумеется! — одобрительно поддержал генерал, хотя сам дома трепетал перед сварливой супругой.

Репенин с каской в руке официально выпрямился:

— Позвольте доложить: я ходатайствую командовать освободившимся гусарским полком.

Генерал заморгал глазами от неожиданности.

— Вот это я понимаю! В добрый час. Нашему брату военному миндальничать некогда. А жены — пусть приспосабливаются. Дело известное: ле метье милитер е данжере антан де герр, е монотон антан де пе[1].

Уверенно произнеся эти французские слова с отменно черноземным выговором, генерал самодовольно осклабился.

— А без военных все-таки не обойтись,— задумчиво заметил Репенин, предпочитая продолжать по-русски.

Генерал замахал руками:

— Еще бы! Сказано недаром: человек человеку волк.

На прощанье он разразился снова оглушительным хохотом.

---

[1] Профессия военного опасна и во время войны, и в мирное время (*фр.*).

Дома Репенин прошел прямо к жене и застал ее за туалетом. После утренней ванны она сидела разрумянившаяся, в кружевном капотике. Горничная принималась ее причесывать.

Софи, с зеркалом в руках, тряхнула распущенными пепельными волосами.

— Ты не заметил, как они теперь, к весне, темнеют? — озабоченно спросила она мужа.— Парикмахер уверяет, что в Петербурге гадкая вода.

— Тебя она не портит,— улыбнулся Репенин и, запасшись терпением, сел.

Софи через плечо попрыскала на него любимыми духами.

— Знаешь, что я придумала? — весело начала она. Оказалось, что у нее на осень был целый план.— Сначала — ехать на Итальянские озера и пробыть там месяц одним; оттуда — в Париж; и только в ноябре — назад домой.

Софи была заранее уверена в согласии мужа.

— Рассчитай, пожалуйста, Сережа, свой отпуск так, чтобы август провести на Комо... Тише, милая, больно,— обратилась она к горничной.

Репенин достал папиросу и выжидательно закурил.

Минут через десять причесывание кончилось. Софи оглядела себя еще раз и решила:

— Теперь, кажется, ничего.

— Мне надо, дорогая, переговорить с тобой серьезно,— сказал Репенин, как только горничная вышла.

— Лучше поцелуй меня сначала хорошенько,— прижалась к нему Софи.— Скучные дела потом. Теперь я слушаю,— покорно откинулась она в кресле и, взяв большой пушок, стала пудрить зацелованные мужем плечи и шею.

Репенин подходил всегда к вопросу прямо. Он без предисловий изложил, как умел, что произошло в Главном штабе, и закончил словами:

— Остается, значит, ждать приказа и быть готовым к отъезду.

Он предвидел заранее, что разговор с женой не обойдется без шероховатостей. Внезапно принятое им решение, конечно, огорчит ее: ломка всей налаженной петербургской жизни приятна быть не может. Он ожидал расспросов, возражений, упреков; ждал напоминания о словах императрицы...

К его удивлению, Софи молчала. Она сидела неподвижно перед зеркалом с пушком в руке.

— Пойми, Софи: иначе нельзя было,— заговорил он с легкой досадой, как человек, принужденный разъяснять прописные истины.— Есть случаи, когда отказываться неприлично.

Сделав над собой усилие, Репенин против обыкновения принялся старательно развивать свои доводы.

Ответа и тут не последовало. Софи не оторвала даже глаз от зеркала.

Репенин пристально поглядел на жену, пытаясь угадать ход ее мыслей. В памяти промелькнул опять весь разговор с генералом. «Человек человеку — волк»,— вспомнил он и внутренне усмехнулся: — Да, это мы, мужчины, пожалуй,— волки. Ощетинившись, рычим и скалим зубы, когда сердимся. А женщина — чисто как медведь: за полсекунды никак не разберешь, что она замышляет!»

Репенин недоумевал, как быть дальше. Молчание становилось тягостным.

Вдруг Софи порывисто повернулась к мужу и спросила неровным от волнения голосом:

— Скажи, ты все-таки поедешь со мной осенью, как обещал?

Репенин смущенно замялся. Так недавно еще они обещали друг другу ежегодно проводить месяц вдвоем, вдали от всех.. Он принужденно ответил:

— Как ни печально, об отпуске на эту осень не может быть больше и речи.

Лучистый взгляд Софи сразу померк. Она отвернулась. На ресницах показались крупные слезы.

Репенина точно ударило. Как мог он довести до слез эти большие карие глаза, доверчивые и незлобивые, как у подраненного лосенка!

Первым естественным порывом было: все брошу, завтра же подам в отставку... Однако спохватился: нельзя, это равносильно бегству под огнем.

Стало жаль Софи, как малое дитя. Захотелось утешить, пригреть.

— Бедная ты моя!..

Софи вздрогнула и отстранилась.

— Пожалуйста, не надо,— глухо проговорила она.— В жалости, Сережа, я не нуждаюсь.

Репенин растерялся:

— Дорогая, полно. Что ты?.. Видит Бог, я так тебя люблю.

В зрачках Софи загорелась на мгновение зеленоватая искра.

— А для каких-то принципов готов пожертвовать и мной, и нашим счастьем? Все вы, мужчины, вероятно, таковы.

Репенин безнадежно мотнул головой. Но после некоторого раздумья он сказал примирительно:

— Время придет, дорогая, и ты посмотришь иначе. Поступись я совестью, потом сама пожалела бы...

— Сережа, ты безумец! — вырвалось у Софи с отчаянием.— Смотри, как бы ты первый не пожалел...

На кружевной капотик закапали тяжелые слезинки. Ей захотелось встать и уйти. Но перед ней все потемнело и закружилось. Она беспомощно упала назад в кресло. И разрыдалась...

Репенин решил отбыть пока один к месту новой службы. Вопрос о переезде Софи естественно откладывался на осень. Гусары скоро выступали в лагерь, под Ковну; следом предстояли подвижные сборы, затем — маневры. До окончания этой программы полк на постоянную стоянку не возвращался. Можно было видеться с женой урывками и за лето: до Ковны — одна ночь, а там рукой подать. Репенин уже заранее был озабочен мыслью что-нибудь скорее нанять или купить поблизости. Даже приказал домашнему обойщику быть наготове...

Он смутно надеялся день за днем: Софи первая заговорит о том, что будет навещать его наездами. Против ожидания, Софи отмалчивалась.

Наконец, накануне отъезда, Репенин решил сам, за завтраком, спросить жену, каковы ее ближайшие намерения.

Ответ был неожиданным. Софи спокойно объявила, что лето проведет с отцом. Князь Луховской был пятое трехлетие бессменно губернским предводителем и большую половину года проживал в своем поместье за Волгой.

Репенин уловил сперва только одно — все его проекты рушатся: из Заволжья до Вержболово двое с лишком суток!

Но показать досаду не захотелось. Он сдержанно заметил:

— На подножный корм... И на все лето!.. Не скучновато ли?

— Ты думаешь? — с каким-то новым ударением ответила Софи, и вдруг ее глаза заискрились.— Не беспокойся, в деревне мы не засидимся. Раз ты так занят службой, я, делать нечего, просила папа́ со мной поехать за границу. Мне всего двадцать лет... И в монастырь я не собираюсь! Папа — мужчина, но не истукан; он меня поймет, конечно.

Ренненина всего перевернуло. Поразили не так слова жены, сколько непривычная металлическая определенность, с какой они прозвучали.

Жила на его виске налилась и задрожала. Он промолчал. Ни возражать Софи, ни спорить, ни даже выслушать ее до конца — не стоило...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вильгельм II охотился. Император уже несколько дней был в Роминтене, своем восточнопрусском поместье на самой границе России.

Все последнее время в Потсдаме ему нездоровилось. Привычная стреляющая боль в ухе мучительно обострилась. Он почти не спал и заметно осунулся. Врачи настойчиво советовали отдохнуть, развлечься. Император сам сознавал, что пересиливает себя, но выпустить из рук управление государством, хотя бы на короткое время, казалось невозможным. Осложнявшаяся обстановка требовала беспрестанной бдительности. Он и решил выехать недели на две в Роминтен, куда могли быть перенесены важнейшие приемы и доклады.

Обширную Роминтенскую пущу прорезали в разных направлениях широкие, прямые просеки. Вдоль них были разбросаны для охотников особые бревенчатые срубы, обсаженные низким ельником. Император находился на одной из этих лесных вышек. Он сидел на складном стуле, ожидая очередного загона. С ним были два егеря-оруженосца и кряжистый старик, местный лесничий.

Утро выдалось яркое, безоблачное. По лесу рябило сверкающими солнечными пятнами. Правой рукой император опустил над глазами край мягкой зеленой шляпы с глухариными трофейными перьями; левая осталась непод-

вижной в боковом кармане серой охотничьей куртки с мундирными выпушками.

Вдали послышался сигнальный рог.

— Endlich![1] — нетерпеливо сказал вполголоса император, вставая, и кивнул егерю, чтобы подал ружье.

Это был один из тех легких малокалиберных штуцеров, которые делались для него по особому заказу. Император — сухоручка от рождения — наловчился стрелять одной рукой.

Он пододвинулся вплотную к полуприкрытой зеленью бойнице и стал нетерпеливо высматривать, не идет ли где зверь.

Обычно на облаве, чуть начнется гон, император, увлекаясь, забывал на время все — дела, заботы, неудачи — и отдыхал душой. На этот раз заглушить в себе все остальное оказалось куда трудней. С приезда в Роминтен, как нарочно, что ни день — новая неприятность. Ближайшие помощники, канцлер Бюлов и другой незаменимый политический советник, барон Гольстейн, опять перессорились, и оба теперь притворяются, что подадут в отставку... Сломался зуб и раздражительно царапает язык, а единственный дантист, которому можно довериться, где-то в отпуску... Но главное — последняя статья Максимилиана Гардена: беззастенчивый негодяй снова копается в его личной жизни...

Все это и теперь, в лесу, назойливо, бессвязными обрывками кружилось в голове Он даже опустил штуцер и положил перед собой на дно покрытой мхом бойницы.

Вдруг император замер. Между соснами, далеко вправо, будто зашевелилось что-то. Еще секунда — на опушку, озираясь, мелкой рысцой выбежал поджарый олень. К его бокам доверчиво льнули две ушастые лани

С соседней вышки грохнули подряд два выстрела. Олень вздрогнул и, запрокинув рога на спину, бешеным галопом метнулся наискось через просеку

— Wieder verpudelt![2] — раздражительно уронил император резким отрывистым голосом. Ему, как заядлому шкурятнику, становилось досадно каждый раз, когда упускали даром дичь.

---

[1] Наконец-то! *(нем.)*

[2] Опять промазал! *(нем.)*

Неожиданно со следующей, третьей вышки пыхнул дымок и раздался выстрел. Олень, шагах в полутораста, судорожно привскочил и, как оброненный мешок, грохнулся оземь.

— Das war ein Blatschuss![1] — не удержался от восхищения старик лесничий.

Император сразу догадался, кто стрелял: конечно, «Der russische Oberst aus Wirballen»[2]. Недаром этот случайный иностранец пользуется его особым благоволением. Он даже отдал приказание раз навсегда: звать его сюда гостем на каждую охоту.

Император уставился на далекую вышку и невольно задумался. Такой образцовый военный!.. А там, у них, он приграничный жандарм без малейшей надежды на получение когда-нибудь высших командных должностей. Впрочем!.. «Россия — страна неограниченных возможностей»,— пришли на память слова, насмешливо сказанные ему недавно в Роминтене русским министром Витте.

Перед императором промелькнул хорошо знакомый невзрачный облик державного соседа-царя, и он тут же почувствовал укол завистливой досады. Вот у него, в Беловеже,— стада зубров, истинно императорская охота! Не то что здешние олени да выродившиеся кабаны.

Да, Россия... Россия... На секунду император зажмурился. Ему представилась мутная бесформенная громада медленно ползущей тучи, застилающей половину небосклона.

— Majestät[3],— послышался за спиной почтительно-укоризненный шепот.

Император обернулся.

Перед самой вышкой, шагах в двадцати всего, стоял старый рогач и, закинув голову, беззаботно общипывал молодую осину.

Не спуская с него глаз, император нащупал рукой ложе штуцера и осторожно потянул ружье к себе. Оно не подалось, плотно зацепившись за что-то.

Чуткий олень вдруг насторожился и тревожно, громко фыркнул.

---

[1] Отменный выстрел! *(нем.)*

[2] Русский полковник из Вержболова *(нем.)*.

[3] Ваше величество *(нем.)*.

— Verdammt![1] — пробормотал сквозь зубы император и нетерпеливо рванул ружье.

Олень мгновенно весь вытянулся, точно на стальных пружинах, и разом со всех четырех ног шарахнулся назад. Император не успел даже вскинуть штуцера, как зверь одним отчаянным прыжком нырнул обратно в чащу.

Император нагнулся, внимательно разглядывая бойницу, и провел по ней рукой в толстой кожаной перчатке. Под мхом прощупывалась незаметная снаружи глубокая выбоина. Скоба штуцера, по-видимому, случайно за него и зацепилась.

Обнажив висевший у пояса декоративный охотничий кинжал, император поскоблил им дно бойницы. Под толстым слоем мха бревно совершенно прогнило.

Император вспылил. Вышки строились по его собственноручным чертежам не далее как в прошлом году. Кажущаяся прихоть была вызвана на самом деле военными соображениями. Получалась сеть опорных пунктов для обороны лесной площади, имевшей стратегическое значение.

— Такая насмешка над своим императором! — набросился он на лесничего, чтобы разом сорвать на ком-нибудь все накипевшее с утра.

Старик, честно прослуживший в Роминтенской пуще сорок лет, не смутился. Он ответил почтительно, но твердо:

— Что поделать, ваше величество, виноват здешний мох.

Император недоверчиво покосился.

— Этот проклятый мох и не такие беды делает! — с искренним убеждением продолжал старик.— Вот, например, прошлой ночью близко отсюда рухнуло загубленное мхом одно из лучших деревьев во всей пуще..

Впереди, у самой вышки, послышался топот. На просеку выбегало стадо оленей.

Император прицелился, выстрелил. Передний рогач споткнулся, тяжело подраненный. С соседних вышек тоже загремели выстрелы.

Через час охота окончилась.

— Где дерево? — вспомнил император.

---

[1] Проклятие! *(нем.)*

Старик повел его едва заметной тропинкой в самую глушь леса. Там было темно и сыро. Тяжелые хвойные ветви сливались над головой в сплошной непроницаемый свод.

Они прошли так шагов двести. Внезапно в полумраке чащи замелькало светлое пятно. Несколько дальше императору показалось, будто нависший над ним темный полог прорван зияющей дырой.

Лесничий остановился и раздвинул ногой кусты дикой малины. Перед императором, беспомощно раскинув крепкие и широкие ветви, лежала вековая царственная лиственница, зеленевшая еще свежими сочными хвоями. А рядом — торчал пень. Снаружи его сжимал сплошным кольцом, точно удав, тусклый серо-бурый мох.

Император подошел к самым корням упавшего дерева и невольно огляделся кругом.

Высоко над ним синело небо. Внизу по коряжистому стволу лиственницы прыгала, почирикивая, лесная птичка. Муравьи целой артелью деловито прочищали свой путь, загороженный отломившейся веткой с тяжелыми шишками. Две бабочки, одна белая, другая ярко-желтая, порхали над клейкой лесной полынью.

Выше, во все стороны на несколько сажень, было пусто. И эта пустота казалась странной и жуткой.

Словно когда умер дедушка — вспомнилось императору.

Молчание прервал лесничий:

— Стояла здесь эта громада со времени курфюрстов. Никакие бури не свалили. А принялся мох — и в год с небольшим — вот как сгноил.

Император с любопытством склонился над изломом дерева. Наружный мох сквозь трещины коры хищно впивался в древесину, а всюду под ним чернела гниль и кишели черви.

— Какая сила разрушения! — изумился император. «Нельзя ли применить ее в военном деле?» — пришло сейчас же в голову.

Он оторвал кусок мха и положил его в карман. Цветом этот мох напомнил ему русскую солдатскую шинель...

К вышке был подан низенький плетеный шарабан. Сюда же собрались и остальные охотники. Император был еще всецело поглощен мыслями. Садясь в экипаж, он забыл да-

же пригласить с собой, как обычно, кого-нибудь из свиты. Только подъезжая к усадьбе, очнулся наконец и вспомнил о дальнейшем расписании дня: завтрак, вместо одиннадцати, как всегда, будет в час, следом назначен утомительный, но неизбежный прием.

По возвращении императору подали ожидавшую его с утра телеграмму. Царь Николай II извещал, что накануне вечером отправил ему срочное конфиденциальное письмо с доверенным лицом из своей свиты.

За четверть часа до указанного времени главная, центральная комната Роминтенского охотничьего замка уже была полна людей.

Ожидающих представиться его величеству было человек двадцать. Разместив всех по церемониалу, дежурный ординарец при императоре, гвардейский обер-лейтенант, взял список и еще раз поочередно обвел глазами присутствующих.

В глубине, у окон, стоял присланный царем флигель-адъютант — штабс-ротмистр Адашев, худощавый рыжеватый блондин лет тридцати. Он только успел переодеться в парадную форму — в ту зеленую мундирную поддевку национального покроя, которую носила свита государя. Подле него в ярком доломане армейского гусара выделялась крупная, осанистая фигура Репенина. Дальше, вдоль одной из стен, выстроилась привезенная им полковая депутация: сначала, в порядке старшинства, трое офицеров, затем — могучий, широкоплечий красавец вахмистр. За русскими, последним в ряду, был проезжий американский путешественник во фраке, с бритым лицом и золотыми зубами.

У противоположной стены стояли немцы. Первое место, ближе к окнам, занимал седенький плешивый старик с орденом на шее. Он представлялся по случаю своего избрания деканом Боннского университета, где император когда-то учился. Следующим был тучный, немолодой уже роминтенский бургомистр, туго затянутый в новенький мундир прапорщика ландштурма. Далее толпились кучкой представители местного шуцферейна в сюртуках провинциального покроя, с петличными значками на цветных кокардах.

Немцы смущенно тянулись, озираясь на одну из дверей, у которой дежурил придворный гайдук. Оттуда, из соседней столовой, доносились едва слышный стук приборами и гул голосов.

Репенин оглядывал комнату критическим глазом истового петербуржца.

— Обстановка довольно-таки мизерная! Не правда ли, Алеша? — обратился он к бывшему однополчанину — конногвардейцу Адашеву, старательно заглушая раскаты своего густого командирского голоса.

Внимание флигель-адъютанта отвлекал американец-путешественник. Осведомившись, что гусары — русские, он вооружился хрустальным пенсне и с каким-то плотоядным любопытством уставился в упор на своего соседа-вахмистра.

Адашева покоробило. Он шевельнул плечом, точно встряхивая аксельбант, и отвернулся. Взгляд его скользнул по некрашеной вагонной обшивке стены, по многочисленным охотничьим трофеям на ней и поддельным под старину керамиковым блюдам.

— Безвкусица невероятная,— сказал он Репенину.

У него была привычка произносить слова полувопросительно, что придавало его речи постоянный оттенок недоговоренности.

— Называется замок, а точно наше старое собрание в Красном Селе,— подхватил Репенин.— То ли дело у нас при дворе...

Досказать не удалось. Рядом, в столовой, послышался шум разом отодвигаемых стульев.

В приемной все смолкло. Невозмутимый доселе гайдук чуть-чуть приоткрыл дверь и осторожно заглянул в щелку

— Посмотрим, каков сам хозяин,— снова полувопросительно сказал Адашев.

Он расправил свою белую свитскую шапку и вынул из нее письмо царя.

— Курить чертовски захотелось,— вздохнул Репенин, подхватывая саблю, и окинул начальническим взглядом своих гусар.

В другую, боковую дверь поспешно вошел вылощенный, будто заново отполированный гофмаршал, в галунах и звездах. За ним — подтянутый, прифабренный, старчески бодрящийся генерал со свитским аксельбантом.

Гофмаршал подошел к русским скользящей придворной походкой.

— Mille excuses...[1]

Учтиво, с деланной озабоченностью он осведомился: не утомились ли в дороге, своевременно ли был подан завтрак на границе...

Как большинство немецких сановников, говорил он по-французски цветисто, тяжеловесно и с режущими ухо ударениями.

Генерал только внушительно щелкнул шпорами, как бы в знак солидарности с гофмаршалом. Полагая, однако своим служебным долгом поддержать разговор, он заявил, разглядывая доломан Репенина:

— Ihre Schmückerei, Herr Graf, scheint dieselbe, wie bei uns im dritten Hussaren...[2]

Ловко воспользовавшись этой минутой, гофмаршал повернулся, преувеличенно расшаркиваясь, к другим присутствующим.

— Die deutsche Cavalerie hat leider keine Schabrakken mehr[3],— продолжал занимать Репенина генерал.

Гофмаршал подошел опять к Адашеву с учтивым заверением, что его величество не замедлит пожаловать. Немецкий придворный словно подчеркивал, что видит во флигель-адъютанте живую тень пославшего его. Щелкнув манжетом, он взглянул торопливо на часы и сделал вместе с генералом несколько шагов по направлению к столовой.

Прошла минута напряженного ожидания. За стеной пробило два.

Вдруг заглядывавший в щелку гайдук настежь распахнул обе половинки двери. Все немцы застыли навытяжку.

Послышались шаги, шпоры. В дверях показался император в русской гусарской парадной форме с генеральским ментиком на плече и в андреевской ленте. Он порывисто вошел, остановился и, вскинув голову, быстрым круговым взглядом обвел присутствующих.

---

[1] Тысяча извинений... *(фр.)*

[2] Ваш шнуровой приклад, граф, одинаков с тем, что у нас в третьем гусарском. . *(нем.)*

[3] У германской кавалерии, к сожалению, нет больше парадных чепраков *(нем.)*.

— Meine Herrn...[1]

Император коротко кивнул. Но голова его, казалось, не наклонилась, а, наоборот, как бы вздернулась еще выше.

В его осанке, взгляде, голосе было нечто, заставившее даже придворного Адашева вытянуться невольно, как в строю.

Найдя его глазами, император направился прямо к нему. Адашев неровным голосом, волнуясь почему-то, доложил, что полагалось, и по-придворному, с поклоном, вручил письмо царя. Ему было стыдно за внезапное свое смущение. «Точно школьник»,— упрекнул он себя.

— Как теперь здоровье ее величества? — с видимым интересом спросил император.

Царица болела всю осень. Минувшим летом в финляндских шхерах царская яхта ударилась о камень. В замешательстве и тревоге царица заметалась. Каюта маленького цесаревича была пуста. Только несколько погодя выяснилось, что ребенок благополучно вынесен наверх англичанкой-бонной. Потрясение матери разразилось тяжелым нервным недугом. С тех пор, кроме семьи, к царице еще никто не допускался.

— Бедная! — вырвалось у императора.— Сколько страхов, сколько горя обрушилось на эту женщину с тех пор, как она там, в России.

В его интонациях слышалась искренность. Вместе с тем Адашев сразу почувствовал, что император продолжает смотреть на русскую царицу как на немецкую принцессу, почти что свою подданную.

Разговаривая, император все вертел в руке письмо царя, то небрежно им постукивал по своей гроссмейстерской цепи Черного Орла, то нервно щекотал им край губы, над которой торчали, как штыки, его характерные усы. И эта крупная холеная рука, сверкавшая выпуклыми камнями тяжелых колец, примелькалась Адашеву.

Императору захотелось наконец отделаться от письма. Он попробовал спрятать его в боковой карман доломана, но конверт не влезал. Пришлось изловчиться, отстегнуть одной рукой костылек на груди и сунуть письмо под орденскую ленту: добротный глянцевитый шелк топорщился.

[1] Господа... *(нем.)*

Только тут Адашев обратил внимание на другую руку императора. Она была заметно короче. Недоразвитая кисть в перчатке лежала на эфесе сабли, а ножны незаметно прикреплены были к обшлагу ремешком. Рядом с правой, такой подвижной, сверкающей и властной, эта левая рука казалась еще беспомощнее. Увлеченный наблюдениями, Адашев вздрогнул, когда император заговорил снова.

— Вернувшись, передайте...— Он перебил себя: — Я вас еще увижу! — И официально, милостивым тоном заговорил с Репениным: — Мне особенно приятно, полковник, что моими гусарами командует блестящий потомок славного полководца.

К этой заранее заготовленной фразе монарх, точно невзначай, добавил:

— Всякий старый дворянин чтит прошлое и понимает семейные традиции.

Затем с полным знанием дела он начал расспрашивать про полк.

Репенин был сразу покорен. Предубежденность, враждебный холодок, ирония исчезли вовсе. Он приосанился.

«Вид веселый, но без улыбки»,— вспомнилось Адашеву наставление из старинного воинского устава о том, как надо отвечать начальству.

Репенин стал докладывать по-немецки, уверенно, неторопливо, словно на простом инспекторском смотру. Он говорил про новобранцев, манежную езду, ковку... Чувствовалось, что каждая мелочь повседневной, одуряюще однообразной полковой жизни представляет для него свою особую прелесть.

«Чудак! — решил Адашев.— Молодая жена... Сто тысяч десятин... А живет службой и точно священнодействует[1]»

Император, как ни странно, слушал Репенина с возрастающим вниманием. Людей самостоятельных, принципиальных и чуждых лести он смолоду не терпел и привык осаживать. Ему хотелось, чтобы перед ним, наследственным носителем мистической власти, все беспрекословно склонялось и трепетало. Но почему-то именно Репенин всей своей независимостью не вызывал в нем раздражения, наоборот, скорее нравился ему.

Только присущее монархам ощущение времени заставило императора оторваться наконец от Репенина. Он обошел поочередно остальных русских офицеров. Дойдя до вахмистра,

громко по-русски поздоровался и с видимым удовольствием вслушался в традиционный уставной солдатский ответ.

— Was für eine Brust![1] — воскликнул император, одобрительно оглядывая богатырское сложение загорелого, как голенище, молодого кавалериста — Откуда родом? — спросил он.

Репенин перевел вопрос.

— Нижегородской губернии, Васильсурского уезда, Козьмищенской волости, села Прокудина,— одним духом звонко отчеканил вахмистр густой октавой

Репенин перевел.

— Чем занимался дома?

— Хлебопашеством.

Господствующее великорусское племя. . На мгновение монарх задумался: их одних там восемьдесят миллионов!

Похлопав вахмистра по крепкому широкому плечу, император убедился, что он точно вылит весь из цельного металла.

— Замечательный боевой материал,— сказал он вслух, а у самого в голове мелькнуло: «Какой красавец это дитя природы! . »

Он опять, молча, обмерил вахмистра медленным пристальным взглядом.

Уловив этот взгляд, Адашев поморщился: гвардейская молодежь... вилла Круппа... разгул на Корфу... Неужели все правда?

Точно опасаясь кривотолков, император поспешил придать своей минутной паузе официальное значение.

— В знак неизменного благоволения к полку,— сказал он торжественно, обращаясь как бы ко всем русским вместе,— жалую молодцу вахмистру орден. Армия таких солдат покорила бы, пожалуй, весь мир,— с деланной восторженностью обратился он к генералу.

— По примеру римлян полагаю, что с предводителем-львом достаточно и баранов,— прищелкнул шпорами генерал, почтительно подавая монарху раскрытую сафьяновую коробочку.

— Полоний!..— самодовольно усмехнулся император, падкий, видимо, и на такую лесть.

---

[1] Что за грудь! *(нем.)*

Он взял из коробочки крестик на синей ленточке и театрально вручил побагровевшему вахмистру. Дав затем понять одним кивком, что прием русских окончен и что они свободны, император en camarade[1] остановил Репенина за локоть.

— Grüssen Sie die Tante Olga[2].

Он улыбнулся с неофициальной приветливостью и протянул руку.

Загремев саблями и шпорами, русские толпой вышли на крыльцо.

— Ты доволен! — полувопросительно, как всегда, сказал Репенину Адашев.

Заграждаясь шапкой, он чиркал спичку за спичкой, чтобы закурить на ветру папиросу.

— Что ни говори,— ответил Репенин, старательно раздувая толстый фитиль своего портсигара,— что ни говори, а ведь он, как в книжках: every inch a king[3]

Сняв парадную форму, русские разбрелись по роминтенской усадьбе. Господский замок, службы, псарня — все, вплоть до охотничьих сторожек, было выполнено по архитектурным наброскам самого императора.

Репениным и Адашевым занялся гофмаршал.

— Sa majeste m'intime de vous faire les honneurs du domaine[4],— сказал он и повел знакомиться с высшими по рангу приближенными императорской четы.

Вся его фигура, от расчесанных редеющих волос до пикейного жилета с золотыми пуговицами, казалась живой иллюстрацией к придворному календарю.

На площадке перед свитским домиком сидели, греясь на солнце, две пожилые дамы. Гофмейстерина, апоплексическая старуха с профилем попугая, заботливо следила за тем, как усатый гайдук поил кофе со сливками ее любимую моську. Камер-фрейлина, молодящаяся дева лет за

---

[1] Дружески *(фр.)*.

[2] Мой привет тете Ольге *(нем.)*.

[3] В каждом вершке — король *(англ.)*.

[4] Не пожелаете ли обозреть поместье; его величество поручает мне быть за хозяина *(фр.)*.

пятьдесят, с наивно поднятыми бровями и атласным бантом на шее, занятая вязанием, беспрерывно постукивала черепаховыми спицами, то и дело подергивая громадный клубок светлой шерсти.

Моська встретила подошедших мужчин хриплым лаем, напоминавшим карканье подстреленной вороны. Гофмейстерина подхватила свою любимицу и предусмотрительно взяла к себе на колени.

— Счастливица баронесса удостоена опять монаршей милостью,— поспешила объявить она гофмаршалу, показывая глазами на пергаментную папку, торчавшую из рабочей корзины соседки.

Гофмаршал потянулся за папкой:

— Не скромничайте, баронесса, покажите.

— Es ist ein Spass![1] — *хитро* подмигнула старуха русским и пояснила: недавно, в общем разговоре, император заметил, что женщина вне брака — пустоцвет. Незамужняя баронесса, обидевшись, сказала, что это изречение ей не совсем понятно, а его величество в назидание соблаговолил иллюстрировать свой афоризм рядом собственноручных рисунков. Эти рисунки, сброшюрованные, и были пожалованы вчера вечером баронессе как сюрприз.

Молодящаяся камер-фрейлина, в душе весьма польщенная, сочла все-таки приличней обиженно поджать губки.

— Entzückend![2] — воскликнул гофмаршал, разглядывая художественный экспромт монарха.— Какой талант, сколько юмора...

— Кстати...— перебила его гофмейстерина, опасливо оглядываясь, ушел ли гайдук.— Вы прочли вчерашнюю заметку Гардена?.. Это еще что?

В ее глазах сквозило старушечье любопытство ко всякого рода непристойным сплетням.

— Der Pressbengel! — возмутился ее собеседник.— Diese Reptilien können heutzutage unbestraft jeden in die Ferse stechen ..[3]

---

[1] Это шутка! (*нем.*)

[2] Прелестно! (*нем.*)

[3] *Газетная шантрапа. Нынче эти гадины безнаказанно могут всякого ужалить в пятку...* (*нем.*)

Тем временем говоривший свободно по-русски местный уланский майор показывал трем однополчанам Репенина конюшню.

Там царил образцовый порядок. Стойла окаймляла новенькая соломенная дорожка с перевитым самодельным жгутом. По конюшне горделиво расхаживал бородатый и пахучий белый козел; лакомка, почуяв табак, стал умильно приставать к гусарам.

Внимание гостей привлекли сейчас же две нарядные кровные кобылы и крупный ирландский мерин, покрытые щегольскими попонами с ярким шитым вензелем и короной: в Роминтен были приведены личные верховые лошади императора.

Гусарский ротмистр, сумрачный финн, молча осмотрел копыта у лошадей и опытной рукой провел по сухожилиям.

— Эта будто тронута на передние ноги,— желчно заметил пожилой длинноусый подполковник, показывая на одну из кобыл.

Ему хотелось к чему-нибудь придраться. Он судорожно ненавидел Германию: воспитательница-немка его порола в детстве.

Догадываясь, о чем идет речь, стоявший рядом молодцеватый унтер-шталмейстер почтительно вмешался в разговор. Он напомнил русским, что император, не владея вовсе левой рукой, управляет лошадью одними шенкелями. Поводья только для вида: их пристегивают к кольцу на рукаве мундира. Требуется особая, тяжелая выездка. Редкая лошадь ее выносит, не сев на ноги.

— При всем том,— вставил немецкий майор,— его величество чуть ли не каждый день верхом.

— Да, это здорово! — сказал сумрачный ротмистр.

— Настоящий кавалергардский парадер! — показал спортивный полковой адъютант на могучий круп каракового ирландца.

Словоохотливый унтер-шталмейстер, угадывая в длинноусом подполковнике старого, искушенного лошадника, сделал попытку вызвать его на беседу:

— По словам его величества, в русском Кавалергардском полку, пожалуй, лучший на свете состав офицерских лошадей...

Подполковник был в затруднении, что ответить. Ему, как русскому, отзыв немца был приятен. Но хвалили имен-

но тот полк, который он, как всякий армеец, особенно недолюбливал.

— У других труднее масть,— постарался он вывернуться.— Попробуйте, например, подыскать такого вороного для конной гвардии...

Упоминание о конной гвардии задело полкового адъютанта по его самому больному месту: его туда не приняли когда-то как сына разбогатевшего мукомола... Он с завистью подумал об Адашеве.

— Что значит быть флигель-адъютантом,— сказал он необщительному ротмистру.— Адашев, например, одного выпуска со мной. Но вот поди, сразу вышел в дамки. Всего только штаб-ротмистр, а держится вельможей.

— Да,— мрачно согласился финн,— кому служба — мать, а кому... кузькина мать.

Красавец вахмистр, с немецким орденом на синей ленточке, тоже бродил по Роминтену в сопровождении спутника.

На счастье, подвернулся ему земляк-нижегородец, перебиравшийся обычно летом на заработки по малярной части в Пруссию,— русские маляры издавна ценились в немецком прирубежье.

Добросовестно осмотрев все по хозяйству, земляки присели у пасеки на скамейке.

Осенний день был прекрасен. Октябрьское солнце заботливо, едва заметно пригревало. Все краски, все полутона казались мягко-золотистыми. В прозрачном воздухе жужжала редкая пчела, торопливо опускаясь за соседнюю стенку в пасеку.

Вахмистр провел несколько раз прутиком по шуршащему ковру опавших порыжелых листьев.

— Благодать!..— сказал он с убеждением и снял фуражку

Маляр последовал его примеру: расправил на колене мягкую немецкую шляпу и всей пятерней провел по своим спутанным соломенным кудрям.

Рябоватые щеки растянулись в улыбку:

— Чисто бабье лето.

Он жизнерадостно заболтал неуклюжими ногами в русских сапогах бутылками.

Помолчав затем немного, маляр стал делиться с гостем своими заграничными впечатлениями:

— Чудной, право, народ — немец. В доме, глядишь, все скребет и чистит. А вот в баню так вовсе не ходит...

Вахмистр слушал рассеянно. Он разглядывал ближайшее молодое деревцо из ряда посаженных вдоль выщербленной стенки, окружавшей пасеку.

— Яблони? — показал он прутиком.

— А знаешь, кто сажать велел? Сам император. Это он для пчелы. Мед, поди, от яблока-то вкуснее.

— Скажи, какой любитель медом лакомиться!

— Какой там лакомиться...

— Аль на продажу?

— А то как же. Немец, брат, даром что император, живет аккуратно.

Вахмистр от удивления смутился.

— Эх ты, кавалер! — с чувством собственного превосходства протянул маляр насмешливо, упирая на титулование.

Как всякий простолюдин, он взирал с иронией на чины, ордена и прочие господские затеи.

Вахмистр опять промолчал.

— Наш царь, небось, из меда копеечки не выколачивает,— несколько погодя продолжал маляр.— Ну и матушка Россия — не Германия, а попросторней.

— Русскому царю есть, почитай, о чем другом болеть,— отрезал вахмистр.

Маляр задумался.

— А вот сказывают,— заговорил он опять,— нонче, будто всем царям да императорам скоро конец.

— Кто сказывает?

— Есть тут один. Листки он мне читал, что в пятом году по деревням раздавали. Так, значит, и прочел: на что, мол, царь, без него народ сам себе хозяином будет.

— И что тогда хорошего окажется?

— Известно что: перво-наперво помещичью землю всю себе поделим...

— А делить кто будет?

Маляр смутился в свою очередь:

— Оно конечно... Так кого только допусти: враз пойдет ловчить, чтоб своим первым лишку прирезать.

Вахмистр усмехнулся:

— Вот оно и есть. На то, значит, царь и помазанник, чтобы завсегда по-божески.

— Оно, конечно...— без особого убеждения повторил маляр и задумчиво сплюнул.— Да кто знает?.. Как отберем все господское добро, промеж себя, крестьянства, лучше, может, сладимся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Закончив прием, император поднялся по деревянной лестнице к себе наверх.

В тесной уборной его ждали лейб-камердинер с дежурным помощником. Они проворно сняли с него ментик, доломан и саблю.

Оставшись в русских краповых чакчирах и ботиках, император надел просторную немецкую венгерку, отороченную серой смушкой. Камердинер бережно пододвинул переносной столик; на нем были разложены свежий носовой платок, портсигар и ряд других предметов, которые император привык носить в карманах. Тут же лежало, красной печатью кверху, письмо царя, слегка помятое андреевской лентой.

Император взглянул на себя в большое створчатое зеркало и поправил торчащий криво шейный восьмиконечный гогенцоллернский крест. Выходя, у двери он что-то припомнил, остановился и приказал камердинеру принести утреннюю охотничью куртку. Вынув из нее кусок мха, император сунул его в боковой карман венгерки.

Соседняя комната была рабочим кабинетом. Там навстречу ему поспешно встал грузный бородатый мужчина с короткой бычьей шеей и зоркими глазами. Его синий сюртук с белыми отворотами был высоко препоясан серебряным шарфом. На груди сверкал полный набор высших германских орденов. Под левым локтем он держал треуголку. Морской министр, адмирал фон Тирпиц, полчаса назад прибыл из Берлина.

Министр на докладе не ограничился текущими делами. Он привез императору исчерпывающие секретные данные о новой русской судостроительной программе. На днях морскому агенту в Петербурге удалось добыть их подкупом.

К этим документам был приложен, в переводе, полный текст того законопроекта, который вносился вскоре в Го-

сударственную думу. Построить новый флот намечалось в десять лет.

Император присел к столу и принялся внимательно рассматривать рабочие чертежи будущих русских морских единиц. Синие кальки были испещрены профилями и разрезами. Министр, с тетрадью технических расчетов в руках, стоя давал цифры.

Императора особенно заинтересовал один из броненосцев, предназначавшихся для Балтийской эскадры: как судно такого типа должно держать волну?

Он поднял глаза на стоящего рядом министра. Адмирал в ракурсе показался ему карикатурой: рыжая седеющая борода громадной лопатой под низким, точно приплюснутым голым черепом, а руки, сжимающие тетрадь,— волосатые, жилистые и красные... как у мясника!

Император отмечал в блокноте боевые коэффициенты каждого вымпела. Он подсчитал итог и раздраженно отшвырнул сломавшийся карандаш. К 1917 году Россия на море будет куда сильнее, чем до японского разгрома.

— Этого допустить нельзя! — проговорил император, словно размышляя вслух.— Лучше война...

Адмирал насупился: он думал иначе. И возразил угрюмо:

— Россия — одна шестая земной суши. Недаром покойный князь Бисмарк завещал дружить с нею.

«До чего он невоспитан!» — возмутился император, порывисто вставая. Всякая ссылка на пресловутого «железного канцлера» всегда стегала его, будто личная обида.

Он подошел к открытому окну и задумался.

Видя, что император молчит, министр тоже подошел к окну. Поступаясь этикетом, он решил сам прервать молчание.

Адмирал показал в окно на громадные деревья пущи:

— Россия несокрушима, как эти великаны...

Император нервно перебирал пальцами в боковом кармане венгерки.

— А мох? — вырвалось у него неожиданно.

Он резко повернул голову и через плечо взглянул на адмирала.

Озадаченный министр замолк. «Здоровье императора расшатано, пожалуй, серьезней, чем думают,— сказал он себе.— Я, кажется, переутомил его докладом».

Заботливо сложив в папку разбросанные по столу бумаги, адмирал взял под мышку треуголку и поспешил откланяться.

Оставшись один, император распечатал письмо царя.

«Революционное движение подтачивает троны»,— писал по-английски Николай II. Ввиду этого он предлагал императору объединиться с ним и, не медля, согласовать действия для планомерной борьбы против общего врага — революции. У него в России непосредственная опасность, вызванная брожением 1905 года, миновала благодаря принятым чрезвычайным мерам. Но царь тревожился за будущее и в соседе искал опоры...

Император поглядел вопросительно на четкий, немного убегающий почерк троюродного племянника и закрыл глаза.

Два года назад, в Биорке, ему удалось склонить царя заключить с ним тайно военный союз, направленный против Англии. Бюлов заготовил текст договора. Но монархи при свидании включили в этот текст два слова: они обязались взаимной поддержкой всеми вооруженными силами... «в Европе». Между тем Россия на самом деле нигде не могла открыть военных действий против англичан, кроме как в Азии.

Кем из двух и почему была предложена эта досадная оговорка — император, в сущности, не помнил. В то время он озабочен был другим: отгородить Германию в случае новых русско-японских осложнений. Впоследствии, однако, он убедил себя, что изменение внесено в текст царем. Стало даже казаться, будто Николай II сделал это умышленно, чтобы подорвать значение данного обязательства, в особенности в условиях, когда вскоре русские министры заговорили о полной недействительности биоркского соглашения, противоречившего основам франко-русского союза.

Нынешним летом монархи виделись опять. Николай II был, как всегда, застенчив, родственно любезен и полон, казалось, лучших чувств. Но о союзном договоре больше — ни звука. Словно забыл совсем, что в Биорке подпись дал и клятвой царской перед Богом поклялся...

Император еще раз перечел письмо. Искренно ли это обращение? По привычке он решил проверить.

Рядом на столе лежал не распечатанный еще канцелярский конверт с толстой, выстуканной на машинке тет-

радью, озаглавленной: «Сводка донесений заграничной тайной разведки». Император раскрыл этот любимый справочник.

Сведения личного характера о Николае II оказались на этот раз скудными. В Царском Селе жили недоступно; за целый месяц царь выезжал на люди всего два раза: на полковые праздники гвардейских частей. В обоих случаях он обедал в офицерском собрании, а вечером подвыпившие офицеры провожали самодержца восторженными заверениями в неизменной преданности престолу...

Император отвел взгляд от утомившего его мелкого, убористого шрифта. Пришла на память случайная фраза все того же Бисмарка. В тот день доживавший свой век в отставке престарелый князь сидел с ним рядом за шампанским, на военном празднике. Это была их последняя встреча...

— Пока по-прежнему надежен корпус офицеров,— с сумрачной иронией заметил мстительный старик,— ваше величество может безопасно все себе позволить...

Император судорожно захлопнул тетрадь. Как всегда при вспышке раздражения, в ухе вдруг зашумело и болезненно задергало.

У него была привычка днем после чая прилечь. Но чуть приляжешь — ухо разболится нестерпимо; все равно не уснешь, пожалуй...

Чтобы рассеяться, император взял одну из начатых недавно книг: мемуары канцлера князя Меттерниха, том четвертый. Усевшись в удобное кресло с выдвижным пюпитром, он принялся ее перелистывать.

В глаза бросились следующие слова:

«Император всероссийский — самый могущественный из монархов наших дней. В его лице слились два вида высшей земной власти: он самодержец и вместе верховный глава Церкви. Царь не только единственное объединяющее начало для миллионов разноплеменных подданных; это единственный нравственный устой русского человека...»

Император машинально продолжал читать страницу за страницей.

Послышался осторожный стук в дверь. Вошедший гайдук доложил, что подан чай; ее величество, сказал он далее, изволят спрашивать, угодно ли его величеству ехать вместе прокатиться до обеда.

Император сидел, засунув по привычке руки в боковые карманы венгерки. Концы пальцев поцарапывал шершавый мох. Здесь, в деревне, подсказывало ему благоразумие, надо дышать чистым воздухом и развлекаться.

Он отломил веточку мха, заложил ею страницу и, нехотя вставая, закрыл книгу.

По возвращении с прогулки император прошел опять в уборную переодеться.

Несколько минут спустя он появился на верхней площадке лестницы в особом охотничьем наряде из бутылочно-зеленого сукна. Император сам его придумал, чтобы вечером в Роминтене надевать к обеду. На груди были только баварские орденские знаки св. Губерта, покровителя охоты.

Одновременно отворилась на площадку и другая дверь. Из нее вышла императрица, крупная и краснощекая, в вечернем платье берлинского изделия, с тяжелыми нитками жемчуга на шее. Пышные, рано побелевшие волосы были взбиты в высокую прическу.

— Ich habe die Ehre...[1] — конфузливо улыбнулась она, поджимая подбородок.

На пухлых щеках появились ямочки. Взгляд старался уловить, в каком расположении духа император.

Они молча сошли по лестнице.

В большой центральной комнате с охотничьими трофеями все приглашенные к обеду были в сборе. Гофмаршал поспешил представить ее величеству незнакомых ей иностранцев Адашева и Репенина. Император подошел к престарелому боннскому профессору и сам подвел его к императрице.

— Германия гордится вашими обширными трудами по... естествознанию,— неуверенно проговорила она.

— Я исключительно ботаник,— счел должным уточнить старый ученый.

Императрица взглянула на мужа. Ей хотелось угадать, как он прикажет ей обращаться с непривычным гостем.

[1] Мое почтение... (*нем.*)

— Ботаника — интереснейшая отрасль человеческого знания! — нравоучительно воскликнул император, как бы давая камертон.

Чтобы утвердить еще нагляднее высокий смысл отечественной науки, он покровительственно взял профессора под руку и проследовал с ним в столовую.

Императрица отыскала глазами синюю, высоко препоясанную фигуру рыжебородого Тирпица.

— Zu Befehl[1],— расшаркался министр и с грузной неуклюжестью подставил ей согнутый локоть.

— Meine Freunde[2],— дружески подхватил обоих русских бодрящийся свитский генерал, обдавая их запахом холодного сигарного никотина.

За столом Адашеву было указано место справа от императора, Репенину — слева от императрицы.

Стол был загроможден массивными канделябрами в виде декоративных деревьев и оленей. Между ними на тяжелой подставке высилась монументальная корзина цветов. Через стол было едва видно друг друга, и это исключало возможность общего разговора.

Император ел быстро и молча. Ему подавали первому, и, как только он кончал, у всех разом отбирались тарелки. Адашев, привыкший к величавой неторопливости русской придворной челяди, едва успевал прикоснуться к блюдам; он все время следил за хозяином.

Когда подали седло дикой козы, флигель-адъютант полюбопытствовал, как будет император резать мясо одной рукой. Оказалось, что взамен ножа у него особая вилка с острым режущим краем, вроде тех, которыми едят устриц. И одинокая рука, сверкая кольцами, безостановочно мелькала над тарелкой в избытке жизненной энергии...

Адашеву становилось досадно: император посадил рядом с собой, но не удостоивал ни словом. По рассеянности он даже наложил себе с козой каштанов, которых никогда в рот не брал.

Внезапно император повернулся к нему и спросил:

— Кто придумывает названия русским броненосцам?

---

[1] Имею честь быть к услугам (*нем.*).

[2] Друзья мои (*нем.*).

Гайдук как раз просовывал между ними руку за тарелкой Адашева. Он так и замер в искривленном положении.

— Августейший генерал-адмирал, я полагаю...— ответил Адашев с предусмотрительной сдержанностью, которую дает навык придворной жизни.

Он краем глаза заметил в просвете между канделябром и корзиной, что Тирпиц, напротив, поднял голову и внимательно прислушивается.

— А кто такой был Сисой Великий? — спросил опять император.

Адашев растерялся, как первый ученик, пойманный экзаменатором на самом простом вопросе. Император, подождав несколько секунд ответа, круто отвернулся в сторону другого соседа, профессора.

Адашева бросило в краску. Он знал, что так назван один из русских броненосцев, но самое имя «Сисой Великий» не напоминало ему ничего. А он считал себя начитанным и образованным...

Боннский ученый, поглощавший пищу со старческой прожорливостью, схватил салфетку, чтобы обтереть скорей усы и бороду. Между ним и императором завязалась оживленная беседа. На каждый вопрос польщенный профессор отвечал пространно, сочно и восторженно. Император, против обыкновения, выслушивал, не перебивая. Сзади него гайдук терпеливо стоял с очередным блюдом в руках, не смея потревожить монарха.

Оправившись от смущения, Адашев захотел узнать, о чем идет речь. Он прислушался. Тема разговора опять поставила его в тупик: император подробно выпытывал у ботаника о разновидностях и разрушительном действии мха.

Репенин по другую сторону корзины чувствовал себя не лучше. Сесть за стол без водки и закуски было уже достаточно, чтобы отравить для него обед. К тому же он любил ясно видеть сразу, что подают. А кушанья, как нарочно, были все замысловатые, залитые соусами и точно жеваные.

Императрица до самой козы с каштанами не проронила вообще ни слова, то и дело озираясь на императора. И только когда он заговорил с профессором, она рискнула перекинуться незначащими фразами с сидевшим рядом адмиралом.

Искать собеседницы в другой соседке, перезрелой камер-фрейлине, Репенину не приходилось. Ее целомудренно опущенные глаза, наивные брови и поджатые губы ясно показывали, что здесь она по долгу службы и разговаривать ей неуместно.

Репенин невольно стал глядеть по сторонам. Замороженная принужденность остальных обедающих, неуклюжая бронза на столе, тусклые охотничьи ливреи усатых гайдуков — все это окончательно испортило ему настроение. У обеда не было и тени той нарядности, к которой глаз его привык, даже у себя дома, когда бывали гости.

Ему стало как-то неловко. Он опять перевел взгляд на императрицу. Она следила за разговором мужа о ботанике, непроизвольно перебирая пальцами веер из длинных страусовых перьев. Видимо, ее удивляло, что император так увлекся профессорской беседой. Наконец, как бы случайно, она повернула голову в сторону Репенина и застенчиво, неуверенно спросила: знает ли он графиню Ольгу Броницыну?

Услышав, что он родной племянник ее знакомой, императрица просияла, поджала подбородок и улыбнулась. На пухлых щеках снова заиграли ямочки.

— Графиня Ольга такая милая женщина. Недавно я опять получила от нее из деревни целый ящик reizender russischen «Naliwka» Liqueur[1].

Она замолчала, заметив, что император готовится встать, и, зажав в руке веер, торопливо отодвинула свой стул.

Не дожидаясь кофе, император поднялся в рабочий кабинет писать ответ царю. Он сразу погрузился в тишину и полусумрак; одинокая лампа с низким козырьком освещала только стол и белевшие на нем бумаги.

Несколько минут император сидел неподвижно в раздумье.

Лучшая пора жизни на исходе. Он царствует почти двадцать лет. Скоро стукнет пятьдесят. Подкрадывается незаметно возраст, когда постоянно взвинченные нервы начнут сдавать. А главные задачи, поставленные себе смоло-

[1] Чудесного русского ликера — «наливки» (*нем.*).

ду, еще далеко не разрешены. Англия продолжает быть по-прежнему владычицей морей: столковаться с ней, чтобы ее обезвредить, безнадежно. Дома, в Германии, несмотря на удесятеренный им престиж монарха, не удается справиться с растущим социализмом. Целая треть его подданных уже охвачена этой заразой... Словом, работает он годами, без устали, не жалея себя, и все напрасно! Люди его не понимают. Вместо заслуженной благодарности в награду — ропот и нападки...

Мысли бежали все дальше и дальше, мешая приступить к работе.

Император унаследовал от матери-англичанки потребность в свежем воздухе и хорошо проветренных комнатах. Ему показалось, что в кабинете душно. Он встал и растворил окно.

Поднявшийся с заходом солнца ветерок шелестел по верхушкам деревьев. Император оперся на подоконник, невольно вслушиваясь в шепот векового леса. Голос пущи был как-то всегда сродни его душе. Ему почудился призывный зов... Пора решиться на что-то большое, необыкновенное. Надо обессмертить себя, как Гаммураби, Соломон, Карл Великий!..

За спиной громко пробили часы. Император очнулся и вспомнил наконец о письме Николая II.

Царю рисуется особый вид священного союза. Он предлагает связать судьбу обеих династий... Но можно ли на него положиться? Будь это его покойный отец — другое дело.

Перед ним встала богатырская фигура Александра III... Правда, с тем приходилось круто иногда. Но слово он держал по-царски. А этот...

«Очаровательный византиец» — пришло ему на память меткое определение, данное Меттернихом другому Александру — Первому. Да, вот в кого пошел теперешний! Но какая тусклая, бездарная копия того — «Благословенного»...

Император приник больным ухом к холодному оконному стеклу.

По существу царь, конечно, прав. Христианским государям давно пора сплотиться против социализма... Пресловутый интернационал разобьется о другой, более могущественный — организованный интернационал наследственных монархов... Ему представился сейчас же обширный план.

Но император, по обыкновению, не задержался на вспыхнувшей мысли. На смену вихрем неслись уже совсем другие.

Россия с таким царем, как Николай II, слабее, чем когда-либо. Обрушившись на нее войной, можно, пожалуй, раз навсегда разгромить опасного, необозримого соседа... Победная война!.. Она и дома разрешит все затруднения. Социалисты тогда пусть лучше спрячутся. Церемониться с ними больше не придется... Ведь с этой сволочью нужно по Калигуле: Oderint dum metuant[1].

Стоит ли поддерживать царя? Все равно эта династия обречена на гибель. Гольштин-Готторпский дом так измельчал от датской крови...

Внезапно налетевший порыв ветра закрутил перед окном сухие листья. Словно с укоризной, шумно закачались старые деревья пущи. Император откинулся назад с каким-то суеверным испугом. Невольно пришла на память нибелунгова клятва в вечной дружбе, данная когда-то в Кремле монарху всероссийскому прадедом его, королем прусским...

Он притворил скорей окно, сел в кресло и зажмурился. В ухе поднялась стреляющая боль, мысли стали путаться. Замелькали в беспорядке: письмо царя, традиции, коварство англичан, покойный Бисмарк, Гарден, мох...

Снаружи послышались глухие голоса и топот.

Император вздрогнул и открыл глаза. По оконным рамам и потолку блуждал точно отблеск зарева.

Не успев вполне очнуться, он тревожно привстал. Внизу перед домом мерцали на ветру смоляные факелы; их свет причудливыми бликами скользил по головам толпящихся людей.

Император подошел к окну, распахнул настежь. Снизу грянул воинственный хорал с припевом «Deutschland über alles»[2]. Местный лидертафель пришел приветствовать монарха традиционной кантатой.

Император выпрямился и вздернул голову. Как только пение кончилось, он перегнулся через подоконник и властным жестом руки показал, что хочет говорить.

---

[1] Покоряются, пока трепещут (*лат.*).

[2] Германия выше всего (*нем.*).

— Kinder...[1]— обратился он к толпе и неожиданно для самого себя, опьяняясь собственным красноречием, произнес длинную запальчивую речь.— Помните! — воскликнул он под конец.— Когда придет пора германскому орлу взлететь над полем брани, во главе вас буду я, ваш император,— палец его уверенно поднялся к небу,— и с нами будет, как всегда, наш старый германский Бог.

Толпа ответила восторженными кликами.

Император горделиво простоял в окне, пока факельцуг проходил мимо церемониальным маршем. Сев затем опять к столу, он с налета стал писать ответное письмо Николаю II.

Адашев и Репенин кончали с гофмаршалом и генералом роббер простого бриджа по мелкой.

Разыгрывал партию генерал старательно, но скверно. У него была несносная привычка: бесконечно думая над ходом, подбадривать себя тем особым беззвучным и протяжным посвистыванием, которым поощряют лошадь пить. Его партнер, гофмаршал, благовоспитанно не вмешивался в игру и елочкой складывал перед собой взятки.

— Donner und Trompetenblasen was für ein Malheur![2] — генерал с досадой хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

У Репенина неожиданно оказывался лишний отыгранный козырь.

Вошел гайдук, за ним — расшаркивающийся лейб-камердинер императора с небольшим серебряным подносом.

Генерал победоносно взял последнюю взятку и принялся подсчитывать вполголоса свой выигрыш:

— Acht Mark; acht Mark fünfzig...[3]

Русские с любопытством обернулись к гофмаршалу. Взяв с подноса конверт почтового формата, украшенный гогенцоллернским фамильным гербом, немецкий придворный официально вручил его Адашеву. На конверте острым размашистым почерком по-английски был старательно выведен адрес: Его Величеству Николаю II, Императору Всероссийскому, и пр., и пр.

---

[1] Дети... (*нем.*)

[2] Гром и трубные гласы, какая неудача! (*нем.*)

[3] Восемь марок, восемь с полтиной... (*нем.*)

— А это для вас,— обратился гофмаршал к Репенину, протягивая ему круглую, аккуратно перевязанную пестрой ленточкой картонку с кенигсбергским баумкухеном; к ней была приколота визитная карточка императрицы с надписью: «Für liebe Gräfin Olga»[1].

На подносе оставался еще отрывной листок, исписанный карандашом рукой императора. Гофмаршал машинально начал читать его вслух и запнулся, озадаченно взглянув на генерала. Император приказывал потсдамскому придворному библиотекарю срочно добыть и выслать в Роминтен лучшее из существующих исследований о природе и свойствах мха.

Русские удивленно переглянулись:

— Опять мох!..

Оставалось проститься. Адашев заметил, что камердинер императора все еще тут и будто мнется.

— Предоставь это мне,— сказал ему Репенин, вынимая бумажник.— Вы позволите? — обратился он к гофмаршалу.

Немецкий сановник безмолвной мимикой изобразил: этикет не препятствует, дело житейское...

Генерал торжественно, по-немецки поднял на прощание свою кружку пива:

— Кавалеристам, как мы, присущи только два чина: Rittmeister und General der Cavalerie[2]. Первый — удел молодости.— Кружка его повернулась в сторону Адашева.— Позвольте пожелать обоим вам достичь скорее второго.

Чокнувшись по очереди с русскими, он многозначительно добавил:

— В бою мы можем встретиться, конечно, только как союзники.

— Veuillez me rappeler au bon souvenir de la comtesse Olga Bronitzine[3],— вспомнил гофмаршал, провожая Репенина.

Генерал прищелкнул шпорами.

— Auch meine wertigste Hochachtung![4]

---

[1] Для дорогой графини Ольги (*нем.*).

[2] Ротмистр и генерал от кавалерии (*нем.*).

[3] Прошу вас передать графине Ольге Броницыной мой искренний привет (*фр.*).

[4] И мое нижайшее почтение! (*нем.*)

Проходя мимо выжидательно склонившегося камердинера, Репенин сунул ему деньги.

— Раздайте, пожалуйста, кому полагается.

Сияющий камердинер бросился подсаживать русских в придворную коляску.

— Wahnsinning! — проворчал генерал, толкая в бок гофмаршала.— Fünfhundert Mark... Diese verrückte Russen![1]

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Придворный экипаж доставил русских гостей до ближайшей станции. Захолустный вокзал был безлюден и едва освещен. Вдалеке по пустынной платформе одиноко шагал военный, гремя саблей.

— Отсюда, небось, придется попросту буммельцугом...— невесело прозвучал раскатистый голос Репенина.

— Удовольствие, будьте уверены, среднее, ваше сиятельство,— неожиданно по-русски откликнулся прогуливавшийся незнакомец.

Из темноты вынырнула хлыщеватая фигура жандармского подполковника. Он фамильярно подскочил к соотечественникам:

— Имею честь быть к услугам. Сюда я, будьте уверены, всегда на своей машине...

Ему, видимо, хотелось подчеркнуть, что на императорской охоте он гость не случайный.

Адашев повел плечом. Государева свита, гвардейцы, да и вообще все офицерство к жандармам привыкли относиться свысока. Якшаться с ними не было принято. Они терпелись как неизбежное зло, но их считали низшей, нечистоплотной кастой.

— Прокачу до Вержболова, будьте уверены, по-барски,— наседал жандарм, протягивая Репенину золотой портсигар с крупными гаванами.

— Ладно, прокатите,— беспечно согласился Репенин, беря сигару.

Он был настолько знатен и богат, что всякое проявление сословной спеси казалось ему глупым и ненужным.

[1] Безобразие! Пятьсот марок... Эти сумасшедшие русские! (*нем.*)

Адашев заколебался было, но махнул рукой: все равно, черт с ним!

Жандарм подвел их к новенькому, с иголочки, «бенцу». Из соседнего домика выскочил здоровенный латыш, явно солдат, переодетый в штатское платье. На его безусом лице с телячьими глазами застыло выражение животного испуга. Он торопливо обтирал обшлагом замасленные губы.

— Куда шлялся, скотина?! — злобно набросился на него жандарм, садясь за руль.— Заводи, дурак, мотор.

Тронулись лесной просекой. По сторонам мелькали черные, раскидистые ветви старых елей. Перед фонарями изредка попадался заяц. На перекрестке из зарослей шумливо выпорхнул спросонья выводок тетеревов.

Жандарм без умолку хвастался милостивым вниманием к нему германского императора. Выходило так, будто страсть к охоте их связала чем-то вроде близкой личной дружбы.

— Универсальнейший, будьте уверены, собеседник его величество,— обратился он, главным образом, к Адашеву: ледяная вежливость флигель-адъютанта его, видимо, смущала.

Адашев воздержался от реплики. Жирное самодовольное лицо жандарма, хлыщеватые усы колечками, преувеличенная, чисто жандармская, жуткая вкрадчивость — все было ему невыразимо противно. Он ясно понимал и скрытую цель этой любезности: завтра, в Царском, замолвится, пожалуй, словечко и обо мне...

Репенин иронически попыхивал сигарой.

Выбравшись из леса в поле, жандарм поддал ходу, продолжая охотничьи рассказы.

— Вы бы все-таки полегче, кувырнете! — решительно оборвал наконец его краснобайство Репенин: круто сворачивая с шоссе, громоздкий «бенц» чуть было не врезался крылом в придорожный столб.

Сконфуженный жандарм замолк. Адашев облегченно откинулся на стеганую спинку сиденья и стал оглядывать тонущие в темноте окрестности.

Репенин, докурив сигару, углубился в свои мысли.

Софи с отъезда писала мало. Из-за границы приходили больше открытки или телеграммы. Один, без жены, на первых порах он скучал и огорчался. Хотелось верить, что между ними все как-нибудь само собой уладится и жизнь

пойдет опять по-старому. Затем недавнее безоблачное счастье стало казаться лишь сказкой, которую он сам себе выдумал и которой, как ребенок, поверил... Он начал даже отвыкать задумываться о жене и будто примирился. Но всякий раз, когда кто-нибудь о ней справлялся, было неприятно и неловко.

С Адашевым за целый день не пришлось ни минуты остаться вдвоем. Это избавило от необходимости притворяться или глупо отмалчиваться перед добрым приятелем. Репенин рад был, что судьба послала жандарма с мотором и охотничьими рассказами.

Он молчаливо уткнулся в поднятый воротник николаевской шинели. Спутнику казалось, что он дремлет.

Въехали в чистенький кирпичный городок, Гумбинен. Когда миновали вокзал, Репенин перегнулся вдруг к жандарму, прося задержать ход. Он поднялся во весь рост и стал вглядываться в темноту.

Адашев удивился:

— В чем дело, Сережа?

Репенин не отозвался сразу. Только усевшись назад рядом с Адашевым, он тихо ответил:

— Это я на случай войны. В первый же день мои гусары будут взрывать вон ту водокачку.

— Ты прямо фанатик! — воскликнул Адашев и громко рассмеялся.

— Ты это о чем? — спросил Репенин.

— Не сердись, Сережа. Просто вспомнилась любимая поговорка моей старой нянюшки: кто, бишь, о чем, а шелудивый о бане.

Репенин неодобрительно мотнул головой:

— У солдат поверье есть, Алеша: насмешников ни судьба, ни пуля в бою не милует

В ответ Адашев опять самоуверенно и беззаботно захохотал.

Перед мостом через речку, по которой шел рубеж между империями, жандарм затормозил и остановился у закрытого шлагбаума. Услышав шум мотора, из сторожки вышли двое солдат. За ними следом унтер-офицер. Он тотчас же узнал жандарма и без всяких формальностей махнул солдатам, чтоб отворили.

За мостом перед ними открылся другой шлагбаум, у которого, в шинелях и папахах, стояли русские пограничники. Машину сразу стало потряхивать.

— Не взыщите — Россия...— усмехнулся жандарм, чуть не наехав в темноте на валявшееся бревно.

— Великодержавные кое-каки! — бросил Адашев угрюмо молчавшему Репенину.

Жандарм подъехал к низенькому выбеленному казенному дому с палисадником. В дырочках сплошных оконных ставень был свет. Из-под ворот с громким лаем выскочило целое семейство фокстерьеров. Собаки закружились, выражая радость дикими прыжками.

Жандарм слез.

— Не откажите, господа, на огонек, чем Бог послал...

— Вот прилип! — раздраженно прошептал Адашев.

Но делать было нечего. Зайти хотя бы ненадолго принуждала простая вежливость.

На крыльце бросились их раздевать вестовые в холщовых гимнастерках. Тесная передняя была уже завалена одеждой. Из соседней комнаты доносились оживленный говор, смех и звон посуды.

За накрытым столом с самоваром, кренделем, фруктами, бутылками и всевозможными закусками сидело человек пятнадцать мужчин и женщин. Хозяин был встречен веселыми возгласами: «Несут... Несут... Именинник!..» Все шумно встали.

Жандарм самодовольно подвел спутников к улыбающейся красивой брюнетке в пестром платье и больших бриллиантовых серьгах:

— Моя хозяйка...

Мужское общество было смешанное: таможенные чиновники, путейцы и окрестные помещики. Среди них выделялись гусарские доломаны трех однополчан Репенина, еще засветло вернувшихся из Ромintена.

Дамы, все как на подбор молоденькие и недурные собой, окружали щеголя-инженера с лицом фавна, лениво перебиравшего струны на гитаре, богато разукрашенной перламутром. Рядом, в кабинете с драгоценными серебристо-красноватыми белуджистанскими коврами и старым оружием на стенах, собирались играть в железку.

Адашев, с обычной брезгливой учтивостью, обошел всех и прислонился выжидательно к простенку. Заметив, что он один, хозяйка на него нацелилась.

— Молод, красив, а словно ледышка! — томно растягивая слова, сказала она, взяв задорно Адашева за аксельбант.

Молодая красавица точно вся потянулась к нему и рассмеялась.

Но ее влажные, яркие губы, громкий грудной смех, ослепительный оскал и смуглые колышущиеся плечи Адашеву показались вульгарными.

— Скажите, что вас заморозило: петербургский туман или великосветская разочарованность? — вызывающе спросила она, будто нечаянно притронувшись грудью к его рукаву.

— А вы южанка... — по обыкновению, полувопросительно проговорил Адашев.

Хозяйка жизнерадостно выгнулась перед ним, как бы выставляя напоказ красивое тело.

— Разве такая, как я, могла бы родиться, скажем, на вашем ингерманландском болоте?..

«Откуда она? — мысленно прикинул Адашев.— Гречанка?.. черкешенка?.. еврейка?..» Его решительно отталкивал такой избыток крикливой красочности.

Женское чутье подсказало красавице, что этот — безнадежен. Она подошла к Репенину и с тем же задором спросила:

— Рюмочку бенедиктина, граф... Или, может быть, коньяку?..

— Из таких волшебных ручек всякий напиток — пламя! — по-холостяцки приосанясь, ответил Репенин.

За столом, где шла железка, метал теперь сам хозяин. Играли довольно крупно.

— До чего мне не прет! — возмутился спортивный полковой адъютант, с досадой щелкая картой.— Вот уж действительно: кому судьба-индейка... Или как это ты сказал в Роминтене про службу? — обернулся он к ротмистру-финну.

Тот, не играя, сумрачно стоял за его стулом.

— Я сказал: кому служба — мать, а кому — кузькина мать...

— Тысячу двести...— объявил хозяин с безразличной любезностью привычного крупного игрока.

На лицах остальных партнеров отражалось, наоборот, растущее волнение. Дамы и неиграющие мужчины с любопытством обступили банкомета.

— Отличнейший коньяк,— посоветовал Репенин, подойдя к одиноко стоявшему Адашеву.

Тот насмешливо поморщился:

— Ты помнишь, как старик Драгомиров ответил угощавшему его батарейному командиру: «Ваше шампанское, полковник, овсом пахнет».

Он показал глазами на стол с дорогими винами, зернистой икрой и трюфельной индейкой, на белуджистанские ковры и красавицу в бриллиантах.

— Подумай только, Сережа: все это на четыре тысячи в год вместе с квартирными и наградными.

Репенин пожал плечами:

— Все они, брат, таковы...

Он беспечно посасывал толстую сигару и чувствовал себя безгранично благодушным и снисходительным. Не хотелось ни рассуждать, ни спорить.

Жандарм проигрывал как раз большую ставку с неизменно спокойной улыбкой.

— Посмотри,— кивнул на него Репенин.— В своем мышином царстве он прямо — король!

Адашев несколько удивился:

— Ты, Сережа, такой строгий к самому себе...

— Мы с тобой — особая стать,— с гордой усмешкой перебил Репенин.

Хозяйка игриво поманила его пальчиком.

— Пополам со мной, граф, на счастье!

— Если прикажете.

Репенину она понравилась: все было в ней так просто и понятно. Он подошел к карточному столу. Неиграющие гости с интересом окружили их.

Адашев иронически поглядел ему вслед: Сережа-то, Сережа... кажется, пристраивается.

Но стало чуть завидно: недалекий, в сущности, малый, а вот почему-то сразу умеет, везде — как дома!..

Полчаса спустя Репенину доложили, что лошади поданы. Пришлось прервать оживленный разговор с пожилым польским помещиком. Поляк, крупный местный землевладелец и коннозаводчик, уговаривал его купить годовичков для скаковой конюшни.

Репенин стал прощаться. Все гурьбой высыпали на крыльцо провожать.

— Чуть не забыл! — спохватился он, отрываясь на минуту от зажигательно смеющейся хозяйки. Ему попался на глаза круглый баумкухен с приколотой к нему карточкой.

Он торопливо передал печенье Адашеву.

— Завези это сам тетушке Ольге Дмитриевне и расскажи ей все подробно. Она так ценит всякий пустяк.

Его перебили опять на полуслове.

— На дорогу... Посошок...— раздались возгласы.

Перед Репениным стояла, сверкая зубами, хозяйка со стопочкой шампанского на подносе.

— Сер-гей Андре-ич...— залился высоким баритоном щеголь-инженер, по-цыгански подергивая струны.

Остальные подхватили шумным, нестройным хором.

— Сережа, Сережа...— с застенчивой фамильярностью выводили дамы.

Репенин благодушно выпил и раскланялся.

— Имею слово графа на обед ко мне во вторник,— напомнил поляк-помещик.

Хозяйка, поднимая на прощанье руку к его губам, со взглядом, полным обещания, тихо проговорила:

— До скорого, надеюсь, граф...

Теплое прикосновение этой гибкой смуглой женской руки царапнуло его по нервам.

Безотчетно он пробормотал:

— Весь к вашим услугам.

— Весь?

Она вопросительно потянулась к нему, вызывающе глядя прямо в глаза, и, откинув назад голову, вся заколыхалась от смеха.

У крыльца, побрякивая чеканным набором и бубенцами, стояла щегольская тройка. Коренник нетерпеливо бил копытом землю. Пристяжные, шеи кольчиком, косились, раздувая ноздри. На козлах, сидя бочком, рябой курносый троешник в бархатной безрукавке перебирал натянутые вожжи. Его поярковый гречишник лихо был заломлен набекрень; кудри сбоку выбивались ухарским зачесом.

— Панский выезд, як Бога кохам! — польский коннозаводчик невольно залюбовался.

Вдруг его густые брови насупились.

— А вот нам, полякам, ваша русская администрация запрещает национальный выезд цугом.

Он судорожно схватился за седеющий подусник.

— Поверьте,— вырвалось у Репенина,— я сам этим возмущаюсь. Всякие мелочные придирки на окраинах — прямой ущерб нашей великодержавности.

Жандарм счел долгом осторожно вмешаться:

— В инородческом вопросе приходится руководствоваться сложнейшими, будьте уверены, соображениями.

— По-моему, нисколько! — отрезал Репенин.— Все верноподданные равны перед престолом. Среди моих гусар есть и татары, и молдаване, и евреи. А в бою кровь прольем одинаково: за царя и отечество.

— Э, проше пана, едный есть спосуб се сгадать,— перешел от волнения помещик на родной язык и с пламенным подъемом принялся доказывать необходимость для Польши полной венгерской автономии.

— А в этом мы резко расходимся,— перебил его Репенин.— Я, конечно, за великую и неделимую империю.

Вспыливший поляк волком на него глядел.

Репенин добродушно протянул ему руку·

— Sans rancune, et a mardi[1].

У коляски стояла в темноте знакомая фигура красавца вахмистра.

— Ты еще здесь, Трунов,— окликнул его Репенин.— Садись ко мне, я тебя подвезу.

Троешник шевельнул вожжами. Коренник рванулся и вынес коляску широкой рысью.

Плавно покачиваясь на глубоких брейтигамовских рессорах, Репенин начал понемногу разбираться в мыслях.

— Великая и неделимая Россия. — повторил он себе вслух.— Да, этим, кажется, все сказано. А ты что скажешь, Трунов? — спросил он вахмистра.

Но тут же в мыслях замелькал опять образ обольстительной смуглой женщины с задорным смехом... В самом деле, почему бы нет?.. И всколыхнулось все чаще набегавшее чувство острого раздражения против жены.

[1] Без неприязни, и до вторника (*фр.*).

На вопрос, брошенный командиром, вахмистр ответить сразу не сумел. Он весь побагровел от натуги. Даже прокашлялся для прояснения мыслей. Наконец гудящим басом доложил решительно:

— Так точно, ваше сиятельство; остальное, надо думать, приложится.

Задумавшийся Репенин не разобрал, в чем дело.

«Правильно! — мысленно одобрил он уверенность вахмистра.— Все равно: не эта, так другая...»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Коляска Репенина скрылась из виду. Жандарм взглянул на часы, заторопился и предложил Адашеву:

— Разрешите проводить вас на вокзал?

Рельсовые пути пришлось перебежать. Слева, саженях в десяти, надвигались огненные шары паровоза. Со стороны Эйдкунена подходил к Вержболову парижский норд-экспресс.

На платформу высыпали пассажиры. В поезде, как всегда, было много петербуржцев.

Адашев сейчас же заметил ряд знакомых. Ехали и престарелая вдова министра, страстная картежница княгиня Lison; и блестящая первая балерина Мариинского театра, за которой ухаживало разом несколько великих князей; и прогремевший модный адвокат Кисляков, один из влиятельных вожаков оппозиции в Государственной думе; и вездесущий в петербургском большом свете пятидесятилетний юноша Сашок Ведрин, известный своим шутовством и словечками.

Ехали также видный банковский деятель Соковников, проводивший обыкновенно осень в Биаррице, и свежеиспеченный миллионер, удачливый биржевик Потроховский. Как большинство богатых евреев, он постоянно лечился из опасения, что может заболеть, и каждое лето отправлялся куда-нибудь за границу пить воды. Дружившие дельцы познакомились по дороге с двумя хорошенькими актрисами-парижанками, приглашенными на императорскую Михайловскую сцену.

Они никогда еще не выезжали за пределы Франции и терялись в непривычной обстановке. Особенно тревожили паспорта и досмотр на таможне.

Толпа бородатых носильщиков в белых фартуках и бляхах выгружала гору ручного багажа.

Упитанный, одетый по последней моде Соковников с покровительственным видом успокаивал взволнованных француженок и плотоядно скалил широкие челюсти.

— Ша!.. ша!.. красотки,— в свою очередь хитро подмигивал носатый прыщавый Потроховский, складывая густые брови вопросительным знаком; брюшко его подпрыгивало от беззвучного смешка.

Увидев жандармского подполковника, оба дельца бросились к нему по-приятельски, с объятиями и поцелуями.

Соковников подвел его к актрисам:

— Удружите, почтеннейший, этим душкам.

— Они, знаете, робеют,— поддержал Потроховский, доверительно понизив голос.— У них, конечно, много там всяких тряпок...

Подполковник не заставил себя уламывать:

— Для вас, будьте уверены, все сейчас уладим.

Он многозначительно кивнул седобородому вахмистру с широкими шевронами на рукаве, медалями на шее и пачкой паспортов в руках. Престарелый опытный служака стоял у единственного выхода с платформы и сквозь очки подозрительно всматривался в каждого незнакомого пассажира. Послушно откозыряв начальству, он отечески ухмыльнулся француженкам, как бы показывая, что вопрос исчерпан.

— Вуаля коман![1] — пояснил актрисам Потроховский, победоносно увлекая одну из них в буфет. Другая не унималась и все наседала на Соковникова:

— Mais demandez-lui donc quels sont les principaux articles interdits a la frontiere russe![2]

Проходивший мимо Сашок Ведрин остановился:

— En premier lieu le pucelage, ma toute belle[3].

Острослов одним щелчком вскинул в глаз монокль на шнурочке. Его лицо умного орангутанга сохранило невозмутимую серьезность.

---

[1] Вот как! (*фр.*)

[2] Да спросите же его, что запрещено перевозить через русскую границу! (*фр.*)

[3] В первую очередь — девственность, красавица моя (*фр.*).

— Vieux farceur[1],— с досадой огрызнулась знавшая его давно француженка.

Подполковник между тем угодливо рассыпался перед балериной.

— Новое дело,— встретила его нетерпеливая танцовщица, капризно перекашивая губы, и жеманно протянула: — Я жду, а ему плевать; шушукается с биржевыми тузами.

— Благодетельница! — запротестовал жандарм.— Вы знаете, я к вам всегда молитвенно...

Сложив ладони лодочкой, он подобострастно приник к ее руке.

Сашок в дверях вокзала столкнулся неожиданно с Адашевым. Он всплеснул руками:

— Как вы сюда попали, homme d'atours?[2]

Живые обезьяньи глазки загорелись хищным любопытством.

Они направились к буфету. Проход был запружен ар*телью витебских землекопов в сермягах и лаптях. Пробира*ясь в третий класс с лопатами, мешками и котомками, они раскуривали по дороге самокрутки. В воздухе висели клубы едкого махорочного дыма и терпкое зловоние пота, болотной тины и навоза.

Сашок с гримасой отшатнулся:

— Grand Dieu![3] И русский дух, и дым отечества, les deux a la fois...[4]

В буфете первого класса, вокруг столов, украшенных мельхиоровыми ведрами с пыльной искусственной зеленью, почти уже не было свободных мест. Возвращаясь из-за границы, каждый русский по традиции набрасывался здесь на суточные щи, пирожки, огурцы и рябчиков с брусникой.

Одутловатая, болезненная княгиня Lison не отставала от других, благосклонно прислушиваясь к Кислякову, а тот, перегнувшись к ней, журчал весенним ручейком.

— Какими судьбами? — почти без удивления встретила она подошедшего Адашева.— Вы не знакомы: знаменитый

---

[1] Старый шутник (*фр.*).

[2] Царедворец (*фр.*).

[3] Боже! (*фр.*)

[4] Оба сразу... (*фр.*)

наш московский присяжный...— княгиня сконфуженно замялась на мгновение,— ...присяжный заседатель! — вспомнила она и обрадовалась.— C'est un vrai charmeur...[1]— конфиденциально поведала она Адашеву. И перегнулась снова к Кислякову: — Je suis toute oreilles...[2]

— Где же милая графиня? — затревожился Сашок, оглядываясь по сторонам.— Ah, la voici enfin...[3] Мы здесь! — замахал он появившейся в дверях Софи Репениной, которую сопровождал почтительно изогнутый жандармский подполковник.

Узнав ее, Адашев озадаченно замялся. Софи шла той красивой плавной поступью, которую утрачивает женщина, воспитанная на резких спортах. Будь на ее плече полный сосуд, ни капли, казалось, не пролилось бы. Так ходили ветхозаветная Рахиль и дочери классической Эллады.

— Со мной целое приключение,— объявила она спутникам, рассеянно здороваясь с Адашевым.

Вид у нее был смущенный и растерянный.

— Я, право, чуть было не расплакалась,— добавила она с присущими ей не совсем русскими интонациями.— И если бы не добрейший полковник...

— Мудрой прозорливостью державного основателя,— угодливо вставил жандарм,— отдельный корпус жандармов именно и предназначался утирать слезы.

В его руках был свернутый узлом платок, который он держал с бережностью естествоиспытателя, поймавшего редчайшую бабочку.

— Bravo! — уронил Сашок тоном банкомета, которому понтер открывает девятку, и нахохлился. Он давно привык считать себя как бы монополистом на остроумие.

— Delicieux![4] — подхватила и княгиня Lison.— Не правда ли? — спросила она вдруг Кислякова.

Либеральный депутат опешил. Его мышиные глазки забегали.

— Evidemment...[5]— растерянно пробормотал он.

---

[1] Истый очаровательно... (*фр.*)

[2] Я внимательно слушаю... (*фр.*)

[3] Вот и она наконец... (*фр.*)

[4] Восхитительно! (*фр.*)

[5] Разумеется... (*фр.*)

— Vous approuvez?[1] — Обрадованная княгиня покровительственно кивнула жандарму: — Jeune homme, je repeterai le mot a mon neveu Столыпин, il sera surement ravi[2].

Близкое родство пожилой княгини со всесильным министром было неожиданностью для жандарма. Взгляд его изобразил приниженную преданность дрессированной легавой, приносящей хозяину убитую дичь.

Сашок обратился к Софи:

— Contez-nous donc votre mesaventure[3].

— Представьте себе, выходя из вагона, я как-то зацепилась жемчугом и весь рассыпала...

— А вам известно, сколько жемчужин было в нитке? — догадался спросить Сашок.

Софи стала припоминать:

— Кажется, сто сорок шесть...

— Все должны быть налицо, я сам их подбирал,— заверил жандарм.

Княгиня заволновалась:

— Надо скорее пересчитать.

— Только не здесь, ваше сиятельство,— посоветовал жандарм, подозрительно оглядываясь, и предложил открыть царские комнаты.

Там оказалось сыро, неуютно и пахло затхлым.

— Точно в могиле! — сказала Софи, зябко кутаясь в меха.

Жандарм распорядился затопить камин. Княгиня и Сашок, подсев к столу, занялись жемчугом.

Софи отвлеклась другим. По комнате к огню прокрадывался, робко озираясь, двухмесячный пятнистый котенок. Глаза Софи весело заискрились. Она схватила котенка на руки и принялась ласкать с той инстинктивной задушевностью, какую испытывает к маленькому животному почти всякая бездетная женщина.

Адашев был в трауре всю прошлую зиму. После свадьбы Софи они как-то еще ни разу не встречались. В памяти его она осталась прелестным жизнерадостным ребенком, княжной Луховской.

---

[1] Вы одобряете? (*фр.*)

[2] Молодой человек, я повторю ваше словцо племяннику моему Столыпину. Он будет в восторге, конечно (*фр.*).

[3] Расскажите-ка нам ваше приключение (*фр.*).

Вспомнилось ее первое появление при дворе. Неопытная фрейлина с очаровательной растерянностью искала, где же пресловутый «вход за кавалергардов».

«Туда должны собираться многие,— взволнованно говорила княжна.— В придворной повестке написано: министры, статс-секретари, чины двора... и еще какие-то другие особы: их называют, кажется, «обоего пола»... «Дикарка! — оправдывал ее потом в яхт-клубе, смеясь, отец, общительный весельчак князь Луховской.— Выросла без матери в деревенской глуши, кроме бабушек и мамушек, людей не видела...»

Адашев выжидательно приглядывался: а теперь она жена Сережи Репенина?..

Софи его словно не замечала. После беспрестанной быстрой смены ярких заграничных впечатлений тишина, камин, теплый мурлыкающий живой комочек на коленях погружали ее в приятное полузабытье. Софи испытывала сейчас то же, что школьник, кончивший экзамены, какую-то непреодолимую, блаженную леность мысли.

Котенку скоро надоело забавляться пушистыми соболями и звонкими браслетами. Он быстро-быстро засучил лапками, высвободился, спрыгнул на пол и без оглядки, хвост трубой, шмыгнул за дверь.

Софи укоризненно поглядела ему вслед. Эгоизм котенка ей показался обидным. Она повернулась к флигель-адъютанту.

— Полковник мне сказал, что вы только что расстались с моим мужем. Ну как он?

Софи спросила это голосом без интонаций, словно продолжая думать о другом.

«Только-то?» — мысленно отметил себе Адашев.

— Сто сорок две, графиня. Четырех не хватает,— объявил Сашок.

Софи подошла к столу и поглядела на свой жемчуг Это был свадебный подарок мужа. Она молча вздохнула: «Другой бы расстроился...» Но ведь она знает Сережу. Скажет просто: «Поручи Фаберже подыскать взамен новые».

— Что же это в самом деле,— неодобрительно заметила жандарму княгиня Lison.

Тот смущенно вскочил:

— Я сейчас же побегу туда опять...

Софи повела рукой.

— Не *беспокойтесь, дорогой полковник, стоит ли?*

На Адашева так и пахнуло от нее хрупкой, беспомощной женственностью.

— Ваше сиятельство,— вбежал выездной Софи, плечистый малый с густыми бакенбардами.— Пожалуйте в вагон; поезд сейчас трогается.

Все поспешили к выходу.

Адашев оказался в одном вагоне с Софи. В ее купе захлопотали выездной и горничная. Как всякой холеной женщине, ей понадобилось на ночь сразу множество всевозможных мелочей.

Она осталась в коридоре. Адашев подошел к ней.

Софи встретила его безразличной улыбкой скучающей путешественницы:

— Посмотрите! Ведь наши вагоны, в сущности, куда просторней и уютней заграничных...

Она оглядывалась с недоверчивым удивлением петербуржца, замечающего вдруг что-то русское как будто лучше иностранного.

Завязался незначащий светский разговор.

— А меня, старуху, молодежь бросила,— раздался рядом обиженный голос.

Из соседнего купе выглянула княгиня Lison.

— Я думала, вы легли,— сказала Софи.

— Ma duegne est insupportable[1],— пожаловалась княгиня и понизила голос: — Она сослепу всегда часами копошится.

Вздохнув, княгиня показала глазами на невзрачную пожилую женщину, вынимавшую тяжелое туалетное серебро из громоздкого старомодного несессера.

Затормошенная горничная ворчливо огрызнулась:

— Вы бы хоть на четверть часика куда перешли, ваше сиятельство. А то где же тут разобраться.

— Refugiez-nous chez vous[2],— предложила княгиня Адашеву.

— Mais volontiers[3].

---

[1] Моя горничная нестерпима (*фр.*).

[2] Приютите нас у себя (*фр.*).

[3] Охотно (*фр.*).

Он открыл дамам свое купе. Княгиня уселась, утомленно охая, и сразу задремала.

Адашев помог Софи снять соболью шубу. Она была одета с незаметной роскошью и модной новизной. На всех ее вещах был явный отпечаток rue de la Paix.

— Нет второго города, как Париж! — невольно вырвалось у флигель-адъютанта.

В глазах Софи заиграли искорки:

— Я, главное, люблю парижскую толпу; все оживлены, торопятся куда-то, смеются... Гуляя по улицам, самой некогда ни задуматься, ни даже опомниться, и как все — наслаждаешься жизнью. Я так понимаю папа́: посадил меня вчера в поезд, а сам остался.

Адашев усмехнулся:

— А вы заметили, как самый важный петербургский сановник меняется, попав в Париж? Он и думать начинает проще, и говорит по-человечески.

Софи запнулась на мгновение и неожиданно ответила:

— Мы привыкли, но ведь большинство мужчин у нас не люди, а будто только вешалки для мундиров.

«Сережа, пожалуй, ей не пара»,— промелькнуло в голове Адашева.

Княгиню Lison качнуло, она подняла веки. Ее старческую сонливость разом точно рукой сняло.

— Никто на свете не умеет так утонченно ценить женщину, как парижанин,— мечтательно проговорила она. На одутловатом лице заиграла томная улыбка: — Бывало прежде!..

Последовал пространный путаный рассказ.

Как часто свойственно старухам, далекое прошлое казалось княгине вчерашним днем. Посыпались полузабытые имена: la princesse Mathilde, monsieur de Sagan, le general de Gallifet, отзывы и сплетни о давно умерших, точно о живых... Княгиню мало заботило, понимают ли ее собеседники и даже слушают ли вообще. Хотелось просто вспомнить вслух счастливую пору своей молодости и успехов.

Софи стало сразу нестерпимо скучно. Она сочувственно взглянула на Адашева, подавляя мучительный зевок. Адашев, наоборот, словно обрадовался. Присутствие любой хорошенькой светской женщины всегда вызывало в нем желание порисоваться, блеснуть, показаться умным и интересным. А среда и люди, о которых говорила княгиня, были

хорошо ему знакомы. Париж начала Третьей Республики пестрел для него первыми, неизгладимыми образами детства. Его отец в те годы состоял советником посольства во Франции.

Давая реплику княгине, он стал умело дополнять ее рассказ то характерным штрихом, то интересной подробностью. Разволнованной старухе мерещилось порой, что перед ней сверстник. Они, казалось, некогда бывали вместе на охотах в Шантилье; заезжали к Виардо повидать Тургенева; встречали Жюля Фабра, Ренана и старшего из братьев Гонкуров...

Софи тоже стала прислушиваться, и внимание ее постепенно возрастало. Адашев раскрывал перед ней целый мир, полный блеска, утонченности и пряной, перенасыщенной культуры.

— Как вы все знаете! — невольно вырвалось у нее.— Слушая вас, за себя стыдно.

До сих пор Париж был для нее только калейдоскопом магазинов, ресторанов и театров, каким он представлялся большинству тогдашних богатых праздных русских.

В двери показался жирный обер-кондуктор с медалями, в пенсне на цепочке, с портфелем и щипцами для прострижки билетов. Затем постучались горничные и доложили, что все готово.

Софи нехотя ушла к себе. Было так обидно, что Адашева прервали... Хорошо; что завтра они еще полдня в дороге!

Почти институтская восторженность в ее прощальном взгляде не ускользнула от флигель-адъютанта. Приятно шевельнулось мужское самодовольство.

«Прелестная женщина! — решил он, оставшись один.— И вся в контрастах. Черные иконописные брови, а волосы светлые, как у скандинавской русалки; шаловливые жизнерадостные искорки в карих зрачках и точно скрытая грусть в отчетливом разрезе губ... Счастливец!» — позавидовал он Репенину.

«Но разве можно ее забрасывать? — Он задумчиво повел по привычке плечом.— Так Сережа потеряет ее и сам будет виноват!»

Флигель-адъютанту давно хотелось пить. Несмотря на поздний час, он уверенно направился в вагон-ресторан.

С самого отхода поезда между столиками метался потный лакей-татарин и хлопал пробками.

За одним из них прочно уселась компания. Соковников изготовлял для Кислякова и Потроховского сложный *крюшон собственного изобретения. Длинной ложкой он* солидно разбалтывал смесь ликеров в большом стеклянном жбане.

— Однако!..— воскликнул, подсаживаясь к ним, Сашок и недоверчиво, сквозь монокль, стал наблюдать, с какой бережностью банкир доливает жбан бутылкой шампанского.

Соковников прищелкнул языком:

— Вы только попробуйте.

— Он у нас, знаете, мастер,— заверил Потроховский.

Банкир налил всем по стопочке.

Сашок глотнул и ужаснулся:

— Динамит!..

— А по-моему, напиток с большим настроением,— одобрил Кисляков.

— С изюминкой!..— игриво подхватил Сашок.

Последовал один из тех сомнительных анекдотов, которыми обычно тешится мужская компания за вином.

Острослов был в ударе. Раздался дружный взрыв смеха. Соковников залился шумным безудержным хохотом.

— А теперь,— сказал Сашок, вставая,— нет, говорят, того приятного общества...

Остальные запротестовали:

— Уже спать?..

Сашок кивнул на заспанного татарина, перебиравшего пустые бутылки в лыковой корзине:

— Да все равно нас отсюда скоро выставят.

Соковников преградил ему дорогу с бесцеремонной настойчивостью:

— Помилуйте! Мы, слава Богу, теперь в России. Сядемка да побеседуем...

— Ну уж если побеседуем, того и гляди: сядем! — с притворной *опаской перебил Сашок.*

— И вы думаете, нет? — полусерьезно вмешался Потроховский, выпячивая нижнюю губу; от выпитого крюшона он чувствовал потребность излить душу.— Я, знаете, самый честный еврей. И плачу не пустяки, а первую гильдию. А вот немножко проехали Вержболово, таки я уже боюсь.

«C'est un numero»[1],— отметил себе Сашок, оглядывая биржевика как любопытный бытовой материал.

Ему бросились в глаза его характерные уши. Посаженные наискось, заостренные кверху, они были совершенно таковы, как принято изображать у сатаны и прочей нечисти.

— Вы не думайте: я настоящий патриот. Я, знаете, весь капитал вложил в Россию!..— наступательно затрещал Потроховский, размахивая руками.

— Разобьете!..

Сашок подхватил стакан, который биржевик чуть было не смахнул рукавом.

Но тот продолжал надсаживаться:

— И разве хорошо, что режим хочет удавить мое внутреннее я?..

В его голосе слышалась горькая обида.

Соковников с мрачной сосредоточенностью подлил себе крюшону:

— Правительство всех теперь душит.

— Столыпинский галстук! — пожал плечами Кисляков с невинным видом комнатной собачки, разжигающей исподтишка страсти нескольких соперников-барбосов.

— Засилье чиновников добром не кончится,— зарычал Соковников.— России надо: царь и народ. Остальное все к черту. Никаких средостений...

Сашок усмехнулся:

— Charmant, mais le средостение, ma foi, c'est nous[2].

Завязалась оживленная беседа... Перешли на землю, свободу печати и прочие наболевшие вопросы. Посыпались нападки на министров...

Кисляков ликовал: Столыпина громили с умилительным единодушием.

Но слово за слово, как полагается, повздорили.

Когда входил Адашев, встревоженный Кисляков уже всячески усовещивал рассвирепевшего Соковникова.

— Погоди, жидовская морда!..— кричал подвыпивший банкир Потроховскому, угрожающе потрясая волосатым кулаком.

---

[1] Это номер (*фр.*).

[2] Прелестно. Но ведь средостение, собственно говоря,— это мы (*фр.*).

Возле стола лакей торопливо обтирал салфеткой облитый густыми ликерами ковер.

Сашок старался успокоить перетрухнувшего и разобиженного биржевика:

— Бросьте!.. Мало ли по пьяному делу...

А тот плаксиво сетовал:

— И почему это, знаете, всегда: как русский человек немножечко напьется, так у него сейчас же — бей жидов!

Держась еще за ручку двери, Адашев остановился в нерешительности: не лучше ли повернуть назад?

Но, увидя флигель-адъютанта, Потроховский метнулся прямо к нему:

— Будьте вы свидетелем!

— Ведь я не имею, собственно, никакого понятия, в чем дело,— заявил Адашев тоном человека, желающего сразу отмежеваться от всего предшествовавшего.

— Вы такой интеллигентный человек! — вцепился в него биржевик.— Вот что вы можете сказать о еврейских погромах?

Адашеву раньше как-то не приходилось над этим вопросом задумываться. Он всегда казался ему чем-то скучным и запутанным. Флигель-адъютант решил отделаться первым пришедшим в голову соображением.

— Всякие погромы, мне кажется, рисуют прежде всего жуткую темноту и дикость нравов в народной толще.

— А провокация погромов полицией? — ехидно заметил Кисляков.

Адашев брезгливо повел плечом:

— Да эта полиция опять-таки отзвук тех же диких народных потемок. В безграмотной стране за двадцать пять рублей в месяц от городового культурности и требовать не приходится.

Он заказал бутылку нарзана и сел.

— А я могу теперь вам сделать один нескромный вопрос? — пристал к нему опять Потроховский с озабоченным видом.— Вы скажите откровенно: как сам государь смотрит на еврейский вопрос?

Флигель-адъютант крайне щепетильно относился ко всему, что касалось царя. Глотая медленно нарзан, он силился припомнить... Нет, положительно ни разу государь при нем словом не обмолвился насчет евреев...

В подобных случаях большинство царедворцев склонно прибегать к самой беззастенчивой импровизации. Адашев был исключением: он предпочел открыто признать свое полное неведение.

Его откровенный ответ был истолкован Потроховским по-своему:

— Ну, вы не хочете говорить прямо. Значит, вероятно, плохо.

Он покачал головой и удрученно опустил губу.

Сашок, сидевший рядом с Адашевым, в свою очередь сделал гримасу.

— Entre nous,— сказал он ему вполголоса,— une indifference dedaigneuse frise de pres le попустительство[1].

— C'est vous qui le dites![2] — вставил с коротким смешком подслушавший его Кисляков.

В мышиных глазках адвоката загорелось принципиальное злорадство человека, построившего всю свою карьеру на гражданской скорби.

Потроховский с пьяной слезливостью заголосил опять:

— Ой, плохо нам, плохо!..

— Чего же хуже! — злобно буркнул осоловевший было от винных паров Соковников.— Ясно, кажется, что с высоты престола вас, евреев, просто игнорируют. И правильно!

Биржевик возмутился:

— Вы говорите «игнорируют». А я таки вам не верю! Ну как это можно, в самом деле, чтобы император просто игнорировал себе семь-восемь миллионов интеллигентных и работящих подданных?

Сашок саркастически показал на них Адашеву:

— Вот и полюбуйтесь, к чему все это привело. Слышите?.. Сыны и пасынки России!

Адашев замялся. Слова эти напомнили ему ответ Репенина жандарму: «...Перед престолом все верноподданные равны». Кто же здесь, по существу, лояльнее к своему государю: русские — Соковников, Кисляков, даже свой, казалось бы, Сашок, или этот еврей Потроховский с его ломаным комическим говором?

Спор между тем не утихал.

---

[1] Между нами... Пренебрежительное равнодушие весьма похоже на попустительство (*фр.*).

[2] От вас слышу! (*фр.*)

— Еврейский вопрос... Важное, поди, дело! Да хозяину земли русской плевать на всех евреев! — кричал Соковников.

— А я говорю,— захлебывался Потроховский,— быть не может для царя, знаете, вопрос важнее, чем дать равноправие евреям.

Адашев улыбнулся.

— Парадокс не из банальных! — бросил он Сашку, стараясь отделаться шуткой, чтоб отступить в порядке.

Острослов сморгнул монокль:

— C'est beaucoup moins paradoxal qu'a premiere vue. Pensez un peu avec le равноправие... Mais ce seraient encore eux, parbleu, les defenseurs les plus acharnes du regime![1]

— J'admire votre confiance en nous autres[2] le столбовое российское дворянство.

— Il me parait bien mince, comme средостение[3],— вздохнул Сашок и задумчиво прищурился,— le богоносец, treve d'illusions, peut en faire voir de belles un jour[4].

Адашев поморщился:

— Odi profanum vulgus![5]

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Через день, около половины одиннадцатого утра, Адашев подъезжал в придворной карете к решетке царскосельского Малого Александровского дворца.

С вечера выпал снег, а за ночь стаяло. Меж толстоствольных дуплистых дубов и лип старого Екатерининского парка чернели лужи. Особые наряды дворников старательно скребли деревянными лопатами оплывшие пешеходные дорожки и посыпали их свежим красным песком.

Шорная стриженая пара шла размашистой рысью. Несмотря на слякоть, кучер в треуголке и красной гербовой

---

[1] Не так это парадоксально, как кажется на первый взгляд. Посудите сами, при равноправии... Да у существующего строя не будет, пожалуй, более ревностных защитников, чем они! (*фр.*)

[2] Восхищаюсь вашим доверием к нашему брату (*фр.*).

[3] Тонковатым представляется мне оно, как средостение (*фр.*).

[4] Тешить себя иллюзиями нечего. Богоносец в один прекрасный день возьмет и покажет, где раки зимуют (*фр.*).

[5] Презирай чернь непросвещенную! (*лат.*)

пелерине нигде не задерживал хода. Карета перегоняла все попутные экипажи, обдавая их длинными брызгами липкой грязи.

Сторожа, городская и дворцовая полиция, рослые пешие гвардейцы на постах, дозорные казаки верхом — все молодцевато козыряло вслед карете. Штатские охранники, симулирующие праздных обывателей на утренней прогулке, почтительно прятали в рукава закуренные папиросы и переставали независимо помахивать казенными зонтиками.

У главного подъезда кучер осадил взмыленную пару вплотную к ступеням входа. Расторопные помощники швейцара бережно высадили Адашева прямо на ворсистую ковровую дорожку.

В просторном вестибюле было оживленно. Среди дежурных казаков-конвойцев и разнородной ливрейной прислуги раздевались какие-то приезжие в звездах и лентах. У дверей стояли парные часовые, императорские стрелки в ополченских шапках и малиновых рубахах под мундирными поддевками. Величественный старший швейцар, отстраняя прочую братию, поспешил сам снять с Адашева шинель.

Флигель-адъютант уверенно, на правах своего человека, прошел один, без провожатого, в соседнюю галерею со множеством портретов на стенах. Здесь прохаживался только похожий на мумию бритый старичок в серебряных очках и наглухо застегнутом сюртуке дворцового ведомства при орденах. Он чинно расшаркался перед Адашевым и доверительно справился:

— Благополучно изволили съездить?..

Флигель-адъютант ответил на ходу тем коротким кивком, которым наделял знакомую придворную челядь. Высохший старичок занимал ответственную, хотя лакейскую, должность обер-камер-фурьера императорского двора. Он являлся как бы бесшумным метрономом традиционного распорядка. К числу его служебных обязанностей принадлежало и ведение пресловутого камер-фурьерского журнала. Туда день за днем со времен Петра Великого заносились неуклонно все мелочи из жизненного обихода царствующего императора.

Придворный тайновед старческой рысцой догнал Адашева.

— Не соблаговолите ли напомнить мне: кто командует ныне гусарским императора германского полком?

Укорачивая шаг, Адашев назвал Репенина.

— Да вы его, наверно, знаете?

— Покойного обер-шталмейстера графа Андрея Димитриевича сынок... Как же не знать! — Лицо мумии сделало попытку оживиться: — Счастливчик, смею полагать, его сиятельство. Сочетались браком с первейшей, можно сказать, невестой во всей империи...

Адашева словно кольнуло.

— А здесь что нового за эти дни? — спросил он, чтобы круто перевести разговор.

— Все по-прежнему: малый утренний прием; засим государь император изволит удаляться на весь день в опочивальню ее величества. Туда, кроме камердинера, разумеется,— никого. И кушать сервируется фуршетом.

— Как доктора насчет здоровья ее величества? — спросил Адашев, останавливаясь.

— Вчерась был опять консилиум, но государю императору благоугодно было лично повелеть: положенного бюллетеня не составлять.

Флигель-адъютант понизил голос:

— А все-таки?

Лицо мумии сразу сделалось непроницаемым:

— Камер-фурьерские записи, решаюсь доложить, до конца благополучного царствования огласке не подлежат...

Флигель-адъютант двинулся дальше по анфиладе пустых парадных комнат с начищенными, как зеркала, столетними узорными паркетами. Исполинские люстры чуть звенели от его шагов граненными хрустальными подвесками. По сторонам официальные полотна батальной живописи чередовались с двухаршинными фарфоровыми вазами, резными чашами из сибирских камней и увесистыми чеканными канделябрами.

Все это было давно и хорошо ему знакомо. Даже запах особых духов, которыми капал на шипевшую чугунку бесшумно проскользнувший мимо камер-лакей!

«Первейшая во всей империи невеста...» — крутилось в голове. Где же он был раньше? Софи, казалось, так легко могла стать ему женой...

И вдруг вспомнил... Как-то в Москве после скачек отец Софи, подговаривая компанию на кутеж, осведомился: «А вы, Адашев, с нами?» В ответ, как небогатый и осторожный человек, он сделал оговорку: «Охотно, если на скром-

ных началах». Князь Луховской чуть улыбнулся. Его потасканное лицо стареющего жуира сразу будто помолодело и стало необыкновенно схоже с лицом дочери... «На скромных началах?..— вопросительно повторил он и поспешил добавить: — Если прикажете, ладно, извольте!» Но в голосе его был оттенок снисхождения к человеку, принужденному стесняться в таких расходах.

Поступь флигель-адъютанта стала как-то менее уверенной...

Его раздумье прервали посторонние.

Навстречу, в белых чулках по колено, выступал нарядный царский скороход. На нем был головной убор из кудрявых длинных перьев, свисавших щеголевато над правым плечом. Он нес под мышкой министерский портфель тисненого сафьяна.

Сзади, в вицмундирном фраке, с красной орденской лентой над низким жилетом, шел, потирая руки, министр иностранных дел Извольский.

Помятое, слегка обрюзгшее лицо нестарого еще сановника отражало обычно одно пресыщение и напускную деловитость. Но каждую среду, возвращаясь с царского доклада, он неизменно бывал на полчаса охвачен каким-то смутным верноподданническим упоением. Он испытывал нечто вроде мистического чувства, которое окрыляет после причастия богобоязненную старушку: сподобилась!..

Сановник приветствовал Адашева с подкупающей благожелательностью.

— Меня всегда волнует ваше сходство с покойной матушкой; святая была женщина,— слащаво проговорил он, опуская тяжелые веки, и поглядел задумчиво на свои зеркально отполированные ногти.

Министр, конечно, знал уже, что флигель-адъютант был доверительно командирован с письмом в Ромintен, но — стороной. Государь не проронил ему об этом ни слова, а заикнуться самому было рискованно.

Извольского душило тщеславие. Призванный недавно на министерский пост с прямым указанием ликвидировать биоркское соглашение, он жаждал упрочить за собой престиж проникновенного дипломата. Новые сношения царя с германским императором помимо него несказанно смущали министра. Как угадать, чего ему теперь держаться в текущей политике? Надо попытаться разузнать, откуда ветер.

Ведь иначе — не ровен час! — внезапно: больше не угоден и смещен.

Дипломат медленно ввинтил в глаз монокль в черепаховой оправе и предложил:

— Не пообедаете ли со мной завтра в яхт-клубе?

Адашев едва удержался от улыбки: так он ему и разболтает!..

— До чего годы бегут! — воскликнул на прощанье сановник.— Как сейчас помню себя юным секретарем на свадьбе ваших родителей в очаровательной висбаденской церкви.

Покойные родители! Адашев ужаснулся при мысли, сколько воды утекло с тех пор, как сам он стал взрослым. Каким далеким, например, казалось время, когда по окончании университета он отбывал льготную повинность в конной гвардии. Его семье пришлось в тот год решиться на продажу перегруженного закладными родового имения. Оставаться в полку после производства в офицеры представлялось безрассудным. Он подумывал даже о том, как бы вовсе не служить, а попросту заняться делами. Работать, но разбогатеть! Богатство значит — независимость... «Не срами нас, Алеша, pourquoi te declasser?[1] — разволновалась его мать, уже едва перемогавшая сахарную болезнь.— Лучше всячески сократимся. Проживешь, даст Бог, и так!» — «Мать твоя права,— убежденно поддержал отец, всюду признанный образцом такта и порядочности,— конная гвардия тебе прямая дорога. А погоня за наживой, что это за карьера? Изображать биржевика или огостинодвориться — не барское, голубчик, дело».

Машинально зашагав опять, Адашев стал перебирать в памяти других знакомых стариков: у всех те же нелепые воззрения!

Он с досадой повел плечом.

Внезапно скептическое чувство к уходящему поколению переплелось в его сознании с другим: те по крайней мере знали, чего хотели, и верили, чему служили. А вот в нем все только бесплодное умствование! И жизнь идет без смысла и цели.

---

[1] Зачем терять лицо? (*фр.*)

Дверь в соседний бальный зал была притворена. На потемневшем красном дереве ее выделялся сочный бронзовый картуш: античный шлем, мечи и латы — излюбленные атрибуты александровского ампира. Флигель-адъютант рассеянно положил руку на дельфина, украшавшего золоченый чеканный замок, и вошел.

Перед ним запестрели зелень, цветы и большие проволочные вольеры с попугаями. Посреди зала высилась катальная горка из желтой ясени. На верху ее белели детские платьица двух младших дочерей царя: одной было шесть, другой восемь лет. Уцепившись за плечи закадычного взрослого приятеля, офицера государева конвоя, девочки радостно и шумно скатывались вниз на тяжелом серебряном подносе. Внизу их бережно ловил рослый чернобородый камер-казак ее величества в бархатном кафтане.

Наблюдавшая за ними пожилая лимфатическая воспитательница в кружевной наколке с опаской повторяла:

— Осторожней, пожалуйста!.. Как можно осторожней!..

Увидав хорошо знакомого Адашева, раскрасневшиеся от страха и восторга великие княжны весело закивали ему кудрявыми головками и подбежали здороваться. Приветливо, по-детски хлопая ладошками, они, как истые англичаночки, трясли ему руку.

— Тебя, я вижу, запрягли, бедняга «Кавказский Пленник»,— шутливо сказал Адашев приятелю-конвойцу.

Молодой горец, внук знатного заложника времен Шамиля, расправил засученные рукава черкески. Живые бусинки его раскосых глаз сузились, как щели. На лице заиграла хитрая азиатская улыбка:

— Ты не знаешь, как я люблю детей. Мы, мусульмане...

— Скорей, еще! — перебила его младшая сестра и потащила за полу черкески опять кататься.

Старшая остановилась перед Адашевым и деловито предложила:

— Когда кончите с папá, приходите к нам. Будем вчетвером играть в аул.

Последняя, угловая гостиная с пушистым бархатным ковром и с красным штофом на стенах... Запертая дверь. Рядом долговязый преображенец, стоящий на специальном квадратном половичке из соломенной плетенки... Адашев

оказался наконец в широком темноватом коридоре, прорезавшем внутренние комнаты царской четы.

Он тихо вошел в небольшую столовую английской современной работы — подарок царице от бабушки, королевы Виктории. Подле окна, в мутноватой воде квадратного стеклянного аквариума, плавало несколько неуклюжих тритонов. Здесь флигель-адъютанта встретил царский камердинер, скуластый сибиряк с хмурым лицом и длинной колодкой всевозможных орденов вдоль отворота ливреи.

— Его величество изволят быть одни,— сказал он с безулыбочным поклоном.— Я сейчас доложу.

Он вышел, глухо позвякивая крестами и медалями.

Адашев подошел к аквариуму и принялся смотреть, как тритоны беспомощно тычутся головой о стекла.

Камердинер вернулся:

— Пожалуйте, просят.

Он бесшумно отворил дверь в громадный двухэтажный кабинет, уставленный по вкусу самого царя новой громоздкой мельцеровской мебелью.

Государь стоял лицом к двери, слегка расставив ноги в широких пехотных шароварах и мягких русских сапогах. На нем была домашняя полковничья тужурка башлычной шерсти. Ее песочный желтоватый цвет опрощал и старил моложавое еще лицо Николая II. Вдоль щек и по губам ложились землистые полутени, усиливавшие его сходство с двоюродным братом, тогдашним принцем Уэльским.

Адашев подошел к царю, остановился по уставу за два шага, отчетливо составив каблуки, вручил письмо и форменно отрапортовал:

— Вашего императорского величества флигель-адъютант Адашев из командировки прибыл.

Государь встретил его той обаятельной застенчивой улыбкой, которой умел обворожить всякого, и молча подал руку. Присев к письменному столу, он приветливо указал Адашеву на другое кресло рядом и протянул ему открытый портсигар с толстыми папиросами излюбленного казанлыкского дюбека.

Царь чиркнул восковой спичкой по спине серебряного бегемота и сам предупредительно поджег флигель-адъютанту папиросу. Затем длинным узким златоустовским ножом вскрыл конверт и стал вчитываться в непривычный почерк Вильгельма II.

Адашеву государь в это утро показался бледным, утомленным. Под низким начесом густых волос заметней выделялась припухлость лобовой кости — неизгладимый след сабельного удара, полученного когда-то цесаревичем в Японии.

Государь читал, как люди с хорошим зрением, без напряжения, издали, почти не нагибая головы.

Письмо было цветисто и расплывчато.

Поначалу император как бы одобрял почин царя. Но нужен срок, необходимо обдумать хорошенько!.. Он предлагал наметить личное свидание где-нибудь будущей весной. Далее шли пространные сетования на слепоту царя к английским козням, на его забвение династических традиций, а главное — на союз с республиканской Францией. В этом император именно и видел основную причину зла.

С первых строк государю стало ясно: Вильгельм II лукавит и хочет уклониться от прямого ответа.

Ни один мускул на его лице не выдал досады и разочарования. Опущенные глаза равномерно скользили по лежавшему на столе голубоватому листку. Он беспечно продолжал покуривать.

Николай II выработал смолоду привычку скрывать свои настроения на людях и умел, как редко кто, «держать маску». Адашеву случилось видеть самодержца только раз, на несколько минут, с перекошенным лицом и взглядом, полным ненависти. Это было в день приема государем первой Думы.

По мере чтения раздражение государя нарастало. Упрек за дружбу с Францией задел его больней всего. К Франции у него сложилось особенное чувство. Она представлялась ему угнетенной женщиной, искавшей у русского царя рыцарской защиты. Нечто подобное испытывал когда-то по отношению к далекой Мальте его пращур Павел I.

В памяти государя пронеслось: ликующий демократический Париж, республиканская толпа, исступленно кричавшая ему: vive l'Empereur![1]

Да, там он словно полубог! Но вот с Вильгельмом как?.. Целится, небось: капельмейстерство — себе, а ему — вторую скрипку!

---

[1] Да здравствует император! (*фр.*)

Николай II во многом был склонен не доверять ни людям, ни себе. Но одному он верил непреложно: заветам почившего батюшки. А все духовное наследие Александра III покоилось на трех устоях: европейский мир, незыблемость самодержавия и франко-русский союз. Царь запомнил навсегда утро на кронштадтском рейде: державный батюшка, огромный, подавляющий, в честь французских гостей при звуках «Марсельезы» снявший шапку с полысевшей упрямой головы...

Перед государем замелькало опять: щеголеватое низкопоклонство Феликса Фора в Петербурге, десять лет назад... Разговор за чаем у императрицы, когда внезапно, в искреннем порыве, он царским словом поклялся: пусть Франция, пока я жив, забудет все тревоги. И памятный ответ захваченного врасплох президента. «Que puis-je repondre aux nobles paroles de votre majeste? — сказал он, растерянно оглядываясь. И вдруг заметил на столе присланный им утром царице букет французских роз: — Tenez, je prends cette fleur, reflet de la beaute radieuse de nos jardins et du labeur traditionnel de notre peuple.— Глава республики взволнованно повысил голос: — Cette rose, Sire, cette rose qui semble evoquer toute notre civilisation, cette rose enfin, que nous appelons «la France», je la prend et la jette a vos pieds»[1].

Государь, нагнувшись, сдунул пепел, упавший на листок, исписанный Вильгельмом II.

Что за гнусное письмо!

Внезапно кровь ударила ему в виски.

Нравоучения? Да как он смеет!.. Что за опека! Я ему не мальчик!..

К горлу подступало молчаливое холодное бешенство.

Но государь сдержался. Лицо опять ничего не отразило. На его губах по-прежнему блуждала добрая чарующая улыбка. С такой же улыбкой и скрытым бешенством благословенный Александр I в Тильзите терпеливо выслушивал Наполеона.

Дочитав письмо, государь его неторопливо расправил и придавил пресс-папье: тюленем на льдине из аквамарина.

---

[1] Что ответить на великодушные слова вашего величества?.. Вот я беру в руки этот цветок, отблеск радостной красоты наших садов и преемственного трудолюбия нашего народа... Эту розу, государь, эту розу, которая как бы вызывает образ всей нашей цивилизации, эту розу, которая носит имя «Франция», я повергаю к вашим ногам (*фр.*).

— А теперь расскажите мне, Адашев,— раздался его спокойный, приятно-тихий голос,— как вы нашли германского императора?

Царь закурил свежую папиросу и учтиво пододвинул флигель-адъютанту пепельницу.

Адашев доложил, что на приеме император сказал ему всего несколько слов. Справлялся главным образом о здоровье *ее величества.*

Безоблачные голубые вюртембергские глаза государя чуть дрогнули. Ему было неприятно, что об его семейном горе, видимо, открыто говорят. Он захотел будто что-то спросить или сказать, но промолчал и ограничился только привычным жестом: провел ладонью по бороде.

Адашев почувствовал, что сделал придворную неловкость.

Он продолжал свой доклад. За обедом император посадил его рядом с собой, но говорил все время с другим соседом, старичком, немецким ученым. Беседа была оживленная и на странную тему: император все расспрашивал про мох и его особые разрушительные свойства.

— Мох? — повторил государь и усмехнулся.— Какой он всегда фокусник... Я помню в Ревеле... Его яхта отошла уже от «Штандарта». Вдруг — флажки, сигнализирует. Читаем: «Адмирал Атлантического океана шлет дружеский привет адмиралу Тихого океана...» Я и приказал поднять ему просто: «Счастливого пути».

В дверь постучали. Она отворилась. Вошла жизнерадостная оскаленная англичанка-бонна, ведя за ручку принаряженного разрумянившегося цесаревича. Ребенок возвращался с прогулки.

Увидев сына, государь сразу просиял и оживился.

Он поднял ребенка и посадил перед собой на письменный стол.

Бойкий большеглазый цесаревич с любопытством стал осматриваться. Его внимание тотчас же привлек тюлень на льдине.

— My darling little boy[1],— нежно проговорил государь, наклоняясь к ребенку; глаза его словно озарились изнутри.

[1] Дорогой мой мальчик (*англ.*).

— Dad-dy... dad-dy[1],— пролепетал цесаревич с неосмысленными интонациями маленького существа, уловившего пока звуки всего лишь нескольких слов.

Неожиданно, с детской отчаянной решительностью, он хлопнул ручонкой по голове тюленя. Тяжелое пресс-папье покачнулось и опрокинулось. Малютка торжествующе вскрикнул и, задорно выдернув письмо германского императора швырнул его на пол.

— You naughty baby![2] — заволновалась англичанка.

Адашев подхватил листок на лету и подал государю.

Николай II вздрогнул. Случайная шалость бессознательного существа почудилась ему дурным предзнаменованием. Скоро, пожалуй, опять какая-нибудь новая революционная гнусность!..

Бороться постоянно с революцией он чувствовал себя подчас не в силах. «К чему? — приходило иногда в голову.— Ведь все равно: чему быть, того не миновать. Не дать ли, в самом деле, власть Думе, чтоб скинуть с плеч ответственность?»

Еще недавно, до рождения цесаревича, он даже начал будто свыкаться с этой мыслью. Но теперь: давно желанный сын, наследник данной свыше власти... Нет, покуда не подрастет — нельзя! Упрекнет когда-нибудь, потребует отчета!.. Да и сейчас уже в беспомощном ребенке иногда мерещится ему немой укор за недостаток самодержавной твердости... «Власть и ответственность помазанника Божия — неделимы»,— поучал его когда-то искушенный правовед Победоносцев.

Государь виновато взглянул на сына. Все внимание маленького цесаревича поглощал теперь Адашев.

Его парадный кафтан с пестрыми орденами и блестящим серебряным прикладом, видимо, пришелся по вкусу ребенку. Он потянулся к флигель-адъютанту, требуя, чтобы тот немедленно взял его на руки. Назначение женщин оставалось для него не совсем понятным, но что касается мужчин, сомнений не было: они должны его послушно забавлять...

---

[1] Папа... папа (*англ.*).

[2] Скверный шалунишка! (*англ.*)

«Неужели на моих глазах все рухнет?» — внезапно подумал государь. Ему стало жутко... Он не за себя боялся — его ужасала мысль, какой опасностью грозит династическая катастрофа семье и сыну.

Царь стиснул зубы. Этому не бывать!.. Довольно! Уступки — не опора, а расшатывание престола. Никаких поблажек. Он им покажет!..

Ему так и представились сейчас же: ненавистный купчина-вольнодум Гучков с квадратной челюстью и кошачья усмешка другого краснобая, еще вреднее,— Милюкова.

Государь по привычке аккуратно положил письмо императора под пресс-папье. Сообща, вдвоем, легче было бы дать отпор. Вильгельм уклоняется... Пускай! С ним он тоже посчитается когда-нибудь.

Цесаревич расшалился. Потрогав поочередно затейливые побрякушки на груди Адашева, его пухлая ручка потянулась выше. Маленький озорник провел ладонью по колючей щеточке стриженых усов. От щекотки он и поморщился, и рассмеялся.

Государь сделал над собой усилие, чтобы улыбнуться Адашеву.

У Николая II никогда не было друзей. Он приближал к себе людей случайно и относился почти ко всем с неприкрытым равнодушием. Но именно к Адашеву он испытывал некоторую личную симпатию. Флигель-адъютант умел оставаться незаметным и никогда ни за кого не просил. Царю это нравилось: просьбы, особенно за других, его раздражали.

Наследник, обняв Адашева за шею, шаловливо принялся обнюхивать его проодеколоненную, свежевыбритую щеку.

Глядя на них в раздумье, государь нерешительно провел опять ладонью по бороде... Вдруг, обернувшись к англичанке, молча кивнул ей, чтобы вышла. Взгляд его уставился на флигель-адъютанта с пытливой, тревожной пристальностью.

— Адашев,— напряженно проговорил он после короткого молчания, и голос его дрогнул,— могу ли я рассчитывать на вашу преданность царю и родине?

Флигель-адъютант смутился от неожиданности.

— Мой дед, адмирал, убит под Севастополем,— ответил он сдержанно,— оба прадеда...

— Поклянитесь! — перебил государь особенным, несвойственным ему звенящим голосом.— Как офицер и дворянин

поклянитесь мне и в черный день быть верным престолу и моему сыну.

Губы царя дрожали. Побелевший взгляд выражал горькую, неизбывную скорбь.

Волнение государя передалось Адашеву.

— Ваше величество...— почти непроизвольно вырвалось у него.— Клянусь и счастлив буду голову сложить.

Еще при Александре III в таком восторженном порыве бросались по старине целовать царя в плечо. Николай II искоренил эту традицию: у него было вообще отвращение ко всякому показному проявлению верноподданных чувств.

В усталых глазах государя стояли слезы.

— Уничтожать их надо, как ядовитых змей...— проговорил он, как бы думая вслух.

Его короткие пальцы, в которых было так мало царственного, судорожно сжали спинку стоявшего перед ним кресла

Адашев почувствовал, что долг велит сейчас же чем-нибудь утешить, приободрить монарха.

— Крамола смирилась, даст Бог, надолго,— уверенным голосом сказал он.

Государь перекрестился.

— Пути Господни неисповедимы!

Адашев, не удовлетворившись этим, подкрепил:

— Девятьсот пятый год достоверно доказал несостоятельность революционных попыток.

— Достоверно?..— усмехнулся самодержец с какой-то надменной безнадежностью.— В будущем достоверно, пожалуй, только одно: местом вечного покоя для меня будет усыпальница Петропавловского собора!

Вдруг он опомнился и точно устыдился минутной своей слабости Захотелось сразу поскорей от всех отделаться. Он позвонил.

Вошли камердинер и бонна.

— Take the child, please![1] — сказал государь англичанке. Его лицо было забронировано опять привычной, доброй, обаятельной улыбкой.

---

[1] Возьмите, пожалуйста, ребенка! (*англ.*)

Адашев сознавал, что пора откланяться, но затруднялся, как поступить: маленький цесаревич вцепился в его белую свитскую шапку и упорно не отдавал.

Государь, заметив это, сам было попробовал уговорить ребенка, но безуспешно.

— No, no, dad-dy![1] — заупрямился он, гневно наморщившись.

Наконец государь рассмеялся и махнул рукой Адашеву.

— Оставьте.— Самодержец повернулся к камердинеру: — Подай ротмистру одну из моих. Наследника цесаревича, ты знаешь, нам вдвоем не переспорить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

У статс-дамы графини Ольги Дмитриевны Броницыной кончался завтрак. Были, по обыкновению, гости.

Дом ее славился широким хлебосольством. Повар, Прохор Ильич, был известен в Петербурге; его искусством графиня дорожила больше, чем родословной и пряжкой ордена св. Екатерины. Садиться за стол одна она не привыкла. Зимой, раза два в неделю, на званых обедах с цветами из Ниццы и пудреными лакеями в парадных красных ливреях бывали поочередно двор, послы, министры и заезжие иностранцы. В прочие дни приезжали прямо на огонек родня и близкие. Графиня осталась бездетной, но родней Бог не обидел, в особенности со стороны покойного мужа. Влиятельную статс-даму считала просто тетей Ольгой чуть ли не треть тогдашней столичной знати.

На этот раз в большой столовой с белыми полуколоннами и резным гербом на спинке старых английских стульев завтракало всего шестеро.

По сторонам хозяйки сидели приехавшие накануне в Петербург Софи и Сашок. Напротив — прогостившая у нее все лето хорошенькая восьмилетняя Бесси Репенина, между гувернанткой и подростком в гимназической куртке. На девочке шуршало накрахмаленное платьице. Белокурые локоны украшал парадный бант.

---

[1] Нет, нет, папа! (*англ.*)

Всякий завтрак и обед со взрослыми казался Бесси тяжким испытанием. Приходилось держаться тихо и чинно. Строгая miss Nash нет-нет, да и бросит укоризненный взгляд, и все, чего хочется, нельзя: ни болтать ногами, ни смеяться, ни самой выбрать вкусную грушу.

Тетя Ольга отлично это понимала. Бесси с гувернанткой подали бы отдельно, в детской, не будь к столу неожиданного гостя, пятнадцатилетнего князя Феликса. Этот отдаленный родственник Броницыных был единственным сыном у родителей, которые обладали самым крупным состоянием в России. Узнав, что Феликса присылают к ней на поклон, тетя Ольга позвала его завтракать. Сначала — без всякой задней мысли, но затем подумала о Бесси, прикинула, что не успеешь оглянуться, как девочка подрастет, и замечталась... Последовало распоряжение англичанке привести свою воспитанницу вниз завтракать со всеми.

Случайная мысль прочно засела в голове тети Ольги. Не отвлекли ни подарки, привезенные из Парижа Софи, ни свежие анекдоты, которыми щегольнул Сашок, ни даже замечательные brochettes de gelinotte[1] несравненного Прохора Ильича. С начала завтрака ее внимание сосредоточилось на сидящем перед ней мальчике-подростке. У тети Ольги долголетним опытом сложилось убеждение, что человека распознать легче всего за картами или за едой. Но чем ближе она присматривалась к маленькому Феликсу, тем менее лежало к нему сердце. Было что-то тревожное в его редко красивом женоподобном лице и странной улыбке, напоминавшей портреты школы Леонардо.

Феликс держал себя весьма уверенно, изредка принимал даже участие в общем разговоре. А говорили обо всем понемногу: о долголетии попугаев, о лечении виноградом, о причудах последней парижской моды и о вновь открытой — третьей — Думе. Затем перешли почему-то на потустороннее и гороскопы. Зеленоватые русалочьи глаза подростка обвели присутствующих. Он рассказал про странный случай. Прошлым летом в Крыму какая-то прохожая цыганка согласилась показать его матери редкое гаданье на козлиной крови и, кстати, нагадала про него: в жизни без труда

[1] Рябчики на вертеле (*фр.*).

он достигнет всего — успеха, высших почестей и знаменитости.

— Excusez du peu[1],— не удержалась Софи.

«Нет, положительно, Бог с ним!» — разочарованно решила тетя Ольга и сейчас же успокоила себя приятным сознанием: Бесси все равно будет так богата!.. Старухе стало даже как-то досадно на себя за интерес, проявленный к дрянному мальчишке.

Сашок иронически полюбопытствовал, какую изберет Феликс карьеру. Оказалось, что родители вскоре отсылают его заканчивать образование в один из английских университетов.

Тетя Ольга неодобрительно поморщилась:

— Напрасно! Там учат только спорту.

— Mais c'est toute une discipline civique[2],— заметил Сашок.

— Просто — рассадник самодовольной умственной лености,— отрезала хозяйка дома, предупреждая взглядом старого дворецкого, чтобы тот отодвинул ей стул.

Сашок не угадал ее намерения и продолжал:

— Английский fair play, self respect[3], палата лордов..

— К чему все это? — нетерпеливо перебила тетя Ольга. У нее начинала затекать нога.

Сашок загорячился:

— Лучше, что ли, наше павловское: на Руси дворянин тот, с кем я говорю и пока я с ним говорю?

Тетя Ольга с изумлением откинула седую голову:

— Как, и вы «с подболткой»?

Это прозвище она давала либералам.

Добродушное лицо статс-дамы на мгновение стало строже и значительней. Характерный нос очертился резче над тяжелой губой, придавая ее профилю неожиданное сходство с постаревшим Людовиком XIV.

— Сашок, затронутый освободительным движением... Quelle plaisanterie!..[4] — сказала старуха, будто недоумевая, правдоподобна ли вообще такая чепуха.

---

[1] Малого захотели (*фр.*).

[2] Но ведь это целая система воспитания гражданского духа (*фр*).

[3] Честная игра, чувство собственного достоинства (*англ.*).

[4] Что за вздор!.. (*фр.*)

Сашок промолчал. Повздорить с графиней Броницыной было рискованно, в особенности ему: ее расположение и дружба были одним из главных козырей в его светском положении.

Хозяйка дома поднялась и расправила длинный хвост кружевного платья.

— Votre bras[1], доморощенный Мирабо!

Все перешли в одну из гостиных с окнами на Неву — пить кофе.

Софи собиралась уже было прощаться, когда хозяйке доложили: флигель-адъютант Адашев. Забыв мгновенно, что дома ждут, она осталась.

Адашев не принадлежал к числу бывавших запросто, без приглашений, у тети Ольги. Увидев его, в орденах и с какой-то картонкой в руке, статс-дама вопросительно прищурилась: не прислан ли свыше? Стянутая жестким корсетом поясница по-молодому выпрямилась.

В начале царствования юная императорская чета нередко обращалась за советом или справкой к опытной, всезнающей графине Броницыной. Когда царь ездил после коронации за границу, на нее была даже негласно возложена вся иностранная переписка монарха. Но за последние два года царская семья замкнулась, уединилась, стала приглашать к себе все реже, и государь почти совсем перестал заговаривать с графиней о серьезных вопросах...

Адашев поспешил объяснить причину своего визита и передал баумкухен из Роминтена. Извинился, что приехал в парадной форме, прямо из Царского.

Оттенок озадаченной натянутости, с которым встретила его статс-дама, мгновенно улетучился. Глаза ее словно смеялись. Конечно, она была польщена и тронута заграничным августейшим вниманием... Но первым порывом хлебосольной хозяйки было справиться: позавтракал ли гость? Жаль, что он не доставил ей удовольствия пожаловать без стеснения прямо к столу!..

Начались расспросы. Адашеву пришлось подробно рассказать свой день при германском дворе. Он описывал живо и красочно, тактично выдвигая Репенина на первый план.

---

[1] Вашу руку (*фр.*).

Софи молча, с интересом следила за рассказом. Разве Сережа способен все так подметить и передать?

Ей померещился муж: почему-то — его жилистая шея и волосатая грудь... простоватый раскатистый смех... вечные сигары!.. Она чуть вздрогнула.

— Доктор Кудрин,— внушительным басом доложил седовласый дворецкий.

— С Мишей?..— радостно воскликнула, вся покраснев, маленькая Бесси, благовоспитанно сидевшая поодаль с гувернанткой.

Софи рассеянно повернулась к падчерице:

— Кто это?

— Мой жених! — пресерьезно ответила девочка, сияя глазами.

— What nonsens[1],— ужаснулась сухая, как гренок, miss Nash.

Пренебрегая уничтожающим взглядом нелюбимой гувернантки, своенравная белокурая куколка стремительно метнулась навстречу испуганно остановившемуся в дверях десятилетнему мальчугану. У него была смуглая курчавая головка *тех ребятишек, которые* бегают по улицам Палермо, продавая апельсины. Вслед за ним появился длиннобородый подслеповатый толстяк — земский врач по соседству с тульским поместьем, где тетя Ольга проводила лето.

— Наконец-то собрались в наши края, нелюдимый бессребреник! — встретила его хозяйка с радушной укоризной и сейчас же принялась расспрашивать о деревенских новостях.

Застенчивый туляк, видимо, терялся в непривычной светской обстановке. Надо было дать ему освоиться.

— Австрийский посол,— доложил опять дворецкий.

Земский врач для бодрости духа провел по потному затылку большим носовым платком. Пользуясь общей заминкой, Бесси властно схватила Мишу за руку и утащила в противоположную дверь.

Пожилой иностранный сановник нарядно склонил перед хозяйкой дома свою рослую, чуть сутуловатую фигуру. Он олицетворял, казалось, ту изысканную, неотразимую вежли-

[1] Глупости (*англ.*).

вость другого века, которой отличались дипломаты старой венской школы.

— Veuillez associer mes hommages a ceux de vos nombreux admirateurs[1],— сказал посол и сейчас же счел долгом извиниться: — Un intrus est souvent pire... qu'un cheveu dans une julienne[2].

Он находчиво изменил на лету начатую было русскую пословицу: у кого-нибудь из присутствующих ненароком мог найтись татарский предок.

— Vous etes toujours le bienvenu[3],— поспешила заверить гостя тетя Ольга и повела его в другую комнату.

Они уединились в ее любимой полукруглой гостиной, полной столетней мебели, цветов и драгоценных музейных безделушек.

Привычный к роскоши сановник обвел ее восхищенным глазом знатока.

— Quel ravissant sanctuaire![4]

Статс-дама предложила гостю сесть в большое уютное кресло, располагающее к неторопливой доверительной беседе.

У австрийского дипломата была на этот раз особая причина приехать с визитом. Он узнал, что намечен в ближайшем будущем занять должность имперского министра иностранных дел. Подчиненное положение двуединой монархии перед союзной Германией ему всегда казалось не соответствующим ее великодержавности. В голове его исподволь созрел целый план деятельной сепаративной политики на Балканах. Сейчас он носился с мыслью до своего отъезда договориться тайно от Германии с Извольским и всех потом перехитрить. Австрийцу было важно проведать сперва, прочен ли на своем посту руководитель русской политики. Графиня Броницына представлялась ему верным барометром царскосельских настроений.

---

[1] Разрешите и мне приветствовать вас как одному из ваших многочисленных почитателей (*фр.*).

[2] Незваный гость иногда хуже... волоса в тарелке супа (*фр.*).

[3] Вы всегда гость желанный (*фр.*).

[4] Какое восхитительное капище! (*фр.*)

В первой гостиной без хозяйки как-то приумолкли. Сашок, переваривая завтрак, развлекался знакомой панорамой на Неву. Софи ушла опять в какие-то свои мысли. Она сидела неподвижно; только пальцы машинально перебирали лопнувшие нитки чудесной флорентийской вышивки, покрывавшей соседний столик.

Кудрин с облегченным самочувствием снял очки и, беспомощно выкатив почти незрячие глаза, стал прилежно протирать платком стекла.

Светский навык давно подсказывал Адашеву, что пора встать и распроститься. Но сейчас что-то неодолимо влекло его не уходить... Пока здесь Софи. Пусть она молчит. Как много оттенков, сколько загадочных душевных изгибов таит ее молчание!.. В нем укреплялось первое впечатление: нет, не пара ей Репенин, слишком примитивен.

Внезапно в бальном зале, замыкавшем анфиладу приемных, прозвучало несколько уверенных аккордов на рояле. Затем послышался рыдающий цисмольный этюд Скрябина.

Софи, Адашев и Сашок в недоумении переглянулись.

— Это... мой Миша,— как бы извиняясь, взволнованно сказал толстяк доктор.

Сашок вскочил:

— Не может быть!

Все четверо, крадучись, пошли слушать музыку поближе.

У открытого «Бехштейна» притихшая Бесси следила, затаив дыхание, с какой волшебной безошибочностью пальцы Миши бегают по клавишам.

— Теперь хочу веселое,— нетерпеливо заказала она раскрасневшемуся мальчику, едва он кончил.

Пианист представлялся бойкой девочке чем-то вроде усовершенствованной заводной игрушки.

Миша с кроткой послушностью без передышки начал польку Рубинштейна. Заиграл опять легко, осмысленно, как взрослый.

— La Grande Bretagne et la Russie nous doivent toutes deux leur adhesion[1]— убеждал тем временем посол хозяйку дома.— Cette preponderance usurpee par Berlin aupres de la sublime Porte ne saurait etre sousestimee...[2]

---

[1] Великобритания и Россия — обе вместе должны нас поддержать (*фр.*).

[2] Преобладающее влияние, захваченное Берлином при Блистательной Порте, не должно быть недооцененным... (*фр.*)

Откинувшись на спинку кресла, где были вытканы волк и ягненок из басни Лафонтена, он сделал паузу.

Тетя Ольга не спешила высказаться.

В открытую на анфиладу дверь доносились звуки рояля. Чуткий к музыке посол невольно стал прислушиваться.

— Prejuger des intentions du roi Edouard VII me semble pourtant bien temeraire[1],— возразила наконец статс-дама. Ей всегда казалось, что этот венценосный прожигатель жизни таит в себе незаурядного политика.

Под стриженными усами дипломата скользнула самодовольная улыбка.

— L'entretien recent de sa majeste avec mon auguste souverain a Ischl determine clairement son attitude eventuelle...[2]— неосторожно вырвалось у него.

Красивые созвучия дразнили его ухо. Он становился рассеян.

Тетя Ольга хищно насторожилась.

Спохватившись, что он начинает проговариваться, посол поспешно добавил, будто поясняя:

— En vrai melomane le roi d'Angleterre reprouve toute fausse note dans le concert Europeen[3].

— Vous voila donc a la recherche de l'harmonie[4],— нашлась тетя Ольга, маскируя разочарование стереотипной улыбкой.

— C'est dire combien je suis sensible a votre belle musique russe,— улыбнулся в свою очередь посол, приставляя ладонь к уху.— Elle interprete si bien les charmes subtils et troublants de la Cyrcee Slave![5]

Сановник успел уже узнать все, что хотел, и с легким сердцем перешел к светским любезностям.

Опытное ухо тети Ольги сразу уловило эту перемену. Уединенная беседа с дипломатом становилась бесполезной.

---

[1] Предрешать о намерениях короля Эдуарда VII мне кажется по меньшей мере смелым (*фр.*).

[2] Недавняя беседа короля с моим державным повелителем в Ишле достаточно определяет его отношение к вопросу в данном случае... (*фр.*)

[3] Как истый меломан, английский король чуток ко всякой фальшивой ноте в европейском концерте (*фр.*).

[4] Короче говоря, вы обретаетесь в поисках гармонии (*фр.*).

[5] Вот отчего я ревностный поклонник вашей прекрасной русской музыки. Она так хорошо передает тонкое, волнующее очарование славянской Цирцеи! (*фр.*)

У нее блеснула мысль заняться будущим маленького Миши и показать его послу.

Тетя Ольга постоянно кого-то устраивала и кому-то что-то выхлопатывала. Это отнимало много времени. Порой — казалось утомительным и неприятным. Но у нее было чувство, что иначе нельзя. К таким, как Репенины, Броницыны, обездоленный всегда подходит с беззаветным упованием, в них видит как бы отблеск самодержца; а престол в России, словно солнце — естественный неиссякаемый источник всех благ земных.

Тетя Ольга часто помогала людям без всяких просьб с их стороны или своих собственных скрытых расчетов. Доктор Кудрин был, в сущности, только случайным мелким статистом в толпе других по обочинам ее жизненного пути. Она даже причисляла его к той разновидности интеллигента с жертвенным надрывом, к которой относилась скорее с опаской. Миша тоже привлек ее внимание летом только как диссонанс — красочная мурильевская головка среди блеклого тульского пейзажа. Но старуха чувствовала, что земский врач безутешно грустит по жене, унесенной чахоткой прошлой весной; знала, что он часто лечит безвозмездно, хотя сам денежно крайне стеснен; понимала, наконец, что сделать из сына хорошего пианиста бедняге в сорока верстах от Тулы — мудрено. Этого для нее было достаточно, чтобы принять решение: мальчика надо устроить бесплатно в консерваторию, а дальше — видно будет.

Раздумывая, как лучше приступить к делу, хозяйка дома встала.

Миша, подстегнутый еще раз Бесси, успел тем временем красиво заиграть «В монастыре» Бородина.

Незнакомый отрывок заинтересовал посла. В колокольных созвучиях фортепиано слышался русский благовест, овеянный непривычной для иностранца православной мистикой.

Тетя Ольга провела его в соседний с залом зимний садик, где находились остальные слушатели. Сановник нагнулся, чтоб сквозь тропическую листву разглядеть маленького музыканта.

— Die Kulturreflexen des nihilistischen russischen Volksinness sind hauptsächlich musikalisch...[1] — машинально повторил он про себя где-то прочитанную недавно фразу.

Тетя Ольга поманила к себе пальцем Кудрина. Сашок подсел ближе к послу, собираясь при первом случае проявить себя очередным bon mot[2].

Софи осталась с Адашевым вдвоем среди тепличной зелени, на садовой скамье. Она всем телом опиралась на жесткий подлокотник. Глаза были полузакрыты; руки зябко прятались в меховой бочонок модной муфты.

Флигель-адъютант угадывал, что музыка глубоко трогает Софи. И не хотелось ее тревожить.

— Вундеркинд и вас увлек,— сделал он наконец попытку вызвать ее на разговор.

Софи оживилась.

— Я не знаток... Но я душою чувствую, когда по-настоящему. Поглядите, какие у него недетские, творящие глаза!

Адашев привык считать, что такие дети слишком часто не оправдывают возлагаемых на них надежд. Он скептически заметил:

— Надо раньше самому много пережить и выстрадать.

— Что это: подновленный байронизм?..— спросила вдруг Софи с молодым задором.

Адашев даже смутился слегка:

— Я... просто по-человечески.

Обычное желание порисоваться сливалось в нем сейчас с непонятным порывом к откровенности.

Софи внезапно повернулась к Адашеву с какой-то внутренней верой в серьезность и задушевность всего, что он скажет.

— Каждому положено вынашивать в себе свою частицу мировой скорби,— сам не зная почему, вздохнул Адашев.— Разве можно иначе постигать такие вещи, как музыка, любовь...

Софи задумалась; пальцы в глубине муфты комкали носовой платок.

---

[1] Культурные рефлексы русского нигилистического народного духа обнаруживаются главным образом в музыке... (*нем.*)

[2] Острое словцо (*фр.*).

— Говорят, будто любовь, наоборот,— кусочек Божественной радости: la joie divine de vivre[1],— пояснила она, затрудняясь найти подходящее русское выражение; в нерешительных интонациях сквозила непривычка делиться с кем-нибудь затаенными чувствами и мыслями.

«Это, конечно, из какого-нибудь романа»,— догадался Адашев, пытливо следивший за ней.

— Скажите, а по-вашему,— невольно вырвалось у него,— что такое настоящая любовь?

— Настоящая любовь?..— В зрачках Софи сверкнули огоньки.— На мой взгляд, это — жертва.

И она сразу отвела глаза, смутившись почему-то.

— Вот вы какая,— проговорил вполголоса Адашев, еще пытливее вглядываясь в неподвижные иконописные дуги ее бровей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Миша умолк. Увидев взрослых, мальчик весь съежился, робко озираясь, как отнятый от самки звереныш.

Посол не поскупился на похвалы.

— Il fait songer au petit Mozart[2],— он ласково потрепал кудрявую головку и нагнулся к тете Ольге: — Cette maison, madame, lui remplacera la cour de Vienne[3].

Тетя Ольга решила использовать настроение гостя. Престарелый министр двора, от которого зависели жалуемые свыше стипендии, мало смыслил сам в искусстве и был завален просьбами. Но этот вельможа был прибалтийским бароном. Как большинство из них, он принципиально благоговел перед германской культурой, музыкой и вообще всем немецким. Ссылка на австрийского посла в его глазах куда авторитетней, чем отзыв любого русского.

— Comptez sur moi[4],— обещал посол, прекрасно понимая, как важно иногда оказать пустяшную услугу старой даме.

---

[1] Божественная радость существования (*фр.*).

[2] Он воскрешает образ Моцарта-ребенка (*фр.*).

[3] Ваш дом ему заменит императорский дворец Вены (*фр.*).

[4] Рассчитывайте на меня (*фр.*).

Австриец с чувством национальной гордости вспомнил великих пришельцев: Баха, Бетховена, Шумана, Листа... Он тонко улыбнулся тете Ольге:

— Il est de tradition que Vienne traite en fils adoptif un jeune pianiste de talent. Qu'en dites-vous?[1] — обратился посол к Сашку.

Острослов только этого и ждал. В ответ он запел уморительным фальцетом:

Es giebt die Kaiserstadt,
Das alte Wien.
Es giebt ein Raubernest,
Das heisst Berlin...[2]

Дипломат скользнул по нему озадаченным взглядом. Эту песенку когда-то в дни его молодости распевали в Австрии после разгрома под Садовой. Но теперь, будучи послом, услышать ее от русского показалось слишком странным совпадением. Не пронюхал ли вездесущий Сашок чего-нибудь о политическом секрете, которого они коснулись только что с хозяйкой дома?

Софи осталась безучастно в зимнем садике, недовольная собой за свою непонятную внезапную доверчивость к постороннему, случайному человеку.

Посол подошел к ней с приветливой старомодной учтивостью.

— Vous semblez toute pensive aujourd'hui[3].

Лучистые глаза Софи поднялись точно нехотя. И вдруг в них заиграли шаловливые искорки. Звонко рассмеявшись, она показала на большое простеночное зеркало. Там через открытую дверь отражалась внутренность соседней боковой гостиной. В углу ее видна была фигура скучающего в одиночестве Феликса. Он стоял перед другим зеркалом и самовлюбленно охорашивался с двусмысленной леонардовской улыбкой.

---

[1] Призревать молодых талантливых пианистов — старый завет Вены. Что вы на это скажете? (*фр.*)

[2] Я знаю Вену, стольный град
Над царством двуединым,
И знаю воровской посад,
Его зовут Берлином... (*нем.*)

[3] Вы что-то задумчивы сегодня (*фр.*).

— Admirez votre candidat a la Chambre des Lords[1],— тетя Ольга рассердилась почему-то главным образом на Сашка.— Вместо Кембриджа тебя бы прямо в полк, солдатом...— принялась она отчитывать подростка.— Да к такому командиру, как наш Сережа!

Сашок сообразил, что выгодно, пожалуй, заступиться за Феликса. Родители его обожают, а сами принимают и сыплют деньгами, как владетельные магараджи. Острослову захотелось вместе с тем тонко отомстить статс-даме за повторный выговор. Он грудью заслонил от нее подростка и взмолился с ужимкой:

— Нет, нет, не сбивайте нашего prince charmant. Souvenons nous du vieil adage: «belli gerant allii, tu Felix juvenis, nube»[2].

Дипломат рассмеялся, сразу оценив тройное значение каламбура.

— Ein gelungener Kerl, dieser Saschok...[3]

Обезоруженная тетя Ольга только пальцем погрозила Сашку.

Все подошли прощаться.

Другая хозяйка в возрасте графини Броницыной поспешила бы, вероятно, отпустить гостей и распорядиться на сегодня больше не принимать. Естественно передохнуть от посторонних. Особенно когда еще — обед в гостях и ложа «на французов». Но долгий навык вырабатывает в светской женщине такую же профессиональную выносливость, с какой вокзальный грузчик ворочает тюки и чемоданы.

— Encore quelques instants[4],— тетя Ольга удержала Адашева, чтобы с ним остаться с глазу на глаз.

Политические начинания честолюбивого австрийца смутили статс-даму. Его затея чревата, пожалуй, множеством непредвиденных последствий. С годами в глубину ее души закрадывалось порой необъяснимое беспокойство. Чудилось, что Россия чем-то больна, что творческий дух, вдохновлявший Петра, сподвижников Екатерины и поколение

---

[1] Полюбуйтесь на своего кандидата в Палату лордов (*фр.*).

[2] Суженого принца. Вспомним старинное изречение: «Пусть войны ведутся другими, ты, юный счастливец, в брачные узы вступай» (*фр. и лат.*). Парафраза традиционного определения династической политики Габсбургов в XVII и XVIII веках с заменой одного слова: вместо Austria — juvenis.

[3] Смышленый малый этот Сашок... (*нем.*)

[4] Еще минутку (*фр.*).

Пушкина, отлетел от нее, а самый облик империи становится все серее, опрощается, будто обрастая небритой бородой, и... меркнет. Ей захотелось разобраться в этом странном чувстве, поговорив спокойно с царедворцем из молодых.

Придерживаясь классических традиций, тетя Ольга начала издалека:

— Quelle impression vous font en somme les deux monarques?[1]

Адашев задумался на мгновение.

— Как вам сказать... Мне вспоминается мой бывший взводный, которого я определил в придворные лакеи. При ревельском свидании ему пришлось служить у царского стола. Меня как раз с собой не брали. Ну, спрашиваю, когда двор вернулся в Петергоф, расскажи: что было? Сначала, отвечает, встают их германское величество и говорят по-своему, громко так, явственно, можно сказать, мужественно: гау... гау... Аж лают. Погодя встают государь император и в ответ тоже, значит, по-ихнему. Да ласково так, вкрадчиво, словно барышню в гостиной уговаривают.

Седая голова старухи дернулась. Лоб избороздился целым неводом морщин и складок. Взбитые кудряшки накладных волос колыхнулись и задрожали. Она закашлялась от смеха.

— Impayable, ce[2]: «аж лают!»... Quel dommage que l'ambassadeur ne soit plus la[3].

Перед ними вырос запыхавшийся дворецкий.

— Великий князь Николай Николаевич.

Хозяйка дома торопливо встала, отстраняя седовласого слугу, который было бросился помочь под локоток. Привычным движением руки она проверила — не сбилась ли предательская накладка — и с живостью не по годам поспешила к двери. Такого гостя надлежало встретить на верхней площадке лестницы.

По заведенному обычаю, Адашеву оставалось наскоро проститься и исчезнуть. Задержаться в гостиной, где неожиданно должен появиться запросто один из старших членов императорского дома, мог бы разве выскочка без вос-

[1] Какое в общем впечатление произвели на вас оба монарха? (*фр.*)

[2] Это бесподобно (*фр.*).

[3] Как жаль, что посла уже нет с нами (*фр.*).

питания. Но натолкнуться, спускаясь вниз, на входящую высокую особу было еще бестактнее. Флигель-адъютанта выручил дворецкий: через бальный зал и зимний садик можно было выбраться на лестницу другими комнатами.

Адашеву пришлось пройти мимо скамьи, где только что сидела Софи. Рядом, на песчаной дорожке, лежал ее платок.

Нарочно или нечаянно?

Но сейчас же стало стыдно от такой по-мужски циничной догадки. Он поднял помятый белый квадратик и старательно расправил... Склонился над ним, чтобы разглядеть вышитый вензель Софи. От тонкого батиста донеслись ее знакомые неуловимые духи, и сквозь парижскую косметику пахнуло будто свежестью женского тела.

Адашев схватил платок обеими руками и жадно, безотчетно, полной грудью стал вдыхать...

Вдруг оторвался: жена товарища-конногвардейца! В его ушах сурово прозвучало:

«...Пьяного собутыльника одного не бросай, а довези домой!..»

«За женой полкового товарища не ухаживай или снимай мундир!»

Так значилось в неписаном кодексе традиций, которыми из поколения в поколение гордилась конная гвардия. Вменялся он, как Символ веры, беспощадно всем. Даже — великим князьям.

Флигель-адъютант медленно провел ладонью по глазам, как пешеход, очнувшийся над самым краем ямы с негашеной известью.

Увлечение, страсть — не оправдание!

Зароились мысли. Но раз он полюбил? На роду тебе написано быть однолюбом — все пророчит ему нянюшка.

В голове шумело. Путались, переплетаясь, два голоса. Один иронизировал: «Всепобеждающая любовь хороша только в книжках с желтыми обложками!..» — «Лови счастье! — кричал второй голос.— Именно Софи тебе и суждена!»

И смутно замешивалось еще что-то третье...

Простояв растерянно в раздумье, он тяжело вздохнул: нет, нельзя! Порядочный человек всегда умеет сдержаться... А в глубине души всколыхнулась горечь: живешь, словно на ходулях; на других взираешь свысока, думать же прихо-

дится все больше об одном — как бы не оступиться. Какая нелепость!

Он поглядел опять на платок, бережно положил его на скамью и направился к выходу Уже в дверях громко усмехнулся. Представилось внезапно, как беспомощно тычутся головой о стекла аквариума царскосельские тритоны.

Тем временем по парадной лестнице успел подняться великий князь, главнокомандующий войсками Петербургского округа.

Чрезмерно рослые люди часто сутулятся, как бы испытывая инстинктивную потребность казаться меньше. Входивший гость был без малого в сажень, но держался прямо, во весь рост, и надменно закидывал ястребиную голову. Вся фигура дышала самоуверенностью, энергией и физической подвижностью. Породистое лицо, удлиненное козлиной рыжеватой бородкой, было спортивно обветрено. Короткая гусарская венгерка подчеркивала сухощавую стройность пятидесятилетнего тела.

Он шел размашистой нервной поступью, волоча по ковру саблю. Узкие чакчиры облегали тонкие, вогнутые в коленях и длинные дегенеративные ноги.

Увидев торопившуюся навстречу хозяйку дома, великий князь по-театральному приложил руку к груди.

— Статс-даме графине Броницыной мое высокопочитание,— шутливо отчеканил он торжественным речитативом, любезно оскаливая большие желтые зубы.

Тетя Ольга ответила по этикету тем коротким нырком на ходу, который делает католичка, пробираясь из церкви мимо бокового алтаря. Соль шутки гостя была ей понятна. Этими словами обычно приветствовал заслуженных сановников державный дед его Николай I.

— Проезжая по набережной, я решил на правах соседа попытать счастья,— счел долгом пояснить великий князь. (Его любимое поместье было смежным с тульской усадьбой тети Ольги).

Точно ломаясь пополам, он с расшаркиванием поцеловал ей руку. Нельзя было, казалось, отчетливее подчеркнуть: вот видите, до чего я могу быть вежлив, когда захочу.

— Крайне польщена милостивым посещением,— заверила старуха официальным придворным тоном.

Затем она отбросила ногой тяжелый хвост шуршащей юбки и выжидательно посторонилась. Это было как бы молчаливым приглашением члену императорской фамилии проследовать в двери первому.

Гость замялся, видимо, в нерешительности, как быть теперь и что сказать. В нем чувствовался недостаток светского навыка, столь присущего большинству великих князей старого поколения. Хозяйка дома невольно вспомнила его разгульную юность, морганатическую женитьбу на купчихе, долгое затем сожительство с драматической актрисой... Всему этому положила конец его неожиданная женитьба, только несколько месяцев назад, на свояченице брата, черногорской княжне, чему предшествовал ее развод с другим его ближайшим родственником. В Петербурге шли толки, пересуды. Одни говорили, что теперь для главнокомандующего вопрос чести: подать в отставку и... стушеваться. Другие возражали: времена тревожны, революция пошла на убыль, но притаилась. В войсках нужна железная рука.

У тети Ольги было свое мерило. Николай Николаевич неизменно, годами, дружески благоволил к ее любимому племяннику, Репенину. Такому человеку можно многого не ставить в строку!

Старуха догадывалась, что почин сегодняшнего визита принадлежит, вероятно, его жене, искавшей в обществе влиятельных сторонников. Тетя Ольга мало симпатизировала честолюбивой черногорке, но сейчас она об этом не задумывалась. Ее заботило создать скорее то настроение уютности, которое полагалось ощущать каждому в ее доме.

Уловив заминку гостя, она с почтительной поспешностью спросила, разрешит ли его высочество предложить ему чашку чая.

— С наслаждением,— согласился главнокомандующий, испытывая сразу облегчение, как запнувшийся трагик, которому суфлер подал вовремя забытую тираду.

Проходя по гостиным, великий князь задержался в одной из них перед наборным подзеркальником. Его украшали парные, расписные, тонко раззолоченные урны, изделия искусных крепостных фарфорщиков броницынской вотчины прошлого века.

Гость уставился на них.

— В здешнем доме,— оскалил он зубы,— две вещи давно возбуждают мою зависть: удивительный квас и вот эти вазы.

— Квас? — воскликнула тетя Ольга.— Да это, кажется, совсем нетрудно. Мой Прохор Ильич с удовольствием покажет вашему повару...

Великий князь с досадой отмахнулся:

— Пробовал я раз послать эту дубину к вашему старику поучиться простому boeuf a la cuiller[1]. Куда ему! У того объедение, а у него — мочало. Чуть не прогнал совсем.

Подбородок гостя капризно дернулся; в голосе прозвенела крикливая нотка. Он судорожно глотнул, точно захлебнувшись, слюну.

«Великокняжеский арапник...» — пришло на память старухе ходившее по городу словечко.

Вспыльчивая ольденбургская кровь матери, принявшей постриг, бурлила в жилах Николая Николаевича. Сколько горьких жалоб приходилось слышать, что на смотрах его хлыст мелькает при солдатах иногда под самым носом провинившегося генерала!

Но тетя Ольга поглядела на гостя без укора. Его строптивость, может быть, просто признак неукротимой воли, как у Петра Великого?

На этот раз главнокомандующий сейчас же отошел; лицо расправилось снова. Непроизвольно он с причмокиванием проверил языком присос вставной челюсти.

— Вашему высочеству приглянулись эти вазы...— начала неторопливо хозяйка дома.

— Во сне их вижу иногда! — порывисто перебил великий князь.

И признался: у него — страсть! Был помещик, предложивший будто родовую вотчину в промен за свору борзых. Он сам — борзятник, но свое Першино готов порой отдать не за собак, а именно за русский редкостный фарфор.

Он показал на урны. Беспокойные зрачки зажглись алчным огоньком:

— Посмотрите этот цвет! Чем не пресловутый rose Dubarry?.. Ни на императорском заводе, ни у Гарднера, ни у Батенина — ничего подобного.

---

[1] Мясо, тушенное в вине, со сложной приправой (*фр.*).

Глаза тети Ольги засмеялись.

— Я и не знала...— сказала она без рисовки.— Ваше высочество окажет честь старухе, приняв на память эти вазы.

Старуха привыкла делать подарки с бессознательным размахом большой барыни, у которой все, что нужно, всегда было, есть и, вероятно, будет.

Великий князь схватил ее руку:

— Пешкеш!..[1] Какой незабвенный день!.. Я, право...

Он выкидывал эти обрывки фраз в безудержном восторге, волнуясь и захлебываясь.

Статс-даме стало даже неловко.

— Прикажите, чем отслужить, et je me mets en quatre[2],— расшаркался великий князь.

Тетя Ольга задумалась на мгновение. Мелькнула было перед ней кудрявая головка Миши. Но затем вспомнилось кислое лицо министра двора, уронившего недавно в разговоре: «Quelle calamite ces полунищие черногоры. De vrais попрошайки!»[3]

Трехаршинная фигура опустилась наконец в кресло и стала неподвижна. Старуха почувствовала себя спокойней. Голове будто полегчало.

Хозяйский глаз окинул серебряный самоварчик, пышные бахромки камчатных гербовых салфеток, старые китайские тарелочки с «маленькими радостями», изготовленными домашним кондитером. Все это появилось мигом, бесшумно, незаметно, как полагается в доме, где двадцать пять человек опытной, вышколенной прислуги.

— Я только из жадности...— нацелился гость на теплые бублики, аппетитно выглядывавшие из-под сложенной салфетки, и удивился: — А сами ничего?

Хозяйка делала отрицательный знак дворецкому, бережно наливавшему ей чашку чая.

— Голова что-то кружится,— извинилась она, морщась от мигрени.

Заботливый слуга поспешил подать ей золотой флакончик английских солей.

— Нездоровится? — участливо спросил великий князь.

---

[1] Подарок!.. (*груз.*) По кавказской традиции, похваленную гостем вещь принято дарить ему.

[2] И я распластаюсь (*фр.*).

[3] Экая напасть эти полунищие черногоры. Настоящие попрошайки! (*фр.*)

— Годы! — слабо улыбнулась старуха.

— Пустяки! Попробуйте-ка аметистовую воду.

Тетя Ольга вопросительно прищурилась.

Великий князь ощупал карманы. Извлек футляр с очками и бумажник. Молча раскрыл. Пальцы заискали чего-то.

Сейчас, в глубоком кресле, с роговыми стариковскими очками на носу, фигура гостя неожиданно получила новый облик. Чтобы лучше разглядеть какую-то бумажку, он пододвинулся под самый абажур стоявшей рядом лампы. Резкий электрический свет засеребрил предательскую проседь в белокурых вьющихся волосах. На лице кое-где зарябили борозды морщин. Причмокнула опять вставная челюсть...

Что-то екнуло в груди статс-дамы. «Единственная надежда династии! — ужаснула ее мысль.— Да ведь еще каких-нибудь пять-семь лет, и это конченый человек!»

Прислуга становилась лишней. Тетя Ольга глазами дала понять, чтобы дворецкий и два помогавших ему лакея исчезли.

Великий князь разобрался наконец в бумажках и приступил к пояснениям:

— Возьмите обыкновенный уральский аметист, но без всякого изъяна. В полночь перед новолунием опустите его в сосуд с чистой ключевой водой. Накройтесь белым полотном, скрестите руки и прошепчите трижды — вот это...

Гость протянул бумажку. На ней латинской прописью чернело непонятное, семитическое по созвучиям заклинание.

— Потрясающее средство,— убежденно сказал великий князь.— Вы помните, конечно, мнимую беременность императрицы? Так вот, именно мне передал его выписанный к ней тогда француз Филипп.

Беседа перекинулась сейчас же на тревожное здоровье государыни.

Статс-дама с глазу на глаз решила высказаться откровенно: ее беспокоит неопределенность диагноза вот уже который месяц; русские врачи, видимо, теряются; поговаривают даже о необходимости проконсультировать у всемирно знаменитого берлинского профессора.

Гость слушал с видимым сочувствием. Но внезапно его капризный подбородок передернуло.

— Опять, конечно, немец! — бросил он с резким раздражением, судорожно глотая набежавшую слюну.

«Влияние черногорки,— мысленно отметила себе статс-дама.— Прежде этого в нем что-то не было».

— Императрице всероссийской пора стать русской,— уже спокойнее, но жестко и решительно заговорил великий князь.— Немецкая кровь, английское воспитание — гандикап, казалось бы, достаточный. Так нет! Только заболела: врачей ли, оккультистов... все ищут за границей.

Гость снял очки и выпрямился в кресле. Ястребиная голова уверенно закинулась. Перед хозяйкой дома снова сидел молодцеватый, энергичный спортсмен.

«Он, слава Богу, еще орел!» — внутренне обрадовалась старуха.

— Причина недугов ее величества,— следовало дальше,— не тело, а больной астрал. У нас же на Руси издревле — чудесные целители среди простонародья. Вот кто вылечит царицу!

Тетя Ольга мало доверяла деревенскому знахарству.

— Из простонародья? — усомнилась она вслух.

— Не верите?.. На собственных моих глазах покойному Сипягину заговорил зубную боль простой асташевский лесник.

Статс-дама закивала головой с вежливым притворством.

— Привели мне недавно такого же таежника,— продолжался рассказ.— По наружности мужик мужиком. Говорят, бывший конокрад. А замечательный самородок! Я от него в восторге...

Внимание тети Ольги притуплялось. Последние фразы гостя показались ей лишь отголоском модного когда-то поветрия. В памяти всколыхнулись отрывочные образы: хождение в народ кающихся дворян... кучерской кафтан покойного государя... отвратительный петушковый стиль... лапти Толстого...

А великий князь все говорил:

— Мужика, как мой, полезно показать в Царском. Пусть присмотрятся поближе, что такое простой серый русский человек. Этот не революционер, я за него ручаюсь. Да вот беда: имя, вероятно, не понравится, особенно ей, avec sa pruderie farouche[1].

[1] С ее сугубым целомудрием (*фр.*).

— Ухо скоро привыкает ко всяким именам,— машинально уронила утомленная тетя Ольга.

— Нет,— отрубил великий князь,— эта фамилия или кличка, по правде, и меня смущает.

В отяжелевшей голове старухи сквозь мигрень проскользнуло: как может что-нибудь вообще смутить такого великана?

Она обмерила усталым взглядом самоуверенную фигуру гостя и спросила рассеянно:

— Да как же его зовут?

— Представьте,— лошадиные зубы оскалились,— Распутин!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Софи торопилась. Приглашенным в ложу министра двора опаздывать считалось безусловно неприличным.

В карете она прежде всего взглянула на часы кожаного прибора и потушила электричество со вздохом облегчения: до начала представления оставалось ровно двадцать минут. По пути в театр можно передохнуть наконец от утомительной сутолоки и спокойно, в одиночестве, ничем не развлекаясь, разобраться в мыслях.

Она запахнулась в теплую лисью ротонду и стала перебирать впечатления дня.

Началось с самого утра. Две неожиданности — одна за другой. Едва проснулась — звонил отец, срочно вызванный из деревни по каким-то делам. Вслед за этим настоял быть принятым управляющий, Евсей Акимыч. Оказалось — только что вернулся из Вержболова, и с письмом от мужа.

Она почувствовала внутренний укор. За эти три недели в Петербурге ее успел захлестнуть водоворот наступавшего зимнего сезона. Светские обязанности и развлечения заслонили все важные житейские обстоятельства, даже предстоящий переезд целым домом в пограничное захолустье, где теперь муж. Смутившись, она поспешила вскрыть конверт.

Сережа писал всего несколько строк... Здоров, все благополучно. Кругом всюду — отличная охота по перу. Удалось выгодно купить в окрестности имение. Есть усадьба. Подробности передаст Евсей Акимыч.

«Почему так коротко и сухо? — царапнула мысль.— Ни настояний торопиться, ни жалоб, что соскучился... Отвык? Забыл?» Но тут же вспомнилось расстроенное лицо уезжавшего мужа, его влюбленные глаза... Даже улыбнулась, успокоенная: невозможно!

«Нарочно, может быть? Хитрит?..»

Нет, Сережа весь как на ладони... Просто он всегда таков. Скучнейшие нравоучительные прописи или молчит. И тогда уже ласкового слова из него не выдавить.

Евсей Акимыч напомнил о своем присутствии глухим покашливанием.

Она удивилась:

— Еще имение? Сейчас, когда кругом только и слышно: все продают свои земли в какой-то банк для крестьян?

Управляющий упрямо мотнул бородой:

— А мы вот, наоборот, к своим прикупаем-с...

Прервавшись, он издал носом странный звук, точно хрюкнул боров, нашедший желудь.

— Да-с, ваше сиятельство, верим в землицу и только в нее-с.

Она старалась не глядеть на собеседника. Его неопрятная поседевшая грива, вечно потное, лоснящееся лицо и грубое, точно топором вытесанное туловище вызывали брезгливую дрожь. Он напоминал ноготь на мужской ноге.

Голос управляющего принял наставительный оттенок:

— Еще покойный граф зарок с нас твердо брали...

По этому вступлению можно было догадаться, что он скажет дальше. Свекор перед смертью завещал не продавать ни десятины родовых поместий. Дал он сыну и другой завет: поручить всецело управление громадным родовым имуществом бывшему кокоревскому артельщику Евсею Акимычу. Заниматься самому своей частной собственностью офицеру не разрешалось воинским уставом. А финансисты, деловые адвокаты и прочие разновидности стяжательной интеллигенции не внушали старозаветному мизантропу никакого доверия...

Захотелось не слышать всего этого лишний раз. Она перебила управляющего вопросом:

— Какова усадьба в купленном имении?

— Хозяйство — образцовое,— похвалил Евсей Акимыч и с раздражающим многословием заговорил о племенном скоте, каких-то молотилках, парниках...

Она прервала опять:

— Что там за дом?

— Старина, можно сказать. Кирпич на совесть. Стены толщиной аршина в полтора...

Она пожелала знать подробнее.

Управляющий заверил, что все, как полагается: терраса, колонны, зал двусветный с хорами, потолки в покоях до семи аршин... Да жаль, запущено все больно.

— А обстановка сохранилась?

— Мебели порядочно-с. Горок несколько с фарфором... Приметил тоже креслица двойные, точно муж с женой ссорятся. Очень любить изволил такие граф покойный, царство ему небесное...

В кабинетике, где они сидели, на пестром ситце, покрывавшем стены, чернела небольшая семейная икона. По преданию, воевода князь Луховской, казненный Грозным, ее носил в ратных походах. Евсей Акимыч, отыскав эту икону глазами, не то зажмурился, не то прищурился и со вздохом широко перекрестился двуперстным крестом старовера.

Она, как всегда, растерялась от елейного благочестия. Не разберешь — когда это трогательная вера, когда — ханжество.

— Картин найдется десятка два, одна — громаднейшая...— возобновилось описание инвентаря.

Но она ушла в свои мысли.

Почему бы ей туда не съездить хоть на сутки самой все посмотреть? Сереже будет сюрприз.

Неодолимо захотелось вдруг, чтобы кто-нибудь пригрел, приласкал. Жизнь показалась бессмысленно пустой, нелепой.

Взгрустнула даже, до чего она беспомощна порой. Что дал ей, в сущности, Сережа?

Ее полудетские грезы одарили будущего мужа безграничным превосходством во всем и всепоглощающей любовью к ней. А в Сереже были именно грани, рубежи, и скоро, сквозь влюбленный угар, она с огорчением их заметила.

Уже при свадебной поездке за границу обнаружилось, что у Сережи «колокольный кругозор», за который он и не пытался совершать полетов. Музеи, концерты, Везувий, красота Неаполитанского залива... оставили его равнодушным. О гробницах Медичи, балконе Джульетты, Авиньоне... он просто никогда ничего не слыхал. Она просила как-то

почитать ей вслух из «Фауста». Перелистывая томик, он с удивлением ужаснулся: «Да ведь это, матушка моя, в стихах».

Погрустила, но простила.

Затем весной отъезд мужа неожиданно показал, что есть у него и другой рубеж — душевный, целый отсек, куда любви нет доступа... Сережа разом померк в ее глазах. Воплотившийся в нем идеал рухнул, и примириться с этим было всего труднее.

Но тут же пришло на память и другое, мелочь...

Прошлой зимой они проводили десять дней на Ривьере. Однажды муж пришел ее будить, веселый и довольный. Друзья его уговорили участвовать в международном состязании на голубиных садках. Как отличный стрелок, он был уверен, что с честью постоит за себя. Но ей тотчас же представилась вся жестокость этой мужской забавы: беспомощные птицы, выпущенные из коробок под расстрел... судороги окровавленных подранков... Она схватила мужа за руку:

— Какой ужас! Не делай этого, Сережа, если меня любишь.

Поняв сейчас же по его изменившемуся лицу, какая в нем борьба, она решила взять свои слова обратно.

Неожиданно в ответ он поцеловал ее. В его ясных немигающих глазах пробежало облако.

— Прости меня. Я чуть не согрешил, забыл про голубя над царскими вратами...

«Нет, нет,— быстро забилось сердце,— Сережа даже такой, как есть, ей не чужой, а свой...» И страстно захотелось проверить, не забыл ли он ее любовь и ласку?

На мгновение в глазах закружилось от нахлынувшей мучительно приятной, обжигающей все тело чувственности. Все стало сразу легко и просто. Есть незримый узел, связавший их две жизни навсегда! Неясным оставалось только, как быть, чтобы этот узел на беду не порвался.

Она сделала попытку напряженно сосредоточить мысли. Но ухо раздражало непрекращающееся однообразное приговаривание Евсея Акимыча.

Прислушалась невольно. Управляющий продолжал с терпеливой сладострастной настойчивостью описывать картины на стенах деревенского дома.

— ...Опять-таки ни строгости иконописной, ни титлов уставных,— давались им сейчас подробности чего-то,— но прочее все будто по Писанию: у него, значит, посох, сама на ослице, а на руках младенец...

«Ребенок! — молнией сверкнуло в голове.— О чем я думала?.. Конечно!»

— Не прискучил ли я вам? — диким диссонансом раздалось в ушах.

Она его оборвала. Решение было принято мгновенно и бесповоротно. Она потребовала от Евсея Акимыча, чтобы все было готово к переезду послезавтра вечером.

Борода управляющего скептически покривилась.

Дом сейчас решительно необитаем. Всюду сырость, плесень; ни печей, ни плиты не растопить; водопровод давно попорчен; рамы не вставлены...

— Нет-с, прикажите повременить!

Ей стало досадно. Она уже обдумывала, какие из ее парижских платьев скорее всего понравились бы мужу. Спросила, через сколько дней все может быть исправлено.

Евсей Акимыч запротестовал:

— Помилуйте! Дайте срок, ведь на дворе зима. А какой ремонт в мороз! К весне, только стает — капитально приступим. После Святой недели, даст Бог, и справите новоселье.

— Хорошо,— уступила она поневоле,— придется, стало быть, пока как-нибудь устроиться просто в казармах у графа.

Борода перед ней замоталась отрицательно из стороны в сторону.

Но на этот раз она предотвратила возражения:

— Не отговаривайте, я все равно решила!

Евсей Акимыч задумчиво потер бородавку на шероховатом носу.

У нее сверкнула шаловливая мысль:

— Знаете что... Графу о моем приезде — ни слова. Я хочу, чтобы мы ему... как это говорится... снегом на голову.

Ей показалось, что управляющий опешил от этих слов. Его барсучьи глазки скосились, отражая что-то вроде испуганного замешательства. Но через секунду он расплылся в елейную улыбку.

— По деревне изволили затосковать,— посыпалось скороговоркой,— к землице потянуло-с... Вот порадовался бы граф покойный! — Бывший кокоревский артельщик почти-

тельно вздохнул: — Мудрый был вельможа. Говорит мне, бывало: безземельный дворянин, Акимыч, что еврей без мозгов либо дьякон, потерявший голос...

Управляющий торопливо перешел затем к бумагам, принесенным, как всегда, на подпись.

У нее, по наследству от матери, был дом в Москве да небольшое имение где-то в костромских лесах. Обыкновенно Евсей Акимыч едва скрывал свое пренебрежение к столь незначительному личному ее имуществу. Нашего, репенинского, погуще будет — так и сквозило в его тоне.

На этот раз он стал старательно вдаваться во всякие подробности, что-то предлагал... И полчаса подряд без умолку говорил да говорил, а глазами все искал что-то на столе. Наконец придвинул к ней найденный телеграфный блокнот и, будто мимоходом, посоветовал просительно:

— Вы бы все-таки черкнули что Сергею Андреевичу. Оно, пожалуй, лучше...

Тогда она была отвлечена другими мыслями. Сейчас, в карете, под жалобное пение колес на мерзлом снегу, все это показалось ей довольно странным. Но думать надоело. Она зевнула, кутаясь плотнее в мех, и начала впадать в приятное полузабытье...

Карету качнуло слегка. Пение колес разом прекратилось.

Софи опомнилась и опустила заиндевевшее стекло. В лицо пахнуло морозным воздухом. Было безветренно, но холодно. Мутноватую мглу зимней ночи прорезали высоко над улицей редкие сияния дуговых фонарей. Справа серели запорошенные силуэты кустов и деревьев Исаакиевского сквера. За ними тусклым тяжелым пятном расплывались леса на безобразном здании строящегося германского посольства.

На углу Морской карете перерезал дорогу вытянувшийся наискось по площади обоз низких деревенских дровней. Околоточный и городовой спешно сворачивали его куда-то в сторону.

Софи зажгла электричество. На часах было без семи минут восемь.

Она застучала в переднее стекло кареты:

— Мы опоздаем!

С козел проворно спрыгнул выездной. Огромная рука в белой вязаной перчатке вопросительно приподняла цилиндр, украшенный широким позументом.

Поняв, что барыня позвала зря, он молча поклонился и вскочил скорей обратно на козлы.

— Берегись... Эй! — послышалось сзади.

Мимо кареты промахнули полным ходом сани в одиночку. В них были тучный господин и дама в соболях и кружевном капоре. На взмыленном рысаке колыхалась роскошная зеленая шелковая сетка с кистями; в оглобли были вделаны электрические лампочки.

Проскочить в просвет между дровнями обоза лихачу не удалось. Одиночка врезалась с налета в одни из них. Раздались треск и крики. Сани опрокинулись. Сброшенная в снег дама взвизгнула. Мужчина запутался в полости. Его ударило о панель, затем подмяло и потащило.

— Куда! Куда! — исступленно зарычал кучер Софи.— Жж!.. Ззз! — едва сдержался он из уважения к барыне от крепкого словца.

Задок опрокинувшихся саней, соскользнув на раскате, чуть не подсек одного из норовисто захрапевших жеребцов репенинской пары.

Тучный господин зашевелился и громко охнул.

Софи помертвела. Наклонилась, чтобы постучать в стекло, но вдруг ее резко тряхнуло. Карета дернулась вперед и стала круто поворачивать.

— Посторонись-ка...— снова загудел репенинский кучер, делая попытку выбраться из затора и суматохи.

Еще толчок слабее, заминка... и карета, выправившись, мягко закачалась на рессорах. Застоявшаяся пара без сбоя машисто растянулась в резвом беге вдоль Морской.

Софи прежде всего схватилась за длинное зеркальце каретного прибора: не покривился ли высокий бриллиантовый бант в прическе, над которой парикмахер только что провозился целых три четверти часа?

Нет, кажется, благополучно...

И сейчас же перед глазами промелькнула вновь вся картина уличного происшествия.

«Бросила беднягу среди улицы в снегу...» — заскребло на совести.

Ей захотелось остановить карету. Но стрелка на циферблате ползла неумолимо: оставалось всего четыре минуты.

«Как же быть?» — растерялась Софи. Опоздай она, станут ли вникать — почему? Попросту сочтут за дерзость... И она представила себе, с каким лицом ждет ее сейчас в министерской ложе тетя Ольга.

Мгновение спустя ее бросило в краску. Тетя Ольга или Сережа без всяких колебаний приказали бы, конечно, карете повернуть обратно. Она взволнованно выглянула еще раз, опустив стекло: далеко ли отъехали? Перед ней, как засахаренный леденец, сверкала на морозе кирпичная реформатская кирха.

Возвращаться назад, когда почти приехали, показалось безрассудным.

Не смея больше смотреть на часы, она поскорей потушила электричество.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Театральную площадь в тот вечер охранял усиленный наряд полиции. По прилегающим улицам и Поцелуеву мосту мрачно прогуливались взад и вперед таинственные пешеходы; на всех были одинаковые теплые пальто с поднятыми воротниками и высокие зимние галоши.

Перед главным входом в Мариинский театр конные городовые немедленно отгоняли в сторону освободившихся извозчиков. Внутри, на верхней площадке бокового, царского подъезда, молча переминался с ноги на ногу усыпанный звездами градоначальник. Рядом с ним, взволнованный и напряженный, стоял невзрачный директор императорских театров в придворном фраке при одном старшем ордене.

С минуты на минуту ждали государя...

Столыпину удалось на последнем докладе склонить самодержца хоть раз показаться по-прежнему на люди. Общество было еще подавлено трехлетним беспросветным злополучием. Поражение в японской войне, политические убийства, запылавшие помещичьи усадьбы, расстрелы, вооруженные восстания, казни слились для обывателя в один кровавый длительный кошмар. С высоты престола необходимо было подтвердить, что всякая опасность миновала и наступает пора благоденствия.

Государь сперва колебался. Общественные настроения его мало трогали. Не хотелось ни отказать Столыпину, ни согласиться. Как всегда в подобных случаях, царь поспешил посоветоваться с другим сановником, в надежде, что второй отговорит последовать совету первого.

Против ожидания далекий от политики министр двора поддержал настояния временщика. Придумал даже, как проще всего отбыть царю не улыбавшуюся ему монаршую повинность. Одна из заслуженных артисток императорской оперы покидала сцену, и был назначен ее прощальный бенефис. Случай казался подходящим для неожиданного появления государя без всякой официальности среди отвыкших его видеть петербуржцев.

Софи приехала в обрез.

Вслед за ее каретой к отдельному директорскому входу подкатили еще только два автомобиля. Из первого выпорхнула в облаке горностаев, кружев, жемчугов и серебряных блесток ее подруга и светская соперница, рано овдовевшая Тата Дорнау. Навстречу второй машине подобострастно метнулись ожидавшие на улице местный полицмейстер и какой-то другой чиновник в мундире.

Опаздывать вдвоем всегда приятнее. Молоденькая вдова обрадовалась при виде Софи и защебетала шаловливо:

— Let us hurry up to see the fun...[1]

Но осеклась на полуслове.

С улицы сквозь двойные, обитые войлоком стеклянные двери ворвалась резкая струя холода. В вестибюль неторопливо входил чернобородый мужчина. Низко нахлобученная шапка и штатская шинель с меховыми лацканами придавали ему облик допетровского боярина.

Тата, наклонив к подруге ангелоподобную головку, только успела шепнуть:

— Voici le satrape[2].

Софи подняла глаза. В трех шагах от нее стоял председатель Совета министров Столыпин. Придворный, красный с золотом, швейцар отряхивал его заиндевевшие бобровые лацканы.

---

[1] Поспешим наверх, к началу представления... (*англ.*)

[2] Вот и сатрап (*фр.*).

Временщик спокойно, апатично подошел и молча поздоровался, едва поклонившись в знак приветствия. Красивые черты бледного надменного лица сохраняли каменную неподвижность.

Здороваясь с ним, Софи каждый раз вся холодела на несколько секунд. Правая рука Столыпина после дуэли в юности осталась полупарализованной. Протянутые пальцы неожиданно встречали дряблую ладонь, безжизненно тяжелую и мягкую, как резиновый пузырь с водой. Это прикосновение бывало неприятно ей до жуткости.

Тата с деланной почтительностью показала веером министру, что уступает ему дорогу:

— Apres vous, Excellence[1].

В капризном жесте было легкое озорство хорошенькой женщины, которая ни в ком и ни в чем не нуждается.

Столыпин без улыбки покосился на нее и уронил с высокомерной учтивостью:

— Place aux dames[2].

— Meme pour les demi-dieux?[3] — удивилась Тата тоном мило расшалившегося ребенка.

Она взяла Софи за талию.

— Eh bien, montons sans scrupules[4].

Министр даже не удостоил их взглядом и равнодушно прошел в нижнюю угловую директорскую ложу.

Наверху, у министра двора, в просторной аванложе молодых женщин нетерпеливо ждали. Остальные приглашенные были в сборе. Они окружали тщедушную старушку, прикрывавшую костлявые плечи парадной кружевной накидкой, отороченной мехом.

— Excusez nous, baronne[5],— залепетала Тата.

— Vous etes incorrigibles[6],— укоризненно погрозила им престарелая баронесса и заволновалась: — Il est grand temps de prendre place[7].

---

[1] После вас, ваше превосходительство (*фр.*).

[2] Почет дамам (*фр.*).

[3] Даже у полубогов? (*фр.*)

[4] Ну, значит, смело вперед (*фр.*).

[5] Извините нас, баронесса (*фр.*).

[6] Вы неисправимы (*фр.*).

[7] Давно пора занять места (*фр.*).

Мест впереди было много. Все шесть дам свободно разместились рядом в громоздких золоченых креслах. Для мужчин седые капельдинеры подкатили особые стулья на высоких подставках.

Баронесса любезно перегнулась к рослому военному, затянутому в иностранный синий с серебром мундир:

— A ma gauche, general, on y voit mieux[1].

— Et pour son Excellence le baron?[2] — заскрипели тяжеловесные берлинские интонации: иностранец был тем свитским генералом германской службы, который по традиции состоял при особе русского царя.

Старушка его успокоила: муж предпочитает кресло в партере, а в ложу зван еще только один Адашев, сопровождающий государя.

Софи как-то не ожидала видеть Адашева здесь сегодня. Она невольно улыбнулась при мысли о приятном собеседнике.

Принесли бинокли. Все с любопытством стали разглядывать публику.

Обширный зрительный зал был переполнен. Пятна фраков и мундиров оттеняли переливающуюся радугу нарядных женских туалетов. Театр гудел и радостно жужжал, как улей, согретый после долгой стужи весенними лучами.

Музыканты давно были по местам. Оркестр сдержанно, под сурдинку, настраивал инструменты. На возвышении, вплотную к суфлерской будке, томился худощавый хмурый капельмейстер-чех. Он сидел вполоборота на стуле; правая рука в белой перчатке держала наготове палочку, упертую другим концом в открытую партитуру. Капельмейстер принужденно перекидывался словами с чернявым вихрастым евреем — первым скрипачом, канифолившим смычок. Но взгляд, сквозь очки, не отрывался от нижней императорской ложи, слева, над контрабасами. Там, под тяжелым балдахином голубого штофа, поблескивал тусклой позолотой ряд пустых кресел.

Тетя Ольга сейчас же закивала знакомым в партере.

— Quelle jolie salle ce soir![3]

---

[1] Сядьте налево от меня, генерал, с этого места лучше видно (*фр.*).

[2] А его превосходительство барон? (*фр.*)

[3] Какая нарядная зала сегодня! (*фр.*)

— Le ban et l'arriere ban de la capitale[1],— подхватила в противоположном конце ряда бойкая на язык Тата.

Начался общий разговор.

Справа, за сценой, хлопнула глухо дверь. Театральный занавес заколыхался.

— Боже, какой сквозняк! — ужаснулась зябкая хозяйка ложи, прижимая к груди спасительную накидку.

Сквозь боковую драпировку, скрывавшую соседнюю часть зрительного зала, донесся картавый говорок:

— Поберегите себя, дорогая баронесса!

Старушка с любопытством раздвинула тяжелые шелковые складки и выглянула. Из первой ложи рядом посыпались усиленные поклоны и улыбки; в ней сидели, жизнерадостно сияя, две расплывшиеся красавицы семитического типа в умопомрачительных бриллиантах. С ними были мужья-банкиры и плотоядно оскаленный Соковников.

Задергивая щель драпировки, баронесса тщательно проверила, чтобы оттуда не дуло, и пожаловалась:

— Cette haute finance est d'une ostention![2]

— Plus de bijoux que d'education[3],— поморщилась сидевшая рядом тетя Ольга.

— Aussi, quel etalage,— опять игриво вмешалась издали Тата.— On dirait une devanture face au Casino a Monte-Carlo[4].

Сашок выискивал кого-то по ложам бельэтажа. Он опустил бинокль и козырнул мгновенно:

— Bien vite acquis ne se cache jamais[5]

— Язычок! — покачал головой его сосед, плешивый генерал в черкеске.

Хорошенькая Тата закрылась веером и рассмеялась.

Сидевший сзади важный и декоративный князь Жюль следил за ней влюбленными глазами. Не разобравши, что и почему, он только сановито расправил баки с глубокомысленным: «М-хм!».

— Вот рамолик! — подмигнула генералу из переднего кресла одутловатая княгиня Lison.

---

[1] Вся знать и полузнать столицы (*фр.*).

[2] Все эти денежные тузы невероятные нахалы! (*фр.*)

[3] Больше драгоценных камней, чем воспитания (*фр.*).

[4] Разрядились напоказ. Точно ювелирная лавка перед казино в Монте-Карло (*фр.*).

[5] Быстро нажитое добро от глаз не прячется (*фр.*).

Внезапно капельмейстер выпрямился на стуле, предостерегающе постучал о пюпитр и быстрым взглядом исподлобья окинул музыкантов. Палочка его выжидательно поднялась.

Шум в зале смолк. Все глаза напряженно впились в глубину слабо освещенной императорской ложи.

Сначала на фоне голубого штофа обозначилась силуэтом худенькая моложавая фигура вдовствующей императрицы. Затем показался профиль государя.

Зазвучали тотчас же начальные аккорды оперы.

Подле царя замелькали светлые женские туалеты и мундиры старших членов царствующего дома. Наверху, в другой ложе, рассаживались холостые великие князья. Оба яруса заполнились. В нижнем на несколько секунд произошла задержка: кому куда сесть.

— Гимн! — точно случайно сорвалось вдруг с райка сиплым пропитым басом.

— Гимн! Гимн!..— раздалось с разных сторон, все увереннее и настойчивее перекидываясь по театру.

Часть мужчин в креслах — главным образом офицеры — вскочила с мест, чтобы выбраться в проходы.

Шум и крики все усиливались. Музыки уже никто не слушал. Мария Федоровна, еще не успевшая присесть, приветливо оглянула зал и сказала что-то сыну. Государь нерешительно провел рукой по бороде. После краткой заминки он вышел точно нехотя вперед.

Оркестр приостановился. Весь театр встал. Крики смолкли.

Тетя Ольга осанисто выпрямилась и даже сбросила накидку, мужественно обнажая морщинистую старческую шею. Рыхлая княгиня Lison тоже сделала попытку официально подтянуться; но встав, она украдкой навалилась всем телом на мягкий подлокотник соседнего кресла.

Музыканты шумно поднялись на ноги. Заколыхались громоздкие медные трубы; виолончелисты торопливо заискали упора для инструментов; арфисты неестественно склонились над струнами.

Взвился занавес. На авансцене была выстроена живописной толпой вся участвовавшая в представлении труппа. Сказочные древнерусские одеяния мешались с балетными пачками. По бокам чернели фраки режиссеров и прочего начальства.

Палочка капельмейстера опустилась. Стоголосый хор, поддержанный оркестром, торжественно и полнозвучно грянул «Боже, царя храни»

Государь стоял в своем привычном преображенском сюртуке, скрестив пальцы опущенных рук. Левый локоть, просунутый под эфес шашки, упирался в плечевую портупею, плотно прижимая к телу мягкую фуражку. На губах блуждала всегдашняя кроткая застенчивая улыбка.

Помимо воли знакомые созвучия гимна трогали его и волновали. Эти шестнадцать музыкальных тактов, заимствованные Львовым из безвестного голландского хорала, как бы являли ему все величие российского престола.

За тринадцать лет царствования государь привык считать Россию чем-то вроде семейной вотчины. Но сейчас, как это за последнее время случалось с ним все чаще, всплывало смутное сознание, что сущности своей державы он, пожалуй, еще не разгадал.

Российская империя или просто — Русь?..

Он чувствовал тут коренное различие, а уловить — какое именно, был бессилен. Мерещилось что-то сумбурное, многоликое.

Государь напряженно сосредоточился на мысли:

«Император всероссийский?..»

Ему представилась бронзовая конная фигура среди площади перед Государственным советом. Прадед, крутой нравом Николай I, горделиво, в каске и латах, гарцевал на стриженом, как рекрут, парадере. Вся его осанка отражала убеждение в собственной правоте и решимость блюсти введенный у себя казарменный порядок.

«А русский царь?..»

Перед монархом сейчас же встала другая картина: Лиговка... вокзал... и восьмипудовая туша державного батюшки в поддевке и шапке на разжиревшем битюге; рука его, ломавшая подковы, как несокрушимый тормоз, осаживала упрямое животное на самом краю какой-то трясины.

Государь невольно растерялся: после них быть всадником ему как будто не по размаху!..

— «...Сильный, державный...» — празднично звучали льстивые слова Жуковского.

А самому не верилось!.. Нет, не найти ему в себе той искорки, которой обладали венценосцы-предки! Зачем себя обманывать? Недаром давно уже гнетет предчувствие. Он

это ощутил еще на коронации, в Москве, когда его разгоряченный лоб ожгло холодное прикосновение тяжелой императорской короны...

В груди монарха защемило. Была секунда, когда хотелось сжать руками голову и громко заголосить, чтобы отогнать внезапно набежавший суеверный ужас.

Но безоблачная улыбка, как железное забрало рыцарского шлема, не выдала, не шелохнулась.

Мажорные аккорды гимна нарастали все торжественней.

— «...Царствуй на страх врагам!..»— загремел могучий бас Шаляпина, прорываясь на мгновение сквозь все остальные звуки.

Государь встрепенулся. Слова задели его за живое. Пришло на память предостережение дяди-главнокомандующего в недавнем откровенном разговоре: «Надежен как верноподданный только простой народ, мужик; интеллигенция крамольна поголовно».

Самодержца охватило жуткое чувство: здесь кругом, значит — все враги!.. Поясница напряглась, пальцы сцепились туже. Он обвел глазами ярко освещенный зал с каким-то безнадежным вызовом: еще поборемся!

— Il est superbe ce soir[1],— обрадовалась тетя Ольга, следившая за выражением его лица.

— On voit qu'il n'a pas froid aux yeux. Et quelle allure[2],— согласились остальные.

А взгляд государя задержался на штофной с позолотой ложе прямо по другую сторону оркестра. Его внимание привлек Столыпин.

Председатель Совета министров глядел куда-то в сторону. От его властного чернобородого лица веяло невозмутимой гордыней какого-то зазнавшегося хана Золотой Орды.

Глаза монарха едва заметно дрогнули от внутренней усмешки. Вот разважничался!.. Пристает ко мне со всякими советами и все перечит. Неужели не понимает, что я всегда с ним соглашаюсь, но делаю потом, конечно, только по-своему...

---

[1] Он великолепен сейчас (*фр.*).

[2] Видно, что не трусит. И какая осанка (*фр.*).

Раздался звенящий медью заключительный аккорд.

— Ура! — исступленно завопил с райка тот же срывающийся бас.

— Ура... а... а! — дружно подхватили сотни голосов, и крики слились в протяжный рев.

Театр снизу доверху закричал и зашумел. Казалось, женщин и мужчин, чиновников и разночинцев — всех охватил тот же стадный порыв. В ложах от избытка чувств застучали об пол стульями. Проходы партера запрудила целая толпа. Всякий хотел продвинуться поближе. У барьера вдоль оркестра скопилась сплошная стена фраков и мундиров.

Государь подошел к самому краю ложи. Застенчиво озираясь, он перегнулся и принужденно, неуверенно поклонился.

По театру загрохотал какой-то ураганный вихрь восторга.

Неизбежная при революциях взвинченность нервов постыла петербуржцу. Тянуло окунуться снова в привычные, мирные будни. Хотелось только безопасности, покоя и уверенности в грядущем дне. Правительство, способное все это обеспечить, казалось вновь приемлемым, желанным... Обнадеженный обыватель и подбадривал себя, выражая свои чувства каким-то физиологическим безудержным порывом.

Стенные бра, свисавшие над головой баронессы, задрожали и зазвенели.

Тата наклонилась к Софи, растерянной немного от этих криков.

— C'est beau, l'enthousiasme national[1].

— Parbleu[2],— сочувственно поддержал ее князь Жюль.

Сашок скептически процитировал:

— «Не верь любви народа...»

— У Пушкина: «Не дорожи любовию народной»,— поправила его Софи: — C'est une nuance[3].

— Ne laissez jamais defigurer une belle pensee[4],— послышалось сзади сдержанное восклицание незаметно вошедшего Адашева.

---

[1] Ведь красота — народный восторг (*фр.*).

[2] Еще бы (*фр.*).

[3] Это нюанс (*фр.*).

[4] Не допускайте никогда искажения прекрасной мысли (*фр.*).

Он взял ее руку и поднес к губам. Поздоровавшись со всеми, флигель-адъютант озабоченно заглянул через барьер ложи: что делается напротив, в нижнем ярусе? Члены царствующего дома оживленно разговаривали и начинали усаживаться.

Занавес успели опустить. Музыканты, расположившись снова по местам, держали инструменты наготове.

Но крики не смолкали. Наоборот — хлынула и разрасталась новая волна возбужденных, настойчивых возгласов, требующих повторения гимна.

Капельмейстер вопросительно повернулся к царской ложе. Государь после некоторого колебания утвердительно кивнул ему и поднялся.

Послышалось вторичное громыхание встающего оркестра.

Расслабленно осевшая в кресле княгиня Lison охнула:

— On recommence...[1]

— Evidemment![2] — отрезала баронесса, безропотно обнажая снова зябкие плечи.

В тоне нравоучительно сквозило: на то мы с тобой и статс-дамы, чтобы не жалеть себя в подобных случаях.

— Претерпевай до конца...— добавил Сашок, предлагая руку немощной княгине.

Все глаза устремились на государя.

Всякому в этой толпе, заполнявшей театр, император и самодержец представлялся символом, но далеко не однозначным. Стариков еще охватывал, пожалуй, безотчетный полуязыческий трепет перед высшим существом, облеченным таинственной силой наподобие древнего Перуна. Для других это был основной устой, вокруг которого поколениями слагались жизнь, принципы, традиции и жертвенные порывы. В глазах третьих монарх означал чины, пенсии, выгодные подряды, ордена, стипендии и прочие вожделенные блага. Четвертым мерещились сейчас же нагайки, цензура, жандармы и ссылки на поселение; но теперь и этим вольнодумцам темнота и зверства всколыхнувшихся низов казались все же худшим из двух зол. Были, наконец, немногие, в которых присутствие государя задевало

[1] Опять начинается... (*фр.*)

[2] Безусловно! (*фр.*)

особые струны. К числу последних принадлежал, например, Столыпин.

Министр под музыку и крики подводил итоги.

За полтора года он выполнил успешно первую из двух поставленных себе задач. Разрухе правительства положен конец. Революция захлебнулась.

Вторая задача — опереть империю на новые правовые начала — оказалась куда сложней. Любое из его начинаний сталкивается с непримиримой встречной лавиной. Общество упорствует, не терпит компромиссов, стремясь в безумном самомнении только к одному: урезать власть. А в этом именно временщик уступать не собирался никому: ни оппозиции, ни самому монарху. Ненасытное желание удержать в своих руках бразды, вырванные у растерявшегося самодержца, росло в нем с каждым днем. Это желание стало как бы патологической потребностью...

Шумное ликование театра разожгло горделивую веру Столыпина в самого себя. Да, он знает, чего хочет! И пойдет дальше без робости, без колебаний...

Но следом пришли другие, мрачные мысли.

Работы предстоит много. Понадобятся годы, а революционное подполье не даст ему срока. Прошлогодний взрыв бомбы на даче, изувечивший подростка-дочь, наглядно доказал, что подполье не дремлет. Близок, вероятно, день, когда его подстерегут. Террористы правильно ведут свою игру: в политической борьбе пощады не бывает!

Вспомнились сейчас же подведомственные ему охранка, сыщики и провокаторы. Он относился к ним с брезгливостью природного барина, севшего за карты в подозрительной компании.

Губы чуть покривило горькое недоверие. Разве такая братия убережет?..

Страха смерти он не испытывал. Вероятность быть убитым взвешивал он просто, как шахматный игрок, заранее учитывающий опасный ход противника. Омрачало другое: погибни он — все начатое строительство пойдет насмарку.

Главные его сподвижники сидели тут же, в театре. Отыскав их по очереди глазами, он презрительно отвернулся. Ни один, конечно, не способен продолжить его работы. Понимает ли хоть кто-нибудь из них, что такое матушка Россия, охваченная смутой!

Народ-богоносец... Да надо знать его, как знает он, Столыпин! Ведь русский мужик всех перехитрит: и царя, и церковь православную, и революцию...

Настроение министра стало еще мрачнее. Разбушуется незамиренная стихия, сметет престол, и что тогда?.. «Просто — le neant![1]» — вспомнился почему-то гневный выкрик главнокомандующего в случайной беседе с ним о целях революции.

«Николай Николаевич...» — мысленно ухватился Столыпин за последний проблеск надежды. У этого по крайней мере в жилах не канцелярские чернила и не холуйская кровь!

Внимание министра перенеслось на царскую ложу, где подле государя высился, как мачта, главнокомандующий. Он обвел пристальным взглядом трехаршинную фигуру в нарядной, ярко раззолоченной гусарской венгерке. Сравнил невольно с соседней, такой невзрачной и обыденной в преображенском сюртуке, с фуражкой под локтем. На душе стало как-то легче. Случись с ним что-нибудь, есть кому в роковой день спасти престол и Россию!..

Столыпин еще раз мысленно одобрил уверенную осанку и капризный подбородок великана.

Этот может справиться! Лишь бы не толкнул на войну, в погоне за фельдмаршальским жезлом...

Верноподданническая манифестация не прекращалась.

Гимн пришлось исполнить еще дважды. Оба раза следовали взрывы исступленных криков, и государь нехотя кланялся.

Капельмейстер терпеливо выдержал, пока все улеглось.

Как только все смолкли и уселись, поднятая палочка опустилась опять. Беспрепятственно и плавно полилась увертюра «Русалки» Даргомыжского.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Поднявшийся занавес перенес зрителей в иной, сказочный мир. На полотне, замыкавшем сцену, были небо, облака, деревья и осока над невидимой рекой. Из левой кулисы

[1] Обращение в небытие! (*фр.*)

торчал углом венец бревенчатой избы; рядом лежал жернов; дальше виднелся абрис водяного колеса. Справа от суфлера, на отдельном щите, зеленело изображение большого дуба.

Перед дубом была скамейка. Полсиденья на ней загромождала тучная женщина лет под сорок, наряженная молоденькой крестьянской девицей. Рядом, бочком, сидел мельник, крепкий и бодрый дед в новеньких лаптях.

Послышались переливы гобоев, и дед — Шаляпин — начал петь. Все насторожились.

Обнаружилось, что толстуха — его дочь. У нее завелся знатный дружок. Рачительный родитель убеждал девицу скорее извлечь из любовника что-либо существенное для себя и своих... Увещания, казалось, были бесполезны. Дочь отвернула голову, притворившись, что задумалась. На самом деле, пока Шаляпин пел, сопрано, пользуясь удобным случаем, исподтишка разглядывала государя.

Появился Собинов, красивый и нарядный, в богатом уборе древнерусского князя; за него именно старик и выговаривал дочери.

Стали петь втроем: то все вместе, то порознь, и всякий про свое. Девицу, видимо, одолевала томная грусть; князь отчего-то принужденно мялся; старик брюзжал и сетовал.

Их слушали все время с наслаждением. Голоса, особенно мужчин, звучали превосходно, придавая мощь и прелесть слащавой итальянщине Даргомыжского.

Закончив свой терцет, певцы удалились в отверстие кулисы, обозначавшее вход на мельницу. Как только они смолкли, по театру бурно затрещали рукоплескания; прорывались визгливые *браво, браво.*

— Quelle manque de tenue[1],— возмутилась баронесса, стоявшая всегда на страже этикета.— C'etait il me semble a leurs majestes de donner le signal des applaudissements...[2]

Артисты, взяв друг друга за руки, вышли кланяться, сперва — вполоборота — царю, затем публике.

На сцене их сменила толпа мужиков и баб. Мужчины собрались отдельно; перед ними вышел запевала. Один из

[1] Какое отсутствие воспитания (*фр.*).

[2] Следовало бы, кажется, воздержаться от аплодисментов, пока их величества не подадут первые примера... (*фр.*)

парней сделал вид, что дует в дудку. Хор затянул песню, в которую вплелись жалобные ноты одинокого гобоя.

Вслед за этим наступил черед женщин. Образовался хоровод. Гобой заменили альты и кларнеты. Девушки заколыхались по площадке между деревом и мельницей.

Хоры несколько расхолодили зрительный зал. Бинокли опустились. Стали кашлять и сморкаться.

Вернувшийся на сцену мельник точно догадался, что настроение падает. Он потребовал плясовую.

Девушки проворно разбежались и с громким пением пустились в пляс. Хлопая в ладоши, они сошлись в круг, притворяясь, что хмелеют. Завязалось что-то вроде общей возни и драки.

Но в зале начали глядеть по сторонам. Захватывающее впечатление первых минут было нарушено. Сказка развеялась. Жизнь и действительность брали опять свое. Раскрылись веера; пошли улыбки, восклицания. На голубом барьере лож появились коробки конфет.

Немецкий генерал полюбопытствовал, чего в России больше: водяных мельниц или ветряных.

— Сашок!..— позвала на помощь баронесса.

Княгиня Lison, едва успевшая преодолеть обычную послеобеденную дремоту, сказала со вздохом:

— Что за страсть у всякого родовитого барина непременно волочиться за разными дворняжками.

— Voila un genre d'homme qui me degoute profondement[1],— сочувственно отозвалась Тата, прерывая разговор с Софи.

Княгиня Lison повернулась к ним, как бы собираясь поделиться чем-то забавным. Но передумала. Ее лягушачьи глаза беспомощно заморгали. Молча, с виноватым видом, она откинулась грузным телом в кресле.

Князь Жюль на всякий случай сделал протестующий жест:

— J'ai toujours eu en horreur les[2] босоножки!

— Знаем, батюшка,— слабо отмахнулась от него княгиня.— Мой покойный тоже все уверял, бывало, а сам...

Она только еще раз вздохнула.

---

[1] Вот порода мужчин, которая глубоко меня возмущает (*фр.*).

[2] Я всегда терпеть не мог (*фр.*).

Хороводы на сцене вскоре прекратились. Из мельницы вышел князь; хор и мельник скрылись. Оставшись один, Собинов речитативом поспешил поведать, что на сердце у него кручина и не развеять тяжелых дум. Появилась мельничиха и встала поодаль, чтобы выждать молча восемь тактов. Приблизилась затем с упреком, что больше он не ласков к ней. Начинался дуэт...

— «Ах, не по-прежнему меня ты любишь»,— пела тучная сопрано.

— Так вот всегда и кончается! — заметила княгиня Lison с ноткой сентиментальности в голосе.

Князь Жюль в знак неодобрения погладил баки.

— C'est l'eternel refrain du[1] — попранное девичье сердце.

— Романтика!..— присоединился генерал в черкеске.

Но глаза княгини задумчиво и беспомощно заморгали. Ей словно вспомнилось что-то важное и срочное.

— Скажите,— озабоченно обратилась она к обоим,— от кого зависит переделать жандарма в настоящего военного полковника?

Генерал в недоумении раздул ноздри и засопел.

Князь Жюль глубокомысленно нахмурился. Затем молча указал пальцем вниз. Красноречивый жест обозначал: там, под нами, сидит единственный всесильный человек, и это — ваш племянник.

Княгиня сосредоточенно поглядела на пол: трогать Столыпина как будто страшновато, пока не разрешен вопрос о возобновлении аренды, пожалованной покойному мужу... Помолчав, она спросила несколько упавшим голосом:

— А нельзя ли без него?

Князь Жюль с убежденным видом подвигал отрицательно пальцем.

Княгиня задумчиво заерзала в кресле:

— Ну вот, как только что-нибудь понадобится, все остальные — точно одни пустышки.

Не унывая, она сосредоточила свои усилия на генерале в черкеске:

— Да вы прикиньте хорошенько, кого бы мне потормошить другого.

Но генерал с явным несочувствием мотнул головой.

---

[1] Вечный припев (*фр.*).

— Ou l'a-t-elle deniche, son gendarme?[1] — полюбопытствовала вполголоса Тата.

Князь Жюль многозначительно ухмыльнулся:

— Un nouveau карточный партнер, je parie[2]

— Ничего подобного! — огрызнулась княгиня.— Вот два свидетеля.

Ее пухлые ладони поднялись, показывая одна на Сашка, другая на Софи.

— Это просто наш общий ангел-хранитель при таможне на границе.

Софи сидела с безразличной улыбкой светской женщины, при которой говорят о вещах, ее не касающихся и потому малоинтересных.

Вержболовский жандарм!.. В памяти промелькнуло хлыщеватое лицо, пробор на затылке, угодливость, с какой он ползал по площадке вагона, подбирая рассыпавшийся жемчуг... И тут же вспомнилось, что эта нитка до сих пор не отдана в починку. Стало как-то неловко перед Сережей. До отъезда непременно надо заехать к Фаберже. Дурная, говорят, примета...

Слабости княгини Lison были слишком известны. Генерал, в свою очередь, усомнился:

— Признайтесь откровенно, ведь этот ангел, наверное, картежник?

Собеседники начинали досаждать старухе. Пошли допытываться! А как раз накануне жандарм, появившись впервые к ней просителем, проиграл ей рублей восемьсот в пикет...

Из чувства самообороны она собиралась ответить колкостью. Но неожиданно ее мысль сделала скачок. Обиженное лицо повеселело.

— Le pauvre diable! — вырвалось у нее с игривым смешком.— Il m'a appris des choses!..[3]

Князь Жюль и генерал вопросительно примолкли.

Княгиня Lison понизила голос:

— Figurez-vous qu'on vient de lui souffler sa femme et c'est une vraie beaute, il parait...[4]

---

[1] Откуда она откопала своего жандарма? (*фр.*)

[2] Бьюсь об заклад (*фр.*).

[3] Бедняга, я от него узнала такие вещи!.. (*фр.*)

[4] Представьте, у него только что сманили жену, а она, говорят, настоящая красавица... (*фр.*)

— Quelle barbe, ces confidences![1] — нетерпеливо шепнула Тата рассеянно молчавшей Софи.

А княгиня наклонилась к заинтригованным мужчинам:

— Si vous saviez seulement qui est le coupabre[2] Вот угадайте.

— Террорист?

— Местный архиерей?

— Beaucoup plus drole encore!..[3] — перебила, смеясь, старуха.

Спохватившись вдруг, она бросила украдкой взгляд направо. Но молодежь занялась уже другим.

Софи с бесцветной дочерью хозяйки ложи, прикрывшись веерами, пересчитывали сидевших напротив членов царствующего дома.

— Quatorze, quinze... Avec les полуимпериалы ils sont dix-neuf![4]

— Tout l'iconostase quoi?[5] — уронила Тата.

«Она хотела сказать: «вся ектения»,— догадалась Софи и опустила веер с веселым смехом.

Но вдруг потупилась, вспыхнув, словно заподозренная в чем-то предосудительном. Ее глаза встретились неожиданно с глазами государя, повернувшего как раз голову в их сторону.

Государь сперва охотно слушал оперу. Погрузиться в образы и звуки значило рассеяться, забыться, уйти на время от самого себя.

Но как только на сцене пошли хороводы бутафорских крестьян под псевдонародные напевы, он перестал следить за действием. Подмена живо интересовавшего его деревенского быта пошловатой условностью ему претила. Захотелось новых впечатлений.

Его кресло было, как всегда, угловым, последним от сцены. Государь любил садиться в самые складки боковой драпировки ложи, чтобы оставаться почти невидимым даже

---

[1] Какая тоска эти излияния! (*фр.*)

[2] Если бы вы только знали, кто соблазнитель (*фр.*).

[3] Еще куда забавнее!.. (*фр.*)

[4] Четырнадцать, пятнадцать... С полуимпериалами их всего девятнадцать! (*фр.*)

[5] Значит, весь иконостас? (*фр.*)

из партера. Осторожно правым локтем он отстранил маскировавшую его штофную завесу. Глазам открылся зрительный зал.

Дрожащий полусвет померкших люстр придавал сейчас всем очертаниям какую-то призрачную расплывчатость. На мгновение почудилось даже, что видит он не зал с живыми людьми, а только его проекцию на исполинском экране.

Государь стал присматриваться к двум нижним ярусам лож.

Половину их занимала та пестрая богатая буржуазия, которой доступ ко двору был закрыт. Из этой среды государь лично не знал никого и мог судить о ней только понаслышке. А сведения и слухи доходили разные...

Николаю II было известно, что за время его царствования, вопреки всему, начался и ширится по России хозяйственный расцвет. Ему докладывали не раз, какое важное значение имеет для страны предприимчивость крупного частного капитала. Назывались поименно государю и видные богатеи, выдвинувшиеся своим влиянием или почином из именитого купечества и новых людей. Но те же имена, при других докладах, нередко возглавляли список денежных пособников крайним оппозиционным элементам, включая террористов... Монарх брезгливо обобщал. Теперь, в театре, глаз его скользил по этим ложам, не останавливаясь, как по пустому месту.

На великосветских ложах государь задерживался. В них оказалось множество знакомых лиц.

С кругом столичной знати он свыкся еще в юности, наследником. По вступлении на престол тоже доводилось постоянно, каждую зиму, иметь ее перед глазами на дворцовых балах и празднествах.

Война и смута подорвали традицию. Никаких приемов при дворе не бывало уже четвертый год. И государь в этот вечер чувствовал себя мореплавателем, вернувшимся на родину после кругосветного путешествия с приключениями.

Многие из тех, кого он знал, успели измениться. Заметнее остальных — его ровесники: у некоторых засеребрились виски, у других появилась лысина; кто растолстел и обрюзг, кто осунулся, кто просто потускнел, словно шуба, траченная молью.

Государь привык их видеть по-иному. Сверстники обыкновенно сообщали ему приятную внутреннюю бодрость; с ними связывалась счастливая пора его ранней молодости. Россией в те годы твердой рукой правил не терпевший помощи или вмешательства державный батюшка. Заботы цесаревича ограничивались несложными служебными обязанностями батальонного командира.

Сверстники... Государю вспоминалась невольно его тогдашняя душевная беспечность: Царицын Луг, Красносельский лагерь, веселые кутежи среди товарищей-однополчан... Перед ним вставали балетные кулисы, влюбленность, квартирка, нанятая по секрету в городе, где пробудившаяся чувственность встречала отклик...

Сегодня постаревший облик сверстников навевал царю только тоскливое чувство: молодости не вернуть, и подросла уже какая-то другая, новая молодежь...

В тех же светских ложах кое-где мелькали неизвестные царю юные, но рослые уже фигуры. Приходилось по фамильному сходству догадываться, чей это сын или младшая дочь.

Государь оглядывал их с безотчетной недоброжелательностью. Он сознавал важность познакомиться поближе со свежими молодыми побегами петербургского общества: когда-нибудь наступит их черед окружить престол взамен отцов. Но с теми отношения были понятны и естественны: их смолоду связывала принципиальная, чисто офицерская солидарность. А с молодежью предстояло самому исподволь налаживать духовную связь. И государю это казалось в тягость.

У него складывалось впечатление, что юнцы последних выпусков беспредельно равнодушны ко всему, кроме внешних благ и выгод. Едва скрывают свою удручающую нравственную развинченность... Не радовала государя молодежь, даже ближайшие родственники.

В раздумье он взглянул на сцену. Пели Собинов и мельничиха. До уха донеслось:

— «Ведь мы не вольны жен себе по сердцу брать. Должно нам всегда расчетам волю сердца покорять»[1].

[1] Текст либреттиста (либретто написано самим композитором, А. С. Даргомыжским).

Рука монарха провела по бороде. Гений Пушкин, а вот устарел... Теперь уж для молодого поколения все это предрассудки.

Всколыхнулась острая досада на своих двоюродных и троюродных братьев, сидевших в верхней ложе. Распусти им вожжи, на ком только не переженятся?..

Венценосцу становилось в тягость быть на людях: охватывало сознание полной душевной отчужденности. Растеряны или отстранены даже те немногие, с кем прежде случалось иногда отвести душу. И в мыслях промелькнула сейчас же старуха Броницына, умевшая так тонко все понять и оценить...

Глаза сами собой остановились на министерской ложе. Случайно первым в поле зрения оказалось прелестное лицо смеющейся Софи Репениной. На нем сверкало такое беззаботное веселье, смех отражал столько искренности и непосредственности, что государь невольно внутренне обрадовался.

Натянутость и притворство, положенные этикетом, ему давно опостылели. Монарху даже доставляло удовольствие подчас самому их нарушить. Где-то в глубине души заблудилась еще былинка молодого, мальчишеского задора. За скучным парадным обедом он любил иногда огорошить кого-нибудь из родни ловко запущенным в него исподтишка хлебным шариком.

Чтобы окончательно смутить растерявшуюся Софи, государь чуть заметно моргнул веком и приветливо ей кивнул. Затем сейчас же показал на нее глазами сидевшей рядом императрице.

— Isn't she lovely?[1]

— A living Gainsbourough[2],— с обычной доброжелательностью откликнулась Мария Федоровна.

Пользуясь случаем, она заговорила о Репенине и кавалергардах: командовавший полком генерал давно болел и становился неспособен к строевой службе.

Низкий сдавленный голос вдовы Александра III был маловнятен. Государь наклонился к матери. На губах появилась обычная непроницаемая улыбка.

---

[1] Разве она не прелесть? (*англ.*)

[2] Живой портрет Гейнсборо (*англ.*).

Среди царских сверстников Репенин был в числе тех немногих, кого государь с детства привык считать своим человеком. Но втайне он недолюбливал Репенина. Его рослая фигура цветущего здоровьем самца, его природная осанка, независимый нрав, прямолинейность — все это вызывало в самодержце чисто физическое раздражение. К тому же людей, внушавших к себе невольное уважение, Николай II вообще предпочитал избегать. У него не было достаточно уверенности, что они, в свою очередь, уважают его как человека.

Пожелание, которое высказывала вдовствующая императрица, затрудняло государя. Возразить по существу было нечего: она была шефом кавалергардов, а Репенин — самым подходящим кандидатом на освобождавшуюся должность... Но к личной неприязни примешивалось и другое, мелкое чувство: Репенины и без того всячески взысканы судьбой...

Выслушивая свою мать с кажущимся одобрением, монарх обдумывал, под каким бы предлогом отклонить ее выбор.

Софи догадывалась, о чем идет речь в императорской ложе. Мария Федоровна несколько раз подымала голову в ее сторону. Государь тоже на нее оборачивался с обаятельной улыбкой. И по мере того, как их беседа затягивалась, женское чутье все определенней подсказывало Софи, что сейчас решается участь мужа.

Ее волнение росло... Правом на семейное счастье она, конечно, не поступится. Все готова бросить для Сережи. Но загонять ее куда-то в глушь — чудовищная несправедливость. Зачем ей терпеть эту ломку, никому, в сущности, не нужную! И свыше, конечно, этого не допустят...

Мысль о возвращении мужа в Петербург наполняла ее радостным трепетом. Все трудности, над которыми приходилось так мучительно задумываться, отпадут, точно по волшебству. Софи напрягала зрение, чтобы уловить в мимике, на чем цари порешат.

Мария Федоровна почувствовала заминку в сыне.

— Well, Nicky?[1]

[1] Так что же, Никки? (*англ.*)

— First let me make up my mind where to put the present man[1],— последовал уклончивый ответ. Монарх нашел, что проще всего затормозить пока что предстоящую смену командира. Чтобы отвлечь внимание матери, он участливо осведомился: — Is his lumbago any better?[2]

Соболезнующая нотка в голосе сына тронула Марию Федоровну, всегда отзывчивую ко всяким человеческим немощам. Она закивала ему с благодарной улыбкой:

— Thank goodness, he seems to suffer less...[3]

Этот случайный жест особенно обнадежил Софи. Она не сомневалась больше в успехе и внутренне ликовала.

Адашев видел ее только в профиль. Ему было невдомек, что Софи взволнована, и казалось странным: почему она задумалась? Но флигель-адъютант даже не делал попытки заговорить.

Всякая женщина хорошеет от радостного волнения за любимого человека. Никогда еще жена товарища не казалась ему краше и привлекательнее. Ее ослепительная шея, плечо, выступавшее из пенистого бального корсажа, напоминали оживленный классический мрамор. Он молча любовался.

Опера шла своим чередом. Первое действие близилось к концу. Замечтавшаяся Софи, убаюканная волнами сменявшихся мелодий, начинала забывать, где она.

Вдруг пение, оркестр, все звуки разом прервались на целых шесть тактов.

Софи, очнувшись, заинтересовалась: что происходит на сцене?

Поселяне и поселянки толпились перед мельницей. Между ними порывисто метался мельник. Дородного, благообразного старика будто скрючило и пригнуло к земле.

— О горе, горе!..— вырвалось у него громким воплем.

Обессилев, он покачнулся и тяжело упал перед суфлерской будкой.

Хористы, размахивая руками, заголосили:

— Спасайте, спаса-а-айте ее!..

Часть поселян окружила упавшего мельника. Другие побежали куда-то в глубь сцены.

---

[1] Сначала дай решить, куда девать теперешнего командира (*англ.*).

[2] А как с его прострелом, полегче? (*англ.*)

[3] Слава Богу, он как будто меньше страдает... (*англ.*)

Стонущие звуки скрипок и виолончелей заглушила звонкая медь вступивших духовых инструментов.

Для усиления заключительного фортиссимо палочка капельмейстера исступленно зарубила воздух на три четверти. Занавес опустился. Раздались дружные хлопки.

Адашев почувствовал на плече прикосновение руки в туго накрахмаленном штатском манжете. Сашок предлагал выйти вместе покурить.

Флигель-адъютант заколебался. Покинуть вдвоем ложу с дамами в первом же антракте граничило с неблаговоспитанностью.

Сашок нетерпеливо взял его за локоть.

— Je vous attends[1].

Озадаченный Адашев привстал. Почему Сашок настаивает и волнуется? Ведь он не из тех заядлых курильщиков, для которых полчаса без папиросы невтерпеж.

Софи, презиравшая в мужчинах глупую привычку к табаку, сделала обиженную гримасу:

— Неужели дым — такое наслаждение?

Сашок с ужимкой поклонился:

— Все земные наслаждения — дым!

— Quel triste aveu[2],— вмешалась в свою очередь Тата.

Но мужчины поспешно удалились.

Адашев глядел рассеянно кругом поглупевшим взглядом влюбленного.

В дверях аванложи Сашок не утерпел:

— La vie est belle ce soir, mon capitaine?[3]

На вежливо-скучающем лице его спутника заиграла помимо воли счастливая улыбка.

— Вы угадали... В моих ушах так и звенит сейчас тургеневское «мгновение, остановись, ты — прекрасно!».

— «Тургеневское» мгновение?!

Сашок с притворным ужасом сморгнул монокль.

— От кого другого, но от вас, Адашев, никак не ожидал!

Флигель-адъютант в недоумении остановился.

---

[1] Я жду вас (*фр.*).

[2] Печальное признание (*фр.*).

[3] Ну что, ротмистр, сегодня вам жизнь улыбается? (*фр.*)

Обезьяньи глаза острослова скосились на него с нескрываемой насмешкой.

— Да ведь это слова Гете!

Адашев покраснел и растерялся. Сашок не преминет, конечно, высмеять его при всех, при Софи... Стало так стыдно, что вырвалось непроизвольно:

— Вот до чего я опустился!

Забыв свою придворную сдержанность, он схватил собеседника за отворот фрака:

— Мудрено ли, впрочем? Посудите сами: третий год в свите при нем почти неотлучно... Человеком перестаешь себя чувствовать!

Со сцены раздался троекратный громкий стук. Все было готово к традиционному чествованию бенефициантки.

Адашев спохватился:

— Скажите поскорей: в чем дело?

— Теперь уже некогда. Nous risquerions de manquer le clou de la soiree[1].

Они поспешили к дамам. Царь, Столыпин и простые смертные были снова по местам. В зале возобновилось сдержанное выжидательное жужжание.

За опущенным театральным занавесом шли хлопоты и волнения. Сцену успели перерезать в глубину декоративным полотном, изображавшим пиранезиевскую перспективу каких-то сказочных чертогов.

На задней половине подмостков стояла пыль, слышались глухие постукивания, беготня и сдержанная ругань. Потные уборщики в засаленных куртках спешно возводили княжеский терем второго действия.

Спереди, на фоне бесконечных мраморных колоннад, все было парадно и чинно. Вдоль авансцены разместилось полукругом человек двести мужчин и женщин. Некоторые были в костюмах из «Русалки» и с театральным гримом на лице, остальные — в бальных платьях и фраках.

Посреди них томилась в ожидании низкорослая, худосочная виновница торжества. Яркий меховой шугай красиво оттенял ее парчовый сарафан. На голове переливался жемчугом кокошник с подвенечной фатой: она изображала

[1] Мы рискуем пропустить гвоздь вечера (*фр*).

в следующей картине ту красавицу княжну, для которой Собинов покинул мельничиху.

Дряблые щеки и старческий рот певицы были густо намалеваны, чтобы казаться лет на двадцать моложе. Но потуги на молодость и красоту оставались тщетными и жалкими. Ее лицо напоминало жабу, почуявшую вкусный запах парного молока...

Бенефициантка млела от самодовольного восторга. Ей только что пожаловали пряжку солистки его величества. Неожиданное отличие, как в сказках талисман, приносило напоследок все, о чем она привыкла мечтать: почет, зависть соперниц и обеспеченную, безбедную старость.

Депутации, прибывшие почтить ее прощальное торжество, стояли наготове. Из первой кулисы напротив царской ложи выглядывали головы известных артистов других столичных театров. Француз-комик михайловской труппы перечитывал сквозь пенсне наскоро исписанную бумажку: по традиции ему предстояло произнести экспромтом остроумное приветственное слово.

За депутациями толпились капельдинеры с громадными корзинами цветов и вычурными серебряными вещами в раскрытых дубовых футлярах...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В начале следующего антракта министерская аванложа наполнилась посетителями. Появился надутый, как индюк, генерал-адъютант в свитском кафтане. Пришли две надменно прищуренные придворные дамы и меланхолический седой красавец, грузинский князь, составлявшие ближайшее окружение вдовствующей императрицы. Пришел и турецкий посол, нарядный старик в феске и длиннополом стамбулине вместо фрака.

Баронесса позвонила.

Раззолоченные камер-лакеи внесли большие подносы с чаем, печеньем и теми особыми конфетами, которые со времен Екатерины изготовлялись для царей в обширных кухонных помещениях Зимнего дворца.

Едва уселись, дверь аванложи отворилась. Вошел Извольский в сопровождении другого сановника, мужчины

лет под пятьдесят, с внушительно-хмурым лицом, подстриженной бородой и шрамом на щеке.

— Quelle bonne surprise![1] — обрадовалась баронесса.

Министр иностранных дел показал рукой на спутника:

— Je m'eclipse devant le magicien es-agriculture[2].

Хмурый сановник со шрамом стал с некоторых пор героем дня. Разработанная им программа земельной реформы вызывала всюду в петербургском свете нескончаемые толки и споры.

Падкая на новости хозяйка ложи загорелась любопытством.

— Il me tarde d'en savoir plus long sur le fameux[3] хуторское хозяйство.

Она усадила сановника рядом с собой на диван. Обе прищуренные дамы придвинули поближе свои кресла.

Немецкий генерал, готовивший очередной доклад в Берлин, счел долгом поинтересоваться:

— Glauben Sie dadurch, Excellenz, die politische Hochspannung in Russland wirklich im Kern zu treffen?[4]

Не дав сановнику ответить, дамы стали забрасывать его все новыми и новыми вопросами.

Он нахмурился еще внушительнее и приступил:

— Россия расплачивается сейчас за роковые заблуждения сподвижников царя-освободителя...

Тата и Софи, решив, что будет скучно, отсели в сторонку.

Турецкий дипломат, ни слова не понимавший по-русски, поспешил к ним присоединиться. Посыпались те цветистые любезности, без которых мусульманин старого закала обойтись не может в разговоре с европейской женщиной. Красота чистопородной северянки была для него притягательной силой. Он говорил Софи:

— Vos yeux sont pareils a ces puits profonds d'eau pure et fraiche ou viennent la nuit se mirer les etoiles...[5]

---

[1] Какая приятная неожиданность! (*фр.*)

[2] Я стушевываюсь перед магом и волшебником по земледелию (*фр.*).

[3] Я жажду расспросить вас подробнее насчет пресловутого (*фр.*).

[4] Надеетесь ли вы, ваше превосходительство, этим способом в корне подорвать революцию в России? (*нем.*)

[5] Ваши глаза подобны глубоким колодцам с чистой студеной водой, в которых по ночам любуются собой звезды... (*фр.*)

Светская учтивость заставляла выслушивать, улыбаться, находить ответы, делать вид, что польщена и тронута.

— Мудрите вы больно,— раздался голос тети Ольги.— Так, пожалуй, и земли для всех не хватит!

— А Сибирь? В одном Забайкалье при планомерной колонизации обеспечены новые десятки миллионов десятин. Затем постройка Амурской железной дороги...

Тетя Ольга прервала опять:

— Уж не замышляете ли вы чего-то вроде второго издания маньчжурской «Желтороссии»?

— Колонизация! — придрался к слову Извольский.— Entendons-nous, mon cher collegue...[1]

Приторный турок становился надоедлив. Софи заинтересовало, что скажет министр иностранных дел, блистательный мастер в светском разговоре.

Извольский с полушутливой наставительностью выцеживал фразу за фразой:

— Coloniser veut dire tout autre chose. On vient dans un pays autochtone, on arquepince le grand favori ou la grande favorite, on distribue des bricoles aux dignitaires indigenes et puis un beau jour — pan! — on ne fait qu'une bouchee de tout ce qui prete a la convoitise...[2]

Его перебила княгиня Lison:

— А я другого не пойму: выдумали какие-то «отруба». Я, слава Богу, с детства привыкла к деревне. Были у нас всякие угодья, выгоны, урочища, недра... Но про эти «отруба» никогда не слыхала.

Вместо ответа оба сановника поспешно встали: в дверях показался освободившийся наконец на минуту от служебных хлопот министр двора. За ним следовали исчезнувшие с начала антракта Сашок и Адашев.

При виде престарелого вельможи княгиня Lison вскочила и не дала ему опомниться:

— Вот кто мне по секрету даст наконец просвещенный совет.

---

[1] Позвольте, дорогой коллега... (*фр.*)

[2] Колонизировать обозначает нечто совсем иное. Являешься в независимую страну, ущемляешь всесильного временщика или всесильную фаворитку, рассовываешь подачки местным сановникам и в один прекрасный день — хлоп! — проглатываешь, как бутерброд, все, что глаза прельстило... (*фр.*).

Расчесанный, подкрашенный барон, расшаркиваясь, со старческой молодцеватостью расправил подбитые ватой плечи и предупредительно нацепил толстое черепаховое пенсне.

— Serviteur, Madame, serviteur[1].

Княгиня увлекла его в свободный уголок и заговорила о жандарме.

Турок повернулся к Тата.

Софи несколько удивилась, что ни Сашок, ни Адашев не подошли к ней. Первый присоединился сейчас же к группе, споривщей о землеустройстве. Второй, замявшись на секунду, начал разговаривать о чем-то совсем пустяшном с меланхолическим грузинским князем, напоминавшим барельефную голову одного из последних бородатых римских кесарей. Софи показалось даже, будто флигель-адъютант избегает ее взгляда.

Все словно бросили ее. Оставалось невольно прислушиваться к доносившейся со всех сторон светской болтовне.

Тетя Ольга снова нападала на сановника по землеустройству:

— ...Никогда вам с этим не справиться. Только подорвете у этих злосчастных переселенцев за тридевять земель исконное начало семейного очага...

— Жандарм?..— переспросил княгиню Lison министр двора.— Ce n'est pas de mon rayon...[2]

Продолжение заглушили смех Тата и реплика защищавшегося от нее турка:

— L'homme occidental eprouve le meme besoin de changer de femme: sa polygamie prend simplement des formes plus clandestines[3].

— Увольте, княгиня,— послышался дальше голос барона.— Вы меня уже раз подвели. Как сейчас помню испуганное лицо многочадного помощника начальника станции Сиверской, мечтавшего о пожаловании ему через вас субсидии.

Его собеседница по рассеянности чуть не выронила оставшуюся в руках пустую чашку. Генерал в черкеске бросился на помощь.

---

[1] Ваш покорный слуга, сударыня (*фр.*).

[2] Это не по моей части... (*фр.*)

[3] Европеец испытывает ту же потребность менять женщин: он попросту придает своему многоженству более скрытую форму (*фр.*).

— Вообразите,— повернулся к нему барон.— Княгиня заставила меня вызвать этого беднягу в дирекцию театров на пробу баритонов.

Княгиня Lison загорячилась:

— Вот вы все шутите, mais cette fois-ci c'est tres serieux[1]. Недаром я обещала...

Она перешла на скороговорку. Софи улавливала только обрывки отдельных фраз.

— ...Писаная красавица... И, подумайте, на глазах у всех... А теперь и совсем к тому переехала... Мне едва удалось удержать жандарма, чтобы не пошел скандалить. Надо его скорее в полк куда-нибудь подальше, на Кавказ, в Туркестан...

Скучающее лицо ее собеседника вытянулось. Он медленно покрутил свой покрашенный подусник цвета старого кожаного чемодана.

— J'ai une idee. Faisons appel aux lumieres de la comtesse Bronitzine[2]. Мы с ней вдвоем что-нибудь да придумаем. Ах, как жаль вообще, что с нами перестают с некоторых пор советоваться!..

Барон, отыскав глазами тетю Ольгу, готовился уже идти к ней.

— Что вы, батюшка! — испуганно остановила его княгиня.— Да ведь похититель...

Потянувшись к его уху, она что-то шепнула.

Барон снял пенсне.

— Lui?.. C'est le bouquet! Non, quelle histoire...[3]

Министр невольно оглянулся на Софи и, встретив ее пристальный взгляд, растерянно замолчал...

Споры, смех и восточные метафоры продолжали переплетаться, пока люстры не померкли снова.

Послышались протяжные аккорды оркестрового антракта. Барон и случайные посетители ложи заторопились уйти по местам.

---

[1] Но на сей раз это очень серьезно (*фр.*).

[2] У меня идея. Обратимся за компетентной помощью к графине Броницыной (*фр.*).

[3] Он?.. Это всему венец! Нет, что за история... (*фр.*)

Баронесса задержала Извольского:

— Restez donc ici avec nous[1].

Он с готовностью принял предложение.

Усаживаясь впопыхах, княгиня Lison ошиблась местом. Вслед за ней все машинально тоже приняли вправо. Софи вошла последней; ей пришлось сесть на прежнее кресло баронессы в конце ряда. Извольскому подкатили стул за ее спиной. Немец подался левей, в складки боковой драпировки.

Убедившись, что соседи разговаривать не собираются, министр иностранных дел начал размышлять об очередной неприятности, которая неожиданно свалилась ему на голову.

От русского посла в Вене пришла шифрованная телеграмма. Он срочно испрашивал инструкций: австрийского императора официально посетит на днях, проездом, Фердинанд, князь Болгарский.

Этот неуемный интриган был у Извольского на подозрении: нащупывает, надо думать, почву — нельзя ли под шумок, без предварительного согласия России, объявить Болгарию независимым царством. Но свой недавний личный сговор относительно Балкан с новым австрийским канцлером Извольский признал полезным хранить в строгой тайне даже от полномочных представителей России на местах. Один из них неосторожной болтовней мог выдать всю его искусную игру берлинским соглядатаям. Он и прикидывал, сидя за спиной Софи, что выгодней: предупредить ли посла, осветив ему политическую подоплеку, или просто отписаться?

Открылась сцена. На этот раз она изображала расписную горницу княжеского терема. В углу ее одиноко сидела и распевала бенефициантка, жалуясь под скрипичные трели в синкопу что муж-молодожен ее забрасывает.

Софи почти не отдавала себе отчета в том, что происходит вокруг. Она была как в полусне. Издали долетал чей-то густой, певучий, чуть надтреснутый женский голос.

— «Где же ты, былая радость,— все настойчивее повторял он.— Ужель навек исчезнул он, живой любви волшебный сон...»

---

[1] Останьтесь-ка здесь с нами (*фр.*).

Ей казалось, что кто-то нарочно не то подсмеивается над ней, не то пытается ее разжалобить.

— Comment se fait-il que nous n'en soyons pas a la fameuse polonaise?[1] — проговорила баронесса со скучающей ноткой в голосе.

Ее соседи справа в недоумении переглянулись.

— Mais alors ce n'est pas «Жизнь за царя» qu'on nous donne ce soir?[2]

Тетя Ольга укоризненно протянула ей программу спектакля.

Баронесса, наморщив лоб, стала вглядываться в не совсем привычную для нее русскую печать.

— ...Un poeme de Pouchkine. Je n'y etais plus du tout...[3]

Князь Жюль, слегка обиженный на Тата за ее заигрывание с турком, прислушался и заявил, приглаживая баки:

— Au fond c'est le meme «обожествленный мужик», mais avec un tantinet d'impertinance[4].

Сашок почувствовал, что очередь за ним:

— Dame, l'exaltation monarchique d'un Glinka faisait plutot defaut au grand poete. Il se permettait par exemple la licence de dire[5]: «Николай Палкин»!

— А по рассказам покойного Нессельроде, он пуще других пресмыкался, добиваясь камер-юнкерства,— вставила с осведомленным видом княгиня Lison, состоявшая в родстве с семейством Гончаровых.

Тата насмешливо взглянула на князя Жюля:

— C'est bien russe![6]

Тот окончательно на нее обиделся:

— Пушкины, конечно, в бархатной книге, но поэт был самой подозрительной помесью. D'abord — c'etait un quarteron[7].

Сашок не выдержал:

---

[1] Почему мы до сих пор не добрались до пресловутого полонеза? (*фр.*)

[2] Так, значит, сегодня идет не «Жизнь за царя»? (*фр.*)

[3] Поэма Пушкина. Я совсем запуталась... (*фр.*).

[4] Тот же, в сущности, «обожествленный мужик», но чуточку с наглостью (*фр.*).

[5] Что же, великий поэт, пожалуй, был чужд монархической экзальтации Глинки. Он мог позволить себе такую, например, вольность (*фр.*).

[6] Совсем по-русски! (*фр.*)

[7] Во-первых, он был на четверть негр (*фр.*).

— Стыдитесь! Пушкин создал тот прекрасный русский язык, который мы теперь коверкаем.

Оркестр заиграл порывисто и быстро, на две четверти. Звуки голоса усилились и точно молоточками выстукивали по темени Софи на все лады:

«Бы-ло-го-сча-стья-мне-не-во-ро-тить».

— Пушкин...— продолжал шипеть на собеседников Сашок.— Да почему бы вам не уличить его уж заодно в дешевом фатовстве и в нерадении по службе?..

Сашку не полагалось быть серьезным и скучным. Тетя Ольга его прервала:

— Сами-то вы, голубчик, до скончания века, что ли, собираетесь застрять причисленным где-то камер-юнкером?

Острослов мгновенно понял и без запинки выстрелил с притворной мрачностью:

— Hasta la muerte![1]

— Mes compliments[2],— раздался слащавый голос Извольского.— Pourquoi ne pas venir me demander un poste dans la carriere?[3]

Склоняясь в сторону тети Ольги, министр процедил неторопливо:

— Много ли у нас послов и посланников, способных щегольнуть ex abrupto непримиримым испанским девизом последнего авиньонского папы!

Он как бы намекал влиятельной старухе: посудите сами, что за молодчина рулевой, уверенно ведущий лодку поперек порожистой реки, хотя на веслах не Бог весть какие гребцы.

Насчет инструкций в Вену его решение было принято: пусть лучше блуждают по-прежнему в потемках; если слишком наглупят, будет только удобный предлог отделаться от теперешнего посла и выдвинуть на этот завидный пост кого-нибудь из богатых добрых приятелей.

Голос, досаждавший Софи, замолк. Его сменил другой, потоньше, неприятней, настаивавший, что мужья — непосе-

---

[1] До самой смерти! (*исп.*)

[2] Поздравляю (*фр.*).

[3] Почему не обратился ко мне с просьбой о назначении на дипломатический пост? (*фр.*)

ды: «...то надобно соседей навестить... то на охоту ехать... то на войну нелегкая несет...»

Это становилось уже нудным, глупым... Как вдруг, словно сквозь окружающий туман, Софи услышала отчетливо:

— «Да на кого ж тебя он променяет?»...

И в ответ откуда-то из глубины ее самой как эхо прозвучало: на вержболовскую дворняжку!

Софи чуть не покачнуло. Оскорбление, нанесенное мужем, ударило внезапно по затерявшейся в ее жилах капельке той тысячелетней норманнской крови, перед которой трепетала некогда Европа. Таинственная капелька, казалось, мгновенно разбухла, вскипела и метнулась вспять, зажигая по пути все остальные, сонные, славянские кровинки. Огненный поток хлынул прямо в сердце и стал его давить.

В глазах Софи пошли красные круги; что-то подталкивало ее вскочить на ноги и выпрямиться. Руки напряглись, цепляясь за подлокотники кресла.

Под пальцами хрустнул веер.

— Um Gottes Willen, Vorsicht![1] — проскрипел над самым ухом германский военный. Оплошный жест замечтавшейся о чем-то молодой женщины грозил гибелью ценной безделушке, которой он только что в антракте любовался. На пергаментных складках веера с ажурной перламутровой оправой были доспехи, знамена, лавры и в медальоне — прусский король, въезжающий в Париж бок о бок с Александром I.

Софи как мокрой губкой провели по затылку: она на людях. Но сознание, что надо сдержаться, только разжигало жажду вырваться скорей, все равно куда, лишь бы на простор, где можно дышать полной грудью.

Занавес опустился.

Подумав, что это антракт, Софи поднялась. Но происходила лишь смена картин, люстры продолжали по-прежнему тускло мерцать, в партере никто не шелохнулся, капельмейстер, оставаясь на возвышении, даже палочки не выпустил из рук.

---

[1] Ради Бога, осторожней! (*нем.*)

Тетя Ольга говорила что-то вполголоса Извольскому, успевшему поменяться местами с Сашком.

Заметив, что Софи стоит, она удивленно прищурилась.

— Что с тобой?

— Мне нехорошо, я хочу уехать.

— В уме ли ты?

Тетя Ольга показала глазами: насупротив сидят цари; пока они здесь, светская женщина — как часовой на посту; распускаться недопустимо.

Она протянула Софи не покидавший ее золотой флакончик английских солей:

— Подбодрись и на понюхай!

— C'est qu'elle est vraiment palotte[1],— заметила баронесса.

В утешение она поведала Софи со слов мужа, что их величества не останутся до конца; терпеть, следовательно, всего еще одну только картину.

— Et je serai la pour faire au besoin le cavalier servant,— прибавил Извольский.— Il faut absolument que je me sauve apres la cavatine; j'ai encore des pieces a signer ce soir[2]

Музыка возобновилась.

Софи села в кресло. Гордость продолжала ее душить, не давая доступа никаким другим чувствам и мыслям. Спектакль, музыку, царей, соседей заволокло опять густым туманом.

Остальные приглашенные и сама хозяйка ложи погрузились сейчас же в поплывшую перед ними красивую сказку.

На сцене была лунная ночь и знакомый уже берег с деревьями и осокой над Днепром. Только мельница полуразвалилась, а площадка подле дуба местами заросла травой. При свете месяца со дна реки на берег выходили нежиться русалки.

Насторожившись и почуяв, что где-то близко люди, они оробели и скрылись.

Задрожали бархатные теноровые ноты: «Невольно к этим грустным берегам...»

---

[1] Она в самом деле бледновата (*фр.*).

[2] Я к вашим услугам, в случае надобности, за кавалера. Мне необходимо исчезнуть после каватины. У меня еще важные бумаги к подписи сегодня (*фр.*).

При первых звуках каватины княгиня Lison закатила глаза:

— Ce timbre de voix me donne toujours des frissons delicieux[1].

Она, по обыкновению, повернулась за сочувствием к соседкам. Но баронесса умоляюще попросила ее помолчать.

Тетя Ольга опустила веки.

— «Мне все здесь на память приводит былое и юности красной привольные дни»,— лилась широкая волна bel canto.

Старухе чудилось, что все это происходит не сейчас, а полвека назад и поет Марио. Встали тени, вереницы давно ушедших теней, напомнивших о многом, многом...

Чудо продолжалось несколько мгновений. Тетя Ольга была другого закала! Рабочий день ее далеко не кончился: после театра она едва поспеет на вечер, куда званы знакомиться со светской знатью благонадежные деятели новой, третьей, Думы; а до того надо еще поисповедовать как следует Извольского.

Собинов допел каватину, но министр продолжал неотрывно следить за оперой.

Скрипки проделали в унисон длинный вступительный пассаж. Листья с дуба посыпались. Перед князем появился одичавший рехнувшийся мельник.

Все глаза в театре приковал к себе Шаляпин. Полунагой, всклокоченный, в лохмотьях, с безумной искрой в глазах, с обрывками листьев в спутанной бороде, он давал потрясающий образ.

— «Я бесам продал мельницу запечным, а денежки... а денежки!..»

Зазвеневшие ноты верхнего басового регистра перешли в зловещий шепот:

— «Их рыбка-одноглазка сторожит»...

И на высоком *ми-бемоль* Шаляпин дико, жутко захохотал.

— Почти старик Сальвини в «Короле Лире»,— восторженно шепнул Сашок Извольскому.

— Фигура! — согласился генерал в черкеске.

Князь Жюль, смущенно озиравшийся до тех пор на Тата, поднял бинокль.

---

[1] От этого тембра голоса меня всегда бросает в сладкую дрожь (*фр.*).

— Et dire que c'est un[1] бывший архиерейский певчий.

Но дамы ожесточенно на него зашикали.

— «Какой я мельник,— гремел Шаляпин, закидывая руки, будто за плечами у него были недоросшие крылья.— Говорят тебе, я ворон, а не мельник!»

Затем, присев на корточки, он мутным взглядом уставился на месяц, как волк, осенней ночью волчицу подвывающий.

Слушатели сидели в оцепенении до тех пор, пока не упал занавес.

Софи, очнувшись, встала и подошла к тете Ольге.

Но та ее и не заметила в разгаре доверительной беседы с Извольским.

Министр в чем-то убеждал статс-даму.

— Час от часу не легче,— воскликнула она, дослушав его до конца.— Только внутри будто успокоилось, как уж извне грозят новые напасти...

Извольский поглядел на свои зеркальные ногти.

— Cette preponderance usurpee par Berlin ne saurait etre sous-estimee[2].

Тете Ольге показалось, будто кто-то уже раньше говорил ей именно так. Но было не до того, она переспросила:

— Вы, значит, пророчите европейскую войну?

— И в самом недалеком будущем,— ответил министр тоном знаменитого терапевта, объявляющего родне диагноз больного: при уремии смерть — вопрос недель, дней.

По лицу его собеседницы пробежала тревога:

— Но ведь теперь война будет чем-то ужасным?

— Не беспокойтесь,— сказал Извольский, подымая тяжелые веки.— Это будет моя война.

Ждать, пока их разговор окончится, Софи стало невмоготу.

Увидев, что Тата в свою очередь прощается с баронессой, она умоляюще сказала подруге:

— Give me a lift[3].

— Right o', but please be quick[4],— ответила Тата, видимо обрадовавшись, что нашла попутчицу.

---

[1] Только подумать, что это (*фр.*).

[2] Преобладающее влияние Берлина нельзя недооценивать (*фр.*).

[3] Захвати меня с собой (*англ.*).

[4] Ладно, только, пожалуйста, поторопись (*англ.*).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Подруги, усевшись в просторный, комфортабельный «делоне-бельвиль», закутали ноги в меховой мешок, снабженный герметической японской грелкой.

У открытого окна выросла плечистая фигура: недоумевающее лицо, бакенбарды и рука с приподнятым цилиндром. Забытый выездной Софи спрашивал, как поступить с каретой.

Сама еще не зная, куда ее занесет, Софи распорядилась: ехать следом.

Шофер приложил ухо к гуттаперчевой воронке. Тата поднесла к губам шелковую кишку:

— На Миллионную, потише. И, пожалуйста, осторожней на повертках.

Она выговаривала русские слова, как иностранка-бонна, прожившая не более трех лет в России.

Тронулись.

Не дав себе труда потушить лампочку в потолке машины, Тата проговорила со смешком:

— Sais-tu quelle couleuvre je viens d'avaler?[1]

Софи нехотя повернула голову в ее сторону.

— Eh bien, voici: cet imbecile de Jules me demande de l'epouser[2].

— Et tu consents[3],— сказала Софи без всякого выражения.

— Penses-tu! Avec mon experience... Un mari vous adore, c'est entendu, mais il suffit d'un vieux bourgogne pour qu'il couche avec une autre[4].

Ноздри Софи дрогнули.

— Que fait la femme in ce cas?[5]

— Mais c'est classique: elle le tue ou elle le trompe[6].

---

[1] Знаешь ли, что за неприятность со мной приключилась? (*фр.*).

[2] Так вот: этот нелепый Жюль сделал мне предложение (*фр.*).

[3] И ты согласна (*фр.*).

[4] Как бы не так! При моем-то опыте... Муж тебя боготворит, разумеется, но бутылки старого бургундского достаточно, чтобы он оказался в постели с другой (*фр.*).

[5] Что же делать жене в этом случае? (*фр.*)

[6] На это есть классическое правило: она его или убивает, или надувает (*фр.*).

В интонациях Тата сквозил тот беззаботный легкий цинизм, с каким она относилась ко всем и ко всему.

— Et toi-meme, pourtant...[1] — невольно вырвалось у Софи, вспомнившей, что муж Тата, убитый под Цусимой, был неисправимым кутилой: она даже накрыла его где-то с цирковой наездницей.

— Oh, moi... — ответила с запинкой Тата. — C'etait ecoeurant!..[2]

В ее голосе неожиданно прозвучала другая, серьезная нотка. Полагая, что подруге давно известны все подробности ее злоключения, она только добавила с горечью:

— Que veux-tu... Anatole etait quand meme un garcon distingue. Mais voila — il faisait lire a cette trainee toutes mes lettres! C'est pourquoi papa...[3]

Софи не дослушала. Она спохватилась, что отец — в Петербурге и, вероятно, сидит сейчас в яхт-клубе.

Машина шла по Морской. Справа показались площадь, Синий мост.

Она потребовала, чтобы Тата ее выпустила.

Затормозивший у подъезда освещенный автомобиль с разодетыми дамами озадачил швейцара яхт-клуба. Он окинул подозрительным взором Софи, подхватывая в сенях ее ротонду.

Лакейский глаз тотчас заметил на плече андреевскую ленточку фрейлинского шифра. Швейцар, сорвав с головы галунную фуражку, с поклоном отворил дверь в комнату для посетителей.

Эта единственная приемная, куда допускались посторонние, была тесной и неприветливой. Ее обставили, казалось, всем, что в доме было недостаточно хорошо для членов клуба; у ожидавшего гостя сразу же складывалось впечатление, что он здесь нечто терпимое, но лишнее и нежелательное.

Софи села в потертое оливковое полукресло перед ореховым письменным столом. Взгляд ее уставился на стакан со стеклянной дробью, в которую были воткнуты карандаши и перья.

---

[1] Однако ты сама... (*фр.*)

[2] Ну, со мной... Это было мерзко!.. (*фр.*)

[3] Как сказать... Анатоль был все-таки светским человеком, но все мои письма давал читать своей потаскухе. Вот почему папа... (*фр.*)

Князь Луховской играл по крупной в винт с открытым. Ему везло. Разложив по мастям удачный прикуп, он соображал, объявить или нет малый шлем, и только присвистнул, когда лакей тихо доложил: «Внизу, ваше сиятельство, вас ожидают дама-с».

Проигрывавшие партнеры кисло переглянулись.

Князь извинился, наскоро застегнул отпущенный на округлявшемся брюшке жилет, посмотрел, в порядке ли пальцы, и пошел к лестнице, мурлыча себе под нос модную песенку Майоля.

При виде дочери он смутился, но сейчас же приветливо простер к ней руки.

— Какой ветер тебя занес, красавица ты моя родная?

Софи молча встала навстречу.

Осторожно поцеловав ее в лоб, князь зажмурил глаза, потянул носом и на мгновение замер:

— «Ambre antique» coupe d'un melange inedit, c'est tres parisien!..[1]

Затем он присел на уголок стола и заболтал ногой.

Софи, запинаясь, объявила отцу об измене мужа.

— Я здесь... чтобы просить тебя... завтра же ехать со мной в Вержболово.

Князь Луховской поглядел на дочь, на стол и дотронулся до звонка. В дверях мигом вырос лакей.

— Une orangeade?[2] — предложил князь и заказал себе хересу.

Озабоченно пошевеливая длинными усами, он стал поправлять зацепившуюся за обшлаг запонку. Наконец, не отрывая глаз от манжета, спросил без всякого убеждения:

— Для чего нам, собственно, туда тащиться?

— Папа, ты должен мне помочь. Я еду требовать развода.

Рука князя дрогнула и опустилась.

Его затылок покраснел, глаза слегка выкатились, он задышал порывисто и хрипло.

— Да ты, мать моя, белены объелась!

Отдышавшись, он отечески взял Софи за плечи и посадил.

— Я понимаю, родная. Нехорошо... Но будь справедлива. Сама виновата! Как же так? Услала мужа одного в тар-

[1] «Амбре антик» (духи Коти), сдобренные оригинальной смесью; совсем по-парижски!.. (*фр.*)

[2] Стакан оранжаду? (*фр.*)

тарары, понеслась, ему назло, со мной в Париж и порхала четыре месяца. А он — сиди в пограничной трущобе. Ну вот и приключился эпизод. Не святой же он, в самом деле, и — слава Богу — молодец! А что жандармиха, c'est pure-ment une question de peau![1]

Софи молчала, прикусив губу.

Вошел лакей, поставил на стол круглый подносик с бутылкой и рюмкой и бесшумно исчез.

Князь налил себе хересу и отхлебнул.

— Не гневи ты Бога! Ведь Сережа Репенин — человек на редкость: золотое сердце, всеми любим, слуга царю примерный, барин... Где же другого такого найти?

Глаза Софи метнули злую, зеленоватую искру.

— Это и видно по тому, как он поступил со мной. Нет, папа! Есть вещи, которые нельзя простить.

Князь развел руками.

— Ну вот, вся — в мать! Ее, бывало, тоже ничем не проймешь. Как заупрямится, и земляника ей не в землянику, и выезд не выезд, и соболя не соболя! Удивительно!.. Все, кажется, у женщины есть: молодость, здоровье, два миллиона дохода, а она с жиру бесится.

Софи вся затряслась от внутренней дрожи.

— Прикинуться дурой, что ли, прикажешь? Другие убивают на моем месте...

— Вылитая покойница!..— Князь даже притих и подлил себе еще хересу.— В Щенятьевых ты, Софья Илларионовна, пошла. Кровь у них такая издавна, еще когда в Орду предки твои, Щенятьев и Луховской, вместе ездили, да обоих на кол посадили. Так и в летописи значится: «Князь Луховской, от роду тихий и незлобивый, мученическую кончину приял с христианским смирением, безмолвствуя. Воевода же Щенятьев, будучи нрава дикого и неукротимого, ругался словесами скверными до последнего издыхания».

— Оставь, пожалуйста, папа,— перебила Софи.— Неужели ты сам не видишь: мое положение ужасно.

Князь Луховской сделал неопределенный жест, как бы рисуя в воздухе спираль.

— Пеняй на себя... Не захотела кушать мороженого, придется пить кипяток!

---

[1] Тут весь вопрос в эпидерме! (*фр.*)

Но увидев, что дочь едва сдерживает себя, он погладил ее руку.

— Полно, родная, я пошутил. Успокойся; горячиться, право, нечего. Уверяю тебя: ничего пока такого не стряслось. Муж пошалил — велика важность. Я сам в молодости путался. То ли бывает!..

Для вящей убедительности князь решил рассказать тот случай, по которому как раз теперь был срочно вызван в Петербург.

— Вот тебе пример. Набезобразил с женой один из моих дворян. Она туда-сюда: «Не потерплю!» Ее и научили — в комиссию прошений, выхлопотать развод, да чтобы вина на мужа и с наложением опеки на родовое имущество, для ограждения малолетних законных детей. А меня — опекуном. Так что же, ты думаешь, из всего этого получилось? Вызывает меня сегодня председатель Совета министров и спрашивает, каково мое опекунское мнение. Случай, говорю, вопиющий; с таким паскудником-мужем жене только и оставалось, что беспокоить государя. А Столыпин мрачно мне бумагу... Как прочел я, так и засох. Смотрю на него, что твоя корова на курьерский поезд. Бумажка от Синода — одна прелесть! Копию снять попросил. Да вот она, кстати, при мне.

Князь вынул из кармана на груди сложенный по-канцелярски вчетверо листок и прочел:

— «Государь император на прошении отставного гвардии полковника такого-то, в воздаяние боевых заслуг и ран, просителем на поле брани за минувшую русско-японскую кампанию полученных, всемилостивейше повелеть соизволил: разрешить, в порядке наградном, ему, просителю, продолжать выполнение наложенной на него святейшим Синодом епитимьи безбрачия по вступлении его, просителя, в новый, четвертый законный брак с девицей такой-то».

Князь Луховской последние слова договорил уже фальцетом, давясь от смеха, и, кончив, воскликнул сквозь слезы:

— Да ведь это филигрань — Бенвенуто Челлини!

Поняв, что от отца все равно она толку не добьется, Софи поставила вопрос ребром.

— Нет, папа, с меня довольно. Я решила. Не хочу быть всеобщим посмешищем!

— Позволь, позволь, зачем же...— Князь, сморщившись как-то по-детски, провел ладонью снизу вверх по лицу.—

Первое: у Голыниных сейчас на вечере пол-Петербурга. Поезжай непременно... покажись. А главное — одумайся. Все это пустяки, эпизод. Как отец тебе советую.

Софи встала, почувствовав, что в одном отец прав: нельзя терять достоинства. Она поедет на вечер. И вообще, пусть только попробуют над ней смеяться!

Князь Луховской воспользовался ее движением, чтобы прекратить затянувшийся столь некстати разговор, и, выхватив ротонду Софи из рук подоспевшего с каретой выездного, сам бережно-галантно укутал дочь.

— Красавица ты моя,— напутствовал он ее и, сделав ручкой, поспешил наверх к брошенным среди игры партнерам.

У Голыниных была в почете серьезная музыка. Вечер и на этот раз начался концертом. Когда Софи приехала, он был в разгаре.

По лестнице, уставленной растениями, два лакея в чулках бережно переносили вниз, в запасные комнаты, футляр с драгоценной виолончелью приезжего виртуоза. На верхней площадке охорашивался окончивший свой номер знаменитый польский пианист, горбоносый, с рыжими кудрями.

У входа в зал толпились запоздавшие мужчины.

Софи встретил в дверях самодовольно любезный хозяин дома, член Государственного совета по выборам. Он, видимо, был в упоении щегольнуть перед знакомыми и безукоризненной акустикой заново отделанного помещения, и удвоившимися после японской войны доходами своих уральских заводов, и собственным умеренным либерализмом. Последнее позволяло ему принимать одновременно двор и полезных на всякий случай общественных деятелей.

В глубине переполненного зала, за низкой изгородью гиацинтов, Ван-Дейк и Литвин исполняли дуэт из «Тристана».

Вручая Софи отгравированную музыкальную программу, Голынин предупредил шепотом, что до жены сейчас никак не добраться. Софи нетрудно было понять, почему: хозяйка дома занята членами императорского дома.

В эту минуту певцы умолкли. Рассыпались учтиво-приглушенные хлопки. Софи заискала глазами свободного места.

— Veuillez passer une chaise pour la comtesse Repenine[1],— сказал Голынин, дотрагиваясь до одного из стоявших перед ним молодых людей.

В толпе, запрудившей проход, седеющий военный, с бархатным воротником и серебряными генеральскими эполетами, обернулся и выразительно осклабился.

— Позвольте представиться, графиня... Я восторженный почитатель вашего супруга. Вот это орел! Побольше бы таких в российской армии.

И генерал закатился протяжным смехом, напоминавшим ржание.

— Вы очень любезны,— пролепетала Софи и запнулась: к дверям пробирался со скучающим лицом Адашев.

Она поманила его веером, в надежде, что он ее выручит. Отделаться от генерала было не так легко. Схватив за ножку переданный ему через головы соседей золоченый стул, размахивая им с опасностью для окружающих, он продолжал изливаться в похвалах Репенину:

— Служба для вашего супруга — не карьера, а долг. Сразу видно — из фельдмаршальской семьи. А уж задирист! Что говорить: летать рожден, не ползать... как другие.

Ученый военный покосился с враждебной многозначительностью на свитский кафтан и мирные ордена подошедшего к Софи Адашева.

Хозяин метнулся в сторону генерала, приложив указательный палец к губам: за гиацинтами пухлой громадой снова выплывала Фелия Литвин.

— Уведите меня,— шепнула Софи флигель-адъютанту.— У меня что-то с головой...

Адашев, поразившись ее утомленным видом, предложил руку.

Они выбрались из толпы и, пройдя через белую ротонду с барельефами, оказались перед парадной анфиладой пустых гостиных.

Флигель-адъютант замедлил шаг.

— Что с вами?

— Зачем вы притворяетесь? — ответила Софи вопросом и с каменным лицом двинулась дальше.

---

[1] Будьте добры передать сюда стул для графини Репениной (*фр*).

Растерявшийся Адашев почувствовал себя так неловко, что долго не решался повернуть голову в ее сторону.

В третьей комнате Софи остановилась и высвободила руку.

— Я так устала!

Опустившись на диванчик перед мраморным столом у декоративного камина, она вынула платок из золотого ручного мешочка, поднесла его к пересохшим губам и в изнеможении закрыла глаза.

Адашев сел по другую сторону стола — напротив.

— Вы на меня сердитесь, графиня? — начал он, по обыкновению, полувопросительно.— Но решайте сами: мог ли я проговориться, даже если бы знал раньше?.. В личную жизнь старшего товарища не вмешиваются... Да и как заподозрить... зная вас, зная — какая вы!.. Впрочем, и сейчас, мне кажется, нет особых оснований брать всерьез...

Софи в упор на него посмотрела.

— Конечно! Муж пошалил — невелика беда?

Адашев почувствовал мгновенно, что пошел по неверному пути. В интонациях Софи сквозила глубокая обида... Она ждала от него совсем другого.:. Как бы все это его обрадовало, не будь она женой Сережи Репенина!

Чтобы не выдать себя, он сделал равнодушное лицо.

— Вы, кажется, не поняли меня, графиня... Я не оправдываю. Я просто не могу быть судьей. Ведь у меня совсем другие взгляды... И, вероятно, вы это сами знаете. Будь я на месте... Впрочем, как видно, я из породы тех, кого называют однолюбами.

— Тоже, разумеется, из принципа?

Но ирония Софи прозвучала неубедительно. В эту минуту она впервые приглядывалась к внешности Адашева.

С досадой и смущением Софи заметила, как трудно уловить изменчивый оттенок его глаз. Но, в сущности, он недурен собой. В удлиненном овале, в мелких, но отчетливых чертах худощавого лица со щеточкой подстриженных усов, в правильных пропорциях всей его фигуры была какая-то приятная латинская законченность.

Ощутив на себе этот взгляд Софи, флигель-адъютант перестал удерживать мучившее его желание — желание сказать ей больше, гораздо больше...

Всем телом подавшись вперед, он уперся обоими локтями в узорную мраморную доску.

В соседней гостиной, где раньше сиротливо пустовал ряд ломберных столов, послышались громко спорящие мужские голоса.

Один из них, дребезжащий, ядовитый голос матерого бюрократа, доказывал:

— Вот мы сегодня пируем, а радоваться, ей-богу, нечему. У всех на языке: Столыпин! Но ведь в случае чего преемственности никакой... Нет, господа, хорошего мало. У меня давно под ложечкой сосет. Все наши ликования сегодня в театре, да и этот вечер с итальянцами смахивают, как хотите, на пир во время чумы. Недалеко до греха! Чует мое сердце, что с каждым днем он все ближе, ближе... Господа, грех у двери!..

Софи выпрямилась и подняла голову. Откинувшись в кресле, Адашев увидел в зеркале перед собой противоположный угол соседней комнаты: четверо мужчин рассаживались вокруг одного из карточных столов.

Говоривший сел спиной к Адашеву; остальных он узнал: это были видный думский деятель и двое престарелых сановников.

Думец, распечатывая колоду карт, заговорил в свою очередь внятно и громко, с профессиональным надрывом политического оратора. Его мощная, громоздкая фигура олицетворяла, казалось, просторы родного хлебородного чернозема.

— Корень зла, я полагаю, найти нетрудно. Бюрократическая машина безнадежно устарела. Давно пора ее омолодить, влить свежую струю, привлечь новые силы. Они есть! Я верю, беззаветно верю в земскую Россию.

— Виноват,— сухо отозвался один из престарелых сановников,— такого рода увлечения весьма опасны...

Его угрюмое костистое лицо, вся его внешность производили впечатление, что вокруг него на аршин и трава не растет.

— Прошу извинить,— продолжал он бесстрастно и отчетливо,— но что до меня, я совершенно другого мнения. В России, напротив, все общественное, гражданское — молодо больно, незрело, и не подталкивать ее пора, а попридерживать да — как говаривал *покойный Победоносцев* — подмораживать.

— А вы, ваше высокопревосходительство, как изволите полагать? — язвительно обратился партнер, сидевший спи-

ной, к своему соседу, сухонькому старичку с лицом великого визиря на иллюстрации к арабским сказкам.

Полудремлющий сановник оживился. Зоркие глазки его забегали.

— Трудно, право, сказать, что для нас опаснее: подмолаживать Россию или ее подмораживать...

Софи поднялась с диванчика

— Уйдемте отсюда.

В поисках более уединенного уголка она открыла укромную дверь под косым углом к парадной анфиладе. Флигель-адъютант последовал за ней. Они очутились в небольшой дамской библиотечке с открытыми рядами красиво переплетенных книг вдоль стен.

Софи, не садясь, спросила внезапно Адашева:

— Вы видели эту женщину. Какова она? Красавица?

— Если хотите...— Плечо флигель-адъютанта встряхнуло аксельбант.— Все на месте Но вульгарна, как одалиска с табачной коробки Может быть, я слишком взыскателен, но такие женщины меня отталкивают... Смазливое плебейство!

Глаза Софи застлали слезы. Она отвернулась и — чтобы не разреветься, как мещанка, при постороннем человеке — сжала зубами приложенный ко рту платок.

Адашев не выдержал. Волнуясь, дергая плечом, он подошел к ней ближе.

— Нет у вас человека, кому довериться, графиня, а он вам нужен... Я искренне люблю и уважаю Сережу, но я готов...— Голос его прервался.— Позвольте мне быть для вас братом. Доверьтесь мне...

Софи круто повернулась к Адашеву, вытянулась вся и свела ступни ног. Глядя исподлобья, будто сквозь него, упорным невидящим взглядом, не давая себе отчета в том, что она делает, она подняла выпрямленные в локтях руки и положила их обе, повыше запястья, на шитые погоны Адашева.

— Судьба мне послала сегодня брата. Верю и надеюсь никогда его не потерять.

Адашев вздрогнул. Этот ритуальный жест проделывала весталка при посвящении ее великим жрецом: он связывал до гроба.

Несколько мгновений они стояли молча, неподвижно. В голове Адашева тревожно мелькнуло: что же будет дальше?

Сама судьба его выручила. Из анфилады ворвались в библиотечку смех, возгласы, звуки шагов. Флигель-адъютант и Софи едва успели вернуться в комнату с камином, как из ротонды хлынула оживленная толпа.

Концертная программа кончилась; гостей по другую сторону дома в ряде комнат ждал накрытый ужин.

Впереди всех шла представительная пожилая женщина германского типа, с широким носом, слегка отвислыми щеками и шаровидными жемчужинами в ушах. Рядом с ней шла графиня Броницына. За ними, по бокам сияющей хозяйки дома, высились, как кипарисы, стройные фигуры двух моложавых военных с генеральскими лампасами вдоль длинных тонких романовских ног.

Увидев старшую по рангу великую княгиню, Софи плавно присела в придворном реверансе.

Великая княгиня подошла к ней.

— Je m'apercois enfin ou se cachait le charmant visage qu'on a toujours plaisir a voir[1].

Софи опять присела.

— Je ne cesse d'admirer votre jeune couple,— сказала великая княгиня тете Ольге.— Quel bel homme votre neveu, Repenine, et quel parfait grand seigneur[2].

Тетя Ольга встрепенулась.

— Vous nous comblez, madame[3].

Статс-дама строго посмотрела на жену племянника. Лихорадочный блеск в ее глазах и бледные, сухие губы обеспокоили старуху.

— Вид у тебя неважный,— шепнула она незаметно Софи.— Исчезай-ка себе с Богом домой до ужина: лучше не обременять желудка на ночь.— Затем кивнула Адашеву: — Доведите ее до кареты.

И прошла дальше за великой княгиней.

Флигель-адъютанту оставалось только поклониться и еще раз предложить Софи руку.

Сквозь толпу, против течения, пробивалась вместе с ними целая гурьба молодых женщин и офицеров, решивших ехать

---

[1] Наконец-то вижу это прелестное личико, на которое всегда так приятно смотреть (*фр.*).

[2] Неустанно любуюсь четой ваших молодых. Какой красавец мужчина ваш племянник, Репенин, какой настоящий барин (*фр.*).

[3] Вы балуете нас, ваше высочество (*фр.*).

освежиться после классической музыки в модный кабак на Каменноостровском, где в эту пору только начиналось веселье.

Все спускались по лестнице вместе, под болтовню и смех. Приятельницы наперебой отрывали Софи то справа, то слева, упрашивая ее к ним присоединиться. Наконец из-под полосатой палатки над панелью у входа вынырнул ее плечистый выездной.

Швейцар в треуголке, с галунной перевязью через плечо и булавой в руках прогремел зычным баритоном:

— Карета графини Репениной!

На Софи все набросились с прощальными приветами и поцелуями.

Адашев в одном мундире вышел на мороз, чтобы усадить ее в экипаж.

— Но-о!.. Но-о!..— надсаживался кучер следующей кареты, постегивая вожжой одного из своих забаловавших гнедых, ложившегося на дышло.

Вернувшись в сени, Адашев приказал швейцару позвать извозчика. Он решил не подыматься больше наверх и завернуть по дороге домой в яхт-клуб.

Флигель-адъютант расправил свою белую шапку с красным дном и, накидывая шинель, взглянул на себя в зеркало.

Лицо казалось несколько бледнее обыкновенного, но отражало обычную сдержанность и вежливую скуку; в глазах, как всегда,— холодок.

«Ты молодец, Алексей Петрович,— мысленно одобрил он своего двойника.— Горький искус в конце концов выдержан тобой безупречно; можешь с гордостью считать себя по-прежнему порядочным человеком».

Неожиданно его всего передернуло. Он быстро нахлобучил шапку, вынул портсигар и старательно занялся папиросой, боясь еще раз увидеть в зеркале свое отражение. Его словно хлестнуло тонким хлыстом по лицу: «вешалка для мундира»!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Софи вернулась домой, сама не зная хорошенько, признательна ли она Адашеву за дружескую сдержанность или несколько разочарована.

Ее охватила лихорадочная потребность деятельности.

Все придется решать самой. Лучше всего начать, не теряя времени, развод и уехать на зиму в Ниццу.

Но сначала — раздеться, обдумать и послать за Евсеем Акимовичем. Она, слава Богу, не бесприданница — лишь бы разобраться скорее, что чужое, что свое.

Софи дала себе слово оставаться спокойной, рассудительной и не утрачивать равновесия. Но взять себя как следует в руки мешала тупая, ноющая боль в груди.

Приготовленная на ночь широкая двойная постель с ослепительно проглаженными кружевными наволочками и простынями показалась ей неуютной, сиротливой. Она прошла во вторую комнату, рядом с ванной, где было проще и тесней. Перед зеркалом присела машинально, чтобы снять с себя камни. Похолодевшие пальцы плохо слушались.

Горничная принесла кованую, подбитую бархатом шкатулку; Софи привыкла каждый вечер сама укладывать свои драгоценности. Но руки стали ледяными, и к горлу подкатывал клубок. Она отстранила сложенные кучкой на туалете брошки, ожерелья, браслеты:

— Уберите.

Взгляд ее случайно скользнул по снятым кольцам. Поспешно выхватив одно из них, она его надела снова на мизинец — материнское!

Горничная, почуяв, что с барыней неладно, молча принялась возиться с путаными застежками тугого, покрытого блестками корсажа.

Софи нервно передернула плечами, блестки посыпались. С отвращением она высвободилась из упавшего к ее ногам платья: все равно больше не наденет!.. Да и при чем тут тряпки? Безвкусица, дешевка, вульгарная корысть, разнузданность, бездушие — все сходит, когда question de peau[1].

Софи едва удерживала душившие ее рыдания.

— Уйдите вы! — неожиданно для самой себя окрикнула она горничную, продолжавшую нескончаемо шнырять по комнате, что-то прибирая.

Визгливый звук собственного голоса был так резок, что Софи вздрогнула.

---

[1] Вопрос эпидермы (*фр.*).

Накинув меховой халатик, она опустилась на первый попавшийся стул. В мыслях промелькнул Адашев.

«Отчего он не договорил?.. В нем слишком много упрямого, болезненного благородства!»

«Смазливое плебейство!..» Брезгливость Адашева вызывала в ней какое-то злорадное самоутешение. Но как-нибудь представить себе, на что вообще похожа эта «одалиска», не удавалось. Зато перед глазами, как живой, стоял Репенин, хохочущий, распоясанный, с сигарой...

Вот чего стоили все его прописи! Какой надо было быть девчонкой, чтобы из такого человека сотворить себе кумира... А ведь она сама в порыве нежности накануне свадьбы в письме к нему писала: «Твои правдивые глаза... Я верю им, как Богу!»

Письма!.. В глазах у нее помутилось, как от внезапного ожога: «Il faisait lire a cette trainee toutes mes lettres»[1]. Испуг, обида, боль слились мгновенно в мысль: отнять свои девичьи письма и уничтожить!

Не задумываясь больше, она встала и торопливо пошла по комнатам к винтовой лестнице, ведущей вниз, на половину Репенина.

Всюду приходилось зажигать свет. В темноте она наталкивалась на раскрытые сундуки, картонки, ящики. Евсей Акимыч выполнил неукоснительно ее распоряжение: было сразу же приступлено к укладке вещей для переезда в Вержболово.

В будуаре на столе поблескивал граненными флаконами ее парижский дорожный несессер. Софи остановилась, что-то соображая, взяла массивный серебряный нож для разрезания книг и заодно плоскую коробку английских восковых спичек.

Они ей скоро пригодились. В проходной, куда спускалась лестница, Софи уже не знала, где выключатель. Редко представлялся случай одной туда входить.

Дальше оказалось еще трудней: все было ей незнакомо. В темной пустынной бильярдной овладело Софи то странное чувство, которое испытывает путешественник, попавший в заброшенное подземелье. Она чиркнула спичкой.

---

[1] Он давал читать своей потаскухе все мои письма (*фр.*).

Покрытая чехлом до полу прямоугольная громада бильярда выросла посреди комнаты, как исполинский гроб. Кругом со стен глядели черные рогатые головы. Рядом, у самой двери, скалило пасть какое-то пахучее щетинистое животное с подносом в лапах. Блеснули медные подхваты тяжелых драпировок, в шкафах под стеклами — ружейные стволы...

Софи зажгла три спички разом и вошла в просторный кабинет мужа.

На монументальном письменном столе торчал колпак рабочей лампы. Она дотянулась ощупью до кнопки. В конусе света обозначился сразу целый ряд разложенных на кожаной поверхности стола предметов. В глазах запестрели не совсем обычные принадлежности: чудесная петровская грушевидная пороховница из слоновой кости; какие-то медали, трубки; горка ржавой картечи на малахитовой доске; кинжалы в ножнах и без ножен — одни совсем простые, у других богатые рукояти с цветными камнями, и тут же смешная козья ножка, как у отца в деревне,— кажется, для патронов.

Догоравшие восковые спички обжигали пальцы. Софи бросила их в резное сердоликовое корытце, служившее, по-видимому, пепельницей. Затем ее внимание привлек объемистый потертый бювар с выпуклым золотым гербом.

Отодвинув тяжелое кресло, Софи села и схватилась за бювар. Раскрыла. На колени к ней высыпалась пачка любительских снимков.

Подбирая их, она увидела поочередно: прыгающих через препятствия солдат, незнакомый вид на озеро, егеря Михайлу с двумя легавыми, крестный ход, себя в шарабане; на четкой охотничьей группе, перед убитым медведем, стоял ее отец с обледеневшими усами, в валенках и меховых рукавицах... А кто это — другой старик, повыше, в шапке с наушниками?

Присмотрелась. И вдруг по манере держать в зубах мундштук узнала мужа.

Софи смутилась. Ее внезапно поразила пришедшая сейчас впервые мысль: он и она — люди разных поколений.

И вот е г о мир!..

Она задумчиво обвела глазами лежащие на столе принадлежности. От них веяло чем-то непонятным, чуждым, но для хозяина каждый предмет имел, очевидно, свою оп-

ределенную ценность и свой смысл. Подбор вещей, порядок, нарочитость, с которой все было положено и размещено, как бы свидетельствовали, что на столе нет ничего лишнего, случайного или показного.

Как она мало, в сущности, его знает!..

В полукруглой нише между колонками, украшавшими высокий задок стола, зашипели старые часы. Тоненькие колокольчики жалобно пробили несколько тактов менуэта из «Дон-Жуана».

Софи подняла глаза. Сбоку от часов был портрет цветущей молодой женщины в придворном кокошнике.

Его первая жена!.. Слышала о ней Софи немного. Запомнилось только со слов тети Ольги, что жила она с Сережей до конца душа в душу; даже перед самой смертью, в родах, умиленно целовала ему руки. На портрете ее жизнерадостное широкое, чисто русское лицо с живыми говорящими глазами было привлекательно и даже, пожалуй, красиво, если бы не закрывала лоб нелепая старомодная челка.

Софи привстала, чтобы рассмотреть поближе.

Оказалась пометка рукой Репенина: на коронации 1896.

Коронация, или, вернее, давка на Ходынке, связывалась для Софи с одним из самых свежих детских воспоминаний.

Она сидела, приготовившись к прогулке с отцом, у бабушки на полосатом диване; ей было обещано показать гулянье с балаганами. Но отец вошел мрачный, на себя не похожий и только сунул ей какую-то цветную кружку, кумачовый платок да фунтик с леденцами... И стало так обидно, что она залилась горькими слезами, снимая ненужную шляпку с незабудками. Ей шел всего десятый год.

Сколько же лет было тогда ему, Сереже?

Рассчитала, и вышло неожиданно столько же, сколько сейчас Адашеву.

Вот отчего умершая так его любила и понимала!..

Софи пристально вгляделась в глаза на портрете. Они сияли избытком молодого, безоблачного счастья.

Она задумалась...

Почему с Адашевым — посторонний, казалось бы, человек, видятся только изредка, урывками — все бывает ясно с полуслова?

Софи прислонилась к спинке кресла.

В ней всколыхнулось вдруг сомнение: она, вероятно, просто не знает жизни и желает всегда невозможного. Ей все казалось, что порыва влюбленности достаточно, чтобы оторвать человека от всякой личной жизни. А сама она любила его именно за это и в собственном своем чувстве находила для себя какую-то смутную усладу.

«Каждому положено вынашивать в себе свою частицу мировой скорби»,— вспомнились слова Адашева.

Может быть, вот где — правда! Она требовала, брала, радовалась, но взамен...

Мысли потекли по новому руслу. Все начинало представляться иначе. Негодование на мужа становилось менее отчетливым. Ее чувство к Сереже было не любовью, а только несознательным, безжертвенным эгоизмом.

Постаралась ли она когда-нибудь приглядеться поближе к его жизни, хотя бы к этим комнатам... Всякий раз, как случалось забежать сюда — покоробит от сигарного дыма, и в мыслях одно: увести поскорей влюбленного Сережу, как будто он только и существует для ее прихотей. Что он делал, о чем думал в одиночестве — ее как будто не касалось вовсе. Никогда и в голову не приходило оживить как-нибудь засасывающую его здесь атмосферу старого холостяка.

Да, до глупости!.. Ведь она ни разу не заглянула даже в его спальню.

Софи порывисто поднялась с кресла и тут только заметила, что в левой руке у нее нож из несессера.

Она вздрогнула. Стыдно стало за самое себя. Встревоженный приход сюда с орудием для взлома ящиков представился чудовищной нелепостью. Разве Сережа способен из-за случайной trainee[1] на такую низость? Как он всегда отмалчивался при самых настойчивых ее расспросах, чуть дело шло о ком-нибудь из прежних увлечений! А ведь она — его жена... Что за вздор!

Под гнетом самоукора Софи направилась к низенькой угловой двери, в которую при ней однажды маленькая Бесси вбежала, чтобы разбудить отца. Раскрыв ее, она повернула на стене выключатель.

[1] Потаскухи (*фр.*).

В небольшой комнате было холодновато. Софи заметила прежде всего, что воздух в ней пропитан тем особенным, раздражавшим ее всегда запахом, который был как бы неотделим от мужа: смесью сигары, туалетного уксуса, чемоданной кожи и еще чего-то, неприятно щекочущего ноздри.

По гладким стенам были все группы, группы; против окон, на несуразном дедовском комоде с качающимся зеркалом,— бритвы, помазки и в углу — кровать за ширмами.

Софи удивилась простому байковому одеялу в клеточку, одной плоской подушке... Пощупала рукой матрац: как камень!

Все вообще было так неприветливо, одиноко, что ей стало даже как-то неловко.

Она присела на узкую жесткую постель.

И вдруг ее сердце сжалось от мучительного сознания, что Сережа может уйти из ее жизни навсегда. На кого ей тогда опереться?

Нахлынуло еще никогда не испытанное, беспросветное ощущение заброшенности. Матери своей она совсем не помнила. Бабушка — покойница. Отец всю жизнь порхал и никогда не мог серьезно вникнуть ни во что! Адашев?..

При мысли о нем стало еще тревожней. Перед Софи развернулась картина той катастрофы, которая разразилась бы над головой Адашева, пойди он на ее защиту в открытую против Репенина. Неизбежная дуэль, ее развод — и двери перед ним закроются в Петербурге... А глубоко в душе заскребло сознание, что у самой не хватило бы сил ни отрешиться от всего, ни начать с другим новое, будничное, незаметное существование. Тогда что же?.. Женский инстинкт подсказывал, что в братстве Адашева таится что-то другое, грешное...

Софи почувствовала, что в голове пошла путаница, и растерялась. В будущем не было просвета. Надвигалось неизбежное, трудное, страшное... Она беспомощно уставила глаза в пустынный полумрак соседнего кабинета. Ей почудилось на пороге чье-то незримое враждебное присутствие.

Ее подстерегает грех!.. Господи, кто научит?

На ночном столике, рядом с крученым серебряным подсвечником, лежала книга в сморщенной кожаной обложке, из которой торчал кусок орденской ленточки.

Софи машинально раскрыла эту книгу на закладке.

Ветхую, поблекшую ленточку перерезала надпись в старинных росчерках: «С креста, всемилостивейше собственноручно пожалованного ротмистру графу Петру Репенину под Лафершампенуазом, в день полкового праздника, на Благовещение 1814 года».

Софи прочла наугад подчеркнутые на открывшейся странице строки:

«...Господи, избави мя всякаго неведения и забвения, и малодушия и окамененнаго нечувствия... аз яко человек согреших, Ты же яко Бог щедр, помилуй мя, видя немощь души моея...»

Она перевернула страницу и прочла еще:

«...И даждь ми, Господи, в нощи сей сон прейти в мире, да восстав от смиреннаго ми ложа благоугожду... во все дни живота моего... И избави мя, Господи, от помышлений суетных, оскверняющих мя, и похотей лукавых...»

Не совсем понятные, загадочные слова тотчас напомнили ей бабушку. Та, бывало, каждый вечер шептала перед угольником с иконами такие же труднопроизносимые молитвы, мелко крестясь и вздыхая, а под конец хваталась руками за спинку кровати, чтобы опуститься на колени для земного поклона.

Тогда, в детстве, Софи тоже учили молиться на сон грядущий. Но, кроме «Отче наш» и «...Владыко живота моего», она давно уже ничего толком не помнила. Она привыкла в минуты, когда на душе тяжело, обращаться к Богу просто, своими словами.

Найденный здесь, у кровати Сережи, молитвенник ее не удивил. Сережа-то знал все, что в церкви говорит священник, и на обедне даже любил иногда тихо подпевать хору...

Софи перевернула еще листок. В самой середине страницы она увидела подзаголовок: «Молитва, глаголемая наедине». В обращении к ангелу-хранителю было подчеркнуто синим карандашом:

«Заступник души моея буди... яко посреде хожду сетей многих...»

Усталость от всего пережитого за день брала свое.

Строчки рябили в глазах. Их смысл затемнялся все больше... Но было в них что-то умиротворяющее, убаюкивающее...

Софи уселась поглубже, подложив под голову подушку. Не было сил над чем-то ломать голову, что-то решать и загадывать. Словно все уже за нее давно решено, и остается только отдаться таинственной неодолимой силе, которая затягивает куда-то прочь от действительности с ее печалью, злобой и противоречиями.

Слова складывались сами собой, точно кто-то их нашептывал.

«...Отец небесный, Ты есть единая жизнь. Твоей любовью я создана. Твое дыхание меня движет. Твоим светом я вижу свет.

...Душа, управляемая Тобой, никогда, ни на одну секунду, не лишена Твоей защиты. Твоя любовь охраняет нас, направляет и ограждает.

...Приблизь меня к источнику Твоего света. Он для нас, детей Твоих,— жизнь вечная и вечная...»

Голова Софи беспомощно соскользнула набок. Веки сомкнулись.

...Вдруг ей стало страшно. С высоких козел шарабана не соскочишь, а противное существо, злое и враждебное, не отстает. Оно шуршит за плечами, и от этого шуршания у ней мурашки по спине.

Чалые полуардены бегут резвым ходом, ей хочется погнать их еще резвей, но лошади преображаются в русалок, и вместо шарабана — она уже в глубоком корытце из чего-то белого, тонкого, легонького, вроде яичной скорлупы.

Русалки быстро-быстро режут водную гладь. Шуршащее существо все-таки неотступно за плечами. Зацепившись за край скорлупы, оно отвратительно дышит ей прямо в голую шею. Скрипучим голосом над самым ухом раздается: «Vorsicht!»[1]

Она оборачивается: на скорлупе — Извольский, похожий на большую хищную птицу. Грудь его перерезана широкой красной лентой. Он любуется на свои ногти — тоже крас-

[1] Осторожней! (*нем.*)

ные — и лукаво бормочет, но как будто голосом Адашева: «Не беспокойтесь, on arquepince le grand favori»[1].

Из-за него высовывается всклокоченная голова рехнувшегося мельника; старик тычет пальцем в воду, приговаривая: «Дочь моя — не русалочка, а жандармиха!..»

Она пугается, вскрикивает, хочет отогнать его и ударяет по краю корытца.

На мизинце у нее материнское кольцо с изумрудом. Она смотрит на него: беспорочный изумруд треснул, потускнел; во все стороны расползлись перистые узоры, как иней на окне.

И вот квадратный зеленый камень начинает расти, все растет, бледнеет и вырастает в зияющее окно, за которым клубится густой туман.

Окно надвигается на нее, тянет к себе, втягивает. Что-то ее подхватывает и проносит сквозь окно и туман в пустоту. Она пугается еще пуще...

Туман редеет, рассеивается. Она видит себя сидящей за ужином на концертном балу в Зимнем дворце.

Необъятный Николаевский зал обращен в рощу широколиственных пальм среди зарослей живых цветов. Сотни раззолоченных лакеев, золотые блюда; мундшенки, арапы, скороходы... Давно знакомая, привычная роскошь царского приема ей кажется чрезмерной, неправдоподобной.

Кругом — все знакомые. Тут и тетя Ольга, и князь Жюль, и Сашок, и княгиня Lison, и Голынины; только отца почему-то нет. Сидят они нарядные, веселые, но странно: у всех — глаза закрыты.

Сама она вся в белом и в блестках. На лбу у нее парадная диадема. Верхние девять жемчужин такие тяжелые, что головы не повернуть и ноет в висках.

Прямо напротив, за соседним столом,— государь в красном кавалергардском колете; лицо у него необычное, белое, как крахмал. Он глядит на нее внимательно и моргает правым глазом. А левого глаза будто вовсе нет.

Ей жутко, хочется спросить у Сережи... Но он молча встает из-за стола, идет по залу вдоль пальмовой аллеи и уходит, не оглядываясь, все дальше, дальше... дальше...

[1] Ущемляют всемогущего фаворита (*фр.*).

Внезапно — точно молния с багровым блеском. Люстры, пальмы, лепные карнизы, столы с золотыми блюдами, кавалергарды в супервестах у дверей... все гости, государь закачались, завертелись и попадали. Она кричит: «Сережа!» Он оборачивается. Но в зал врывается поток какой-то бурой липкой мути и хлещет между ними, все сметая по дороге. Она хватает за руку Адашева: «Спасите!» А он сидит без аксельбанта, на голове ермолка, в расширенных зрачках какой-то странный блеск, и бессмысленно хохочет...

В смертельном ужасе она глядит на материнский изумруд: «Пока он цел, безвластна вражья сила!» Но заветный камень тут же, на глазах, вспухает, надувается...

И вдруг он лопается, испуская смрад, как пузырь на чертовом болоте.

П. Жданов

НИКОЛАЙ РОМАНОВ – ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАБРОСКИ

Ave, Caesar! Morituri te salutant...

ВЧЕРА

I

НИКОЛАЙ И РОССИЯ

Задыхаясь в припадке водянки, в ясный осенний день умирал царь Александр III в Крыму, в своем Ливадийском дворце. Лжесвятой «старец» Иван Кронштадтский, исступленно выкрикивая, возлагая руки на умирающего, провожал его в «лучшую жизнь». А у кресла царя стоял невзрачный, с бледным лицом человек в полковничьем мундире, с красными, заплаканными глазами, скрашивающими незначительное, маловыразительное лицо с мелкими, женственными чертами...

Это был наследник трона, Николай. Тут же стояла высокая стройная женщина, немецкая принцесса Алиса Гессенская, на которой умирающий отец приказал жениться старшему сыну.

Хотя и странное, малообъяснимое, но все же искреннее чувство питал наследник к некрасивой, развратной, но умной танцовщице, с которою жил много лет, имел детей... Но — приказ был дан... Полковник подчинился ему беспрекословно, взял в жены «гессенскую муху», как уже успели прозвать в народе Алису... Гражданская жена как бы по наследству была передана другому великому князю из многочисленной семьи Романовых...

И Николай, бледный и безмолвный, стоял у кресла, в котором умирал царь, метавшийся и от предсмертной муки, и от сознания того, в какие ненадежные руки переходят после него власть над огромным царством и судьба рода, участь всей династии.

Если и раньше Николай Александрович не проявлял блестящих способностей, не отличался силой воли и твердостью характера, то после удара саблей по голове, полученного в Японии, юноша окончательно утратил душевное равновесие, не говоря об умственной ясности. Где остался рубец от удара, там кости черепа разрослись, стали утолщаться и вечно давили на мозговую оболочку, вызывая этим неправильность, расстройство деятельности в левой половине мозга. А это неизбежно отразилось на всей духовной деятельности Николая.

И только одно осталось незыблемым в будущем повелителе России: безукоризненная дрессировка, усугубленная влиянием властного, беспощадно требовательного отца, который порою не брезгал расправляться «собственноручно» с виновными...

Окружающие, даже самые близкие люди, порою дивились: каким спокойным на вид остается будущий царь в минуты самых острых переживаний.

Вечной улыбкой и ласковым, словно заискивающим выражением своих красивых «газельих» глаз юный полковник — царь в грядущем — подкупал людей недальновидных, пугал тех, кто умеет под внешней личиной нащупать душу человека.

— Это второй Александр Благословенный! Такой же prince-charmeur! — лепетали придворные красавицы, кандидатки на фавориток.

— В тихом омуте черти водятся!

Так можно было резюмировать соображения более дальновидных, наблюдательных людей...

А события шли своим чередом...

Алкоголика-царя не стало. Его грузное, налитое водой и вином тело стало разлагаться чуть ли не сейчас же после кончины... Не помогло и бальзамирование...

Над великой империей воцарился маленький человечек в мундире полковника, с глазами газели, с умом штык-юнкера, с душою обывателя.

Пришло время прибыть в Москву, осенить шапкой Мономаха свой проломленный сталью череп, возложить священные бармы Мономаха на плечи, где тесно было даже полковничьим эполетам...

Но после гнета, испытанного в годы царствования Александра III, народ еще не предвидел, что наследник будет хуже отца.

Россия ждала чего-то, на что-то надеялась...

Правда, надеялись только широкие темные массы, полагавшие, что молодой, кроткий на вид новый царь будет лучше старого.

Сознательные круги, даже военные, знающие близко полковника, только покачивали головами.

По Москве, задолго до прибытия сюда на коронацию царя, ходило крылатое слово:

Смущенные Рока игрой,
Теперь одного мы желаем:
Чтоб царь Николай наш Второй
Нам не был «вторым» Николаем!..

Этого не случилось в полном объеме, но вовсе не по вине нового царя. Насколько он духом, волею и умом оказался мельче своего тезки, настолько и последующие годы власти этого «Последнего» только в карикатурном виде напоминали крутое царствование прадеда.

Но в одном сходна их судьба: рядом несчастий всенародных отмечено царение того и другого с самых первых дней...

Темная смерть Александра I... Декабрьская резня... Казни и расправа с теми, кто считался цветом армии и русского общества в 20-х годах прошлого столетия,— широкая прелюдия к симфонии произвола, разыгранной в России царем-палачом Николаем I и спустя тридцать лет закончившейся крымским позором и самоотравлением...

У Николая II было почти все то же, но в более мелких размерах, подходящих к его мелкому облику...

Помню Москву в дни «священной коронации»... Первый день, въезд императора в древнюю столицу. Перед этим весь город был тщательно очищен от «подозрительных»

людей... Не было почти дома, где не нашлось бы арестованных... Тысячами высылали людей, совершенно безвинных, из Москвы... Все арестные дома были переполнены... Из охотнорядцев была навербована целая дружина, и вместе с тысячной толпой постоянных и временных членов «охраны» потянулась эта дружина вдоль Тверской улицы и дальше, к самой заставе, откуда должен был появиться новый царь...

А впереди этой охраны, заменяющей настоящий народ, протянулись еще шпалерами войска...

День был чудный, солнце грело... Но никто не смел раскрыть окна на пути царя и царицы...

Николаю внушили, что составлен против него заговор. Сразу постарались создать стену между Россией и ее юным, безвольным, недомыслящим царем...

И я видел, как он ехал, бледный, испуганный, между рядами войск... Я слышал эти «громовые клики радости», которые испускали наемные охранники из своих широких грудей...

Левой рукой держа поводья коня, правой царь-полковник то и дело салютовал народу... А сам старался не глядеть по сторонам, откуда ждал смертельного удара — анархистской бомбы...

Как зачарованный глядел он вперед, не правя конем, который был выдрессирован, чтобы не пугаться кликов толпы...

В золоченой карете, немного позади, ехали две женщины в парчовых белых платьях: вдовствующая императрица и жена нового царя, «благоверная царица Александра», из немецких принцесс...

Царица-мать, маленькая, стройная, с лицом более моложавым, чем у ее невестки, с красными пятнами на щеках, тоже боялась, волновалась, но владела собою и старалась как можно приветливее кланяться народу московскому.

Алиса сидела бледна как смерть, неподвижна и пряма, как изваяние, едва кивая головой в ответ на приветственные клики войска и охранников...

Толпы, стоящие совсем вдали, глядели... и безмолвствовали!.. Всех обидело, что настоящего московского народа не пускают вперед — приветствовать нового царя...

Вдруг шествие остановилось...

Вдали, где высилась казенная желтая громада генерал-губернаторского дворца, началось какое-то смятение... Прозвучали резкие призывы рожков.

Что это? Открытый мятеж? Нападение заговорщиков-революционеров? Почему оттуда?

Совсем помертвел полковник-царь... Но его быстро успокоил подскакавший флигель-адъютант:

— Дым и пламя показались из-под крыши дворца, мимо которого лежит путь царского шествия... Пожарные проскакали, чтобы угасить огонь... Загорелось от соединения электрических проводов... Тревожиться нет никакого основания...

Торжественное шествие снова тронулось вперед, к Кремлю, где должно совершиться коронование.

— Дурной знак! Не будет счастливо это царствование!..— словно шелест прокатился по рядам народа от стен Кремля до Триумфальных ворот...

И народ угадал, душою почуял то, что было написано в книге судеб...

Свершилось торжество коронации.

Немку-царицу, Алису Гессенскую, во время этого торжества больше всего беспокоили ее... новые башмаки.

Из белой парчи, шитые на самую большую колодку, они все-таки оказались малы и жали ноги «гессенской мухи» с лапами слона, как злословили по Москве, когда узнали, что царица жаловалась близким на тесную обувь...

Коронование совершалось с ослепительной роскошью чисто византийского церемониала, поражая толпы иностранцев, которые съехались со всех концов мира, желая взглянуть на редкое в наш век зрелище — на апофеоз самодержавия!

«Наблюдая московские торжества,— пишет один из очевидцев, американец Энгерсоль,— эти процессии, празднества, парады, всю ослепительную, не то варварскую, не то восточно-римскую роскошь золотых тканей, драгоценных камней, я невольно переносился мыслью к тому, что видел, наблюдая жизнь бедных русских рабочих и крестьян... думал о полуголодных миллионах людей, которые выбиваются из сил в тяжком труде... О темных подданных, скорее — рабах, которыми царь распоряжался, не щадя их тела и души...»

Но все-таки новый повелитель вспомнил и о своем народе, о москвичах, которые всегда считались вернейшими сынами родины, надежнейшим оплотом самодержавия и династии Романовых, хотя этот род давно потерял последнюю каплю русской крови, восприняв немецкую от членов Готторп-Голштинской фамилии...

Начались «народные празднества»...

Далеко-далеко от остальной части Ходынского поля, на его краю, поставлен был царский павильон. Густые ряды войск темнели перед ним.

А дальше, на открытом поле, где незасыпанные колодцы, плохо прикрытые, зияли, как волчьи ямы, были раскинуты неуклюжие бараки, навесы, откуда предполагалось раздавать народу «царские подарки»: копеечные кружки, линючие платки, в которых завязано было по куску колбасы, несколько пряников, леденцов и горсть орехов...

Жалкие дары!

Для получения их уже с ночи стали стекаться к Ходынке десятки и сотни тысяч народу...

Поле было оцеплено, и толпы особенно сгрудились у входов, у ворот, ведущих в коридоры, которые потом сыграли роль мясорубок для потока живых тел, хлынувших в проходы за гибельными дарами, за жалкой царской подачкой, чуть подан был роковой знак...

В тесных проходах люди давили друг друга... Волна полуудушенных, избитых людей, с переломанными ребрами и членами, наконец, выливалась на Ходынское поле... Но сзади напирали новые толпы... Все кидались к баракам, где надеялись получить коронационную памятку... И целыми сотнями валились люди в старые незасыпанные колодцы... Другие сотни падали сверху, давя нижних, ломая им ноги, руки, погребая под собой...

И царь не кинулся туда со своими войсками, не постарался спасти, кого можно... Он быстро уехал, даже не разобравшись хорошенько в том, что происходит там, где больше трех тысяч трупов было подобрано после этого «царского угощенья» на Ходынском поле...

Было назначено, конечно, расследование. Выяснилось, что причиной катастрофы был тот разлад, который возник между людьми, окружающими молодого царя, и московской высшей администрацией. Последнюю устранили почти от всякого активного участия в коронационных торжест-

вах... И мстя «пришлым», желая подставить им ножку, московские заправилы с великим князем Сергеем Александровичем во главе не пожалели тысяч и тысяч людских жизней.

Как говорили потом, царь пролил слезу, узнав о том, сколько жизней унес его праздник...

Но юного полковника успокоили историческими примерами:

— Столько ли еще людей погибло на празднике, устроенном для Екатерины ее фаворитом Потемкиным! А при коронации Луи-Филиппа десять тысяч народу было покалечено и раздавлено во время большого фейерверка и других празднеств...

И царь успокоился... Следствие окончилось ничем. Начальство осталось нерушимо... А трупы похоронили в большой «братской» могиле...

Только народ еще с большей уверенностью зашептал:

— Плохо начинается царствование... Быть беде!..

Беды не заставили себя долго ждать.

Если народ ждал худа, чуя будущие беды сердцем, все мыслящее общество поняло, что предстоит впереди России, в тот самый миг, когда юный император с первой царской речью обратился к тысячеголовой толпе, к «ходокам народным», которые в лице представителей всех сословий и народов России явились приветствовать монарха.

Сбитый с толку жадной придворной сворой пройдох и шептунов, ловких интриганов, с Победоносцевым, этим злым гением России, во главе, Николай Последний сразу подпал под мертвящее влияние «обер-прокурора небес», как подпадали под его власть и дед, и отец молодого царя...

Явившись перед лицом избранников целой земли, император всероссийский не нашел для них простого, искреннего привета, царского слова...

Напуганный призраком крамолы, от которой так долго прятался покойный царь, замуровавший себя в Гатчине, Николай Последний, волнуясь и бледнея, труся в душе, но с наглым, решительным видом, по бумажке прочел то, что было ему внушено Победоносцевым и остальной придворной шайкой...

Земля стояла перед юным царем, ожидая возрождения, надеясь на проблеск свободы, хотя бы в виде «куцей конституции», о которой толковал во дни «диктатуры сердца» близорукий наивный кавказец Лорис-Меликов...

Но вместо желанных слов они услышали казенную бездушную речь, которая кончилась знаменитым крылатым выражением о «бессмысленных мечтаниях», облетевшим и Россию, и целый мир...

Потускнело все кругом в глазах посланцев всенародных... Солнечный день угас...

Вместо юного царя, надежды России, все увидели перед собою говорящую куклу в полковничьем мундире, живой коронованный граммофон, твердящий только то, что наговорят ему другие...

Разъехались земские посланцы... И с ними по всему царству прокатилась весть:

— Бессмысленный юноша при первой встрече со своим народом решился оскорбить заветнейшие народные верованья и мечты...

И кроме стены из прихвостней и жандармов, между народом и Николаем Последним встала стена охлаждения и отчуждения.

Но в распоряжении двадцатишестилетнего полковника-царя было еще несколько миллионов штыков... Казаки и жандармы избивали у Казанского собора юношей и девушек, посмевших кричать о праве народа...

А впереди назревала первая гроза, надвигались новые, все более и более темные тучи...

Покойному Александру III удалось устранить войну с Германией, на которую толкали коварного соседа многие причины...

Но шайка, окружающая царя, все эти родичи-воры во главе с адмиралом Алексеем Романовым, Безобразовы и К°, не насытилась русским золотом, которое грабила без стыда...

Под видом развития военного флота адмирал Алексей Романов начал свое пресловутое судостроительство... И миллионы денег, крупный град бриллиантов посыпались в сундуки любовницы адмирала, балета и в его собственные...

Покойный Бирилев еще в 1898 году писал адмиралу Мессеру:

«С несказанным ужасом прочел я ваш отчет. Что же это такое? Флота нет. А то, что строится,— выходит негодным... Нам придется за все рассчитываться во время войны, когда на карте будет стоять честь, а может быть — и целость России! Все интересы флота сведены к личному интересу одного человека (в. кн. Алексея)! И в этом бы еще полбеды. Беда в том нравственном разложении, которое из этого истекает... Деньги зря растрачиваются, а дело не делается.

Строили же казенные верфи прежде, строили долго, дорого, но крепко. А теперь строят не дешевле, так же долго, но из рук вон плохо!

Нет, лучше не быть властью, чем не уметь ею пользоваться! Кроме морского управления — и все остальные отрасли не лучше, если в них разберутся люди, умеющие говорить правду не стесняясь».

И как бы в подтверждение этих строк в заграничных газетах появлялись фотографические снимки с расписками в получении миллионных взяток, подписанными... генерал-адмиралом великим князем Алексеем...

Но последний Романов, всецело подпавший под влияние окружающей его клики, ни о чем не думал...

— Все вздор! Россия могуча! — твердил он.— А эти сказки пускают наши враги...

На протесты лучших людей из народа ответил сперва — памятником своему самодуру-отцу на площади Николаевского вокзала, где кончается «Великая Российская дорога», ведущая от Балтийского моря к берегам Тихого океана, дающая выход царству в незамерзающую гавань Владивостока...

Народ «ответил» царю стихами-загадкой:

Стоит комод,
На комоде — бегемот.
На бегемоте — идиот.
На идиоте — шапка, и на шапке — крест;
А кто отгадает — того под арест!

Не думая, что новый путь может смутить близких соседей, «макак японцев», Николай поддался происка Безобразова с присными, которые втянули Россию в войну, окончившуюся позорным Портсмутским миром...

Этот тяжкий урок почти бесследно прошел бы для царя, но тут грянул первый раскат решительной грозы. Ропот народной тоски и гнева...

Я, как и миллионы моих современников — жителей одной и другой столиц,— помню эти грозные дни. Город с миллионным населением, погруженный во тьму... Костры на улицах, вокруг костров — конные и пешие солдаты... Пушки на перекрестках... Треск пулеметов, разрывы картечи вдоль Невы, навстречу черной толпе, идущей требовать справедливости и свободы,— свинец и смерть!..

Десятки тысяч людей помнят ясное морозное утро 9 января 1905 года... Дворцовую площадь...

Море голов, волны людские заливают Невский, Адмиралтейский проспекты и прилегающие улицы...

Тут и женщины, и дети, и генералы, и литераторы, артисты и ученые...

Ждут, когда появится рабочая масса, через Зубатова и Гапона, через труп Плеве пришедшая к сознанию, что «только в борьбе с самодержавием может найти и получить свои права русский народ»...

Там, у Зимнего дворца, рядами темнеют войска... Кавалерия, пушки... Гвардейская пехота... Жандармерия... Весь оплот царской власти...

У самого подъезда дворца вырисовываются очертания могучей фигуры великого князя Владимира Александровича, окруженного несколькими свитскими офицерами.

Он только что по телефону сносился со своим родичем-царем, получил определенные указания и ждал лишь момента для выполнения царской воли.

Но и этого не сумел сделать удачно «достойный» отпрыск Романовых...

От Исаакия показалась огромная толпа народа: впереди священники с иконами в руках, с Гапоном во главе... Женщины, дети, рабочие... Все — безоружны. Мирный характер шествия особенно подчеркнут, и потому толпа не верит слухам, что ее примут залпами... Не верит она и словам юных бледных всадников-офицеров, и настоянию околоточных: «Разойдитесь!.. Сейчас будут стрелять!..»

Женщины и мирные зрители густыми рядами протянулись вдоль решетки сада на углах Невского, где он сливается с Дворцовой площадью и Адмиралтейским проспек-

том. Дети, как птицы, уселись на голых ветвях, на деревьях Александровского сада...

Замерло все на площади, наблюдая, как движется вдали черная толпа людей, пришедших просить у царя хлеба и защиты от произвола его сатрапов...

И вдруг прозвучал рожок... как клекот хищной птицы, завидевшей добычу... Вопреки военному уставу прозвучал один лишь раз, а не три, как водится в таких случаях...

Владимир Александрович отдал приказ. Приказ был повторен начальником гвардейского полка, стоящего лицом к Адмиралтейскому проспекту.

И грянул дружный залп...

Не кверху, как это всегда бывает сначала,— а прямо туда, в черную толпу, в гущу людей... И сюда, по решетке сада, по его деревьям, с которых жалкими, окровавленными комочками падали тела убитых детей...

Женщины, пораженные пулями, валились без стона на мерзлую панель... С криком ужаса шарахнулась толпа прочь, давя и опрокидывая друг друга... Вослед им, в спину, грянул еще залп, поражая на бегу людей, как волков!..

Так ответил Николай Последний молящему народу на просьбу о правде и хлебе!

И что-то непонятное совершилось в природе в этот миг, когда сотни человеческих жизней были сломлены по приказу бездушного повелителя...

Высоко, светло в чистом небе сияло январское солнце... А когда прозвучали залпы, когда кровью окрасились камни и снег мостовой, когда взволнованные души ударами свинца были вырваны из тела,— каким-то бледным светящимся кольцом, как бы дымкой тумана окружилось солнце, как будто вопли и стоны раненых, вся тоска умирающих донеслись мгновенно туда, в неизмеримую высоту, и там смутили покой мировых светил...

Все-таки жертва была принесена не напрасно.

И эти залпы, и провокационная работа Зубатова, Азефа, Гапона — все то, что, казалось, творится на гибель народной мечты о свободе, привело к ее торжеству, хотя бы временному...

Кто из современников не помнит о великой забастовке, об этом параличе власти, поразившем Россию в октябре 1905 года! Именно она заставила печальной памяти Сергея

Витте, графа Портсмутского, мечтавшего о президентстве в Российской республике, дать Николаю подписать акт так называемой «куцей конституции» 1905 года.

Подписывая «Хартию свобод», скрепленную словом монарха, Николай уже помышлял о том, как, успокоив взбаламученное народное море лживыми уступками, он снова возьмет в свои руки вожжи, затянет удила, еще сильнее пришпорит бока измученному, обескровленному народу.

Что эти строки — не мое личное предположение, а исторический факт, может подтвердить выписка из протокола происходивших в Петергофе прений при выработке текста закона о созыве Государственной думы с *совещательными* правами...

Еще в феврале этого, 1905, года был дан торжественный рескрипт, подтверждающий согласие монарха: даровать стасемидесятимиллионному народу его «человеческие права»... И только семь месяцев спустя — после пролитой крови, после приказов «не жалеть патронов!» — Николай решился выполнить свое «царское честное слово»...

Правда, его заставили обстоятельства...

Правда, он думал поступить иначе... Яхта друга и советника царского, посланная Вильгельмом Гогенцоллерном для «спасения» последыша Романова, стояла под парами в Петергофе... Чемоданы были уже уложены.

Но явился Витте и сумел иначе «спасти положение».

Начались исторические заседания...

Все вокруг волновались, трепетали, давали, как умели, ответы на великие вопросы, поставленные Роком и историей перед Россией и ее царем.

Сам царь сидел, слушал, изредка задавал вопросы, высказывал свое понимание задач царской власти в ее отношении к народу.

Вот идет вопрос о том, что в первой же статье основных законов необходимо оговорить «полную незыблемость самодержавной власти царской».

— Это можно сделать в манифесте,— замечает осторожный Герарди, председатель департамента гражданских и уголовных дел Государственного совета.— Все равно положение не изменится, а закон тогда можно легче формулировать.

— Нет! — живо возразил царь.— Это не все равно. *Манифест прочтется и забудется.* А закон о Думе будет действовать постоянно...

Можно только дивиться, как откровенно прозвучало в этих словах признание царя, что манифест забудется. В этом признании — ключ ко всем нарушениям священных обещаний и данных императором слов, которые быстро потом — з а б ы в а л и с ь... Но забывались они царем, не народом... Этого не брал в расчет «всем на беду рожденный»...

Идет речь о праве законодательного почина Государственной думы.

Выслушав мнения *за* и *против*, царь хитро заметил:

— Что же? Возбуждение Думой законодательных вопросов ни к чему еще не обязывает! А против того, чтобы ограничить такое право, здесь высказаны были веские соображения. Зажимать рот — опасно. Пусть себе говорят. Мы сделаем всегда то, что найдем нужным. Ограничивать право законодательной инициативы не следует!..

Когда возник вопрос о системе выборов в будущую Государственную думу, Николай довольно пространно и откровенно заявил:

— Должен вам сказать, господа, что для меня лично представляется весьма затруднительным делом разобраться в этом вопросе: нужна ли куриальная, сословная или какая-либо иная система при выборах народных избранников... В особенности это мне трудно по новизне дела, по неизвестности того, как может повлиять это на будущие события. Что грозит нам впереди? Но я должен вам напомнить те слова, которые слышали от меня московские, курские и иные депутации от дворян и крупных земельных собственников: «Эти люди должны в будущей Государственной думе иметь столько представителей, сколько я найду нужным...»

Ответил я так вполне сознательно. Их интересы и интересы династии, всего государства совпадают всецело... Как мы видим и в империи Гогенцоллернов.

Основные земельные сословия государства — вот ядро Думы, на которое мы сможем положиться среди предстоящих волнений и бурь. Людьми земли я называю тех, кто владеет большими пространствами земли и сам работает, сидит на своих участках... Самое главное и важное для

правительства — услышать голос таких людей, применяться к ним, к их желаниям и воле...

Эта довольно пространная реплика была единственной во все время обсуждения важнейшего из законов его огромной империи.

Только еще яснее выразил государь свое мнение о том, что список кандидатов, выбранных Думою в председатели, не должен быть представляем на его высочайшее утверждение.

— *Может случиться,— предупредительно начал речь* Трепов,— что государю пришлось бы утверждать совершенно неугодных ему лиц...

— Например, Петрункевича! — пояснил Николай Последний высказывание своего угодника, товарища министра внутренних дел...

Наконец, когда зашел разговор о титуле Думы, которую предложено было назвать «Государственной»,— царь, вспоминая времена Алексея и Михаила Романовых, осторожно заметил:

— Не лучше ли назвать ее Государевой Думой?..

— Вряд ли это будет подходящее название, ваше величество! — решился подать голос граф Сольский.— Это учреждение, хотя бы и законосовещательное, является государственным органом, равным по задачам и правам своим Государственному совету... А название «Государева» сужает рамки... Поэтому...

— Хорошо, хорошо... Я с вами согласен, граф: пусть будет «Государственная!» — последовал торопливый ответ, сопровождаемый неизменной любезной улыбкой...

Но в душе, как мы знаем, у него было нечто свое.

На последнее указывает немало данных.

Только что получила Россия свою «куцую конституцию», свой кургузый парламент, как по всей стране зашевелились погромные шайки...

Финляндия была ущемлена хуже прежнего... Поляки стонали под гнетом грубых наместников, ломавших последние устои национального самоопределения в Царстве Польском... Во всех городах, где ютились бесправные, затравленные евреи, начались погромы... Убийцы Иоллоса, Герценштейна отпускались на волю... Дубровины, Восторговы, Илиодоры, всякие монархические «активисты» вроде Дезобри, Маркова 2-го и прочей сволочи находили доступ в выс-

шие сферы... Николай, украшенный значком Союза русского народа, поднесенным царю от «благодарных» погромщиков с Марковым 2-м и Замысловским во главе, принимал представителей общественных организаций, являвшихся жаловаться на «союзников», сухо и недружелюбно.

И этот же мягкий, добрый царь-батюшка нашел в себе твердость карать своих братьев и племянников самым строгим образом, вплоть до посылки на передовые позиции, под картечь, за то только, что их заподозрила властная царица-немка в убийстве своего «друга» Гришки Распутина...

На трогательную просьбу помиловать Дмитрия Павловича, питомца того же Николая, царь ответил словами: «*Никому не дано право заниматься убийствами.* Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне. *Николай*».

Ряд имен служит как бы вехами, по которым шла деятельность государя: Победоносцев... Плеве, Безобразов, Стессель, Трепов, Столыпин, Маклаков, Штюрмер, Щегловитов, Сухомлинов, Мясоедов, «распутинец» Протопопов, Фредерикс, Воейков, Нилов... Вот кем окружал себя царь земли русской во дворце, подпирая власть Риманами, Минами, Джунковскими, Спиридовичами и другими — нет имени и числа. А последней опорой царя против народа служили пулеметы и пушки в руках армии жандармов и городовых, в распоряжении второй армии — провокаторов и охранников...

Если сейчас один из бывших ближайших наперсников не стесняется обвинить низложенного царя в предательстве родины, если Воейков не лгал, что мысль об открытии Минского фронта врагу подал сам Николай Последний, то можно поверить и тому, что в припадке откровенности однажды рассказал Витте своим друзьям.

Это было еще в начале японской войны, таком же неудачном, как и конец «безобразовской» авантюры, стоившей России сотни тысяч человеческих жизней и миллиарда денег.

В обществе уже началось брожение Не только в Петрограде, но и в Павловске, рядом с царским дворцом, на музыке, где собирается самая избранная публика,— и там состоялась грандиозная манифестация.

Десятки тысяч голосов требовали от оркестра играть похоронный марш, «Марсельезу». Кричали:

— Долой войну!..

И только городовые при помощи кулаков, напирая сплошной черной стеною, могли выжать из огромного зрительного зала тысячеголовую возмущенную толпу...

Нарядная, обрызганная духами толпа высыпала в сад и там продолжала дело протеста... пока не явились войска и не прозвучал предупреждающий военный сигнал.

Вот в эти-то дни Николай открыл Витте душу, как сообщал потом вероломный министр царя.

— Знаете, Сергей Юльевич, у меня есть план... Союз с Францией Россию до добра не доведет... И я во время последнего свидания с Вильгельмом наметил такую политику... Смотрите...

Он достал листок, на котором рукой германского императора были набросаны основания русско-германского договора, оборонительного... против Франции!

— Такой же листок, написанный мною лично, хранится у Вильгельма! — говорил министру Николай Последний.— Как полагаете: не время ли дать жизнь этому нашему начинанию? Тогда сразу притихнут здешние крикуны-смутьяны, анархисты и жидомасоны, почуяв, что перед ними — неодолимая стена...

Витте, видевший, что происходит в России, понимавший, что падение династии будет стоить ему карьеры, если не жизни, побледнел и убедил царя уничтожить опасный листок.

— Если о нем кто-нибудь узнает, то прежде чем войска кайзера придут на помощь, вы будете схвачены, государь, может быть, даже убиты!..— в решимости отчаяния воскликнул министр.— Порвите бумагу.

— Вы думаете? Ну что же, я порву...— *нерешительно* надрывая предательскую запись, согласился государь...

А Витте, как он уверял, окончательно, на мелкие лоскутки изорвал эту «черную хартию», ясно подтверждающую, на какую низость и измену народному делу способен был Николай Последний, только бы сберечь свою власть, отстоять шкурные интересы династии...

Если бы даже рассказ графа Витте был приукрашен и усилен ненавистью, какую в конце дней своих питал опальный граф к Николаю Последнему,— зерно правды тут есть.

Недаром во время волнений 1905 года немецкий миноносец «Г-101» на парах стоял в пристани Петергофского дворца...

А близость русского двора, особенно «немки-царицы», к Германии особенно ярко выявилась после начала мировой войны...

И раньше шли толки в высших кругах и в народе о том, что царя окружают клевреты Германии, действующие посредством «немки-царицы», которая при помощи внушений Гришки Распутина и «тайных снадобий» тибетского врача Бадмаева окончательно подчинила своей воле «полковника Николая»...

Под видом средств, восстанавливающих мужскую способность, продажный тибетец, клеврет Германии, давал царю снадобья, от которых гасли последние проблески сознания и воли.

Не внимая голосам народа, Николай Последний мельком пробегал «выборки» из газет, которые составлялись для него ежедневно.

Конечно, окружение царя умело подтасовывать известия, попадающие в эти «бюллетени печати».

Но все же от него не были утаены известные постановления Государственного совета и Съезда объединенного дворянства, состоявшегося в конце 1916 года... Когда вся Россия осознала, что сохранение старого строя грозит гибелью стране, рискующей потерять свое место в ряду первоклассных держав и стать я в л е н н ы м владением Вильгельма Кровавого.

В это самое время Николай Последний дал разрешение Штюрмеру... и тот повел через агентов в Швейцарии переговоры с графом Бюловым относительно сепаратного мира...

Николай не думал, что этим позорит себя и Россию, отдает во власть тевтонам на поток и разгром своих союзников, честно выполняющих священный договор, подписанный ими с Россией...

Что ему за дело до этих «клочков бумаги»...

Подобно Вильгельму Кровавому, он знать не желает священных обязательств и слов, если приходится подумать о собственном благополучии, если надо как-нибудь укрепить трон, расшатанный деяниями самого царя, его самодурки, полубезумной визионистки — жены и всей плеяды пиявок и червей могильных, всосавшихся в тело Русского царства, в самую грудь русскому народу...

Но, бездарный на добро, Николай Последний не сумел тонко повести своей полупредательской игры...

Штюрмеру, русскому премьер-министру из остзейских «двоеданников-баронов», пришлось уйти. Сейчас же с успехом явились на сцену люди вроде Протопопова, Щегловитова и др.

Эти последние помощники Николая в борьбе с его же народом согнали целые толпы убийц-шпионов в дома, выходящие на главные улицы столицы... Тайно свезли сюда тысячи пулеметов, устанавливая их на чердаках домов и на колокольнях церквей.

И когда голодные толпы вылились на улицу с криками: «Хлеба! Дайте нам хлеба!»; когда женщины и дети, встречая приветами и кликами «ура» войска, шли волнами по улицам — на все мольбы ответили им по-старому: залпами пулеметов, градом свинца!..

Кровь пролилась... Хлынула волною... И сразу смыла трон того, кого зовут теперь — «Николай Романов — последний царь».

Давно жданная минута наступила...

И невольно снова просятся на уста строки, которые писал я еще в 1906 году:

I

Полночная метель бушует над столицей.
Нагрянула зима на смену теплых дней,
Когда веселою, блестящей вереницей
Надежды на «весну» рождались у людей.
Темнея высоко перед дворцом Совета,
Из бронзы вылитый, недвижный, как и встарь,—
Душитель вольностей, гаситель вечный света,—
Куда-то вдаль глядит Прапрадед, строгий царь.
Тот Первый Николай, которого потомок
«По воле Божией» на русский трон воссел...
В медвежьей шапке страж озябший присмирел.
Вдруг голос прозвучал в выси, печально громок.
Смутился гренадер. Пред ним свершилось чудо!
Из бронзы дрогнул царь... В тоске заговорил:
— Чего мой Правнук ждет?.. России с Ним — так худо!
Что день, то хуже все... Ждать — не хватает сил.
А Тезка мой живет! Уйти уж не пора ли?
Какое море зла Он за собой привел!
Россию хищники смутили, обобрали,

Повсюду нищета, насилье, произвол.
Явись же, наконец, Праправнук Богоданный!
Безвольный Властелин, игрушка злых глупцов,
Явись, последний царь, бесславный, бесталанный,
Хоть не подлец душой — но хуже подлецов!
Ты портил многое, что предки созидали...
Народ? От юного царя он счастья ждал.
И мы... За гранями нездешними — мы ждали,
Чтоб Русь свободную Ты вновь пересоздал!
Полдела свершено... Трудились много предки,
Ошибки делали, платили за грехи...
Бывали прадеды — безвольны и плохи,
Да верилось: «Беду поправят детки!»...
И не сбылась мечта! Какой-то рок суровый
Лежит, как вижу я, Праправнук, на Тебе.
Запуган гидрою дворца многоголовой —
Не можешь устоять, ни уступить в борьбе.
Как вижу я: печать Твой жребий роковую
На бледное чело сурово наложил:
Невольно рушишь все, чему твой род служил,
Льешь м е р т в у ю струю в народа мощь живую!

II

Ты шел принять венец... Смятеньями, пожаром
Ознаменован шаг к престолу первый Твой...
Ты занял пышный трон с поникшей головой,
И ряд печальных лет прошел сплошным кошмаром.
Гремел могучий клир: — «Осанна! Аксиос!»...
А Ты? Ты, торжества великого виновник,—
Сам ясно сознавал, что духом не дорос,
Не император ты Российский, а «полковник»,
Ничтожный выскочка!
...С неслыханных времен —
Позора худшего земля не испытала.
Душа народная в тоске затрепетала.
И прозвучал над Русью тяжкий стон.
Ста тысяч сыновей у матерей не стало...
Убиты на войне позорной... иль — в плену!
Кто затевать посмел с Японией войну,
Когда сама земля о ней и не мечтала?!
Вокруг — печаль, нужда... И голод в дверь стучит
Костлявою рукой в жилища полуцарства!
Теперь — «на времена на тяжкие» — ворчит
Само продажное, изнеженное барство...
Для бар — лишь «времена тяжелые» пришли...
А для народа — тьма вечна и непроглядна.
И трудно баричам из выжатой земли
Сосать последний сок и нагло так, и жадно!

III

Ты скажешь, что и я повел неравный бой...
Но, пораженный, снесть не захотел позора.
За промах заплатил короной и собой!
И Русь воспрянула... Земля воскресла скоро...
А Ты? Чего Ты ждешь? Иль слишком волей слаб,
Чтоб смело следовать по моему примеру?
Верь: тот — не Властелин, а злой и жалкий раб,
Кто смеет власть влачить, в себя утратя веру!
Я видел: Твой дворец был густо окружен
Народом трепетным, измученным, молящим.
А чем ответил Ты мольбе детей и жен?
Свинцом губительным, без выбора разящим...
Знак подан... Звук трубы... Рокочет залп, как гром...
Еще... еще!.. В толпе — смятенье, клики...
Убитые лежат... алеет кровь кругом...
Поступок царственный, поистине — великий!
Кровь проливал и я на этой площади...
Но в глубине дворца не прятался трусливо...
Средь верных гренадер был первым, впереди...
Не осквернит мой прах укор толпы глумливо.
Ты ж, Тезка?! Ты покрыл позором навсегда
Тебе врученное мое былое имя.
Царь без величия, без сердца, без стыда,—
Презренный для врагов,— Ты не любим своими!
Жизнь за вопросами несет Тебе вопрос.
Бессилен Ты решать... ни дипломат, ни воин...
И вот чрез много лет звучит не «аксиос»!
Ты власти и любви народной — не достоин!

IV

Так что же не идешь? Приди скорее. Жду!
Путь очищай другим. Дай родине свободу.
На русский трон воссел Ты на беду
И роду нашему, и целому народу!
Проснулась вся земля... В ней голоса звучат,
Живые голоса, могучие... с тоскою!..
Тебя молю теперь за землю, за внучат,
Чьих дедов я давил державною рукою.
Теперь мне ясно все. Мой грех я вижу живо.
Все понял... Но при мне не знали столько зла.
Не крылась во дворце позорная нажива.
Я не щадил порой и близких... И с чела
У родичей-воров, у князей благородных
Срывал короны... Сам судил их и карал!
Мой дядя или брат — у храма б не украл
Грошей кровавых, лепт народных!

Да, если б я узнал, что пушки, корабли
Украдены... лежат в брильянтах у блудницы...
Я вора предал бы позору всей земли,
Я снял бы крест с моей царицы,
Чтоб чести долг отдать за брата, за родню...
Пал Севастополь... пал и я за той святыней...
Японский реет стяг над русскою твердыней,
А Ты — живешь, царишь!.. И я — Тебя виню.
Прощения не жди. Быть может, Ты умрешь
Спокойно, много лет снося клеймо позора...
Все может быть... Но помни: приговора
Ты милосердного за гробом — не найдешь!

V

Решайся! Отрешись от трусости природной...
Одним мгновением Ты можешь искупить,
Ты можешь разорвать минутой благородной
Всей пошлости былой запутанную нить!
Свободу дай стране! Уйди, как смелый воин,
Который победить не мог и пал в бою...
И памятника, верь, Ты будешь удостоен...
От гибели спасешь династию свою...
Скорей же уходи!.. Я жду! — опять тоскливо
Из груди бронзовой далеко пронеслось...
Но эхо над Невой застывшей, молчаливой
На царскую мольбу одно отозвалось...

Очнулся гренадер... Опомнился от грезы...
Недвижен Всадник-царь, и не звучат угрозы...
Уж близко и рассвет... Идут... к нему на смену...
Угрюмо ветеран уходит и ворчит:
— Не скажет ничего солдат Твой... Промолчит
Про жалкого царя... про гнусную измену!..

Так я писал еще одиннадцать лет тому назад [1]. Так думал и чувствовал вместе со всей Россией...

Но Николай Последний думал и чувствовал по-иному... Заключил Портсмутский мир, дал пародию на парламент народу и понемногу снова стал все поворачивать на прежний лад... Покорный «дружеским внушениям», идущим из Берлина...

Быть может, принимая во внимание долготерпение русского народа, последнему Романову и удалось бы еще дол-

[1] С некоторыми изменениями эти стихи были напечатаны еще в 1906 году в моем сборнике «На заре свободы», в первом и втором его изданиях.— *Л. Ж.*

го глушить мысль народную, давить душу, глумиться над лучшими ожиданиями и стремлениями земли. И умер бы он самодержцем на троне...

Но — грянула мировая война...

И карты смешались... События пошли с безумной, неудержимой и ни с чем не сравнимой быстротой.

II

НИКОЛАЙ И ВОЙНА

В день объявления войны с Германией — 20 июля 1914 года, в ясное летнее утро стотысячные толпы народа усеяли берег Невы у Зимнего дворца, заполнили сплошь Дворцовую площадь, ожидая прибытия царя с семьей из Петергофа, где он проводил лето.

После полудня царская яхта кинула якорь против дворцовой пристани; от нее отчалил паровой катер с Николаем и семьей на борту; не было только болезненного Алексея, оставленного в тихих покоях Петергофского дворца.

Как волны моря по мановению жезла Моисея, расступились народные волны, и Николай с женою и дочерьми прошел во дворец между двумя стенами людских тел... Приветы народа своему вождю, как взрывы громовые, раскатывались над землею...

Народ понял, какая опасность грозит земле, всему славянству, если не удастся отразить предательское нападение тевтонов, которые свыше четверти века деятельно готовились к своему разбойничьему подвигу.

Народ чувствовал, если не наверное знал, что к этой решающей борьбе мы не готовы, как не готовы и наши союзники: французы, балканские славяне... О том, что Англия тоже пойдет против Германии, еще никто не знал...

В тревоге за будущее, в подъеме всенародного негодования против наглого натиска врагов народ понял, что надо забыть прошлое... Простить тяжкие, бесчисленные грехи старой власти, объединиться вокруг знамен, реющих уже триста лет над необозримой Русью...

И, поняв все это, простив, народ ликующей стеною окружил высший символ всенародной власти, живое выражение земской, государственной силы: своего царя, последнего Романова...

Себя, свою кровь, свое достояние каждый готов был принести на алтарь общего народного дела борьбы с захватчиками-тевтонами....

— Или мы, или они! — так понял вопрос народ русский и восторженно встречал Николая, откинув все прежние сомнения, все недоверие к государю.

А понял ли царь: какая минута совершается?

Может быть, и понял... Но выразить этого не сумел, не нашел в собственной душе подходящего отклика и слова на чаяния и громы народных приветов..

Не сумел найти и настоящего, по-русски думающего и чувствующего даровитого человека, который составил бы ему ответ на вопль народной тревоги...

Вот с какими словами обратился Николай к представителям армии и флота, которые собрались перед своим вождем в залах дворца:

— Со спокойствием и достоинством встретила наша великая матушка Русь известие об объявлении нам войны.

Кем объявлена война, как надо определить это изменническое нападение, Николай предпочел умолчать и продолжал свою речь

— Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца.

Порыв народный, кипение души в стомиллионной громаде людской царь назвал «спокойствием». Он не призывал народ выявить свою национальную мощь, всю силу своего духа... Ринуться лавиной и выгнать орды Вильгельма из пределов России, пока они не укрепились там...

Нет! Он твердил: «спокойствие, спокойствие»!..

Как твердили это его граммофоны-министры... Только бы все было спокойно и династия могла процветать.

И все же государь понимал: надо сказать что-нибудь в лад общему настроению...

И неожиданно резко прозвучала фраза, выкраденная им из манифеста Александра I, изданного в 1812 году:

— Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей...

Окружающие переглянулись, услышав намек на историческую ситуацию 1812 года.

— И к вам, собранным здесь представителям дорогих мне войск гвардии и Петербургского военного округа, и

в вашем лице обращаюсь ко всей единородной, единодушной, крепкой, как стена гранитная, армии моей и благословляю ее на труд ратный.

А через несколько месяцев из главного штаба царя полетели повсюду секретные циркуляры, натравливающие воинов-христиан на воинов-евреев и других инородцев... Эти циркуляры за подписью Алексеева, Н. Янушкевича, Яницкого, Г. Ждановича и других высших начальников даны в приложении к настоящей книге и могут ясно показать, что верховный вождь России, призывая к единению, к дружной работе по отпору врага, к забвению партийной розни, сам остался, как и был, членом дубровинско-марковских черносотенных союзов... Без попустительства и сочувствия русского царя такие погромные прокламации не могли бы летать по штабам русских армий, по всей Руси, порождая отвратительные взрывы народного самосуда там, на самом фронте, перед грозной линией вражеских полков...

Окончив речь во дворце, царь и царица нашли нужным показаться народу.

Бледный, вышел Николай на балкон. За ним, в глубине балкона, стояла «русская царица», немка Алиса. Толпа опустилась на колени. Грянуло «ура» и пение народного гимна. Конечно, можно удивляться теперь, как могла властная супруга допустить своего безвольного Нику до такой «дерзости», как объявление войны кайзеру.

Но тут приходит на ум и другое соображение.

О том, что Англия встанет за общее дело, бросит свой меч на весы мировой борьбы и этим даст перевес правому делу,— об этом еще не знала Алиса, не угадывал и сам Николай Последний...

Возможно, объявление войны, допущенное этой самой «немкой», было лишь хитрым шахматным ходом, вовлечением России в борьбу, из которой империя должна выйти разгромленной, а Тевтония — победительницей...

Кто знает?

И сам Вильгельм, как выяснилось потом, не решился бы в 1914 году вступить в войну, если бы предвидел вмешательство Англии...

А сейчас Алиса, еще не совсем оправившаяся от своего нервного нездоровья, граничащего, по словам Бехтерева и других врачей, ее лечивших, с острым помешательством, стояла в тени дверной ниши, бледная как смерть, суровая,

мрачная... И только при громких кликах народных вздрагивала и против воли все глубже уходила в тень, как это делает каждое злое созданье, несущее вред другим и вечно ожидающее, что ему кто-нибудь отплатит тем же...

Отзвучали клики... излился восторг души народной, которая в этот миг по всей земле дала безмолвную клятву грудью стать за отчизну, забыв прежние обиды и зло, нанесенные России ее царем и всей придворной шайкой грабителей-распутников.

В первые же три дня на сборные пункты явилось больше людей, чем было надо... А во всех других странах, даже в юнкерской, воинственно настроенной Германии, дело шло совсем иначе и мобилизация прошла с тем недобором, на какой рассчитывает обычно каждый генеральный штаб...

В России народ войны не ждал, не желал... К завоеваниям никто не стремился и никто о них не думал.

Но враг начал — и земля ополчилась. К сборным пунктам стали являться даже те, кто не был призван в первую очередь, не говоря о тысячах добровольцев, среди которых немалое место заняли девушки, женщины, мальчики двенадцати—пятнадцати лет, готовые стать на опасные места войсковых «бойскаутов»...

Под знаком патриотического народного подъема состоялся созыв Государственной думы и Государственного совета, разъехавшихся было на летний отдых...

В речи перед избранниками народа и членами Государственного совета, собранными в царском дворце 26 июля 1914 года, Николай снова подчеркнул, что «мы защищаем свою честь и достоинство в пределах своей земли»...[1]

— Уверен,— сказал в заключение Николай,— что все, начиная с меня, исполнят свой долг до конца! Велик Бог земли Русской!

...Покончив текущие дела, подписав неотложные бумаги, назначения вроде облечения великого князя Николая Николаевича властью Верховного Главнокомандующего, Николай отбыл в свой летний тихий уголок...

Еще одна прогулка по делам «державного представительства» ждала венценосного столоначальника — поездка в Москву.

---

[1] Полный текст этой речи см. в Приложении II в конце книги.

Это дело Николай исполнил так же аккуратно и старательно, как все, что творил во время своего двадцатидвухлетнего «сидения на троне»...

Выслушав теплые, искренние, возвышенно звучащие приветы и обеты от представителей всех сословий, населяющих Москву, ее уезды, всю Русь, перед лицом посланников всех союзных держав Николай говорил о «миролюбии русского народа, о его личном нежелании воевать, о его стремлениях найти подкрепление душевных сил в молитве у святынь московских»...

Новая речь императора всероссийского особенно уместно прозвучала здесь, в стенах древнего Кремля Московского, где каждый камень хранит отзвуки великих и прекрасных дел общеземского разума, души всенародной... Где каждая пядь земли, политая русскою кровью,— святыня для каждого мыслящего человека, не только для славянина и москвича...

— Русский народ единодушно откликнулся на мой призыв: встать дружно, всей Россией, откинув распри, на защиту родной земли и славянства...

Действительно, народ откинул распри, забыл партийную рознь и национальные счеты...

Их не забыл только он сам, Николай Романов, как мы уже видели выше...

Слова и приемы кончились...

Началось огромное, гигантское, но все же будничное дело ведения самой войны...

...Передо мною лежит несколько богато изданных книжек, написанных личным секретарем бывшего царя, генерал-майором Дм. Дубенским, выпущенных в свет министерством императорского двора...

Кажется, не может быть более благоприятствующего документа, как это сверхофициальное издание; и в тех сведениях, какие оно дает, сомневаться нельзя...

А между тем — все, что написано на сотнях страниц этих книг, тиснутых на меловой бумаге, с великолепными фототипиями, все это, начиная с портрета бывшего царя и до последнего слова, им сказанного, говорит о мелочном облике того, кто волею случая стоял во главе России в эти великие годы мировой борьбы народов.

Можно подумать, что книга написана не усердным холопом-секретарем, а тонким, злым юмористом, решившим

серьезно, даже с пафосом говорить о таких вещах, которые могут вызвать только улыбку презрения или жест сожаления у каждого из здоровых людей.

Первая поездка на фронт состоялась 20 сентября, через два месяца после открытия военных действий, и длилась всего пять дней.

Вторая — одиннадцать дней, с 21 октября по 2 ноября.

В то время, как мы читали, что король Италии, посещая фронт, постоянно находится чуть ли не на линии фронта огня, входит в малейшие подробности, Николай ограничивался тем, что в своем роскошном поезде доезжал до Ставки, вполне безопасной в отношении нападений со стороны врагов.

Со своей многочисленной свитой прихлебателей, помогающих Николаю нести тяжесть царских обязанностей, всегда сопровождаемый изобличенным изменником, военным министром Сухомлиновым, царь вносил только лишнее напряжение и беспорядок в суровый уклад тяжелой боевой жизни, которая даже на Ставку наложила свою освежающую мощную печать...

Хотел было царь явиться туда и со своим немцем Фредериксом, и с «немецким святым» Гришкой Распутиным... Но против этого восстал взбалмошный, жестокий, но все же прямой и честный Верховный Главнокомандующий Николай Николаевич...

И, конечно, если зависть подтолкнула Николая сместить своего опытного родича и самому в слабые руки взять жезл Верховного Главнокомандующего, то немало этому безрассудному решению помогли происки против великого князя со стороны царицы и ее присных с Распутиным во главе...

Но об этом после.

Покончив с подписанием целого вороха бумаг, присылаемых в Ставку из Петрограда министрами, царь, как гласит официальный отчет Дубенского, «посещал полки, несущие сторожевую службу при Ставке, обходил сторожевые посты и здоровался с донцами-казаками и гвардейцами-кавалеристами»...

Словом, все, как полагается делать... во время больших летних маневров ..

«24 октября, днем — Николай обошел все помещения лейб-гвардейского Гусарского полка и конюшни».

25 октября той же чести удостоились конюшни и все помещения лейб-гвардейского Конного полка...

Здесь Николай, после двух только месяцев войны, проронил:

— Рад видеть мою дорогую конную гвардию во время похода после первой половины войны и выдержанных ею геройских битв!..

Это было сказано полкам, только что потерпевшим полный разгром в Восточной Пруссии, сказано в первые дни войны, когда грядущее еще было темно и мрачно...

А Николаю уже мнилось, что мировая бойня прошла половину страшного пути и вступает во вторую, заключительную фазу!..

Согласно записям придворного летописца, царь не ограничился посещением полковых конюшен, казарм и офицерских собраний на боевом фронте...

Он объезжал и тыловые города, посещал крепости: Осовец, Ровно, Брест, Белосток, Ивангород, Гродно, Люблин, Седлец...

Все те укрепления и места, которые потом были взяты врагом... Частью — по прямой измене среди немецких вождей русского народа, частью по недостатку снарядов...

Обходил Николай и лазареты, переполненные ранеными, измученными людьми. Давал им кресты, медали... Все, как полагается по уставу и церемониалу.

Вот, например, разговор, отмеченный в «летописи» как особенно трогательный и значительный.

— Как ты был ранен? — спрашивает царь ефрейтора Василия Чекмарева.

— Ручной гранатой, ваше величество!

— А вы разве близко так сошлись?

— Да вот, маленько подальше, как ваше величество стоите передо мною! — наивно ответил раненый, вероятно, удивленный, что царственный вождь не знает, на каком расстоянии можно получить рану от разрыва ручной гранаты...

— А ты какой губернии?

— Костромской, ваше величество...

— А видел меня, когда я был в Костроме в 1913 году? — не утерпел, задал вопрос Николай.

Вот тяжелораненый, Кузнецов.

— Как ты себя чувствуешь?..

— Теперь легше стало! — ответил Кузнецов. И, видя, что царь не говорит о грозной войне, кипящей там, на фронте, не вспоминает о семье воина, оставшейся где-то в темной, задавленной деревенской глуши, сам добавил: — Поживем, опять пойдем сражаться с ерманцами. У нас там, в Расее, братья и отцы остались...

Николай ничего не нашелся сказать; одарил медалью Кузнецова, простого пастуха, «ласково посмотрел на раненого, улыбнулся ему и отошел», как отмечено в «летописи»...

Вот другой, подпрапорщик Кочубей, раненный в боях при реке Сане.

— Большие бои были на Сане? — вдруг задает ему вопрос Николай, как будто не знает, что там творилось...

— Так точно, здоровые были бои! — по-солдатски отвечает Кочубей.

— Лезли? — звучит следующий вопрос Николая.

— Здорово лезли! — рапортует подпрапорщик.

— Желаю тебе скорее поправиться! — закончил свою «милостивую беседу» царь и отошел...

В том же духе проходили и все остальные встречи с ранеными.

Но вот, наконец, 25 сентября — Николай проявил настоящее геройство. Дадим слово генерал-майору Дубенскому: «Государь Император, выехав из Ставки, повелел поезду остановиться и проследовал в крепость Осовец, чтобы лично поблагодарить гарнизон за отражение атаки».

«Таким образом, Его Величество изволили быть вблизи боевой линии».

«Без всяких приготовлений, рано утром 25 сентября Его Величество, оставя свой поезд, в автомобилях, в сопровождении самых близких лиц свиты: военного министра Сухомлинова (ну конечно!! — *Л. Ж.*) и др. отправился в Осовец».

«Все это было так необычно... Так просто, так близко к боевой линии: в 12 верстах в эти минуты шел бой!» — восторгается придворный летописец.

И за то, что царь не решился ближе двенадцати верст подойти или подъехать к линии огня, да за последующие подвиги в таком же роде Николаю Романову был присужден даже Георгиевский крест, который он принял и носил с гордостью.

В Ивангороде герой, комендант крепости генерал Шварц по-спартански доложил государю:

— Атака крепости трижды отбита и неприятель трижды отражен!..

Генерал говорил царю о «сверхгеройстве» русских ратей, отразивших железный натиск немцев...

Царь улыбался и слушал молча... Слушал и Сухомлинов.

И оба они сделали свое дело.

Сухомлинов постарался, чтобы не хватило снарядов... и геройский Осовец и Ивангород попали в руки врагов России... Царь ничего не сделал, чтобы помешать такому беспримерному предательству...

И эти крепости, и ряд других оказались в руках врага!

А Николай посещал фронт, гостил в Ставке Верховного Главнокомандующего... Морщил свое отекшее бледное лицо, слыша, что войска более восторженными кликами встречают Николая Николаевича, чем его самого...

И в конце концов, найдя удобный предлог, племянник сместил неудобного родича... Послал его подальше на Кавказ, вопреки общественному мнению, вопреки голосам союзников (вроде речи Бальфура, прославляющей работу великого князя на фронте)...

Работа в Ставке шла своим чередом, но ее нередко тормозил Николай попытками внести нечто от себя в стихийный ход мировой, общечеловеческой борьбы.

Войско, не говоря уже о высшем командном составе, видело, какую пользу приносит общему делу государь, но все молчали, надеясь, что Судьба поможет России...

Но когда широко прокатилась весть о гибельном влиянии немки-царицы и ее «святого» Гришки на царя и ведение войны, началось глухое, скрытое брожение и среди войск, и среди командующего состава...

Когда до фронта докатились слухи о неурядицах в тылу, где гниют запасы хлеба и мяса, а жены и дети воинов мрут от нужды и лишений, мерзнут часами в очередях за куском хлеба... Когда узнали войска, как нагло мародерствуют короли-сахарозаводчики, князьки-помещики и грабители-купцы... Как продают врагам родину оптом и в розницу всякие Штюрмеры, Сухомлиновы, Протопоповы, Питиримы, возглавляемые развратным хлыстом Распутиным... Колыхнулась громада войск, протянувшихся от Балтики до Тигра и Евфрата...

III

НИКОЛАЙ И РОМАНОВЫ

Даже старуха мать Николая, всегда презрительно относившаяся к голосам «русского полудикого общества и русской черни, этой безграмотной, грязной сволочи»,— даже она оценила правильно события последних лет и пыталась остеречь сына...

Все напрасно!

Не умея выбирать людей, нужных России на высоких постах министров и верховных советников короны, Николай служил буквально игрушкой людей, его окружающих, достаточно наглых, сильных волей или хитрых настолько, чтобы влиять на эту женственно-безвольную натуру.

И вместе с тем, сделав ошибочный выбор, Николай уже не скоро сдавался... Или сдавался внешне, а про себя, в душе, оставался неколебим и вел прежнюю линию, хотя бы во вред личным интересам и насущным потребностям народа, во вред своему роду и династии с кровоточивым мальчиком-наследником во главе.

Близкие и дальние родичи, видя, к чему может привести страну и династию такое упрямство, старались лично и при помощи людей, которым, казалось, верил, которых ценил Николай Романов, несколько образумить его... Открыть то, на что он как бы умышленно закрывал глаза, словно страус, прячущий в песок голову во время опасности.

Раньше всех подняла голос старуха мать, вдовствующая государыня. Беззаботно, весело прожившая долгую жизнь, при муже Мария Федоровна мало вмешивалась в дела по царству. Да и Александр III был не такой человек, который подчинился бы влиянию жены или любовницы, все равно.

Но когда в последние годы царствования сына особенно резко проявилось пагубное влияние, какое возымела на бесхарактерного Николая «немка-царица», Алиса Гессенская, царица-мать подала голос.

Несомненно, что особой государственной мудростью вдовствующая императрица не отличалась. Но кроме личного раздражения против невестки, занявшей первенствующее положение, мать своим здравым умом поняла, что дело не кончится добром. Особенно это стало ясно старухе после японского разгрома, когда разразилась октябрьская

революция 1905 года. И потом, когда началась первая мировая война...

Еще в 1905 году ни для кого не было тайной, что Мария Федоровна находит старшего сына малопригодным для роли Российского императора, царя Польского, великого князя Финляндского и пр., и пр.

Шли усиленные подготовления... Уже войскам и офицерскому составу некоторых гвардейских полков готовились новые шифры с вензелем нового царя, Михаила Александровича.

Но затея сорвалась почти в самом зародыше... Царица-мать долго потом жила в Дании, а вернувшись в Россию, в дни последней войны, приглядевшись к тому, что творится невесткой-царицей и самим Николаем в стенах тихого Александровского дворца, старуха — после нескольких попыток образумить сына — предпочла не видеть и не слышать позора, которым окружена была, в котором купалась царская чета.

Мария Федоровна уехала и поселилась в Киеве, где ее и застала буря Великой русской революции.

Но еще до этих священных дней старая царица приглашала к себе киевских депутатов Государственной думы — Б. Я. Демченко, А. И. Савенко, беседовала с ними о положении страны, о ходе военных действий, не стесняясь, осуждала политику и частную деятельность своего царственного сына. Когда ей задавали вопрос: «Почему, ваше величество, не выскажете своих мнений государю?» — старуха прямо заявляла:

— Слова мои никакого значения там не имеют... Я уж пыталась не раз образумить сына... Остеречь его от той опасности, в которую толкают Ники окружающие и особенно его жена. Все напрасно... Голоса моего там не желают слышать!.. И я сочла за лучшее отойти!..

Великие князья еще в 1911 году пытались создать нечто вроде союза противодействия тому гибельному влиянию, какое оказывала на мужа Александра Федоровна. Военный юрист по образованию, великий князь Андрей Владимирович совместно с другими родственниками даже набросал несколько статей, которые следовало ввести в основные законы империи, в отдел, касающийся царской фамилии, и таким образом оградить себя и династию от

печальных последствий слепого доверия, какое питал Николай к своей супруге.

Но последняя, заражая каким-то безумным, мистическим огнем безвольного «полковника», убедила его в необходимости оставить все по-прежнему, и царь даже не принял Андрея с его проектом.

Живущий в Киеве великий князь Александр Михайлович так обрисовал свое отношение к низложенному царю в беседе с сотрудником одной из крупных московских газет: «То, что сейчас происходит, далеко не является таким неожиданным. Скажу даже более того: неизбежность происшедших событий вполне очевидно определилась уже в конце прошлого года.

Было ясно, что требовались немедленные меры к тому, чтобы коренным образом изменить приемы управления государственной жизнью путем привлечения к власти элементов, пользующихся доверием страны, и устранения влияния тех темных сил, какие окружали трон и произволом которых создавалось действительно невыносимое положение.

В этом направлении и было написано посланное мною бывшему императору письмо с просьбой вникнуть в серьезность создавшейся обстановки. Об этом же в декабре 1916 года говорил я с Протопоповым. Но он стоял за то, что никакие послабления недопустимы и что запретительные меры относительно работы общественных организаций — земского и городского союзов и военно-промышленного комитета — должны остаться в полной силе. Он указывал на то, что в этих организациях много левых.

Влияние темных советников восторжествовало, ибо оно в тысячу раз превышало наше».

Первого ноября того же 1916 года явился к Николаю великий князь Николай Михайлович и долго беседовал со своим безвольным «главою рода» относительно того острого кризиса, который переживает страна. Указывал на опасное положение династии.

Чтобы лучше внедрить в память Николая свои доводы, Николай Михайлович явился с готовой запиской в форме письма.

— Вот, здесь я изложил все, что считаю долгом сказать! — объявил великий князь.— Во дворце много охраны, верных казаков: можешь приказать им сейчас же арестовать меня. Я готов на все.

— Боже мой! Неужели это так страшно, что у тебя написано? Ну дай, я прочту...

«Ты неоднократно выражал свою волю «довести войну до победного конца». Уверен ли Ты, что при настоящих тыловых условиях это исполнимо? Осведомлен ли Ты о внутреннем положении не только внутри Империи, но и на окраинах (Сибирь, Туркестан, Кавказ)? Говорят ли Тебе всю правду или многое скрывают? Где кроется корень зла? Разреши в кратких словах разъяснить тебе суть дела.

Пока производимый Тобою выбор министров при том же сотрудничестве Распутина был известен только ограниченному кругу лиц, дела могли еще идти; но раз способ стал известен всем и каждому и об этих методах распространилось во всех слоях общества, так дальше управлять Россией немыслимо. Неоднократно Ты мне сказывал, что тебе некому верить, что Тебя обманывают. Если это так, то то же явление должно повторяться и с Твоей Супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному, сплошному обману окружающей Ее среды. Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из Ее уст, есть результат ловких подтасовок, а не действительной правды. Если Ты не властен отстранить от Нее эти влияния, то, по крайней мере, огради себя от постоянных систематических вмешательств этих нашептываний через любимую Тобою Супругу. Если Твои убеждения не действуют, а я уверен, что Ты уже неоднократно боролся с этими влияниями, постарайся изобрести другие способы, чтобы навсегда покончить с этой системой. Твои первые порывы и решения всегда замечательно верны и попадают в точку. Но как только являются другие влияния, Ты начинаешь колебаться и последующие Твои решения уже не те. Если бы Тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное Тобою доверие громадного большинства Твоих подданных. Все последующее быстро наладится само собой, Ты найдешь людей, которые, при изменившихся условиях, согласятся работать под Твоим личным руководством... Когда время настанет, а оно уже не за горами, Ты сам, с высоты престола, можешь даровать желанную ответственность министров перед Тобою и законодательными учреждениями. Это сделается просто, само собой, без напора извне и не так, как

совершился достопамятный акт 17 октября 1905 года. Я долго колебался открыть Тебе истину, но после того, что Твоя матушка и Твои обе сестры меня убедили это сделать, я решился. Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше, накануне эры покушений. Поверь мне, если я так напираю на Твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений, которых у меня нет, в чем Ты уже убедился и Ее Величество тоже, а только ради надежды и упования спасти Тебя, Твой престол и нашу дорогую Родину от самых тяжких и непоправимых последствий».

— Кончив читать письмо, царь ничего мне не сказал! — волнуясь, пояснял собеседнику Николай Михайлович.— Молчал и продолжал мило улыбаться! «Знаешь ли,— говорю я,— твоего Протопопова тебе ловко подсунули... У Бадмаева заинтересованные подкупленные лица познакомили его с Распутиным, а тот провел в министры эту лису.

— Я это знаю! — последовал ответ.

— И находишь это нормальным?!»

Ответа не последовало.

— Вообще! — горячился Николай Михайлович.— Эта манера отмалчиваться отбивала всякую охоту говорить с ним о чем-либо, даже самом важном! И, несмотря на резкость моих выходок, на горечь обличений, царь был очень любезен, до крайности! Во время нашего разговора, когда я бросал одну резкость за другой, у меня несколько раз гасла папироса. Царь любезно подавал мне спички, а я даже забывал его поблагодарить, до того волновался. Любезность и внешнее спокойствие ни на минуту не покидали Николая... Он положительно — charmeur! И я сказал ему как-то, что этим он напоминает мне Александра I. Отпущен я был самым дружелюбным образом... А 31 декабря, в половине двенадцатого ночи, ко мне явился курьер с запиской от царя: «Повелеваю тебе выехать в Грушевку на два месяца. Николай». И внизу — приписка: «Прошу тебя это исполнить»! «Повелеваю»... и — «прошу»! Вот, поймите его! — кончил свою речь великий князь.

Почти накануне переворота, 11 февраля 1917 года, явился к нему Александр Михайлович и указывал царю на то, что положение слишком серьезно и что супруга ведет его в бездну.

С теми же речами наведалась в Царское Село и великая княгиня Виктория Федоровна.

Александру Николай Романов ничего не ответил.

А когда Виктория Федоровна заговорила о непопулярности царицы, царь возразил:

— Какое отношение к политике имеет Алиса? Она — сестра милосердия и больше ничего! А насчет ее непопулярности — это неверно! Смотри: доказательства у меня под рукой!

Он показал княгине целую стопку благодарственных солдатских писем, присланных из разных лазаретов...

Но княгиня знала, как подделываются эти «голоса народа», эти послания, писанные канцелярскими почерками по одному образцу... Продиктованные теми же придворными прихвостнями и немецкими агентами, которые ютились вокруг царицы...

И княгиня, и сам царь хорошо помнили, что даже в одном из лазаретов для офицеров произведено было покушение на «немку-царицу».

Раненый офицер во время раздачи новогодних подарков бывшей царицей произвел в нее выстрел... Пуля пролетела мимо. Дело было замято. Офицера объявили сумасшедшим... Но посещения лазаретов прекратились...

И все-таки ни Николай, ни Алиса не образумились.

Брат родной, Михаил Александрович, не раз пытался лично и письмами указать Николаю на ошибочность его действий. Но недоверчивый Николай, помня о попытке брата занять трон, только хмурился и молчал ему в ответ...

Никакого влияния не оказала и составленная великими князьями записка, подчеркивающая мысль о том, что царица ведет династию к гибели, что народ считает ее немецкой пособницей, шпионкой на пользу Вильгельму и другим врагам России...

Вот что говорил великий князь Павел Александрович, когда к нему явился журналист для беседы:

— Хочется говорить, высказать всему обществу, что накипело на душе. Душно. Задыхаешься в атмосфере лжи и ненависти к себе. Проклятый век, вечное скитание.

Не успел я хорошенько опомниться от всего того, что сделал со мною Николай Романов после моей женитьбы на нынешней жене, графине Палей, после всех мытарств и бедности, перенесенных мною из-за женитьбы на некороно-

ванной особе, как новое горе, новое страдание свалились на мою голову. Сначала убийство Распутина и роль в нем моего любимого сына Дмитрия Павловича. Вечные ссоры с Александрой Федоровной, а потом уже и события последних дней — все это, как камень, свалилось на мою семью. Много пришлось пережить. Впрочем, нужно по порядку.

В начале 1916 года я случайно приехал из действующей армии в Царское Село. Здесь меня ожидало письмо от дочери, Марии Павловны, находившейся в Пскове. В письме этом Мария Павловна приводила свой разговор с генералом Рузским за день до удаления его от командования и отъезда на отдых. Мария Павловна просила разъяснить царю, что отпуск этот по меньшей мере преступление. Необходимо, заканчивала она свое письмо, возвратить Рузского на фронт, где он побеждал и будет побеждать. Письмо Марии Павловны я в тот же день отправил к царю, но получил ответ не от царя, а от царицы. Ответ заключал в себе несколько слов и гласил следующее: «Ваше письмо прочла, рада, что оно не попало Николаю Александровичу. Пускай старец едет в отпуск, когда понадобится, возвратим. *Александра*».

Письмо царицы меня возмутило. Как смела она, женщина, вмешиваться в дела, касающиеся всей страны. В тот же день я попросил у Николая Александровича свидания.

— К чему ведешь ты страну?— заявил я.— Нужно прекратить эти бесчинства. Пора взять себя в руки и не допустить, чтобы страной правил не ты, а женщина.

Николай Александрович выслушал меня, теребя ус. Несколько нервных ударов пальцами по стеклу окна были его ответом.

Царь ушел, не показав мне лица и не подав мне руки. С тех пор между мною, царем и царицей установились натянутые отношения, еще более обострившиеся в декабре того же 1916 года. В течение этого промежутка у меня происходили столкновения с Николаем Александровичем, но они носили чисто деловой характер.

Я постоянно старался подчеркивать ненадежность семьи Романовых, упорно утверждал, что *не народ, а царский дом готовит российскую революцию*. Когда же мы, члены царской семьи, указывали ему и Александре Федоровне, что Распутин — это гибель страны, то получали ответ, что это неверно. «Наоборот,— говорила Александра Федоровна,— русский народ, а в особенности крестьяне, довольны,

что в царские хоромы проник и мужичок. У меня имеются,— говорила она,— письма, доказывающие правдивость моих слов».

Семнадцатого декабря разыгралось всколыхнувшее всю Россию событие. Во дворце Юсупова был убит Распутин. Об этом убийстве я узнал в Ставке, в Гомеле, лишь девятнадцатого декабря. Среди убийц называли ряд высокопоставленных лиц, но имени моего сына, Дмитрия Павловича, не упоминали. Я ничего не знал. И в то время, когда поезд мой мчался в Петроград, Дмитрий Павлович находился уже под домашним арестом в своем бывшем Сергиевском дворце, на Невском проспекте.

В Петроград я прибыл двадцатого декабря и, узнав от жены, что Дмитрий Павлович арестован, отправился к Николаю Александровичу.

— За что арестован мой Дмитрий? — задал я вопрос царю.

Николай, как будто речь шла о незнакомом человеке, а не о его любимце, сухо ответил:

— За убийство Распутина.

Ответ Николая Александровича меня возмутил.

— Надо сейчас же освободить его из-под ареста,— заявил я.

— Хорошо. Пока нельзя, завтра напишу,— отрывисто и, по-видимому, волнуясь, ответил бывший царь.— А пока прощай.

Мы расстались. Всю ночь я не спал. Утром я собрался было поехать в Петроград к Дмитрию. Не успел сесть в автомобиль, как к воротам подбежал фельдъегерь и вручил мне письмо. Я пробежал его. Оно было от Николая Александровича и заключало в себе следующее:

«Дорогой друг Павел. Я не могу, к сожалению, отменить домашний арест Дмитрия, пока предварительное следствие не будет закончено. Приказал с этим торопиться. А также, чтобы Дмитрия охраняли бережно. Все это больно и тяжело, но ведь кто же виноват, как не он сам, что по неосторожности попал в такую передрягу. Молю Господа Бога, чтобы Дмитрий вышел чистым и незапятнанным ни в чем. Сердечно твой *Николай*».

Письмо это немного успокоило меня.

Но все-таки я решил навести справки, при каких обстоятельствах произошло убийство. От моего младшего сына

Владимира, друга Феликса Юсупова, и лиц, близко стоявших к расследованию убийства Распутина, я узнал, что убийство было совершено после совещания, происходившего в поезде Пуришкевича. В совещании, правда, принимал участие и мой сын, Дмитрий Павлович, но сам он в Распутина не стрелял.

Распутин был убит двумя выстрелами в грудь и спину, произведенными Юсуповым и Пуришкевичем. От Дмитрия Павловича подробности убийства мне узнать не удалось. «Папа,— заявил он,— мы связаны клятвой, нарушить которую я не могу».

В личном свидании Николай Александрович Дмитрию Павловичу отказал. Двадцать третьего, во время обеда, раздался телефонный звонок. Говорил Дмитрий Павлович. «У меня только что был генерал Максимович,— сказал он,— и объявил, что меня сегодня ночью высылают в Персию, приезжай провожать».

Слова Дмитрия Павловича на меня подействовали убийственно. Я схватил фуражку и пальто и пешком побежал в Александровский дворец, но Николай Александрович меня не принял. «Передайте ему, что мне некогда,— заявил он лакею.— Может обождать».

В ту же ночь Дмитрий Павлович был выслан в Персию. Среди провожавших его многочисленных лиц находилась и дочь моей жены госпожа Дерфельден. Двадцать четвертого у нас состоялась традиционная, кстати сказать, очень печальная, елка, на которую была приглашена и госпожа Дерфельден. Ночью, возвращаясь домой, она застала у себя на квартире жандармского генерала Попова. После тщательного обыска, во время которого был взломан даже пол, госпожа Дерфельден была заключена под домашний арест.

Позже мы узнали, что обыск и арест у госпожи Дерфельден был произведен после *спиритического сеанса*, состоявшегося у министра юстиции Добровольского, причем появившийся дух Распутина требовал этого ареста. Распоряжение об аресте было подписано Алексеем Дмитриевичем Протопоповым.

Признаться, это распоряжение меня возмутило больше всего. Я вторично отправился во дворец и опять не был принят, но уже не Николаем Александровичем, а Александрой Федоровной.

Через час после моего печального возвращения из дворца к нам явился фельдъегерь и вручил письмо от Александры Федоровны. Как будто забыв обо всем происшедшем, Александра Федоровна поздравляла нас с праздником. В письме лежал образок. Вскрывшая это письмо дочь моя Мария Павловна расплакалась и тотчас же отправила следующий ответ:

«Дорогая тетя, приходится быть вежливой и поздравить и вас с праздниками, которые нами были проведены очень грустно. Папа глубоко потрясен возмутительным отношением к нему. Ваш поступок мы не можем иначе назвать, как жестоким. *Мария*».

Ответа на это письмо не последовало. Госпожа Дерфельден продолжала находиться под домашним арестом. Двадцать седьмого декабря мы после больших хлопот получили разрешение на прием Алексеем Дмитриевичем Протопоповым госпожи Дерфельден.

Протопопов стал упрекать свою гостью в совершении такого гнусного поступка, как убийство, и добавил: «Вы видели когда-нибудь сфинкса, глаза которого направлены вдаль? Вы смотрите, и он вас гипнотизирует. Этот сфинкс — старец Распутин».

От Алексея Дмитриевича Протопопова госпожа Дерфельден пришла совершенно разбитая. По телефону сообщила графине Палей, что она возненавидела льстеца Протопопова. На другой день Протопопов на приеме у Николая Александровича между прочим заметил: «Ко мне пришла хорошенькая женщина с поручением убить меня, но я на нее так подействовал, что мы расстались друзьями. А знаете, кто эта женщина?»

Николай полюбопытствовал узнать, кто она. Протопопов, после долгих размышлений, воскликнул: «Дерфельден!»

Царь стал поздравлять провокатора, так легко избежавшего смерти, и несколько раз перекрестил лжеца. «Дай Бог вам долгую жизнь, дабы вы могли принести пользу родине»,— заявил царь Протопопову.

Двадцать восьмого декабря начали распространяться ужасные слухи. Говорили, что маршрут следования Дмитрия Павловича изменен и что виновником этого является приятельница Распутина, княгиня Шаховская, взявшая на себя миссию убить Дмитрия Павловича. Я стал заваливать Николая Александровича письмами и успокоился лишь тог-

да, когда получил первого января от генерала Баратова телеграмму о том, что Дмитрий Павлович благополучно прибыл в Персию. Этим закончилась печальная история с убийством Распутина. Я выехал на фронт, откуда возвратился уже в феврале.

Двадцать четвертого февраля началась революция. Я следил за ходом событий и был в курсе всех дел. Двадцать восьмого февраля меня вызвала во дворец Александра Федоровна.

«Поезжайте немедленно на фронт,— заявила она.— Постарайтесь привести преданных нам людей. Надо спасти во что бы то ни стало трон. Он в опасности».

Я отказался, ссылаясь на то, что мои обязанности как начальника гвардии касаются только хозяйственной части. В душе же я был убежден, что звать войска бесполезно. Все равно присоединятся к революционерам.

Первого марта я вторично был вызван во дворец, но пойти туда отказался. В это время у меня в квартире готовили манифест о полной конституции русскому народу. Его должен был подписать Николай Александрович. Заручившись подписями Кирилла Владимировича и Михаила Александровича и подписавшись под этим манифестом сам, я отправил манифест в Государственную думу и вручил его под расписку Милюкову. А уже потом я отправился во дворец. Первые вопросы, заданные мне тогда Александрой Федоровной, были такие: «Где мой муж? Жив ли он? И что нужно сделать для улажения беспорядков?»

Я передал Александре Федоровне содержание заготовленного мною манифеста, и она его одобрила. Третьего марта я опять был вызван во дворец. У меня в руках был свежий номер «Известий» с манифестом об отречении. Я прочел его Александре Федоровне. Об отречении Александра Федоровна ничего не знала. Когда я закончил чтение, она воскликнула: «Не верю, все это — враки! Газетные выдумки! Я верю в Бога и армию, они нас еще не покинули».

— Мне,— говорит Павел Александрович,— пришлось разъяснить опальной царице, что не только Бог, но и вся армия присоединилась к революционерам. И лишь тогда бывшая царица поверила и, кажется, в первый раз поняла или постаралась понять все то, к чему она, Гришка Распутин и Протопопов привели страну и монархию.

Последнее мое свидание с бывшей царицей состоялось пятого марта в двенадцать часов пятнадцать минут. Александра Федоровна уже говорить не могла, плакала и все время спрашивала, что ей делать. Бывшая царица ждала делегатов от Государственной думы, и единственным ее желанием было просить их дать ей возможность возвратиться в лазарет, ухаживать за ранеными и в этом забыться. Больше я ни Николая, ни Александру Романовых не видел. Так закончилась история царствования дома Романовых.

Эту историю могут подтвердить заявления целого ряда других, уже посторонних дому Романовых лиц, порою — из числа самой близкой свиты... Но есть тут и голоса таких независимых, народным доверием облеченных лиц, как А. И. Гучков, первый военный и морской министр в обновленной России, как генералы — любимцы армии и народа, Брусилов и Рузский.

Незадолго до войны А. И. Гучков сделал царю подробный доклад о всей «сухомлиновщине» — о тех недостатках по военной боевой и тыловой организации, которые привели потом к позорному отступлению из Галиции, к сдаче Варшавы и ряда важных крепостей...

Выслушав с любезной улыбкой, почти в полном молчании роковой доклад, царь «милостиво» отпустил Гучкова и... сейчас же призвав предателя — Сухомлинова, спросил его:

— Откуда Гучкову известны такие важные военные секреты?!

Сухомлинов воспользовался случаем, указал на генерала Поливанова, которого не мог терпеть... Тот был уволен, и дело этим кончилось.

Председатель Государственной думы Родзянко имел не больший успех во всех своих попытках образумить слабодушного Николая.

— Общее недовольство растет! — говорил Родзянко.— Государственные дела в полном расстройстве... Министры руководятся не заботами о благе народа и трона, а своими личными корыстными и карьерными целями... Никакие пулеметы и пушки не могут сломить народной воли... Рано ли, поздно ли, она даст о себе знать, как дала знать и в 1905 году...

Царь только передернулся весь, но промолчал...

— Особенно вредит всему делу Протопопов! — прямо поставил точку над «і» Родзянко.

— Протопопов — из Государственной думы... из числа ваших же сотрудников,— проговорил как-то неохотно Николай.— Не понимаю, почему им стали все вдруг так недовольны... Или за то, что я выбрал его себе в помощники?

— Нет! За то, что он отступник и лжец! — решительно прозвучал ответ Родзянки.— Если ваше величество желаете сохранить мир и свое спокойствие, вам придется отказаться от услуг этого...

Родзянко сдержался и не договорил.

— Увидим... Сделаю, как мне Бог на душу положит...— вяло проговорил Николай. Отпустил Родзянку и с той поры еще неохотнее, чем раньше, стал принимать председателя Государственной думы...

Во время последней аудиенции, в феврале 1917 года, Николай вышел к Родзянке не совсем в нормальном состоянии.

Молча постоял, поглядел на председателя русского парламента, подошел ближе, помахал пальцем у самого лица и невнятно пробормотал:

— Смотрите, будете там... шуметь — разгоню!.. Сидите лучше смирно!..

Сдержав на устах ответ, достойный такой выходки, Родзянко сделал свой доклад, сократив его, насколько было возможно. Но в конце не удержался и, уже откланиваясь, заметил:

— Чувствую, в последний раз докладываю вам, государь...

— Почему?

— Или вы распустите Думу, как сейчас изволили объявить... Или наступят события, которые смутят всю Россию, сметут и трон, и нас с прежних мест...

Предсказание это оправдалось очень скоро.

Когда дряхлый Голицын был призван на пост премьер-министра, он чуть не со слезами просил Николая освободить его от этой ответственной обязанности.

— Государь! — убеждал старик.— Я совершенно непригоден для такого высокого поста... Ни по воспитанию, ни по моим способностям... особенно теперь, когда мировая война в самом разгаре. Я стар, слаб... ни к чему не го-

жусь... Я буду куклой в руках окружающих дельцов и не принесу никакой пользы вам и России.

— Ничего! — успокоил честного старика Николай.— Такого мне и надо. Я сам буду вам помогать... а на вашу преданность и верность, я знаю, мы можем положиться!..

И ошибался, как всегда.

Министр народного просвещения П. Н. Игнатьев, А. Д. Самарин, сенатор П. Кауфман-Туркестанский, князь Б. Васильчиков и многие другие, забывая о личной безопасности, пытались раскрыть глаза Николаю Последнему.

Ему говорили, что брожение в стране разрастается, страсти разгораются все сильнее... Указывали на необходимость уступить желанию народа, дать новый правовой уклад жизни миллионам людей, созревших для этого. Настаивали на необходимости удалить злого гения — Распутина... отставить и креатуру его, Протопопова...

Царь молчал, любезно улыбался и... давал все новые полномочия своему министру, палачу, который смело заявлял: «Я справился с протестом и возмущением великих князей... Подавил бунт сверху... Пулеметы и картечь помогут мне раздавить и все попытки произвести революцию снизу...»

Интересна черта, проявленная Николаем в разговоре с протопресвитером армии и флота отцом Георгием Шавельским, который тоже решился поговорить с Николаем на ту же острую тему.

Честный священник указал царю, что в армии идут плохие толки о Распутине, о том участии, какое проявляет в нем царица, о подозрительной близости хлыста с мясоедовской шайкой, с Сухомлиновым и Д. Рубинштейном... Гвардия волнуется серьезно...

— Говорят о явной измене вблизи трона вашего величества! — прямо закончил отец Георгий.— Престиж царской власти понижается и в армии, и в народе... Чем это грозит в будущем — трудно и угадать... Спросите хотя бы генерала Алексеева. Он — прямой, честный человек...

— О да, я знаю! — невозмутимо подтвердил император с глазами лесной лани и с холодной душою старого игрока.— А скажите, отец Георгий, много вы волновались, когда шли *ко мне*?..

События между тем шли своим чередом...

Продажные слуги, занятые мыслью не столько даже о спасении династии, сколько о собственной наживе и благополучии, не умели ничего сделать для России... Стараясь поддержать подгнивший трон, в тени которого копошились эти паразиты, они вели только тайные переговоры с Германией о сепаратном мире, старались вызвать народный бунт, чтобы подавить его пулеметами и найти в этих волнениях основание для прекращения войны...

Эти предатели не дали войску в достаточной мере ни снарядов, ни пороху, ни ружей... И почти голыми руками отбивались герои-воины от натиска железных легионов Гинденбурга... Таяли ряды русских армий под огнем тысячи германских батарей...

Два миллиона наших попали благодаря этому в руки врага за все время кампании. И столько же пали мертвыми или вернулись на родину в искалеченном виде...

А Николай Романов продолжал мило улыбаться и молчать.

И все это было так недавно...

Все это было... вчера!

Hoc est vox plebis:
— Vae tibi ridende![1]

СЕГОДНЯ

I

НИКОЛАЙ И РАСПУТИН

Когда переворот совершился и судьба Николая Последнего обозначилась окончательно, вместе с лавиной негодующих воплей и жгучих обвинений против бывшего повелителя России хлынул мутный поток скандальных, нередко циничных и омерзительных для нормального человека «разоблачений» в области самых затаенных переживаний бывшего царя, его жены и дочерей. Все это связано очень тесно с именем пресловутого «старца» Григория Распутина и не менее прославленной Анны Вырубовой...

Мне, как, полагаю, очень многим и многим, было отрадно отметить, что поднялись отдельные смелые, благородные возражения, зазвучали голоса, остерегающие от переигрывания на этой почти порнографической струне...

Я лично еще десять лет тому назад, после крушения революционных надежд 1905 года, все же верил в победу на-

[1] И звучит глас толпы:
— Горе тебе, вечно улыбчивому!

родную, в светлое торжество Свободы, и так рисовал этот великий миг в моей книге «На заре свободы» (1907):

Держали родину солдаты под пятой,
и процветали гинекеи [1]
Предатели творили «суд святой»,
а помогали им лакеи.
Лилась по царству кровь народная ключом,
и жертвы падали без счета.
Поддерживала трон расшатанный плечом
преторианцев наглых рота.
Вставали чистые, отважные борцы,
искали воли для народа.
Терновые, кровавые венцы
венчали их... И длилася невзгода!
Был голод и война... Мятеж и произвол
всю Русь пожаром охватили...
Народ к победе смело шел,
но духи зла не допустили.
Насилье, обнаглев, не ведало границ.
Безумие страстей прорвалось на арену.
Телами детскими кормили хищных птиц.
Честь девичья утратила всю цену.
Уж не бесчестили красавиц молодых,
в казармах плетью дев хлестали.
Не лаской оскверняли их —
терзали шпорами из стали!
Народ стонал от гнева... Но молчал...
Народ терпел, считал удары...
И вдруг — набат призывный зазвучал.
Настал расплаты час и кары!
Смывая пред собой, как моря грозный вал,
помехи жалкие, народ стоит у власти.
Стяг царский он с глумлением сорвал
и растрепал его на части!
Где знамя Лже-Романовых вилось,
там веют вольные знамена.
И кромкое «ура!» — как громы — пронеслось
над щепками изломанного трона.

Но где же верные великие борцы
за счастье общее и долю?
Где смелые вожди, движения творцы,
кто кровью даровал нам волю?
«Схороним мертвецов с почетом. Славный прах
пусть вечно в мире почивает.

[1] Гинекеи — мастерские в Риме и Византии, где работали рабы.

Пусть юношей к свободе призывает —
тиранам-извергам на страх!..»
Так пожелал народ освобожденный.
«Царя — не надо нам! Презрение ему!..»
И царь, Судьбою побежденный,
на отречении рукою утомленной
Чертит: «Быть по сему!..»

Перезвон, и голоса, и клики
поднялись от людных площадей
Прямо к небу. Нынче, знай: великий
и веселый праздник у людей.
Где ни взглянь, гудят толпы народа:
«Чудный день и незабвенный час!
В эти дни священная Свобода —
вся в крови — рождалася у нас.
И, омыта кровью той святою,
будет долго-долго жить она,
Навсегда оставя за собою
дикой тьмы, насилья времена!»
Вон как вызов, как живое пламя
на спокойной тверди голубой
Реет, плещет пурпурное знамя
над густой ликующей толпой!
Это знамя — символ полной власти.
Кровь народа красила его.
Позабыты прежние напасти ·
для мгновенья счастья одного!
Но не треплет на плечах порфиру,
победив, властительный народ.
Он ее показывает миру,
высоко над головой несет.
Реет в небе пурпур, как порфира,
власти знак, спасающий рабов!
А внизу, в сопровожденье клира,
пронесли пурпурный ряд гробов...
В них бойцы навеки опочили.
Славным — мир и память навсегда!
На руках их принесли сюда
и в родную землю опустили...
В этот миг, как пламя, мысль одна
у толпы взволнованной мелькнула:
— Мы — свободны! Вольная страна
счастья дни навек себе вернула!
Он настал, давно желанный час.
Произвола призрак не восстанет.
И никто с престола больше нас
«изволеньем Божьим» не обманет!..

И в той же книжке есть у меня такие строфы:

...Настанет день... Народный суд придет!
В оковы всех гонителей свободы
Он закует и к петле приведет
Иль заточит на месяцы и годы.
Прольется кровь убийц и палачей.
На них никто с участием не глянет.
И голос дружеский ничей
Пощады им просить не станет.
Нет! Только Месть сухой суровый взгляд
Им кинет в час позорной казни
И в сердце, полное боязни,
Вольет свой тонкий, жгучий яд...

Придут толпы детей и матерей...
Сбегутся все, кого осиротили
Те палачи рукой своей,
И с хохотом их повлекут к могиле!
А у могил, увидя на крестах
Позорный ряд имен непозабытых,
Народ с проклятьем на устах
Гнев изольет на тех могильных плитах.
Заплачут дети... Стоны матерей
В один протяжный вопль сольются:
— Прочь из могил прах палачей скорей!
В покое пусть не остаются...
Для них места — не в храме, под крестом...
Нет места им во всем обширном мире!
Сожжем тела предателей... Потом
Пусть ветром прах развеет шире, шире!
И кинутся... Ногтями станут рыть...
Покроются горячей кровью руки.
Все будут рыть, чтоб горе позабыть,
Чтоб душу облегчить от муки!

Но вступится ликующий народ.
Над мертвыми не даст свершиться мести...
Живых он только поведет
Врагов — на суд и на позор — всех вместе!

Стоит сопоставить основную мысль обоих стихотворений, и станет ясно, как я смотрю на вопрос.

Если взволнованная душа моя провидела взрывы негодования и проявления «загробной мести» к врагам народа, вплоть до сожжения праха и развеянья пепла по ветру, как это сделано было с останками «старца»-распутника, то, с другой стороны, я знал и верил, что победивший народ

русский, славянский, один из лучших и благороднейших народов мира, не пожелает унижать своей юной самодержавной власти, не унизится до того, чтобы раскапывать всю грязь романовского самодержавия, обращенного в игрушку всяких проходимцев по воле «полковника» Николая...

И потому я, не опасаясь упрека в желании играть на низменных струнах толпы, коснусь в дальнейшем той роли, какую играл Распутин при Николае Последнем, укажу на то место, какое занял этот «чудодейный» стойкий хлыст у трона и в алькове жалкого царя.

Обойти этого невозможно, как бы строго ни ограничивать задачи историка, желающего вполне беспристрастно рисовать события такого мирового значения и важности, как Великая революция в России 1917 года.

Раздавались голоса: «Альков, семья, даже Романовых,— это запретная область для вторжения посторонней руки! Их верования и личные, сердечные, или даже — чувственные, переживания, половые странности и неестественные проявления не нужны никому. Не стоит толковать о грязи, способной только будить низменные стремления в грубой толпе...»

Так ли это?

Является вопрос: чем занимается вся мировая литература, не исключая Библии, насквозь чувственной и телесной?

От Соломона и Эврипида, через Шекспира, Данте до Пушкина, Байрона и других светочей мысли человеческой — чем наполняли они свои лучшие произведения?

Только не одним описанием «чистого, блаженного состояния» душ человеческих...

И даже св. Августин, Иероним и другие мечтатели, рисующие светлые картины «райского, безгрешного бытия», не могли обойтись без упоминания о темных, грешных сторонах духовной и телесной жизни. И в этих своих невольных описаниях проявляли более яркую выразительность, силу и мощь, чем в отвлеченных небесных жизнеописаниях.

Жизнь человечества идет от тьмы к свету. Это старая истина. И только пронизав тьму светом сознания, можно ускорить и облегчить долгий путь человечества к совершенству, путь, по которому оно бредет, изнемогая от усталости, орошая пыль кровью своих израненных ног...

И если важно знать темные стороны жизни каждого заурядного обывателя, то тем важнее знать: что творят в тиши ночной и в глубине своих дворцов владыки людей, от каждого переживания которых зависят десятки и сотни человеческих существований?..

Если во дни власти Николая Последнего только шепотком можно было говорить о странностях и гнусностях, какие творились им самим и окружающими царя проходимцами, то теперь вслух хочется сказать о том, как жил и под какими влияниями находился последний Романов. И прежде всего, конечно, просится на уста имя Григория Распутина.

Это имя заслоняет собою все остальное... За ним почти тонет в тени одно явление, общее не только семье Романовых, но и всем царственным династиям: склонность к суеверию, к фетишизму духовному и половому.

Прежде всего коснусь суеверия, каким пропитана наша русская и всякая другая знать, особенно из числа коронованных особ. Если Англия наших дней не знает Макбета и ведьм, если республиканская Франция не зовет Деву из Орлеана, чтобы спасти страну, то прорицаниям мадам де Теб внимают и современные представители «неверующего» Парижа, и сливки лондонского общества...

В России все это грубее и проще, как грубее и проще народная наша жизнь по сравнению с утонченными нравами Запада.

Дед Николая Последнего ездил по гадалкам, терпел давление Победоносцева, который своим именем как бы «нес победу» царю России... Отец Николая, тоже не чуждый суеверия, не так расплывался в этой области, потому что тянулся к алкоголю... Благодаря такому пристрастию вызвал у своего наследника, Николая, еще большие признаки вырождения, граничащего порою со слабоумием...

Много лет назад, когда на горизонте только появился другой «чудотворец», успевший вовремя сойти со сцены, отец Иоанн Кронштадтский, Николай сразу подчинился влиянию умного святоши, и ничего не делалось в семье Романовых без благословения со стороны отца Иоанна.

Отец Иоанн лучше других мог развеять недоверие, свойственное Николаю и проявлявшееся особенно сильно после 1905 года.

Еще в первые годы царствования он выказывал недоверие даже самым близким окружающим его лицам... и только «свыше» ждал помощи и просветления...

Перед рождением долгожданного сына Николай вызывал из-за границы в Россию многих внушителей и духовидцев-спиритов вроде Филиппа, Папюса и других...

Первой ласточкой в 1900 году явился на горизонте дворцовом иезуит, патер Филипп, своими спиритическими сеансами сразу завоевавший доверие, подчинивший себе душу слабовольного, хотя и вечно настороженного Николая.

Тонкий сердцевед, иезуит, быстро разобравшись в личности российского самодержца, оценив духовное и умственное состояние придворной своры лизоблюдов, окружающих господина, стал действовать решительным натиском, стремясь выполнить поручение, данное ему Романовым.

На спиритических сеансах медиум-патер не только утешал царя-отца, что скоро ему будет дарован сын и наследник трона... Что настал конец той «серии дочерей», какими его дарила супруга, гессенская принцесса. Хитрый патер ловко сводил речь на вопросы веры. Указывал истинные пути для спасения души царя и царства... и все эти пути сходились в Риме!.. Туда звал на поклон иезуит «схизматика» — русского царя... Рисовал ему картины, где Николай, как Владимир Святой, являлся апостолом новой, истинной веры — римско-католической... И весь народ, ликуя, идет за державным пастырем прямо в исповедальни к иезуитам-попам.

Немецкой своре приближенных Алисы Гессенской и Николая, протестантов по преимуществу, не понравилась такая игра... Иезуит показался опасным... И в один день дворцовый комендант фон Гессе явился к царю с письмами в руках...

— Что у нас нового, генерал? Что это за письма? — живо осведомился царь, любивший проникать в тайны окружающих его людей при помощи «черного кабинета».— Дворцовые интрижки? Или — политическое что-нибудь?

— Вот, извольте сами взглянуть, ваше величество! — коротко ответил осторожный немец.

Николай стал читать и убедился, что он все время был игрушкой в руках иезуита.

Филипп, осторожный вначале, потом перестал остерегаться и в своей переписке, которую вел с Римом, прямо давал знать папе, что «работа» идет успешно... Что ему, патеру, удалось обморочить всех... И с помощью Божией католичество возьмет верх над другими толками в этой дикой, грубой Московии.

Конечно, Филипп после этих разоблачений быстро скрылся с горизонта. А немка-царица родила еще одну дочку... Плохо действовал, видно, чудодей-патер!

Года через два место Филиппа занял другой проходимец, гипнотизер и медиум мосье Папюс.

Творческую, чудесную силу этого нового чудодея испытала сперва на себе одна из великих княгинь и представила его бывшей царице, гарантируя, что этот человек поможет и у Алисы явится, наконец, сын...

Так и случилось...

Алиса Гессенская готовилась стать матерью... Пришли последние минуты.

И Николай, не доверяя никому, сам, в полной походной форме, стал на страже у дверей покоя больной жены, опасаясь, что кто-нибудь из близких может покуситься на жизнь будущего новорожденного наследника трона...

Слабовольному и растерянному Николаю жена и другие внушили, что мать родная во что бы то ни стало желает видеть на троне не его, а Михаила... Что уже готовы шифры с вензелем нового императора для восставших офицеров гвардии... Что все родичи только и думают, как свергнуть с престола его, Николая... И не допустят к царствованию его сына... Убьют ребенка в колыбели...

В таком кошмаре внушений, толков и слухов жил Николай, неуравновешенный от природы. Под влиянием этих нашептываний он дошел до такого смешного поступка, как личное стояние на карауле у двери спальни больной рожающей жены...

Немудрено, что его окружение постоянно отмечало особенно яркую черту личности царя: он не верил никому и никогда, был страшно подозрителен ко всем окружающим...

— Я никому не верю! — твердил Николай.— Все готовы обмануть меня... Хотят только урвать себе побольше... Вокруг меня — лжецы и лукавцы.

И тем страннее видеть, как легко он поддавался влиянию сильных духом, умных или пронырливых людей, во

главе которых стояла его жена Алиса Гессенская вместе с «простым сибирским мужичком» Григорием Распутиным.

Когда последний взял уже слишком большую силу при дворе, ему на помощь являлись многие добровольцы, спириты и медиумы вроде сенатора Добровольского, ставшего министром юстиции, и просто прохвосты вроде министров Маклакова, Сухомлинова, Протопопова и других.

Вот что передает очевидец о «сеансе» во дворце, где медиумом служил Добровольский:

«Вместе с царицей и старшими дочерьми сенатор Добровольский, А. Вырубова и еще два-три лица уселись вокруг столика. Столик завертелся, застучал, и начались загадочные явления... В комнате не было ни одной фиолетовой лампочки, а между тем в темноте вдруг стали вспыхивать фиолетовые огоньки... Ширмы прыгали, даже летали по воздуху. Медиум Добровольский бился в экстазе и вещал, что Распутин один может спасти Россию...»

Этот же медиум-сенатор, потом министр, не стеснялся публично целовать грязную руку «старца-усладителя» царицы, который ввел проныру во дворец и сделал министром...

Вся картина, описанная выше, напоминает сцену из «Плодов просвещения» или то место бессмертной комедии Островского, где «старица» Манефа пророчит о появлении прохвоста Глумова... Иная обстановка, но люди — везде одни и те же.

Иные карьеристы, вроде Трепова, Хвостова, отчасти из брезгливости, отчасти из зависти, либо играя на руку другим членам романовской фамилии, старались свалить «старца»... Но за это доброе дело брались они грязными руками, и потому «царь лжи и грязи», «святой» романовской династии старец Григорий оставался неколебим на своем посту хранителя и дарителя сил и благ всему царскому дому...

А что именно таким «носителем и раздатчиком милостей и благ земных и небесных» считали Распутина Николай и его Алиса — в этом сомнения быть не может.

С этого дело началось... Распутин пророчил о появлении сына-наследника... И сын родился...

Только после переворота мы узнали, что еще во дни открытия мощей Серафима Саровского царственная чета не сочла для себя унизительным явиться к местной «прозорливице», юродивой старухе Пашке Саровской, чтобы «погадать» о своей царственной судьбе.

Вот как описывает журналист-очевидец И. Владимиров это знаменательное посещение:

«В половине июля 1903 года бывший царь со всей семьей и многочисленной свитой собрался ехать в Саровский монастырь на прославление мощей преподобного Серафима Саровского.

Царь пожелал придать этой поездке широконародный характер, и поэтому всем издававшимся тогда газетам было не только разрешено, но даже предложено послать в Саров своих корреспондентов и художников.

После самых тщательных проверок и опросов дворцовой охраной, устранившей добрую половину корреспондентов, оставшиеся газетные деятели и 2 художника получили, наконец, особые «разрешения-карточки», припечатанные печатями «охранки», и поехали в Саров.

Но там их встретил новый сюрприз: пронесшийся слух, что будто бы «студенты-толстовцы и евреи» готовятся «оскорбить мощи преподобного Серафима», поднял на ноги всех темных представителей «охранки», весело гулявших в монастыре со своими «родственницами».

С помощью жандармерии несколько раз учинялись ночные повальные обыски и допросы корреспондентов и всей приезжей интеллигентной молодежи.

Десятки ни в чем не повинных лиц были арестованы и экстренно высланы под конвоем в Нижний Новгород.

Наконец расходившаяся охранка и жандармерия, проявив демонстративно всю свою «охранную» деятельность, угомонились, а уцелевшие представители газет и художники получили полную свободу и беспрепятственный доступ ко всем царским выходам.

В Сарове Паша-юродивая пользовалась в то время особенной популярностью.

Монашествующая братия, богомольцы и окрестное крестьянство видели в ней прозорливую праведницу, обладающую даром ясновидения.

Паша была типичная великорусская крестьянская баба, лет за 50, крепкая, загорелая, с глубоко сидящими проницательными глазами на широком, скуластом лице, обрамленном пышными, красиво вьющимися, бело-серебристыми волосами, выбивающимися из-под ярко-красного платка.

По целым дням она сидела на крыльце своей покосившейся хаты, на окраине монастыря, свертывала и сшивала

из цветных и белых тряпок незатейливые куколки, которыми обыкновенно играют крестьянские дети.

Паломники, странники и богомолки, посещавшие Саров, считали своим долгом заглянуть к прозорливой Паше-юродивой, послушать, что она скажет той куколке, которую потом даст посетительнице.

Бывший царь, узнав от игумена о славе Паши-юродивой, решил побывать у «пророчицы» со своей семьей.

...После посещения святого источника Серафима Саровского государь с обеими государынями и дочерьми в исходе шестого часа вечера проследовал к хате Паши-юродивой.

Мария Федоровна и дочери остались с лицами свиты на дворе, а государь с Александрой Федоровной в сопровождении Н. А. Оприца и жандармского офицера вошел в хату Паши Саровской.

Мы (я и два корреспондента) встали у одного из открытых окон хаты и не только слышали каждое слово, но даже видели всю сцену.

Паша встретила бывших царя и царицу просто: без излишних поклонов и почитаний.

— Спасибо, царь, спасибо, что меня, старуху, навестил,— ответила она на приветствие царя.

— Расскажи-ка нам, Паша, что-нибудь про будущее... Погадай нам, что случится у нас? — обратился к ней государь.

— Скаши, скаши нам правду,— повторила ломаным русским языком царица.

— Помилуйте, батюшка царь и матушка царица, я не смею вам ничего говорить... Я вот куколке скажу все, что мне хочется сказать...— С этими словами Паша взяла синюю куколку вершка в два величиной и, обращаясь к ней, проговорила: — Цари-то живут без нужды, да счастья не видят, а вот царица сама себе счастье... Да надо Богу молиться... Ведь грехи-то кругом... Кругом грехи!

С этими словами она подала царице синюю куколку. Та взяла ее с брезгливостью и сейчас же передала жандармскому офицеру.

Паша, взяв красную кумачовую куколку и обращаясь к ней, проговорила:

— Ах ты, моя алая, кровавая куколка... Что маков цвет... Бойся ты весенней воды, она ведь затопляет и хату мужика, и царские хоромы... Затопит тебя, вымочит тебя.

Подавая куколку государю, она добавила:

— Вот, скучно будет — поиграй, только не мочи ее, а то руки все в красном будут. Потом дашь куколку сыну...

— У нас сына нет,— прервал ее государь.

— Ну, скоро будет, хороший будет, жить будет, лишь царевать не будет...

Государь, пораженный этим ответом, резко повернулся и, взяв царицу под руку, быстро вышел из хаты».

Конечно, всю ответственность за значение и точность предсказаний юродивой старухи следует оставить на памяти и на совести г. Владимирова. Если допустить, что захолустная пророчица может предсказывать так верно события в царской семье и целом царстве, то еще легче допустить, что старухе могли внушить кое-что, идущее в лад с чаяниями некоторых придворных чудодеев...

Наконец, г. Владимиров неясный смысл простых бормотаний Паши через много лет мог слить с яркими, повелительными картинами исторических событий, вчера лишь пронесшихся у нас над головой.

Но одно несомненно: вся царская семья пошла «погадать» к деревенской кликуше, к новой волшебнице, если не из Аэндора, то из Сарова... И этот факт сам по себе значительнее всяких легенд...

Если в Саров Николай Последний поехал открывать полуистлевшие мощи Серафима, чтобы «поднять веру в народе», поднять свой падающий царский престиж, проявить свое желание слиться с народом в его чаяньях, в его вере, то в избушку вещуньи Паши повелителя Российской империи загнало личное любопытство, общее с каждым заурядным обывателем желание: узнать свою судьбу...

Никому, ни во что не верящий Николай, как все слабодушные люди, в то же время жадно искал знамения, искал, во что бы и кому бы он мог поверить.

Именно на этой почве расцвело влияние распутного и продажного полуграмотного «старца» Распутина.

Дело началось с бывшей царицы Алисы.

По словам психиатров-врачей, лечивших Алису в 1905 году и позднее — от припадков острого психоза отчасти на почве ужасов, пережитых во время первой революции, отчасти на почве половой ненормальности, обычной у членов Гессенской фамилии, больной душевно и телесно — царица к своему «критическому» сорокалетнему возрасту стала страдать от повышенной страстности, не находящей исхода в супружеских ласках слабого, усталого душою и телом Николая.

Подчиняясь во многом властной, сильной по характеру жене, Николай физически почувствовал к ней полное охлаждение, особенно когда свершилась его заветная мечта и явился на свет сын, наследник трона...

Если другие женщины еще будили пыл страсти в молчаливом, вечно затаенном царе, на собственную жену он смотрел только глазами брата... да и то — младшего, покорного и почтительного, как это особенно подчеркнул в своем письме великий князь Николай Михайлович.

Совсем не то нужно было царице.

И вот скандалезная хроника царских дворцов пополняется все новыми и новыми страницами...

Облетел страну рассказ о том, как гвардейский офицер, стоящий на ночном карауле во внутренних покоях дворца, вдруг покинул свой пост, ушел домой... И утром на вопрос начальства объявил:

— Я имел несчастие видеть этой ночью, как один из флигель-адъютантов, Орлов, прошел в комнату, куда может проходить только сам император... В спальню царицы... И я долго напрасно прождал, чтобы поздний посетитель вышел оттуда... Тогда, решив, что неприлично мне, офицеру русской гвардии, охранять покои немецкой Мессалины, я ушел!..

Офицера объявили ненормальным. Его убрали...

Но случайные друзья у Алисы не переводились... и после смерти Орлова, известного «усмирителя» Курляндии...

Царственный супруг, конечно, осведомленный об этом, был снисходителен и терпелив, зная, что он не вправе требовать от жены верности, если сам не может быть ей верным и нежным супругом...

Истерия у Алисы развивалась все больше... Дочери росли, и «друзей» надо было держать подле себя под какими-нибудь более благовидными предлогами...

...Прокатилась гроза 1905 года. Между династией и народом открылась зияющая пропасть, худо заполненная манифестом 17 октября, скорее — оттененная этим лживым обещанием, лукаво данным и плохо выполненным.

И когда среди великосветских самок в салонах великих княгинь воссияла новая знаменитость из народа — сибирский простой мужичок, «старец» тридцати пяти лет, «сухой и стойкий» Гришка Распутин, великолепно умеющий оправдывать свою кличку,— сама судьба указала, что лучшее место такому «чудодею»-хлысту в покоях больной, жадной до радостей жизни Алисы...

Ближайшая подруга ее, Анна Вырубова, подобно Нелидовой умевшая совместить в своей особе фаворитку мужа и доверенную наперсницу жены,— эта женщина, гибкая и чувственная, как ее все знают, сперва сама испытала на себе силу «чар» старца... И потом хитро сумела ввести его в покои Алисы.

Вот как люди, близкие к придворным кругам, считающие своим долгом все знать и слышать, описывают появление на столичном горизонте «старца»-хлыста.

Истеричка-жена инженера Лохтина, известная своим фанатизмом, явилась одной из первых и самых преданных последовательниц и беззаветных поклонниц молодого «старца» и его тайных чар...

Из-за него порвала она все прежние многолетние семейные связи и всеми силами старалась создать прочное, влиятельное положение Распутину, хотя и знала, какою печальной славой на родине, в Сибири, покрыл себя этот бывший конокрад, испытавший на собственной спине удары мужицкого кнута как изобличенный вор...

При помощи связей и денежных пожертвований ввела эта дама сомнительного чудодея в круг высшего духовенства столицы. Вскоре духовник Николая и царицы епископ Феофан, ректор Духовной академии, монах, известный своей строгой жизнью, подпал под влияние хитрого сибиряка...

Сближению этому усиленно помогала Анна Вырубова, быстро оттеснившая от «старца» Лохтину и в своем обожании перешедшая всякие границы.

Под напором этих сложных влияний Феофан представил Григория Распутина царю и Алисе как «старца-прозорливца», обладающего особой, дивной силой провидения и способного воздействовать на души и тела людские...

Немке-царице Вырубова и другие заинтересованные лица внушили, что для популярности государя в стране самым лучшим средством служит такое приближение к трону «человека из народа», голос которого, безыскусственный и простой, будет отражать народные настроения... А с другой стороны, народные массы несомненно тронет внимание, какое оказывает царская семья простецу-мужику из народа...

Николай и раньше был склонен к подобным опытам... Не решаясь идти в толпу на манер Гарун аль-Рашида, он порою разыскивал «народных представителей» вне думских стен... И от них старался узнать «всю правду о России».

Кто не помнит приключений мелкого чиновничка Клопова, который случайно получил возможность беседовать с Николаем и потом послан был царем по России как его доверенное лицо узнавать всю правду, помогать раскрытию злоупотреблений...

Облеченный высочайшим доверием, с охранным листом, подписанным Николаем, этот маньяк Клопов, поколесив по России, печально кончил свою миссию...

Но Николая такой неудачный опыт не излечил от любви к приключениям в «истинно народном» духе...

И появление Распутина во дворце казалось весьма кстати в эти тревожные, темные дни, особенно после событий 1905 года...

Хитрый «старец» сначала занялся прорицаниями и, когда родился наследник, преимущественное внимание уделял этой надежде трона.

В шайке явных и тайных «распутинцев», имевших в виду погреть руки у трона при помощи «старца», которого они же отыскали и поставили на «место», особенно значительную, хотя и закулисную роль играл тибетский врач Бадмаев...

Знакомство с древними рецептами восточной медицины давало Бадмаеву возможность стряпать напитки бодрящие и целебные, вроде настойки из корней женьшеня или из пантов оленей, после приема которых самые слабосильные, изношенные мужчины получали охоту «жить», могли проявить страсть и пылкость, как в годы юности...

Николай нередко прибегал к напиткам этого современного Калиостро. Но последний умел готовить и другого рода напитки...

Несколько капель, незаметно подмешанных в питье или в еду ребенку, могли вызывать признаки разных недугов... Тогда являлся чудесный «старец» Григорий и, возлагая руки, творил молитву, давал ребенку выпить «своего снадобья» — и тот сразу оживлялся, нездоровье как рукой снимало...

Мало того. Мальчик по наследству от матери получил тяжелый роковой недуг: наклонность к кровонесвертыванию, какою страдает большинство представителей Гессенского дома, отмеченных печатью вырождения...

Получив от Бадмаева особые составы, Распутин неизменно являлся на помощь мальчику, как только у того начиналось опасное кровоизлияние... Снова творилась молитва, применялись «тайные средства» тибетского знахаря. Кровь переставала течь, и значение Распутина в царской семье росло не по дням, а по часам...

Но всего этого показалось недостаточно хитрому «старцу». Он сумел внушить и своей рабыне, Вырубовой, что надо еще кое-что для полной победы...

— Вот, сама знаешь, царица еще баба в соку! — грубо пояснял «Анке» своей лукавый сибиряк.— Добро, что она не очень заживается с дружками... А гляди — угодит ей кто-никто... И нас с тобой выпрет такой удачник. Видно, нужно мне на искус пойти. Нужно грех с нею принять, чтобы свою и ейную душу спасти. Ты, гляди, подстрой это получше... Да не хмурься, не ревнуй, глупая! Я не ревную, что ты с царем... Общее дело!

С болью в сердце, но пришлось Вырубовой исполнить волю Распутина...

И вот как описывают «люди всезнающие» сцену этого решительного момента, когда хлыст Распутин окончательно овладел душой и волей культурной западной принцессы, по воле случая занявшей трон Российской империи.

Однажды, отправляясь на обычный музыкальный вечер во дворец, Вырубова взяла с собой «старца».

Сидя в небольшой приемной рядом с покоем, где обычно музицировали Алиса и ее подруга Вырубова, Распутин должен был ждать, когда часы начнут бить полночь...

И в этот миг камер-лакей должен был впустить Григория в покой, где находились обе подруги.

Вот и полночь близко... Вырубова предложила Алисе сыграть в четыре руки «Лунную сонату», от которой исте-

ричная царица всегда приходила в особенное возбуждение, в полный экстаз...

Мерно зазвучали удары часов на камине... Бьет полночь...

На пороге покоя, слабо освещенного электричеством, появилась рослая фигура «старца» в неизменной косоворотке...

Вырубова, заслышав шорох его осторожных шагов, обратилась к Алисе, сидящей у рояля спиной к дверям, в состоянии полуобморока.

— Скажи, Сана, не чувствуешь ли ты, что с тобой сейчас происходит нечто особенное? — задала она вопрос, слегка поворачивая голову к дверям.

— Да, что-то есть! — начала царица, тоже невольно оборачиваясь назад.

И вдруг, вскочив, закричала:

— Дух... дух... Злой дух... там... Призрак!..

Напуганная, потрясенная, она забилась в истерике, упав на диван.

Оттолкнув Вырубову, желавшую помочь подруге, Распутин смело приблизился к рыдающей императрице, стал бесцеремонно гладить ее по голове, по лицу, проводить руками по груди особенным образом, как делал это со всеми другими женщинами... Стараясь взглядом внушить покорность ошеломленной царице, он вкрадчиво и властно повторял:

— Успокойся... Христос с тобою... Не дух я... Слуга Божий... Твой раб и заступник... перед людьми и перед Богом!.. Успокойся...

Затем негромко, повелительно кинул Вырубовой:

— Подь-ка, Анна... поищи, нет ли капелек тамо каких для болезной матушки царицы... Да... штобы хто не заглянул сюды без зову... Слышишь!.. Ступай! — почти грозно закончил он.

Безвольная под влиянием «старца», вся съежившаяся, вышла из покоя Вырубова... и вернулась лишь долгое время спустя, когда услыхала довольный громкий призыв Саны, которую вполне сумел успокоить хлыст-чудодей...

После этой сцены Распутин часто подолгу проводил время наедине с Саной... И сам стал называть ее так же, как звала императрицу ее подруга Вырубова...

С этих дней власть сибирского колдуна-пройдохи стала неограниченной во дворце, а значит, и во всем царстве.

Когда Николаю стало известно обо всем, он не проронил ни звука, очевидно, полагая, что Распутин — не хуже других друзей, имевших раньше влияние на Алису Гессенскую.

И только однажды, когда кто-то из близких людей старался убедить Николая, что поведение Алисы ведет к гибели династию, царь ответил:

— Пускай себе там думают и болтают, что хотят! Я привык к разным происка м и неприятностям... Мне это безразлично. Я теперь ко всему стал равнодушен! А относительно Аликс — особенно много лживых толков. Она только сестра милосердия и в политику не мешается. Это чудная, добрая женщина и чистая, безупречная жена... Я это знаю!.. И больше знать ничего не хочу...

А между тем в это же самое время Распутин получал от царственной подруги нежные записки, которые заканчивались словами: «Целую твои ноги. Вся твоя *Сана*...» И, как настойчиво говорили, эта утонченная принцесса действительно способна была лобзать ноги «старцу»-хлысту, *только не с тем чистым настроением*, как делала это Мария, умащая миром и отирая своими волосами ноги Учителю из Назарета...

Так говорят люди, «все знающие», обладающие способностью слышать шепот в альковах дворца, видеть самое тайное, что делается за тихими высокими стенами...

Но вот свидетельство лиц, заслуживающих особенного доверия в данном вопросе.

Припомним, что писал царю Николай Михайлович в своем действительно историческом, знаменательном письме.

«Пока производимый Тобою выбор министров при том же сотрудничестве Алисы и Распутина был известен только ограниченному кругу людей, дела могли еще идти. Но раз способ стал известен всем и каждому, обо всех этих методах распространилась весть во всех слоях общества, так дальше управлять Россией немыслимо». И далее:

«Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из Ее уст, есть результат ловких подтасовок, а не действительной правды.

Если Ты не властен отстранить от Нее эти влияния, то по крайней мере огради себя от постоянных, систематиче-

ских вмешательств и нашептываний через любимую Тобою Супругу...

Если Твои убеждения не действуют, постарайся изобрести другие способы, чтобы навсегда покончить с этой системой!.. Я долго колебался открыть Тебе истину, но Твоя матушка и обе сестры убедили меня это сделать... Поверь, если я так напираю на Твое освобождение из создавшихся оков, то делаю это не из личных побуждений...»

Как помогали царю добрые советы — особенно ярко видно из дальнейшего.

Вот что в беседе с журналистами высказал другой близкий родственник Николая, великий князь Кирилл Владимирович:

«Мой дворник и я — мы видели одинаково, что со старым правительством Россия потеряет все и в тылу, и на фронте! Не желала этого видеть только царская семья. Ропот недовольства долетал, несомненно, до Царского Села, но там не хотели прислушиваться к нему. Говорить царю о тяжелом положении родины было бесполезно. Плотной стеной стояли вокруг него ставленники пройдохи Распутина: Питирим, Штюрмер, Щегловитов и, наконец, Протопопов...

А во главе их всех находилась Александра Федоровна, которая правила Россией за спиною мужа... но служа, в свою очередь, куклой, игрушкой в руках Распутина, подкупленного немецкой кликой предателей и шпионов...

Осенью 1916 года, ценя личные качества, ум, знания и широкую популярность адмирала И. Григоровича, Николай поручил ему составить список Совета министров, в котором сам Григорович должен был занять пост председателя...

Адмирал повез в Ставку, в Могилев, список, куда вошли и некоторые министры, теперь правящие обновленной страной: князь Львов, Гучков. Затем шли: Самарин, Покровский, Кривошеин...

В то же время жену мою, Викторию Федоровну, убедили поехать потолковать с бывшей царицей, от которой, как мы знали, зависит решение слабовольного царя.

Едва царица услышала имена, приведенные выше, она не дала докончить моей супруге и раздражительно заявила:

— Это все враги династии! Мне старец Григорий велел остерегаться их... А он — святой человек и знает многое, что скрыто от наших глаз!.. Вы говорите, что против нас собирается гроза... Я не боюсь. Мы знаем, кто против нас: кучка аристократов, умеющих только проигрываться в

бридж... Я 22 года сижу на троне, объехала почти всю Россию... Знаю, что народ любит мужа и всю нашу семью... Все пойдет, как было... А для бунтовщиков есть пулеметы и казематы Петропавловки... Кельи Шлиссельбурга.

Жена моя ни слова больше не сказала и простилась с этой самонадеянной царицей...

Александра Федоровна немедленно кинулась в Ставку и там постаралась «провалить» список Григоровича... Генерал Алексеев всегда может это подтвердить... Он тоже по достоинству ценил и терпеть не мог Алису...

Второй пример... Свершилось убийство Григория Распутина... Этого мужика, который всегда и везде ронял достоинство не только семьи бывшего императора, но и всех нас... Открыто заявлявший, что он «сковырнул» даже такую шишку, как великий князь Николай Николаевич...

С пьяных глаз Распутин распускал такие слухи о царе и его супруге, что мы приходили в ужас... И, видя такое ужасное зло, все мы не раз задавались вопросом: не служит ли сама императрица тайной пособницей и союзницей Вильгельма?..

Мы старались гнать от себя такую страшную мысль...

Но Распутин, несомненно, был закуплен немцами, сообщал им все, что здесь происходило, и подчинял своей воле царицу...

Недаром же в Германии великолепно были осведомлены обо всем, включая даже предположения и планы действия царствовавшей семьи...

За последнее время говорили, что Николая спаивают его близкие, жена и другие... Возможно, что это было и так... Но во время одного разговора с царем я услышал от него такую фразу:

— С начала войны я бросил пить...»

Во всех этих «откровенностях» бывшего великого князя много недосказанного. Но и то, что бьет в глаза, слишком сильно говорит о влиянии жены на царя и о влиянии Распутина на царицу...

Это пагубное влияние выразилось не только в назначениях министров, в поругании России... Оно проникло глубоко в самое семью царя... Кроме писем царицы, о которых сказано выше, есть еще ряд свидетельств, не имеющих себе ничего подобного в семейной хронике других династий, даже в минувшие столетия.

Мать и дочерей своих, всех до одной, заразила своим нездоровым, безрассудным обожанием грязного «старца» Распутина.

Письма приводятся с соблюдением того правописания, какого придерживались русские царевны, из которых младшей тогда было восемь лет, а старшей двенадцать:

I

Дорогой мой друг что увидимся я видела тебя восне сиводни мы на этай недели ходем в Церковь я хажу утром, и вечером я молюсь затебя и за моих сестер Я благодарю за отличное песмо мое очень нравица песмо. Я тебя очень крепко люблю тебя душка Господ очень добрый он все дайт что я прошу он все дает мне я все время прошу мама чтоб мама сказала бы когда ты придеш суда Татьяна целует тебя очень крепко. Я постараюсь быть пай перед исповедю я молюсь Богу чтобы была пай и слушала всех нян надеюсь что увидимся скоро.

1909 12/11 Царское Село *Анастасия.*
Четверг.

II

Ц. С. 1909 г.
25-го марта

Мой дорогой и самый близкий и милый друг.

Я так жалею что тебя не видела так так давно, для меня это кажется целым веком. Я так молюсь Богу, чтобы он помог этой бедной няне, которая лежит теперь в больнице. Пожайлуста прости все мои грехи, которые я тебе сделала и попроси Бога чтобы он нас грешных простил и спас. Я всегда молюсь в Церкви чтобы Бог помог мне и что бы я ни на кого не сердилась и чтобы всегда всех слушала тогда всем будет хорошо. Наверное твоя жена и твои дети очень страдают без тебя. Пожалуйста возьми меня с собой в твою Сибирь. Мы недавно получили письмо от твоей милой Матренушки. Так бы хотелось ее видеть. Как мне скучно без тебя мой ненаглядный, дорогой и милый добрый ангел, как мне было скучно, когда ты был у себя дома я так тосковала по тебе. Какая Мери счастливая, что видела тебя вчера. Теперь София Ивановна Тютчева уехала в Москву потому что к нам приехать скорее. Как

давно Мама и мы не были в Сибири я так стремилась туда скорее попасть. Теперь мама поправляется к нашему великому счастью. *Мы каждый день видаем Аню*[1]. Я ее так люблю она такая милая добрая хорошая и простая. Мы на этой неделе каждый конечно день ходим в Церковь. В Великом посту у нас только по пятницам и средам бывают Преждеосвященного литурги.

Пока досвиданья. Да хранит тебя Господь *мой ненаглядный друг.* Прошу у тебя своего благословения. Крепко, крепко целую и *обнимаю тебя и твою золотую ненаглядную руку.* Искренно преданный тебе твой верный друг

Татьяна.

Мери и все тебя целуют.

III

Царское Село

Мой дорогой и милый *душка.* Я так хочу поехать к тебе в дом в Петербург. Я каждое утро читаю главу в Евангелии. Я бы ужасно хотела бы поехать в Сибирь. Когда ты еще приедешь *к Ане в дом.* Спроси мами что я хочу тебя видеть одна, и по говорить о Боге. И хорошо было бы если бы я с тобой помолилась Богу. Я теперь каждую ночь сплю с твоим Евангелием *и кладу его на себя.* Как ты себе чувствуешь я знаю, что Бог такой добрый, что он услышит наши молитвы к нему и послушает нас грешных. Бог даст и увидемся скоро. Что ты будешь завтра делать. Я каждое утро молюсь Богу, и вечером тоже. Шура ужасно хочет тебя видеть скорей. Анастасия Тебе пишет тоже письмо. Скаже *Ане* что я ее целую и может быть напишу письмо. Да хранит Тебя Бог. Крепко тебя целую.

Апреля 16, 1909 г. *Мария.*

В этих письмах удивительно переплетается полуинститутское, полуэкстатическое обожание молодых девических душ с теми неосознанными еще, но сильными «голосами» и зовами, которые более зрелых, искушенных жизнью женщин толкали на всякие безумства по одному слову и взгляду гипнотизера-хлыста, распутного «старца». И вот не-

[1] Вырубову.

давно еще один из депутатов, бывший «черносотенец», пустил в широкое обращение фотографии, на которых дочь царя сидит рядом с Распутиным за столом, уставленным бутылками вина. Так переродилось детское обожание к «богоданному» Грише...

Если бы Николаю своевременно попали на глаза эти «человеческие документы», начертанные нежными руками его собственных дочерей и запечатленные светом правдивого солнца, может быть, он перестал бы улыбаться, этот загадочный, молчаливый человек... И сам бы первый отдал приказ, подписал бумажку, гласящую, что «сим повелеваю Григория Новых, он же Распутин, предать смертной казни через повешение» или по крайней мере заточить навеки в каком-нибудь руднике Кары, Зерентуя...

И остались бы чистыми, не запятнанными в крови руки родичей русского царя, руки его свояка; не внесена была бы зараза растления в его семью...

А может быть, случилось бы иначе... Властная, изворотливая супруга, как это было и в других случаях, сумела бы убедить Николая, что эти письма — поддельные... Или что они имеют совсем не тот дурной смысл, какой бросается в глаза при первом чтении... И все пошло бы по-старому... вплоть до дней февральских и мартовских счастливого 1917 года...

Скорее, что так... Судьба явно желала, чтобы эти дни стали роковыми для Николая...

И потому безмятежно длилась распутинская идиллия под сенью трона Романовых, и даже еще в декабре 1916 года «старец» получил от матери и дочерей, вкупе с преданной фрейлиной Аней, новое доказательство их преклонения перед чудесными свойствами Григория Новых.

Из Новгорода «царица-немка» привезла в подарок «старцу из хлыстов» иконку, писанную на дереве.

На оборотной стороне иконки чернильным карандашом сделаны были собственноручно подписи:

Александра
Ольга
Татьяна
Мария
Анастасия

Слева в углу — дата: *11 декабря 1916 г.*

В правом углу внизу, помельче, еще одно имя: *Анна.*

Эту икону нашли на груди у мертвого «старца», когда после переворота его труп был найден в недостроенной часовне, воздвигнутой Вырубовой и царицей над прахом *незабвенного хлыста*...

В настоящей книге нет возможности касаться общей деятельности Распутина на гибель царству и династии. Его влияние при назначении и смене министров, митрополитов, даже послов в иностранные земли, его тлетворное воздействие на семью царя с самим Николаем во главе, интриги и разлагающее начало, которое он внес в обширный круг лиц, толпившихся при русском дворе,— все это дает материал слишком обширный, требующий особой книги, в которой и будет обрисована целиком вся отталкивающая фигура Распутина, роковым, позорным пятном чернеющая у трона российских царей...

Важно для настоящей монографии отметить все главнейшие точки соприкосновения между самодержцем, императором всероссийским, и тюменским мужичком из уличенных конокрадов...

Одно такое сочетание понятий говорит много уму и душе... Когда такой повелитель России, как Николай, искренно желал, без всяких политических целей, приблизить к себе человека из народа, он не сумел выбрать никого, кроме клейменого плута, деревенского «колдуна» и совратителя баб, в чем «старцу» помогала особая способность, дарованная ему причудливой природой...

В этом выборе — почти весь сверженный царь: податливый наружно всем влияниям, какие могли пробиваться сквозь толщу дворцовой охраны; недоверчивый и хитрый... В глубине души Николай считал себя лучше, умнее всех... Любил слушать, когда ему внушали, что он чарует окружающих, что все близкие думают о его благе, о судьбе его сына, его династии...

И на этом особенно ловко играл Распутин, как и Протопопов, как все другие...

Вот еще голоса двух свидетелей, заслуживающих особенного доверия.

Человек, жену которого оскорбил грубый «старец»-распутник, человек, который решился ударом свинца очистить воздух царства, зараженный тлетворным дыханием чувственного «чудотворца»-хлыста,— Ф. Ф. Сумароков-Эльстон, князь по рождению, родственник Николая Романова по жене, че-

ловек сдержанный и светский, тем не менее вот что высказал в беседе, предназначенной для общего оглашения:

«Гришка Распутин — это был злой гений России! Он и остальные преступники, окружавшие чету Романовых — все эти Протопоповы, Воейковы, Щегловитовы, сидящие теперь в крепости, достойны самой тяжкой кары не менее, чем и тот, кто поддавался их влиянию...

Прикрываясь религиозной маскою, они творили омерзительные дела и продавали врагам Россию.

Все великие князья открыто возмущались политикой Николая, но вся сила находилась в руках Александры Федоровны и ее продажных сторонников.

Бывшая царица, кроме своих женских ненормальностей, страдала манией величия, и этим пользовались предатели, окружавшие Романовых.

Она вообразила себя второю Екатериной Великой, думала, что от нее зависит переустройство России на западный, то есть немецкий лад... А ее приближенные — Распутин, Вырубова, Протопопов и др.— разжигали в ней манию величия ради своих выгод и создали положение, выхода из которого почти не было.

Когда выяснилось тревожное положение в стране, Протопопов уверил обоих, мужа и жену Романовых, что он знает секрет «подавить революцию и сверху и снизу...». Что справиться с бунтами легко... Он говорил о тысячах пулеметов, стоящих наготове... О десятках тысяч немецких маузеров, припрятанных для полиции в стенах арсенала...

Ему поверили и дали всю полноту власти... Воейков — просто старался награбить побольше... Нилов — пил с царем...

Так и началась эта «придворная свистопляска», которую оборвали выстрелы восставших полков и народа...

Огромную, если не первую, роль во всей этой «свистопляске» играл Распутин, о котором нельзя и вспомнить без чувства омерзения!

Его влияние на бывшего царя и царицу объясняют различно. На мой взгляд, это был хитрый мужик, обладавший силой гипноза и сознающий эту могучую силу, умеющий ловко ею пользоваться.

Я знал людей с очень сильной волей, но и те быстро подпадали при встречах под влияние Гришки...

Первое время я просто не верил, что какой-то Распутин может назначать и смещать министров, но скоро узнал эту горькую истину.

Все усилия лиц, не вмещавшихся в эту дворцовую «свистопляску», старания их воздействовать на Николая разбивались о тяжелую атмосферу мистически-полового психоза, которым были пропитаны, охвачены вполне все главнейшие обитатели Александровского дворца.

За последний год Николай Александрович, казалось, окончательно потерял собственную волю, подпал под влияние жены и ее фаворитов, Распутина по преимуществу...

Но вот Распутина не стало... И наступила реакция еще более грубая, яркая... Разговоры об ответственном министерстве окончательно заглохли, а Протопопов со своими приспешниками начали свою подготовительную работу против назревающего народного волнения...

Значительную роль при дворе играл друг Распутина, тибетский врачеватель Бадмаев. О нем при дворе ходило немало различных слухов как о поставщике «специальных», бодрящих эликсиров для царя и о врачевателе царицы и наследника...

Одно могу сказать с уверенностью: Николая Александровича действительно поили различными снадобьями, составленными тибетским светилом. И этим за последнее время довели бывшего царя почти до полного слабоумия. Он потерял собственную волю. Во всех государственных делах его неоспоримой советницей явилась Александра Федоровна, которая вела его и Россию к пропасти, готовясь продать землю Вильгельму...

Бадмаев работал очень осторожно и не оставил почти никаких следов... А в общем — при дворе царил какой-то кошмар, где распутство сплеталось с проявлениями изуверского мистицизма, чуть ли не садизма...

И не вспыхни революция снизу — она бы вспыхнула сверху. К этому словно и вела Александра Федоровна при помощи другой немецкой пособницы — старшей великой княгини Марии Павловны...»

Вот в общих чертах то, что сообщил для обнародования человек, которому Россия обязана избавлением своим от Распутина...

А вот, наконец, и голос одного из политических деятелей нашей родины, одинаково чтимого за честность и ум в родной стране и далеко за ее пределами.

Бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов во время беседы с журналистом, явившимся для обычного интервью, свидетельствовал:

«Заниматься сейчас характеристикой личности бывшего императора мне не хочется — я вполне на стороне тех, кто придерживается известной пословицы, что «лежачих не бьют», в особенности так, как это позволяют себе многие. Во всяком случае подражать примеру великих князей я не стану. Мои впечатления от общения с бывшим императором таковы: он человек без воли, временами совершенно апатичен ко всему совершающемуся, но его я не считаю главным виновником переворота. На мой взгляд, слишком содействовала этому Александра Федоровна. Она всегда мнила себя призванной руководить высшей государственной политикой, она всегда считала, что Россия через ее содействие воспримет ту культуру, ту цивилизацию, к которой Александра Федоровна так привыкла. Естественно, что такие стремления идут вразрез со столь грязной дружбой ее с Распутиным. Но должен оговориться, что Распутин имел на Александру Федоровну огромное влияние исключительно как человек, в чью творческую мистическую силу бывшая императрица очень верила. Александре Федоровне не раз доказывали, что Распутин — шарлатан, взяточник и авантюрист, но она отвергала это и утверждала, что в нем таится сила провидца. Вот отсюда-то и все то зло, которое было причинено нашей родине, и вот благодаря чему мы долго пребывали в страшном омуте.

Должен вам сказать, что последние полтора года пребывания моего в Совете министров для меня являлись сущей мукой.

Был момент, когда мы — восемь министров — написали государю письмо, подробно и с полной откровенностью указав ему на все происходящее вокруг. Среди подписавшихся были: Кривошеин, Барк, Самарин, Игнатьев, истинно государственный муж Харитонов, я и др. К взглядам, изложенным в нашем письме, присоединились также Поливанов и Григорович, но они не подписали его, так как их положение военных министров было, конечно, исключительное.

Это письмо также не возымело никакого влияния, и течение нашей политической жизни шло по тому же неопределенному руслу, как и раньше.

Мои противники по кабинету ставили мне палки в колеса самым наглым образом, отстаивая немецкие интересы.

И вы можете себе представить, какое у меня было самочувствие как у министра, призванного в такое время стоять у ответственного поста.

С огромным удовлетворением отмечу только, что с Протопоповым мне, слава Богу, не приходилось работать.

О своей отставке узнал я из письма государя, датированного 5-м июля и полученного мною в Раухе 7-го июля. Смысл письма Николая II сводился к тому, что он вынужден принести меня в жертву тому течению большинства в Совете министров, в котором я оставался без поддержки. Мне приходилось сотрудничать среди них при диаметрально противоположных взглядах с моими; я опасался за судьбу родины и династии и не раз указывал на надвигавшуюся опасность. Но со мной не соглашались».

«В беседе со мною С. Д. Сазонов многое недоговаривает, очевидно, щадя тех, кто низложен... и «повержен во прах»!..— так заканчивает свое сообщение журналист.

Но ход событий и те подробности, какие вскрыты самыми разнообразными свидетелями, голоса, звучащие со всех сторон, тайны, увидавшие свет Божий при новом порядке вещей,— все это не просто «договаривает», а криком кричит, четко выявляя, кто стоял во главе многомиллионного задавленного народа! Что творилось там, на верхах власти, скрываясь в тени трона, путаясь в складках царской горностаевой мантии...

Если в последние дни романовского засилья даже истинные бюрократы самодержавия, мало-мальски уважающие себя, не могли оставаться безучастными к деяниям шайки, составляющей «царский кабинет министров», то каково было народу?

И последней каплей, переполнившей чашу долготерпения народного, несомненно, явились Распутин и его ставленники, пригревшиеся под крылом у Алисы Гессенской...

Отношению «старца»-хлыста к ней или, вернее, взаимоотношениям между всероссийской императрицей и сибирским хитрым варнаком-конокрадом, ставшим вершителем судеб русской земли, всему этому кошмарному, пугающему

месиву грязи, мистики и садизма посвящена мною особая книга, выходящая вслед за настоящим томом под заглавием «Распутин у трона».

Но и сейчас необходимо коснуться вопроса: каким образом этот «старец» мог проводить в министры лиц, ему угодных? И кого же сажал он на эти теплые места, пользуясь своей позорной, но большой и очевидной силой?

Аликс, как звал Николай свою жену, Анна Вырубова, Григорий Ефимыч Новых — вот та троица, Священное «Тримурти», которое вершило, как оказалось, судьбы русского царства, вертя, как куклу, последнего Николая, «милостию Божиею» императора всея Руси.

Но и сами эти «божки» были игрушкой в других, более заурядных и совсем уже грязных руках, покрытых потом разврата, пылью золота, полученного за продажу родного народа и своей отчизны.

Если можно еще объяснить влечением крови, родственными чувствами явные попытки Алисы Гессенской работать на пользу врагов России, тевтонов, то нет никакого оправдания и объяснения для ее пособников, русских по крови, но действовавших предательски, во вред истерзанной, замученной, истекающей кровью родине...

Связь между царским дворцом и предателями установлена была уже давно.

Стоит вспомнить хотя бы речь Мясоедова перед казнью...

Военно-полевой суд заседал всего около двух часов, Мясоедову были предъявлены обвинительные материалы. Данные, добытые следственной властью, носили настолько уличающий характер, что даже закоренелому преступнику не пришло бы на ум оправдываться.

Надо отдать справедливость Мясоедову, он по пунктам подтверждал предъявленные ему обвинения; больше того: Мясоедов надменно и резко соглашался: «Да, виноват».

— Что же вы можете сказать в свое оправдание? — спросил его председательствующий.

— По существу ничего не могу ответить.

Затем, подняв глаза и обведя всех присутствующих взором, Мясоедов громким и внятным голосом заявил:

— В чем, собственно, вы меня обвиняете? Я состоял шпионом в пользу Германии. Организовал целые сети шпионажа, добывал всякие материалы военно-секретного харак-

тера в пользу Германии. И делал я это сознательно. Почему я это делал сознательно, для меня ясно, а для вас неясно. Я сознаю, что в ближайшее время Россия будет омрачена грозными призраками революции. Гидра революции уже проникла и в армию. Германия же — оплот монархизма. Я люблю своего царя и предан ему, и вот, опасаясь, что император Николай может лишиться трона, я стремился, чтобы Германия одержала победу, и, таким образом, могущественный монарх император Вильгельм сумеет оказать должную, необходимую поддержку императору Николаю. Революция, несомненно, будет подавлена. Я больше всего опасался победы России, ибо от победы зависела бы судьба ее монарха. Несомненно, в случае победы монархическая Россия превратилась бы в республику. Этому я не мог сочувствовать.

Закончив свою защитительную речь, Мясоедов заметил на лице судей улыбку.

— Ну и царские слуги,— проговорил Мясоедов и добавил, что ничем не имеет дополнить все им сказанное.

Приговор был вынесен. Через 24 часа приговор вошел в законную силу. Окончательная конфирмация приговора была предоставлена Николаю Николаевичу.

В пятом часу утра недалеко от Ставки, вернее, от места нахождения вагонов Николая Николаевича, выстроились воинские части. Здесь были представители всех родов войск. Воинские части образовали собою каре, внутри которого возвышался эшафот. Перед совершением казни воинским чинам была разъяснена роль полковника Мясоедова, было указано на тяжесть его преступления.

В шестом часу утра привели Мясоедова. Когда палач подвел его к эшафоту, он замедлился. Блуждающие глаза Мясоедова остановились на палаче, и он заявил: «Не пойду дальше, хочу еще жить». Палач схватил его за руку и хотел накинуть на его шею веревку. Мясоедов, обладавший большой физической силой, оттолкнул палача. Последний упал, но затем, поднявшись, вступил в борьбу с Мясоедовым. Мясоедов упирался. Палач ничего не мог с ним сделать. На помощь ему был вызван один из рабочих железнодорожных мастерских. Мясоедова связали, втолкнули на эшафот.

Стиснув зубы, он дал возможность надеть петлю... Через несколько минут посиневший труп упал в сугробы сне-

га. Военные врачи констатировали смерть... Был составлен соответствующий акт. Мясоедова завернули в брезент и положили на дроги. Труп был вывезен за город и предан земле. Воинские части немедленно разошлись на работы...

И только через несколько дней население Барановичей узнало о казни Мясоедова

В следующей главе мы увидим, читатель, как легко подписывал Николай Последний смертные приговоры.

Но мне думается: если бы приговор изменнику, изобличенному военному шпиону Мясоедову, попал на подпись не Николаю Николаевичу, а... Николаю Александровичу, полковник-предатель, бросивший на жертву врагам двести тысяч русских солдат в Восточной Пруссии, был бы помилован Романовым... И до сих пор проживал бы где-нибудь в тиши...

На это, конечно, рассчитывал и Мясоедов, так бесстыдно открывший карты своей «преданности царизму»...

Может быть, и Николай Николаевич знал, что Мясоедов говорит правду... Что недаром он был так близок к другому, еще более крупному предателю, Сухомлинову, состоявшему под особым покровительством русской императрицы.

Но... великий князь, даже не будучи особенным патриотом, даже понимая, что речи Мясоедова правильны, решил, пожалуй, что таких «преданных», но неловких пособников и «друзей династии» лучше устранить с пути, и подписал роковую бумагу.

Мясоедова не стало. Остался Сухомлинов. Потом явился Штюрмер, поставивший вопрос о «сепаратном мире» на прочную почву... Народился типичнейший «последний защитник» последнего Романова, министр-пулеметчик А. Д. Протопопов...

Стоит проследить, как вырос и распустился махровым цветом этот паразит самодержавия на злачной романовской ниве, и станет понятно многое, вплоть до того «чуда», каким в глазах целого мира явилась Великая бескровная русская революция.

И попутно станет ясно, насколько все эти Мясоедовы, Сухомлиновы, Штюрмеры, Щегловитовы, Манасевичи-Мануйловы с их п а т р о н о м, Григорием Распутиным, сходны друг с другом, несмотря на все различие происхождений, воспитания, даже расы... Все они готовы были подписаться под речами Мясоедова!

В письме великого князя Николая Михайловича определенно сказано: «С тех пор, как во всех слоях общества стало известно, кто влияет у Тебя на выбор министров, т. е. о вмешательстве Распутина и других, ему подобных, лиц, о вмешательстве Твоей жены во все важнейшие дела,— дольше так управлять Россией немыслимо!»

И сам Распутин не скрывал своей силы и авторитета у папани и у мамани, как он называл царя и царицу даже в письмах и телеграммах.

Когда тот же Николай Михайлович заметил царю: «Знаешь ли, что Протопопова тебе подсунули немецкие агенты? У Бадмаева его познакомили с Распутиным, а тот провел этого хитреца в министры»,— Николай двусмысленно ответил: «Знаю... я это слышал», не желая выразиться ясно: верит ли он сообщению брата или считает все досужим вымыслом «врагов» Распутина, «простого честного сибирского мужика», как отзывался о «старце» государь...

Немудрено, что этот «мужичок» во время спиритических сеансов, приходя в экстаз, решался прорицать о будущем премьере, восклицая:

— В сей нощи видение сонное мне было... Явился святитель Серафим Саровский, указуя на Лександра Митрича, и изрек: «Сей с усами белыми... с усами белыми спасет!.. Мудрый он, ой мудрый!..

Эти выходки изувера-пройдохи влияли на душу и сознание Николая, в последнее время, если верить словам Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона, почти доведенного до полной прострации теми «тайными средствами», какие готовил для царя тибетский пройдоха Бадмаев.

Вот что сказал молодой князь сотруднику «Биржевых ведомостей»:

— Я отрицаю, что бывший царь злоупотреблял спиртными напитками, но его спаивали более сильной отравой. Мне лично пришлось слышать в одном из распутинских кружков о том, что приближенные делали специально сильный настой из тибетских трав и этим настоем спаивали царя.

После этого царь впадал в меланхолию, чувствительность атрофировалась, он становился безразличным, был молчалив и таким образом лишался возможности реагировать на заявления и указания приближенных.

И в этот момент царедворцы-преступники пользовались слабостью бывшего царя для осуществления своих злых и подлых дел. Кто знал бывшего царя в течение последних нескольких лет, тот может сказать, что за последние годы он пережил большую эволюцию и стал буквально неузнаваем.

При этом нельзя отрицать, что роковую роль в жизни династии сыграла бывшая государыня, которая верила в чудеса Григория Распутина, и для него и его приближенных она жертвовала народным благом и народными интересами.

Как было сказано выше, Алиса Гессенская не считала, что она жертвует чем-либо, принося вред России. Немка по духу, не только по крови, она поступала вполне последовательно со своей точки зрения... И Протопопов, попавший в министры ее волей, пел в тон высокой покровительнице.

Сначала, как сообщают люди, близкие к царской семье, Николай относился холодно, недоверчиво к Протопопову, не имевшему связей в том кругу, откуда обычно брал себе министров царь...

Но постепенно, при помощи внушений Распутина и собственной ловкости, Протопопов занял положение настолько прочное, что перестал бояться кого-либо, включая и самого Николая.

Стоит вспомнить, как умел этот старый политикан втереться в доверие к своим сотоварищам по Государственной думе, как он там, в среде деловых, мыслящих людей, сумел возвыситься до положения почетного и важного в качестве члена президиума...

И тогда станет понятнее, как мог этот политический шулер овладеть волей Николая.

Но едва проныра почуял, что стоит твердыми ногами,— маска спала с его лисьего лица.

Вот знаменитое свидание с агентом Вильгельма в Стокгольме... Вот подготовка к «усмирению революции снизу» после того, как он же сослал во все концы России виновников смерти друга-патрона своего, Григория Распутина...

Сотрудник одной газеты, некто Я. Я. Наумов, еще задолго до революции беседовал с всесильным «премьером» о вопросах дня, и вот что говорил ему Протопопов:

— Распутин — это был здоровый мужицкий ум... приносивший немало пользы тем, кто с ним советовался, равно как мне и государю. Он был вполне бескорыстен (!!! — *Л.Ж.*). После него осталось 3000 денег, домик в Тобольской губернии. Но окружали его мошенники, которые его эксплуатировали.

В этой тираде что ни слово, то ложь.

После Распутина осталось до миллиона наличными и большие участки земли... Если его окружали мошенники, то немудрено, что «здоровый мужицкий ум» старца допускал такую банду орудовать вокруг себя,— львиная доля барышей доставалась ему, «бескорыстному» царскому советнику.

Дальше, коснувшись общественных волнений, Протопопов еще наглее объявил:

— Я не склонен придавать серьезное значение будированию верхних слоев, вплоть до всех великих князей включительно. Представители этих кругов не такие люди, чтобы они могли что-нибудь сделать. Впрочем, некоторые меры уже приняты, а если понадобится, будет сделано то, что нужно.

— А оппозиция Государственного совета?

— Это вещь несерьезная. Против нее ничего не стоит принять кое-какие средства: одним — пригрозить, другим — кинуть подачку, и оппозиция исчезнет. На то, что происходит сейчас в общественных кругах, я смотрю очень серьезно. И мною послано распоряжение московскому градоначальнику не допускать в Москве никаких собраний. В моем распоряжении имеются данные, свидетельствующие о симптомах приближающейся революции. Вот документ. Это резолюция участников военно-промышленного комитета под председательством Коновалова, в которой предлагается перейти от слов к делу. Очень вероятно, что близко время, когда начнется террор.

— Но как же намерены вы реагировать на это начало революции? Неужели вы не сделаете попыток хотя бы отдалить срок? Неужели не будут сделаны шаги в сторону сближения с Государственной думой?

— Государственной думою руководит Милюков. Я не настолько наивен, чтобы не понять, что думские пожелания «министерства доверия» скрывают за собой вымогательство ответственного министерства. Это прямой путь

к повторению того, что было во Франции в 1789 году до proces de la reine включительно.

— Но ведь за Государственной думою стоит все русское общество — общеземский союз, союз городов и т. д.

— Это не общественность, а лжеобщественность. Я сам старый земец и потому хорошо понимаю и вижу, какие элементы объединились в этих союзах. Разве эта лжеобщественность может претендовать на власть? Она хочет только помешать правительству (! — *Л. Ж.*) выиграть войну в то время, как до ее конца осталось только четыре месяца. Я знаю это, так как имею точные сведения о внутреннем положении Германии

— Уверены ли вы, объявляя войну всей стране, что выйдете победителем?

— О, я не остановлюсь ни перед чем. Господа журналисты могут сравнивать меня с Плеве — я в первую же очередь начну высылать их целыми вагонами из столицы. Но я задушу революцию какой бы то ни было ценою! Я добродушен. Но я могу быть и свиреп и беспощаден!

Что эти слова не были простою угрозой, доказывает следующая «срочная телеграмма», которая была отправлена Протопоповым в Ставку на имя одного из наперсников царя, перед московскими съездами 8—9 декабря 1916 года:

«Царская Ставка, Свиты генералу Воейкову

По соглашению с председателем Совета министров было признано необходимым мне просить генерала Мрозовского не разрешать целого ряда съездов, назначенных в Москве на 8-е и 9-е декабря и имевших целью объединить политическое боевое настроение в некоторых слоях столицы путем оглашения на съездах заранее заготовленных резких резолюций.

Съезды не были разрешены, и протесты на их запрещение от земств и городов, заслушанные в Совете министров, были оставлены Советом без удовлетворения. Как последствия неподчинения съездов объявленному распоряжению Мрозовского явились неизбежное введение на собрания чинов полиции и недопущение самовольных сборищ, а отсюда буря лжеобщественного негодования. Сегодня в Думе предполагается внесение по этому делу ряда запросов, оглашение возмутительных резолюций, которые могут волновать элементы, пропитанные смутой, и перебросится далеко за Таврический дворец.

Готовится дерзновенный натиск на священные прерогативы монархической власти, попирая основные законы. Ввиду изложенного я признал необходимым, чтобы сегодняшнее заседание Государственной думы было закрытым для публики и печати.

...Я послал соответствующее требование Родзянко лично, но считаю своим долгом предусмотреть могущие произойти дальнейшие осложнения. Ввиду изложенного долгом совести почитаю просить вас доложить его величеству о том, что, в случае дальнейших осложнений, представляется необходимым высочайший указ о перерыве занятий Государственной думы, полагал бы до 1 февраля.

Ввиду исключительной остроты минуты очень прошу не отказать доложить это дело в порядке спешности. На успех твердых и спокойных мер в эту минуту верноподданнически надеюсь и верую в помощь Божью.

Протопопов».

Конечно, Николай всегда готов был пойти навстречу мудрым политическим советам Протопопова, который в России решился разыграть герцога Альбу, чтобы оправдать свои слова о собственной непреклонности и жестокости...

Но налицо был еще один, более жгучий вопрос: со всех сторон шли донесения о готовящемся народном волнении.

Как теперь выяснилось из секретной переписки бывшего министра с бывшей царицей, Алисой Гессенской, эти волнения были вызваны умышленно старою властью.

Россия могла «заключить сепаратный мир с врагами, если бы в столице вспыхнул мятеж»... И эту «благовидную» причину для черной измены общему делу старался создать предатель-министр всеми мерами: подвоз припасов умышленно нарушался, мародерам дана была возможность грабить население...

Но все-таки надо было вести игру осторожно, чтобы не выдать себя и перед страной, и перед... тем же Николаем.

Хотя он и понимал, что Вильгельм, враг России, не является «врагом Романовых», как стояло в письме, переданном царю Васильчиковой, как твердили ему все окружающие, но все же заняться открыто провокацией было опасно.

Наконец, на очереди стоял и такой вопрос: ну, вспыхнет волнение... Начнем переговоры о мире с «нашими

друзьями», с врагами России... Однако народ надо будет привести в покорность... Как это сделать?

И вот тут-то ставленник Распутина выявил себя во всю величину.

Когда стало известно, что все рабочее население Петрограда готовится к выступлению, что Государственная дума решилась тоже резко поднять голос протеста, в Царском Селе было созвано особое совещание по этому жгучему вопросу.

Председательствовал сам государь.

В совещании участвовали князь Голицын, Воейков, Нилов, Протопопов и другие члены кабинета; приглашен был и Штюрмер.

На обсуждение был поставлен вопрос о необходимости дать некоторые уступки Государственной думе. Большинство участников совещания признавало, что начавшееся движение может захватить войска, почему следовало бы в целях успокоения Государственной думы согласиться на осуществление минимума тех свобод, которые возвещены манифестом 17 октября.

— Ну что ж,— сказал Николай.— Это, пожалуй, возможно.

Таким образом, вопрос, казалось, был предрешен. Мало того, был уже заготовлен и соответствующий акт, в котором, однако, не говорилось об ответственном министерстве, но предлагалось назначение в состав кабинета видных общественных деятелей из состава Государственного совета.

Против этого, однако, восстал Протопопов:

— Ничего угрожающего в данном движении нет и быть не может,— заявил он.— Петроград мутят какие-нибудь двести—триста человек. Их необходимо уничтожить.

Протопопов настаивал на предоставлении в его распоряжение кредита в триста пятьдесят—четыреста тысяч рублей «для подавления революции в самом зародыше».

— У меня имеется верный план для борьбы с гидрой революции. Эта сумма необходима для того, чтобы петроградских городовых можно было обучить стрельбе из пулеметов. Тогда правительство может вполне спокойно покончить с движением. Кучка людей, желающих перемены, будет просто расстреляна из пулеметов, и таким путем всякая опасность минует.

Николай, почти уже согласившийся на подтверждение конституции 1905 года, неожиданно переменил свое решение и тут же заявил:

— Если вы убеждены в этом, то выполните свою программу.

Протопопову были отпущены триста пятьдесят тысяч рублей из десятимиллионного фонда.

Всем полицейским от имени Протопопова особым секретным циркуляром было объявлено, что за каждый день обстрела с крыш «уличной сволочи», как выражался диктатор, будет выдаваться по семьдесят пять рублей. В случае если они «продержатся» на крышах в течение недели, получат особое единовременное пособие в очень крупном размере, а семьям, в случае гибели городового, будет даваться пенсия в три с половиной тысячи рублей.

Высшим чинам полиции министры сулили золотые горы.

Наемные палачи, «фараоны» и охранники по мере сил старались добросовестно выполнить работу... Тысячи трупов пали от предательских пуль, от залпов, которыми поливали народ пулеметы, спрятанные на чердаках и на колокольнях церквей...

Но расчеты распутинского ставленника не оправдались: народ победил...

Теперь надо вернуться к вдохновителю министра-палача — к Распутину, который еще до переворота пал от пули заговорщиков из царской семьи, поддержанных, по слухам, и пресловутым В. Пуришкевичем...

Вот что говорил о смерти своего покровителя сам Протопопов в беседе с тем же журналистом Я. Я. Наумовым:

— Это было не простое убийство — это итальянская мафия, в которой участвовали озлобленные люди, превратившие убийство в пытку. Распутина живьем топили в реке. Его ранили — я не знаю подлинно, как происходило дело во дворце Юсупова, а затем связанного по рукам и ногам, бившегося, в автомобиле везли через весь город, чтобы бросить в прорубь. Шарлотта Корде нанесла сразу свой удар — это было политическое убийство. Здесь же какое-то мрачное дело мщения, какая-то мафия в полном смысле слова...

Как мы уже знаем, великий князь Дмитрий Павлович и Ф. Ф. Сумароков-Эльстон, обвиняемые в этом деле, были высланы из столицы.

Третий участник, В. Пуришкевич, поспешил удалиться сам «за пределы досягаемости», уехал в армию, на фронт, где его не смели тронуть даже агенты Протопопова, где были бессильны даже приказы Николая.

Царь ограничился тем, что постарался оказать всякое внимание останкам «стойкого старца», неутомимого хлыста, выразил полное сочувствие неутешному горю своей супруги, совершенно забывшей о том, что надо хотя бы соблюсти приличие перед взрослыми дочерьми.

Правда, Алиса пыталась мистическим образом оправдать свое отчаяние.

Она напоминала всем, что «духи» не раз при помощи различных медиумов вещали:

— Пока будет жив Григорий Ефимович, пока он в б л и з и царской семьи, династия обеспечена от всяких бед. А не станет его — и для царства, и для дома Романовых придут черные дни.

— Мы погибли теперь без Григория Ефимовича! — твердила истерически Алиса.

Хмурился и Николай. Он тоже не знал: верить ли спиритам и медиумам или не верить.

Царь слишком привык при жизни Григория Ефимыча делать самые важные шаги по указке этого пройдохи.

Доказательством могут служить, например, телеграммы, какие посылал в Царское Село Распутин из Сибири, когда уезжал туда на побывку домой.

Хотя эти документы приведены в книге бывшего инока Илиодора (Труфанова), заклятого врага Распутина, но слог телеграмм настолько близок к подлинному языку «старца», что внушает доверие к содержанию «рескриптов» чудодея-варнака, получившего право в своих писаниях величать «папой» и «мамой» императора и императрицу всероссийских.

«Миленькаи папа и мама! Вот бес то силу берет окаянный. А Дума ему служит; там много люцинеров и жидов. А им что? Скорее бы Божьяго Помазаннека долой. И Гучков господин их прихвост,— клевещет, смуту делает. Папа. Дума твоя, что хошь, то и делай. Какеи там запросы о Григории. Это шалость бесовская. Прикажи: Не какех запросов не надо. *Григорий*».

Как известно, запросы были сняты с очереди и погребены. Самое имя Распутина тщательно вытравлялось Ададашем из думских отчетов. Существует только Г. Новых...

«Ошибки надо исправлять, и милость Божья будет. Граф Татищев из-за бунтовщиков был опечален. Теперь надо его ласкать. Дать ему место повыше. Я и сам преж на него, а не надо».

И Татищев оказался у власти.

«Забот много, а успеху нет. Думка кого послать в Сибирь. А он под рукою. Владыку Варнаву, друга и защитника. Его сюда надо. Он усердно старается. *Григорий*».

После этой телеграммы огородник Варнава попадал на кафедру славных тобольских святителей.

«Кого послать на Кавказ, покою вам нет. А вот дорогой епископ Тобольский Алексей хоть куда. Ему и место на Кавказе. Пошлите его. Это я очень желаю. Он меня ласкает. Понимает подвиг. Честь ему нужно оказать. Верный везде верный. А на Кавказе он будет нашим другом».

Немедленно Алексей был назначен в Грузию экзархом.

«Много шуму, много спору, а все одна суета. Кого послать на Москву. Антонея не надо, он лукав. Да молод. Зависть пойдет и злоба. А бесам того и надо. Вот кого: подвижника алтайского Макария, мово друга. Божий старец. Его надо. Да. *Григорий*».

На удивление миру единственный архиерей, не имевший высшего духовного образования, дряхлый Макарий воссел на митрополию, где некогда сиял Филарет.

«Папа мои миленьки и мама! О как многое множество жалоб на Макария. А что бесам надо. Все на наших друзей идут. А вы не строго поступайте. Надо его ласкать, он сделал много, на него клевещит жиды. Защита ему нужна. Видел его. Жалко».

И Макарий крепко сидел на своей кафедре.

«Вот Илиодорушка-то маленько испортился. Не слушается. Погодите ему митру. Пусть так будет, а там видно. Он ничего, да Гермогена слушает. Епископ Феофан послушался и запутался».

После этого Илиодор изгнан из Царицына, а Гермоген из Саратова.

«Миленькие папа и мама! Бунтовщика Бог с неба свалил. И Илиодора нужно в темницу. Пускай там подумает, как идти против Божьяго помазаннека. Прежде убивали, а теперь хорошо проучить темницею. Никакой ему ласки приказать Владимирскому епископу. *Григорий*».

И к владимирскому Николаю (Налимову) под начало попал Илиодор.

«Шума то сколько; вода утечет и нет. А вы пошто смущаетесь. Это все тает. Полают, да отстанут. Цари выше всего. Так и будьте. Утешенье от Бога, а от беса горе. А Бог бесов сильнее. Саблер и Даманский все сделают. Да! *Григорий*».

Сейчас же у Саблера и Даманского оказались ключи церкви.

Распутину посылались на предварительный просмотр даже манифесты накануне их опубликования. Увидав один из них у Гришки, Илиодор спросил:

— Каким образом манифест попал к тебе?

Распутин ответил:

— Да это мама прислала мне проверить, хорошо ли написан или нет; прислали одобрить, и я одобрил; тогда они его обнародовали. Вообще они всегда обращаются в таких случаях ко мне за советом.

Распутин под пьяную руку не стеснялся сообщать, как он проводит время в «царских дворцах».

— Когда бываю у царей, я целые дни провожу в спальне у царицы... Целую ее, она ко мне прижимается, кладет на плечи мне голову, я ее ношу по спальне на руках, как малое дитя. Это ей нравится. Так я делаю часто, часто. Так же часто бываю в спальнях детей. Благословляю их на сон, учу молиться, пою с ними гимн... Однажды запели, девочки хорошо пели, а Алешка не умел да брал-брал не в тон, да

как заорет на все комнаты, аж царица прибежала и его успокоила. С детьми я часто шучу. Было раз так. Девочки сели мне на спину верхом; Алексей забрался на шею мне, а я начал возить их по детской комнате. Долго возил, а они смеялись. Потом слезли, а наследник и говорит: «Ты прости нас, Григорий, мы знаем, что — священный и так на тебе ездить нельзя. Но это мы шутили».

Николай оставался верен своему оракулу и по его смерти...

Вот как очевидцы описывают жуткий, таинственный миг, когда в землю было опущено застывшее скорченное тело «старца», добытое из-под льда.

Автомобиль, на котором везли тело Распутина, остановился в Царском Селе, у лазарета имени А. А. Вырубовой, под № 79. За этим автомобилем следовал другой. Когда моторы остановились у лазарета, в окнах здания замелькали огоньки и на улицу выскочил солдат, поминутно озиравшийся во все стороны.

— Не сюда, везите на постройку...— прошептал он и тотчас же скрылся за дверьми.

Этот солдат, старший унтер-офицер одного из квартирующих в Царском полков, до сих пор не может без содрогания вспомнить позорную ночь. Всем стоявшим в эту ночь в Царском Селе на карауле был отдан строжайший приказ молчать обо всем виденном и слышанном и не рассказывать ничего даже своим женам. Вообще лицам, имевшим какое бы то ни было соприкосновение с Распутиным после его смерти, был внушен такой страх, что почти ни от кого ни в первые дни после убийства, ни позднее ничего нельзя было узнать. До самых последних дней люди, причастные к этому делу, хранили свою тайну, и только революция дала возможность прочитать эту темную страницу двора Романовых.

Процессия прибыла в Александровский парк к месту, где была приготовлена могила, в 3 часа 15 минут ночи. Могилу рыли солдаты воздушной обороны Царского Села под командой полковника Мальцева, по словам которого, «яма» предназначалась для свалки мусора. Принятые предосторожности и тайна, которой обставлялась вся эта работа, навели солдат на мысль, что это не яма для мусора, а могила для Распутина, об убийстве которого в Царском Селе было уже известно. Один молоденький солдатик даже спросил Мальцева: «А почему, ваше высокоблагородие, она

мелкая и уж очень на могилу походит?». Последовал грозный окрик: «Держи язык за зубами, не твоего дурацкого ума это дело».

За три часа до приезда похоронной процессии, в двенадцать часов ночи, духовник Николая и Александры Романовых отец Александр (Васильев) позвонил ктитору Федоровского собора полковнику Ломану по телефону и предупредил, что он рано утром заедет в собор за облачением и кадилом. Ломан, знавший о том, что в парке копается «яма», догадался, что предстоят похороны, тем более что и отец Александр не скрывал от него, сказав ему: «Я буду служить панихиду по приказанию государыни»...

Сопровождавшие процессию четверо полицейских, шофер и Лапшинская торопливо сняли гроб с автомобиля и молча опустили его на веревках в могилу.

— В полчаса девятого назначено,— прошептал Лапшинской на ухо полковник и направился к убежищу, поставить у могилы часового. Могила осталась открытой.

Все это было проделано тихо и быстро.

В 8 часов 30 минут утра к могиле подошел пропущенный дежурными сыщиками отец Александр, а через десять минут со стороны дворца подошла с обеими своими сестрами Вырубова. Секретарша Распутина Лапшинская прибыла к могиле раньше всех.

В 8 часов 45 минут утра быстрыми, неровными шагами подошел к месту погребения Николай Романов в сопровождении жены Алисы и дочерей, Татьяны и Ольги. Алексея как на погребении, так и на всех последующих панихидах никто не видал. Николай с семьей прибыл к месту без конвоя, даже без провожатых.

Панихида длилась не более пятнадцати минут. Николай с женой и обеими дочерьми поклонился праху Распутина, и скоро они ушли.

В это утро по приказанию Мальцева охрана с могилы была снята, так как были получены сведения, что событие прошедшей ночи ничьего внимания не привлекло. Сняты были также и сыщики, бессмысленно в течение двенадцати часов дежурившие около Серафимовского убежища и новой постройки. На другой же день охрана могилы была поручена сторожу новой постройки. Но как жестоко пришлось разочароваться полковнику Мальцеву, поверившему в секретность погребения.

Утром 22 декабря сторож, подойдя к могиле, увидел, что кто-то на ней совершил непристойность. Немедленно узнали об этом и Алиса, и Вырубова, и Лапшинская. Гневу их не было конца. Но виновника найти было трудно. Со следующей ночи на могилу уже был поставлен часовой из Сводного полка. С 22 декабря и до последних дней Алиса Гессенская часто посещала могилу, почти всегда одна.

27 декабря, на девятый день смерти Распутина, на его могиле была отслужена панихида.

21 января на могиле была опять отслужена панихида, на панихиде были: Штюрмер, митрополит Питирим, все Вырубовы, Протопопов, все Головины, Александра Федоровна с Татьяной и Ольгой и многие другие сановники двора.

Так шло дело до 2 марта, когда с Николая упала его корона... а тело «старца»-чудодея было вырыто из могилы и сожжено затем на «распутье двух дорог», как триста лет назад сожжено было тело другого загадочного искателя приключений, тоже Григория, названного Отрепьевым, но величавшего себя царем Димитрием всея Руси...

Гроб с останками хлыста-чудотворца на автомобиле был доставлен к деревне Гражданка, между Лесным и Пискаревкой, и здесь тело сожжено... вместе с гробом, металл которого расплавился в пламени костра...

Николай, уже сидя под караулом в Александровском дворце, прочел о сожжении своего бывшего оракула и на мгновение задумался...

Его лицо, неподвижное, с застывшей улыбкой на губах, побледнело и стало совсем старым, растерянным и жалким...

Он понял в этот миг, какую роковую роль в падении дома Романовых сыграл убитый «старец» из хлыстов...

II

НИКОЛАЙ, «ОХРАНКА» И ПАЛАЧИ

На первый взгляд может показаться странным одно обстоятельство, которое так четко выясняется из всего изложенного на страницах этой книги.

Если Николай нередко уступал законные свои «близким» лицам из придворной клики, обступившей его

тесным кольцом... Если он так часто ограничивался тем, что повторял слова, нашептанные ему если не Победоносцевым или Дубровиным, то его «любящей супругой» и ставленниками «немецкой шайки» от Штюрмера, Сухомлинова и до презренного Протопопова включительно... Если, как всем казалось, собственной воли и мыслей он не имел... Почему не поддавался он более благоразумным советам своих же родичей, великих князей, звавших сделать уступки?.. Отчего не слушал внушений старухи матери? Зачем так упорно, всеми средствами боролся с натиском общественного мнения, с волей Государственной думы, с ярко выраженными стремлениями к обновлению строя, с которыми, в конце концов, выступил даже Государственный совет?.. Отчего не влияли на царя даже ужасы пережитой им двенадцать лет назад революции 1905 года?..

Вот что записал в своем дневнике об этих грозных для династии днях покойный Константин Константинович:

«Открытие первой Государственной думы считалось последним актом революции. С часу на час ожидали, что Таврический дворец объявит себя Учредительным собранием, а войска — свободными от присяги. Покойный Алексей Александрович все свое состояние в шесть миллионов перевел за границу. Сергей Михайлович держал день и ночь наготове лошадей, в продолжение месяца спал всегда одетым; все представлявшиеся царю депутации предварительно обыскивались. Паника дошла до последних пределов».

Николай боялся выходить за ворота дворца в Петергофский парк, в его кабинете и спальнях были устроены секретные двери в тайные лабиринты-проходы к казармам охраны.

А миноносец друга-кайзера, «Г-110», день и ночь под парами, стоял наготове у дворца, чтобы в случае необходимости умчать русского царя «за пределы досягаемости» гнева его верноподданных...

Десятого мая 1906 года все находившиеся в Петербурге члены императорской фамилии среди ночи были вызваны в Петергоф.

К концу заседания весь в пыли вошел в комнату Михаил Александрович. Он говорил о необходимости уступить.

— Чему и ради чего уступить? — спросил царь.

— Государственной думе и Муромцеву, ради династии,— ответил Михаил.

«Никогда,— пишет Константин Константинович,— я не видел государя столь возбужденным. Он упрекал брата в слабости, стучал по столу и кончил клятвой скорее умереть, чем отказаться от права выбирать и назначать министров. С этого момента между братьями выросла стена. Николай опасался, боялся, что жизни наследника, хилого ребенка Алексея грозит опасность со стороны родного дяди.

Ни тогда, ни после Николай на уступки не пошел.

Почему?

Это, может быть, станет понятным, если мы познакомимся, вернее, припомним некоторые яркие черты царя, обрисованные в различных откровениях, какими наполняют сейчас печать лица, некогда имевшие случай ближе наблюдать и чаще сталкиваться с повелителем огромной империи.

Доктор Мундт, психиатр, врач королевы шведской, имевший случай при встречах наблюдать за Николаем II, коротко и ясно подвел итоги своим впечатлениям.

— Ваш император,— сказал Мундт одному русскому сановнику,— он прежде всего типичнейший буржуа, «обыватель». Он — все что вам угодно: рантье, купец, чиновник... только не повелитель, не государь милостью Божией или народа! Типичнейший буржуа!

Французский врач, хирург, вместе с лазаретом попавший в плен к германцам и перед самой революцией возвращенный оттуда, был призван в Царское Село.

Узнав из его рассказов, как плохо теперь живется самим немцам, не говоря уже о несчастных русских пленниках, император развеселился, пришел в шутливое настроение и, указывая на груды печенья, на тяжелую золотую сахарницу, сверкающую под лучами электричества на белоснежной скатерти, весело улыбаясь, проговорил:

— Как видите, у нас, в России, еще всего достаточно! Мы пьем чай с булками... и даже с сахаром!..

Француза так покоробило от сытой шутки царя, что он не нашел на нее ответа...

Несколько новых ярких штрихов к портрету царя дала исполнительница народных русских песен Н. Плевицкая. Угрюмый, молчаливый, необщительный Николай, бывающий в своих «императорских» театрах, обнаружил явное пристрастие к песням Плевицкой, если не к личности самой певицы.

В области его личных увлечений преобладали, как мы знаем, балетные звезды и звездочки, испытанные на пуантах... вроде Лабунской, Кшесинской и других...

Плевицкую Николай отличал как артистку. Так по крайней мере заявляет она сама.

Излюбленным его номером была песенка о «доле ямщика-бедняка», о том, как он тосковал по милой... Как

Из глаз его скатилась
На грудь жемчужная слеза.

Этот номер, трогавший в концертах ожиревших старых кокеток, полинялых светских и полусветских львов, юных хлыщей, приводил в волнение и Николая Романова.

Так казалось Плевицкой.

Но предоставим слово ей самой, и тут же вскроется уже совсем новая черточка императора.

— Он был всегда такой добрый и простой на вид! — сообщает артистка.— Такой вот, как и все остальные мои знакомые... Ничем не похож на царя.

Сидит и слушает. И потом горячо-горячо жмет руку и благодарит за доставленное ему удовольствие. И видно было, что песни мои ему очень нравятся, что он понимает их, что они его трогают до глубины души...

— Ну а потом что же? Говорил он с вами по поводу этих песен, высказывал свои мысли?..

— О, нет, нет. Он был очень корректен, очень корректен. Всегда благодарил. Много благодарил, но чтобы поговорить или, Боже упаси, чего-нибудь лишнего сказать — нет, нет... Больше молчал и приветливо улыбался.

И тут же этот маленький человек, не высказывавшийся никому и никогда откровенно, уходил в соседнюю комнату и делал выговор генералу Казбеку за «неумелое» усмирение:

— Надо было пострелять, генерал, надо было пострелять.

Это подлинные слова его.

— Веселую компанию очень любил,— рассказывает Плевицкая.— И пил много. Но что удивительно — никогда не пьянел. Пьет, нисколько от других не отставая, а хоть в одном глазу. Хохочет только. Причем сидит на одном месте, не вставая. Сидит и хохочет. Публика уже подвыпила, артисты — мастера на все руки — рассказывают анекдоты, а он сидит и хохочет. Веселый человек. Любил анекдо-

ты. Особенно еврейские. Или анекдоты про какое-нибудь глупое положение какого-нибудь глупого начальства. Хохочет до упаду. Прямо заразительно хохочет. Но видно, что трезвый лишнего слова не проронит. Не только что лишнего, но и вообще слов понапрасну не расточает.

Публика веселится и думает: «Какой он хороший». Я сама часто забывалась и говорила с ним вот так же, как с вами разговариваю. Размахиваю этак руками пред самым его носом и вообще совсем забываю, что он — царь. Я ведь невоспитанная,— как бы оправдываясь, замечает певица.

Иногда придворные или другие свидетели разговоров Плевицкой с царем серьезно указывали ей, что нужно быть осторожней.

— Да, ведь вот он какой! — задумчиво прибавляет Плевицкая.

Иногда по простоте душевной Плевицкой приходилось рассказывать царю что-нибудь *из жизни мира артистического*, что-нибудь будничное, то, что называется просто *сплетнями*. Рассказывает просто как человеку и вдруг изумленно слышит из уст царя:

— Я это знаю уже...

Удивительная осведомленность. Сидит в компании артистов, слушает анекдоты, хохочет вместе с ними и все видит, все знает, все запоминает. А намотав на ус все виденное и слышанное, проявляет свою самодержавную волю.

Бывший царь любил слушать, как Плевицкая пела «Стеньку Разина». Иногда царь экстренно вызывал ее к себе официальным путем, например, через московского генерал-губернатора в Царское Село, чтобы петь. Для этого ей приходилось откладывать назначенный в Москве концерт и немедленно ехать в Царское. И получается какой-то первобытный хаос.

Народная певица, выступления которой ожидает вся Москва, едет к царю, чтобы петь пред ним.

Ликуй, народ!.. Народная певица Плевицкая поехала к царю рассказывать ему повесть о народном герое Степане Разине, о безысходной народной нужде и о народных «жемчужных слезах».

Таким наивным удивлением собеседник певицы заканчивает свое сообщение.

Но еще больше был бы удивлен собеседник Плевицкой, если бы увидел десятки, сотни «дел охранного отделения»,

которые попадали на стол к бывшему царю из рук Протопопова и других министров внутренних дел, верою и правдой служивших последнему Романову.

Все эти дела носят следы внимательного просмотра со стороны царя. Поля этих «дел» пестрят пометками, сделанными характерным почерком Николая, напоминающим женскую, а не мужскую руку... Целые абзацы подчеркнуты его рукой и снабжены вопросительными или восклицательными знаками...

Этому занятию царь, очевидно, предавался охотно, всею душой, как и чтению копий с разных чужих писем, доставляемых Николаю не только из московского и петроградского «черных кабинетов», но и из других таких же учреждений, существующих во всех почти главных городах России и Сибири...

Дело охраны, внутреннего и международного шпионства и провокации при последнем Романове было поставлено на «должную высоту»... Все донесения своих агентов царь не только прочитывал, но изучал, как и дела «охранки»...

И Николай «знал все»!..

Знал, что на даче в Териоках, у А. Б. Петрищева, состоялось собрание комитета партии народных социалистов, в лице самого Петрищева, А. Роде с женою, профессора С. А. Венгерова, литератора Пешехонова, Мякотина, Богораза с женою, А. К. Леонтьева и неизвестной девицы... Знал, о чем шла речь на заседании этого комитета.

Охранное отделение, в просторечии «охранка», это учреждение идеально работало ради интереса и пользы своего венчанного хозяина.

Вот один из обнародованных в печати ярких примеров чистоты «охранной работы».

«Депутат Н. С. Чхеидзе, собрав у себя на квартире 9-го октября минувшего года 14 человек для обмена мнениями по вопросу о текущем политическом моменте и по поводу волнений в Туркестане, вряд ли мог думать, что среди его гостей — все они люди более или менее известные — был агент охраны. Между тем подробнейший доклад об этом собрании, представленный начальником охраны генерал-майором Глобачевым, не оставляет никаких сомнений в том, что сведения о собрании получены не из вторых рук:

У Н. С. Чхеидзе присутствовали: А. Ф. Керенский, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, сотрудник «Летописи» Ерманский, Б. О. Богданов, Н. Д. Соколов, В. В. Водовозов, представитель рабочей группы центрального военно-промышленного комитета Емельянов, две женщины: «Анна Петровна» и «Александра Васильевна» и еще трое мужчин — один «сорока лет, блондин, высокого роста, с длинной бородой, спускающейся до половины груди», другой «тридцати лет, бритый, низенького роста, брюнет, еврейской национальности, называвший себя народным социалистом», и третий «тридцати пяти лет, среднего роста, рыжеватый брюнет (!) еврейского вида, довольно плотный, с небольшими усами».

Кого подозревать? Кого надо было бояться? Рыжеватого брюнета, блондина или?..

Кто-то из историков сказал, что к концу мрачного XIV века каждый испанец делался шпионом шпиона. Останься старый режим на двадцать лет, он неминуемо довел бы нас и до этого.

Или еще такой случай. В донесении от 15 октября 1915 года сообщается: «Член петроградской городской управы В. Н. Новиков в беседе с одним частным лицом рассказывал про «расхождение» кадет следующее...» И далее приводится такой выразительный монолог г. Новикова, что даже чувствуются интонации его, и само собою напрашивается предположение, что это «частное» лицо тотчас же после беседы помчалось в охранку и под свежим впечатлением настрочило доклад, между прочим, вполне литературный, умелый и толковый.

Надо вообще заметить, что доклады писались отнюдь не канцелярским казенным стилем, обычно оставляющим после себя нечто похожее на ощущение от наждачной бумаги. В некоторых из них чувствуется темперамент писавшего, склонность к полемике, публицистический задор, мелькают даже цитаты из поэтов. Короче говоря, это были своеобразные рукописные газеты, посылавшиеся царю и нескольким избранным лицам, которым надо было знать о «настроениях». Иногда эти выпускавшиеся «на правах рукописи» газеты — «совершенно секретно», «совершенно доверительно» или просто «секретно» — заключали в себе одну лишь статью, скажем, передовую. Другие имели вид сплошного обзора печати — легальной или нелегальной. Третьи представляли «хронику», и надо отдать справедливость без-

вестным «сотрудникам»: их отчеты о собраниях, заседаниях и даже лекциях гораздо интереснее и объективнее таких же отчетов в периодической печати.

Но «охранка» освещала не только деятельность обывательской мошкары.

Сами «охранные пауки» большого и мелкого калибра — по долгу службы или из усердия — занимались взаимной «слежкой»; и результаты таких наблюдений представлялись по начальству, вплоть до... Николая II.

Вот некоторые из таких донесений и «осведомлений» более мелкого масштаба и, так сказать, домашнего характера.

Пристав Глобачев сообщает полицмейстеру Значковскому «совершенно откровенную подробную аттестацию о нравственных и служебных качествах своих помощников Олифера и Войко». Первый описывается в самых привлекательных красках — «поведения трезвого, нравственных качеств одобрительных, карточной игрой не занимается, не любит проводить время (!) и ухаживать за женщинами», второй получает аттестацию менее похвальную: «ведет обширный круг знакомств с женщинами, любитель азартных игр в карты, страшно высоко ценит свои служебные познания, в каковых слаб, и не дорожит службой, что было высказано, имея за спиной богатого отца».

Так пристав Глобачев «совершенно секретно» пишет полицмейстеру Значковскому.

Повернем это маленькое зубчатое колесо, и оно приведет в движение следующее. На документе, именующемся «Список приставов с аттестацией», уже характеризуется сам Глобачев. Рядом с его именем стоит: «Распорядительный, энергичный пристав, но *интриган*».

Зубчатка движется и увлекает за собой новую, которая раскрывает перед нами аттестацию уже самого полицмейстера Значковского, аттестуемого, очевидно, градоначальником...

Изобразительными средствами все доносители владеют при этом отменно. Не по-гоголевски ли звучат следующие характеристики?

«*Полковник Галле* — на все руки мастер, но пальца в рот не клади.

Полковник Шебеко — умный и дельный, но ловкий и хитрый, почему доверять ему надо с осторожностью.

Коллежский советник Зарецкий — удовлетворительный пристав, но немного штукарь.

Подполковник Пчелин — хороший, но требует надзора; была история по денежной части».

Такова была эта система беспрестанной слежки друг за другом, неусыпного доносительства, создавшего для каждого звена вынужденную необходимость поддерживать механизм всего строя, чтобы не погибнуть самому.

Поддерживая один другого и находясь в зависимости от окружающих — соглядатаев, доносчиков и молчаливых духовников, знавших всякого рода тайны,— все эти крепко спаянные между собою обманом, насилием, взятками и убийством люди, должно быть, презирая друг друга, в то же время были сильно заинтересованы в этой спаянности, как кирпичи высокого свода, готового каждую минуту обрушиться. Кирпич справа, может быть, не знает о кирпиче слева, но зато он убежден, что таковой должен быть на месте. Без этой веры он вне существования.

В данном случае этой верой была идея, воплощенная в слове «царь», гипнотизировавшем звенья всего механизма. Идея была устранена — и вся сложная система маленьких и больших цепких зубчатых колес мгновенно распалась, обратившись в прах, не оставляющий после себя и тени.

Внезапной гибелью своей она показала самое безнравственное из зрелищ — «бессилие грубой, бездушной силы».

Этими словами кончает свою содержательную заметку наблюдательный хроникер-бытописатель... Но и он не подходит к решению вопроса: почему так занимали царя охранные дела? Какие побуждения заставляли его отдавать так много внимания доносам, заботиться о насаждении сыска, провокации и нравственного разложения в обширном своем царстве?

Еще большее недоумение охватывает ум, больший ужас и отвращение наполняют сердце, когда мы кинем взгляд на другую сторону деятельности императора всероссийского...

Я говорю об отношении Николая к смертной казни и ко всевозможным палачам российским, все равно, носили ли они, как Мин и Риман, аксельбанты на своих флигель-адъютантских мундирах или появлялись из келий каторжной тюрьмы с намыленной веревкой руках...

Никем из них не брезгал «царь-батюшка». Всем он был признателен за исполнение тех бесчисленных смертных

приговоров, которые за двадцать три года царствования так чисто и четко были подписаны его холеной белой рукой...

Действительно, может показаться странным: такой на вид маленький безобидный человечек, пользуясь неограниченной властью российского царя, теперь, в наши дни, в начале XX века христианской эры, успел уничтожить собственных своих подданных больше, чем отправил их на тот свет печальной памяти Иоанн IV Грозный, сыноубийца и палач на троне...

В кровавом «Синодике» Ивана Грозного насчитывается около 3000 «убиенных» самим царем или по его приказу... Новгород, разгромленный опричниной Ивана, залит был кровью своих сынов... Волхов, как говорят полузабытые были, не мог пронести трупов... И было их только около десяти тысяч по самому достоверному подсчету...

Петр отнял жизнь у тысячи человек стрельцов, не считая еще десятка-другого голов, слетевших с плеч по приговорам великого плотника-царя...

Лютовал немецкий палач Бирон на Руси, но недолго.

После сравнительного «затишья» казни снова начались, с легкой руки Николая Палкина, в июле 1826 года.

Считая с польскими мучениками (от 13 июля 1826 года до вступления на трон Николая II), казнено в России около трехсот борцов за свободу. Сослано в рудники на вечную каторгу, заключено пожизненно в крепостях — несколько тысяч. В Сибирь отправлены десятки тысяч «политических».

А в одно царствование Николая, «маленького» улыбчивого человека с глазами газели, только до 1905 года казнено около двадцати человек, из них трое мальчиков, несовершеннолетних: Маньковский, Гершкович и Кунин.

Затем, в том же 1905 году, расстреляно в декабре 546 человек в Москве, 160 человек в Люберцах и в Перово, около 600 человек в Прибалтийском крае. Итого — 1200. Ранено в тех же местах — свыше 3000 человек. Из них многие умерли.

Это все жертвы «карательных отрядов» под командой Риманов и Минов, посланных кротким царем на усмирение своих «верноподданных» россиян...

Погибшие в тюрьмах, в рудниках, сосланные министрами того же Николая Последнего по его указам, насчитыва-

ются тоже десятками тысяч. Это только до печального 1906 года.

За каких-нибудь тринадцать месяцев (с января 1905 по февраль 1906 года) «официальные» цифры, попавшие в русские газеты, дают такую страшную картину.

Убито в Петербургском округе 982 человека. В Московском округе — 2483 человека. В Поволжье и Степном крае — 2054 человека. В Харьковском округе — 875 человек. В Новороссии — 1148 человек. Область Войска Донского — 294 человека. В Киевском округе и Юго-Западном крае — 403 человека. В Варшавском округе — 369 человек. Прибалтийский край — 1997 человек. Архангельская и Вологодская губернии — 2 человека. В Сибири и на Амуре во время расстрелов по линии Сибирского пути — 1208 человек. На Кавказе, в Закавказье и Закаспийском крае — 2859 человек. Итого — 15 000 убитых. Да ранено еще 18 000 человек...

Николай получил в наследство готовую державу... Великую, полную счастливых задатков и возможностей... И очень скоро сам понял, как и окружающие его, что ноша, данная ему судьбою от гигантов-предков, не по силам потомку...

Два выхода было перед последним Романовым.

Внять голосу времени, прислушаться к мольбам и жалобам народа... Пойти в ногу... ну хотя бы с тем же родичем, Вильгельмом Кровавым... Дать России сносный парламент... Немного самостоятельности... искру человеческой самобытности и воли...

Или передать трон и власть кому-нибудь из своих близких... Тому же больному сыну... под опекой старших родичей из плеяды остальных Романовых.

Но «Ники» не захотел ни того, ни другого... Он шел своим путем. Почему?

Может быть, мы это поймем, если коснемся одной стороны вопроса, особенно ясно освещенной после переворота.

Все мы знали, что Романовы — богатейшие собственники в империи, первые капиталисты. А царь, глава рода,— в особенности. Но только теперь приведены в ясность все цифры, выявлены все источники доходов царской семьи... И эти цифры — положительно сказочны по своей величине.

Вот их краткий перечень.

Царь особого жалованья не получал; ему лишь выдавалось в личное распоряжение по 250 000 рублей и на покупку подарков по 150 тысяч ежегодно. За вычетом огромных расходов, которых не знает ни один двор в мире, у русских царей все же от этих доходов оставался излишек, который, постепенно накопляясь, дал сто миллионов рублей, из коих 14 миллионов помещены в английском банке, 54 миллиона — в России и в Северной Америке — 2 миллиона, помещенные в акциях разных железнодорожных предприятий.

Эту сделку устроил русский посол в Соединенных Штатах Бахметьев.

Остатки от ежегодных получений царя, царицы и их детей (хранятся на текущем счету и в 1917 году) равнялись: у царя — 1 000 000 рублей. У жены его — 1 100 000 рублей.

У наследника Алексея Николаевича имеется 5,5 миллиона рублей, а у сестер его: Ольги Николаевны — 5 300 000 рублей, у Татьяны Николаевны — 4 000 000 рублей, Марии Николаевны — 3 700 000 рублей и у Анастасии Николаевны — 3 300 000 рублей.

Итого наличными — 22 миллиона рублей.

Имущества, принадлежащие императорскому дому, делились на заповедные, дворцовые, родовые и благоприобретенные.

К имуществам, которые всегда принадлежат царствующему императору, не могут быть завещаны, не могут поступать в раздел или подлежать иным видам отчуждения, относятся имения: царскосельское, петергофское, таицкое, дагестанское, мургабское, состоящие в заведовании московского дворцового управления, а также все императорские дворцы с землями: царскосельский, царскославский, екатеринентальский, тверской и киевский.

Дворцовые имущества второго разряда — ораниенбаумское, павловское, стрельнинское, гатчинское, ропшинское, бородинское, гдовское, ильинское, Усово, Ливадия, дудергофское и ориандское — составляют личную собственность особ императорского дома и могут быть завещаемы и делимы на части.

Перейдем теперь к царским доходным статьям.

Из средств государственного казначейства царь получал 16 924 000 рублей, от уделов — 324 000, от государствен-

ных вотчин — 354 000, за алтайские земли, отведенные местным крестьянам,— 2 679 000; проценты с капитала в 100 000 000 — 3 164 000, от Алтайского округа — 5 484 000, от Нерчинского округа — 6 917 600, от фарфорового завода и гранильной фабрики — 1 414 000, от эксплуатации земель и домов в Москве — 697 000, на содержание дворцов — 6 миллионов, доход от театров — 3 174 000. Итого в год — 48 148 000 рублей.

А вот и расходы царские.

Содержание дворцов: в Петрограде — 2 460 000 рублей, в Петергофе — 1 117 000, в Царском Селе — 1 935 000, в Гатчине и Москве — 1 444 000; охрана дворцов и содержание гренадеров — 1 041 000; содержание императорской фамилии — 867 000, содержание дворов великих князей — 206 000, содержание конюшни и гаража — 1 338 000, содержание комендантского управления — 942 900, гофмаршальская часть — 1 619 000, довольствие двора — 872 000, покупка и ремонт посуды — 000, считая поставок фарфорового завода, — 344 800, придворная капелла — 305 800, оркестр — 262 000, театры 045 000, музей Александра III — 165 000, Эрмитаж— 156 000, Академия художеств — 502 000, театральное училище — 200 000, фарфоровая и гранильная фабрики — 1 826 000; расходы по Алтайскому округу — 4 711 000, расходы по Нерчинскому округу — 5 712 000; пособия — 1 466 000; расходы капитула орденов по изготовлению медалей и орденов — 475 000 рублей.

Всего до 35 миллионов в год.

Оставалось ежегодно чистых свыше 13 миллионов рублей.

Согласно данным не подлежавшего оглашению даже в Государственной думе «всеподданнейшего» отчета, можно теперь узнать, какое богатство представляли из себя «удельные имущества» бывших Романовых.

Имущества эти заключаются капиталах и землях.

Общая сумма капиталов к 1 января 1917 года достигла 237 947 432 рублей.

Количество удельных земель тому же сроку равнялось 6 870 825 десятинам, в том числе лесных дачах — 6 029 975 десятин и в оброчных статьях — 776 547 десятин.

Оброчные статьи разделялись на земельные (564 400 десятин) и промысловые. К последним между прочим относятся: 501 сад, 90 заводов, 36 608 мельниц, 34 ба-

зарные площади, 124 пристани, 227 мест для складов, 135 амбаров, 817 рыбных ловель и проч.

Удельные имущества расположены в сорока одной губернии, причем наибольшие площади земель находятся в губерниях: Архангельской — 1 545 386 десятин, Вологодской — 1 129 899, Симбирской — 91 668, Новгородской — 744 657 и т. д., до Бакинской, в которой имеется лишь 10 десятин нефтеносной земли.

Чистый доход удельного ведомства за 1915 год достиг суммы 25 725 417 рублей. Из этой суммы в течение того же года израсходовано «на надобности императорской фамилии и по образованию вспомогательных капиталов» 8 072 345 рублей, остаток же в 17 653 072 поступил в общий удельный капитал, равный 238 000 000 рублей.

Таковы общие данные. Но интересны и сведения по отдельным источникам дохода.

В 1915 году для сплошной рубки леса было предназначено 28 078 десятин. Валовая сумма поступлений по лесному хозяйству за один год составила 16 906 641 рубль при расходах в 7 157 143 рубля.

К концу 1915 года удельные виноградники составляли 1 365 десятин, с которых получено сусла 132 157 ведер. Валовой доход от продажи вина составил 16 906 750 рублей. В удельных подвалах имеется более миллиона ведер вина.

При особенно благоприятных условиях работали во время войны сахарные заводы Самарской губернии, Рамоньский (Воронежской губернии) и Мироновский (Киевской губернии). «При высоких ценах на сахар,— гласит отчет,— и при спросе, превышающем предложение, представилось возможным продать с большею выгодою не только продукты выработки отчетного года, но и все имевшиеся запасы».

Вот где, между прочим, крылся секрет «сахарного голода» в России!!

Кроме перечисленных наиболее важных видов удельного хозяйства, ведомство занималось еще хлопководством (в Гяур-Архском и Каракальском имениях) и чайными плантациями (вблизи Батума).

Продажа нефти также приносила большой доход, отчисляемый в пользу уделов арендаторами балахнического нефтяного промысла, взамен арендной платы.

Столь обширна и разнообразна была деятельность удельного ведомства. Это было огромное хозяйство, раски-

нувшееся почти по всей европейской и отчасти азиатской России, дававшее своим владельцам колоссальный, верный и устойчивый доход.

И все эти несметные богатства принадлежали небольшой кучке людей, ничего не сделавших для приобретения этих богатств и не поступавшихся ни копейкой из своих доходов в годины самых тяжких народных бед.

Вывод напрашивается сам по себе.

Выясняется положение, которым я начал эту главу. Становится понятным поведение «помазанников Божиих», самодержцев всероссийских, вотчинных хозяев страны, в которой им принадлежала чуть ли не десятая часть лучших земель и половина богатств, составляющих на деле достояние целого народа.

С усилением мощи Российской державы, с увеличением сказочных богатств династии усложнились и дошли до небывалых размеров средства, утончились способы, применяемые всеми «владыками» земли для обеспечения своих царственных интересов...

Создалась тонкая, но крепкая сеть предательства, «охранная» сеть, опутавшая всю страну... Воскресли времена Рима при Нероне или Тиберии, когда «брат выдавал брата и мать доносила на детей своих»...

Особенно много агентов царизма было среди тайных организаций, так называемых крайних левых партий — эсдеков, большевиков...

Оно и понятно. Умеренные либералы, хотя бы и решительные сторонники переворота, люди опыта и науки, предпочитали медленный, осторожный поступательный ход революционной работы, дающий верные результаты..

Наоборот, нетерпение молодежи не мирилось с такой постепенностью... Честолюбие, даже вполне чистое, толкало на яркие внешние проявления, выступления, на крайности... Юная порывистая душа и не искушенный опытом ум подсказывали самые «последние», крайние требования, без согласования с тем, что возможно и чего невозможно достичь теперь же...

Конечно, в этой среде — «максималистов», большевиков, или, как их теперь называют, «ленинцев» — была самая благодатная почва для насаждения провокации и шпионства, для создания тревоги в более умеренных и широких слоях русского общества...

Привожу для любознательного читателя отрывки из одной «Инструкции» неизвестного охранного Нестора, поучающей, как надо создавать армию провокаторов для «освещения политической жизни страны», для внесения розни и смятения, вражды и недоверия в ряды борцов за свободу.

Озаглавлен этот дьявольский документ очень сухо, по-канцелярски: «Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры».

«Единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа, является внутренняя агентура. Состав агентуры пополняется лицами, непосредственно входящими в какие-либо преступные организации, или же лицами, косвенно осведомленными о внутренней деятельности и жизни хотя бы даже отдельных членов преступных сообществ и называемыми «агентами внутреннего наблюдения» или «секретными сотрудниками». Постоянно содействующие делу розыска, исполняющие различные поручения и доставляющие для разработки материал по деятельности партии носят название «вспомогательных агентов». Доставляющие сведения хотя бы и постоянно, но за плату за каждое отдельное свое указание на то или другое революционное предприятие или выступление какого бы то ни было сообщества называются «штучниками».

В деле розыска не следует пренебрегать никакими лицами и исходящими от них сведениями, невзирая ни на форму, ни на способ их доставки.

Откровенные показания, заявления, анонимы и пр. должны быть приняты, надлежаще оценены и подвергнуты тщательной и всесторонней проверке. К откровенникам заявителям следует относиться с большой осторожностью, проверяя как лицо, дающее сведения, так и самые сведения, дабы избежать умышленного направления ими розыска на ложный путь.

О лицах, бывших секретными сотрудниками и зарекомендовавших себя с отрицательной стороны, немедленно сообщать департамент полиции. Секретные сотрудники должны быть постоянными, должны своевременно удовлетворяться определенным ежемесячным жалованьем.

Все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революцион-

ных организаций и к уничтожению их в момент наибольшего проявления их деятельности. Поэтому не следует ради обнаружения какой-либо типографии или мертволежащего на сохранении склада оружия «срывать» дело розыска.

Только в отношении террористов и грабителей по ликвидированию их не должно допускать излишнего промедления.

Провалившихся, т. е. обнаруженных сотрудников следует стараться устраивать на места, но не в розыскных учреждениях. До приискания места их надо поддерживать как нравственно, так и материально. Во избежание провала можно с их согласия включать их в ликвидацию и тем дать им возможность нести наравне с товарищами судебную ответственность, но при условии сохранения за ними права на получение жалованья за все время судебного процесса и отбывания наказания.

Расставаясь с сотрудником, не следует обострять отношений с ним, но и нельзя ставить его в такое положение, которое давало бы ему возможность в дальнейшем эксплуатировать заведующего розыском различными требованиями

Нельзя упускать ни одного случая, могущего дать хотя бы слабую надежду на приобретение сотрудника или вспомогательного агента.

Одним из наиболее практикуемых способов приобретения сотрудников является постоянное общение и собеседование с арестованными по политическим преступлениям.

Наиболее подходящими для склонения в работу по агентуре можно считать лиц следующих категорий: подозревавшиеся или уже привлекавшиеся к политическим делам, слабохарактерные революционеры, разочарованные или обиженные партией, нуждающиеся материально, бежавшие из мест высылки, а также и предназначенные в ссылку.

Каждый повод (дознание, расследование, заявление, жалобы и др.), дающий возможность заведующему розыском войти в близкое соприкосновение с рабочею массою или со служащими какого-либо более или менее обширного учреждения, должен быть лично им использован в смысле подыскания в этой среде секретной агентуры.

Могут быть использованы и материально нуждающиеся революционеры, которые. не изменяя своих убеждений, соглашаются доставлять агентурные сведения исключительно только за денежное вознаграждение.

Способ «подсаживания» в камеры к арестованным своего человека. но не сотрудника. неоднократно дававший крупные результаты. применяется как в целях склонения арестованных к откровенным показаниям, так и для приобретения среди них сотрудников.

Лицо, намеченное к приобретению в качестве сотрудника, рекомендуется секретно задерживать на улице и немедленно доставлять для собеседования непосредственно к заведующему розыском.

Собеседования, в виде внимательного расспроса и серьезного разговора по различным вопросам, без запугивания, без излишних обещаний и откровенностей, всегда должны происходить с глазу на глаз.

При наличности несомненных улик обвинения, добытых по обыскам или по агентуре, склоняемое лицо можно заинтересовать материально или обещанием освобождения из-под стражи и, при возможности, даже от угрожающего ему наказания.

Действуя убеждениями — для достижения цели по приобретению сотрудника,— можно воспользоваться известными партийными неладами, ссорами и неблаговидными поступками отдельных членов организации.

Лицу, склоняемому к работе по агентуре, следует убедительно разъяснить, что работа его будет совершенно секретной, что каждое данное им сведение будет подвергнуто строгой проверке и что за дачу ложных сведений, кроме прекращения с ним работы, против него будет возбуждено законное преследование.

Пока лицо окончательно не склонно к работе, не следует знакомить его с приемами и способами предупреждения провала и прикрытия внутренней агентуры.

Секретных сотрудников надлежит иметь в каждой из действующих в данной местности революционных организаций (и, по возможности, по нескольку в одной и той же группе), чтобы организовать проверочную «перекрестную агентуру».

Весьма полезно заинтересовать приобретением секретной агентуры чины полиции, начальников тюрем, жандармских унтер-офицеров и других лиц, которым

по роду их служебной деятельности приходится сталкиваться с разнообразным элементом населения.

Чины полиции, тюремного ведомства и др. с готовностью помогают делу розыска, если дела, получаемые при их содействии, приписываются им и являются скудным основанием для поощрительных представлений о них начальству.

Наличность хороших отношений у заведующего розыском с офицерами корпуса жандармов и чинами судебного ведомства в значительной мере облегчает трудное дело приобретения и сохранения секретных сотрудников».

Далее в инструкции даются самые подробные наставления о том, как надо проверять, насколько осведомлен в делах своей партии тайный агент и не работает ли он на два фронта? Приводится ряд указаний, какие надо давать и новичкам, и даже опытным тайным агентам правительства...

Составитель шпионского катехизиса говорит и о необходимости «заботиться о том, чтобы тайный сотрудник не чувствовал угрызений совести за свое предательство партийных братьев...» Чтобы он охотно шел на свидание с заведующими агентурой и в этих беседах черпал душевный отдых, сочувствие, видел внимание ко всему, что близко и дорого тайному агенту царизма...

«Необходимо,— говорит инструкция,— постепенно повышать агентов с низших ступеней на высшие, сообразно их способностям и усердию... Давать им возможность улучшать свое положение, если они, в свою очередь, сумеют помочь выяснению крупных руководителей тайных организаций, если поспособствуют аресту главарей» и т. д.

Особый отдел посвящен вопросу о том, где и как надо устраивать места для свидания начальника с тайными агентами. Как мы читали выше, в инструкции предусмотрено, что при «провале» или ликвидации, аресте целиком какой-либо организации в целях спасения секретного агента от подозрений, но с его лишь согласия можно и самого «сотрудника» посадить в тюрьму... судить... Но тогда сотрудник освобождается только после того, как предварительно

будет выпущено несколько лиц, вина которых, по мнению партии, равна вине предателя...

«Секретные сотрудники,— поучает дальше инструкция,— если только они не живут на средства партии, должны иметь для виду какой-нибудь честный заработок. Но устраиваться на службу, поступать на работы секретный агент должен без явного содействия со стороны лиц, заведующих политическим розыском.

Фамилию адрес сотрудника должен знать только заведующий агентурой; остальные же чины учреждения, имеющие дело с его сведениями, могут знать его номер или псевдоним.

Наружное наблюдение и чины канцелярии совершенно не должны знать сотрудника. Им он должен быть известен, но лишь по кличке, как действительный революционер, и только в том случае, если он вошел в сферу наблюдения».

Всякими способами, начиная от острия солдатского штыка, приставленного к народной груди, через казацкие нагайки и пики, вплоть до зубатовщины, азефовщины и кошмара предателей вроде богача юриста Богрова, фабриканта-табачника миллионера Месаксуди, священника Афанасьева, инженера-механика Кузнецова, редактора большевистской «Правды», «Мирона» Черномазова, через вереницу членов первой и второй Думы, служивших в охранке,— всею этой сворой предателей, окружающей трон, охраняли свою власть цари российские, помазанники Божии, не брезгая порою и применением пыток для того, чтобы получше узнать врагов, обессилить тех, кто смеет делать попытки к сокрушению их власти... Кто надеется вернуть народу миллиарды, награбленные дурными хозяевами обездоленного народа...

Сначала мне самому не верилось, что пытки могут применяться в наши дни, да еще к политическим осужденным...

Процессы, вспыхнувшие в свое время, осветили гнусную картину пыток в застенке, творимых отдельными начальниками охранных уголовных отделений Варшавы, Риги, Одессы...

Пытали политических в каторжных тюрьмах, за так называемые «бунты» лишали сна... морозили... били... Но не выведывали при этом партийных тайн...

А здесь, в сердце страны, творили и такую гнусность... Пытали людей, чтобы заставить их выдать своих товарищей...

Но дадим слово достоверным свидетелям, сведущим людям.

Бывший одно время начальником «Крестов» полковник П., ныне находится в действующей армии.

— Скажите, в «Крестах» и в иных местах заключения добиваются от политических признания и выдачи товарищей какими-нибудь особыми способами? — спросили его однажды друзья в минуту откровенности.

— Вы спрашиваете о пытке,— догадался полковник.— Могу вам сказать, что ни в одной тюрьме политических не пытают ни до, ни после суда над ними. Не пытают и ссылаемых в административном порядке, но... есть одно исключение. Если политический приговорен судом к смертной казни и на приговор этот последовало царское утверждение, то уже после этого охранная жандармерия требует прислать к ней приговоренного «для доследования». Это «доследование» и заключается в пытке. Тут для жандармерии полная безответственность: преступнику уже негде и некому жаловаться на то, что его пытали. На публичную казнь везли политических при непрерывном барабанном бое — для того и барабанили, чтобы не слышно было крика о том, что была пытка.

Многие, например, знают, что убийца Столыпина, Богров, повешен уже полумертвым — так жестоки были пытки, испытанные им. И он многих выдал, многих оговорил... Но до суда и смертного приговора, конфирмованного царем, пытать не смели самые ретивые жандармы!

Когда грянула война, стихийно пришедшая на помощь угнетенному народу, Романов, если сам и не совершал актов прямого предательства земли, то терпел явных предателей из своей родни или из числа «русских» немцев, которыми был так тесно окружен, что даже подал повод к летучему слову: «Храбрейший в России — это царь Николай II. Он больше двух лет окружен целым штабом немецких генералов — и до сих пор не сдался!..»

О том, что среди царской родни есть предатели, громко говорили давно.

Стоит вспомнить историю с великой княгиней Марией Павловной старшей, какая разыгралась еще при Александре III.

В юные годы Мария Павловна своими похождениями «галантного свойства» наполняла страницы столичной позорной хроники и даже заслужила такого привета от питерских юмористов:

Высочайшего двора —
Глубочайшая...
Марья Павловна — ура!..

Но лавры современной Мессалины показались недостаточными немецкой принцессе, до старости лет не научившейся хорошо говорить по-русски.

Впрочем, и неудивительно, если мы припомним, что Мария Павловна старшая — рожденная принцесса Мекленбург-Шверинская, вдова Владимира Александровича, родная тетка германской кронпринцессы Цецилии, близкая кузина Элеоноры болгарской, рожденной принцессы Рейс, равно как и принца Рейса, германского посланника в Персии, столь вредившего русским интересам в этой стране, сестра принца-консорта нидерландского и знаменитого Иоганна Мекленбург-Шверинского, немало поработавшего для восстановления балканских государств против России.

Все перечисленные лица, близкие по крови и духу Марии Павловне, старались где только можно вредить России.

Несмотря на ежовые рукавицы, в которых Александр III держал своих родственников, Мария Павловна вела козни против России еще в 80-х годах и была уличена одним из русских генералов, графом Шереметевым, представившим царю письма русской великой княгини к Вильгельму I и Бисмарку. За это Александр III выслал жену своего брата за границу, где княгиня пробыла более года.

Немецкие офицеры за кружкой пива в знаменитом «Keiser-Kelle», вспоминая о пребывании «русской принцессы», откровенничали перед русскими офицерами: «Слава Богу, что нет войны с Россией; будь война, Мария Павловна принесла бы нам большую пользу». Рассказы об этом передавались русскими офицерами в первый год войны в некоторых штабах; генералы за эти и другие сведения о Марии Павловне благодарили, боязливо озираясь, и дальше этого дело не шло. Близкая сейчас к преклонному возрасту, Мария Павловна облеклась в личину сердобольной матери раненых.

Возмущаясь и критикуя для виду деятельность бывшей императрицы, вынося всевозможный сор из большого двора, «августейшая» филантропка широкою сетью раскинула свою «организацию» на «нужды» страждущих воинов.

Но комплектовалась эта организация молодежью, бежавшей от выстрелов,— три четверти из них носили немецкие фамилии.

Вопреки всем законам здесь находили приют молодые здоровые люди, большей частью состоятельные, особенно много было киевских богатых коммерсантов, которые содержали поезд с питательным пунктом на станции Столбцы.

По приказу из Ставки все способные к строю неоднократно убирались с нестроевых должностей на фронт, и мера эта распространялась и на организацию Марии Павловны. Но достаточно было ее телеграммы генералу немцу Эверту, как, по мановению жезла, приказание отменялось, особенно для «жертв» с немецкими фамилиями.

В минувшем году на Минском фронте открыто заговорили, что поезд княгини в Столбцах кишит шпионами. Вскоре поезд убрали в тыл.

Внезапные поездки Марии Павловны по фронтам обыкновенно совпадали с переменами не в нашу пользу. А ездить она любила.

Странное совпадение случилось минувшею осенью.

В начале сентября, когда на южном побережье Крыма лечились увечные воины, обнаружен был в горах радиотелеграф, сообщавшийся с неприятелем.

Перед этим числа 14-го сентября прибыла в Ливадию Мария Павловна на три дня.

Эти три дня растянулись в недели: здесь ее один за другим посещали видные немецкие колонисты, которые широко открывали перед княгиней свой кошелек на нужды «организации».

В этом деле адъютанту князю Масолову помогал ныне арестованный бывший охранник, а потом градоначальник Ялты генерал Спиридович, трогательным единением которого с Кулябкой, коллегою его по убийству Столыпина, умилялась курортная публика.

Один из больных офицеров, зная о немецком шпионаже на флоте, в частном письме сообщал, что, по его мнению, катастрофа на Черном море неизбежна, но его письмо было перехвачено; и офицер этот, под предлогом несоблюде-

ния госпитального режима, был спешно увезен в автомобиле Спиридовича в Севастополь на крепостную гауптвахту.

На следующее утро офицер проснулся в своей камере от оглушительного треска, а немного спустя через окно с железной решеткой увидел огромный столб дыма. То была катастрофа дредноута «Мария».

Офицер отметил в своей записной книжке: «Мария» погибла от Марии».

Об этих «загадочных» совпадениях знали все... Не желал о них слышать только Николай....

Работа шла вовсю... Мясоедов предавал целые армии в Восточной Пруссии. Сухомлинов губил миллионы русских солдат, крал народные гроши и топтал в грязь не только достояние, но душу всенародную... Протопоповы, Штюрмеры вели торговлю честью и благом Родины из-под полы... И все понимали, что их работа совпадает с интересами державного «хозяина» царства, как об этом нагло объявил Мясоедов перед казнью...

И если, уступая общественному негодованию, была выслана из столицы фрейлина Васильчикова, доставившая Алисе Гессенской и той же Марье Павловне старшей письма от германского императора и его супруги, то менее заметные, но более вредоносные агенты, как те же Распутин и Бадмаев, оба пляшущие под дудку немецких банкиров вроде Явинера, все ближе и ближе прижимались к ступеням трона, заражали воздух тлением, овладевая волей «самодержца»..

Но тут колесо судьбы повернулось. Настали священные февральские и мартовские дни...

О них дальше...

Здесь можно только порадоваться, что не помогли бывшему царю ни тучи предателей, ни полки палачей с намыленной веревкой в руках..

Сгинули они, и сгинул призрак самодержавного насилия и произвола во всей земле!..

Печально коротает дни в опустелых покоях Александровского дворца их «миропомазанный» хозяин и покровитель, их вдохновитель на черные дела, царскосельский узник Николай.

Наемные холопы, предатели своей родины, разбежались, предали того, перед кем пресмыкались, впрочем, сам хозя-

ин порою предавал своих слуг, даже самых верных и полезных ему, вроде Столыпина.

Многие помнят фразу этого по-своему честного, прямого в убеждениях «охранника»-министра.

Однажды он так отозвался о своем «обожаемом монархе»:

— *Я Николая не продам... но он меня* — наверное, если понадобится...

И Столыпин не ошибся.

Как бы подтверждая пророческие слова Столыпина, Николай не только не подверг каре настоящих виновников, направивших руку Богрова на роковой выстрел,— нет, он, как добрый «царь-батюшка», освободил от суда Курлова, Спиридовича вместе с другими организаторами убийства, совершенного на глазах государя и даже, к общему соблазну, возвысил по должности провокатора, генерала Курлова...

Оно и понятно: Курлов, живой негодяй, мог еще пригодиться царю... А Столыпин был уже мертв!

И Судьба все подочла, все взвесила...

Как сеявший ветер — пожал бурю этот последний царь!

III

НИКОЛАЙ И ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

С утра 14 февраля в Петрограде, в особенности в рабочих кварталах, наблюдалось тревожное настроение. Ждали известий из Таврического дворца, загадывали о том, во что выльется первое заседание Государственной думы, в котором должен был впервые выступить новый кабинет князя Голицына. На заводах работы не шли. Бастовало около трехсот тысяч рабочих, которые выжидали событий и намерения выступить к Таврическому дворцу не имели. Местами происходили демонстрации, носившие мирный характер. Рабочие с пением направлялись к Невскому. В течение дня столкновений не было. Тем не менее народное брожение не улеглось на другой день. На площадках трамваев приходилось наблюдать оживленные беседы солдат с публикой. Солдаты громко заявляли народу: «Начните, а мы вам не изменим». Такое настроение продолжало беспрерыв-

но возрастать вплоть до 19 февраля, когда слова уже стали претворяться в действия.

К этому дню хлебный кризис в столице обострился до крайней степени. Отсутствие хлеба взволновало и те слои населения, которые обычно равнодушно относятся к общественным явлениям. Стали раздаваться угрозы против продавцов хлеба. 21 февраля на Петроградской стороне начался разгром булочных и мелочных лавок, продолжавшийся затем по всему городу. Неумелые распоряжения Риттиха и назначенного петроградским уполномоченным по продовольствию немца Вейса еще более раздражали массы. 22 февраля начальство Путиловского завода объявило предприятие закрытым под предлогом беспорядков. Этому объяснению в городе не поверили, так как беспорядков никаких не происходило, и раздражение стало принимать все более острые формы. В районе этого завода и затем на всех окраинах, где расположены фабрики, огромные толпы ходили с криком: «Хлеба, хлеба!».

Двадцать третьего февраля характер выступлений толпы изменился.

Рабочие массы не оставались более в своих районах, а огромными толпами устремились в центральные части города, но серьезные демонстрации начались только 24 февраля.

В этот день к вечеру прозвучали первые выстрелы во время митинга, происходившего у городской Думы. Еще ранее кто-то стрелял у Литейного проспекта, о чем быстро распространилась весть по всему Невскому. Толпа разгромила кафе «Пекарь», так как выстрелы в собравшихся у городской Думы направлялись оттуда, от угла Михайловской и Невского. Этими выстрелами были убиты двенадцать человек и многие ранены.

Толпа рассеялась, но вновь собралась более густыми массами на Казанской площади. Тысяч до десяти человек с обнаженными головами стали петь революционные песни. К площади приближались казаки. Толпа встретила их криками: «Ура, да здравствуют казаки!». Другие кричали: «Хлеба, хлеба!» Толпа с Казанской площади разошлась после того, как части войск предупредили, что вынуждены будут стрелять. Несколько позже на Знаменской площади произошло событие, изменившее отношения толпы и войск. Полицейский пристав ударил шашкой студента из толпы, а

стоящий рядом казак тяжело ранил пристава. С этой минуты появилась надежда, мало-помалу переходившая в уверенность, что ни казаки, ни войска стрелять в народ не станут.

Вечером 24 февраля на окраинах города уже явно стали обозначаться выступления, носившие массовый народный и притом весьма активный характер. Толпа не исполняла распоряжений полицейских агентов и вступала с ними в борьбу. При этом много полицейских было ранено, и в их числе полицмейстер полковник Шалфеев.

Весь день 24 февраля как раз шла усиленная отправка войск на позиции. Публика устраивала проходившим частям сочувственные манифестации и просила передать на фронт о происходящих в Петрограде событиях.

25 февраля на улицы столицы были вызваны войска. Весь город был разделен на участки, и во главе участков были поставлены командиры полков. Такая же войсковая охрана была установлена на окраинах и откомандирована к отдельным заводам.

Первое столкновение в этот день произошло на Васильевском острове, где у трубочного завода проходившим офицером был убит рабочий, обратившийся к солдатам с речью. Несмотря на стоявшие везде войсковые кордоны, в центральные части города все-таки проникли огромные толпы рабочих и народа вообще, причем между массами и войсками устанавливались дружелюбные отношения. Только в одном случае, в районе Финляндского вокзала, раздались выстрелы из среды военных. Хотя войска, в общем, не стреляли, убитых и раненых в толпе было много.

Расстрел народа производили какие-то люди из таких мест, которых нельзя было сразу обнаружить. Это было первое выступление так называемых «фараонов», получивших затем печальную известность. Но в первый день стрельба — неведомо откуда — оставалась для толпы загадкой. Только впоследствии все узнали о том, что переодетые полицейские чины, скрываясь в разных местах, чаще всего на крышах домов, стреляли из револьверов, ружей и, главным образом, из пулеметов. Такая дьявольская мера подавления беспорядков была заранее задумана и полностью приведена в исполнение Протопоповым и его ближайшими помощниками. Гнезда злодеев были так хорошо укрыты, что могли обнаружиться только после того, как рас-

положение полицейских пулеметчиков было выдано самим Протопоповым. «Фараоны» в течение нескольких дней производили стрельбу, главным образом в те моменты, когда мимо них проходили части войск, присоединившихся к народу.

Еще утром 25 февраля начались многочисленные совещания различного рода общественных организаций и была налажена подготовка организованного народного выступления, намечавшегося на 26-е. Ночью с 25-го на 26-е приступили к более энергичным мерам и царские опричники. После полуночи все мосты через Неву были заняты войсками.

В то же время в Государственной думе происходило общее собрание членов прогрессивного блока. После краткого обсуждения событий, происходивших в городе 24 и 25 февраля, была единогласно вынесена следующая резолюция:

> «Правительство, обагрившее руки в крови народной, не смеет более являться в Государственную думу, и с этим правительством Государственная дума порывает навсегда»

26 февраля председатель Государственной думы отправил в Ставку государя телеграмму следующего содержания:

> «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство.
>
> На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца»

О посылке этой телеграммы населению известно не было, так же как и о резолюции прогрессивного блока.

События продолжали нарастать, но резко активных выступлений толпы еще не наблюдалось. Огромные массы народа устремлялись на Невский проспект. В этот день внимание публики обращалось на то, что казаков в центральных

частях города не было видно. Как оказалось, казаки занимали посты на окраинах и предупреждали местное население, что не следует ходить в центр города. По снующей взад и вперед толпе временами производились залпы одетыми в форму Волынского и Литовского полков людьми. Как установлено, это были не волынцы и не литовцы, а полицейские агенты, переодетые в форму этих полков по распоряжению градоначальника Балка. В этот же день особенно усилилась стрельба «фараонов». В лазареты было доставлено много раненых, пострадавших от предательских выстрелов. Больше всего жертв было на Караванной улице и на углу Литейного и Бассейной. С наступлением темноты стрельба участилась и производилась даже в маленьких переулках. Несмотря на это, в продолжение всей ночи по всем улицам происходило оживленное движение, достигшее наивысшего размера на Суворовском проспекте, куда уходили массы, теснимые с Невского, запруженного войсками, а на Знаменской площади уже открыто были установлены пулеметы.

Утром 27 февраля председатель Государственной думы обратился к царю со второй телеграммой:

> «Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

Утром было расклеено объявление генерала Хабалова, угрожавшее рабочим, которые не выйдут на работу, призывом в войска. Предупреждение генерала не произвело впечатления, и улицы были залиты толпами рабочих и народа. В городе образовалось несколько центров, где с особенной силой вздымались волны революции.

Одним из этих центров были казармы Волынского полка, расположенные у Басковой улицы, в Артиллерийском переулке. Казармы этого полка, присоединившегося в числе первых к народу, были окружены семеновцами, привезшими с собой пулеметы. Осада продолжалась почти весь день и шла вяло. Осажденные даже вступали в переговоры с семеновцами, приглашая их присоединиться к восстанию. Перестрелки между полками не произошло, и к вечеру «осада» растаяла. Семеновцы исчезли и присоединились к восставшим частям. Литейный проспект в этот день представ-

лял поле сражения. Ближе к Невскому стояли цепи солдат, на углу Симеоновской улицы были помещены три пулемета, прикрытые драгунским взводом. А у Бассейной «фараоны» почти беспрерывно обстреливали народ из пулеметов. Но на другом конце Литейного проспекта, на Шпалерной улице, уже показались части Преображенского и других полков, направлявшиеся с оркестрами и развевающимися красными знаменами к Таврическому дворцу для представления членам Исполнительного комитета.

С этого момента во всех частях города заговорили о присоединении войск к восставшему народу. По улицам стали проезжать в большом количестве автомобили с вооруженными солдатами, которые, стреляя в воздух, давали этим понять, что народ они расстреливать не будут. Автомобили солдатами «реквизировались» у их владельцев с «любезного» согласия последних.

В различных местах города народ вместе с войсками приступил к активным действиям. Был взят арсенал, причем убит генерал Матусов. Началось освобождение арестантов. Сожжено тюремное управление, подожжены дом предварительного заключения, окружной суд и Литовский замок. Из департамента полиции (со стороны Пантелеймоновской улицы) и из многих полицейских участков были выброшены на улицу документы и тут же сожжены.

После разгрома оружейных складов вооруженные толпы направились к Таврическому дворцу. Ждали известий из Государственной думы. Скоро народ узнал о роспуске Думы.

Утром 27 февраля председатель Думы получил следующий указ, подписанный Николаем II 25 февраля:

> «На основании ст. 99 основных государственных законов повелеваем: занятия Г. Думы и Г. Совета прервать 26-го февраля сего года и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 г., в зависимости от чрезвычайных обстоятельств.
>
> Правительствующий Сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение».
>
> На подлинном Собственной Его Императорского Величества рукою подписано:
>
> НИКОЛАЙ
>
> В Царской Ставке, 25 февраля.
>
> Скрепил: председатель Совета министров *кн. Николай Голицын».*

С этого момента между народом и Государственной думой устанавливается самое тесное сношение. В ожидавшей на улице толпе скоро замелькали листки с фамилиями членов временного комитета. Начались митинги с речами ораторов различных направлений. Организовался Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, выпустивший свое первое воззвание. Между тем беспрерывно шло присоединение новых войсковых частей к народу, который бурно приветствовал всякую подходившую к Таврическому дворцу колонну. Особыми овациями встречались эшелоны, высланные для действий против народа, но немедленно перешедшие на сторону революции.

26 февраля Совет старейшин, собравшийся в экстренном заседании и ознакомившийся с указом о роспуске, постановил:

«Государственной думе не расходиться.
Всем депутатам оставаться на своих местах».

27 февраля, в половине третьего дня, в полуциркульном зале под председательством М. В. Родзянко состоялось совещание членов Государственной думы. На обсуждение был поставлен вопрос об организации временного комитета для поддержания порядка в Петрограде и для сношений с различными учреждениями и лицами. Ввиду многолюдности собрания выбор временного комитета поручено произвести Совету старейшин.

По окончании совещания Думы в кабинете Родзянко состоялось заседание Совета старейшин, на котором состоялись выборы членов временного комитета Государственной думы.

Ровно в полночь 27 февраля окончательно организовался временный комитет Государственной думы в следующем составе:

М. В. Родзянко, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгин, П. Н. Милюков, М. А. Караулов, А. И. Коновалов, И. И. Дмитрюков, В. А. Ржевский, С. И. Шидловский, Н. В. Некрасов, В. Н. Львов, Б. А. Энгельгардт. Затем сюда же вошел Ф. И. Родичев.

27 февраля в помещении Думы собрались представители рабочих, солдат и несколько общественных деятелей, был организован Совет рабочих депутатов, постановивший обратиться к населению с воззваниями:

Граждане!

Заседающие в Государственной думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня в 7 часов вечера в помещении Государственной думы. Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту.

Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату.

Временный Исполнительный Комитет
Совета Рабочих Депутатов

Граждане!

Солдаты, ставшие на сторону народа, с утра находятся на улице голодные. Совет Депутатов, Рабочих, Солдат и населения прилагает все усилия к тому, чтобы накормить солдат. Но сразу организовать продовольствие трудно.

Совет обращается к вам, граждане, с просьбой кормить солдат всем, что только у вас есть.

Временный Исполнительный Комитет
Совета Рабочих Депутатов
27-го февраля 1917 года.

27 февраля в помещение Государственной думы около пяти с половиной часов вечера под сильным конвоем революционного народа был доставлен председатель Государственного совета, министр юстиции И. Г. Щегловитов.

По доставлении его в Таврический дворец к нему вышел А. Ф. Керенский.

— Вы Иван Григорьевич Щегловитов? — спросил он.

— Да,— последовал ответ.

— Я член Государственной думы Александр Федорович Керенский. Вы арестованы по моему распоряжению. Вы

будете иметь пребывание здесь. Я гарантирую вам полную безопасность. Мы дурного ничего не намерены с вами делать, но ваша деятельность внушает нам опасение. вас могут группироваться приверженцы старого строя нанесения последнего удара.

— Слушаю-с,— сказал побагровевший Щегловитов.

После краткого совещания по распоряжению членов временного комитета Щегловитова поместили под сильной охраной в министерском павильоне Таврического дворца.

В ночь на 28 февраля нижеподписавшиеся члены Госу дарственного совета послали Николаю II телеграмму следующего содержания

«Ваше Императорское Величество. Мы, нижеподписавшиеся члены Г. Совета по выборам, сознании грозной опасности, надвинувшейся на родину, обращаемся к Вам, чтобы выполнить долг совести перед Вами и перед Россией.

Вследствие полного расстройства транспорта отсутствия подвоза необходимых материалов остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до полного отчаяния. Это чувство еще обострилось той ненавистью к правительству теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу

Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся доверием в России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением.

Государь. Дальнейшее пребывание настоящего правительства у власти означает полное крушение законного порядка и влечет за собою неизбежные поражения на войне, гибель династии и величайшие бедствия для России.

Мы почитаем последним и единственным средством решительное изменение Вашим Императорским Величеством направления внутренней политики согласно неоднократно выраженным желаниям народ-

ного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат.

Дьяков, Зубашев, Комсин, Лаптев, Марин, Мелер-Закомельский, Ольденбург, Стахеев, Савицкий, Стахович, гр. Толстой, кн. Трубецкой, Шмурло, Шумахер и Юмашев».

В два часа ночи на 28 февраля временный комитет Государственной думы выпустил следующие два воззвания:

I

Временный Комитет Государственной думы обращается к жителям Петрограда с призывом во имя общих интересов щадить государственные и общественные учреждения и приспособления, как то: телеграф, водокачки, электрические станции, трамваи, а также правительственные места и учреждения. Равным образом Комитет Государственной думы поручает охране граждан заводы и фабрики, как работающие на оборону, так и общего пользования. Необходимо помнить, что порча и уничтожение учреждений и имуществ, не принося никому пользы, причиняют огромный вред как государству, так и всему населению, ибо всем одинаково нужны вода, свет и проч. Недопустимы также посягательства на жизнь и здоровье, а равным образом имущество частных лиц. Пролитие крови и разгром имущества лягут пятном на совесть людей, совершивших эти деяния, и могут принести кроме того неисчислимые бедствия всему населению столицы.

Председатель Государственной думы
Родзянко

II

Временный Комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помо-

гут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием.

Председатель Государственной думы
Родзянко

27-го февраля 1917 года.

Тогда же председатель Государственной думы М. В. Родзянко послал на имя командующих флотами Балтийского и Черного морей, главнокомандующих Северным, Юго-Западным и Западным фронтами, помощника главнокомандующего Румынским фронтом, главнокомандующего Кавказским фронтом и начальника штаба Верховного Главнокомандующего две телеграммы следующего содержания:

I

Временный Комитет членов Государственной думы сообщает вашему высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров правительственная власть перешла в настоящее время к временному комитету Государственной думы.

Председатель Государственной думы
Родзянко

1 марта 1917 г.

II

Временный Комитет членов Государственной думы, взявший в свои руки создание нормальных условий жизни и управления в столице, приглашает действующую армию и флот сохранить полное спокойствие и питать полную уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено. Так же стойко и мужественно, как доселе, армия и флот должны продолжать дело защиты своей Родины.

Временный Комитет при содействии столичных воинских частей и при сочувствии населения в ближайшее время водворит спокойствие в тылу и восстановит правильность правительственных установлений.

Пусть и со своей стороны каждый офицер, солдат и матрос исполнит свой долг и твердо помнит, что дисциплина и порядок есть лучший залог верного и быстрого окончания вызванной старым правительством разрухи и создания новой правительственной власти.

Председатель Государственной думы
Родзянко

В течение одного дня 27 февраля перешли на сторону революционного народа следующие воинские части: Волынский, Преображенский, Литовский, Кексгольмский и саперный полки.

Около часу дня делегация от двадцати пяти тысяч солдат явилась в Думу для осведомления о позиции, занятой народными представителями.

Родзянко передал делегации следующее единогласно принятое постановление Совета старейшин:

Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Государственная дума примет живейшее участие, но для этого прежде всего необходимы порядок и спокойствие.

Одновременно председатель Думы вручил делегатам тексты телеграмм, отправленных царю в Ставку, начальнику штаба генералу Алексееву и трем главнокомандующим фронтами.

По предложению временного комитета Государственной думы обязанности коменданта восставшего петроградского гарнизона принял на себя полковник Генерального штаба, член Государственной думы Б. А. Энгельгардт, вступивший должность 27 февраля в начале первого часа ночи.

Последний правительственный акт датирован 27 февра- 1917 года, когда весь петроградский гарнизон перешел сторону революционного народа и старая власть фактически отошла в область преданий.

В этот самый день по распоряжению бывшего председателя Совета министров князя Голицына был выпущен следующий смехотворный приказ:

Вследствие болезни министра внутренних дел действительного статского советника Протопопова во временное исполнение его должностью вступит его товарищ по принадлежности.

Председатель Совета министров
князь Голицын

27-го февраля 1917 года

Утром 28 февраля по Николаевской железной дороге прибыли два сибирских полка. В 11 часов утра делегаты от полков явились в Таврический дворец с предложением своих услуг временному комитету Государственной думы.

В третьем часу дня в Думу прибыл подполковник генерального штаба с пакетом от начальника генерального штаба на имя председателя временного комитета Думы Родзянко.

В четвертом часу дня в Думу прибыли студенты военно-медицинской академии в полном составе.

Днем вся канцелярия Преображенского полка со всеми архивами перевезена в Думу.

4-й стрелковый его величества полк, квартирующий в Царском Селе, перешел на сторону народа и в начале четвертого часа подошел к Таврическому дворцу.

На Финляндском вокзале арестованы три тюка, адресованные в министерство иностранных дел. Тюки доставлены в Думу и переданы П. Н. Милюкову.

Около полудня вызванные старым правительством из Стрельны воинские части перешли на сторону революционного народа и пришли к Думе.

Тогда же, 28 февраля, революционными войсками занято министерство путей сообщения.

У Таврического лейб-гренадеры. Офицеры на своих местах.

— Смирно! — раздалась команда командира полка.

Вперед выступил председатель временного комитета Государственной думы Родзянко и обратился к полку с приветствием.

— Здравия желаем, ваше высокопревосходительство,— дружно ответили лейб-гренадеры.

— Спасибо вам за то,— продолжал председатель Думы,— что вы пришли. Слушайтесь ваших офицеров, ибо без начальников воинская часть превращается в толпу, неспособную водворить порядок. Вы должны помочь нам организовать власть, которой доверяла бы вся страна. За дорогую Россию, за матушку Русь, ура!

Громкое «ура» раскатилось по Екатерининскому залу.

— Вы получите сейчас распоряжения от ваших офицеров. Со своей стороны прошу вас в согласии с вашими начальниками спокойно разойтись по казармам и делать то, что вам прикажут ваши офицеры. Я счастлив, что между нами устанавливается полная связь. Еще раз спасибо за то, что вы явились сюда.

Тогда же, утром 28 февраля, П. Н. Милюков был приглашен офицерами Первого запасного полка, стоящего на Охте (Новочеркасский), прибыть в их расположение.

Милюков прибыл в офицерское собрание, где его встретило все офицерство полка с командиром во главе.

В беседе с ними Милюков заявил, что в настоящий момент есть единственная власть, которую все должны слушать,— временный комитет Государственной думы; двоевластия быть не может.

Офицеры полка единодушно выразили согласие и полную готовность подчиниться временному комитету и лицу, заведующему военной частью комитета.

Милюков вышел после этого на плац, где был выстроен полк. Посредине была устроена высокая трибуна, с которой депутат обратился к солдатам с речью. Он подчеркнул, как важно быть солдатам в данный момент вместе с офицерами, которые пойдут рука об руку с Думой. Депутат предостерегал солдат от зеленого змия, подчеркнув необходимость трезвости и единодушия, и заявил, что они должны подчиняться исключительно приказаниям, исходящим от принявшего на себя обязанности начальника петроградского гарнизона члена Государственной думы полковника Энгельгардта. Приказания эти, за подписью полковника Энгельгардта, будут направляться командирам полков

— Восстановление и поддержание порядка — единственные условия, которые дают возможность достигнуть поставленных задач,— закончил Милюков.— Мы должны раз-

делаться с немцем внешним и покончить с немцем внутренним.

Милюкова понесли на руках через плац к автомобилю.

— Солдаты,— сказал вслед за тем командир полка.— Я буду исполнять все то, что мне будет приказывать председатель Думы. Я остался с вами только при том условии, что вы будете исполнять мои приказания. «Ура» председателю Государственной думы. *(Громовое ура)*.

После команды отправляться в казармы заиграла музыка и полк пошел к месту назначения.

В это время Преображенский полк с офицерами и командиром во главе выстроился в Екатерининском зале.

— Преображенцы, внимание! — раздалась команда командира полка, взявшего под козырек при появлении председателя Думы.

Родзянко обратился к полку:

— Прежде всего, православные воины, позвольте мне как старому военному поздороваться с вами. Здравствуйте, молодцы!

— Здравия желаем, ваше превосходительство,— дружно ответил полк.

— Позвольте мне сказать вам спасибо за то, что вы пришли сюда, чтобы помочь членам Государственной думы водворить порядок и обеспечить славу и честь родины. Ваши братья сражаются там, в далеких окопах, за величие России, и я горд, что мой сын с самого начала войны находится в славных преображенских рядах. Но чтобы вы могли помочь делу водворения порядка, за что взялась Государственная дума, вы не должны быть толпой. Вы лучше меня знаете, что без офицеров солдаты не могут существовать. Я прошу вас подчиняться и верить вашим офицерам, как мы им верим. Возвращайтесь спокойно в ваши казармы, чтобы по первому требованию явиться туда, где вы будете нужны.

— Согласны...— ответили преображенцы.

— Укажите путь! — раздался возглас.

— Старая власть,— ответил Родзянко,— не может вывести Россию на нужный путь. Первая задача наша — устроить новую власть, которой все бы доверяли и которая сумела бы возвеличить нашу матушку Русь.

Появление Милюкова на возвышении в Екатерининском зале было встречено приветственными кликами.

— С вами говорит член временного комитета Милюков. *(Возгласы: «Знаем!»)* После того, как власть выпала из рук наших врагов, ее нужно взять в наши собственные руки, и это надо сделать сегодня. *(Ура!)* Ибо мы не знаем, что будет завтра. Что же нужно сделать сегодня, что же нужно для того, чтобы взять власть в свои руки? Для этого мы должны быть прежде всего организованными, едиными и подчиненными единой власти. Властью этой является временный комитет Государственной думы. Ему нужно подчиняться — и никакой другой власти, ибо двоевластие опасно и грозит нам распылением и раздроблением сил.

Я вчера видел первый полк, который пришел сюда в полном порядке со своими офицерами и признал власть Государственной думы. (*«Браво!»*) Помните, единственное условие нашей силы — наша организованность. Только вместе с офицерами вы будете сильны. Неорганизованная толпа силы не представляет. Если бы вся армия превратилась в неорганизованную толпу, то достаточно небольшой кучки организованных врагов, чтобы ее разбить. (*«Верно!»*) Надо сегодня же сорганизоваться и сделать то, что сделал первый явившийся сюда полк. Найдите своих офицеров, которые состоят под командой Думы, и сами встаньте под их команду. Этот вопрос сегодня очередной.

Помните, что враг не дремлет и готовится стереть нас с вами с лица земли. *(Возгласы: «Не будет этого!»)*

— Так этого не будет? — обращается к солдатам Милюков.

— Не будет! — раздается единодушный ответ военных.

— Сейчас говорил член Государственной думы Милюков. Вам понятно, что он сказал? — обратился командир к своим.

— Понятно, все поняли,— раздалось в ответ.

— Нам нужно сорганизоваться, а как это сделать, я вам скажу. Сейчас все старшие чины — офицеры и унтер-офицеры — должны пойти к своим частям и выстроить их перед Думой. Затем идите по городу, но чтобы красиво было, чтобы народ любовался своей армией. Будьте спокойны и в полном порядке. Верьте, что Дума сделает по чистой совести. Мы будем в ее распоряжении. (*«Рады стараться!! Ура!»*)

С речью к юнкерам Михайловского училища обратился А. Ф. Керенский.

— Товарищи рабочие, солдаты, офицеры и граждане! — сказал депутат.— То, что мы все собрались в этом зале в этот великий, знаменитый день, дает мне веру в то, что старый варварский строй погиб безвозвратно. *(Гул одобрения).*

Я думаю, что то, что мы делаем здесь, есть дело не только петроградское — это дело всей великой страны, дело, за которое уже погиб в бесплодной борьбе ряд поколений.

Товарищи! В жизни каждого государства, как и в жизни отдельного человека, бывают моменты, когда вопрос идет уже не о том, как лучше жить, а о том, будет ли оно вообще жить.

Мы переживаем такой момент, когда мы должны спросить себя: будет ли Россия жить, если старый порядок будет существовать? Чувствуете ли вы это? *(Весь зал отвечает: «Чувствуем».)*

Мы собрались сюда дать клятвенное заверение, что Россия будет свободна.

— Клянемся! — Все подняли руки вверх.

Свою речь Керенский закончил возгласом:

— Да здравствует свободный гражданин свободной России.

Долго не смолкавшее «ура» было ответом на эту речь. По постановлению временного комитета Государственной думы для заведования отдельными частями (министерствами) назначены особые комиссары из состава членов Государственной думы.

Министерство внутренних дел: граф Д. И. Капнист, А. М. Масленников, И. Н. Ефремов, М. С. Арефьев.

Почта: А. А. Барышников, К. К. Черносвитов.

Телеграф: П. П. Гронский, М. Д. Калугин.

Военное и морское министерство: П. В. Савич, А. П. Савватеев.

Петроградское градоначальство: П. В. Герасимов, В. Н. Пепеляев.

Министерство земледелия: Н. К. Волков, И. П. Демидов, кн. Васильчиков, гр. Капнист 1-й.

Министерство юстиции: В. А. Маклаков, М. С. Аджемов, В. П. Басаков.

Министерство торговли и промышленности: С. Н. Родзянко, Н. А. Ростовцев.

Министерство финансов: В. А. Виноградов, И. В. Титов.

Сенат: И. В. Годнев.

Утром В. В. Шульгин отправился в Петропавловскую крепость и после переговоров с комендантом сообщил, что войска крепости на стороне народа.

28 февраля около 4 часов дня Адмиралтейство, где до сих пор скрывались члены старого правительства, было занято народными войсками.

До 12 часов дня в Адмиралтействе находились три роты Измайловского полка, некоторое количество конной артиллерии и конницы. После двенадцати эти войска, оставшиеся на стороне прислужников старого режима, покинули Адмиралтейство и разошлись по своим квартирам. После этого из Адмиралтейства скрылись и прятавшиеся там министры.

Помещение городской телефонной станции, охранявшееся правительственными войсками, а затем покинутое ими, было оставлено телефонистками. По распоряжению временного комитета на телефонную станцию отправлен караул, занявший станцию, а посланные комитетом механики приступили к восстановлению телефонного сообщения и устранению возможностей пользования телефоном лицами, причастными к старому правительству.

27 февраля временный комитет Думы поручил гласному городской Думы М. А. Крыжановскому организовать городскую милицию. В 8 часов вечера в помещении Александровского зала городской Думы началась запись студентов всех петроградских высших учебных заведений, желающих вступить в состав городской милиции.

В течение дня 28 февраля под конвоем доставлены: бывший председатель Совета министров Б. В. Штюрмер;

бывший товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант П. Г. Курлов; экс-министр здравоохранения Г. Е. Рейн; член Государственного совета Ширинский-Шахматов; генерал М. С. Комиссаров; начальник управления железных дорог С. Б. Богашев; начальник главного управления военно-учебных заведений генерал Забелин; петроградский градоначальник генерал-майор Балк, начальник военно-медицинской академии генерал Макавеев; вице-адмирал Карцев; адмирал Гирс и бесконечное количество второстепенных чинов администрации и полиции.

Вечером состоялось заседание петроградской городской Думы. Городской голова Лелянов сказался больным.

Заседание открылось под председательством профессора Д.С. Зернова.

Гласный С. В. Иванов сделал краткое сообщение о переживаемых событиях и официально сообщил об образовании временного комитета Государственной думы.

Дума единогласно постановила работать совместно с новым правительством и просит у него указаний для очередной текущей работы.

Ввиду «болезни» городского головы признано было необходимым хотя бы временно поставить во главе городского управления новое лицо.

Дума единогласно намечает бывшего товарища городского головы Ю. Н. Глебова, который в настоящее время прикомандирован к верховному начальнику санитарной и эвакуационной части.

28 февраля Совет рабочих депутатов опубликовал следующее воззвание:

«Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания, терпеть дальше стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своем недовольстве. Его встретили залпами. Вместо хлеба царское правительство дало народу свинец.

Но солдаты не захотели идти против народа и восстали против правительства. Вместе с народом они захватили оружие, военные склады и ряд важных правительственных учреждений. Борьба еще продол-

жается: она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и должна уступить место народному правлению. В этом спасение России.

Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию.

Вчера, 27-го февраля, в столице образовался Совет Рабочих Депутатов — из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп.

Совет Рабочих Депутатов, заседающий в Государственной Думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу *за окончательное* упрочение политической свободы и народного правления в России.

Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти районах Петрограда.

Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты районах взять в свои руки управление всеми местными делами.

Все вместе, общими силами будем бороться полное устранение старого правительства и созыв Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Совет Рабочих Депутатов».

Члену Государственной думы А. А. Бубликову временным комитетом поручено принять меры к тому, чтобы железнодорожное движение не нарушалось.

Депутат Бубликов обратился к железнодорожникам со следующим воззванием:

«Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной.

Комитет Государственной думы, взяв в свои руки оборудование новой власти, обращается к вам от имени отечества: от вас теперь зависит спасение ро-

дины. Движение поездов должно поддерживаться непрерывно с удвоенной энергией.

Страна ждет от вас больше, чем исполнения долга,— она ждет подвига.

Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием роли транспорта для войны и благоустройства тыла».

Настали великие «мартовские дни». Первого марта французский и английский послы официально заявили председателю Государственной думы Родзянко, что правительства Франции и Англии вступают в деловые сношения с временным комитетом Государственной думы, выразителем истинной воли народа и единственным законным временным правительством России.

Около четырех часов дня в Таврический дворец приехал великий князь Кирилл Владимирович, которого сопровождали адмирал, командующий гвардейским экипажем, и эскорт из нижних чинов гвардейского экипажа.

Обратившись к председателю Государственной думы, великий князь Кирилл Владимирович заявил:

— Имею честь явиться к вашему высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении. Как и весь народ, я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем солдатам гвардейского экипажа, разъяснил им значение происходящих событий, и теперь я могу заявить, что весь гвардейский флотский экипаж в полном распоряжении Думы.

Слова великого князя были покрыты кликами «ура».

Родзянко поблагодарил великого князя и, обратившись к окружающим его солдатам гвардейского экипажа, сказал:

— Я очень рад, господа, словам великого князя. Я верил, что гвардейский экипаж, как и все остальные войска, в полном порядке выполнят свой долг, помогут справиться с общим врагом и выведут Россию на путь победы.

На вопрос Родзянко, угодно ли Кириллу Владимировичу оставаться в Государственной думе, великий князь ответил, что к Государственной думе приближается гвардейский экипаж в полном составе и он хочет представить его председателю Государственной думы.

Перед подъездом Таврического дворца выстроились юнкера Михайловского артиллерийского училища, к которым вышел Родзянко.

Начальник училища, генерал, скомандовал:

— Смирно!

Часть взяла на караул, и председатель Государственной думы обратился к ней с речью, которая была покрыта громкими кликами «ура».

— Будь другом народа, Родзянко,— раздались возгласы.

— Помните Родину и ее счастье. За нее надо постоять,— ответил председатель Думы.

Во время обращения Родзянки рядом с ним находились А. И. Гучков и В. Н. Львов.

— Полное единение армии, народа и Государственной думы обеспечит нашу мощь и нашу силу,— закончил Родзянко.

Громовое «ура» раздалось на последние слова председателя Думы.

ПРИКАЗ ПО ВОЙСКАМ

(Издан 1 марта)

«Гг. офицеры петроградского гарнизона
и все гг. офицеры, находящиеся в Петрограде!

Военный Комитет Государственной Думы приглашает всех гг. офицеров, не имеющих определенных поручений комиссии, явиться 1-го и 2-го марта от 10 ч. утра до 6 ч. вечера в зал Армии и Флота для получения удостоверений на повсеместный пропуск и для точной регистрации. Для исполнения поручений Комиссии по организации солдат, примкнувших к представителям народа, для охраны столицы.

Промедление явки гг. офицеров к своим частям неизбежно подорвет престиж офицерского звания.

Обращаясь к гг. офицерам с настоящим объявлением, Военная Комиссия указывает, что в данный момент перед лицом врага, стоящего у сердца Родины и готового воспользоваться ее минутной слабостью, настоятельно необходимо проявить все усилия к восстановлению организации военных частей.

Только в этом сила нашей армии и залог окончательного торжества. Кровь наших товарищей, легших костьми за два с половиной года войны, нас обязывает.

Не теряйте, гг. офицеры, ни минуты драгоценного времени!

Военная Комиссия Временного Комитета Государственной Думы

Председатель Государственной думы *М. Родзянко*».

В ответ на этот приказ офицеры армии и флота постановили:

«Офицеры, находящиеся в Петрограде, идя рука об руку с народом и собравшись в собрании Армии и Флота по предложению Исполнительного Комитета Государственной думы, признавая, что для победоносного окончания войны необходимы скорейшая организация порядка и дружная работа в тылу, единогласно постановили:

Признать власть Исполнительного Комитета Государственной думы впредь до образования Учредительного Собрания.

Подписи:

Председатель Собрания полковник *Защук*.
Товарищи председателя: полковник *Хоменко* и полковник *Друцкой-Соколинский*.
Секретарь: *Двинянинов*.

1 час дня 1-го марта 1917 года».

Первого марта, в 9 часов утра, в здание Таврического дворца явилась команда собственного его величества конвоя. Тогда же получили сообщение, что восставшим гарнизоном Кронштадта захвачена Кронштадтская крепость. Убит стоявший за старый порядок адмирал Вирен.

По распоряжению исполнительного комитета Государственной думы в Кронштадт командированы депутаты Пепеляев и Таскин.

Прибывшим депутатам восставшие войска заявили о полном своем подчинении исполнительному комитету. Перед фронтом выстроившихся войск Пепеляев и Таскин произнесли горячие речи, принятые восторженно.

Временным комендантом Кронштадтской крепости назначен член Думы Пепеляев.

Утром же 1 марта комендант Царскосельского дворца вызвал председателя исполнительного комитета Государственной думы Родзянко и передал, что государыня просит переговорить с нею, но свидание не состоялось.

Первого марта в Царском Селе, Павловске, Кронштадте и Ораниенбауме почти все восставшие войска направились к Думе и через депутатов просили прислать к ним членов Думы для организации.

Первого марта был выпущен общий приказ по городу Петрограду.

I

Приказываю частям войск и народной милиции при арестованиях руководствоваться нижеследующими правилами.

Немедленному арестованию подлежат:

1) Пьяные.

2) Грабители, поджигатели, стреляющие в воздух и вообще нарушающие тишину и порядок в столице.

3) Оказывающие сопротивление лицам, имеющим какие бы то ни было специальные полномочия Временного Правительства и несущим службу по охране города.

4) Все чины наружной и тайной полиции и корпуса жандармов.

5) Все лица, производящие обыски частных квартир или аресты как частных лиц, так и особенно чинов армии, не имея на то особых полномочий Временного Правительства.

II

Всех арестованных вышеупомянутых категорий препровождать немедленно и непосредственно в следующие пункты, выбирая из ближайших:

а) помещения комендантского управления. Инженерная, угол Садовой улицы;

б) Кавалергардский манеж, угол Захарьевской и Потемкинской ул.;

в) здание 2-го отделения комендантского управления, Петроградская стор., Кронверкский просп.;

г) здание градоначальства, уг. Невского просп. и Адмиралтейского пр.;

д) здание историко-филологического института, рядом с университетом;

е) Тарасовские бани, Измайловский полк, 1-я рота;

ж) военная тюрьма. Выборгская стор.

Во всех этих пунктах арестованных передавать немедленно в руки коменданта отделения.

В Таврический дворец — лишь сановников и генералов, буде таковых придется задерживать.

Член Временного Комитета
М. Караулов

11 часов 15 минут вечера к Таврическому дворцу подошел господин в шубе обратился к одному из студ- с вопросом:

— Скажите, вы студент?

— Студент,— последовал ответ.

— Прошу вас, проводите меня к членам исполнительно- комитета Государственной думы. Я — бывший министр внутренних дел Протопопов и я тоже желаю блага нашей родине и потому явился добровольно. Проводите меня к тем, к кому нужно.

Студент привел А. Д. Протопопова в кабинет членов исполнительного комитета Думы.

Толпа народа и солдат, узнавая Протопопова, встречала его возгласами возмущения. Бледный, пошатываясь, предстал Протопопов перед Керенским.

Керенский распорядился пригласить конвой. Солдаты взяли ружья наперевес и во главе огромной процессии повели Протопопова в министерский павильон.

Вскоре сюда явился Керенский. Протопопов встал и, подойдя к Керенскому, заявил:

— *Ваше превосходительство*, отдаю себя в ваше распоряжение.

Перед этим, в 10 часов 30 минут вечера, под конвоем прапорщика и двух матросов был доставлен в здание Таврического дворца бывший министр В. А. Сухомлинов.

Несмотря на то, что конвой с возможной быстротой старался провести Сухомлинова в комнату товарища председателя Думы, весть о приводе бывшего военного министра с быстротой молнии распространилась по всему Таврическому дворцу.

Раздались возгласы солдат: «Выдать Сухомлинова».

С большим трудом членам Думы удалось успокоить взволнованных солдат. Они отказались от самосуда, но категорически требовали снять погоны с Сухомлинова. Военный министр беспрекословно подчинился требованию. Погоны были срезаны и показаны преображенцам. Когда солдаты несколько успокоились, было решено вывести арестованного. Принесли его генеральское пальто. Надо было снять погоны и с пальто, бывший военный министр сам пожелал это сделать. Он вынул из кармана перочинный ножик и медленно отрезал погоны. Кто-то из окружавших предложил снять с Сухомлинова Георгиевский крест.

«Ничего. Пусть останется. Георгиевский крест снимут с него по суду»,— заметил конвойный матрос.

Все было окончено, и Сухомлинова направили в министерский павильон. Для большей безопасности арестованного впереди него шли члены Думы, а солдаты устроили цепь, сдерживая наиболее горячих товарищей. В полуциркульном зале выстроившиеся шпалерами преображенцы молча пропустили бывшего военного министра. Когда дверь, ведущая в павильон, закрылась за Сухомлиновым, Керенский вышел к караульным и обратился к ним со следующими словами:

«Солдаты, бывший военный министр Сухомлинов находится под арестом, он состоит под охраной временного комитета Думы, и если вы в законной ненависти к нему дозволите себе употребить кару, которой он подлежит по суду, и насилие, этим поможете ему избегнуть той кары, которой он подлежит по суду, и со стороны нас встретите самое энергичное противодействие, хотя бы оно стоило нам жизни».

Солдаты спокойно разошлись.

Еще утром первого марта комиссары исполнительного комитета Думы Гронский и Салазкин в сопровождении петроградских журналистов отправились в столичное теле-

графное агентство с целью взять в руки комитета осведомление провинции.

Комиссаров встретил директор агентства Гельфер. Член Государственной думы Гронский предъявил Гельферу приказ комитета и немедленно приступил к реорганизации агентства.

Утром же в присутствии Гронского и Салазкина были составлены циркулярные телеграммы с изложением всех событий за последние три дня и срочно переданы во все провинциальные газеты. В большие города, как то: Харьков, Одесса, Киев, Саратов и другие, кроме того, даны дополнительные, чрезвычайно подробные телеграммы, излагающие весь ход событий.

Екатерининский зал Таврического дворца, 2 марта, утром. Сообщив список членов правительства, объявленного временным комитетом Государственной думы, П. Н. Милюков обратился к присутствовавшим моряка м, солдатам и гражданам с речью, из которой приводятся наиболее яркие места.

— Мы присутствуем при великой исторической минуте. Еще три дня тому назад мы были скромной оппозицией, а русское правительство казалось всесильным. Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов нового русского общественного кабинета. (*Шумные и продолжительные аплодисменты.*) Как могло случиться это событие, казавшееся еще так недавно невероятным? Как произошло это, что русская революция, низвергнувшая навсегда старый режим, оказалась чуть ли не самой короткой и самой бескровной из всех революций, которые знает история?

Это произошло потому, что история не знает и другого правительства, столь глупого, столь бесчестного, столь трусливого и изменнического, как это, ныне низвергнутое правительство, покрывшее себя позором и лишившее себя всяких корней симпатий и уважения, которые связывают всякое сколько-нибудь сильное правительство с народом.

Правительство мы низвергли легко и скоро. Но это еще не все, что нужно сделать. Остается еще половина дела — и самая большая. Остается удержать руках эту победу, которая нам так легко досталась. Как сделать это? Ответ прост и ясен. Нам нужно организовать победу, а для этого, прежде всего, надо сохранить то единство воли и мысли, которое привело нас к победе.

Сохраните же это единство для себя и для нас покажите, что после того, как мы так легко свергнули бессильную старую власть, первую общественную власть, выдвинутую народом, не так легко будет низвергнуть. *(Шумные и продолжительные рукоплескания.)*

Я слышу, меня спрашивают: кто вас выбрал? Нас никто не выбирал, ибо если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы вырвать власти из рук врага. Пока мы спорили бы о том, кого выбирать, враг успел бы организоваться и победить и вас, и нас. Нас выбрала русская революция. *(Шумные продолжительные аплодисменты.)* Поверьте, гоєпода, власть берется в эти дни не из слабости к власти. Это не награда и не удовольствие, а заслуга и жертва. *(Шумные рукоплескания.)* И как только нам скажут, что жертвы эти больше не нужны народу, мы уйдем с благодарностью за данную нам возможность. Но мы не отдадим этой власти теперь, когда она нужна, чтобы закрепить победу народа, и когда, упавшая из наших рук, она может достаться только врагу. *(Рукоплескания. Возгласы: «Кто министры?!»* Для народа не может быть тайн. Эту тайну вся Россия узнает через несколько часов, и, конечно, не для того мы стали министрами, чтобы скрывать в тайне свои имена. Я вам скажу их сейчас. Во главе нас мы поставили человека, имя которого означает организованную русскую общественность *(Крики: «Цензовую!»)*, так непримиримо преследовавшуюся старым правительством. Князь Георгий Евгеньевич Львов, глава русского земства *(Крики: «Цензового!»)*, будет нашим премьером и министром внутренних дел, заместит своего гонителя. Вы говорите: «цензовая» общественность; да, но единственная организованная, которая даст потом возможность организоваться и другим слоям русской общественности. *(Рукоплескания.)*

Но, господа, я счастлив сказать вам, что и общественность нецензовая тоже имеет своего представителя в нашем министерстве. Я только что получил согласие моего товарища Александра Федоровича Керенского занять пост в первом русском общественном кабинете. *(Бурные рукоплескания.)* Мы бесконечно рады были отдать в верные руки этого общественного деятеля то министерство, в котором он отдаст справедливое возмездие прислужникам старого режима — всем этим Штюрмерам и Сухомлиновым. *(Рукоплескания.)* Трусливые герои дней, прошедших навеки, по воле судьбы окажутся во власти не щегловитовской юстиции, а министерства юстиции Керенского. *(Бурные рукоплескания, крики.)* Вы хотите знать другие имена. *(Крики: «А вы?»)* Мне мои товарищи поручили взять руководство внешней русской политикой. *(Бурные и продолжительные рукоплескания, разрастающиеся в овации оратору, который кланяется на все стороны.)* Быть может, на этом посту я окажусь и слабым министром, но я могу обещать вам, что при мне тайны русского народа не попадут в руки ваших врагов. *(Бурные и продолжительные рукоплескания.)* Теперь я назову вам имя, которое, я знаю, возбудит здесь возражения. Александр Иванович Гучков был моим политическим врагом *(Крики: «Другом!»)* в течение всей жизни Государственной думы. Но, господа, мы теперь политические друзья, да и к врагу надо быть справедливым. Ведь Гучков в третьей Думе приступил к переустройству русской армии, да еще дезорганизованной маньчжурской неудачей, и он положил первый камень той победе, с которой наша обновленная и возрожденная армия выйдет из настоящей великой борьбы. Мы с Гучковым люди разного типа. Я — старый профессор, привыкший читать лекции, а Гучков — человек действий. И вот теперь, когда я в этой зале говорю с вами, Гучков на улицах столицы организует нашу победу. *(Рукоплескания.)* Что бы сказали вы, если бы вместо того, чтобы расставлять войска вчера ночью на вокзалах, к которым ожидалось прибытие враждебных перевороту войск, Гучков принял участие в наших политических прениях, а враждебные войска, занявшие вокзал, заняли бы улицы, а потом и эту залу. Что сталось бы тогда с вами и со мною? *(Воз-*

гласы одобрения, крики: «Верно!», вопрос: «А морской министр?»). Пост морского министра, пока мы подыщем достойную кандидатуру, мы также оставим в руках Гучкова. Далее, мы дали два места представителям той либеральной группы русской буржуазии, которые первые в России попытались организовать общественное представительство рабочего класса. *(Рукоплескания, крики: «Где оно?!»)* Господа, это сделало старое правительство.

Александр Иванович Коновалов помог сорганизоваться рабочей группе при петроградском военно-промышленном комитете, а Михаил Иванович Терещенко сделал то же самое относительно Киева. *(С места: «Кто Терещенко?»)* Да, господа, это имя, которое громко звучит на юге России. Россия велика, и трудно везде знать всех наших лучших людей. *(Возгласы: «А земледелие?»)* Господа, в эти дни, когда продовольствие армии является серьезным и трудным вопросом, когда старое правительство довело почти до края бездны нашу Родину и каждая минута промедления грозит где-нибудь голодным бунтом, которые уже начались,— в такое время мы назначили министром земледелия Андрея Ивановича Шингарева, которому, мы думаем, обеспечена общественная поддержка, отсутствие которой обеспечило провал господина Риттиха. *(Бурные и продолжительные рукоплескания. Вопрос: «А пути сообщения?»)* На этот другой важный для нашей Родины пост мы выдвинули Николая Виссарионовича Некрасова, товарища председателя Государственной думы, особенно любимого нашими левыми товарищами... *(Оживленные рукоплескания)*. Ну вот, кажется, почти все, что вас может интересовать. *(Вопрос: «А программа?»)*

Я очень жалею, что в ответ на этот вопрос не могу прочесть вам бумажки, на которой изложена эта программа. Но дело в том, что единственный экземпляр программы, обсужденной вчера в длинном ночном совещании с представителями Совета рабочих депутатов, находится сейчас на окончательном рассмотрении их. И я надеюсь, что через несколько часов вы об этой программе узнаете. Но, конечно, я могу и сейчас сказать вам важнейшие пункты... *(Шум, громкие крики: «А династия?»)* Вы спрашиваете о династии. Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас

удовлетворит, но я его скажу. Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен. *(Рукоплескания.)* Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу. *(Продолжительный шум, рукоплескания, снова шум.)* Наследником будет Алексей... *(Крики: «Это старая династия!»)* Да, господа, это старая династия, которую, может быть, не любите вы, а может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто что любит. Мы не можем оставить без ответа и без решения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе как парламентскую и конституционную монархию.

Быть может, другие представляют иначе, но теперь, если мы будем об этом спорить, вместо того чтобы сразу решить, то Россия очутится в состоянии гражданской войны и возродится только что разрушенный режим.

Этого мы сделать не имеем права ни перед вами, ни перед собой. Однако это не значит, чтобы мы решили вопрос бесконтрольно. В нашей программе вы найдете пункт, согласно которому, как только пройдет опасность и водворится прочный порядок, мы приступим к подготовке созыва Учредительного собрания *(громкие аплодисменты)*, собранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, кто вернее выразит общее мнение России: мы или наши противники... *(Рукоплескания, шум, крики: «Опубликуйте программу!»)*

Эти возгласы напоминают мне о важном вопросе, решить который зависит от Совета рабочих депутатов, в руках которых находится распоряжение типографскими рабочими. Свободная Россия не может обойтись без самого широкого оглашения и обсуждения сведений, в настоящую минуту интересующих всю Россию. Я надеюсь, что завтра же удастся восстановить правильный выход органов прессы, отныне свободной. Господа, я мог бы перечислить и другие пункты программы, но думаю, что те, о которых я упомянул, интересуют вас главным образом, а о других вы узнаете скоро из печати. Голос мой охрип, мне трудно говорить далее, позвольте на этих объяснениях пока остановить мою речь... *(Бурные руко-*

плескания, движения в зале, оратора несколько раз подхватывают и качают, потом на руках выносят из Екатерининского зала.)

В ответ на запрос представителей некоторых общественных и воинских организаций П. Н. Милюков указал, что его слова о временном регентстве великого князя Михаила Александровича и наследовании Алексея являются его личным мнением

Второго марта состоялась конференция петроградских социалистов-революционеров Их представитель в Совете рабочих депутатов сделал доклад об организации Совета, его составе и деятельности, а также о позиции, занятой в Совете социалистами-революционерами. При обмене мнениями по вопросу о политической тактике все единодушно высказались за поддержку Временного Правительства, за широкое развитие творческой организационной работы социалистов-революционеров для подготовки учредительного собрания, за укрепление сил революционного народа и армии.

Третьего марта из радиотелеграфного отделения отправлена радиодепеша следующего содержания:

«Всем, всем, всем.

28-го февраля вечером председатель Государственной думы получил Высочайший указ об отсрочке заседаний до апреля. В тот же день утром нижние чины Волынского и Литовского полков вышли на улицу и устроили ряд демонстраций в пользу Государственной думы. К вечеру того же дня волнение в войсках и населении приняло крайне тревожные размеры.

Члены Государственной думы, собравшись на частное совещание, поручили Совету старейшин немедленно выработать меры для восстановления порядка. Совет старейшин избрал для этой цели, а также для сношений с организациями и лицами временный комитет из двенадцати членов, которому и передал выпавшую из рук правительства власть.

После продолжительного обсуждения временный комитет во главе с председателем Думы Родзянко решил принять на себя функции исполнительной власти.

В ближайшие дни волнения перебросились в столице на окрестности и опасность приняла угрожающие размеры. С целью предупреждения полной анархии Временное правительство взяло на себя восстановление нормальной связи между нижними чинами и офицерами.

В короткий срок при единодушном настроении всей армии пользу переворота Комитету и сгруппировавшемуся вокруг него петроградскому гарнизону удалось мало-помалу приостановить уличные эксцессы и восстановить порядок в столице. Ряд общественных зданий, однако же, пострадал от господствовавшей одно время анархии. Количество человеческих жертв, по счастью, оказалось не столь значительно, как можно было бы опасаться.

Серьезное осложнение создалось подъемом общественного настроения и энергичной деятельностью левых политических организаций. Временному Комитету, однако, удалось вступить в сношения с наиболее влиятельной из них — Советом рабочих депутатов, избранным в кратчайшее время петроградскими фабриками и заводами.

Рабочее население Петрограда проявило большое политическое благоразумие и, поняв опасность, грозившую столице и стране, в ночь на 2-е марта сговорилось с временным комитетом Думы как относительно предполагаемого направления реформ и политической деятельности последнего, так и относительно собственной поддержки будущего правительства в пределах объявленных им политических намерений.

Вечером 2-го марта после продолжительного обсуждения в тысячной аудитории рабочих проекты, выработанные обеими сторонами, получили одобрение громадным большинством всех против пятнадцати голосов. Соглашение это обещает окончательно остановить печальные явления на улицах столицы, резко осуждаемые в выпущенном Советом рабочих депутатов воззвании

Из ряда городов получаются сообщения о присоединении их к действиям временного комитета Государственной думы и о создании подобных же временных органов власти В Царском Селе все войска примкнули к движению. Попытки послать против столицы воинские части из местностей, близких к Петрограду, кончились полнейшей неудачей, так как по-

сылаемые войска немедленно переходили на сторону Государственной думы.

Восстановив некоторый порядок и убедившись в прочности достигнутого успеха, временный комитет постановил организовать Временное правительство в составе: председателя Совета министров и министра внутренних дел кн. Львова, министра военного и морского Гучкова, министра иностранных дел Милюкова, министра торговли и промышленности Коновалова, министра финансов Терещенко, министра юстиции социалистического депутата Керенского, министра земледелия Шингарева, министра путей сообщения Некрасова и обер-прокурора Синода Львова.

Послы английский, французский и итальянский признали народное правительство, спасшее страну от тяжелой разрухи и восстановившее веру в боевую способность страны и армии.

В числе задач ближайшей действительности выпущенное 3-го марта правительственное воззвание упоминает общую амнистию, свободу собраний, союзов, совести и печати, подготовку к созыву Учредительного собрания для выработки формы правления и конституции страны, отмену национальных и религиозных ограничений, неудаление из Петрограда перешедших на сторону движения воинских частей, сохранение за нижними чинами при соблюдении ими строгой дисциплины в строю и во время военных поручений общих гражданских прав.

Энтузиазм населения по поводу совершающегося дает полную уверенность не только в сохранении, но и в громадном увеличении силы национального сопротивления. К тому же приходят и выпущенные комитетом Государственной думы заявления, в которых постоянно упоминается о твердом решении народного представительства и национального правительства сделать все усилия и принести все жертвы для достижения решительной победы над врагом».

Так ковалась цепь роковых событий в столице России. Изображенные выше события ясно и властно говорят, что уже 1 марта 1917 года Николай потерял свой трон, а не «признал за благо отречься от власти», как написано в его манифесте.

IV

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ВЛАСТИ

24 февраля, в пятницу, в Мариинском дворце состоялось очередное заседание Совета министров, на котором обсуждались почти исключительно мелкие дела. Вопрос о возникших уже в то время народных волнениях был затронут лишь мельком; причем, представляя Совету министров свои объяснения, Протопопов заявил, что «бунтует хулиганье», с которым полиция благодаря принятым уже мерам легко справится. Успокоенный этим заявлением князь Голицын снял вопрос о народных волнениях с обсуждения и закрыл заседание.

Между тем события развивались с лихорадочной быстротой.

Утром 25 февраля по распоряжению князя Голицына всем членам кабинета было разослано приглашение явиться на экстренное заседание Совета министров

Открывая заседание, Голицын заявил, что, вопреки заявлениям Протопопова, народные волнения принимают все более угрожающий характер и поэтому необходимо сейчас же решить вопрос о действиях правительства в сложившейся ситуации

С объяснениями вновь выступил Протопопов, который указал, что все опасения главы правительства совершенно неосновательны, и привел подробную справку относительно затронутого вопроса.

В народном волнении, по выкладкам Протопопова, участвует не более десяти тысяч человек, которые раздроблены по отдельным районам Петрограда Полиция вся начеку и вооружена с ног до головы Далее Протопопов заявил, что он имел специальное совещание с генералом Хабаловым, который категорически подтвердил, что в любой момент он может выставить для подавления мятежа свыше тридцати тысяч войск с артиллерией и броневыми автомобилями

При таком положении, закончил свою речь Протопопов, сомневаться в возможности подавить народное волнение не приходится.

Заявление Протопопова вызвало в Совете министров шумные прения.

Первым выступил министр иностранных дел Покровский, который заявил, что подавление возникших беспорядков силою оружия ни к чему не приведет и необходимо пойти на уступки.

С возражениями выступил Протопопов. Смена кабинета, сказал он, есть только лозунг, за которым скрываются другие, совершенно неприемлемые требования революционной России. Если беспорядки приняли несколько затяжной характер, то это потому, что власти старались избегать кровопролития и что в дальнейшем при подавлении беспорядков они не будут останавливаться ни перед какими мерами.

После продолжительных прений Совет министров постановил войти в сношение с Государственной думой, лидерами отдельных фракций, от националистов до кадет включительно, для выяснения тех форм компромисса, которые удовлетворили бы русское общество.

Ведение переговоров с членами Думы Совет министров поручил Покровскому Риттиху

В воскресенье, 26 февраля, Покровский Риттих приступили к выполнению возложенного на них поручения.

В тот же день было сделано телеграфное сношение со Ставкой по поводу роспуска Государственной думы.

Понедельник 27 февраля — последний день официального правления старой власти. В этот день состоялось два экстренных заседания Совета министров.

Первое заседание началось в два часа дня в особняке председателя Совета министров на Моховой, потому что князь Голицын боялся ехать по Невскому, где шла перестрелка.

Заседание открылось докладом военного министра генерала Беляева о начавшихся волнениях среди солдат и о переходе на сторону народа трех полков: Волынского, Преображенского и части Литовского.

Председатель Совета министров Голицын, а за ним и другие члены кабинета обрушились с гневными упреками на растерявшегося и страшно взволновавшегося Протопопова.

Голицын заявил, что своими успокоительными заверениями Протопопов ввел заблуждение Совет министров, который при создавшихся обстоятельствах уже не видит никаких средств к спасению власти.

Протопопов пробовал вначале оправдываться: волнения-де среди солдат носят стихийный характер и никем не могли быть предусмотрены.

Оправдания никого не успокаивали. Гневные выкрики участников совещания принимали все более резкий характер. Учитывая создавшуюся атмосферу, Протопопов в конце концов не пытался уже более возражать и сидел, сгорбившись в кресле, угрюмо посматривая на своих соседей.

Наконец Голицын заявил, что он считает необходимым поставить на обсуждение Совета министров вопрос об устранении Протопопова от обязанности министра внутренних дел; и хотя устранение министра не входит в компетенцию Совета министров, но он идет на это превышение власти, не считая возможным долее оставаться в кабинете вместе с Протопоповым.

Предложение было поставлено на баллотировку и единогласно принято.

Протопопов покинул заседание, ни с кем не попрощавшись.

Заседание Совета министров возобновилось, но прения уже носили беспорядочный характер — переговоры с временным комитетом Думы не привели ни к чему.

Голицын заявил, что если можно надеяться на помощь, то лишь извне Петрограда.

Все были подавлены и лишь обменивались краткими репликами по поводу нарастающих событий.

Время от времени личные секретари председателя Совета министров являлись в зал для доклада о ходе событий.

...В 6 часов вечера министры вновь съехались. На этот раз уже в Мариинский дворец, потому что Голицыным были получены сведения о том, что народ и войско намерены прийти в особняк Совета министров для производства обыска и ареста членов кабинета

Вечернее заседание носило столь же беспорядочный характер, как и дневное

Приходившие сведения принимали все более тревожный характер. Постепенно выяснялось, что Мариинский дворец не является уже безопасным убежищем для членов правительства.

В 9 часов вечера заседание было прервано, и члены кабинета сделали попытку покинуть Мариинский дворец. Попытка эта оказалась, однако, тщетной, так как площадь

дворца уже была запружена революционным народом и перешедшими на его сторону войсками.

В тоскливом и тревожном ожидании просидели в парадной зале Мариинского дворца члены царского правительства до 12 часов ночи. К этому времени площадь мало-помалу опустела, и, по предложению Голицына, была предпринята вторая попытка покинуть Мариинский дворец.

Голицын в сопровождении Добровольского и генерала Беляева направился к выходу. Другие члены кабинета решили выждать еще некоторое время. Через пять минут оставшиеся были поражены известием о том, что Мариинский дворец окружен войсками и что сейчас явятся солдаты для производства обыска. Поднялась невыразимая суматоха. Все бросились к выходам. Покровский вместе с Кригер-Войновским прошли по черной лестнице и направились во двор, надеясь пройти через ворота. Ворота оказались, однако, запертыми. Тогда они бросились обратно. Но в парадных комнатах дворца уже были солдаты, производившие обыск. Оба министра спустились по черной лестнице вниз и прошли в помещение для курьеров. Здесь, в темной комнате, они просидели около получаса. Наконец они вышли из своего убежища и, смешавшись с толпой курьеров, прошли в одну из задних комнат. Здесь они просидели до конца обыска. После ухода солдат министры вышли во двор. Курьеры заявили, что солдаты, уходя, заперли на ключ калитку и что, таким образом, выйти со двора нельзя. Наконец один из курьеров обратил внимание на то, что калитка заперта, но на воротах замка нет.

В четыре с половиной часа ночи оба министра незаметно вышли из здания Мариинского дворца и направились к себе домой.

Так закончилось последнее заседание Совета министров царской власти.

Перенесемся теперь в Могилев, в Ставку, где находился в эти священные великие дни низверженный государь.

Не прибегая к сухим выдержкам из подлинных показаний «очевидцев», постараюсь нарисовать сжатую картину последних дней и часов царствования Николая Последнего.

Главнейшие источники, откуда я черпал материал для нижеизложенного, принадлежат таким крупным общественным и государственным деятелям, как А. И. Гучков, первый военный и морской министр Свободной России; генералы

Рузский, Алексеев, Нарышкин; лейб-медик профессор Федоров; профессор Бехтерев, *лечивший царицу и всю семью* Николая Второго; герцог Лейхтенбергский; В. В. Шульгин и многие другие журналисты, военные или скромные обыватели, случайно попавшие на пересечение путей, которыми быстро катился к закату и угасанию Николай, этот догорающий метеор, печальный символ самовластья или безвластного, бесправного произвола... Не знаю, как вернее назвать.

Еще 14 февраля тревога накрыла своими темными крылами приневскую столицу... И под этим знаком тревоги, народного волнения, надвигающихся забастовок, вспышек «голодного протеста» царь покинул Александровский дворец и явился в Ставку, где надеялся быть в большей безопасности среди преданных войск...

Конечно, и здесь, как везде, Николай получал самые подробные донесения о том, что происходит в столице и во всей России. Но по привычке и по свойству своего духа он не верил никому, даже тем п е р в ы м лицам в государстве, которым сам вручал верховную власть над армией и над страной или кого назначал под давлением Алисы Гессенской и ее немецких друзей...

Но самой царице он верил все же больше, чем остальным, понимая, что интересы их обоих очень близко и тесно сходятся.

После целого ряда телеграмм Алисы из Царского Села, в которых подробно и очень правдиво говорилось о событиях, развернувшихся в Петрограде, вечером 27 февраля пришла, наконец, самая тревожная весть: столица во власти народа и восставших войск... Царскому Селу угрожает та же участь... Алиса выражает опасение за безопасность детей и свою собственную...

— Просите ко мне генерала Алексеева! — приказал Николай.— И чтобы генерал Цабель потом явился.

Ординарец поспешил исполнить приказание, а Николай ровными шагами начал мерить пространство просторного, ярко освещенного салон-вагона, отделанного в ликующих светло-зеленых весенних тонах... Такой же ковер, словно луговой дерн, покрывал весь пол... Но смутны и темны были думы того, кто ходил взад и вперед по вагону, как

бродит в клетке загнанный зверь, предчувствуя неминуемую близкую беду...

Явился Алексеев.

— Слышали... знаете, генерал?.. Дело серьезнее, чем мы думали с вами!.. Гарнизон столицы прямо обуян безумием... Государыня мне сообщает... Вот... смотрите...

И с подчеркнутым доверием протянул плотный исписанный листок «высочайшей телеграммы» бледному, даже угрюмому на вид генералу.

Почтительно приняв и пробежав глазами депешу, генерал отдал ее обратно:

— Все верно, ваше величество... как я вам имел честь доложить еще вчера... Но ваше величество полагали, что это не так опасно... А между тем я еще и нынче...

— Вижу, вижу... я ошибался! — перебил Николай.— Но что делать теперь? Неужели нет другого выхода? Кроме уступок этим... негодяям? Нет способа обуздать этих... Ну, словом, подавить безумный мятеж?..

— Р е в о л ю ц и ю трудно подавить,— подчеркнул Алексеев.— С нею можно только бороться, если есть еще возможность...

— У нас ли нет такой возможности, генерал! — видимо начиная волноваться, недовольный «недогадливостью» собеседника, возвысил слегка голос Николай.— Миллионы штыков под руками... И мы...

— Эти штыки, государь, обращены на запад... Их очень трудно обратить сразу на восток... хотя бы и в небольшом количестве... не говоря уже о крупных боевых единицах... немцы все знают, что у нас творится... Уйдут наши русские дивизии — их место быстро постараются занять прусские полки...

— Вздор!.. Но положим, что и так... Усмирив мятеж... ну, или подавив революцию, если вам так лучше нравится, мы сумеем снова отбросить врагов на их место...

— Вряд ли, государь. Куда забирается прусская каска, там она плотно садится, зарывает корни в землю. И, наконец,— перебросить значительную силу отсюда в столицу... за сотни верст... Сколько времени надо, какую дорожную организацию!.. Вагоны, паровозы... Вашему величеству известно...

— Знаю... знаю... каждая минута дорога... Ну, попробуем все-таки, хотя бы небольшие части с разных точек фрон-

та... Из числа верных, преданных войск... Вы наметьте, изберите подходящие полки, генерал... распорядитесь немедля...

— Простите, государь... Я не решаюсь брать на себя ответственности в таком... важном деле... Как можно решить вопрос о «преданности»? Разве гарнизон, гвардейские части, стоящие в столице, не считались наиболее верными?.. И...

— Понимаю, понимаю! — снова перебил Николай.— Вы боитесь, что штыки, посланные отсюда против народа, повернутся...

— Все возможно, ваше величество!..

— Вижу, понимаю теперь, что все возможно! — как-то особенно угрюмо, пытливо и недоверчиво глядя на Алексеева, отчеканил Николай.— Все же, надеюсь, вы мне можете указать хотя бы на какую-нибудь подходящую часть армии, которая... еще не способна изменить своему царю?.. Подумайте, подыщите... среди шестимиллионной громады наших войск...

Долго еще длилось это последнее совещание, мучительное для обоих собеседников. Решено было по телеграфу известить Родзянку, что 1 марта Николай прибудет в Царское Село, где желает видеть его для переговоров об «ответственном министерстве» и других уступках, которые могут успокоить народ.

Красный, озлобленный, вышел из вагона Алексеев.

Побледневший, осунувшийся, шагал Николай по зеленому мягкому ковру.

Наконец ему доложили о новом посетителе.

Вошел Иванов, плотный пожилой генерал с широкой, окладистой серебристой бородою.

— Ваше величество!

— Да, да, прошу вас! — сразу овладевая собой, принимая обычный, любезно-непроницаемый вид, встрепенулся Николай...— Я хотел вас видеть... Вы, конечно, знаете?.. Так вот мне пришло в голову... Садитесь... слушайте!..

Беседа длилась недолго.

Выслужившийся из темной среды, исполнительный фронтовик только и повторял, слушая царские речи:

— Так точно, ваше величество!.. Все исполню, государь... Можете положиться на меня и на этих молодцов! Эти не выдадут... Если, по правде сказать, остальная армия и ненадежна после разных слухов и речей, которых наслу-

шались от агитаторов... то уж на «георгиевцев»-то можно положиться! Каждый почти получил крест из рук вашего величества... Это — не безусые хулиганы, беспутные «эсдеки»... Еду немедленно... Все исполню... И, с Божией помощью, в два дня очищу столицу от этой... шайки...

Еще несколько теплых слов... Объятие и поцелуй на прощанье...

Генерал скрылся.

Вслед ему еще звучали нервные не то приказания, не то мольбы:

— Торопитесь!.. Каждая минута дорога... Я еду вслед за вами... Там Алиса... дети... Да поможет вам Бог.

Перед Николаем новый «верный холоп», генерал Цабель, конечно, из русских немцев, начальник военной охраны царского поезда, состоящей из двадцати человек Сводного полка и полуроты железнодорожного батальона.

— Мы должны выехать в Царское нынче же, по возможности — немедля! — приказал Николай.— Предупредите свиту. И пошлите кого-нибудь передать о моем отъезде генералу Алексееву... без бумаги, на словах... Поторопитесь!

В ночь на 28 февраля царский поезд двинулся навстречу событиям, закончившим печальную эпопею династии Романовых...

Он шел кружным путем, на Лихославль и Тосно, словно желая обмануть зоркое народное око, скользя двойною змеею вагонов двух литерных поездов.

В первом — начальник поезда, прислуга, канцелярия, военная охрана, чины железнодорожного батальона; во втором — Николай и его ближайшая свита: вечно полупьяный сухопутный адмирал Нилов; балагур и аферист, проныра Воейков; старый преданный граф Фредерикс, министр двора; затем генерал-адъютанты Нарышкин, герцог Лейхтенбергский-Романовский и человек двадцать конвоя.

На станции Лихославль свита Николая узнала от железнодорожных служащих о телеграмме комиссара Государственной думы по министерству путей сообщения Бубликова, извещающей, что этот новый член новой власти вступил в

исправление своих обязанностей и ему одному должны подчиняться все служащие на железных дорогах.

Узнали лица свиты и о другой телеграмме — новый комендант Николаевского вокзала поручик Греков отдал распоряжение по всем линиям, ведущим к столице, чтобы «оба литерных поезда направить не в Царское Село, а прямо в Петроград».

Эти телеграммы были предъявлены дворцовому коменданту генералу Воейкову, который не решился разбудить спящего Николая и приказал ехать дальше. Отчаянье или надежда шепнули ему это решение? Кто знает... Он решил во что бы то ни стало прорваться в Царское Село через Бологое.

Около полуночи поезд прибыл в Бологое.

К Воейкову явился с докладом офицер железнодорожного батальона.

— Через Бологое на Петроград ехать опасно! — доложил он.— Тосна и Любань заняты сильными отрядами восставших войск...

— Ничего! — упрямо возразил Воейков.— Солдаты не посмеют помешать проезду его величества... Дайте сигнал к отправлению...

Два мощных американских паровоза, тяжело пыхтя, сверкая огнистыми очами передних фонарей, влекут последний царский поезд по рельсам с предельною быстротой, как будто все духи зла гонятся за темною, грохочущей змеею этого рокового поезда.

...Малая Вишера...

Заколебались сигнальные огни, звучат переклички стрелочников, мелькают их темные очертания на путях...

Паровозы вовлекли вагоны в тупик — набрать воды и двигаться дальше, на Царское Село, где есть надежда на спасение.

Но сделать этого не удалось.

Мучимый неустанной тревогой, Николай вошел в столовую, где застал почти всю свиту на ногах, несмотря на то, что еще не было трех часов утра.

— Что случилось? Отчего мы здесь так долго стоим? — прозвучал его тревожный вопрос.

— Вот... такая телеграмма, ваше величество, что...

Воейков подал листок: «Приказываю оба литерных поезда отправить не в Царское Село, а прямо в Петроград. Комендант Николаевского вокзала поручик Греков».

Тяжело опустившись на стул, царь глухо произнес:

— Значит, серьезное возмущение?.. Поручик Греков распоряжается Петроградом... Командует всеми... и мною?!

Смущенный Воейков решился, наконец, подробно доложить о телеграмме комиссара Государственной думы, о том, что поезд литеры «Б» не может двигаться дальше и что паровозы его испорчены. Царский конвой в настоящее время окружает паровозы этого поезда, чтобы кто-нибудь не испортил их тоже. Надо свернуть куда-нибудь... на другую линию. Может быть, там, подальше от столицы...

— Да, да, наверное. На Псков...— оживляясь, приказывает Николай...

Пока идет подготовка к отправлению поезда, государь сидит, угрюмый и непонятный, почти не слушая, что говорят ему окружающие люди.

А говорят, что народ признал власть временного комитета Государственной думы, что образовано новое министерство из лиц, общим доверием облеченных... Что войска, как волны в бурю к твердым берегам, катят к стенам Таврического дворца, откуда раздался народный голос:

— Николай II объявляется низложенным, и власть переходит ко всему народу державы Российской!..

Ничего не слышит, не хочет слышать Николай... Молчит угрюмо.

Прошло мучительно долгие полчаса — поезд литеры «А» загромыхал, скользя по рельсам, постукивая на стыках колесами; в первом от паровоза вагоне разместили взвод солдат железнодорожного батальона с небольшим запасом рельсов и шпал на случай, если путь впереди окажется испорченным.

Перешли на линию Виндавской железной дороги; и недалеко от станции Дно, получившей теперь всемирную историческую известность, поезд нагнала очередная тревожная весть: царскосельский гарнизон перешел на сторону нового правительства. Императрица, покинутая последними защитниками, обратилась с просьбой к Родзянке и к исполнительному комитету Государственной думы, чтобы ее и детей оберегли от всяких случайностей, возможных в такие

дни... Жандармский дивизион и полиция, за небольшим исключением, признали власть революции...

— В Москву,— решительно бросил Николай Воейкову.— Как полагаете? Мрозовский говорил, что Москва нас всегда отстоит!..

— Сейчас я отдам приказания, ваше величество!

Вот, наконец, и Дно; здесь по прямому проводу была получена весть из Москвы, безотрадный ответ на тревожные запросы:

«Московский гарнизон целиком перешел на сторону народа. Представители старой власти арестованы. Революционные полки признали власть нового правительства».

Прочитав известие, Николай поднял голову и спокойным голосом проговорил:

— Надо проехать к генералу Рузскому... На Псков дорога, как вы говорили, еще свободна... Попытаемся!

Вскоре на станции Дно остановился другой воинский поезд, в котором ехало около тысячи георгиевских кавалеров, «карательный отряд» генерала Иванова, только теперь нагнавший царский состав.

«Георгиевцы» догадывались, куда и зачем их везут, и между собою уже решили, что против своих не пойдут.

Генерал, спрошенный Николаем на предмет надежности отряда, бодро ответил:

— Будьте спокойны, ваше величество! Хоть пешком, но мы доберемся до столицы. Там — все рабочие и запасные из мужиков... Какие это войска...

— Помоги вам Бог! — подхватил Николай.— Знаете: я уже вконец измучен. Если бы только уцелели в руках этих мужиков мои дети и жена... Я, так и быть... если все хотят, я отрекусь от престола... Уедем с семьей в Ливадию... там много цветов. А я так люблю цветы... Пусть правит Михаил... как знает. Кстати, у него большая партия... его, кажется, многие готовы поддержать. Пускай...

— Не будет этого, ваше величество! — решительно возразил Иванов.— Все образуется! Головой ручаюсь. Ну, конечно, уступки кой-какие придется сделать... Ответственных министров или как там... Пока! А стихнет буря, можно будет подтянуть вожжи...

— О, на уступки я готов... Я всегда говорил, что я готов. Но меня уверяли... Александр Дмитрич (Протопопов.— *Л.Ж.*) так решительно доказывал, что волнуется среднее дворянство, люди свободных профессий и молодежь. Ну там, группы рабочих из партийных... Но войско и крестьяне — те на моей стороне. И вдруг... просто не знаю, что делать?!

— Ваше величество решили ехать к генералу Рузскому. Это — самое лучшее теперь! — решительно отозвался Иванов на вопрос Николая, в котором звучало отчаянье.— Армия не выдаст своего верховного вождя. Если генерал Алексеев не мог послать крупного отряда из фронтовых армий, то Рузский сумеет это сделать, я уверен...

— А если нет? — нерешительно прозвучал вопрос.

— Гм... тогда уж не знаю...

— Есть еще один последний, спасительный ход,— вмешался в разговор Воейков.— Безусловно, можно верить Вильгельму, его письмам, которые привезла Васильчикова, что он воюет не с Николаем II, а с Россией, население которой и есть первый враг и разрушитель надежд династии Романовых... Стоит открыть Минский фронт немцам... Война сразу будет покончена. Разбитые полки уйдут по домам с поджатыми хвостами... немцы усмирят петроградскую чернь, всю эту сволочь... И трон вашего величества будет стоять еще прочнее прежнего...

— Ну нет! — забормотал полупьяный Нилов.— Этого сказать нельзя. Если немцы войдут сюда, они уж не выйдут и заграбастают себе половину России... Этого не надо!

— Какую там половину? — живо возразил Воейков.— Ну, оставят за собой Курляндию... Польша, пожалуй, будет подчинена прусскому кнуту... Тогда вспомнит о русском самодержавии... Будет каяться, что не ценила прежних благодеяний России, платила мятежами за любовь... А настоящая Россия — останется во власти своего царя... Сплоченная, сильнее прежнего, будет процветать под державой Романовых...

— Нет,— нерешительно, словно в раздумье, заговорил Николай.— Вот и Григорий Ефимыч иногда советовал мне также пустить немцев. Кончить войну, заключить сепаратный мир... Это можно было сделать еще тогда, когда германцы стояли под Варшавой и здесь волновался народ... Но я не согласился... Предать родину... союзников... Нет,

нельзя! Лучше я потеряю власть, но до конца не изменю договорам. Это было бы позорнее всего!

Разговор оборвался.

Поезд Николая Иудовича Иванова — тронулся к столице, а литерный поезд «А» — к Пскову.

Первого марта поезд генерала Иванова остановился у царскосельской станции. Весть об этом поезде с быстротою молнии облетела город и донеслась до Александровского дворца.

Не прошло и десяти минут, как перед генералом-спасителем уже стоял посланец Алисы Гессенской, дворцовый комендант князь Путятин, запыхавшийся, растерянный и обрадованный в одно и тоже время.

— Генерал, вы наш спаситель!.. Ее величество так обрадовалась... Войска здесь все перешли на сторону бунтовщиков... Верные трону начальники... мертвы или под арестом... поручики и прапорщики командуют полками гвардии... Ужас, ужас... Государыня опасается за собственную жизнь, за детей... Прежде чем очистить столицу, вам надо здесь водворить порядок! Стоит вам с отрядом пройти по улицам, очистить их до дворца... и части, которые еще колеблются,— они снова вспомнят о своем долге... Спешите, генерал...

— Что же, я попытаюсь...— после раздумья согласился генерал...

— Только это будет нелегко. Видите, у вокзала даже стоят наготове бронированные автомобили... Придется идти в атаку по всем правилам боя...

— А как остальная артиллерия?

Путятин только безнадежно махнул рукой.

— Гм... это неважно! — процедил Иванов.— В таком случае попробуем сперва вступить в переговоры... Вот у меня приготовлено воззвание к войскам. Я объявлю, что получил от его величества назначение на пост главнокомандующего столичным военным округом. Приглашаю войска стать на сторону царя против бунтовщиков... Если здешние войска меня послушают, мы тронемся и на усмирение столицы... А людям я пообещаю щедрую награду...

— Отлично! Отлично! Может быть, Бог даст...

— Я надеюсь! А вы не пожелаете ли как здешний человек передать это воззвание местному воинскому комитету... и...

— Нет, нет! — испуганно замахал руками Путятин.— Так будет хуже... У меня, знаете, здесь много завистников, врагов... Лучше пошлите кого-нибудь другого...

И осторожный князь забился в угол, видимо не желая оставить поезда, в котором чувствовал себя в сравнительной безопасности...

Как только царскосельский гарнизон ознакомился с воззванием генерала Иванова, в собрании местного комитета были избраны три делегата: капитан Нарушевич — от офицеров восставшей армии, один солдат от строевых чинов и один представитель от гражданского населения.

— Вы с чем явились, господа? — строго обратился к ним генерал, едва делегаты появились в его вагоне.

— *Мы явились от имени революционной армии и народа* просить вас, генерал, как можно скорее уехать отсюда во избежание напрасного пролития крови...

— Что... Вы мне решаетесь... Я вас арестую! — багровея, крикнул Иванов.— А мои молодцы покажут бунтовщикам, как надо чтить законную власть...

— Нет, вы нас не арестуете, генерал! — спокойно возразил Нарушевич.— Должен вас предупредить: два орудия тяжелой батареи держат под прицелом Александровский дворец. И если мы к одиннадцати часам не вернемся в городскую ратушу, где происходит заседание комитета, по дворцу будет открыт огонь... Он будет сметен с лица земли... вместе со всеми, кто в нем сейчас. Наверное, вы этого не пожелаете, генерал...

— Но как же вы решились? — попробовал еще образумить «мятежников» генерал.— Восстание против своего государя... ослушание верховной власти...

— Верховная власть принадлежит всему народу, и мы признали его законную волю, его призыв к освобождению от рабских цепей, от произвола... Бросим об этом, генерал. Верьте, мы желаем родине добра не меньше, чем вы... и успеем помочь ей лучше, чем вы думаете. А вам позвольте дать совет: избегая именно того братского междоусобия, о котором вы говорили, примкните лучше с вашим отрядом

к свободному народу! Столицы вам не успокоить... из шестидесяти тысяч гарнизона нет там сейчас ни одного слуги царизма... О народе — и говорить нечего. Уверен, что и ваши георгиевцы, если их спросить, охотнее пойдут с народом, чем против него!.. Подумайте, генерал!

— А... что же... может быть, вы и правы? — медленно сорвалось с уст старика.— *Хорошо. Дайте мне подумать...* Ну хотя бы полчаса или... час. Я потолкую с моими молодцами... Я дам тогда ответ.

— Отлично, генерал! — обрадовался делегат народа.— Мы в ратуше соберемся через час... и будем ждать добрых вестей отсюда.

Иванов по прямому проводу переговорил с Николаем, поезд которого двигался к Пскову... Затем потолковал он со своими солдатами, почуяв неуверенность в людях, совсем потемнел, насупился и приказал немедленно ехать подальше от Царского Села и от столицы, на станцию Вырицу.

Сейчас же о бегстве старого вояки дали знать с вокзала исполнительному комитету, и по линии был разослан приказ: ни по одному пути не пропускать эшелон генерала Иванова в столицу. На всех скрещениях и рельсовых путях темнели бронированные автомобили, пушки... Генерал потребовал подкреплений из Минска... Царица просила о том же... Но все напрасно; и, простояв у Вырицы около трех дней, вернулся генерал Иванов со своей командой обратно в Ставку...

Только к вечеру первого марта подкатил литерный поезд к станции Псков, и генерал Рузский встретился с государем в его вагоне.

— Что же,— скупо ронял Николай,— я готов пойти на уступки... если весь народ того желает... Указ об ответственном министерстве готов... Я подпишу... Сюда может приехать Родзянко... Мы столкуемся... Как ваше мнение, генерал?

— Позволите говорить откровенно, ваше величество? Я думаю, этих уступок мало... они не помогут... Как я понял из слов вашего величества, дело гораздо хуже, чем я сам думал. У меня не было даже тех сведений, какие вы изволили сообщить сейчас...

— Ну что же...

— Простите, я думаю, что только чудо может вернуть вам... всю полноту власти, ваше величество!.. Люди — особенно войска — зашли слишком далеко... Общий голос слишком мощен... Часть побоится отступить от сказанного... будет настаивать... простите! на отречении вашего величества из боязни, что, вернув себе власть, вы захотите покарать главнейших виновников переворота. А их слишком много... Другие же, как я понял, желают смены власти из личных, глубоких побуждений, которым будут служить до конца...

— Что же, и вы полагаете, что остается одно... отречение?

— Хотел бы ошибиться... но я так думаю, ваше величество!..

— Вздор! Вы увидите! Дайте мне несколько полков... И через два дня...

— Ваше величество! Это был бы самый ужасный шаг с вашей стороны. Пока вы не повели братьев против братьев — трон может еще перейти от вас к вашему сыну... Но если только...

— Вы так думаете? — глухо проговорил Николай.— Что ж, может быть, вы и правы... Все-таки нельзя ли еще по прямому проводу поговорить с Родзянко? Он человек порядочный... Я хотел бы услышать, что он теперь мне скажет...

— Постараюсь, ваше величество! — закусив губы при косвенном упреке Николая, почтительно ответил Рузский.— Какие еще приказания будут от вашего величества?

— Пока ничего... Поговорите... и скажете мне, что узнаете. Пока до свиданья... Вы, я вижу, устали... Жду вас утром!..

Рузский ушел. Свита принялась за обильный ужин, еще обильнее поливая его вином... Николай молча пил и ел, словно не слыша всего, что творится кругом.

Настало утро рокового дня, 2 марта 1917 года.

Еще два дня назад получил Николай от великого князя Николая Николаевича телеграмму с советом — отказаться от трона и передать его Алексею, при опекуне Михаиле Александровиче. «Это спасет династию!» — писал тогда великий князь...

Сегодня утром пришла новая телеграмма, целый исторический акт: проект отречения в пользу Алексея.

Алексеев с своей стороны вполне присоединяется к мнению Николая Николаевича, что надо спешить с обнародованием *решительного документа, пока еще не все потеряно*... И от Брусилова, от Эверта, от главнокомандующих армиями целого фронта такие же телеграммы, словно подсказанные одной и тою же волей...

— Только в четвертом часу утра, ваше величество, удалось мне вызвать к аппарату Родзянко! — четко докладывает *генерал, сейчас еще более сдержанный и холодный, чем* всегда.— Мы говорили около двух часов. Вот, присутствующие здесь с разрешения вашего величества начальник моего штаба, генерал Данилов, и генерал Савич могут подтвердить мои слова. Мнение Родзянко таково: единственным исходом, ради блага России и победы над врагом, теперь является тот шаг, о котором вам писал великий князь Николай Николаевич... о чем сегодня пришла депеша от генерала Алексеева...

— Отречься от престола? И вы думаете?..

— Мы все тоже полагаем, это сразу успокоит страну. Тогда войско, не опасаясь внутренних столкновений, встретит по-прежнему стойко натиск врага, уже начинающего шевелиться... Немцы отлично знают все, что творится у нас, особенно в Петрограде и на фронте. Наши войска сейчас готовы пойти вразброд... и тогда — все погибло!.. Дорог каждый час!..

— Ну что же... если так нужно... если иначе нельзя... для блага России... я готов. Велю переписать текст... присланный от Алексеева... Только подписать отречение я хотел бы в присутствии Родзянко... Он ничего не говорил вам? Он собирался сюда нынче приехать.

— Нет, ваше величество! Как я понял, Михаил Владимирович не может выехать теперь из Петрограда... да если бы и мог, то не выразил такого желания... напротив....

— Вы полагаете? Хорошо! — прервал Николай.— Я все-таки хочу еще подумать немного... Прочту текст... может быть, надо что-нибудь изменить. Я попрошу вас немного после... Пока — до свиданья.

И с обычной любезной улыбкой он пожал руку уходящим генералам.

В три часа пополудни генерал Рузский был призван к Николаю.

— Вот, подписал бумагу! — угрюмо произнес бывший царь, подавая генералу плотный телеграфный бланк, на котором пишущей машиной был отпечатан текст отречения.— Я передаю престол моему сыну... Опекуна пусть сами изберут.

На бланке сверху стояло: *Ставка. Начальнику Штаба.*

Дальше шел текст, который мы найдем ниже. Но в этом, первоначальном, тексте везде вместо имени великого князя Михаила стояло имя наследника-цесаревича Алексея. Подпись внизу, сделанная карандашом рукою Николая, была покрыта лаком.

— Отправьте теперь же, генерал!.. И посмотрим, что даст Господь!..

Рузский положил историческую бумагу в карман и, откланявшись, поспешил в штаб, чтобы передать по назначению последний манифест Николая...

Этого не удалось сделать...

— Срочная! — подавая Рузскому телеграмму, встретил его адъютант чуть ли не на пороге помещения штаба.

Телеграмма гласила: делегаты Временного правительства, А. И. Гучков и В. В. Шульгин, сегодня должны прибыть в Псков для переговоров с Николаем.

После короткого раздумья Рузский решил не передавать в Ставку манифеста до приезда делегатов; не вынимая из кармана отречения Николая, вернулся на станцию и лично вручил депешу из столицы отрекшемуся государю.

Новая весть почему-то обрадовала Николая: лицо оживилось, глаза заблестели.

— Будут делегаты... Отлично... очень рад их видеть... А когда они выехали из Петрограда?

— В три часа пятнадцать минут, ваше величество.

— А когда могут быть?.. Не знаете? Ну конечно... Теперь движение совсем спуталось... Ну хорошо... Я подожду... Я не уеду в Ставку, не повидавшись с ними... Как только они прибудут, пускай ведут их ко мне...

И, взволнованный, он отпустил Рузского.

Генерал распорядился, чтобы о приезде делегатов прежде всего доложили ему, в особый вагон, отведенный в царском поезде для главнокомандующего по распоряжению Николая.

Около десяти часов вечера Воейков и Нилов встречают Шульгина и Гучкова, прибывших поездом, и ведут их прямо в вагон к Николаю. Гучков, слегка бледный и с виду спокойный, держится напряженно; Шульгин, небритый, в дорожном платье, плохо умытый, усталый от бессонницы и волнений, бодрится, но выдает свое волнение и нервными движениями, и каждым мускулом измятого лица.

В ярко освещенном светло-зеленом вагоне делегацию встречают граф Фредерикс и генерал-майор Нарышкин, приглашенный в качестве секретаря.

Сейчас же появляется и Николай в красивой форме кубанских пластунов, в серой черкеске с алым башлыком.

Очень приветливо и любезно поздоровавшись с обоими делегатами, он пожал каждому руку и указал места: Гучкову рядом с собою, Шульгину — напротив. Фредерикс сел немного поодаль, а за вторым небольшим столом в углу вагона поместился начальник походной канцелярии царя Нарышкин, готовый записывать предстоящую историческую беседу.

Едва заговорил Гучков, как в вагон вошел генерал Рузский, извинился перед государем и занял место рядом с Шульгиным.

Негромко, но решительно, видимо, сильно волнуясь, заговорил Гучков. Не глядя на сидящего рядом Николая, положив небольшую сильную руку на край стола, повел он плавно и ровно свою речь, очевидно, хорошо обдуманную и подготовленную во время долгого пути.

Николай внимательно слушал, стараясь сдержать подергивание мускулов на бледном лице. Только расширенные зрачки глаз выдавали внутреннюю тревогу этого человека в серой черкеске, да вздрагивал в руке карандаш, концом которого он все время поглаживал свои усы...

Гучков бесстрастно перечисляет войска, перешедшие на сторону народа.

— Собственный конвой вашего величества вчера явился в Государственную думу и заявил, что признает власть Временного правительства...

— Да... Положение тяжелое... Просто безвыходное! — прозвучал голос Николая.

Карандаш скользнул вниз, к листку бумаги, лежащему на всякий случай на столике... Выводя карандашом всякие

узоры, Николай между тем условным шифром набросал строки следующей телеграммы:

«Ц. Село. Генералу Иванову. Государыне Александре Федоровне.

Верно ли, что собственный конвой изменил?

НИКОЛАЙ».

Гучков, ничего не замечая, продолжает говорить:

— Изо всех крупных городов приходят извещения о полном единении с Петроградом. Сибирь откликнулась чуть ли не раньше всех остальных областей... Дон, Кавказ, Крым... Вся земля заодно. Нет разногласия, нет колебаний... Новыми путями решила пойти Россия. И возврата нет!

Единственный выход для вашего величества, по-моему,— заканчивает Гучков,— отречение от власти в пользу наследника-цесаревича. Регентом должен быть Михаил Александрович. Это — мнение исполнительного комитета Временного революционного правительства, всех людей, желающих спасения и блага земле... Спасения от разгрома немецкого, от анархии и бунтов по всей стране.

Николай не сразу дает ответ.

А Рузский, наклонясь к Шульгину, шепчет:

— Это уж дело решенное... еще днем... Акт подписан... Здесь, у меня он в кармане...

Но вот прозвучали первые слова Николая, и окружающие насторожились, затихли. Слышен только скрип пера на бумаге: Нарышкин ловит на лету и вносит в протокол каждое слово государя.

— Я вчера и сегодня целый день обдумывал это дело... и принял решение отречься от престола. До трех часов дня я готов был передать власть сыну, но теперь мне ясно... я чувствую, что расстаться с сыном будет мне тяжело. А быть при нем... конечно, меня не допустят... Жить с мальчиком в разлуке... я не могу!.. Вы это, надеюсь, поймете?

И, помолчав, продолжил:

— Поэтому... я решил отречься в пользу моего брата, Михаила...

Видя, что Николай ждет ответа, заговорил Шульгин.

— Это предложение вашего величества застает нас врасплох. Мы предвидели только отречение в пользу цесаревича Алексея, поэтому я попрошу разрешения побеседо-

вать несколько минут с Александром Ивановичем (Гучковым.— *Л. Ж.*) наедине... чтобы мы могли ответить согласно...

— Что же, я прошу вас... Потолкуйте, вот хотя бы рядом, в помещении... Я подожду... Только должен предупредить вас, господа, мое решение неизменно и обдумано вполне всесторонне. Надеюсь, насиловать воли отца никто не пожелает... Сын мой — больной, слабый мальчик. Без матери, которую, конечно, тоже от него удалят, без меня он не выживет... И снова придется решать вопрос о наследнике трона... Так уж лучше сразу поставить вопрос на твердую почву. Как вы полагаете, Александр Иваныч? — обратился Николай к Гучкову, который, очевидно, усиленно размышлял по поводу сложившейся ситуации.

— Вы правы, государь! — решительно откликнулся Гучков.— Я тоже считаю невозможным какое-либо давление в этой области родительских чувств, опасения за судьбу ребенка... Я лично вмешиваться в проявления отцовского чувства никогда бы не решился...

Слабая улыбка удовольствия мелькнула при этих словах на застывшем лице Николая. А Гучков закончил свою речь словами:

— Я со своей стороны полагаю, что важен переход власти в новые руки... И если мы допускали, что Михаил Александрович может быть регентом до совершеннолетия наследника, почему не принять ему всю власть до конца?

— Я тоже так думаю! — поддержал Шульгин.— Конечно, желание, выраженное вашим величеством, противоречит решению, принятому в Петрограде новым правительством... Но многое говорит именно за последний исход. Несомненно, малолетний государь, разлученный насильственно со своими родителями, не сможет подавить в душе недовольства против тех, кто это сделал... Он затаит недобрые чувства против этих людей... И последствия могут быть очень печальны... Так учит история. Второй вопрос — уже правового порядка: может ли регент принести присягу на верность конституции за малолетнего императора? А при настоящих обстоятельствах подобная присяга необходима! Чтобы потом снова не создалось двойственного положения. Если же на престол взойдет Михаил Александрович, это затруднение отпадет. Он как совершеннолетний должен будет принести присягу и быть монархом конституционным.

— Верно! — согласился Гучков.— Исходя из всего сказанного, мы можем согласиться на изъявление воли вашего величества, чтобы наследство перешло к великому князю Михаилу Александровичу.

— Вот и прекрасно! — спокойно отозвался Николай.— Но... еще один, последний вопрос... Можете ли вы, господа, и те, кто вас послал,— решаетесь ли вы принять на себя нравственную ответственность, дать мне известные гарантии в том, что акт отречения, подписанный мною, действительно успокоит страну, не вызовет новых каких-нибудь осложнений?

— В этом, по чистой совести, мы все уверены, государь! — первый ответил Гучков.

— В этом нет сомнений ни у нас лично, ни у кого из тех, кто нас послал! — подтвердил Шульгин.

— В таком случае... Я вам сейчас вручу акт... Только надо кое-что переделать в нем... исправить согласно нашей беседе...

Николай в сопровождении Фредерикса вышел и в соседнем вагоне исправил прежний текст отречения, заменив везде имя сына именем великого князя Михаила.

Фредерикс отнес акт для переписки на машинке в вагон-канцелярию. Николай вернулся к делегатам, и здесь в томительном молчании прошло около десяти минут, пока вернулся старый царедворец с отречением, написанным на двух небольших листках.

Быстро пробежав еще раз ровные четкие строки, карандашом, бывшим у него в руке, Николай подписал манифест и передал его посланцам народа:

— Вот прочтите.

Ставка

Начальнику Штаба

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны

во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и в согласии с Государственной Думой признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга пред ним повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

НИКОЛАЙ

г. Псков.
2 марта, 15 час. 5 мин. 1917 г.

Несмотря на подавленное настроение, все были взволнованы, когда Гучков кончил чтение.

Николай улыбнулся, и все обменялись рукопожатиями.

— Я только позволил бы себе заметить,— сказал Шульгин.— Здесь, после слов: «заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены»,— тут следует вставить: «принеся в том всенародную клятву»...

Николай слегка повел бровью, но сейчас же согласился.

— Я впишу... отлично... Только так: «принеся в том ненарушимую клятву. Как вы полагаете?

— Так еще лучше, ваше величество!..

Забыв зачеркнуть вверху лишние слова: «Ставка. Начальнику Штаба», он только вписал между строк, что следовало, и затем спросил:

— Больше ничего не надо?

— Нам кажется, не мешало бы переписать второй экземпляр этого важного акта... на одном листке... Также за вашей подписью, государь. А граф как министр двора не откажется скрепить... чтобы соблюсти все формальности в столь серьезном деле. И больше будет гарантий, что один хотя бы экземпляр уцелеет для потомства!

— Верно, вы правы,— согласился Николай.

Фредерикс ушел. Снова воцарилось молчание.

Скоро граф вернулся со вторым экземпляром манифеста. Николай тем же карандашом подписал бумагу, с правой стороны, внизу.

Слева, в углу, граф четко вывел чернилами в две строки:

«Министр Императорского двора
Генерал-адъютант граф Фредерикс».

И расчеркнулся твердо, кудряво, как всегда.

Часы показывали без четверти двенадцать. Царь любезно простился с гостями.

При прощанье зашел разговор: куда желал бы теперь отправиться бывший император?

Сначала у него явилась мысль остаться в Пскове. Но Рузский, получивший в это время известия, что путь на Царское Село сейчас совершенно свободен, предложил:

— Не лучше ли вашему величеству теперь же поспешить к государыне и к детям?

— Да... они больны... Корь у детей! — словно про себя проговорил Николай...— Но нет. Туда сейчас не поеду. Вот когда будет оглашен манифест... когда все там успокоится...

Очевидно, он боялся, что его могут встретить очень недружелюбно царскосельские войска... Он знал, что во время короткой борьбы между восставшими войсками и дворцовой охраной, состоящей из сводного гвардейского батальона и пехоты, два снаряда провизжали над крышей Александровского дворца и разорвались где-то недалеко...

Охрана немедленно сдалась народу... Все успокоилось.

Но если он явится теперь, кто знает, что может случиться?

— Нет! — обрывая тяжелое короткое раздумье, решительно кинул Николай.— Поеду в Могилев.

— В Могилев? Но, собственно... зачем, ваше величество? — прозвучал недоуменный вопрос Рузского.

— Надо проститься! — с наружным спокойствием и кротостью обводя всех красивыми, а сейчас усталыми, воспаленными глазами, коротко, как всегда, и загадочно ответил низверженный монарх.— А потом вот еще с матушкой повидаться хочу. К ней проеду в Киев. И после уж... если можно будет отправиться к семье. Дети все в кори лежат! — снова повторил он негромко...

Наутро, 3 марта, литерный поезд «А» тронулся в обратный путь, на Могилев.

Утром 4 марта на станции Орша к низложенному царю вошел чиновник министерства иностранных дел при Ставке и четко и почтительно доложил:

— Являюсь по поручению господина начальника штаба вашего величества.

— Что еще? Что такое? Что там случилось? — не выдержав, теряя привычно-невозмутимый вид, встревожился Николай.— Говорите скорее. С государыней что-нибудь?.. С детьми? Живы они?

— Успокойтесь, ваше величество. Насколько мне известно, в Царском все тихо и благополучно. Я должен сообщить новости по поводу отречения от престола великого князя Михаила Александровича.

— Как?! Брат отрекся?! — почти выкрикнул Николай, но сейчас же сдержался и, стараясь скрыть нервную дрожь, овладевшую им, продолжил: — Значит... династия совершенно свержена... Или кто-нибудь другой? Говорите, если знаете: как это произошло? Есть у вас текст отречения брата?

— Вот оно, ваше величество! — подавая листок, ответил вестник горя.— Что касается подробностей... Новое правительство еще первого марта вело на всякий случай переговоры с братом вашего величества, если бы вы пожелали передать трон ему, а не сыну... Михаил Александрович был

поставлен в известность, что вступление на трон, даже по вашей воле, но без согласия народа, принесет только много неприятностей ему и осложнит положение в стране... Затем, в пятницу, третьего марта, в Гатчину выехали делегаты нового правительства: князь Львов, Керенский, Родзянко, Караулов. Они повезли ему готовый текст отречения, который в руках вашего величества. После недолгих переговоров текст был подписан его высочеством и немедленно обнародован вместе с отречением вашего величества!..

«Тяжелое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа.

Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего — благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

МИХАИЛ

3/III-1917.

Петроград».

— Теперь, братцы, вы свободны! — отпустив чиновника, обратился Николай к своим конвойцам-казакам, которых собрали к вагону бывшего царя — От генерала Алексеева вы получите дальнейшие указания по своей службе...

Казаки выслушали и молча отсалютовали Николаю... Никто не сказал ни слова, все поспешили выполнить последнее распоряжение прежнего их повелителя, от которого видели так много внимания и получили немало добра...

В тот же день, 4 марта, Николай прибыл в Ставку, принял обычный доклад Алексеева и поселился в ожидании дальнейших событий в доме губернатора, служившем ему и раньше вместо дворца.

Шестого марта около часу пополудни перед собором на городской площади собраны были все войска местного гарнизона... Полки явились под звуки «Марсельезы», с красными развевающимися знаменами... На ружьях и на груди почти у всех солдат — красные ленты...

Генерал-адъютант Алексеев читал войскам оба манифеста: самого Николая и его брата...

Молчание царило по всем рядам, но видно было, что люди волнуются.

И, может быть, волнуясь больше всех, заговорил Николай, в последний раз обращаясь к «своему верному воинству»:

— Вы слышали теперь мою и брата волю... Призываю вас, солдаты, верой и правдой служить новому правительству, чтобы вы могли победить внешнего врага! Это сейчас первое и самое важное дело! А я лично, как убедился теперь, не нужен России, не могу ничего сделать для ее спасения... почему и решил отречься от власти.

Войска по артикулу крикнули громкое «урра!»...

И только особый смысл, особую радость вложили они в этот боевой клич, выражая восторг по поводу того, что случилось. И, подчеркивая этот восторг, сотни медных звонких труб грянули «Марсельезу».

Свита почти вся разбежалась, как крысы с тонущего корабля...

Только неизменная «тройка» — Фредерикс, Воейков и Нилов — неразлучна с низложенным императором.

Относительно двух первых Алексеев посоветовал Николаю:

— Лучше бы их удалить, ваше величество! Солдаты очень дурно настроены против обоих...

Тесть и зять, конечно, немедленно исполнили добрый совет, но по пути в столицу были арестованы Временным правительством.

Один Нилов остался около бывшего царя.

И еще приезд матери внес некоторую отраду в его смятенное сознание.

Она приехала 4 марта вечером. До сих пор Алиса Гессенская стояла стеной между ними. Теперь старуха забыла обиду и приехала сама, не ожидая его в Киеве... Ей захотелось принести утешение сыну...

Встреча была очень теплая... Беседы шли ежедневно, завтракали и обедали они каждый день вместе, собирались то у нее, то у него... И после обеда до поздней ночи шел разговор обо всем происшедшем... Гадалось о том, что ждет впереди сына, его семью и весь род, всю династию...

Ответ на главнейшие вопросы последовал со стороны Петрограда, и очень скоро.

Днем 7 марта Временное правительство под влиянием Совета рабочих и солдатских депутатов постановило:

I. Признать отреченных императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село.

II. Поручить генерал-адъютанту Алексееву для охраны отрекшегося императора предоставить наряд в распоряжение командированных в г. Могилев членов Государственной думы Бубликова, Вершинина, Грибунина и Калинина.

III. Обязать членов Государственной думы, командируемых для сопровождения отрекшегося императора из г. Могилева в Царское Село, представить письменный доклад о выполненном ими поручении.

IV. Опубликовать настоящее постановление.

Восьмого марта в три часа дня в Могилев прибыл поезд с лицами, посланными за Николаем II.

Сам он в это время был в вагоне у матери, Марии Федоровны.

Генерал-адъютант Алексеев взял на себя тяжелую обязанность сообщить царю о прибытии послов Временного правительства и о цели их приезда.

Подготовленный к удару, Николай спокойно произнес:

— Передайте, что я готов выполнить все, что мне прикажут. Вполне всему подчинюсь. Скажите, что я в полном их распоряжении, а кстати, не будете ли добры пригласить прибывших к обеду.

Депутаты, однако, не воспользовались любезным приглашением Николая II, а занялись выполнением всех необходимых формальностей, выяснили состав свиты, которая следует вместе с бывшим императором, и осведомились, какой наряд будет им дан для охраны поезда.

После завершения всего этого был подан поезд литеры «А», состоящий из десяти вагонов при двух паровозах, охраняемый десятью чинами железнодорожного батальона.

После вагона-мастерской и багажного шел вагон для коменданта поезда полковника Гомзина, инженера Ежова и канцелярии. В нем разместились: бывший гофмаршал князь Долгоруков, генерал Нарышкин. В следующем — свитском — ехали: флигель-адъютант герцог Лейхтенбергский, полковник Мордвинов, лейб-медик профессор Федоров и другие чины свиты.

Нилову не было позволено следовать в этом поезде.

Пятый вагон — опочивальня и кабинеты бывшего царя и царицы. Шестой — вагон-салон и столовая. Седьмой — кухня. Восьмой — провизионная; девятый — для прислуги и конвоя и, наконец, десятый — прицепной, для комиссаров Временного правительства, приехавших арестовать Николая.

Их приглашали в салон-вагон, но они остались в последнем вагоне и только издали видели царя, когда после четырех часов пополудни он вышел из вагона соседнего поезда, где был у матери, и прошел в свой поезд...

На нем была форма 6-го кубанского батальона пластунов с алым башлыком на плечах... Сохраняя наружное спокойствие, Николай шел мимо небольшой кучки офицеров и публики, явившихся взглянуть на отъезд низложенного царя.

Отвечая на салюты военных, бывший государь держал одну руку у края черной папахи, а другою безотчетно покручивал ус, по своей обычной манере...

Гробовое молчание царило в публике все время, пока он шел к вагону.

Только Нилов, ринувшись к своему другу, схватил руку Николая и поцеловал на прощанье.

Николай быстро вскочил в вагон... Подошел к окну и стал глядеть на окна поезда матери-царицы, которая тоже из окна прощалась со своим несчастным первенцем, неудачником-царем...

Вдруг внимание его привлекла кучка молодежи: девушки, гимназисты, делающие ему какие-то знаки руками...

— Что такое? Чего они хотят? Узнай! — приказал он одному из своих конвоиров. Оказалось, дамы и юноши хотели получить автограф от бывшего царя, теперь просто полковника Николая Романова.

Оглядевшись, Николай снял со стены военную карту, разрезал ее кинжалом, висящим у пояса, на несколько кусков, на чистой стороне каждого куска написал: «*Николай*» и передал молодежи, которая живо расхватала исторические клочки бумаги...

В 4 часа 53 минуты поезд плавно тронулся в направлении Царского Села...

На другой день вблизи от последней станции в салоне-вагоне были собраны все служащие и поездная прислуга.

Поцеловав каждого из них, причем они целовали его в плечо, Николай говорил:

— Благодарю за службу. До свиданья... Прощайте!..

Люди были затем отпущены; и не успел поезд остановиться у платформы, как все они соскочили с подножек вагонов, словно опасаясь, что в поезде с ними случится что-нибудь дурное. У многих уже красовались красные розетки на груди...

Когда поезд остановился, Николай спокойно вышел из вагона и в сопровождении князя Долгорукова направился к ожидающему их автомобилю. Поезд был встречен начальником царскосельского гарнизона и поручиком Ванадзе, которым комиссары Правительства сдали арестованного бывшего императора согласно полученной инструкции.

Кроме князя Долгорукова одиночество бывшего государя пожелали разделить только Нарышкин и Мордвинов; остальным не хотелось испытывать режима, связанного с арестом во дворце...

Как и в Могилеве, небольшая группа любопытных молчанием встретила и проводила бывшего царя...

Молчал всю дорогу и Николай... И только когда показалась ограда Александровского дворца, он видимо заволновался, лицо его то краснело, то бледнело, но он не проронил ни звука.

У въезда во дворец часовые отдали честь полковнику Романову и генерал-адъютанту и просили о б о ж д а т ь у входа, пока явится караульный начальник, которому пойдут доложить о прибытии узника-царя...

Прибывшие молча подчинились...

Караульный не торопясь пошел за начальником; так же спокойно вышел из ворот начальник караула прапорщик Верик, и с его разрешения автомобиль подъехал к подъезду № 1.

Полковник Николай Романов проследовал в подъезд.

В передней в это время находились: обер-гофмейстер граф Бенкендорф, командир запасного батальона 1-го стрелкового полка штабс-капитан Аксют, комендант дворца штабс-ротмистр Коцебу, адъютант запасного батальона 1-го стрелкового полка прапорщик Верик, дежурные офицеры, прапорщики Лабенский, Клечковский и Калинин.

Николай II вошел нервно-торопливой походкой. Боится участи.

На его неподвижном, землистого цвета лице и в выражении тревожно и быстро окинувших всех глаз было заметно сильное волнение, похожее на замешательство.

Он энергично пожал руку графу Бенкендорфу, порывавшемуся было, но так и не успевшему что-то сказать, остальным небрежно кивнул и почти взбежал по ступеням лестницы, ведущей в верхние этажи дворца, в помещение, отведенное для арестованного императора.

Навестив больных детей, Николай пожелал узнать об аресте Алисы, с которой ему не разрешили видеться.

Вот что услышал он от фельдфебеля Деревенько, дядьки Алексея.

Совет министров узнал, что вопреки данному на словах обещанию Николай и Алиса обмениваются шифрованными телеграммами из Могилева в Царское Село и обратно. Это и побудило Совет министров издать постановление об аресте.

Девятого марта около 10 часов утра главнокомандующий Петроградского округа прибыл в Царское Село в сопровождении адъютанта прапорщика Долинского и около половины одиннадцатого явился в Александровский дворец вместе с начальником царскосельского гарнизона полковником Кобылинским и комендантом Царского Села подполковником Мадневым. Навстречу прибывшим вышел граф Бенкендорф, предложивший генерал-лейтенанту Корнилову и лицам, его сопровождавшим, подняться в верхние внутренние покои Александровского дворца, обычно занимавшиеся детьми царской фамилии, ныне ввиду карантина переведенными в нижние покои. Граф Бенкендорф просил главнокомандующего обождать некоторое время и удалился

доложить о прибытии генерал-лейтенанта Корнилова Александре Федоровне. Тотчас же к главнокомандующему вышла Александра Федоровна, в черном, наглухо закрытом платье, и, ни с кем не здороваясь, сохраняя наружное спокойствие, предложила всем сесть.

Первый вопрос бывшей царицы был обращен к Корнилову. Стараясь не глядеть в глаза генерал-лейтенанту, Александра Федоровна сказала тихим голосом:

— Чем могу служить и чему обязана вашим визитом?

Главнокомандующий, поднявшись с места, ответил:

— Я здесь по поручению Совета министров, решение которого я обязан вам сообщить и выполнить его.

Александра Федоровна встала и произнесла громко:

— Говорите, я вас слушаю.

Главнокомандующий стал читать постановление Совета министров о лишении свободы Александры Федоровны, и когда он дошел до места о том, что в Могилев отправлены депутаты для ареста царя, Александра Федоровна, слушавшая постановление Временного правительства низко наклонив голову, сказала:

— Не продолжайте.

Корнилов, однако, прочел постановление до конца. Бывшая царица попросила генерала Корнилова удалить всех присутствовавших и остаться с нею наедине. Она обратилась к нему с несколькими просьбами. Бывшая царица прежде всего спросила, как будет поступлено с ее детьми, будут ли они иметь возможность пользоваться врачебной помощью и какова судьба дворцовой прислуги. Корнилов заявил, что врачи беспрепятственно будут допускаться в покои Александровского дворца при непременном условии, что их должна сопровождать охрана. Дворцовая прислуга будет уволена, несмотря на убедительные просьбы Александры Федоровны оставить хотя бы часть ее (она объяснила свое желание тем, что дети привыкли к прислуге). Корнилов не возражал только в отношении фельдфебеля Деревенько, находившегося при бывшем наследнике Алексее Николаевиче безотлучно, и разрешил ему остаться во дворце.

После переговоров о прислуге генерал-лейтенант Корнилов удалился из покоев бывшей царицы и распорядился о размещении караула, обязанности которого несет 1-й Царскосельский полк. По распоряжению главнокомандующего

прерывается всякое телеграфное сообщение с Александровским дворцом; причем как бывшей царице, так и ее детям воспрещаются какие бы то ни было разговоры по телефону. Строгому контролю также подвергается переписка царицы.

Вместе с бывшей царицей в Александровском дворце остался лишь бывший обер-гофмаршал граф Бенкендорф; личный же секретарь Александры Федоровны граф Апраксин, несмотря на разрешение генерала Корнилова, не нашел нужным остаться во дворце, так как генерал поставил условием оставления во дворце арест лица, которое пожелало бы этим воспользоваться.

Наблюдение за правильным выполнением инструкций, предложенных главнокомандующим, возложено на коменданта Царского Села подполковника Маннова.

Генерал Корнилов выехал из дворца около двенадцати часов дня, пробыв в нем более часа...

Здоровье детей несколько ухудшилось. Наиболее серьезно положение старшей дочери, Ольги Николаевны, у которой все время держится высокая температура. В особом покое лежит и фрейлина Вырубова, больная корью.

Лишение свободы как для бывшей царицы, так и для окружающих ее царедворцев оказалось полной неожиданностью. Постановление Совета министров состоялось лишь накануне поздно вечером, а опубликовано было вчера утром, но газеты были доставлены в Александровский дворец уже после того, когда было объявлено об аресте бывшей царицы генералом Корниловым.

Порядок охраны установлен следующий.

Для несения караульной службы дворца назначаются четыре местных полка, несущие службу по очереди с четвертого на пятый день. Во дворце оставляется всего три подъезда из их большого количества: первый, четвертый и «кухонный».

Все остальные двери к подъездам наглухо запираются, и ключи от них вручаются караулу. Караулы устанавливаются как внутри, так и вокруг дворца и маленького садика, где происходят прогулки всех проживающих во дворце лиц. Прогулки разрешаются от восьми часов утра до шести часов вечера. Правом входа во дворец во всякое время дня и ночи пользуется сейчас лишь один человек — исполняющий обязанности коменданта Александровского

дворца. Если кто-либо из часовых его не знает, то он обращается к караульному начальнику за разрешением пройти во дворец.

Кроме того, правом приезда во дворец пользуются в случае крайней необходимости специалисты-врачи и старшие техники — водопроводчики, электротехники и т. п. Все эти лица допускаются во дворец с разрешения коменданта, причем при них все время находится караульный офицер или часовые.

Все продукты и жизненное довольствие дворца подвозятся к кухонному подъезду, и в присутствии дежурного офицера из караула производится их прием и выдача во дворец. Все продукты вначале сдаются во дворик, прилегающий к кухонному подъезду. Здесь они подвергаются строгому контролю дежурного офицера, а затем передаются во дворец. Точно такой же контроль устанавливается и для предметов, которые должны быть переданы из дворца в город. Письма и газеты пока запрещены к доставке во дворец. Предполагается, однако, разрешить получение газет; что же касается писем, то они должны быть подвергнуты каждый раз строгому просмотру.

Во дворце в настоящее время проживают, кроме низверженного царя и царицы, царские дети, свита Николая и государыни — обер-гофмаршал Бенкендорф, фрейлина Вырубова, фрейлина графиня Гендрикова, два врача, свыше пятидесяти человек прислуги, мастера по самым разнообразным ремеслам, заведующий станциями и другие.

Все телефонные сношения с дворцом прекращены. Оставлены лишь четыре телефона: два у ворот дворца и два в караульных помещениях, причем ими имеют право пользоваться исключительно чины караула. Слухи об обнаруженной во дворце радиотелеграфной станции неверны. Во дворце был провод к центральной станции, но действие его прекращено.

Выслушав подробный доклад верного Деревеньки, Николай помолчал, потом проговорил устало:

— Хорошо. Потом мы еще потолкуем. Поди узнай: могу я выйти на воздух, погулять? Засиделся я в вагоне...

К начальнику караула немедленно явился дежурный камер-лакей и привычно-чинным тоном, отчетливо доложил:

— Бывший император хочет совершить прогулку по дворцовому саду и просит дежурного офицера взять ключ и находиться в саду при прогулке.

Прогулка бывшего государя продолжалась минут сорок. Низложенный император одиноко ходил по занесенным снегом пустынным дорожкам сада, угрюмо и сосредоточенно куря папиросы...

Через некоторое время в караул вошел камердинер и передал собственноручно написанную Николаем II телеграмму его матери, Марии Федоровне.

Телеграмма гласила:

«Приехал благополучно. Не беспокойся... У Марии тоже корь... Всех нашел в хорошем состоянии... Мысленно с тобой. *Николай*».

В Вербную субботу 24 марта во дворец были приглашены настоятель Федоровского собора митрофорный протоиерей Беляев, диакон и четверо певчих. Они пробыли во дворце до двух часов дня Святой Пасхи (до этого времени выход из дворца им был воспрещен), служили всю Страстную неделю и Христову заутреню во дворцовой походной церкви.

Бывший царь с супругою стояли первыми посередине храма. Николай был одет в военную форму со знаком святого Георгия на тужурке. Александра Федоровна, бледная как полотно и похудевшая, но все еще сохранявшая властный вид, была в костюме сестры милосердия.

В первый раз отрекшийся царь с супругою присутствовали на богослужении, за которым не упоминались их имена. На ектениях и за большим выходом, а также и в других местах читалось и произносилось: «Богохранимую державу Российскую и благоверное правительство ея».

Тридцатого марта, когда население и гарнизон Царского Села хоронили борцов, павших за свободу, Николай Романов, находившийся в это время на прогулке в парке Александровского дворца вместе с бывшим гофмаршалом князем Долгоруковым и дочерью Татьяной, обратился к караульному офицеру с двумя вопросами.

— Объясните,— спросил он,— почему артиллерия не салютовала при опускании жертв в могилу, почему процессия так поздно подошла к братской могиле?

Многочисленные войска царскосельского гарнизона и население Царского Села в этот момент стройными колоннами проходили мимо Александровского дворца с сотнями знамен и музыкой, провожая борцов за свободу к месту их вечного упокоения. Главные ворота дворца были в это время открыты, и Николаю предоставлялась возможность наблюдать величественную картину гражданских похорон жертв революции.

В Страстную субботу вся семья бывшего царя, за исключением Ольги и Марии, причастилась Святых тайн. Потом Николай с Татьяною и Долгоруковым совершил прогулку. Дойдя до китайской беседки, они попросили ломы, а когда их получили, стали скалывать лед, делая сток для ручейка. Татьяна была в высоких сапогах и принимала деятельное участие в работе.

Появление бывшего государя собрало у ограды сада большую толпу любопытных.

Николай Романов все время шутил с офицерами, Татьяна также поддерживала разговоры, в шутку предлагая офицерам взяться за ломы...

В тот же день около семи вечера к дворцу подъехали на автомобиле две дамы и попросили дежурного офицера.

К ним вышел прапорщик Жонголович. Одна из дам пригласила его в автомобиль, и когда он это сделал, дама, закрыв дверцы, спросила:

— От кого зависит передать посылку во дворец — от караульного начальника или от дежурного офицера?

Жонголович сказал, что это зависит от него, и тогда ему была передана посылка, в которой находилось семь красных мраморных яиц с золотыми ободками, и в той же посылке лежала визитная карточка с надписью «Христос воскресе! Тетя Ольга и Елена».

Одна из дам была, по-видимому, королева эллинов.

Посылка была передана по принадлежности.

После заутрени близкие люди были приглашены к столу, который был очень скромен. Беседы велись вполголоса, без оживления, и через полчаса все разошлись.

Утром первого дня Святой Пасхи Николай прочел газеты, а в половине первого пополудни состоялось обычное поздравление их бывших величеств прислугой. Всем раздавали фарфоровые яйца с инициалами *«Н. А.»*

Однажды Николаю объявили, что представители Совета рабочих и солдатских депутатов хотят его видеть хотя бы издали. Оказалось: исполком Совета получил сведения о том, что Временное правительство решило отправить Николая II с его семьей в Англию. Совет рабочих и солдатских депутатов постановил: принять меры к недопущению этого. В Царское Село немедленно была командирована рота солдат с офицерами и пулеметами под начальством С. Д. Масловского, облеченного чрезвычайными полномочиями.

После переговоров с царскосельским комендантом и начальником гарнизона Масловского пропустили в Александровский дворец, причем ему был представлен подробный план последнего.

Дабы дать возможность убедиться Масловскому, что Николай находится во дворце, условились, что бывший царь через десять минут пройдет по коридору.

Николай, проходя мимо Масловского и окружавших его офицеров, был, по-видимому, смущен, приостановился, как бы желая что-то спросить, и пристально взглянул на Масловского. Однако вопроса не задал, а прошел дальше. Бывший царь был в кителе, без оружия. Масловский тщательно осмотрел, как организована охрана дворца. Он убедился, что она надежна и что всякая возможность бегства бывшего царя устранена, о чем и доложил по приезде в Петроград исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов.

В другой раз не такую тревожную, но еще более горькую минуту пришлось пережить Николаю.

Во время смены караула новый караульный начальник, приложив руку к козырьку, отрекомендовался стоящему тут же Николаю. (Во время смены караула сменяющийся караульный начальник сдает вступающему арестованных Николая и Александру, для чего они являются с докладом к дежурному офицеру.)

— Начальник караула прапорщик такой-то! — отчеканил дежурный офицер.

Николай, отняв руку от козырька, протянул ее офицеру. Последний, сделав два шага назад, сказал:

— Господин полковник, было время, когда русский народ простирал к вам свои руки, но вы оттолкнули их. Те-

перь я как сын этого народа не считаю возможным взять вашу руку.

Николай с протянутой рукой сделал шаг вперед и сказал едва слышно:

— Забудьте прошлое.

Проверить, как живет и содержится бывший государь, пожелал и обер-прокурор империи, гражданин-министр из партии социал-революционеров.

21 марта А. Ф. Керенский выезжал в Царское Село с целью ознакомиться на месте с порядком как внутренней, так и внешней охраны дворца. Вместе с министром отправился в Царское Село и новый комендант Александровского царскосельского дворца подполковник Коровиченко.

В сопровождении коменданта Коровиченко, помощника комиссара министерства двора, начальника царскосельского гарнизона и коменданта Царского Села министр лично обошел все помещения Александровского дворца. При обходе разъяснения давали бывший обер-гофмаршал граф Бенкендорф и князь Долгоруков.

Затем министр юстиции лично осведомился у бывшего императора и его семьи об их здоровье и времяпровождении и получил вполне удовлетворительные ответы.

Порядок внешней и внутренней охраны был признан министром вполне удовлетворительным, причем им были даны некоторые дополнительные инструкции лицам, ведающим охраной Александровского царскосельского дворца.

Затем Керенский прошел в помещение госпожи Вырубовой и сделал распоряжение о немедленной ее изоляции, о прекращении с нею сношений всех лиц, содержащихся в Александровском дворце, и о переводе ее в течение ближайшего срока из дворца в другое помещение. При вторичном приезде Керенского в Александровский дворец Николай Романов старался заговорить с ним на политические темы.

Керенский между прочим рассказал Николаю о похоронах жертв революции в Петрограде.

— Разве вы, полковник, с вашей сильнейшей организацией, полицией, охранкой, смогли бы установить такой порядок? — заметил Керенский.

После минутной паузы Николай заметил:

— Вы правы.

Зашел разговор о некоторых бывших министрах — государственных преступниках, против которых имеется ряд серьезных документов, изобличающих их в преступной деятельности.

Николай спросил:

— А может быть, документы подложны?

Вот как описывают очевидцы жизнь царскосельских узников.

Бывшая царская семья помещается по-прежнему в покоях верхнего этажа дворца: на левом крыле комната Николая, на правом — Александры Федоровны и дочерей.

В нижнем этаже помещаются кабинет, библиотека и другие комнаты для работы, но в них бывший царь теперь не бывает.

Вход и выход для царской семьи установлен только один, по крыльцу, ведущему в покои дворца. Когда Николай Романов выходит на прогулку, часовые берут на караул. На приветствие бывшего царя часовые отвечают: «Здравия желаем, господин полковник». Так же отвечают на приветствия Николая и караульные офицеры. Бесед на политические темы во время прогулок он избегает. Говорит о погоде, интересуется судьбой той воинской части, к которой принадлежит как офицер.

Бывшего царя, очевидно, связывает с князем Долгоруковым особая дружба. С ним он не расстается. Для царскосельских узников прогулки разрешены два раза в день, в одиннадцать часов утра и в три часа дня. Прогулки длятся по тридцать минут, иногда доходят до часа. На всех прогулках Николая сопровождает князь Долгоруков.

До наступления оттепели, когда парк еще был покрыт толстым слоем снега, Николай занимался расчисткой снега. На прогулку он брал с собой лопату и вместе с князем Долгоруковым расчищал дорожки. Когда снег в парке растаял, бывший царь колол лед у озера

Дети по-прежнему больны. У Ольги Николаевны прошла корь, но она заболела ангиной в острой форме. Мария Николаевна после кори заболела воспалением легких. Алексей оправился от кори, стал выходить, но нечаянно поскольз-

нулся, упал, зашиб себе руку и снова слег. Кроме этого, он страдает бронхитом. Теперь врачи разрешили ему встать с постели.

Успела оправиться после кори Анастасия Николаевна, но и она заболела воспалением легких. Кризис миновал, и она находится на пути к выздоровлению И только Татьяна все время чувствует себя хорошо и ходит с отцом на прогулки.

Как-то она обратилась к караульному офицеру:

— Нельзя ли, господин офицер, снять вас с отцом?

Офицер согласился. Получился любопытный снимок: царскосельский узник оказался запечатленным рядом с караульным офицером, надзирающим, чтобы бывший царь не бежал...

Изредка Николай Романов пытается вступить в разговор с чинами караула. На днях он обратился к часовому, у которого в петлице виднелась красная ленточка, с вопросом:

— Что это за ленточка?

— Знак народной победы, господин полковник! — отчеканил солдат сводного гвардейского батальона.

Низложенный монарх сжал губы и заметным усилием воли потупил сверкнувший в глазах гневный огонек.

В другой раз он с улыбкой спросил у караульного:

— Выйти отсюда мне можно?

— Никак нет, господин полковник. Запрещено.

— А если я все-таки захочу выйти, несмотря на запрещение. Что ты со мною сделаешь?

Солдат твердо ответил.

— Если понадобится, пущу в ход оружие!.

Бывший царь посмотрел внимательно на решительное, энергичное лицо воина и пробормотал:

— Ты хорошо знаешь дисциплину...

— Я хорошо знаю долг перед родиной! — произнес часовой.

Больше, как передают, низложенный монарх не пытался беседовать с караульными, тем более что его просили в разговоры с часовыми не вступать, ибо это запрещено уставом.

Александра Федоровна с совершившимся переворотом мирится, по-видимому, менее, чем ее муж. Она часто громко рыдает, и врачу то и дело приходится принимать меры против ее сильных истерических припадков.

Изредка доносятся ее довольно резкие «выговоры» на английском языке супругу, которого, как говорят, она укоряет в слишком поспешном отречении от престола.

А между тем в день прибытия бывшего царя Александра Федоровна с горьким плачем бросилась ему на грудь и говорила:

— Прости меня! Я виновата в том, что случилось...

— Нет, это моя вина,— успокаивал ее Николай

Теперь же она, по-видимому, склонна во всем происшедшем винить кого угодно, только не себя.

Сын Николая, как и его дочери, понемногу поправляется от болезни.

Алексей сразу не отдавал себе полного отчета в происшедшем, так как родители, щадя его слабое здоровье, старались не огорчать сына заявлением, что царствовать ему уже не придется. Но многое наводит его на мысль, что случилось что-то непоправимо-роковое. Он то и дело задает вопросы: «Почему к нам не приезжают ни министры, ни генералы? Отчего у нас так тихо? Скоро ли мы опять поедем на войну?»

Ответы его не удовлетворяют, и он часто раздражается. В юном цесаревиче чувствуется деспотическая жилка.

Когда у Вырубовой нечаянно вырвалась фраза: «Карaульный начальник не позволит»,— Алексей раздраженно крикнул:

— Пусть только посмеет! Я его прикажу расстрелять...

К счастью для России, ребенок с такими многообещающими задатками на трон не сядет.

Дворец охраняется усиленным караулом надежных и верных освобожденному народу воинских частей, расположенных в Царском Селе.

ЗАВТРА

Так живет низверженный царь с е г о д н я.

Что ждет его з а в т р а, после Учредительного Собрания и счастливо оконченной войны, после того, как Россия под сильной благодетельной рукой новой, народом поставленной власти заживет свободно?

И мне рисуется цепь островков на Эгейском море... Вроде Корфу, который так любила покойная германская императрица...

И этот островок населен необычной публикой...

Ряд красивых дворцов... Над каждым — штандарт, каких уже нет нигде в Европе...

На одном — лукавый австрийский орел, на другом — кровожадный, тяжелый, весь ощетиненный железным оперением прусский хищник. На третьем — двуглавый, византийско-московский... Тяжелый и рыхлый...

И под этими штандартами, под крышами полупустынных дворцов доживают свои дни со всею семьей, с небольшой кучкой челяди и придворных лизоблюдов три сверженных самодержца — Вильгельм, Николай и Карл...

А на соседних островках в более скромных виллах ютятся их «соратники»: султан Махмуд, Фердинанд Кобург и несколько других...

Миноносцы и крейсера ходят вокруг, следят, чтобы не скрылись с островов, из своей почетной тюрьмы бывшие владыки земли...

А народы их, раньше рабы и твари, а теперь вольные люди, изредка пробегают глазами газетные известия: «Алиса Гессенская, по мужу — Александра Романова, в мире опочила... Тихо умерла...»

«Карл Габсбург скончался вскоре после Вильгельма Гогенцоллерна, оставив после себя многомиллионное наследство...»

И таким образом угаснут бесславно и бесшумно последние потомки последних угнетателей народа на земле!..

Ц. Село.
Май, 1917 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Начальник Штаба
Верховного
Главнокомандующего
8 дек. 1915 г.
№ 15966

Господину Военному Министру.

...Главнокомандующий армиями Ю. Западного фронта, ген. л. Саввич приказал принять меры для точной регистрации в частях войск относительно без вести пропадающих евреев и обо всех случаях исчезновения сообщать в штаб фронта с указанием места жительства, где проживал перебежчик-еврей до призыва. Для прекращения бегства будут приниматься карательные меры по отношению к родным и имуществу без вести скрывшегося еврея.

Подписи: Ген. от инфантерии *Алексеев.*
Дежурный генерал,
ген. л. *Кондзеровский.*
Штаб-офицер
для делопроизводства
полк. *Кондзеровский.*
И. о. старшего адъютанта
подпол. *Влахопуло.*

Начальник Штаба
Верховного
Главнокомандующего
5 августа 1915 года
№ 1380

Его Высокопревосходительству
М. В. Алексееву
Главнок. Армиями Северн. фронта

Милостивый государь,
Михаил Васильевич!

В дополнение телеграмм от 6 марта за № 7513 и от 22 апреля за № 629 препровождаю при сем Вашему Высокопревосходительству полученный от Начальника Ген. Штаба перечень вопросов об отношении евреев к настоящей войне с просьбой не отказать в распоряжении разослать этот перечень в части фронта и затем направить весь подлинный материал в Главное Управление Генер. Штаба по мобилизационному отделу.

...По окончании войны придется самым серьезным образом обсудить вопрос о возможности дальнейшего оставления евреев в рядах армии или ...о сокращении числа их в войсковых частях...

Н. Янушкевич

При этом вопросник за подписью: и. д Начальн. Мобилизацион. Отдела Гл. Управл. Штаба, генерала Аверьянова.

Такая же бумага от Начальника Санитарн. части Армии Юго-запад. фронта, т. советн. Яницкого, от 5 сент. 1915 г. № 3050. Скрепил Нач. Хоз.-Администр. отд. д. и т. сов. Лобасов.

Тон второй бумаги — еще более решительный и враждебный к целому народу, посылавшему детей своих лить кровь на защиту России вместе со всеми другими народами этой земли.

Затем существует еще более яркий документ, ведущий все к той же определенной цели: натравить одну народность на другую и таким образом ослабить назревающее волнение и протест против подгнившего режима. Вот он:

Начальник 1-й пехотной
запасной бригады
8 июля 1915 года
№ 7383
Чугуев-Лагерь

Командиру 31-го пехотного
запасного батальона

Ни от кого не тайна, что каждый жид всевозможными средствами подло стремится освободиться от военной службы, даже совершенно посторонние честные люди обличают их в подделке, и никогда раньше, как теперь, нравственный облик этого народа еще не определился с большей ясностью; в то время как русский солдат с глубоким чувством патриотизма, сознавая свой долг перед Царем и Родиной, самоотверженно проливает свою кровь на поле брани, жид своими ухищрениями всячески избегает стать в ряды русской армии на защиту своей родины, надеясь таким образом обмануть всех; а после окончания войны снова начнет требовать равноправия, якобы за действительное участие в защите отечества вместе с русскими людьми.

С особым усердием офицерам необходимо теперь же приняться за искоренение этого жидовского зла в русской армии, заражающего также и русского солдата; не устрашающими мерами, не угрозами надлежит действовать в этом случае, а только живым словом и убеждением, приводя неопровержимые доказательства вредности и бесполезности их ухищрений, разъяснить им, какую пропасть они роют себе и своему племени.

В нынешнюю отечественную войну все многочисленные народы, населяющие Россию, однако кроме евреев, сплотились воедино для защиты своего отечества, настолько тесно слились за общим делом, что совершенно позабыта всякая национальная рознь. Этот важный исторический момент, если бы им воспользовались честно евреи, мог бы сыграть великую роль в восстановлении доброго имени еврейского народа, и никогда, а только лишь теперь у них является возможность доказать свое человеческое достоинство и добиться того желаемого ими равноправия, о котором они вечно мечтали и о чем кричат на всех перекрестках, якобы несправедливо обиженные. Еще не поздно, пусть опомнятся, пусть честно примутся за дело, пусть не

теряют ни одного случая доказать свою привязанность и любовь к отечеству, и тогда они сами поймут и убедятся, что ни один пример беззаветной доблести и отваги честного бойца за родину не останется незамеченным и не пропадет бесследно ни для них самих, ни для будущего поколения. Пусть не обманом, а честными поступками приобретут они право сказать: «мы проливаем свою кровь за родину» — и родина их не забудет. Офицеры должны внушительно выяснить евреям-солдатам, что несомненно настанет то время, когда окончится война, возвратится русский солдат из действующей армии на родину, расскажет своим добрым соотечественникам о том, к чему стремились и как изощрялись русские жиды, измышляя различные способы, чтобы безнаказанно уклониться от участия в защите родины, и это теперь не тайна не только от военных, но даже частных людей, то тем более и тогда назревающая народная ненависть и злоба против них должны будут найти себе выход и эта опасность неизмеримо будет страшней той, которой они могли бы подвергнуться, честно исполняя свой долг на военной службе, ибо тогда народный гнев неизбежно коснется не только тех, которые своими преступными делами в пользу неприятеля запятнали себя, и ни в чем не повинных ихних родителей и детей.

Все изложенное прочтите офицерам и дайте им свои указания, как требуется нести службу.

Подлинный подписал:
Командующий бригадою,
Генерал-лейтенант
Жданович

С подлинным верно:
Батальонный адъютант
31-го пехотного
запасного батальона
Прапорщик *(подпись).*

Немедленно сказались и результаты этой «внушительной инструкции», пахнущей застенком палачей.

Вот копия «всеподданнейшей жалобы», принесенной на имя бывшего царя-батюшки евреями — братьями Ф. и Л. Соболь.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Смиренно припадаем к стопам... с просьбой внять мольбам сыновей невинно убитого отца нашего.

В пятницу 11 сентября 1915 г. в квартиру нашего отца, постоянно проживающего в м. Сморгони, Ошмянск. у. Виленск. г., явился в сопровождении казака неизвестный казачий офицер и спросил: почему мы, несмотря на отданное военными властями распоряжение об оставлении Сморгони, продолжаем здесь оставаться?

Находившийся в это время дома брат Лейба ответил, что он не знает, что ему делать. Наш отец, Абрам Шлём Соболь, тяжелобольной, лежит в постели. Лейба не может покинуть на произвол судьбы старого, больного отца.

Неизвестный нам офицер пожелал видеть больного, и Лейба повел его в комнату, где лежал наш отец.

Зайдя туда, офицер выстрелом из револьвера убил нашего отца, сказав при этом:

— Ну, теперь — ты свободен и можешь идти!

И заставил Лейбу уйти, не дав ему возможности предать земле прах убитого отца!

Ваше Императорское Величество! Невыразимо тяжка наша боль, ничем не вознаградима потеря дорогого отца. Но память невинно убитого старца, родителя нашего, взывает к нашей совести! Требует от нас принятия всех мер, чтобы раскрыть виновника убийства, злодея, лишившего старика-отца жизни.

Молим Ваше Императорское Величество повелеть соизволить: надлежащим властям произвести расследование обстоятельств этого преступного дела для предания виновного каре законов.

Верноподданные Вашего Императорского Величества...

Файвиш и Лейба Соболь

Конечно, эта мольба осталась без отклика.

Мало того! Благодаря натравливанию главных начальствующих лиц, чьи имена мы читали выше под позорными циркулярами, в армии сорганизовались шайки погромщиков, которые с десятого июля 1915 года по октябрь произвели ряд отвратительных насилий над десятками еврейских поселений.

Вот их краткий перечень: в Ковенской губернии разгромлено всего пятнадцать местечек: Суббоч, Оникшты, Вольник, Лотово, Вишуны, Трашкуны, Лобейки, Вышинты, Боболишки, Коварск, Ракишки, Абели, Солоки, Шимонец и Видзы; в Виленской губернии разгромлено девятнадцать местечек и сел: Маляты, Гедройцы, Ошмяны, Вилейка, Жесли, Евье, Подберезье, Поставы, Козяны, Германицы, Илья, Крев, Засковичи, Венницы, Красное, Даниловичи, Лебедево, Глубокое (два раза громили), погром в Сморгони и в самой Вильне.

Гродненская губерния — погром в самой Гродне, в местечках: Цехановке и Скиделле.

Волынская губерния — Локачи, Калки, Березницы, Коверцы, Млынов, Пурицк. Особенно сильный погром — в Чарторыйске.

Минская губерния — погромы особенно жестокие в двадцати городах и местечках Борисовского уезда, в Докшице, Хатаевичи, Пискурно, Брезино, Березиновка, Теруны, Вытяницы, Небышно, Склянцы, Забарье, Толщи, д. Вилейка, Вески, Околово, Богемля.

Пинский уезд: Лунинец, Телеханы, Бобруйск, ст. Руденск.

Неслыханное зверство проявили казаки-погромщики на Огинском канале, в Лемешевичах.

Здесь, на барках, желая спастись от гибели, собралось несколько сот евреек с детьми и стариков.

Подученные своими черносотенными начальниками, казаки являлись сюда в течение нескольких дней, отобрали все, что было ценного у беззащитной толпы.

Красивая еврейка, Алта Лившиц, и другая, Лея Флаксман, замужняя, на третьем месяце беременности, подвергались насилиям казаков, которые производили эту гнусность партиями по сорок человек, поочередно!!

Обе женщины сошли с ума.

Девушку, Сарру Кнубовец, изнасиловали поочередно пять человек, пять зверей в человеческом образе!

Не помогали ни слезы, ни мольбы.

Наконец, явились другие солдаты, пехотинцы, которым показалось отвратительно такое зверство, и они выстрелами отогнали насильников!

Но бедняки были ограблены уже до нитки, и все женщины, девушки — опозорены, замучены.

Такой ужас заставил призадуматься даже некоторых из высшего начальства, у которых еще тлела искра человечности в душе.

И вот какое отношение было послано по телеграфу (копия телеграммы генералу Душкевичу):

«Для предварительной проверки жалоб на безобразное поведение чинов некоторых частей и особенно обозов Верховным Главнокомандующим посланы были генерал и следователь с надлежащими полномочиями.

Уже теперь добыты данные для привлечения к ответственности командующего 15-й кавалерийской дивизии, ген. майор. Петерса, в допущении грабежа в м. Докшицах, а также некоторых начальствующих лиц 4-го Сибирского корпуса, 8-й кавалер. дивизии, 20-го и 54-го донск. казачьих полков и некотор. друг. частей.

Вслед за сим в армию прибудут Следственные Комиссары для разбора всех еврейских жалоб и предания суду виновных.

При сем — приказано применить самые суровые меры, невзирая на ранги как непосредственно виновных, так и допустивших беспорядок начальников.

Еще раз приказываю немедля принять строгие меры для устранения еврейских справедливых жалоб на части и особенно почистить свои тылы.

В обозах много лишних людей и повозок.

При них таскаются семьи служащих, возится незаконно приобретенное (читай: награбленное у евреев.— *Л. Ж.*) имущество, экипажи, кареты, мебель.

Все это якобы для нужд частей, но в действительности армии не нужное и часто краденое!

В обозах не иметь ни одной лишней повозки, а в повозках ни одной казенной вещи.

Наибольшее число жалоб имеется на казаков корпусной конницы. Их надо подобрать.

Подписи:

Генерал *Литвинов.*
Шт. кап. *Перементов*».

Этот исторический документ лучше всяких воплей говорит о том, что творилось с бесправными, беззащитными людьми только за то, что они — евреи.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Речь Николая II в Зимнем дворце 26 июля 1914 года, обращенная к членам Государственного совета и Государственной думы.

Приветствую вас в нынешние знаменательные и тревожные дни, переживаемые всею Россией. Германия, а затем и Австрия объявили войну России. Тот огромный подъем патриотических чувств любви к Родине и преданности к Престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле Нашей, служит в Моих глазах, да, Я думаю, и в ваших, ручательством в том, что наша Великая Матушка Россия доведет ниспосланную ей Господом Богом войну до желаемого конца.

В этом же единодушном порыве любви и готовности на всякую жертву, вплоть до жизни своей, Я черпаю возможность поддержать свои силы, спокойно и бодро взирать на будущее.

Мы не только защищаем свою честь и достоинство в пределах земли своей, но боремся за единокровных и единоверных братьев-славян... И в нынешнюю минуту Я с радостью вижу, что объединение славян происходит так же крепко и неразрывно со всей Россией. Уверен, что вы все и каждый на своем месте поможете Мне перенести ниспосланное испытание и что все мы, начиная с Меня, исполним свой долг до конца. Велик Бог земли русской!

КОММЕНТАРИИ

ИЛЬЯ ДМИТРИЕВИЧ СУРГУЧЕВ (1881—1956) — русский писатель, прозаик и драматург — родился в Ставрополе в семье крестьянина, переселившегося в город. После гимназии окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1907). Писать и печататься начал в студенческие годы, сотрудничая в ставропольской газете «Северный Кавказ» и петербургском «Журнале для всех». После революции 1905 года сблизился с писателями, группировавшимися вокруг книгоиздательского товарищества «Знание»; в сборниках «Знание» увидели свет некоторые рассказы И. Сургучева и повесть «Губернатор» (1912) — центральное произведение автора. Пьесы И. Сургучева «Торговый дом» (1913) и «Осенние скрипки» (1915) ставились Александринским (Петербург) и Московским Художественным театрами. С 1919 года — в эмиграции: недолгое время жил в Константинополе и Праге, затем в Париже. На чужбине им опубликованы повесть «Ротонда», пьеса «Реки Вавилонские», несколько сборников рассказов, этюды об И. С. Тургеневе и Г. Флобере, воспоминания.

Повесть «Детство императора Николая II», написанная художником на склоне жизни, издана парижским «Возрождением» в 1953 году (на родине впервые напечатана в журнале «Бежин луг», 1992, № 1).

Текст повести печатается по изданию: Илья Сургучев. Детство императора Николая II//Роман-газета. 1993. № 2 (1200).

Стр. 17. *Жуан-ле-Пэн* — курортное местечко на французском побережье Средиземного моря.

Даладье — Даладье Эдуард (1884—1970), лидер французской партии радикалов, премьер-министр Франции в 1933—1934 (с перерывом) и 1938—1940 гг.

...Франция объявила войну Германии. — После вторжения Германии в Польшу (1 сентября 1939) Франция и Великобритания объявили 3 сентября 1939 г. войну Германии.

Французская Ривьера — полоса побережья Средиземного моря; делится на Французскую Ривьеру (от города Канн) — Лазурный берег и Итальянскую Ривьеру — Ривьера-Лигуре. Зона отдыха и туризма международного значения.

Стр. 19. *Иоаннитка* — сторонница Иоанна Кронштадтского (1829—1908), проповедника, настоятеля кронштадтского Андреевского собора. Братство разделяло монархические идеи, проповедовало конец света и Страшный суд.

Бабки — от *бабка*; надкопытная кость сустава ноги у животных, употребляемая для игры в бабки — сбивания бабкой других бабок, расставленных в определенном порядке.

Свинчатка — то же, что бабка, только залитая свинцом.

Стр. 20. *Бобковая мазь* — мазь на бобковом (из плодов лаврового дерева) масле.

Кубеба — лекарственное растение и семя этого растения.

Стр. 21. *Великая княгиня наследница цесаревна Мария Феодоровна* (1847—1928) — будущая императрица, мать Николая II. Дочь датского короля Христиана IX Дагмара-Софья-Доротея, став супругой цесаревича Александра Николаевича (с 28 октября 1866), приняла православие и новое имя — Мария Федоровна. После отречения Николая II от престола выехала в Данию. Скончалась в Копенгагене.

Стр. 22. *Принц Ольденбургский* — Ольденбургский Александр Петрович, генерал-адъютант, попечитель Императорского училища правоведения, дома призрения душевнобольных, Свято-Троицкой общины сестер милосердия, покровитель общества вспоможения нуждающимся ученицам женского училища Терезии Ольденбургской и др.

Аничков дворец — собственный его императорского величества дворец в Санкт-Петербурге, перешедший к Александру II по наследству. Сооружен императрицей Елизаветой Петровной по проекту графа Растрелли. Название идет от соседства со слободой, некогда населенной батальоном морской рабочей команды под началом капитана Аничкова.

М. П. Флотова — Флотова Мария Петровна, камер-фрейлина великой княгини, затем императрицы Марии Федоровны, заведовала гардеробом и драгоценностями.

Стр. 23. *...крылатую фортуну, катящую на одном колесе...* — Фортуна в римской мифологии — богиня счастья, случая и удачи, иногда изображалась на шаре или колесе (символ изменчивости счастья).

...Шли разговоры... о севастопольской войне. — Имеется в виду оборона Севастополя в 1854—1855 гг. во время Крымской войны 1853—1855 гг.

Стр. 25. *...как в последней картине «Ревизора».*— Намек на немую сцену в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Аксельбант — здесь: наплечная нашивка на одежде лакея.

Давид — царь Израильско-Иудейского государства в конце XI в. — около 950 г. до н. э.

Амбре — здесь: запах духов. Первоначально: духи, в которых содержалась амбра, редкое воскообразное ароматическое вещество серого цвета, выделяемое кашалотами.

...с пышным тюрнюром позади — модная в 70-х годах XIX века пышная юбка, сзади снабженная подушечкой из конского волоса (она и называлась tournure) или стальным каркасом, которая поднималась кверху и заканчивалась длинным шлейфом. В 80-х годах был моден тюрнюр без шлейфа под названием «кюль де пари».

Стр. 26. *...великих князей Николая и Георгия* — будущий император Николай II и его брат Георгий (1871—1899).

Ксения — великая княжна Ксения Александровна (1875—1960), сестра Николая II. Жена великого князя Александра Михайловича; после революции — в эмиграции.

Референция — здесь: характеристика.

Стр. 27. *...увидела офицера огромного роста.* — По установленному для великих князей порядку, Александр III со дня рождения числился в Павловском и Преображенском полках. По окончании Первого кадетского корпуса проходил действительную службу — от командира строевой части до командующего гвардейским корпусом.

...наследник престола — я.— Согласно законам Российской империи, наследником престола являлся старший сын императора. Александр Александрович, второй сын Александра II, стал наследником престола после скоропостижной кончины цесаревича Николая в 1865 г.

Стр. 29. *Промедление смерти безвозвратной подобно* — фраза из письма Петра I в Сенат от 8 апреля 1711 г. (перед началом Прутского похода), в котором он требует от сенаторов не медлить с необходимыми распоряжениями, «понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно».

Стр. 30. *Гулливер* — герой романа английского сатирика Джонатана Свифта «Путешествие Гулливера».

Полный пансион — закрытое учебное заведение с общежитием и полным содержанием учащихся.

Стр. 32. *Статский советник* — гражданский чин V класса Табели о рангах.

Бельэтаж — второй снизу, обычно лучший этаж дома в постройках XIX— начала XX века.

Стр. 33. *...«амбре», о котором с таким восхищением говорит в «Ревизоре» Анна Андреевна.*— Анна Андреевна, жена городниче-

го,— мужу: «Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза. *(Зажмуривает глаза и нюхает.)* Ах, как хорошо!» (Действие 5, явл. 1).

Ендова — посуда в виде большой широкой чаши с носком или рыльцем.

«Глядя на луч пурпурного заката...» — начальная строка романса «Забыли вы» П. А. Козлова, поэта и переводчика второй половины XIX века.

Стр. 34. *Гармония поезда* — здесь: мягкое соединение в виде мехов гармонии между двумя вагонами.

...при крушении на станции Борки, в 1888 году. — Речь идет о крушении царского поезда, шедшего в направлении Севастополь — Петербург, на станции Борки 17 октября 1888 г. В результате — 21 человек погиб, 30 получили ранения. Царская семья чудом оказалась невредимой. Александр III на плечах держал крышу вагона, в котором находилась его семья в момент несчастья, до прихода помощи.

Генерал-адъютант — старшее свитское звание для военных чинов I—III класса Табели о рангах.

Г. Г. Данилович — Данилович Григорий Григорьевич (1825—1906), военный педагог, генерал от инфантерии (военный чин II класса); член Главного военно-учебного комитета и воспитатель будущего государя Николая II и великого князя Георгия Александровича. Учебные занятия с царскими детьми были рассчитаны на двенадцать лет: восемь лет посвящались предметам гимназического курса, последние четыре года (продленные до пяти) отводились изучению военного дела и юридических и экономических наук. Среди преподавателей Николая и Георгия — Н. Х. Бунге (статистика, политическая экономия и финансовое право), К. П. Победоносцев (законоведение, государственное, гражданское и уголовное право), Н. Н. Бекетов (химия), М. И. Драгомиров (боевая подготовка войск), А. К. Пузыревский (история военного искусства) и др.

Стр. 36. *Так, вероятно, Авраам вел Исаака.* — Речь идет о библейском Аврааме, ведшем своего сына Исаака в землю Мориа, чтобы принести его, по искушению Бога, «во всесожжение на одной из гор» (см.: Быт., XXII, 1—9).

Стр. 37. *Кивер* — военный головной убор с высокой тульей.

Стр. 40. *Обер-гофмаршал* — придворный чин II класса по Табели о рангах.

Витте — Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, государственный деятель. Министр путей сообщения (1892 г.), финансов (с 1892), председатель Комитета министров (с 1903), Совета министров (1905—1906), член Государственного совета и председатель Комитета финансов (1906—1915). Инициатор винной монополии (1894), денежной

реформы (1897), строительства Сибирской железной дороги. Подписал Портсмутский мир (1905); разработал основные положения столыпинской аграрной реформы (1903—1904). Автор Манифеста 17 октября 1905 г. Проводил политику привлечения буржуазии к сотрудничеству с царским правительством. Автор воспоминаний (т. 1—3. М., 1960).

Стр. 43. *Алешенька* — Алексей Николаевич (1904—1918), великий князь, наследник цесаревич, сын Николая II и Александры Федоровны. Расстрелян в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

Стр. 45. *Прощальное воскресенье* — Прощеное воскресенье, последнее перед Великим постом. В этот день все верующие просят друг у друга прощения, вступая на путь покаяния.

...покойного Георгия. — Умер в 1899 г.

Стр. 49. *...пошел... как апостол Петр после отречения.* — Апостол Петр, по предсказанию Иисуса Христа («не пропоет петух, как отречешься от меня трижды»), три раза с клятвой отрекался, что знает Господа; впоследствии искупил грех искренним раскаянием и снова был утвержден в апостольском звании.

Стр. 50. *Арестовали по какому-то политическому делу писательницу Цебрикову и сообщили об этом государю.* — Цебрикова Мария Константиновна (псевдонимы: Н. Р., М. Артемьева, М. К. Николаева) (1835—1917), критик, публицист, прозаик, переводчик. Разделяла народническую идеологию, не одобряя, однако, насильственных методов борьбы с самодержавием. В 1899 г. написала резкое «Письмо к императору Александру III» с изложением фактов гонений и злоупотреблений властей и требованиями реформ и искоренения административного произвола. В этом же году подготовила статью «Каторга и ссылка», в которую включила «исповеди замученных душ» — письма политических ссыльных из Сибири, переданные ей деятельницами подпольного Красного Креста. И «Письмо», и статья увидели свет за границей, на родине распространялись в списках (автор сама занималась их рассылкой). Привлекшая внимание агентов III отделения еще в 1872 г. как писательница нигилистического направления, пользующаяся авторитетом среди молодежи, Цебрикова была арестована в 1890 г. и без суда выслана в Вологодскую губернию; в 1892 г. ей было разрешено переселиться под надзор полиции в усадьбу Воробьево Смоленской губернии, где она продолжала заниматься литературой, публикуя свои произведения под псевдонимами.

Стр. 51. *...в необъятных енотах* — в енотовых шубах.

Бурнус — накидка и верхняя одежда, мужская и женская.

Лазурный берег. — См. примеч. к с. 17.

Полуштоф — бутылка, вмещающая половину штофа вина или водки (двадцатая часть ведра).

Стр. 52. *Цугом* — здесь: люди, идущие гуськом или по двое один за другим.

Стр. 53. *Бенгальские спички* — спички с нанесенным на них пиротехническим составом, горящим ярким пламенем и разбрасывающим при горении сверкающие искры.

Стр. 58. *Фрыштикать* — завтракать *(нем.)*.

Стр. 59. *...ворчуны, вроде чеховского Фирса* — намек на персонаж комедии А. Чехова «Вишневый сад» восьмидесятисемилетнего Фирса.

Ничтоже сумняшеся — не задумываясь, не сомневаясь в чем-либо, не колеблясь, ни перед чем не останавливаясь.

Стр. 60. *Расскажу дедушке.* — Имеется в виду Александр II.

Орлов — Орлов Владимир Николаевич (1868—1927), князь, флигель-адъютант (младшее свитское звание для штаб- и обер-офицеров армии и флота), генерал-лейтенант (чин III класса); помощник начальника (1901—1906), затем начальник военно-походной канцелярии Николая II (1906—1915). В описываемое И. Сургучевым время Орлов, уволенный с последней должности стараниями Г. Распутина, служил помощником наместника по гражданской части на Кавказе, в Тифлисе.

Стр. 61. *Гомер* — легендарный древнегреческий эпический поэт, которому со времен античной традиции приписывается авторство «Илиады», «Одиссеи» и других произведений. В авторском контексте Гомер предстает как певец пиров.

Стр. 62. *...завидовал брату, что его зовут Георгием, потому что у него такой красивый святой, убивающий змея и спасающий царскую дочь.* — Речь идет о Георгии Победоносце, великомученике и христианском святом, герое многочисленных народных сказаний и песен. В иконографии святой Георгий изображается в виде прекрасного юноши в полном вооружении, чаще всего на коне, в битве со змеем. В одном из житий Георгий убивает дракона, опустошающего землю одного из языческих царей, и освобождает от съедения царскую дочь. В духовных стихах освобожденная Георгием царевна называется иногда Елизаветой.

...что же мой святой, старик и притом сердитый? — Николай II родился 6 мая, в день святого Иова Многострадального, история которого излагается в книге Ветхого Завета, носящей его имя. В книге Иова он предстает непорочным, справедливым, богобоязненным и удалившимся от зла; у него было десять детей и большое богатство. По наущению Сатаны Иов лишился всего имущества и всех детей. Терпеливо переносил лишения. Тогда Сатана, получив позволение от Бога, испытал его повторно — поразил его тело проказой от подошвы ноги по самое темя. Вопреки всему Иов оставался твердым в вере, но на седьмой день отверз уста и проклял день свой: «Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из

чрева? Нет мне мира, нет покоя, нет отрады, настигло несчастье» (Иов, IV). Книга кончается глубоким раскаянием Иова перед Богом, которое Господь принял, благословив его. Благосостояние вновь возвратилось к Иову — он *получил многочисленное семейство, прожил* сто сорок лет и умер в старости и созерцании «сыновей своих и сыновей сыновних до четвертого колена» (XLII, 16, 17). На иконах изображается как глубокий старец.

Стр. 63. *...очаровало его стихотворение «Румяной зарею».* — Первая строка из стихов А. С. Пушкина «Вишня».

Стр. 64. *Марафет* — карамелька; дешевые кондитерские сласти.

Стр. 65. *...рождение великого князя Михаила.* — 1878 год.

Стр. 66. *Андрей Первозванный* — орден Святого апостола Андрея Первозванного, первый в России, учрежден Петром I в 1698 г. «в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и отечеству оказанные заслуги, а другим — для обозрения ко всяким благородным и геройским добродетелям». «Избрание в кавалеры» ордена — прерогатива российского государя. Число кавалеров не должно было превышать 24, «дабы от великого множества кавалеров не пришел сей орден в презрение». Награждались лица «благородного, знатного графского или княжеского звания». Знак кавалеров ордена — «изображение святого Андрея», распятого на синем косом кресте, с двуглавым орлом на тыльной стороне. Знак носился либо на шее на цепи ювелирной работы, либо у бедра левой стороны, на широкой голубой муаровой ленте, перекинутой через правое плечо. На орденской цепи изображался девиз «За веру и верность».

Стр. 68. *...особенно наше воображение поразил переход русских войск через Дунай.* — Речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 гг., в частности о переправе русских войск через Дунай у города Зимнич (Румыния) в середине июня 1877 г. Очевидец свидетельствует, что на первый батальон 53-го пехотного Волынского полка, переправлявшийся через реку, «турки... направили ужасный огонь... Произошло избиение вблизи находившихся на лодках стрелков, и на некоторых были уничтожены все до единого человека. ... До чего огонь был сильный, можно судить из того, что по нескольку десятков пуль попадало в одного человека» (см.: Россия и национально-освободительная война на Балканах: 1875—1878. М.: Наука, 1978. С. 260).

Стр. 69. *С переляку* — с перепугу.

Стр. 72. *Бажанов* — Бажанов Василий Борисович (1800 — 1883), протопресвитер, духовный писатель. Занимал кафедру богословия в Петербургской Духовной академии, был членом Святейшего Синода (1844), духовником императора и императрицы (1848), учителем и воспитателем Николая II в его детские годы.

Святая Пасха — Светлое Христово Воскресение, переходящий церковный праздник.

Страстная неделя (седмица) — последняя неделя перед Пасхой, известная в народе как Белая, или Чистая (готовясь к встрече Светлого Воскресения, наши предки белили и прибирали дома, заботились о чистоте двора и т. п.).

Великий четверг — последний четверг перед Пасхой; все дни Страстной недели носят название Великих.

...вечером — двенадцать Евангелий. — Обычно в Великий четверг вечером совершается утреня с чтением двенадцати Евангелий Святых Страстей Господа нашего Иисуса Христа.

Клирос — место на солее, возвышении перед иконостасом, на котором находятся чтецы и певцы в русской православной церкви. Клирос занимает южный и северный концы солеи.

В пятницу был вынос Плащаницы... — В Великую пятницу (пяток) Страстной недели Церковь вспоминает обстоятельства страданий и смерти Иисуса Христа, что нашло отражение в выносе плащаницы, полотна с большим, во весь рост, изображением тела Господа в том виде, в каком оно снято с креста и положено в гроб. Плащаницу полагают в середине храма на особом возвышении, молящиеся подходят к ней и прикладываются.

...злые первосвященники замучили доброго Спасителя. — Имеются в виду первосвященники, книжники и фарисеи, члены синедриона, вынесшие невинному Христу смертный приговор и отстоявшие этот приговор перед римским прокуратором. Накануне иудейской пасхи, 6 апреля, Иисус Христос вместе с двумя разбойниками был отведен на гору Голгофу и распят на кресте.

Стр. 73. *...ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас.* — Смертный приговор, вынесенный первосвященниками, утверждался Понтием Пилатом, римским прокуратором и правителем Палестины, который старался уклониться от суда над Христом и трижды защищал невиновность Иисуса. Под давлением выкриков первосвященников: «Кровь его на нас и на детях наших» и из опасения лишиться должности Пилат, умыв руки перед народом («неповинен я в крови праведника сего»), в конце концов предал его в руки разъяренной толпы на распятие.

Стр. 74. *Писанка* — пасхальное расписное (разукрашенное) яйцо.

Стр. 75. *Фомина* (неделя) — вторая седмица по Пасхе. Известна в народе под именем Проводной, или Проводов, — ею оканчивается и провожается седмица Светлого Христова Воскресения. В основе традиции поминать умерших в Фомину неделю лежит воспоминание о сошествии Иисуса Христа в ад к душам покойников. Поминовение отправляется на Фоминой во вторник, издревле называемый Радоницей, Радуницей, Радавницей. Эти названия говорят о радости умерших или отраде, испытываемой ими от их церковного поминовения.

Стр. 77. *Радецкий Федор Федорович* (1820 — 1890) — генерал-лейтенант, командир VIII армейского корпуса, герой русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг.

Гурко Иосиф Владимирович (1828 — 1901) — генерал-фельдмаршал (военный чин I класса), герой русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Во главе передового отряда совершил поход в Забайкалье, командовал отрядом гвардии под Плевной. С семидесятитысячным отрядом осуществил зимний переход через Балканы, занял Софию и разбил турок под Филиппополем.

Феска — мужская шапочка из фетра или шерсти в форме усеченного конуса, обычно с кисточкой (в странах Передней Азии и Северной Африки).

Осман-паша (1837—1900) — турецкий генерал, командующий Плевненской армией.

Стр. 85. *С первого абцуга* — с самого начала, сразу же.

Иорданс — Йорданс Якоб (1593 — 1678), фламандский живописец. Жанровые и мифологические композиции с изображением полнокровных типов крестьян и бюргеров отличаются жизнеутверждающим чувственным восприятием мира, плотной, энергичной манерой письма, теплым звучным колоритом («Сатир в гостях у крестьянина», «Бобовый король» и др.).

Черкасское мясо — мясо южнорусского степного скота, разводимого в Черкасском уезде Киевской губернии, а также в Полтавской, Херсонской и Черниговской губерниях и далее на восток.

Санчо Панса — герой романа Сервантеса «Дон Кихот».

Стр. 87. *Протопресвитер* — высшее звание белого духовенства. Здесь — как это отложилось в сознании и воображении детей: пресвитер Большого придворного собора в Петербурге, начальствующий над придворным духовенством, числился также пресвитером московского Благовещенского собора, часто состоял и духовником императорских величеств. Назначался указом Святейшего Синода, на богослужениях в присутствии высочайших особ занимал первое место после архиереев. При нем — канцелярия для делопроизводства по назначению на места, богадельня для вдов придворного духовенства и т. п.

Протодиакон — здесь: дьякон придворный. Звание протодьякона получал в виде награды.

Гофкурьер — чин при высочайшем дворе, выполняющий срочные поручения.

Стр. 88. *Праздники двунадесятые* — двенадцать главных праздников Православной Церкви. Непереходящие: Рождество Христово (25 декабря/7 января), Крещение Господне (6/19 января), Сретение Господне (2/15 февраля), День Святой Троицы (Пятидесятница) (6/19 июня), Преображение Господне (6/19 августа), Воздвижение Креста Господня (14/27 сентября), Рождество Пресвятой Богородицы

(8/21 сентября), Введение в храм Пресвятой Богородицы (21 ноября/4 декабря), Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта/7 апреля), Успение Пресвятой Богородицы (15/28 августа). Переходящие: Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне.

Каждение — воскурение фимиама. По действующему Уставу, различаются каждения всего храма, алтаря, престола и притвора и каждение как литургическое действие, входящее в состав крещения, елеосвящения, отпевания умерших и малого и великого водоосвящения.

Миропомазание — одно из семи христианских таинств. Ритуал состоит в смазывании лба, глаз, ушей и других частей лица и тела ароматическим маслом — миром. Посредством его человек наделяется Божьей благодатью. Миропомазание связано с крещением.

Ектинья (ектенья, букв.: распространение) — род молитвенных прошений, входящих в православное богослужение. Главные виды ектиньи: великая, просительная, сугубая и малая. Есть еще ектиньи об оглашенных и умерших, провозглашаемые на литургии. При совершении таинств произносятся особые ектиньи.

Освящение елея и пяти хлебов — процедура, связанная с благословением елея (оливкового масла) и хлебов. Вместе с пятью хлебами, с вином и пшеничными зернами благословляется и елей как *вещество питательное и целительное в болезнях. Этим елеем на* всенощной или заутрене помазываются верующие, а также, в таинстве елеосвящения, немощные. Елей освящается особой молитвой и употребляется для помазания приступающих к святому крещению. Хлеб и вино используются в обряде причащения — в них воплощаются «тело и кровь» Христа, причащенные становятся «сотелесниками Иисуса Христа», «участниками божеского естества».

Стихарик — уменьшительное от *стихарь* — длинное, с широкими рукавами священническое облачение. Изготавливался из льна, белого цвета, указывающего на нравственную чистоту облекавшихся в него. С разрезами под рукавами — в память о прободенном ребре Иисуса Христа. Оплечья стихаря других цветов символизируют следы побоев; ленты на боках и рукавах — узы Христа.

Аллилуйя — букв.: хвалите Господа. Часто встречается в псалмах Давида и на других страницах Ветхого и Нового Завета. Вся Псалтирь является по существу книгой хвалений и славословий Богу.

Втора — здесь: повторение, действие по глаголу «вторить».

Регент — дирижер церковного хора.

Стр. 89. *Солея* — возвышенное пространство перед алтарем.

Стр. 90. *...в его интонациях... было что-то от варламовской раскатистости.*— Намек на Варламова Константина Александровича (1849 — 1915), артиста императорского Александринского театра, давшего шедевры сценического искусства в пьесах Н. В. Гоголя и А. Н. Островского. По оценке Энциклопедического словаря Брокгауза

и Ефрона, «как Горбунов и Г. Успенский подметили и записали меткую речь русского простого человека, так Варламов ухватил его повадку, его внешность до взгляда и жеста — ухватил потому, что русской душой почувствовал его психологию».

День Рождества — 25 декабря (7 января).

Мамуровая пастила — пастила, приготовленная из мамура, ягод княженики, морошки или облепихи.

Стр. 91. *Ливадия* — имение государя императора на южном берегу Крыма, рядом с Ялтой. Дворцы построены в середине 60-х годов архитектором Монигетти; небольшой дворец, носивший название дворца наследника цесаревича, заново перестроен в 1888 г. В этом дворце в октябре 1894 г. скончался Александр III.

Ропша — село в Санкт-Петербургской губернии, Петергофского уезда. Петр I, завоевав Ингерманландию, пожаловал ропшинскую дачу Ромодановскому, затем Головину. В конце концов ее купил император Павел I. В описываемое автором время в Ропше был императорский дворец, православный храм и лютеранская церковь, писчебумажная фабрика.

Стр. 92. *Сахарная бумага* — плотная синяя бумага, в которую обертывались сахарные головы.

Осьмушка — восьмая часть фунта (фунт равен 409,5 грамма).

Стр. 95. *Этимология* — раздел языкознания, занимающийся изучением первоначальной словообразовательной структуры слова и выявлением элементов его древнего значения.

«Парфосное» представление — представление, связанное с исполнением наиболее сложных номеров в цирке.

Стр. 96. *Иммер элеган* — всегда элегантный.

Стр. 97. *Четвертак* — четверть рубля, серебряная монета в двадцать пять копеек.

Стр. 98. *«Кругом трусость и измена».* — Имеется в виду запись в дневнике Николая II от 2 (16) марта 1917 г., после подписания им манифеста об отречении от престола в пользу брата, великого князя Михаила Александровича: «Кругом измена и трусость, и обман!»

Сведений о жизни и литературной деятельности автора романа «Грех у двери (Петербург)» обнаружить не удалось. Возможно, **ДМИТРИЙ ВОНЛЯР-ЛЯРСКИЙ** является автором единственного произведения, написанного и опубликованного в эмиграции и впервые предлагаемого вниманию российского читателя, — во всяком случае в справочниках по литературе русского зарубежья указывается только названный роман (см., напр.: Фостер Л. А. Библиография русской зарубежной литературы, 1918—1968. Т. 1—2. Бостон, 1970). По неизвестным нам причинам Д. Вонляр-Лярскому, видимо, не удалось

осуществить задуманного — написать трилогию о России Смутного времени, как об этом сообщается в кратком, предваряющем произведение предисловии «От автора», и до нас дошел только первый из трех задуманных им романов.

Возможно также, что Дмитрий Вонляр-Лярский принадлежит к роду Вонлярлярских, предки которых — южногерманские рыцари из городка Ляр близ Баден-Бадена — переселились в Польшу и, получив дворянство, прибавили к прежнему имени (фон Ляр) определение Лярский. В России фон Ляр-Лярские появились в XVII веке — Владислав IV пожаловал им поместья в Смоленском уезде. После покорения Смоленска (1655) Ляр-Лярские поступили в русское подданство, приняли православие и стали писаться как Вонлярлярские. Указанный род дал в свое время известного, а ныне подзабытого прозаика, автора нескольких романов и повестей, — Василия Александровича Вонлярлярского, умершего в 1852 году и оставившего после себя дочь Софью. Из Вонлярлярских, более близких к нам по времени, известен варшавский генерал-губернатор, убитый террористами в 1906 году, после которого могли остаться дети...

Предлагаемый читателю роман предваряется предисловием великого князя Александра Михайловича (1866—1933), генерал-адъютанта, вице-адмирала, сына великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, супруга великой княгини Ксении Александровны (дочери Александра III и сестры Николая II), председателя Совета по делам торгового мореплавания (1900), главноуправляющего (на правах министра) управления торговым мореплаванием и портами (1902—1905), заведующего авиационной частью в годы первой мировой войны, эмигранта после Октябрьской революции.

Текст романа печатается по изданию: Вонляр-Лярский Д. Грех у двери (Петербург): Роман с предисловием великого князя Александра Михайловича. Париж: Парабола, 1934.

Стр. 104. *Фриз* — здесь: декоративная полоса, окаймляющая верхнюю часть стен, пол и поле ковра.

Пажеская скамья — учеба в Пажеском корпусе, привилегированном дворянском среднем военно-учебном заведении.

Стр. 105. *Семилетняя война* — война 1756—1763 годов между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией — с одной стороны и Пруссией, Великобританией (в унии с Ганновером) и Португалией — с другой. Вызвана обострением англо-французской борьбы за колонии и столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России. Русско-австрийские войска одержали блестящую победу над прусской армией в Кунерсдорфском

сражении (1759). Главный итог Семилетней войны — победа Великобритании над Францией в борьбе за колонии и торговое первенство.

Флюгера — флажки на пиках.

Стр. 106. *Пенка* — легкий огнестойкий минерал, из которого изготавливают курительные трубки.

Стр. 109. *Ревизская душа* — отдельный человек как единица учета мужского населения России в XVIII—XIX вв., лицо, внесенное в последнюю ревизскую сказку — именной список, составлявшийся во время переписи сельского и городского податного населения.

Рюрик — согласно летописной легенде, начальник варяжского военного отряда, якобы призванный ильменскими славянами вместе с братьями Синеусом и Трувором княжить в Новгород. Основатель династии Рюриковичей.

Стр. 111. *Вильгельм II* (1859—1941) — германский император и прусский король в 1888 — 1918 годах, двоюродный брат императрицы Александры Федоровны.

Фюрст — князь *(нем.)*.

Японская война — русско-японская война 1904—1905 гг. за господство в Северо-Восточном Китае и Корее. Начата Японией, завершилась Портсмутским миром (Портсмут, США) в 1905 году. Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним. Стороны обязались одновременно оккупировать Маньчжурию.

Стр. 112. *...покойный государь...* — Имеется в виду Александр III, скончавшийся в 1894 году.

Ваш пращур фельдмаршал... Ведь это: разгром под Кунерсдорфом, занятие русскими Берлина, Фридрих Великий, загнанный и помышлявший о самоубийстве! — Имеется в виду назначенный в 1759 году, во время Семилетней войны, главнокомандующим русской армии граф Салтыков Петр Семенович (1698—1772). Несмотря на преклонный возраст, показал себя энергичным и талантливым полководцем, одержавшим решительную победу над армией Фридриха II под Кунерсдорфом (вблизи Франкфурта-на-Одере) в 1759 году. Осенью 1760 г. отряд генерала Чернышева овладел Берлином. Положение Фридриха II было отчаянным, он даже помышлял о самоубийстве. Случилось, однако, «бранденбургское чудо»: в 1761 г. скончалась Елизавета, императором стал Петр III, выступивший горячим союзником Фридриха. С Пруссией был подписан мирный договор, и вся территория, завоеванная русскими войсками, возвращалась прусскому королю, а двадцатитысячный русский корпус направлялся в помощь Фридриху против вчерашних союзников России.

Стр. 118. *Бюлов* Бернхард (1849—1929) — князь, германский рейхсканцлер и прусский президент, министр иностранных дел (1900 — 1909).

...последняя статья Максимилиана Гардена: беззастенчивый негодяй снова копается в его личной жизни. — В 1907 году немецкий журналист Гарден выступил в печати с обвинением в гомосексуализме Ф. Эйленбурга, генерала Мольтке и других лиц, близких к императору. Привлекался к суду, который окончился для него наложением штрафа.

Штуцер — нарезное ружье.

Стр. 119. *Беловеж* — Беловежская пуща, лесной массив на границе Беларуси и Польши (бывшая Гродненская губерния), место царской охоты; в селе Беловеже находился императорский охотничий дворец.

Стр. 121. *...когда умер дедушка...* — Имеется в виду Вильгельм I Гогенцоллерн (1797 — 1888), прусский король (с 1861) и германский император (с 1871).

...со времени курфюрстов. — Имеется в виду время Священной Римской империи (962—1806; с конца XV в. — Священная Римская империя германской нации), в которой за князьями (курфюрстами) было закреплено право избрания императора (с XIII в.). Империя основана германским королем Оттоном I, подчинившим Северную и Среднюю Италию (с Римом); включала также Чехию, Бургундию, Нидерланды и др. Постепенно власть императора стала номинальной. В середине XIII в. империя утратила Италию, а Германия стала распадаться на отдельные княжества. Вестфальский мир (1648) закрепил превращение империи в конгломерат независимых государств. Окончательно ликвидирована в ходе наполеоновских войн.

Шарабан — открытый четырехколесный экипаж с поперечными сиденьями в несколько рядов.

Стр. 122. *Доломан* — гусарский мундир особого покроя, расшитый шнурами.

Стр. 123. *Керамиковый* — керамический, сделанный из обожженной глины.

Стр. 124. *Ментик* — гусарский мундир с меховой опушкой, который носился большей частью внакидку поверх доломана.

Андреевская лента — широкая голубая муаровая лента, перекинутая через правое плечо на левую сторону, — на ней носился знак ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

Стр. 125. *Потрясение матери разразилось тяжелым нервным недугом. С тех пор, кроме семьи, к царице еще никто не допускался.* — Автор романа связывает нервный недуг и затворнический образ жизни императрицы Александры Федоровны с аварией яхты «Штандарт» в финляндских шхерах и поисками наследника-цесаревича. На самом деле это одно из многих острых проявлений болезненного состояния императрицы. По свидетельству мемуаристов, близко знавших царскую семью, Александра едва ли не с рождения

цесаревича Алексея сделалась больною. Знание, что ее сын — единственный наследник престола — неизлечимо страдает гемофилией (наследственной несворачиваемостью крови) и что она в этом виновата, обрушилось на нее с беспощадной силой. «Здоровье ее сильно пошатнулось, — отмечала ее фрейлина Анна Вырубова. — У нее начались сильные сердечные припадки. Она бесконечно страдала... Их Величества скрывали болезнь Алексея Николаевича от всех, кроме самых близких родственников и друзей, закрывая глаза на возрастающую непопулярность государыни. Она бесконечно страдала и была больна, а о ней говорили, что она холодна, горда и неприветлива...» Чувство собственной вины, постоянная боязнь за сына и его судьбу, необходимость скрывать от окружающих тайну наследника и быть всегда настороже изматывали нравственные и физические силы Александры, обрекали ее на одиночество и неврастенические недуги, заставляли ее искать утешение в вере и исполнении своего материнского долга.

Черный Орел — высший орден Германской империи с изображением одноглавого черного орла, унаследованного от Рима,— символа власти, господства, верховенства и государственной прозорливости.

Стр. 127. *...их одних там восемьдесят миллионов!* — По данным первой всеобщей переписи населения в 1897 году, в России насчитывалось 112,14 миллиона сельских жителей.

Полоний!.. — намек на придворного вельможу Полония, персонаж трагедии Шекспира «Гамлет, принц датский».

Стр. 128. *Пикейный* — сделанный из пике, хлопчатобумажной или шелковой ткани с рельефным узором.

Стр. 130. *Унтер-шталмейстер* — помощник конюшего.

Шенкель — внутренняя, обращенная к лошади часть ноги всадника от колена до щиколотки, помогающая управлять лошадью.

Караковый — темно-гнедой, почти вороной, с подпалинами.

Стр. 131. *Кузькина мать* — здесь: мачеха.

Стр. 133. *Лейб-камердинер* — придворный слуга.

Краповые чакчиры — сибирская обувь с крапинами, пятнистой окраски.

Тирпиц Альфред фон (1849—1930) — морской статс-секретарь (министр) Германии, создатель сильного военно-морского флота.

Стр. 134. *Бисмарк* Отто фон Шенхаузен (1815—1898) — князь, первый рейхсканцлер Германской империи в 1871—1890 гг. Один из главных организаторов Тройственного союза 1882 года, направленного против Франции и России, но при этом считал, что война с Россией была бы крайне опасной для Германии.

Стр. 135. *...опасность, вызванная брожением 1905 года, миновала благодаря принятым чрезвычайным мерам.* — Через несколько дней после роспуска I Думы (8 июля 1906), продолжавшей

революцию в мирной форме, вспыхнул бунт в островной крепости Свеаборг под Гельсингфорсом (17—20 июля), затем Кронштадтское восстание (19—20 июня) и восстание на крейсере «Память Азова» в Ревеле (Таллинн, 20 июля). Попытка всеобщей забастовки в Москве (24—28 июля) оказалась, по характеристике народнического журнала «Русское богатство», «совсем жалкой». 18 августа 1906 г. царское правительство ввело военно-полевые суды и организовало несколько карательных экспедиций. Революционное движение пошло на убыль и приняло формы экспроприаций (грабежей банков с политической целью) и террора против отдельных лиц (покушение на П. А. Столыпина 12 августа, убийство 3 августа генерала Г. А. Мина, командира лейб-гвардии Семеновского полка, предотвратившего кровопролитие в Петербурге и подавившего Декабрьское вооруженное восстание в Москве в 1905 г., и др.). Чрезвычайные меры, предпринятые царским самодержавием против революционного брожения в России, увенчались полным успехом 3 июня 1907 года. В этот день был издан манифест о роспуске II Государственной думы и о введении нового избирательного закона. В то же утро были арестованы и сосланы члены думской социал-демократической фракции. Третье июня, вошедшее в историю новейшего времени как третьеиюньский государственный переворот, положил начало так называемой «столыпинской реакции».

Два года назад, в Биорке, ему удалось склонить царя заключить с ним тайный военный союз, направленный против Англии.— Речь идет о Бьёркском договоре между Россией и Германией о союзе; подписан 24 июля 1905 г. у острова Бьёрке (в Балтийском море). Предусматривал взаимную помощь на случай нападения третьей державы. Имелась в виду прежде всего Англия, теоретически не исключалась Франция. Поскольку договор противоречил русско-французскому союзу (с 1891 г.), он не был ратифицирован и не вступил в силу.

Франко-русский союз — военно-политический союз России и Франции в 1891—1917 годах. Противостоял Тройственному союзу во главе с Германией (Австро-Венгрия, Италия). Оформлен соглашением 1891 г. и военной конвенцией 1892 г. Стороны обязывались оказывать взаимную помощь в случае нападения Германии или Австро-Венгрии на Россию или Италии и Германии на Францию.

Стр. 136. *Меттерних* (Меттерних-Виннебург) Клеменс (1773—1859) — князь, министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства в 1809—1821 гг., канцлер в 1821—1848 гг. Противник объединения Германии; стремился помешать укреплению позиций России в Европе. Во время Венского конгресса 1814—1815 гг. подписал секретный договор с представителями Великобритании и Франции против России и Пруссии. Один из организаторов Священ-

ного союза, направленного против революционного и национально-освободительного движения.

Стр. 137. *Святой Губерт* — святой епископ льежский (люттихский). С его именем связана легенда о явлении ему в лесу оленя с сияющим крестом между рогов, что дало повод к почитанию его как покровителя охотников.

Стр. 138. *Сисой Великий* — святой Православной Церкви преподобный Сисой, скончался в 429 г., память — 6 июля.

Стр. 141. *Император унаследовал от матери-англичанки...* — Имеется в виду принцесса Виктория английская, дочь королевы Виктории.

Гаммураби — Хаммурапи, царь Вавилонии в 1792—1750 гг. до н. э., политик и полководец, подчинил большую часть Месопотамии, Ассирию. Законы Хаммурапи — ценный памятник древневосточного права, отразивший характерные черты рабовладения.

Соломон — царь Израильско-Иудейского царства (965—928 до н. э.). Успешно провел административные реформы, добивался централизации религиозного культа. Согласно библейской традиции, славился необычайной мудростью; по преданию, автор некоторых книг Библии (в том числе «Песни песней»).

Карл Великий (742—814) — король франков с 768 г., император с 800 г., полководец. Из династии Каролингов. Совершил 53 похода. Его завоевания привели к образованию обширной империи.

Царю рисуется особый вид священного союза — форма нового договора, основанного на опыте Священного союза монархов Австрии, Пруссии и России. Оформленный в 1815 г. после падения империи Наполеона I, Священный союз распался в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX в.

Стр. 142. *Калигула* (12—41) — римский император (с 37 г.) из династии Юлиев-Клавдиев. Стремился к неограниченной власти, основанной на грубой силе, и требовал почестей себе как Богу.

Гольштин-Готторпский дом так измельчал от датской крови... — Имеется в виду Гольдштейн-Готторпская немецкая герцогская династия, правившая в 1549—1773 гг. в части Шлезвига; в 1751—1818 гг. — на шведском королевском престоле. Сыном гольдштейн-готторпского герцога Карла-Фридриха был российский император Петр III.

...Нибелунгова клятва в вечной дружбе, данная когда-то в Кремле монарху всероссийскому прадедом его, королем прусским... — В октября 1805 г., накануне Аустерлицкого сражения, Фридрих-Вильгельм III, король Пруссии, и Александр I поклялись в вечной дружбе двух императоров и их домов у гроба Фридриха Великого в Потсдаме. Нибелунгова клятва — намек на обладателей чудесного золотого клада, история борьбы за который составляет сюжет

германского средневекового эпоса («Старшей Эдды» и «Песни о Нибелунгах»). Здесь: источник борьбы и страданий.

Лидертафель — руководитель церковного хора (нем.).

Стр. 143. *Факельцуг* — факельное шествие (нем.).

Роббер — круг игры в карты, состоящей из нескольких партий.

Гогенцоллернский — относящийся к династии Гогенцоллернов, бранденбургских курфюрстов в 1415—1701 гг., прусских королей в 1701—1918 гг., германских императоров в 1871—1918 гг. Основные представители: Фридрих-Вильгельм, Фридрих II, Вильгельм I, Вильгельм II.

Стр. 145. *Буммельцуг* — товаро-пассажирский поезд (нем.).

Гавана — гаванская сигара.

Стр. 148. *Белуджистанский ковер* — ковер из Белуджистана, исторической области в Азии, на юго-востоке Иранского нагорья.

Желвзка — просторечное название азартной карточной игры.

Стр. 149. *Ингерманландский* — относящийся к Ингерманландии, Ижорской земле, как называлась в XII—XVIII вв. территория по берегам Невы и юго-западному Приладожью (часть современной Ленинградской обл.).

Бенедиктин — сорт ликера.

Стр. 150. *Драгомиров* Михаил Иванович (1830—1905) — русский военный теоретик, генерал от инфантерии; в русско-турецкой войне командовал дивизией, был начальником Генерального штаба, командующим войсками Киевского военного округа (с 1889).

Стр. 151. *Коренник* — основная, наиболее сильная лошадь в упряжке.

Троешник — кучер, управляющий тройкой лошадей.

Поярковый гречишник — головной убор из поярка — шерсти от первой стрижки молодой овцы.

Стр. 152. *...необходимость для Польши полной венгерской автономии.* — В 1867—1918 гг. Венгрия была одной из составных частей двуединой монархии — Австро-Венгрии — во главе с австрийским императором (он же венгерский король).

Стр. 153. *...блестящая первая балерина Мариинского театра, за которой ухаживало разом несколько великих князей.* — Имеется в виду М. Ф. Кшесинская (1872—1971).

Императорская Михайловская сцена — Михайловский театр в Петербурге; с конца 80-х годов до февраля 1917 г. в нем постоянно играла французская драматическая труппа.

Стр. 154. *Шеврон* — нашивка из галуна, обычно на рукавах форменной одежды солдат и унтер-офицеров.

Стр. 156. *Спорты* — здесь: множественное число от слова «спорт».

Понтер — участник карточной игры, делающий ставку против банка.

Стр. 157. *Столыпин* Петр Аркадьевич (1862—1911) — государственный деятель, министр внутренних дел и председатель Совета министров (с 1906), определявший курс правительства с 1907 г. Организатор третьеиюньского переворота (1907), руководитель аграрной реформы, получившей его имя.

Стр. 158. *Фаберже* · Пьер-Карл — русский подданный французского происхождения, придворный ювелир императора. Его мастерские использовали труд 500 ювелиров, кузнецов и подмастерьев. Имел филиалы в Москве, Лондоне и Париже; получал большие доходы от производства серебряных и золотых изделий. Одно из высших достижений искусства Фаберже — 56 пасхальных яиц царской коллекции, которые он создал для Александра III и Николая II. Переодетый дипломатом, бежал из России в 1918 году, последние два года жизни прожил в Швейцарии.

Стр. 160. *General de Gallifet* — Галифе Гастон, маркиз де (1830 — 1909), французский генерал, один из командующих армией версальцев, участвовал в подавлении Парижской коммуны (1871). Военный министр в 1899—1900 гг.

Стр. 161. *Третья Республика* — буржуазная республика во Франции в 1870—1940 гг.

...заезжали к Виардо повидать Тургенева... — Виардо-Гарсиа Мишель Полина (1821—1910)—французская певица (меццо-сопрано) и композитор, близкий друг И. С. Тургенева, с которой писатель познакомился в 1847 г. и в семье которой прожил последние двадцать лет своей жизни, сначала в Баден-Бадене, затем в Париже.

Ренан Жозеф-Эрнест (1823—1892) — французский писатель, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук (1860). Автор философских драм и работ по востоковедению.

...старшего из братьев Гонкуров... — Гонкур Эдмон (1822—1896), в соавторстве с братом Жюлем написал несколько романов, мемуары. По его завещанию основана так называемая Гонкуровская академия (1896), присуждающая ежегодные французские литературные премии за достижения в жанре романа.

Стр. 162. *Гильдия* — корпорация, сословное объединение купцов в России XVIII — начале XX в. Привилегированное гильдейское купечество делилось с 1775 г. на три гильдии: первую, вторую и третью.

Стр. 163. *...столыпинский галстух!* — Выражение употребляется в значении: виселица, петля. Впервые прозвучало на заседании III Государственной думы в выступлении кадета Ф. И. Радичева.

Стр. 166. *Шорная* (пара лошадей) — запряженная без дуг и хомутов, со шлеями.

Стр. 167. *Обер-камер-фурьер* императорского двора — старший камер-фурьер, придворный чин шестого класса, заведовал заготовкой, хранением и выдачей фуража.

Стр. 168. *Обер-шталмейстер* — придворный чин третьего класса, ведал царскими конюшнями.

Стр. 169. *Извольский* Александр Петрович (1856—1919) — дипломат, министр-резидент в Ватикане (1894—1897), посланник в Белграде, Мюнхене, Токио, Копенгагене (1897—1906), с 1907 г. — министр иностранных дел Российской империи.

Стр. 171. *Картуш* — украшение в виде щита или полуразвернутого свитка над парадными входами в здания или над дверьми внутри зданий.

Александровский ампир — стиль в архитектуре и декоративном искусстве первых трех десятилетий XIX века (период царствования Александра I), завершивший развитие классицизма. Его отличают лапидарные, подчеркнуто монументальные формы и богатый декор (военные эмблемы, орнамент), опора на художественное наследие императорского Рима, древнегреческой архаики, Древнего Египта. Стиль воплощал идеи государственного могущества и воинской славы и сложился в период империи Наполеона I во Франции.

...двух младших дочерей царя: одной было шесть, другой восемь лет. — Имеются в виду Мария Николаевна (1899—1918) и Анастасия Николаевна (1901—1918), великие княжны; расстреляны в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

Камер-казак — здесь: старый слуга императрицы.

Лимфатический — страдающий болезнью лимфатических узлов.

Шамиль (1799—1871) — третий имам (глава общины) Дагестана и Чечни (1834—1869), руководитель освободительной борьбы кавказских горцев против царских колонизаторов и местных феодалов, основатель имамата (мусульманско-теократического государства).

Стр. 172. *...двоюродным братом, тогдашним принцем Уэльским.* — Речь идет о Георге V (1856—1963), короле английском с 1910 г.

Казанлыкский дюбек — сорт желтого табака, отличающегося ароматическим вкусом и высокими достоинствами; выращивался в долине реки Тунджи близ города Казанлык (современная Болгария).

Златоустовский нож — нож, изготовленный на казенном заводе в г. Златоусте на Урале.

Стр. 173. *...след сабельного удара, полученного когда-то цесаревичем в Японии.* — В октябре 1890 г. Николай отправился в девятимесячное путешествие по Средиземному морю. Во время его пребывания в городе Оцу (Япония) на одной из улиц на него неожиданно набросился, взмахнув мечом, японец. Клинок, нацеленный в голову, скользнул по лбу и неглубоко рассек его. Убийца замахнулся во второй раз, но принц Георг отвел удар тростью. Причины покушения остались невыясненными. По одной из версий, нападение приписывалось фанатику, оскорбленному якобы поведением Николая и его

спутников в японском храме. По другой — нападение характеризовалось как акт ревности японца, жене которого цесаревич оказал знаки внимания.

В день приема государем первой Думы.— Имеется в виду прием государем Государственной думы и Государственного совета в тронном Георгиевском зале Зимнего дворца 27 апреля 1906 г.; в тот же день состоялось торжественное открытие I Государственной думы в Таврическом дворце, месте ее постоянной работы.

Нечто подобное испытывал... к далекой Мальте его пращур Павел I.— Когда в 1798 г. Наполеон захватил остров Мальту, принадлежащий Мальтийскому ордену, Павел, взяв масонов под свое покровительство и приняв на себя звание гроссмейстера Мальтийского ордена, объявил войну Франции в союзе с Австрией и Англией. Когда же в 1800 году англичане отняли Мальту у французов, но не возвратили ее Мальтийскому ордену, Павел установил мир с Францией и пошел на разрыв с Англией. Желая нанести Англии чувствительный удар, российский император послал 40 полков казаков на завоевание Индии, однако его смерть в марте 1801 г. остановила это безумное предприятие.

В памяти государя пронеслось: ликующий демократический Париж, республиканская толпа...— Имеется в виду визит Николая II во Францию 23—27 сентября 1896 г., отмеченный небывалой встречей российского государя гражданами Третьей республики. «Париж был переполнен. К двум миллионам его населения прибавилось 930 000 приезжих. На улицах было сплошное народное гуляние. Все стало русским или псевдорусским: ...конфекты с русским гербом или флагом, посуда с царскими портретами, игрушки, изображавшие русского медведя, а также Государя, Государыню и даже великую княжну Ольгу...» (Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. М., 1992. С. 68).

Стр. 174. *...низкопоклонство Феликса Фора в Петербурге, десять лет назад...* — Имеется в виду визит президента Франции Фора (1841 — 1899) в Россию в августе 1897 г. и его переговоры с Николаем II относительно франко-русского военно-политического союза, который был более необходим Франции, нежели России.

С такой же улыбкой и скрытым бешенством благословенный Александр I в Тильзите терпеливо выслушивал Наполеона. — Речь идет о личных переговорах Александра I и Наполеона I в Тильзите в конце июня 1807 г., касающихся распределения сфер влияния Франции и России на Западе и Востоке и закончившихся оформлением Тильзитского мира, по которому Россия вынуждена была согласиться на создание государства Варшавского и присоединиться к континентальной блокаде. Союз между императорами скрывал их соперничество и подготовку сил к новой борьбе; его заключение носило

характер интермедии, разыгранной блестящими актерами. Об артистических способностях Александра I не однажды говорила его бабушка, отмечавшая уменье императора принимать обличия, подходящие к обстоятельствам.

Стр. 175. *Ревель* — официальное название города Таллинна в 1219—1917 гг.

Читаем: «Адмирал Атлантического океана шлет дружеский привет адмиралу Тихого океана...» Я и приказал поднять ему просто: «Счастливого пути» — обмен сигналами между Вильгельмом и Николаем во время морских маневров русского флота в 1902 году. Сигнал, поднятый Вильгельмом, лишний раз подчеркивал стремление германского кайзера склонить Россию к ее «священной миссии» в Азии и тем самым свести на нет русское влияние в Европе. По свидетельству генерал-лейтенанта А. А. Мосолова, начальника канцелярии Министерства императорского двора, Николай, прочитав дешифровку немецкого сигнала, сказал адмиралу Нилову: «Его надо просто связать, как сумасшедшего» (Мосолов А. При дворе последнего императора.— СПб., 1992. С. 203).

Стр. 176. *Победоносцев* Константин Петрович (1827—1907) — государственный деятель, юрист; обер-прокурор Синода (1880—1905); автор работ историко-юридического характера. Его труды оказали влияние на Николая II (в частности «Московский сборник», изданный в самом начале нового царствования). Парламентское правление Победоносцев характеризовал как «великую ложь нашего времени»: «...Самое существенное, плодотворное для народа и прочие меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокой идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей».

Стр. 177. *Купчина-вольнодум Гучков* — Гучков Александр Иванович (1862—1936), из купеческой семьи, в 1906 г. возглавил партию октябристов («Союз 17 октября»), в мае 1907 г. избран в Государственный совет; сторонник конституционной монархии.

Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — политический деятель, историк, публицист. Один из организаторов партии кадетов, с 1907 г. председатель ее ЦК, редактор кадетской газеты «Речь». После роспуска I Государственной думы — составитель Выборгского воззвания, призвавшего население к гражданскому неповиновению.

Стр. 179. *Статс-дама* — придворное звание для дам.

Пряжка ордена св. Екатерины — «шлейф», накидка из зеленого бархата, составная часть одеяния кавалерственных дам ордена Екатерины, которым награждались лица женского пола. Орденский девиз: «За любовь и отечество».

Стр. 180. *Было что-то тревожное в его... улыбке, напоминавшей портреты школы Леонардо.* — Художественная традиция итальянского живописца Леонардо да Винчи, наиболее ярко воплощенная в его портрете Моны Лизы («Джоконда») с ее загадочной улыбкой.

Стр. 181. *«С подболткой»* — от глагола «болтать»; прозвище либералов.

Людовик XIV (1638—1715) — французский король с 1643 г.

Стр. 182. *Мирабо* Оноре-Габриель-Рикети (1749—1791) — граф, деятель Великой французской революции; приобрел популярность обличениями абсолютизма.

Когда царь ездил после коронации за границу... — В 1896 году Николай II предпринял первую после коронации поездку за границу: к австрийскому императору Францу-Иосифу; германскому императору Вильгельму II; десять дней пробыл в Дании; семь — в Великобритании, у королевы Виктории; неделю — в Париже.

Стр. 183. *Австрийский посол...* — граф Турн.

Стр. 184. *Он находчиво изменил... пословицу: у кого-нибудь... мог найтись татарский предок.* — Имеется в виду пословица «Незваный гость хуже татарина».

Подчиненное положение двуединой монархии перед союзной Германией ему всегда казалось не соответствующим ее великодержавности. — Имеется в виду положение Австро-Венгрии как двуединой монархии в ее Тройственном союзе с Германией и Италией (с 1882 г.).

Стр. 185. *Флорентийская вышивка* — вышивка из Италии.

Скрябин Александр Николаевич (1872—1915) — выдающийся русский композитор, пианист.

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894) — выдающийся русский пианист, композитор, дирижер, педагог, музыкальный деятель.

Sublime Porta — Блистательная Порта; принятое в европейских документах и литературе название правительства Османской империи, султанской Турции.

Стр. 186. *Лафонтен* Жан де (1621—1625) — французский писатель, выдающийся баснописец.

Эдуард VII (1841—1910) — английский король с 1901 г.

Cyrcee Slave — славянская Цирцея; Цирцея в греческой мифологии — волшебница.

Стр. 187. *Мурильевская головка* — изображение лиц на картинах испанского живописца Мурильо (1618—1682), проникнутое сентиментальностью и мягким лиризмом.

Бородин Александр Порфирьевич (1833—1887) — русский композитор, ученый-химик, общественный деятель.

Стр. 188. *Байронизм* — здесь: разочарованность.

Стр. 190. *...после разгрома под Садовой.*— В начале июля 1866 г. в районе города Садова (ныне — Чехословакия) прусские армии под командованием Х. Мольтке-старшего разгромили австро-саксонскую армию генерала Л. Бенедека.

Стр. 191. *Магараджа* — высший титул владетельного князя в Индии, а также лицо, носящее этот титул.

Стр. 192. *Николай Николаевич* (1856—1929) — генерал-адъютант, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа с октября 1905 г.

Стр. 195. *...его неожиданная женитьба... на свояченице брата, черногорской княжне...*— Имеется в виду женитьба Николая Николаевича на Анастасии Николаевне (Стане), дочери черногорского князя Негоша.

Стр. 196. *...ольденбургская кровь матери, принявшей постриг...*— Отец Николая Николаевича — Николай Николаевич старший был женат на великой княгине Александре Петровне, дочери принца Петра Георгиевича Ольденбургского. С 1881 г. великая княгиня постоянно пребывала в Киеве, где основала Покровский женский монастырь с хирургической больницей. Здесь же Александра Петровна приняла иночество и скончалась в апреле 1900 г. Отличалась, по свидетельству ее современников, вспыльчивостью и неуравновешенностью характера.

Стр. 197. *Камчатный* — сделанный из камки, шелковой цветной ткани с узорами.

Английская соль — лекарство, настоянное на английской мяте.

Стр. 198. *Филипп* (ум. в 1905 г.) — француз, авантюрист из Лиона; приближенный императрицы, получил по высочайшему повелению звание доктора медицины и чин действительного статского советника. Пользовался репутацией гипнотизера и спирита, излечивавшего нервные болезни.

Стр. 199. *Гандикап* — английское слово, обозначающее скачки, бега, в которых для участвующих лошадей разных возрастов и классов уравниваются шансы на успех. Здесь употребляется в переносном смысле.

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902) — министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов (1900); убит эсером С. В. Балмашевым.

Стр. 200. *Распутин* (Новых) Григорий Ефимович (1869—1916) — из крестьян Тобольской губернии (село Покровское). Фаворит Николая II и Александры Федоровны. Появился при дворе государя в 1905 г. и в качестве «провидца» и «исцелителя» приобрел большое влияние на царя, царицу и их окружение.

Ротонда — длинная женская накидка без рукавов.

Охота по перу — охота на птиц.

Стр. 202. *«Колокольный кругозор»* — то же, что «кочка зрения», выражение, употребляемое как образное определение узости кругозора.

Медичи — флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии. Медичи основали торгово-банковскую компанию, крупнейшую в Европе XV в.; в 1434—1737 гг. (с перерывами) правили Флоренцией.

Авиньон — город на реке Рона (юг Франции), местопребывание римских пап в 1309—1377 гг.; в 1348 — 1791 гг. — папское владение. Сохранился комплекс папского дворца XIV в. с фресками XIV—XV вв.

Стр. 207. *Реформатская кирха* — лютеранский храм.

Стр. 208. *Министр двора* — Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927), граф, генерал от кавалерии. С 1897 г. министр императорского двора.

Прощальный бенефис — спектакль, сбор от которого поступал в пользу актера, уходящего из театра.

Стр. 209. *Правая рука Столыпина, после дуэли в юности, осталась полупарализованной.*— Старший брат П. А. Столыпина был убит на дуэли. С убийцей брата стрелялся и будущий председатель Совета министров, получивший ранение в правую руку, которая с тех пор плохо действовала.

Авансложа — небольшое помещение перед входом в театральную ложу.

Стр. 210. *Капельдинер* — служащий театра, проверяющий у посетителей билеты и наблюдающий за порядком.

Под сурдинку — тихо, приглушенно.

Стр. 211. *Рамолик* — расслабленный, немощный, впавший в слабоумие человек.

Стр. 212. *Балетная пачка* — женский костюм в классическом балете в виде коротких накрахмаленных юбочек, наложенных одна на другую и сшитых вместе.

Стр. 213. *«Боже, царя храни»* (1833) — русский гимн; музыка А. Ф. Львова (1798—1870), слова В. А. Жуковского (1783—1852).

...туша державного батюшки в поддевке и шапке на разжиревшем битюге...— Конный памятник Александру III в Петербурге работы скульптора П. П. Трубецкого; открыт в 1909 г. Во время, описываемое автором романа — 1907 г., Николай II не мог воображать картины с памятником державному родителю.

Стр. 214. *Шаляпин* Федор Иванович (1873—1938) — великий русский певец (бас); Мельник из оперы «Русалка» А. С. Даргомыжского, о которой идет речь в романе, — одна из лучших партий Шаляпина.

Стр. 215. *У Пушкина: «Не дорожи любовию народной»...*— строка из стихотворения «Поэту».

Стр. 216. *Перун* — бог грозы в индоевропейской и славянско-русской мифологии, в IX—X вв. покровитель князя и дружины на Руси, глава языческого пантеона.

Стр. 217. *Прошлогодний взрыв бомбы на даче, изувечивший подростка-дочь...* — 12 августа 1906 года двумя неизвестными лицами, переодетыми в форму жандармских офицеров, в министерской даче на Аптекарском острове был произведен взрыв, в результате которого погибли 27 человек, находившихся в приемной. Среди раненых оказались трехлетний сын и четырнадцатилетняя дочь Столыпина. Сын вскоре поправился, у дочери же были раздроблены ноги, и она в течение двух лет не могла ходить. Единственной комнатой, которая не пострадала, был кабинет Столыпина, где он находился во время взрыва.

Стр. 219. *Абрис* — очертание предмета.

Гобой — музыкальный инструмент из группы деревянных духовых, непременный участник военных оркестров, а также ансамблей, сопровождающих оперные и балетные спектакли.

Собинов Леонид Витальевич (1872—1934) — выдающийся певец (лирический тенор), крупнейший представитель русской классической школы. Исполнял партию Князя в опере А. С. Даргомыжского «Русалка».

Терцет — здесь: вокальный ансамбль из трех исполнителей.

Стр. 222. *Пикет* — род карточной игры.

Стр. 223. *Ектенья* — здесь употребляется в переносном значении, применительно к иерархии членов царской семьи.

Стр. 225. *Заботы цесаревича ограничивались несложными служебными обязанностями батальонного командира.* — Автор несколько сужает обязанности Николая до его восшествия на престол. Наследник цесаревич, кроме командования батальоном в лейб-гвардии Преображенском полку, участвовал в заседаниях Государственного совета и Комитета министров (с 1889 г.), а также знакомился с различными областями России, сопровождая Александра III в его многочисленных поездках по стране.

Стр. 229. *Фортиссимо* — музыкальное форте (сильно, громко) в превосходной степени — очень сильно.

Стр. 230. *Бенефициантка* — актриса, в пользу которой дается бенефис.

Пиранезиевская перспектива. — Имеются в виду графические «архитектурные фантазии» итальянского гравера Пиранези (1720—1778), поражающие грандиозностью пространственных построений.

Шугай — род короткополой кофты с рукавами, с отложным круглым воротником и с застежками, с перехватом в талии и с ленточной оторочкой вокруг.

Стр. 233. *Отруб* — земельный участок, выделявшийся с 1906 г. крестьянину из общественных земель в личную собственность при выходе его из общины.

Стр. 236. *...австрийского императора официально посетит на днях, проездом, Фердинанд, князь Болгарский.*— Речь идет о посещении Франца-Иосифа (1830—1916) Фердинандом I (1861—1948), герцогом Кобургским, болгарским князем (с 1887 г.).

Синкопа — пропуск сильной доли такта, переносит ритмический упор на предшествующую слабую долю и этим нарушает плавность ритма. Создается ритмический перебой, вносящий в музыку остроту и взволнованность.

Стр. 237. *«Жизнь за царя»* (1836) — опера М. И. Глинки (1804—1857).

Бархатная книга — родословная книга знатных русских боярских и дворянских фамилий. Составлена в 1687 г. Включала «Государев родословец» 1555—1556 гг., родословные материалы второй половины XVI—XVII вв.

Стр. 238. *...последнего авиньонского папы!* — Имеется в виду Григорий XI (1370—1378). Во время войны с Флоренцией сумел сыграть на национальных чувствах, провозгласив борьбу против чужеземного французского ига; двинул наемную бретонскую банду во главе с кардиналом Робертом из Женевы на Рим. В сентябре 1377 года кардинал Роберт устроил резню в Чезене, поднявшей патриотическое знамя против «проклятого авиньонского флага». Эта кровавая баня, связанная с именем Григория XI, увековечена флорентийским поэтом Франко Сакетти в канцоне «Папа — губитель мира».

Стр. 241. *Каватина* — лирико-повествовательная оперная ария, отличающаяся простым песенным складом и отсутствием значительных темповых контрастов. Каватине часто предшествует речитатив. В «Русалке» за речитативом Князя следует его каватина.

Bel canto — бельканто, особая, красочная манера пения, получившая широкое распространение в Италии с XVII в. в связи с зарождением и развитием оперного жанра. Для стиля бельканто характерны исключительная мелодическая связность, четкость дикции, обилие виртуозных эффектов, изящество и красота звучания.

Марио Джузеппе (1810—1883) — граф, знаменитый итальянский певец (тенор). Пел в Санкт-Петербурге в 1849 и 1868 годах.

Сальвини Томазо (1829—1915), итальянский актер, трагик. Один из замечательных исполнителей ролей в трагедиях Шекспира.

Стр. 242. *Уремия* — острое или хроническое самоотравление организма, обусловленное почечной недостаточностью.

Стр. 243. *Делоне-бельвиль* — марка автомобиля.

Стр. 245. *Прикуп* — карта или несколько карт, полученных игроками в винт сверх или вместо сданных по правилам игры.

Малый шлем — положение в карточной игре в вист, при котором противнику дается только одна взятка.

Стр. 247. *Епитимья* — церковное наказание верующих за нарушение церковных канонов, предписаний, указаний духовника-священника.

Филигрань — вид ювелирной техники: ажурный или нанизанный на металлический фон узор из тонкой золотой или серебряной проволоки. Здесь употребляется в переносном значении — как искусство блестящего выхода из сложных положений.

Бенвенуто Челлини (1500—1571) — итальянский ювелир, скульптор, писатель. Автор виртуозных по мастерству ювелирных изделий («Солонка Франциска I» и др.).

Стр. 248. *Ван-Дейк* (Ван-Дик) Эрнст-Мари-Губерт — бельгийский певец (тенор).

Литвин Фелия Васильевна (1861—1936) — русская певица (драматическое сопрано). Одна из лучших исполнительниц партий в операх Р. Вагнера.

«*Тристан*» — опера выдающегося немецкого композитора Р. Вагнера (1813—1883) «Тристан и Изольда» (1865).

Стр. 252. *Визирь* — высшие сановники во многих государствах Ближнего и Среднего Востока, главным образом в средние века и новое время. Здесь: персонаж арабских сказок.

Одалиска — гаремная наложница.

Плебейство — здесь: низ общества, простонародье; противоположность — патриции.

Весталка — жрица Весты, римской богини огня и домашнего очага, поддерживавшая священный огонь в храме в ее честь. Должна была быть патрицианкой и вести строгий, целомудренный образ жизни. При посвящении в жрицы давала обет целомудрия.

Стр. 257. *Сердоликовое* (корытце) — сделанное из сердолика (разновидность кварца), минерала красноватого, желто-красного или оранжевого цвета.

Бювар — папка или род портфеля для хранения почтовой бумаги, конвертов, корреспонденции и т. п.

Стр. 258. *Менуэт* — здесь: музыкальное произведение в ритме менуэта, танца умеренного темпа, из комической оперы Моцарта (1756—1791) «Дон-Жуан» (1787).

Коронация, или, вернее, давка на Ходынке... — Имеется в виду катастрофа на Ходынском поле (в северо-западной части Москвы, начало Ленинского проспекта) 18 мая 1896 года во время раздачи царских подарков по случаю коронации Николая II. Из-за халатности властей произошла давка. По официальным данным, погибло 1389 человек, изувечено 1300.

Стр. 262. *Чалый полуарден* — порода лошади серой с примесью другого цвета масти.

Стр. 263. *Мундшенк* — придворный чин, заведующий винным погребом.

Кавалергардский колет — особая форма кирасирского мундира.

Стр. 264. *Супервест* — верхнее парадное орденское одеяние.

ЛЕВ ГРИГОРЬЕВИЧ ЖДАНОВ (наст. имя и фамилия Леон Германович Гельман) (1864—1951) — исторический романист, поэт, драматург и переводчик, родился в Киеве в еврейской актерской семье. Учился в гимназиях Каменец-Подольска, Херсона и Одессы, однако курса не закончил. Со стихами и прозой выступил в 1881 году, сотрудничая в одесских журналах «Маяк», «Пчелка» и «Суфлер»; широко печатался в газетах «Николаевский вестник», «Курьер», «Звезда», «Нива», «Новый мир», «Север» и др. В 1881—1898 годах — на профессиональной сцене: актером в провинциальных труппах, режиссером Одесского театра, суфлером Малого театра в Москве. Оставив театр, редактировал журнал «Заря новой жизни» — московское рождественское приложение к газете «Сибирская заря», издавал развлекательный публицистический журнал «Былое-грядущее».

После революции 1905—1907 гг. Л. Жданов активно интересовался русской историей и общественными движениями в России; в 1912 году привлекался к судебной ответственности за распространение нелегальной литературы и стихи антиправительственного содержания.

«Исторические поэмы» Л. Жданова, вышедшие отдельным изданием в Петербурге в 1914 году, представлялись на соискание премии им. А. С. Пушкина в Академию наук. И. А. Бунин в рецензии на поэмы оценил соискателя как «совершенно лишенного художественного дарования и оригинальности, набившего руку фабриковать якобы исторические драмы и повести для Никольского рынка» («Лит. наследство», т. 84, кн. 1, с. 354).

В последние двадцать лет жизни Л. Жданов не написал ни одного исторического романа — сотрудничая с издательством «Центросовет безбожников», рассылал многочисленные стихи, посвященные красным датам и успехам социалистического строительства, в газеты и журналы, но их редко печатали.

Первый исторический роман Л. Жданова — «Царь Иоанн Грозный» — увидел свет в 1904 году. С этой поры автор ежегодно выдавал на суд читателя по одной и более исторической хронике. К 1917 году корпус исторических произведений, написанных Л. Ждановым, составил тридцать один том (Собр. соч.: Ист. романы. Т. 1—31. СПб., 1912—1917). Среди них: «Русь на переломе. Историческая повесть

конца царствования Алексея Михайловича» (1908), «Последний фаворит. Екатерина II и Зубов» (1911), «Наследие Грозного» (1913), «Петр и Софья» (1915), «Последний день Гогенцоллернов. Конец политического романа» (1917), «Суд над Николаем II. Страницы истории прошлых и наших дней» (1917), «Во власти золота (Ленская бойня)» (1926), «Крушение богов (житие «св. отцов» Феофила и Кирилла Александрийского)» (1929) и др.

Роман «Николай Романов — последний царь» написан автором по горячим следам событий в мае 1917 года и несет на себе явный отпечаток тех общественно-политических настроений времени, которыми жила левая радикальная интеллигенция между Февральской и Октябрьской революциями. Как и другие произведения Л. Жданова о жизни и деятельности «верхов», роман носит разоблачительный характер, отличается тенденциозным подбором и односторонним истолкованием исторических фактов и явлений (главным образом скандальных) и фамильярным обращением прозаика с историческими лицами. Вместе с тем роман написан по преимуществу на документальной основе и является едва ли не первой монографией (а именно так расценивает автор свою работу) об императоре Николае II.

Текст романа печатается по изданию: Жданов Л. Николай Романов — последний царь: Исторические наброски. — Собр. соч. Т. 31. Пг.: свободное издательство «Петроград», 1917.

Стр. 267. *Ave, Caesar! Moriture te salutant...* — Здравствуй, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя... — обращение римских гладиаторов к императору перед боем *(лат.)*.

Задыхаясь в припадке водянки, в ясный осенний день умирал царь Александр III... — Александр III скончался 20 октября 1894 года; диагноз — «интерстициональный нефрит с последовательным поражением сердца и сосудов... инфаркт в левом легком с последовательным воспалением» («Правительственный вестник»).

Лжесвятой «старец» Иван Кронштадтский — святой праведный Иоанн Кронштадтский, в миру Сергиев Иван Ильич (1829—1908), протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, монархист, один из основателей «Союза русского народа».

...человек в полковничьем мундире... — До восшествия на престол цесаревич Николай в чине полковника командовал 1-м батальоном лейб-гвардии Преображенского полка.

...искреннее чувство питал наследник к некрасивой, развратной, но умной танцовщице, с которою жил много лет, имел детей...— Не вдаваясь в подробности интимной жизни балери-

ны Матильды Феликсовны Кшесинской (1872—1971), отметим, что Николай II подарил ей роскошный особняк в Петербурге.

«Гессенская муха» — насекомое отряда двукрылых, вредитель хлебных злаков в Евразии и Северной Америке. В Россию была завезена с фуражом из Германии. Принцесса Гессен-Дармштадтская получила это прозвище в придворных кругах еще до того, как стала супругой Николая II.

Стр. 268. *Это второй Александр Благословенный!* — намек на Александра I, которого называли Благословенным.

Prince-charmeur — князь-очарователь *(фр.)*.

Стр. 269. *Штык-юнкер* — младший офицерский чин в артиллерии, равный прапорщику в пехоте.

Темная смерть Александра I... — Имеются в виду толки в народе, связанные со смертью императора. Говорили, что вместо Александра I похоронили кого-то другого, подлинный же царь жив и ходит с посохом по России, выдавая себя за сибирского старца Федора Кузьмича. Легенда дожила до наших дней.

Декабрьская резня... — Имеется в виду подавление восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 года.

...закончившейся крымским позором и самоотравлением... — Крымская война 1853 — 1856 гг. завершилась заключением Парижского мира, по которому Россия возвращала Турции Карс, уступала Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии. Черное море объявлялось нейтральным, Россия и Турция не могли в нем держать военный флот. Подтверждалась автономия Сербии и Дунайских княжеств.

...в дни «священной коронации»... — Коронационные торжества проходили в Москве 6—26 мая 1896 года.

Стр. 271. *...до Триумфальных ворот.* — Триумфальные ворота были сооружены в 1829—1834 годах на месте триумфальной деревянной арки, построенной после победы над войсками Наполеона в 1812 году. Находились у Тверской заставы (площадь Маяковского); в 1936 году разобраны.

Стр. 273. *Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, дядя Николая I; в 1891—1905 гг. московский генерал-губернатор, командующий Московским военным округом.

...с первой царской речью обратился к тысячеголовой толпе... — 17 января 1895 года Николай II выступал перед представителями земств, ожидавшими от молодого царя перемены курса правительственной политики.

Стр. 274. *...в виде «куцей конституции», о которой толковал во дни «диктатуры сердца» близорукий кавказец Лорис-Меликов...* — Лорис-Меликов М. Т. (1825—1888) возглавлял Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка

и общественного спокойствия, затем был министром внутренних дел. Проводил политику «лисьего хвоста», сочетающую репрессии против революционеров с уступками либералам. Составленная им «конституция» сводилась к организации совещательных комиссий из местных представителей при высших бюрократических органах.

...знаменитым крылатым выражением... — Во время своей первой царской речи Николай II, оговорившись, назвал все надежды либералов, представителей земств, об участии в делах внутреннего управления «бессмысленными мечтаниями» (вместо «беспочвенными»).

Казаки и жандармы избивали у Казанского собора юношей и девушек, посмевших кричать о праве народа... — Речь идет о политических демонстрациях студентов осенью 1896 года.

*...эти родичи-воры во главе с адмиралом Алексеем, Безобразовы и К*о... — Имеются в виду великий князь Алексей Александрович (1850—1908), генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства (1880—1905), член Государственного совета, и Безобразов Петр Алексеевич, вице-адмирал, начальник Главного морского штаба.

Стр. 275. *Бирилев* Алексей Алексеевич (1844—1915) — адмирал, морской министр (1905—1907), начальник Главного морского штаба, член Государственного совета. Был близок к царской семье.

...Николай поддался происками Безобразова... — Безобразов Александр Михайлович, статс-секретарь, один из виновников русско-японской войны 1904—1905 гг. Находясь в близких связях с высокопоставленными лицами в правительстве, агитировал за агрессивную политику против Японии. Под его влиянием были образованы наместничество на Дальнем Востоке и особый комитет по делам Дальнего Востока, деятельность которых вела к обострению отношений между Японией и Россией.

Стр. 276. *Зубатов* Сергей Васильевич (1864—1907) — жандармский полковник, начальник Московского охранного отделения (с 1862 г.) и Особого отдела департамента полиции (1902—1903 гг.). Организатор системы политического сыска, заключающегося в насаждении легальных рабочих организаций под контролем полиции.

Гапон Георгий Аполлонович (1870—1906) — священник, агент охранки, был связан с Зубатовым. Инициатор петиции петербургских рабочих Николаю II, шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г.

Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — министр внутренних дел, шеф отдельного корпуса жандармов. Убит эсером Е. С. Сазоновым.

Владимир Александрович (1847—1909) — великий князь, третий сын Александра II. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884—1905 гг.).

Стр. 277. *Азеф* Евно Фишелевич (1869—1918) — тайный агент департамента полиции среди эсеров; разоблачен в 1908 году, бежал в Германию.

Стр. 277—278. *...Сергея Витте, графа Портсмутского...* — С. Ю. Витте представлял интересы России на конференции в Портсмуте, посвященной итогам русско-японской войны 1904—1905 гг. и завершившейся подписанием мирного договора 5 сентября 1905 г.

Стр. 279. *Куриальная* (система выборов) — выборы по куриям, разрядам избирателей по имущественному, национальному, расовому или какому-либо другому признаку.

Стр. 280. *Трепов* Дмитрий Федорович (1855—1906) — петербургский генерал-губернатор, товарищ министра внутренних дел.

Петрункевич Иван Ильич (1844—1928) — помещик, председатель Союза освобождения (1904), один из основателей партии кадетов, депутат I Государственной думы.

Сольский Дмитрий Мартынович (1833—1910) — граф, статс-секретарь, председатель комиссии по разработке законоположения о новых парламентских учреждениях, председатель Государственного совета и Комитета финансов (1905—1906 гг.).

Иоллос Г. Б. — депутат I Государственной думы, кадет, редактор газеты «Русские ведомости». Убит 14 марта 1907 г. рабочим В. Д. Федоровым, примыкавшим к РСДРП.

Герценштейн М. Я. — депутат I Государственной думы, главный эксперт кадетской партии по аграрному вопросу. Убит 18 июля 1906 г. на курорте Териоки.

Дубровин Александр Иванович (1855—1918) — врач, один из лидеров Союза русского народа.

Восторгов Иоанн Иоаннович — протоиерей, религиозно-политический деятель, издатель религиозно-нравственных газет и журналов, монархист, один из лидеров московских черносотенцев.

Илиодор (Труфанов Сергей) (1880—?) — иеромонах, в 1912 г. сложил с себя сан; один из лидеров черносотенцев; бывший друг Распутина, организовал покушение на него. Спасаясь от возмездия, бежал в Норвегию; в 1917 г. издал книгу «Святой черт», построенную на фальсифицированной переписке между Распутиным и императрицей.

Двзобри Л. Н. — отставной офицер, монархист, руководитель Общества активной борьбы с революцией и анархией.

Марков 2-й Николай Евгеньевич (1876—?) — один из лидеров Союза русского народа, Союза Михаила Архангела, депутат III и IV Государственных дум.

Стр. 281. *Замысловский* Георгий Георгиевич (1872—?) — депутат III и IV Государственных дум, товарищ прокурора Виленской судебной палаты, член Союза русского народа.

Дмитрий Павлович (1891—1942) — великий князь, двоюродный брат Николая II. К мысли об убийстве Распутина пришел сознательно, желая, как он писал, «дать возможность государю открыто переменить курс, беря на себя ответственность за устранение этого человека...». После революции Дмитрий говорил: «Наша родина не могла быть управляема ставленниками по безграмотным запискам конокрада, грязного и распутного мужика... Старый строй должен был неминуемо привести Романовых к катастрофе». За участие в убийстве Распутина сослан на персидский фронт.

Стессель Анатолий Михайлович (1848—1915) — генерал-лейтенант. В период русско-японской войны начальник укрепленного района в Порт-Артуре, сдал крепость противнику. Приговорен военным судом к смертной казни, но в 1909 г. помилован царем.

Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918) — министр внутренних дел Российской империи в 1912—1915 гг. Сторонник неограниченной монархии. В декабре 1916 г. предлагал Николаю II осуществить государственный переворот, разогнать Государственную думу. Расстрелян по приговору советского суда.

Штюрмер Борис Владимирович (1848—1917) — председатель Совета министров, министр внутренних и иностранных дел России в 1916 г.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918) — обер-прокурор уголовно-кассационных дел Сената (1903), министр юстиции (1906—1915), председатель Государственного совета (1917); организатор политических процессов (дело Бейлиса), военно-полевых судов. Расстрелян по приговору революционного трибунала в сентябре 1918 г.

Сухомлинов Владимир Александрович (1948—1926) — генерал от кавалерии, член Государственного совета, в 1908—1909 гг. — военный министр. В 1916-м арестован за неподготовленность русской армии к первой мировой войне, приговорен к пожизненному заключению. В 1918 г. освобожден по старости. Окончил жизнь в эмиграции, в Берлине.

Мясоедов Сергей Николаевич (1865—1915) — полковник (по другим источникам — подполковник); в 1901—1909 гг. — начальник жандармского управления на пограничной станции Вержболово. Обвиненный в контрабанде и шпионаже в пользу Германии, был вынужден уйти в отставку. С объявлением мобилизации в 1914 г. призван в ополчение; обратился к военному министру В. А. Сухомлинову с просьбой отправить его на фронт С 1914 г.— начальник агентурной разведки в штабе 10-й армии, потерпевшей зимой 1915 г. сокрушительное поражение, которое объяснялось Ставкой нехваткой боеприпасов и шпионажем. Командующий армией Сиверс и начальник штаба Будберг, носившие немецкие фамилии, были отстранены от должностей. Мясоедову припомнили предъявленные ему ранее обвине-

ния. В феврале 1915 г. он был арестован, предан военно-полевому суду и казнен.

Протопопов Алексей Дмитриевич (1866—1917 (1918) — министр внутренних дел России в сентябре 1916—феврале 1917 г. Входил в «Прогрессивный блок» (октябрист). Пытался вооруженным путем подавить Февральскую революцию. Осужден ВЧК.

Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927) — граф, генерал от кавалерии. С 1897 г.— министр императорского двора. Пользовался большим влиянием на царскую семью. После 1917 г. в эмиграции.

Воейков В. Н. — генерал, дворцовый комендант.

Нилов К. Д. (р. 1856) — командир Гвардейского экипажа (1903—1908), флаг-капитан его величества (с 1905 г.), генерал-адъютант (с 1912 г.). Входил в ближайшее окружение государя.

Риман Николай Карлович (1864—1917) — полковник лейб-гвардии Семеновского полка, участник подавления вооруженного восстания в Москве (1905).

Мин Г. А. (1855—1906) — генерал-майор свиты; с 1904 г. командир лейб-гвардии Семеновского полка, подавил вооруженное восстание в Москве. Убит эсеркой Э. В. Коноплянниковой.

Джунковский В. Ф. (1865—1938) — генерал-майор, московский губернатор (1905), товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов (1913).

Спиридович Александр Иванович (1873—1952) — генерал-майор, начальник отдельного корпуса жандармов, дворцовой охраны (1906—1912), с 1916 г.— ялтинский градоначальник.

Стр. 283. *Бадмаев* Петр Александрович (до крещения Жамсаран) (1851—1919) — бурят, врач тибетской медицины, пользовавшийся популярностью в придворных кругах.

...известные постановления Государственного совета и Съезда объединенного дворянства, состоявшегося в конце 1916 года...— Имеется в виду резолюция, принятая 30 ноября 1916 г., о «темных силах» в правительстве и создании «министерства, пользующегося доверием страны» и «ответственного только перед государем».

...Николай Последний дал разрешение Штюрмеру... и тот повел через агентов в Швейцарии переговоры с графом Бюловым относительно сепаратного мира...— Здесь и далее автор основывается на слухах, распространившихся после речи П. Н. Милюкова на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. Речь Милюкова носила бездоказательный характер, была направлена против правительства Штюрмера и преследовала тактические партийные цели — активизацию блока кадетов, укрепление положения ее лидера, нанесение удара по Штюрмеру.

Бюлов Бернхардт (1849—1929) — германский государственный деятель, рейхсканцлер и министр-президент Пруссии (1900—1909).

Стр. 292. *Дубенской* Дмитрий Николаевич (р. 1857) — генерал-майор, редактор журнала «Летопись войны 1914—1917», состоял в свите Николая II в качестве историографа.

Стр. 296. *Шварц А. В.* (р. 1874) — генерал-инженер; во время первой мировой войны прославился обороной крепости Ивангород; комендант крепости Ивангород, затем крепости Карс.

Бальфур Артур Джеймс (1848—1930) — премьер-министр Великобритании (1902—1905); неоднократно входил в состав правительства, в 1916—1919 гг. — министр иностранных дел.

Стр. 298. *Андрей Владимирович* (1879—1956) — великий князь, двоюродный брат Николая II; генерал-майор свиты, с 1911 г. присутствующий в правительственном Сенате; в 1915 г. — командир лейб-гвардии конной артиллерии.

Стр. 299. *Николай Михайлович* (1859—1919) — великий князь, внук Николая I, двоюродный дядя Николая II; генерал-адъютант; историк, председатель Русского Исторического общества. Расстрелян в Петропавловской крепости в январе 1919 г.

Стр. 302. *Михаил Александрович* (1878—1918) — великий князь, брат Николая II; генерал-майор, член Государственного совета; в 1909—1911 гг. — командир 17-го Черниговского полка; в 1912 г. — командир Кавалергардского полка. В период первой мировой войны командир Кавказской туземной дивизии, затем 2-го Кавказского корпуса.

...что сделал со мной Николай... после женитьбы на моей нынешней жене... графине Палей... — Великий князь Павел Александрович (1860—1919), дядя Николая II, в 1902 г. женился вторым браком на Ольге Валерьяновне Пистолькорс, урожденной Карпович, получившей после признания Николаем II брака титул графини Гогенфельзен (1904), а в 1916-м — титул графини Палей. За недозволенный брак Павел Александрович в 1902 г. был уволен от всех должностей, лишен званий, над его детьми установлена опека, в 1905 г. прощен и восстановлен в звании генерал-адъютанта.

Стр. 303. *Мария Павловна младшая* (1890—1958) — великая княгиня, внучка Александра II, дочь великого князя Павла Александровича и Александры Георгиевны, королевы греческой.

Рузский Николай Владимирович (1854—1918) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного совета, член Военного совета, участник русско-турецкой (1877—1878) и русско-японской войн; командующий армиями и фронтами в годы первой мировой войны.

Стр. 304. *Среди убийц называли ряд высокопоставленных лиц...* — Главными заговорщиками, решившимися на убийство Распутина, были: Ф. Ф. Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович, В. М. Пуришкевич, а также поручик В. М. Сухотин и военный врач С. С. Лазаверт.

Стр. 305. *Максимович* Константин Клавдиевич (1849—?) — генерал, был наказным атаманом Уральского, затем Донского казачьего войска, варшавским генерал-губернатором и командующим Варшавским военным округом; с 1915 г. — помощник командира императорской главной квартиры.

Добровольский Н. А. (1854—1918) — егермейстер, сенатор; в 1899 г.— гродненский губернатор; в 1900 г.— обер-прокурор Сената; с декабря 1916 г. по февраль 1917 г.— министр юстиции.

Стр. 307. *Кирилл Владимирович* (1876—1938) — великий князь, контр-адмирал свиты, генерал-адъютант. За недозволенный брак с разведенной женой великого герцога Гессенского Эрнста-Людвига (брата императрицы Александры Федоровны) был уволен со службы, лишен звания флигель-адъютанта. В 1907 г. прощен Николаем II. 14 марта 1917 г. привел Гвардейский экипаж к Таврическому дворцу и присягнул Думе, затем, вернувшись в свой дворец, поднял над его крышей красный флаг.

Стр. 308. *Гучков* Александр Иванович (1862—1936) —лидер октябристов. Депутат и с 1910 г. председатель III Государственной думы. В 1915—1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета. Со 2 марта по 30 апреля 1917 г. — военный и морской министр в первом составе Временного правительства. 2 марта 1917 г. вместе с Шульгиным принял отречение Николая II, затем великого князя Михаила Александровича.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926) — генерал от кавалерии (1912), главком Юго-Западного фронта (1916), в мае—июле 1917 г.— Верховный главнокомандующий. С 1920 г.— в Красной Армии, в 1923—1924 гг.— инспектор кавалерии.

Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920) — генерал от инфантерии (1915); в 1905—1906 гг. — начальник Главного штаба; в 1906—1912 гг. — помощник военного министра; в 1915—1916 гг.— военный министр. В 1920 г.— в Красной Армии.

Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — один из лидеров октябристов, председатель III (с марта 1911 г.) и IV (1912—917 гг.) Государственной думы. Председатель Временного комитета Государственной думы. После Октябрьской революции — при Добровольческой армии, с 1920 г.— в эмиграции.

Стр. 309. *Голицын* Николай Дмитриевич (1850—1925) — князь, последний председатель Совета министров Российской империи (с 27 декабря 1916 г. по 27 февраля 1917 г.).

Стр. 310. *Игнатьев* Павел Николаевич (1870—1926) — граф, помещик, фабрикант. Министр народного просвещения в 1915—1916 гг.

Самарин Александр Дмитриевич (1871—?) — егермейстер, член Государственного совета; обер-прокурор Синода (июль — сентябрь 1915 г.).

Кауфман-Туркестанский П. М. (1857—1926) — гофмейстер, член Государственного совета, министр народного просвещения (1906—1908), главноуполномоченный Красного Креста при Верховном главнокомандующем.

Васильчиков Б. А. (1863—1930) — князь, шталмейстер, главноуправляющий земледелия и землеустройства (1906—1908), член Государственного совета до 10 февраля 1917 г.

О. Георгий Шавельский — протопресвитер русской армии в годы войны; пользовался большим авторитетом в царской семье.

Рубинштейн Д. Л. (р. 1876) — банкир. Был близок к Г. Распутину. Крупный акционер газеты «Новое время» А. А. Суворина. В 1916 г. арестовывался по подозрению в спекуляции. Эмигрант.

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — генерал от инфантерии. С 1915 г.— начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего; после Февральской революции Верховный главнокомандующий (до мая 1917 г.). После Октябрьской революции возглавил белогвардейскую Добровольческую армию.

Стр. 313. *Преторианцы* — здесь: наемные войска, служащие опорой власти, основанной на грубой силе.

Стр. 316. *Альков* — ниша в стене, обычно служащая спальней.

Святой Августин — Августин Блаженный Аврелий (354—430), христианский теолог и философ, католический святой и учитель церкви. Развил учение о благодати и загробном воздаянии, о божественном предопределении.

Иероним Блаженный (342—420) — знаменитый учитель западной церкви, аскет.

Стр. 318. *Папюс* (Анкосс) — ученик Филиппа, его «преемник» в проведении спиритических сеансов при русском дворе.

...иезуит патер Филипп...— француз Низьер Вашоль, сумевший во время визита императорской четы во Францию завоевать доверие склонной к мистицизму Александры Федоровны своими способностями медиума. В Петербурге получил степень доктора медицинских наук.

Гессе П. П. (1846—1905) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант, с 1896 г.— дежурный генерал при Николае II (дворцовый комендант).

Стр. 320. *Вырубова* (урожденная Танеева) Анна Александровна (1884—1964) — фрейлина императрицы Александры Федоровны, почитательница «святого старца» Распутина.

Вся картина... напоминает сцену из «Плодов просвещения» или то место бессмертной комедии Островского...— В комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» горничная Таня использует спиритический сеанс, в котором участвуют «сливки общества», для достижения своих практических целей. В пьесе А. Н. Островского «На

всякого мудреца довольно простоты» подкупленная искателем богатой невесты Глумовым «предсказательница» Манефа указывает купчихе Турусиной на него как на лучшего жениха для ее племянницы.

Стр. 325. *Феофан* (1880—?) — епископ. В миру Василий Быстров, пострижен в монашество в 1905 г.; с 1909 г.— ректор Петербургской Духовной академии и епископ ямбургский, викарий Петербургской епархии. В 1910-м разочаровался в Распутине и выступил его обличителем. С 1910 г.— епископ таврический и симферопольский, в 1912 г.— астраханский, в 1913 г. — полтавский и переяславский.

Стр. 326. *Гарун аль-Рашид* (763 или 766—809) — халиф из арабской династии Аббасидов; его образ идеализирован в сказках «Тысяча и одна ночь».

Стр. 329. *...как делала это Мария, умащая миром... отирая своими волосами ноги Учителю из Назарета...*— Имеется в виду Мария, сестра Лазаря, которого Господь воскресил на четвертый день после его смерти. Когда за шесть дней до Пасхи Господь был на вечере в доме Симона прокаженного, Мария, взяв фунт чистого мира, помазала ноги Иисуса и отерла их своими волосами в знак высокой любви и благоговения к Нему.

Стр. 330. *Григорович* Иван Константинович (1853—1930) — адмирал, морской министр в 1911—1917 гг. С 1923 г. в эмиграции.

Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) —князь, председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей «Земгора». Глава Временного правительства и министр внутренних дел (март — июль 1917 г.).

Покровский Николай Николаевич (1865—1930) — тайный советник, член Государственного совета с 1914 г. С ноября 1916 по март 1917 г.— министр иностранных дел.

Кривошеин Александр Васильевич (1857—1921) — министр земледелия (1908—1915), управляющий Дворянским и Крестьянским банками; руководил проведением столыпинской реформы. В 1920 г.— глава правительства Юга России. Эмигрант.

Стр. 335. *Князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон* Феликс Феликсович (1887—1967) — генерал-адъютант. Родился от брака генерала графа Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона с княжной Зинаидой Юсуповой, отсюда тройная фамилия. Окончил Оксфордский университет. Был женат на племяннице Николая II — великой княжне Ирине. Один из главных организаторов и исполнителей убийства Г. Распутина в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. После революции эмигрировал за границу. Во время Великой Отечественной войны гитлеровцы активно стремились склонить его на свою сторону, но получили резкий отказ.

Стр. 338. *...написали государю письмо...*— Письмо было составлено 21 августа 1915 г. обер-прокурором Синода Самариным. Помн-

мо названных Сазоновым лиц, письмо подписали князь Н. Б. Щербатов (управляющий Министерством внутренних дел) и князь В. Н. Шаховской (министр торговли и промышленности). Государь выразил недовольство письмом, сравнив его с забастовкой, отставку министров не принял, но в течение года многие из министров были смещены с постов (остались Барк и Шаховской).

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927) — гофмейстер, член Государственного совета; в 1910—1916 гг.— министр иностранных дел; с января 1917 г.— посол в Лондоне; в 1918—1919 гг.— член белогвардейских правительств А. И. Деникина и А. В. Колчака.

Барк Петр Львович (1869—?)— в 1914—1917 гг. министр финансов и главноначальник над отдельным корпусом пограничной стражи.

Харитонов Петр Алексеевич (1852—1916) —сенатор, государственный контролер (1907—25 янв. 1916).

Стр. 340. *Священное «Тримурти»* (от *санскр.* — три образа, лица) — в индуизме и брахманизме три ипостаси единого и безличного космического духовного начала — брахмана, выражающие три его основные функции: Брахма — бог — созидатель Вселенной, Вишну — сохранитель всех миров и Шива — их разрушитель.

Стр. 342. *Манасевич-Мануйлов И. Ф.* (1869—1918) — журналист, сотрудник «Нового времени», тайный агент департамента полиции, начальник канцелярии председателя Совета министров (с октября 1916 г.).

Стр. 346. *...перед московскими съездами 8—9 декабря 1916 года...* —Имеются в виду съезды земских организаций и левых партий, требовавших от Государственной думы «довести до конца свою борьбу с постыдным режимом».

Мрозовский И. М. (1857—?) — генерал от артиллерии, с 1915 г.— главный начальник Московского военного округа.

Стр. 347. *Герцог Альба* — Альварес де Толедо Фернандо (1507—1582), правитель Нидерландов в 1567—1573 гг.; пытался подавить Нидерландскую буржуазную революцию.

Стр. 349. *Пуришкевич* Владимир Митрофанович (1870—1920) — крупный помещик, один из инициаторов создания Союза русского народа, организатор Союза Михаила Архангела, депутат II—IV Государственных дум, один из крайне правых лидеров, участвовал в убийстве Распутина.

Шарлотта Корде нанесла сразу свой удар...— Шарлотта Корде д'Армон (1768—1793), жирондистка, убийца Ж.-П. Марата.

Стр. 351. *...где некогда сиял Филарет.*— Феодор Никитич Романов (1554 или 1560—1633). С 24 июня 1610 г.— патриарх Всероссийский; как и его сын, царь Михаил Федорович, имел титул «великого государя».

Стр. 352. *Гермоген* (Долганов Г. Е.) — архиепископ саратовский (1903—1912), черносотенец, враг Распутина. Лишен епископского сана и сослан в Жировицкий монастырь в Литве.

Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1847—1929) — сенатор, член Государственного совета, обер-прокурор Синода (1911—1915).

Даманский П. С. (?—1916) — сенатор, товарищ обер-прокурора Синода.

Стр. 356. *...ужасы... пережитой... революции 1905 года.* — Далее идет речь о близких родственниках Николая II, великих князьях: *Константине Константиновиче* (1858—1915) — главном начальнике военно-учебных заведений, президенте Академии наук; *Алексее Александровиче* (1850—1908) — сыне императора Александра II, главном начальнике флота и морского ведомства; *Сергее Михайловиче* (1869—1918) — внуке Николая I, генерал-инспекторе артиллерии; *Михаиле Александровиче* (1878—1918) — брате Николая II, члене Государственного совета.

Муромцев Сергей Андреевич (1850—1910) — юрист, профессор МГУ, один из основателей партии кадетов, в описываемое время — председатель Государственной думы.

Стр. 357. *Плевицкая* Надежда Васильевна (1884—1941) — популярная эстрадная певица (меццо-сопрано). Исполняла русские народные, главным образом городские песни.

Стр. 377. *...коллегою по убийству Столыпина...* — После убийства Столыпина *Спиридович* (см. прим. к стр. 281), начальник дворцовой охраны, и *Кулябко* Николай Николаевич (1856—1920), полковник, начальник киевского жандармского управления, оказались под следствием, которое длилось полгода и было прекращено по указанию Николая II.

Стр. 378. *То была катастрофа дредноута «Мария».* — Утром 7 октября 1916 г. в Севастопольской бухте произошел взрыв пороховых погребов на крупнейшем русском линейном корабле «Императрица Мария». Начался пожар. Была отдана команда открыть кингстоны и затопить корабль. Катастрофа повлекла за собой многочисленные жертвы среди членов экипажа.

Васильчикова Мария Александровна (1859—?) — была задержана войной в своем имении под Веной. В конце 1915 г. приехала в Россию с письмами великого герцога Гессенского к сестрам — императрице Александре Федоровне и великой княгине Елизавете Федоровне. По подозрению в шпионаже была выслана в Черниговскую губернию, в имение сестры.

Стр. 379. *Курлов* Павел Григорьевич (1860—1923) — в 1909—1911 гг. — товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов; впоследствии — генерал-губернатор Восточной

Пруссии, особоуполномоченный по гражданскому управлению Прибалтийского края (с правами генерал-губернатора), затем — товарищ министра внутренних дел (до 5 января 1917 г.).

Стр. 382. *26 февраля председатель Государственной думы отправил... телеграмму...* — По свидетельству Фредерикса, император по получении телеграммы сказал: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать».

Стр. 383. *Хабалов* Сергей Семенович (1858—1924) — генерал, командующий войсками Петроградского военного округа (1916—1917). Сменен Н. И. Ивановым.

Стр. 419. *Иванов* Николай Иудович (1851—1919) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного совета обороны; в 1914—1916 гг.— главнокомандующий Юго-Западным фронтом. В конце февраля 1917 г. отправлен с эшелоном георгиевских кавалеров в Петроград с диктаторскими полномочиями. В 1918 г. командовал белоказачьей армией у генерала Краснова.

Стр. 420. *Бубликов* Александр Александрович (1875—?) — инженер, член партии прогрессистов, депутат IV Государственной думы.

Стр. 425. *Путятин* Михаил Сергеевич (1861—?) — князь, генерал, с 1911 г.— начальник царского дворцового управления.

Стр. 448. *Одна из дам была, по-видимому, королева эллинов* — Ольга Николаевна (1851—1926), великая княгиня, дочь великого князя Константина Николаевича, вдова греческого короля Георга I.

Стр. 454. *Махмуд* — Мехмед V, султан Турции (с 1909 г.).

Фердинанд Кобург — Фердинанд I (1861—1948), герцог Кобургский, болгарский царь с 1909 г., в 1918 г. отрекся от престола в связи с восстанием в Болгарии и бежал в Германию.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1868

6 мая — рождение наследника цесаревича Николая Александровича.

1893—1899 — промышленный подъем в России.

1894

20 октября — день кончины императора Александра III; Манифест о восшествии на престол государя императора Николая II.

14 ноября — бракосочетание Николая II с великою княжною Александрой Федоровной (принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской).

1895

17 января — речь Николая II перед земскими депутатами, подтвердившая незыблемость политики Александра III.

Январь — вступил в силу русско-германский торговый договор; начал проводиться в жизнь Закон о винной монополии.

Первая всероссийская выставка печатного дела.

Открытие Русского археологического института в Константинополе.

Начало работы комиссии по пересмотру судебных уставов.

Начало денежной реформы; разрешение сделок на золотую валюту.

Учреждение в Петербурге Русского музея императора Александра III.

Ноябрь—декабрь — организация В. И. Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Декабрь — арест В. И. Ленина и других членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

1896

14 мая — день коронации Николая II в Успенском соборе Московского Кремля.

18 мая — катастрофа на Ходынском поле в Москве во время коронационных торжеств («Ходынка»).

Договор между Россией и Китаем об оборонительном союзе против Японии и о постройке КВЖД.

Всеобщая стачка текстильщиков в Петербурге.

Участие делегации от русских рабочих на международном социалистическом конгрессе в Лондоне.

Май—октябрь — Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде.

4—17 августа — Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Нижнем Новгороде.

Август—сентябрь — визиты Николая II в Австрию, Германию, Данию и Францию.

Крупные стачки в Петербурге, Орехове-Зуеве, Екатеринославе и других городах России.

1897

Январь — открытие Художественного театра под руководством К. С. Станиславского в Москве.

Введение золотого денежного обращения. Чеканка новой золотой монеты достоинством в 15 рублей.

Первая всеобщая перепись населения.

Июнь — Закон об ограничении рабочего дня 11 1/2 часами.

Основание Женского Медицинского института.

Отмена в Западном крае особого налога с землевладельцев польского происхождения.

Отмена обязательного посещения богослужений для учащихся не православного вероисповедания.

Ссылка В. И. Ленина в Сибирь (с. Шушенское).

1898

1—3 марта — I съезд РСДРП в Минске.

15 марта — русско-китайская конвенция об аренде Порт-Артура и Дальнего.

Издание распоряжения, запрещающего показывать на экране Спасителя, Богоматерь и святых угодников.

12 августа — нота Николая II о международном сокращении вооружений.

1899

3 февраля — высочайший Манифест о Финляндии.

Учреждение комиссии по вопросу об оскудении центрально-черноземных губерний.

25 мая — торжества по случаю 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина; учреждение разряда изящной словесности при Императорской Академии наук, имеющего право избирать почетных академиков из числа выдающихся русских писателей.

Открытие Восточного института во Владивостоке.
Основание политехникумов в Варшаве и Киеве.
Созыв в Гааге международной конференции по разоружению по инициативе Николая II.
Массовые студенческие волнения в России.

1900

Январь — избрание в почетные академики Императорской Академии наук великого князя Константина Константиновича, графа Л. Н. Толстого, А. А. Потехина, В. Г. Короленко, А. П. Чехова, А. М. Жемчужникова, графа А. А. Голенищева-Кутузова, В. С. Соловьева, А. Ф. Кони.

7 июня — Указ Николая II о постепенном введении русского языка в делопроизводство великого княжества Финляндского.

12 июня — Указ Николая II об отмене ссылки на поселение в Сибирь. Государь, говорится в указе, решил «снять с Сибири тяжелое бремя местности, в течение веков наполненной людьми порочными».

1900—1901 — участие России в подавлении Ихэтуаньского восстания в Китае и оккупации Маньчжурии.

1900—1903 — издание ленинской газеты «Искра».

1900—1903 — промышленный кризис в России.

1901

14 февраля — убийство министра народного просвещения Н. П. Боголепова бывшим студентом П. Карповичем.

22 февраля — отлучение графа Л. Н. Толстого от церкви.

Май — забастовка на Обуховском заводе в Петербурге («Обуховская оборона»).

Отмена обязательности изучения греческого языка в гимназиях и сокращение преподавания латыни.

12 ноября — учреждение комиссии для всестороннего изучения вопроса об экономическом упадке центра в связи с условиями хозяйственной жизни других областей империи.

1901 (конец) — 1903 (начало) — образование партии социалистов-революционеров (эсеров).

1901—1902 — студенческие волнения в Москве, Петербурге, Казани, Харькове и других городах.

1902

19 февраля — монархическая манифестация к памятнику Александра II для совершения молебствия в день освобождения крестьян (свыше 50 тысяч рабочих).

Февраль—март — Батумская стачка и демонстрация.

Март — издание работы В. И. Ленина «Что делать?».

Март—апрель — крестьянские волнения в Полтавской, Харьковской, Воронежской и других губерниях.

2 апреля — убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина студентом-эсером С. В. Балмашевым.

Май — первомайская демонстрация в Сормове.

Май — казнь эсера С. В. Балмашева через повешение (первая за время правления Николая II).

Ноябрь — стачка рабочих в Ростове-на-Дону.

1903

6 апреля — еврейский погром в Кишиневе.

2 июня — Закон об установлении ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими.

10 июня — Закон о выборных фабричных представителях и старостах для их сношений с хозяевами предприятий и властями.

1—22 июля — всеобщая стачка в Баку.

Июль — торжественные дни преподобного Серафима Саровского в Саровской пустыни. Пребывание государя и членов императорской фамилии в Сарове 17—20 июля.

30 июля — учреждение наместничества на Дальнем Востоке.

Июль—август — II съезд РСДРП в Брюсселе — Лондоне; создание марксистской партии, принятие программы и устава партии.

Июль—август — всеобщая забастовка на Юге России.

Осень—подъем крестьянского движения на Кавказе и Украине.

Осень—образование Общества фабрично-заводских рабочих во главе с о. Георгием Гапоном.

1904

Январь — образование на учредительном съезде в Петербурге либерально-буржуазной группы «Союз освобождения».

Январь 1904—август 1905 — русско-японская война.

27 января — героическое сражение русского крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой у Чемульпо.

31 марта — гибель броненосца «Петропавловск», а вместе с ним и адмирала С. О. Макарова.

15 июля — убийство министра внутренних дел В. К. Плеве взрывом бомбы эсера Е. С. Созонова.

30 июля — рождение наследника цесаревича Алексея Николаевича.

11—21 августа — Ляоянское сражение (русских войск с японскими).

Сентябрь—октябрь — совещание в Париже оппозиционных и революционных партий России («Союз освобождения», польские националисты и др.).

Декабрь — Бакинская стачка нефтяников; заключение первого в России коллективного договора.

Декабрь 1904—май 1905 — издание в Женеве большевистской газеты «Вперед» под редакцией В. И. Ленина.

1905

1905—1907 — первая русская революция.

3—18 января — Путиловская стачка (7—8 января — всеобщая стачка) в Петербурге.

9 января — «Кровавое воскресенье» (расстрел петербургских рабочих, шедших с петицией к царю).

Январь—февраль — волна забастовок и демонстраций по всей стране.

4 февраля — убийство великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, взрывом бомбы эсера И. П. Каляева.

6—25 февраля — Мукденское сражение (русских войск с японскими).

18 февраля — Манифест Николая II, призывающий всех верных сынов отечества на борьбу с крамолой.

12—27 апреля — III съезд РСДРП в Лондоне.

17 апреля — Указ Николая II о веротерпимости.

12 мая—23 июля — Иваново-Вознесенская стачка; образование одного из первых Советов рабочих депутатов.

14 мая — выход в Женеве первого номера газеты «Пролетарий», центрального органа РСДРП, под редакцией В. И. Ленина.

14—15 мая — сражение у о. Цусима (русского флота с японским).

14—25 июня — восстание на броненосце «Потемкин».

22—24 июня — Лодзинское вооруженное восстание.

18 июля — совещание в Петергофе по поводу проекта Государственной думы.

31 июля — открытие в Москве Первого учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза.

Июль — выход в свет книги В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

6 августа — опубликование проекта закона об учреждении совещательной Государственной думы (Булыгинской).

23 августа — Портсмутский мир (России с Японией).

7 октября — начало Всероссийской политической стачки.

13 октября — первое заседание Петербургского Совета рабочих депутатов.

17 октября — Манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка» (провозглашал гражданские свободы, создание Государственной думы).

18 октября — убийство большевика Н. Э. Баумана мастеровым Михалиным.

20 октября — политическая демонстрация в Москве в связи с похоронами Н. Э. Баумана.

26—28 октября — Кронштадтское вооруженное восстание матросов и солдат.

31 октября — объявление военного положения в Царстве Польском.

27 октября—3 декабря — издание в Петербурге легальной газеты большевиков «Новая жизнь».

Октябрь — образование конституционно-демократической партии (кадеты).

Октябрь—декабрь — образование Советов рабочих депутатов в Москве, Киеве, Нижнем Новгороде, Одессе, Чите и других городах России.

8 ноября — возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию.

11—15 ноября — Севастопольское восстание моряков во главе с лейтенантом П. П. Шмидтом.

22 ноября — первое заседание Московского Совета рабочих депутатов.

Ноябрь — земский съезд, посвященный политическому и хозяйственному положению в России.

Организация в Москве монархической партии во главе с редактором «Московских ведомостей» В. А. Грингмутом.

Организация в Петербурге Союза русского народа во главе с доктором А. И. Дубровиным.

Возникновение партии октябристов — Союза 17 октября.

1 декабря — депутация к Николаю II представителей монархической партии, Союза русских людей, Союза землевладельцев.

5—9 декабря — совещание в Царском Селе о новом избирательном законе.

12—17 декабря — Первая Всероссийская конференция РСДРП в Таммерфорсе (Финляндия).

23 декабря — депутация к Николаю II представителей Союза русского народа. Принятие государем и наследником цесаревичем знаков Союза.

Декабрь — Декабрьское вооруженное восстание в Москве, Новороссийске, Перми, Чите, Харькове, Красноярске, Горловке, Нижнем Новгороде, Сормове, Ростове-на-Дону и других городах.

1905—1912 — военные реформы в России.

1906

Февраль (начало) — учредительный съезд Союза 17 октября.

20 февраля — Манифест Николая II, развивающий и конкретизирующий общие принципы, провозглашенные в Манифесте 17 октября 1905 года.

4 марта — публикация Временных правил о союзах и собраниях.

10—25 апреля — IV (объединительный) съезд РСДРП в Стокгольме.

23 апреля — издание Основных законов Российской империи.
Апрель — съезд конституционно-демократической партии.
27 апреля—8 июля — I Государственная дума.
7 июля — утверждение Николаем II новой финляндской конституции и нового избирательного закона.
9 июля — обращение депутатов распущенной I Думы к народу с призывом о пассивном неповиновении власти («Выборгское воззвание»).
17—20 июля — восстание матросов и солдат в Свеаборге.
19—20 июля — Кронштадтское восстание.
20 июля — восстание на крейсере «Память Азова» в Ревеле (Таллинне).
12 августа — покушение на председателя Совета министров П. А. Столыпина на его даче на Аптекарском острове.
19 августа — введение царским правительством военно-полевых судов.
Август 1906—ноябрь 1909 — издание нелегальной большевистской газеты «Пролетарий» (в Финляндии, Швейцарии, Франции).
9 ноября — Указ о выделении крестьян из общины на хутора; начало аграрной реформы П. А. Столыпина.

1907

20 февраля—2 июня — II Государственная дума.
30 апреля—19 мая — V съезд РСДРП в Лондоне.
3 июня — так называемый «третьеиюньский» государственный переворот; новый избирательный закон.
11 июня — съезд земских деятелей в Москве.
Август — русско-английское соглашение; окончательное оформление англо-русско-французского союза (Антанты).
1 ноября 1907—9 июня 1912 — III Государственная дума.

1908

Завершено производство ряда судебных дел, связанных с революцией и русско-японской войной: приговорены к каторжным работам социал-демократы II Думы за попытку создания революционной организации в армии; осуждены к тюремному заключению члены Крестьянского союза за пропаганду аграрных беспорядков в стране; закончился судебный процесс по делу о сдаче Порт-Артура и др.
Всеславянский конгресс в Праге (с участием членов Государственной думы).

1909

Январь — съезд объединенного дворянства, посвященный вопросам аграрной реформы в России.

Январь — разоблачение Е. Ф. Азефа, секретного сотрудника департамента полиции и одного из организаторов партии эсеров, руководителя многих террористических актов.

Март — вышел в свет сборник статей о русской интеллигенции «Вехи», в котором приняли участие: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк.

Май — вышла в свет книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

24 августа — издание правил, разъясняющих вопросы разграничения властей (верховное управление, Государственная дума, Государственный совет).

Ноябрь — поездка Николая II в Италию.

Осень — организация А. М. Горьким и А. В. Луначарским партийной школы на о. Капри (Италия).

1910

14 июня — Закон III Государственной думы об утверждении Указа 9 ноября 1906 года.

17 июня — Закон III Государственной думы о соотношении между Российской империей и Финляндией.

21 июня — подписание соглашения между Россией и Японией о сотрудничестве.

Август—октябрь — отдых Николая II с семьей в Германии, на родине императрицы (в Гессене, замок Фридберге).

22—23 октября — встреча Николая II и Вильгельма II в Потсдаме, на которой стороны обязались не поддерживать политики, направленной против интересов друг друга.

7 ноября — смерть Л. Н. Толстого на ст. Астапово (Рязанской губ.).

8—10 ноября — уличные шествия студентов в Петербурге, посвященные памяти Л. Н. Толстого, под лозунгом «Долой смертную казнь!».

Организация крайне левыми большевиками (группа «Вперед») партийной школы в Болонье (Северная Италия).

16 декабря — выход в Петербурге первого номера большевистской легальной газеты «Звезда».

Декабрь — создание Русско-Азиатского банка.

1911

11 января — распоряжение Совета министров о временном запрещении собраний в стенах высших учебных заведений.

Январь — ультиматум России Китаю в связи с ущемлением русских торговых прав и привилегий в Монголии.

14 марта — Закон о западном земстве.

6 августа — подписание русско-германского соглашения по персидским делам.

29 августа—1 сентября — торжества в Киеве по случаю открытия памятника императору Александру II.

1 сентября — смертельное ранение председателя Совета министров П. А. Столыпина Д. Богровым во время спектакля «Жизнь за царя» в городском театре в Киеве. Умер 5 сентября, похоронен 9-го в Киево-Печерской лавре.

1912

5—7 января — Шестая (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП.

4 апреля — Ленский расстрел.

22 апреля — выход первого номера большевистской газеты «Правда».

Апрель — первомайские стачки по всей России.

Июль — Туркестанское восстание саперов.

15 ноября 1912—6 октября 1917 — IV Государственная дума.

26 декабря 1912—1 января 1913 — Краковское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками.

1913

Январь — Первый Всероссийский учительский съезд в Петербурге.

21 февраля — начало торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых.

15—25 мая — поездка Николая II и царской семьи по вотчинным землям бояр Романовых (Владимир, Суздаль, село Боголюбово, Кострома, Ярославль, Ростов Великий).

1 сентября — выделение Холмщины, области с преобладающим русским населением, из состава Царства Польского (51-я губерния в Европейской России).

23 сентября—1 октября — Поронинское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками.

24 сентября—28 октября — судебный процесс по делу Бейлиса (Киев).

Участие русского студенчества в работе съезда мировой организации христианской молодежи (США).

Окончание строительства железной дороги Тюмень — Омск.

Романовская церковно-археологическая выставка в Чудовом монастыре в Москве.

Выставка древнерусского искусства Императорского Археологического института.

Движение за трезвеннический образ жизни.

1914

7—10 января — торжества по случаю 50-летия земства.

Январь — посмертная выставка картин В. А. Серова.

Май — начало всеобщей стачки рабочих Баку.

15 июня — убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараеве, столице Боснии.

7—10 июля — пребывание президента Франции Пуанкаре с дружественным визитом в России.

10 июля — ультиматум Австро-Венгрии правительству Сербии.

13 июля — демонстрация в поддержку Сербии в Петербурге.

15 июля — объявление Австро-Венгрией войны Сербии.

17 июля — всеобщая воинская мобилизация в России.

19 июля — объявление Германией войны России.

24 июля — объявление Австро-Венгрией войны России.

Июль — организация императрицей Александрой Федоровной лазарета в Царском Селе и большого склада белья в Зимнем дворце для войск, отправляющихся на фронт.

Стачки на Путиловском заводе в Петербурге и в других городах.

Июль—август — образование Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам и Всероссийского союза городов (Земский и Городской союзы, Земгор).

22 августа — введение сухого закона на все время войны.

4 августа—2 сентября — Восточнопрусская операция (русско-германский фронт).

5 августа—8 сентября — Галицийская битва (русско-австрийский фронт).

15 сентября—26 октября — Варшавско-Ивангородская операция (русско-германский фронт).

20 октября — объявление Россией войны Османской империи.

29 октября—11 ноября — Лодзинская операция (русско-германский фронт).

1 ноября — опубликование манифеста ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», написанного В. И. Лениным, за превращение империалистической войны в гражданскую.

Ноябрь — объединенная партийная конференция большевиков в Озерках (близ Петрограда), принявшая пораженческое воззвание к студентам.

Арест большевистской фракции Государственной думы — участников конференции в Озерках.

1915

Январь — организация комитета беженцев во главе с великой княжной Татьяной Николаевной.

2 февраля — Закон о принудительном отчуждении земель у выходцев из Германии и Австро-Венгрии в приграничном районе.

10 февраля — ссылка на поселение большевиков — депутатов IV Государственной думы за революционную агитацию (Г. И. Петровский, М. К. Муратов, А. Е. Бадаев, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов).

17 апреля — взрыв на Охтинском военном заводе (Петербург), изготовлявшем трубки для снарядов.

Май — массовое выселение евреев из Галиции и прилегающих к фронту русских областей.

27—29 мая — массовые беспорядки, грабеж и погром торговых и промышленных предприятий и частных домов и квартир в Москве, связанные с поисками германских и австрийских подданных.

Май—июль — образование «Особых совещаний» и военно-промышленных комитетов.

7—10 июня — конференция партии кадетов, принявшая резолюцию о замене правительства «министерством общественного доверия».

Август — возникновение так называемого «прогрессивного блока» буржуазно-помещичьих партий в IV Государственной думе. Учреждение «Особых совещаний» (по обороне; по обеспечению топливом; перевозке топлива, продовольствия и военных грузов; по продовольственному делу; по устройству беженцев).

18 августа — Московская городская дума приняла резолюцию о «правительстве, облеченном доверием страны».

23 августа — принятие Николаем II должности Верховного главнокомандующего; назначение великого князя Николая Николаевича наместником на Кавказе.

25 августа — «прогрессивный блок» принял программу с требованием приведения власти в соответствие с интересами общества.

5—8 сентября — Циммервальдская конференция интернационалистов с участием В. И. Ленина, осудившая империалистическую войну.

23 сентября — разрыв дипломатических отношений России с Болгарией, ведущей приготовления к нападению на Сербию.

Ноябрь — съезд правых организаций в Петрограде, высказавшийся за полное доверие власти и ведение войны до победного конца.

Декабрь — выход в свет журнала «Летопись» под редакцией А. М. Горького.

1916

24—30 апреля — Кинтальская международная конференция социалистов-интернационалистов, принявшая антивоенный манифест и призвавшая к всеобщей интернациональной борьбе против войны, за социализм.

22 мая—31 июля — наступление войск Юго-Западного фронта (Брусиловский прорыв).

Июль 1916—январь 1917 — антифеодальное и антиимпериалистическое восстание в Средней Азии и Казахстане.

Ноябрь — дворянский съезд в Петрограде, принявший резолюцию о «темных силах» в окружении государя и создании «министерства, пользующегося доверием страны».

29 ноября — заявление германского канцлера на заседании рейхстага о готовности Германии начать мирные переговоры.

12 декабря — приказ Верховного главнокомандующего по армии о ведении войны до окончательной победы «над врагом, дерзнувшим мыслить, что если от него зависело начать войну, то от него же зависит в любое время ее кончить...».

Ночь с 16 на 17 декабря — убийство Г. Распутина в особняке князя Ф. Ф. Юсупова в Петрограде.

Декабрь (вторая половина) — формирование Николаем II однородного, преданного государю кабинета министров; высочайшее повеление о назначении сенаторской ревизии учреждений, ведающих предоставлением отсрочек лицам, призывавшимся на военную службу.

1917

19 января — начало конференции государств — союзников в войне против Германии и Австро-Венгрии по выработке общего плана военной кампании в 1917 году.

Январь (конец) — арест членов рабочей группы военно-промышленного комитета за связь с революционными рабочими организациями и буржуазными противоправительственными силами.

Январь — открытие сезона «Дома песни» М. А. Олениной-д'Альгейм (меццо-сопрано) в Петрограде; публикация в «Русской мысли» начала новой поэмы А. Блока «Возмездие».

13—18 февраля — судебный процесс над И. Ф. Манасевичем-Мануйловым, сотрудником «Нового времени», тайным агентом департамента полиции, начальником канцелярии председателя Совета министров.

23 февраля — демонстрация петроградских работниц по призыву ЦК партии большевиков против голода, войны и царизма.

25—26 февраля — всеобщая забастовка рабочих Петрограда.

26 февраля — Указ Николая II о перерыве в работе Государственной думы.

27 февраля — победа Февральской буржуазно-демократической революции в России; свержение самодержавия; образование Временного комитета Государственной думы во главе с М. В. Родзянко; образование Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

28 февраля — выход первого номера газеты «Известия Петроградского Совета...» (официальный орган ВЦИК с октября 1917 года).

1 марта — образование Московского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Принятие приказа № 1 Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

2 марта — образование буржуазного Временного правительства в России; отречение Николая II от престола и подписание государем последних указов: о назначении генерала Л. Г. Корнилова командующим войсками Петроградского округа, князя Г. Е. Львова — председателем Совета министров, великого князя Николая Николаевича — Верховным главнокомандующим.

3 марта — возвращение Николая II из Пскова в Могилев (в Ставку).

4 марта — учреждение Чрезвычайной следственной комиссии для расследования деятельности бывших царских министров и сановников.

Создание буржуазно-националистической Центральной рады на Украине.

5 марта — возобновление выхода газеты «Правда».

8 марта — прибытие в Могилев членов Государственной думы для сопровождения Николая II в Царское Село; составление Николаем II прощального обращения к войскам; объявление Николаю II о его аресте; содержание семьи императора под стражей в Царском Селе.

3 апреля — возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Петроград.

4 апреля — доклад В. И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» (Апрельские тезисы) на собрании большевиков.

15 апреля — выход первого номера большевистской газеты «Солдатская правда».

18 апреля — нота министра иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкова правительствам союзных стран о продолжении войны до победного конца.

20—21 апреля — демонстрация рабочих и солдат в Петрограде с требованием отставки Милюкова; первый кризис Временного правительства.

24—29 апреля — Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) в Петрограде.

Апрель — начало организации Красной гвардии.

4 мая — открытие I Всероссийского съезда крестьянских депутатов в Петрограде.

5 мая — образование первого коалиционного Временного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым.

3—24 июня — I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде.

18 июня — начало наступления войск Юго-Западного фронта; массовые антивоенные демонстрации рабочих в Петрограде, Москве и других городах.

4 июля — демонстрация рабочих, солдат и матросов в Петрограде; расстрел демонстрации войсками буржуазного Временного правительства. Конец двоевластия.

7 июля — приказ Временного правительства об аресте В. И. Ленина.

24 июля — сформирование второго коалиционного Временного правительства под председательством А. Ф. Керенского.

26 июля—3 августа — VI съезд РСДРП(б) в Петрограде.

1—6 августа — перевод Николая II и его семьи из Царского Села в Тобольск.

12—15 августа — «Государственное совещание» в Москве.

12 августа — всеобщая забастовка московских рабочих.

25—30 августа — контрреволюционный мятеж генерала Л. Г. Корнилова; ликвидация мятежа Красной гвардией, революционными солдатами и матросами под руководством большевиков.

31 августа — переход Петроградского Совета на сторону большевиков.

1 сентября — образование Директории во главе с А. Ф. Керенским; провозглашение России республикой.

5 сентября — переход Московского Совета на сторону большевиков.

11—22 сентября — «Демократическое совещание» в Петрограде; постановление об организации Предпарламента.

25 сентября — образование третьего коалиционного Временного правительства во главе с А. Ф. Керенским.

7 октября — нелегальный приезд В. И. Ленина из Выборга в Петроград.

10 октября — заседание ЦК партии большевиков; принятие резолюции В. И. Ленина о подготовке вооруженного восстания в порядок дня; создание Политического бюро во главе с В. И. Лениным.

12 октября — создание в Петрограде Военно-революционного комитета — штаба вооруженного восстания.

16 октября — расширенное заседание ЦК партии большевиков, принявшее резолюцию В. И. Ленина о подготовке вооруженного восстания; избрание партийного Военно-революционного центра по руководству восстанием.

24—25 октября — победа Октябрьской социалистической революции; установление советской власти в Петрограде; обращение Военно-революционного комитета «К гражданам России!».

25—27 октября — II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде; принятие Декрета о мире и Декрета о земле; образование СНК под председательством В. И. Ленина; избрание ВЦИК.

25 октября — начало мятежа Керенского — Краснова и контрреволюционного выступления атамана А. М. Каледина на Дону.

26 октября — арест буржуазного Временного правительства в Зимнем дворце.

29 октября — Декрет СНК о введении 8-часового рабочего дня.

29 октября — ликвидация юнкерского мятежа в Петрограде, организованного контрреволюционерами под флагом «Комитета спасения родины и революции».

1 ноября — ликвидация контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова под Петроградом.

2 ноября — принятие СНК «Декларации прав народов России».

8 ноября — избрание Я. М. Свердлова председателем ВЦИК.

10 ноября — Декрет ВЦИК об отмене сословий и гражданских чинов.

11—25 ноября — Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов в Петрограде.

14 ноября — принятие ВЦИК положения о рабочем контроле.

20 ноября — ликвидация Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве; начало переговоров в Брест-Литовске о перемирии между Советской Республикой и странами германского блока; обращение СНК «Ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока».

22 ноября — Декрет СНК об организации судов на основе демократических выборов и об учреждении революционных трибуналов.

2 декабря — Декрет ВЦИК и СНК об организации ВСНХ; подписание перемирия с Германией в Брест-Литовске.

7 декабря — постановление СНК об организации ВЧК во главе с Ф. Э. Дзержинским.

11—12 декабря — I Всеукраинский съезд Советов в Харькове; образование Украинской Советской Республики.

14 декабря — Декрет ВЦИК о национализации банков.

16 декабря — декреты СНК о демократизации армии.

18 декабря — Декрет СНК о признании государственной независимости Финляндии.

1917 — декреты Советской власти об учреждении Наркомата просвещения во главе с А. В. Луначарским, о печати, об организации Государственного издательства.

1918

5 января — созыв Учредительного собрания в Петрограде.

6 января — Декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания, отказавшегося признать советскую власть и ее декреты.

7—14 января — I Всероссийский съезд профсоюзов в Петрограде.

10—18 января — III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Петрограде.

12 января — принятие «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

15 января — Декрет СНК об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

20 января — Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви.

21 января — принятие ВЦИК Декрета об аннулировании государственных внутренних и внешних займов.

24 января — Декрет СНК о введении календаря нового стиля с 14 февраля 1918 года.

29 января — Декрет СНК об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота.

Январь — февраль — ликвидация контрреволюционных мятежей атаманов А. М. Каледина (на Дону) и А. И. Дутова (на Южном Урале).

Январь—март — оккупация Бессарабии боярской Румынией.

17 февраля—2 мая — Ледовый поход Балтийского флота (перевод кораблей из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт[1].

18 февраля — начало наступления австро-германских войск на Советскую Россию.

19 февраля — опубликование Основного закона ВЦИК «О социализации земли».

22 февраля — опубликование воззвания СНК «Социалистическое отечество в опасности!».

23 февраля — День Красной Армии (в честь отпора кайзеровским войскам под Псковом и Нарвой).

1 марта — захват Киева кайзеровскими войсками.

3 марта — подписание Брестского мира, выход России из первой мировой войны.

6—8 марта — VII съезд РКП(б) в Петрограде; переименование РСДРП(б) в РКП(б).

9 марта — высадка английских войск в Мурманске.

10—11 марта — переезд Советского правительства из Петрограда в Москву (с 12 марта — столица Советской Республики).

14—16 марта — Чрезвычайный IV Всероссийский съезд Советов в Москве; ратификация Брестского мирного договора.

Март — провозглашение советской власти на Северном Кавказе II съездом народов Терека в Пятигорске.

12 апреля — Декрет СНК «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» («О памятниках республики»), положивший начало ленинскому плану монументальной пропаганды.

22 апреля — Декрет СНК о национализации внешней торговли. Декрет ВЦИК об обязательном всеобщем воинском обучении (Всевобуч) для рабочих и трудящихся крестьян от 18 до 40 лет.

---

[1] С 17 февраля 1918 г. все даты — по новому стилю.

26—30 апреля — перевод Николая II и его семьи из Тобольска в Екатеринбург, в дом купца Ипатьева.

28 апреля — опубликование статьи В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти».

30 апреля — провозглашение Туркестанской АССР.

Апрель — высадка во Владивостоке японских и английских интервентов.

2 мая — Декрет СНК «О национализации сахарной промышленности» (*первая национализация целой отрасли промышленности*).

13 мая — Декрет ВЦИК и СНК «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими».

25 мая — начало антисоветского мятежа чехословацкого корпуса.

29 мая — Декрет ВЦИК о переходе к всеобщей мобилизации в Красную Армию.

8 июня — захват белогвардейцами и интервентами Самары; создание в Самаре белогвардейско-эсеровского правительства — Комитета членов Учредительного собрания (Комуч).

11 июня — Декрет ВЦИК об организации комитетов деревенской бедноты (комбедов).

23 июня — создание в Омске контрреволюционного Временного сибирского правительства.

28 июня — Декрет СНК о национализации всей крупной промышленности и предприятий железнодорожного транспорта.

29 июня — захват белогвардейцами и интервентами Владивостока.

4—10 июля — Пятый Всероссийский съезд Советов в Москве; принятие первой советской Конституции — Конституции РСФСР.

6—7 июля — левоэсеровский мятеж в Москве.

6—21 июля — ярославский антисоветский мятеж.

Ночь с 16 на 17 июля — расстрел Николая II и его семьи в Екатеринбурге, в подвале дома Ипатьева, по решению Уральского областного Совета, санкционированному ВЦИК.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай II. *Биографическая статья* 5

И. Д. Сургучев. ДЕТСТВО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II
Повесть 15

Д. Вонляр-Лярский. ГРЕХ У ДВЕРИ (Петербург). *Роман* 99

Л. Г. Жданов. НИКОЛАЙ РОМАНОВ — ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ
Исторические наброски 265

Комментарии 464
Хронологическая таблица 506